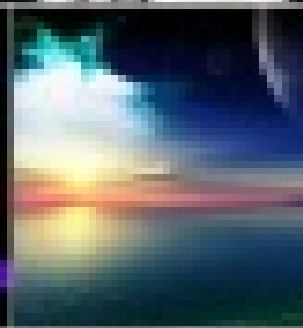

Elmiera

Десятки тысяч лет тому назад Эннера была одним из процветающих и высокоразвитых миров, входивших в Содружество Вселенных. Теперь от бывшего могущества остались живописная планета и лишённые каких-либо паранормальных способностей потомки расы доа, проживающие в закрытом Сферой мегаполисе Бэар. Да и остальным мирам-членам Содружества, таким, как Актарион, уже нечем похвастать. И только вечность атради и Тмиора кажется незыблемой. Но так ли это на самом деле?

Глава 1

В баре почти не осталось свободных мест, но народ продолжал прибывать. Около стойки давно образовалась толпа, вспотевший, покрасневшийся бармен едва успевал обслуживать посетителей. Удивительно, как он не ошибался, выхватывая протянутые мятые купюры и рассовывая стаканы с выпивкой. Впрочем, вряд ли парнишка проработал бы здесь долго, если бы хоть раз что-то напугал. На его место сразу нашлось бы десятка два таких же мускулистых молодцев, посчитавших за счастье обслуживать клиентов «Нольда». Недаром он считался лучшим в Бэаре. И единственным, где свободно продавали что-то покрепче сока.

Адан посмотрел на входную дверь.

Сам виноват. Должен был предвидеть, что так и случится. Женщины никогда не приходят вовремя. Даже на встречу со своим адвокатом.

Он еле слышно выругался, вытаскивая из кармана куртки отсыревшую пачку, со злостью бросил её на стол. Мало того, что клиентка задерживается, так ещё и сигаретам каюк. Надо будет всё-таки проехаться в тот магазин. Пусть объяснят, почему новый, встроенный в салон автомобиля фильтр впитывает влагу, как губка, когда должен выполнять совершенно противоположную функцию.

И зачем только согласился прийти? Обговорить детали можно и в офисе, вовсе не обязательно тащиться на другой конец мегаполиса. Вдобавок, как последний кретин, спешил, маневрируя между уровнями. Хорошо не впечатался в чей-нибудь зад, иначе добрую половину причитающегося гонорара пришлось бы выложить в штрафной отдел. С другой стороны, успел занять чуть ли не последний свободный столик в основном зале. А то могло быть ещё веселее...

Пожалуй, это единственный положительный момент за весь сегодняшний день. Об остальном лучше не думать, успокаивая себя мыслями о завтрашнем выходном. Наконец-то за долгую неделю он отоспится. Потом...

Нет, никаких потом. Сначала выспаться. Только все это будет завтра, а сейчас ужасно хотелось курить.

Адан поискал глазами официантку, снова выругался — шумная пьяная компания, только что вваливавшаяся в бар, закрывала обзор. Он опять посмотрел на вход. На этот раз весьма кстати, потому что клиентка (её имя, как назло, Адан не запомнил) как раз вошла внутрь и нерешительно остановилась на верхней ступеньке. На красивом лице — то же встревоженное выражение, что и утром в офисе. Только вместо делового костюма — широкие серые брюки и фиолетовая прозрачная блузка, а светлые волнистые волосы свободно спадали на плечи.

Адан приподнялся и помахал рукой, чтобы привлечь её внимание. Но, почувствовав сильное головокружение, резко опустил обратно на стул. Удушающий запах заставил закашляться, помещение поплыло перед глазами, сменяясь темнотой.

А потом тишина... Абсолютная.

Странное ощущение. Ни голосов, ни звуков, ни запахов. Все исчезло: бар, люди, клиентка.

Адан попытался открыть глаза, но веки ни в какую не желали разлипаться. Когда, наконец, удалось, ничего ровном счётом не изменилось. Темнота и тишина.

Он пошевелился, машинально касаясь руками всего, до чего мог дотянуться. Оказалось,

что по-прежнему сидит на стуле, но стола рядом уже не было. Ни спереди, ни сбоку, ни сзади. Вместе с ним исчезли промокшая пачка и вставленная в неё зажигалка.

— Отлично... — выдохнул Адан. Сигарет не жаль, а вот свет бы сейчас пригодился.

Голова болела. Хотя и не сильно, но ощутимо. Наверное, ударился, когда потерял сознание... Стоп! Что значит, потерял сознание? С какой стати ему, здоровому тридцатилетнему мужику, падать в обморок?

Адан не успел придумать ответ: послышался странный звук, неожиданно громкий и чёткий. Словно в нижнем зале кто-то двигал стулья по деревянному полу.

Кто? И почему в темноте?

Может, не заметили, как он упал? Закрыли бар, посетители разошлись, а служащие заканчивают убираться внизу. Хотя нет, что значит, не заметили? Не могли не заметить!

Продолжать сидеть в темноте не имело смысла. Надо как-то добраться до выхода, а если дверь закрыта, попытаться спуститься вниз, там, наверняка, есть чёрный вход.

Адан встал, сделал несколько торопливых, неосторожных шагов и моментально налетел на что-то... Судя по всему, на стул. Он остановился и, тихо выругавшись, потёр колено. Снизу донёлся грохот, потом наступила тишина, и снова шум, будто на пол уронили что-то тяжёлое. Следом послышался звон разбитого стекла.

Адан нахмурился. На всякий случай вытянул руки и медленно пошёл вперёд. Где-то рядом находилась лестница. Он точно её видел, когда пришёл. Но сейчас, в крошечной темноте, ничего не смог разглядеть.

Свет вспыхнул в тот самый момент, когда Адан уже нащупал узкие металлические перила и почти сделал первый шаг вниз. Хорошо, не успел, иначе летел бы кубарем по ставшей винтовой лестнице.

В первый миг тусклые лампы на стенах показались бьющими в глаза софитами, через секунду их света уже стало недостаточно даже, чтобы полноценно рассмотреть помещение. Но кое-что заметить удалось сразу.

Первый этаж оказался широким балконом, с двумя рядами круглых столиков и беспорядочно расставленными стульями. Барная стойка, за которой ещё несколько мгновений назад орудовал шустрый бармен, теперь терялась в темноте. Даже, когда глаза привыкли, Адан не мог высмотреть её, как ни старался, и тогда глянул вниз.

Лестница располагалась с краю, примерно посередине балкона, и спускалась к квадратному танцполу, в центре которого высилась, упираясь макушкой в потолок, искусственная пальма. Единственные яркие пятна — стойки внизу, в противоположных концах громадного зала: стекло, зеркала, гранёные бутылки с разноцветной жидкостью, наверняка спиртным — прямо искрились под слепящим светом ламп. А дальше — полумрак, где с трудом угадывались столики и какое-то движение. Там явно кто-то был.

Торопливо спустившись, Адан остановился и огляделся. Надо же! Никогда бы не подумал, что заведение спланировано именно так. Он редко здесь бывал и всякий раз усаживался за столиком наверху. Считал, что нижний этаж — обычный, подвальный и поэтому более душный и прокуренный. Теперь с удивлением отметил, что тут гораздо уютней.

Смущало, что бар совершенно пуст. Ни персонала, ни посетителей. Хотя включили свет, и там, в глубине между столиками, точно кто-то шевелился. Или показалось?

Несколько секунд он простоял, не двигаясь и пытаясь сообразить, как лучше поступить в сложившихся обстоятельствах. Наверное, стоит вернуться обратно наверх, отправиться

домой, а уже потом, выспавшись, разбираться, что случилось. Может, даже заскочить к врачу. Обморок — достойная причина задуматься о здоровье... Сколько вообще времени он пролежал без сознания, раз все успели разойтись?

Адан собрался посмотреть на часы, но в полумраке снова кто-то зашевелился. На этот раз движение сопровождалось чем-то похожим на вздох или тихий стон.

Он решительно шагнул вперёд.

— Кто здесь?

Ответа не последовало, но шорох прекратился.

Адан затаил дыхание, прислушался, вглядываясь в темноту и пытаясь угадать направление звука, потом резко повернулся и увидел в нескольких шагах от себя девушку. Длинные тёмные волосы, несуразные брюки чуть ниже колена то ли красного, то ли бордового цвета, нелепо съехавшая на бок светлая футболка. Незнакомка застыла, словно выжидая. Кажется, она боялась даже дышать. В полумраке Адан не мог разглядеть её лица, но вся поза, заметное напряжение в теле, делали знакомку похожей на зверька, которого застал врасплох хищник.

Хищником он себя не считал, поэтому с улыбкой шагнул вперёд.

— Привет, — глаза у неё оказались черные, блестящие и испуганные. Губы плотно сжаты, будто она едва сдерживала крик. Адан понимал — одно неосторожное движение или слово, и девушка сорвётся. Кто его знает, чем тогда все обернётся. Мелкие зверьки в панике способны на удивительные вещи. — Не знаешь, куда все подевались?

— Все? — изумлённо переспросила она. — И много вас здесь?

— Не знаю, — Адан старался, чтобы голос звучал как можно дружелюбнее. — Я был наверху... Потом... Свет погас, а теперь никого...

— Ты кто?

— Я? — переспросил он. Задумчиво потёр переносицу. Простой вопрос, но Адан не знал, что ответить. И, чувствуя на себе тяжёлый взгляд, отвечать не собирался. — А ты кто?

За спиной послышался стук каблуков.

— О, — произнёс знакомый женский голос. — А где же гости?

Адан резко обернулся. Ещё одна девушка, на которой вдвое меньше одежды, чем на первой. Рыжая, в лёгком светло-голубом платье, едва доходившим до колен и подчёркивающим стройные ноги.

— Гости?.. — удивлённо переспросил он. — Хотел бы я сам знать, где все.

Происходящее в баре определённо не нравилось. Сначала непонятный обморок, потом исчезнувшие люди. Всё это заставляло задуматься, только разумного объяснения не находилось. Адан решительно направился обратно к лестнице.

— Уходишь? Ну и ладно, — донёсся вслед разочарованный голос рыжей. — Нам больше достанется... Я — Роми, — это она, надо полагать, уже сказала брюнетке. — Ты чем травиться предпочитаешь?

Не самый удачный вопрос. Адан представил, как и без того бледное лицо той в ужасе становится ещё блее, и всё-таки не удержался, оглянулся.

Брюнетка по-прежнему стояла в стороне. Казалось, за все это время она не пошевелилась. Рыжая по-хозяйски орудовала за стойкой, изучая этикетки на бутылках.

— Ну так? Что пить будешь? — она явно чувствовала себя, как дома, и ей хотелось праздника. Вот и прекрасно. Вот и пусть ищет подходы к испуганным зверькам.

Адан продолжил подниматься.

На втором этаже все так же не хватало света, но дверь он мог найти и в темноте, помнил, где она. Главное, не налетать на стулья и не расшибить себе лоб...

Что-то не так. Адан замер, не сделав и десяти шагов. Судорожно сглотнул, нахмурился. Что-то было... по-другому? Иначе?

Ещё через мгновение стало ясно, что именно.

— А где дверь? — он скользнул взглядом по гладким деревянным стенам, по невразумительным картинам, расположенным там, где совсем недавно находились высокие окна, сквозь которые виднелись светящиеся неоновые рекламные вывески. Снова — по столам, стульям... По выключенным светильникам на стенах. Себе под ноги.

Все было чужое. ЧУЖОЕ! То есть совсем.

Разум радостно принялся подбрасывать подходящие случаю объяснения, но Адан уже понимал — себя не обмануть. Дело вовсе не в том, что он редко бывал в этом баре и раньше не очень присматривался к обстановке. Не в том, что ударился головой, получил себе лёгкое сотрясение и дезориентацию. Постояв ещё несколько секунд, он кинулся обратно вниз.

Рыжая девица все-таки уболтала вторую девушку сесть, но не расслабиться: та все так же прислушивалась к каждому звуку и оглянулась, едва он сошёл с последней ступеньки.

— Вот, как ты просила, покрепче, — рыжая поставила на стойку стакан, полный льда, плеснула в него янтарной жидкости. Себе намешала чего-то ярко-красного и теперь потягивала через трубочку. — Пробуй. Добавки всегда найдём.

— Сегодня мне хорошо уже без добавки, — буркнула вторая девушка. Послушно придвинула к себе предложенный коктейль, отпила. Морщась, вернула стакан на стойку.

— Бармен из меня никудышный, я предупредила. Но рука лёгкая... — рыжая девица улыбнулась Адану. — Решил присоединиться? А мы как раз...

— Послушайте, — перебил он. — Двери нет!

— Где — нет?..

— Там, — Адан кивнул наверх.

— А раньше была?

— Была, — он усмехнулся, представив, как выглядит со стороны. — Не важно. Наверное, где-то есть ещё одна. Пойду, поищу.

Он устремился вглубь бара. Ощущение, что что-то не так, что-то совершенно не так, только усиливалось.

— Не помню я никакой двери наверху, — донеслось вслед. — А ты помнишь?

Что ответила брюнетка, Адан не расслышал.

Рядом со второй стойкой обнаружилась кухня: шкафы, металлические столы, огромный холодильник в углу и ни души. Чисто, тихо. Ничего интересного.

Он вернулся в зал и направился в противоположный конец мимо беседующих девушек.

В этой части практически ничего не было видно, но слабого света от софитов танцпола хватило, чтобы разглядеть в полумраке две одинаковые двери. Одна вела в маленький коридорчик, где располагались туалеты. Вторая, находившаяся чуть в стороне, оказалась запертой.

Адан подёргал за широкую металлическую ручку — безрезультатно. С сожалением посмотрел на неё — прочная, из цельного дерева, такую плечом не вышибешь. Но зато дверь все-таки нашлась. И даже не одна.

Он прислонился к стене. Зажмурился, сжимая пальцами виски. В отличие от пропавшего выхода на втором этаже его головная боль никуда не исчезла. Может, их троих

случайно заперли в «Нольде»? Не заметили, когда остальные посетители разошлись, быстро все убрали и ушли?

Бред... Куда, в таком случае, подевалась дверь наверху? Неужели, и ремонт успели сделать?

Ага, как же.

Рациональное объяснение мозг давать отказался, поэтому Адан просто отмахнулся от этой мысли. Сейчас самое главное — как-то выбраться. Найти запасной ключ или что-то, чем можно взломать замок.

Он развернулся, направился обратно к стойке. Девушки продолжали переговариваться, точнее, говорила в основном рыжая. Что-то рассказывала, широко улыбаясь и размахивая руками.

— Я — Мира, — нарушила молчание её собеседница, когда он поравнялся с ними. Тихо спросила, обращаясь к нему: — Ты помнишь, как сюда попал?

— Да, — Адан кивнул и остановился.

— Понятно, — пробормотала она. Покрутила в руках пустой стакан, исподлобья взглянула на рыжую девицу. — А ты?

Прищурившись, та пристально посмотрела на них. Потом хмыкнула с едва уловимым удивлением, пожала плечами и принялась рассматривать бутылки, периодически нюхая их содержимое:

— Внутри я попала, как все нормальные люди — через дверь.

— У тебя есть ключ? — спросил Адан.

— Ключ? — рыжая выбрала непрозрачную пузатую белую бутылку с пальмами на этикетке. Отпила прямо из горлышка. — С чего вдруг?

Он решил не тратить время на вопросы. Молча приблизился, взял со стола её сумочку и вытряхнул содержимое на стойку. Ключа там не было.

— Доволен? — она, не глядя на них, сгребла всё со стола, запихнула обратно. Развернулась, явно намереваясь уйти.

— Не так быстро, — Адан успел схватить её за плечо раньше, чем она успела сделать шаг.

Рыжая резко обернулась, не больше секунды смотрела в упор и, кажется, что-то сказала. Померещилось вдруг, что её глаза на мгновение изменили цвет, а лицо побледнело. Он не успел разобрать — на него будто дохнуло холодным воздухом.

Ещё через миг Адан почувствовал, что парит в воздухе. Нелепо взмахнул руками, попытался поднять голову, но не смог. Яркий свет софитов на секунду вспыхнул и погас, сменяясь темнотой.

— Господин Свир, — женский, чуть с хрипотцой голос настойчиво повторил его имя.

Адан хотел пошевелиться, но не получилось. Тогда попытался открыть глаза, но и это оказалось непосильной задачей.

— Уже пятнадцать минут в отрубе, — откуда-то сбоку констатировал недовольный баритон.

— Наверное, лучше позвать врача, — предложил уже знакомый женский голос.

— Мне не нужны проблемы, — рядом двинули стул. Какой-то шорох, снова заговорил мужчина: — Поймите правильно. В баре полно народу. Если приедет скорая, то следом-полиция, и начнется переполох. Мне это не нужно. Поэтому будет лучше, если сами отвезете вашего приятеля к врачу.

— Вообще-то, он- не мой приятель. Я его почти не знаю. Мы договорились встретиться, чтобы...

— Подробности меня не интересуют. Если хотите, я прикажу ребятам отнести его в вашу машину. Не согласны, пусть лежит здесь, пока не очухается.

— Но...

— Врача в моем баре не будет, — следом послышался звук шаркающих ног.

Хлопнула дверь, и шаги стихли.

Адан снова попытался пошевелиться. На этот раз успешно. Хотя и с огромным трудом, но удалось разлепить тяжелые веки.

Первое, что увидел- обеспокоенное лицо склонившейся над ним клиентки. Фиолетовая блузка с закрытым воротом и яркий макияж подчеркивали бледность, придавая коже какой-то неестественный, мертвый оттенок.

— Господин Свир, — дрожащие губы скривились в вымученной улыбке. — Как хорошо, что вам лучше. Я уже не знала, что и думать, — она выпрямилась и прижала к груди сцепленные в замок руки.

Адан благодарно улыбнулся, чтобы не отвечать. Слегка приподнялся на локтях и огляделся.

Он лежал на небольшом сером диванчике у стены. Напротив находился изогнутый металлический письменный стол и кресло с высокой спинкой тоже серого цвета. Окон не было, только пустые стены, выкрашенные под серебристый мрамор. Наверное, личный кабинет владельца.

— Как вы себя чувствуете? — клиентка заботливо коснулась его плеча, прерывая поток бессвязных мыслей.

Адан перевел на неё растерянный взгляд.

— Что со мной случилось? — каждое слово давалось с трудом, как будто разучился разговаривать.

— Не знаю, — она покачала головой. — Когда я пришла, даже не сразу вас увидела. Потом заметила, как вы помахали рукой. И вдруг поканулись... Упали на пол. Я подбежала, попробовала привести вас в чувство, но бесполезно. Вы не реагировали, поэтому вас отнесли сюда.

Такого с ним никогда не было. Серьезно болен или обычное переутомление? Скорее, последнее. В конце концов, он не железный. Столько работать без отдыха... Надо будет обязательно заскочить как-нибудь к доктору Фью. Все же потеря сознания- достойная причина задуматься о здоровье... Стоп.

Адан нахмурился. Стойкое ощущение дежавю усиливалось. Все это уже было, не хватало только тех девиц. Может, они остались снаружи? Или всё ещё внизу, у стойки? Тогда откуда здесь клиентка? Ведь он же поднимался наверх, никого не обнаружил. Даже дверь исчезла.

Адан осторожно сел, пытаясь вспомнить всё, что случилось. Неужели, приснилось? Но он не спал, а потерял сознание. Именно так, как рассказала клиентка — прямо за столиком. Почувствовал какой-то запах... Резкий, от которого невозможно дышать. Потом точно пришёл в себя и вовсе не в этой комнате, а в баре. Было темно, затем почти сразу включили свет, и он смог спуститься на нижний этаж, где встретил брюнетку, а потом рыжую. А дальше...

— Если вам уже лучше, мы можем поговорить о моем деле?

— Деле? — переспросил Адан и непонимающе уставился на неё.

— Ну да, — неуверенно кивнула клиентка. — Помните, утром, мы же договорились...

— Простите, — перебил он, поднимаясь с дивана. — В данный момент я вряд ли смогу вас внимательно выслушать. А тем более, что-то дельное посоветовать. Давайте встретимся завтра. У меня в офисе или где пожелаете, но сейчас... Мне лучше отправиться домой. Я вам позвоню.

***

Симпатичный незнакомец едва коснулся оголённого плеча рыжеволосой девицы, назвавшейся Роми, и сразу же отлетел на несколько метров назад. А потом исчез. Растворился прямо в воздухе.

Мира судорожно вздохнула, дёрнулась к лестнице. Вспомнив, что говорил исчезнувший молодой человек про дверь, остановилась и испуганно уставилась на Роми. Внутренний голос приказывал бежать. Неважно куда, просто побыстрее и подальше. Но Мира не могла пошевелиться. Ноги будто налились свинцом, не желали слушаться, а мозг лихорадочно соображал.

Знала ведь, что не надо было соглашаться на предложение Таль, и всё равно дала себя уговорить. А теперь заперта в баре с очередной Способной, и неизвестно, чем всё закончится на этот раз.

— Не вижу смысла ломать комедию, — проговорила Роми. — Мне очень жаль, что всё так...

Удивлённой она не выглядела, испуганной тоже. Улыбалась, как ни в чём ни бывало, но угрозу, что исходила от неё, это замаскировать не могло.

— В каком смысле... жаль?

— У тебя ведь есть жизнь? Там... — Роми неопределённо махнула рукой.

Мира кивнула.

— Ну вот... Всегда жаль, когда оказываешься не готов к переменам... — она скользнула взглядом по стенам, по рядам бутылок на полках. Потом села на высокий стул, закинула ногу на ногу, локтём оперлась о барную стойку. — Дурацкий антураж...

— Куда ты его дела? — Мира на всякий случай сделала шаг назад.

— Кого?.. — казалось, Роми не сразу поняла. — А! Не волнуйся, он к переменам готов.

— Каким ещё переменам? — разозлилась она. Складывалось впечатление, что та специально говорит загадками.

— А ты не догадываешься? — вот теперь Роми, кажется, удивилась. — Откуда ты такая взялась?..

— Не твоё дело, — огрызнулась Мира. Развязная девица больше не пугала, а лишь раздражала с каждой секундой все сильнее. — Выпусти меня отсюда. Имей в виду, мне плевать, что ты там умеешь...

— Сядь! — рывкнула Роми таким тоном, что Мира невольно попятилась. Не удержавшись, плюхнулась на стул у ближайшего столика. — И не дёргайся! До сих пор не понимаешь, где ты?

— А что я должна понимать? — она покосилась на неё, слегка передёрнула плечами. — Чего раскомандовалась? Сядь! — передразнила Мира. — Ну, села. Дальше что? Кто ты вообще, такая?

— Меня зовут Ромиль Эннавара. Сегодня я — смотритель атради. Это тебе тоже ни о чём не говорит?

— Представь себе — нет. А должно? — она нахально улыбнулась.

— Должно?.. — переспросила Роми. Качнула головой. — Нет. Но большинству — сказало бы, — она шумно выдохнула. — Фантастика... Ну почему повезло именно мне...

— А давай просто пойдём по домам и забудем обо всем, а? — Мира поднялась, кивнула на дверь. — Ты меня выпускаешь, я уйду, и все довольны.

Роми прищурилась, в мгновение ока очутилась рядом.

— Так и будет, — шепнула она, прикоснувшись ладонью к щеке Миры. — Так и будет...

Её обдало холодом. Ноги снова отказались держать, и в последний момент Мира почувствовала, что падает. А потом словно кто-то резко выключил свет.

Буквально через секунду, даже меньше, где-то наверху в крошечной темноте раздался взрыв.

Ещё через мгновение наступила тишина.

Мира очнулась, лёжа на траве. Осторожно приподнялась на локте, огляделась.

Бар исчез. Вокруг розовая лужайка, голубое солнце, оранжевое небо. Кажется, она снова в родном Актарионе. Всё, как всегда, всё в норме. Смущали только несколько вопросов, ответа на которые не было. Например: как она здесь оказалась?

Встать получилось далеко не с первого раза. Хотя «получилось» — понятие растяжимое. Едва Мира выпрямилась, как со всех сторон послышался протяжный вой сирен. Мужчины в красных комбинезонах — санитары Первой помощи, подхватили под руки и практически силой уложили обратно на траву. Зачем-то принялись осматривать, ощупывать, что-то измерять приборами, о назначении которых приходилось догадываться. Её вопросы либо не слышали, либо игнорировали, удивлённо о чем-то перешёптываясь между собой. Наконец, все разошлись, и рядом остался только один из них.

— Что случилось? — в десятый раз за последние две минуты спросила его Мира.

— Тебе повезло, вот что случилось, — философски изрёк он, закрывая чемоданчик с приборами и поднимаясь с колен. — Хотя все относительно.

Что санитар имел в виду, она не поняла, но уточнить не успела. Как только он отошёл, к ней тут же подскочил худощавый мрачный полицейский и устроил допрос с пристрастием. Попытки объяснить, что ничего не помнит, оставались без внимания. Но зато хотя бы удалось приблизительно понять, что же произошло.

Оказалось, таксилёт, на котором летела, взорвался прямо в воздухе. Остатки рухнули в пруд в паре сотен метров отсюда, водитель погиб, а она не просто выжила, но совершенно не пострадала. Последнее обстоятельство очень беспокоило хмурого полицейского, о чём он неоднократно сообщил, щурясь и пристально вглядываясь в глаза. Значит, ещё один Способный на её голову... Небось, пытается прочесть мысли.

Мира хмыкнула. Ну-ну, зря старается.

Разговор пошёл по третьему кругу, когда он потребовал никуда не уходить и переключился на немногочисленных свидетелей взрыва.

Мира села и огляделась. С трудом верилось, что несколько минут здесь никого не было. Лужайка теперь смахивала на Центральную площадь в День Независимости Актариона. Вокруг собралась толпа зевак, автолёты разных цветов и моделей бесшумной вереницей опускались на дорогу. Наверняка совсем скоро сюда притащатся журналисты.

Что теперь делать — Мира не знала. С неудовольствием заметила, что требование остаться на месте совершенно излишне — по периметру газона уже выставили лазерное ограждение. Захочешь уйти, не выйдет. Только становиться звездой выпусков новостей в

планы не входило, как, впрочем, провести остаток дня в камере предварительного заключения, доказывая, что хоть и не помнит ничего, но взрывать таксилёты — точно не её хобби.

Вот так вляпалась...

— Помощь нужна? — когда рядом на траву успел усесться незнакомый молодой человек, она не заметила.

— Нужна, но на адвоката у меня нет денег, натура не всем нравится, в бесплатную и безвозмездную помощь не верю, — Мира с интересом уставилась на него.

Сероглазый незнакомец шурился и едва заметно улыбался.

— А я похож на адвоката?

— Неа, но раз сумел пройти ограждение, то либо полицейский, либо адвокат, либо Способный, — она усмехнулась, срывая травинку и засовывая кончик в рот. — Первые не носят чёрные джинсы и тёмно-серые футболки, последние не предлагают помощь.

— Способные бывают разные, — он подмигнул.

— Ага, — согласилась Мира. — Сволочи и большие сволочи.

Несколько секунд незнакомец, все так же улыбаясь, смотрел на неё. Потом покачал головой.

— Значит, передумала? Будешь звездой?

— Лучше это, чем быть дурой, — хмыкнула она, выплёвывая травинку. Наглый, самоуверенный кретин, читающий её мысли. — Все ещё хочешь помочь?

— Ты будешь дурой, если не примешь помощь. Не думаешь же ты...

— Ты знаешь, что я думаю, — перебила Мира.

— Знаю. И что ты чувствуешь — тоже. Но у нас не так много времени на дискуссии.

— У меня масса свободного времени.

— Хочешь оказаться подальше отсюда — я могу поспособствовать. — Из серых глаз исчезла ухмылка. — А потом уже будем вести беседы.

Он замолчал, а Мира словно услышала невысказанное: откажешься — я помогу без твоего согласия.

— Как всегда чертовски приятно иметь с вами дело. Всегда есть право выбора и возможность отказаться, — она оглянулась.

Казалось, никому до них не было дела. Полицейские продолжали допрашивать свидетелей, остальные начали расходиться, понимая, что самое интересное уже закончилось. А вот для неё все только начиналось. Или началось давно, но никак не хотело кончаться.

Сейчас отвезут в Управление, начнут допытываться, что, как, почему... Знать бы ещё, что на самом деле не виновата, но последние несколько часов жизни выглядели одним большим прочерком.

Мира не помнила ни как оказалась в таксилёте, ни куда ехала, ни откуда.

— И как ты собираешься мне помогать? Втянешь в ещё большие неприятности? — она обернулась к незнакомцу.

Он встал, протянул руку, предлагая подняться следом.

— Идём.

— Куда?

— Сначала к тебе. Соберёшь вещи.

— Ладно, только... — Мира выразительно показала глазами на лазерное ограждение. —

Я, как вы, сквозь стены и пространства не умею, — она сжала его ледяные пальцы, ловко вскочила на ноги.

— Не волнуйся на этот счёт, — он снова улыбнулся, потом, не выпуская руку, подвёл к самому ограждению. Спросил. — Готова? — не дожидаясь ответа, притянул к себе, обнял обеими руками, и...

Меньше, чем через миг, они уже стояли перед знакомой входной дверью её квартиры.

— Очень оригинально, — заметила Мира, отпихивая от себя незнакомца. Теперь все зависит от того, как быстро её хватятся на поляне и объявят в розыск. — Спасибо, конечно, но сразу внутрь нельзя было? — мрачно добавила она.

— Можно было. Но вторжение в частную собственность?.. — он театрально прищурился, покачал головой. — Не мой стиль.

— Ключей у меня всё равно нет.

Незнакомец положил руку на дверное полотно:

— Отсутствие ключей — поправимо.

Внутри что-то щёлкнуло, как будто раскрылся старый механический замок, которого здесь отродясь не было. Дверь с тихим шелестом уползла в сторону.

Мира почти шагнула в холл, но в проёме остановилась.

— Может, подождёшь здесь?

— Боишься? — Темнота в квартире его, похоже, ни мало не заботила.

Она не ответила. Пройшла внутрь. Не оборачиваясь, проговорила:

— Я — Мира, но это ты и без меня знаешь. А ты кто? Надеюсь, имя у тебя есть?

— Есть, — он вошёл следом, и дверь почти бесшумно закрылась. Неожиданно загорелся свет. Яркий, пронзительный.

Мира тут же зажмурилась, а когда открыла глаза, первое, что увидела — нахально-невозмутимую физиономию незнакомца.

— Ллэр, — представился он.

— Ясно, — она махнула рукой вправо, слегка задев его плечо: — Прости. Там кухня, но еды все равно нет. Там, — Мира указала в противоположную сторону, — есть диван. Был, во всяком случае... Можешь сесть и подождать. Я быстро. Переоденусь, потом возьму вещи.

— А, собственно, — Ллэр за её жестом проследил, но предложенный диван, кажется, его совсем не заинтересовал. Снова обернулся к ней: — Да... Так куда ты собираешься?

О том, что делать дальше, куда идти, сколько прятаться и от кого — не было пока ни малейшего представления. Признаваться в этом не хотелось.

— Временная неспособность влезть в мою голову и прочитать мысли? — съязвила она.

— Я не пасусь безвылазно в твоих мыслях! — хмыкнул он.

***

Оказавшись на улице, Адан пересёк дорогу и свернул за угол. Узкий переулок не освещался, и пешая прогулка в кромешной темноте сулила нежелательные последствия, особенно, если снова потеряет сознание. Но так было гораздо короче до припаркованной машины, чем в обход. Он точно помнил, что оставил кабриолёт где-то там: на перекрестке Прогресса и Алгоритмов. Подальше от «Нольда», чтобы напрасно не рисковать, ведь последний визит в бар стоил разбитой фары и помятого капота.

С момента приезда сюда заметно похолодало. Теперь тонкая куртка едва спасала от порывов сильного ветра. Зато головная боль исчезла вместе с непонятным запахом, преследовавшим в баре. А одно это уже огромный плюс. Осталось без приключений

добраться до дома.

Через несколько минут Адан вышел на круглую площадь и огляделся. Белый кабриолёт с бордовыми сидениями стоял в паре метров от него. Он машинально сунул руку в карман, чтобы вытащить ключи, и громко чертыхнулся. Судорожно проверил куртку-ничего... Значит, оставил где-то в баре вместе с кошельком, документами, отсыревшими сигаретами и зажигалкой.

Без приключений не получалось.

Адан снова выругался. Возвращаться в «Нольд» не имело смысла. Вряд ли удастся отыскать хотя бы ключи, не говоря уже об остальном. Хорошо еще, сотовый у него. Можно задействовать считывающее биометрическое устройство, чтобы получить доступ к навигации кабриолёта и войти в квартиру. А вот завтра вместо отдыха придется заниматься восстановлением всех магнитных карточек.

Не открывая дверцу, Адан запрыгнул на сидение. Вытащил сотовый и по памяти набрал код для сканирования папиллярных узоров на пальце.

В этот момент на соседнее сидение кто-то сел.

Он резко поднял голову.

— Ты? — вырвалось у него.

— Я, — кивнула Роми. Поежилась, обхватывая плечи руками. Тонкое, открытое платье не подходило к сезону. — Холодно тут у вас. Крыша есть?

Адан громко хмыкнул, удивленно разглядывая её с ног до головы. Как мило... Какого черта она делает в его машине? Их мимолетное знакомство в баре такого продолжения иметь не могло. Хотя...

Он нахмурился. Добрая половина из того, что помнил о баре, казалось нелепым сном. Нет, не сном-бредом. Так, как было там, просто не бывает и быть не может. Но... Роми сидит рядом и ведёт себя так, словно они знакомы. Значит, где-то всё же встречались. И вроде бы в баре. По крайней мере, других встреч с ней Адан не помнил и на память до сегодняшнего вечера не жаловался.

Роми улыбнулась.

— Может быть, мы поедем куда-нибудь, где теплее, и там поговорим?

— Поговорим? — он выразительно оглядел её наряд. Ну да, конечно. Именно так одеваются хорошие девочки, а потом садятся в машину к незнакомым мужчинам, чтобы поговорить. — Я кошелек оставил в баре. Всё ещё хочешь согреться?

Она вскинула брови.

— А зачем нам твой кошелек?

— Сегодня у тебя особое мероприятие?

— Сегодня особый день.

— Да уж... — протянул Адан, ещё раз пытаясь осмыслить всё, что произошло в последние полчаса. Мозг по-прежнему отчаянно сопротивлялся, не желая принимать нелепые объяснения вместо жестких законов логики и здравого смысла. Зато полуголая девица прекрасно вписывалась в сегодняшний вечер.

— Ну так, мы... — она осеклась, нахмурилась. Бросила мимолетный взгляд назад и снова заулыбалась. — Мы так и будем тут сидеть?

— А чего бы тебе хотелось? — притворно-сладким голосом поинтересовался он.

— Механическое тепло меня сейчас вполне устроит. А если понадобится особая компания, я найду к кому обратиться.

Адан мрачно уставился на сотовый, возвращаясь к прерванному занятию. Надо как можно быстрее завести машину, отделаться от неё и валить отсюда домой.

Через несколько секунд все было готово, и кабриолёт завелся без проблем. Каркас крыши автоматически распрямился, с тихим шуршанием натягивая прочную ткань сверху. Адан включил кондиционер и повернулся к Роми:

— Тебе придется поискать кого-нибудь другого, чтобы согр...

— Послушай, — перебила она. — Мне не стоило так тебя выталкивать...

— Не вынуждай меня... — Адан замолчал. Вдруг вспомнил, как изменилось её лицо там, внизу, когда он попытался остановить Роми в баре. Практически почувствовал, как его глаза округляются от изумления: — Откуда выталкивать не стоило?

— Оттуда сюда. Обратно. Но ты схватил... — она нахмурилась, снова оглянулась. — Давай поедем?

— Куда поедем? — окончательно растерялся Адан.

— Подальше. Прямо, направо, куда угодно, главное- подальше... Я всё объясню позже.

Он покосился на неё. Перспектива «лети туда, не важно куда» совершенно не нравилась. Нет, чтобы сразу перейти к сути...

— Ладно, — когда кабриолет плавно поднялся с парковки, Адан кивнул на ремень безопасности. — Пристегнись хотя бы, — он сверился с приборами. — Летать по городу мы можем минут десять, не больше. Потом закончится электричество, так что придется искать заправку. И лучше начинать искать уже.

— Начинай, — Роми застегнула ремень безопасности, потом посмотрела вверх, по сторонам. — Что-то здесь не так. Я чувствую. Двигайся к самой дальней, на которую хватит заряда. И если можно... выбирай потоки погуще.

— Спасибо за разрешение, — буркнул Адан.

Легко сказать «потоки погуще». После девяти вечера воздушное пространство Бэара похоже на пустыню. В какую бы сторону они не направились, на всех уровнях попадет пара-тройка машин. И то, если очень повезёт. Он ещё раз сверился с показаниями бортового компьютера. Минут через восемь они окажутся на границе мегаполиса. Там, если память не изменяет, есть заправка. А пока можно потратить время с пользой и попытаться хотя бы приблизительно понять, о чем речь.

Роми молчала и хмурилась. Значит, вопросы все-таки придется задавать ему. И лучше начать с самого важного.

— Надеюсь, у тебя есть карточка, — Адан посмотрел на неё. Перехватив недоумённый взгляд, пояснил: — Чтобы заполнить электричеством аккумулятор нужны деньги. Забытый кошелек в «Нольде», к сожалению, правда.

— Карточка... её надо будет куда-то вставлять?

— Очень смешно.

— Я не шучу. Я... никогда у вас не была, не знаю правил. А с людьми... Сложно. Если там будут автоматы, отсутствие кошелька не станет проблемой, — сказала Роми. — Человеческий мозг сложнее в отношении манипуляций, у него выше сопротивляемость.

— Ясно... — произнес Адан, осознавая, что ни черта уже не понимает. Вздохнул. — Ладно, мне начинать расспрашивать, или сама все расскажешь? — не совсем уверенно спросил он. Может, девица просто чокнутая. Или накачалась какой-нибудь дрянью в баре. И его накачала, что многое объясняет.

— Спрашивай. Я всё равно не знаю, с чего начать, и что ты и сам понимаешь.

— Я ничего не понимаю. Вообще, — ухмыльнулся Адан. — Вернее, до того, как я пришел в «Нольд», все было... — он задумался, подбирая подходящее слово, — нормально. А вот потом я потерял сознание. Кажется... Потом были вы. Ты и та, вторая... Кстати, где она? — не удержавшись, добавил: — Тоже с кем-то ищет потоки погуще?

— Нет, — ответ прозвучал несколько резко, отрывисто. — Мира мертва. И ты не терял сознание.

Бортовой компьютер громко пискнул, показывая оставшееся расстояние и время до конечной цели.

— Что значит мертва?! Как мертва?! — Адан, не мигая, уставился на Роми. В голове не укладывалось, что все происходит наяву. Он же видел Миру минут пятнадцать назад. Может, чуть больше. Когда она успела умереть? Неужели, в баре, пока он приходил в себя наверху?

Кабриолёт как-то странно тряхнуло. Приборы запищали снова, в этот раз истеричнее.

— Авария, — коротко объяснила Роми, вцепилась пальцами в сиденье. — Если закончится заряд, что будет?

— Включится запасной гравитатор. Его хватит, чтобы найти безопасный сектор посадки, — Адан отключил автополет, возвращая мануальный режим. — Только причина не в заряде. Здесь что-то другое.

— Ищи посадку! — процедила она сквозь зубы. Забормотала себе под нос: — Проклятые технари, понапихивали дряни всякой, изгадили поля... Ни фига не понимаю...

— А чем, по-твоему, я занимаюсь? — не глядя на неё, сердито бросил Адан.

Как ни старался сосредоточиться на полете, не получалось не думать о том, что эта чокнутая только что наговорила. Авария, бар... Терял сознание или нет... Ничего из услышанного и пережитого не желало выстраиваться в логическую цепочку. Впрочем, только ли это? То, что происходило с ними сейчас, тоже противоречило здравому смыслу.

***

Дурацкий день.

Несколько секунд Мира пристально смотрела на своё отражение в квадратике зеркала над раковиной. Бледная, растрёпанная, на щеке огромная ссадина, синяки под глазами... Красавица, ничего не скажешь. Документов нет, денег тоже. Весело. Интересно, сколько у неё в запасе времени. Час? Больше? Меньше?

Сейчас бы набрать горячую ванну, расслабиться на полчаса... Может, тогда удастся привести мозги в порядок. Решить, что делать дальше. Ага, как же... Самое то, когда в прихожей топчется Ллэр. Симпатичный, но всё равно подозрительный. С чего вдруг такое желание помогать ей? Он не похож на обычных Способных Актариона. Эти заносчивые твари ни за что в жизни не станут помогать тем, кого природа не наделила способностями читать мысли и шнырять по мирам.

Она потянулась к дверце встроенного шкафчика, когда...

— Прости, но время на лирические отступления вышло. Ванна отменяется, — отражение Ллэра появилось в зеркале. — Равно как и прочие сборы. Нам надо уходить.

Так быстро... Мира не знала, сказала ли фразу вслух или просто подумала, да и не важно. Он в любом случае «услышал».

Где-то внутри противно заныло. То самое нехорошее предчувствие, неоднократно появлявшееся за сегодняшний день. По крайней мере, за ту часть, которую помнила, пусть и смутно. Только она настойчиво от него отмахивалась, убеждая себя, что у неё предчувствий быть не должно по определению. Просто очередные неприятности. Ну, может, чуть больше,

чем обычно. А дальше... Как-то оно будет. Или уже не будет никак, в чём тоже есть свои плюсы.

Мира обернулась. Очень хотелось съязвить насчёт «предусмотрительности» Ллэра — разве стоило переноситься сюда, чтобы через пять минут уходить? Конечно, нет. Но она промолчала. Равнодушно пожала плечами:

— И куда теперь?

— Куда-то, где тебя не достанут, — он прищурился, потом и вовсе закрыл глаза, словно к чему-то прислушиваясь. Мира тоже напрягла слух, но за дверью не раздавалось ни звука. — Ты права, не надо было приводить тебя сюда, — быстрым, резким движением руки оттолкнул её от раковины, вжал в гладкую поверхность дальше от входа стены. — Не шевелись. Не дыши, если можешь.

Ллэр вернулся к двери, раскрытую ладонь правой руки положил на дверное полотно. Застыл, снова прислушиваясь. Мире вдруг показалось, что его пальцы немного утонули в пластике. И тут же тяжёлое дверное полотно разлетелось, словно от взрыва, только почти бесшумно. Он едва успел отклониться от летящих во все стороны щепок.

Пшик. Ни дыма, ни характерного запаха, ни ударной волны.

Ничего подобного она никогда в жизни не видела. Закралась мысль, что новый знакомый — не просто Способный, а...

Развить её Мира не успела. Кажется, Ллэр снова притянул её к себе, а потом в глазах заплясали огоньки, голова закружилась.

Тошнота, слабость...

— Я... — она не договорила, проваливаясь в темноту, которая буквально через секунду сменилась ярким светом, который слепил даже сквозь закрытые веки.

Мира мысленно приготовилась, глубоко вздохнула и открыла глаза. Из груди вырвался удивленный возглас. Все было... наоборот. Совсем не так, как дома- огромное оранжевое солнце висело в зените пронзительно голубого неба и нещадно пекло. На него практически невозможно смотреть. Больно даже, когда щуришься и прикрываешь лицо ладонью.

Она зажмурилась, вытирая катившиеся из глаз слезы, отвернулась. Случайно задела ссадину на щеке, отдернула руку и замерла. Мысли путались. Что случилось? Почему она здесь? Ах да, подозрительная авария, огороженная лужайка, полиция, таинственный незнакомец, взрыв...

Мира не видела Ллэра, но почувствовала- он рядом.

— Мог бы предупредить, куда собираешься меня тащить, — недовольно протянула она. — Хотя бы солнечные очки прихватила, или предполагается, что в этом мире я должна сразу ослепнуть?

— Прекращай таращиться на солнце, и сразу станет легче, — отозвался тот. Ослепительный свет заслонила тень. — Цела?

— К сожалению.

— Что ж так? — голос выдавал ухмылку.

— Надеялся, что с поцелуями благодарности повисну на твоей шее? Не дождешься, — Мира на всякий случай отступила назад, решаясь на ещё одну попытку оглядеться. На этот раз удачную. То ли привыкла к яркому свету, то ли спасал заслоняющий солнце Ллэр, но глаза уже не так жгло.

***

Адан перевел взгляд на монитор с правой стороны приборной панели и громко

выругался- ничего. Мертвый экран. Такого просто не могло быть. Всего неделю назад на рутинном техническом осмотре не обнаружилось никаких отклонений. Системы работали исправно, а сейчас отказали все и разом. Покатались, называется...

Начался дождь. Чёрное, затянутое тучами небо не помогало сориентироваться, где они находятся. Измеритель высоты показывал какую-то ерунду. Цифры хаотично скакали, датчики продолжали истошно пищать. Последняя надежда- аварийный навигатор.

Судя по ощущениям, кабриолёт уже не летел, а просто камнем падал вниз. Ещё пара секунд, и нелепый вечер закончится навсегда. Если гибель Миры- правда, их с Роми ждёт такая же судьба.

Адан пристально посмотрел на неё. Она, вцепившись в сидение и глядя прямо перед собой, продолжала что-то бормотать.

Времени на раздумья не оставалось. Выпрыгнуть на ходу- их единственный способ спастись. Или верная смерть.

Он отстегнул ремень безопасности, затем крутанул руль вправо до отказа. Кабриолёт наклонило, и Адана прижало к оголенному плечу Роми. Адан машинально обнял её, притягивая к себе. Невольно вдохнул слабый аромат с кислинкой, похожий на грейпфрут. Она дёрнулась. Надо было что-то сказать. Как-то обнадежить, но врать не хотелось.

Один шанс на миллион.

Адан нащупал свободной рукой кнопку ремня на пассажирском кресле. Щелчок. Пристальный взгляд широко распахнутых глаз. Прерывистое дыхание ему в лицо.

Сейчас или уже никогда...

Он дотянулся до рычага на дверце, потянул на себя. В ту же секунду почувствовал, как их вышвырнуло из салона. Короткое мгновение, и руки сами собой разжались. Роми кубарем полетела вниз. Он- за ней. Воздуха не хватало, все вокруг закружилось. Снизу донесся треск и скрежет металла. Наверное, кабриолёт встретился с землей.

Адан зажмурился. Теперь их очередь.

Вот и всё. Конец.

Ещё через мгновение ощутил, как проваливается в мокрую, вязкую массу. Какая-то доля секунды, и последовал сильный удар, от которого сперло дыхание. Адан стиснул зубы, прислушиваясь к собственному телу. Открыл глаза и попробовал пошевелиться. Отлично, ноги и руки слушались. Рядом взмыло в небо яркое пламя. В воздухе сразу же невыносимо запахло гарью.

Адан осторожно приподнялся. Тупая боль постепенно утихала. Ему повезло- упал посреди поля. Размытый ливнями грунт превратился в жидкую грязь и, видимо, смягчил удар. Он повернул голову в противоположную сторону. Примерно в двух шагах от него неподвижно лежала Роми. Как и он, приземлилась на спину. Испачканное платье задралось, обнажив измазанные грязной жижей стройные ноги.

Только бы жива...

Пожар разгорался, тревожно потрескивая в тишине. Чего-то не хватало.

Адан машинально обернулся. Напрягся, сосредотачиваясь на том, что случилось. Всё правильно, не слышал взрыва. Значит...

Он рывком дернулся в сторону, переворачиваясь на живот и накрывая телом Роми. Буквально в ту же минуту раздался оглушительный грохот. Слишком близко. Настолько, что спиной и затылком Адан почувствовал волну раскаленного воздуха. Выждал несколько секунд, затем медленно приподнял голову. Огонь пожирал все, что осталось от машины.

Пусть... Главное, что они живы.

Роми под ним пошевелилась, открыла глаза.

— Нам все-таки повезло. Один шанс на миллион, — прошептал Адан, встречаясь с ней взглядом.

— Со мной они всегда возрастают, — совершенно серьезно заявила она. С самомнением у нее явно было всё в порядке. — Но не до бесконечности, поэтому давай подниматься...

Адан молча сполз в сторону. Сел прямо на земле, разглядывая намокшую и вымазанную в грязи одежду. Тело всё ещё ныло. Вдобавок мучительно хотелось курить, сделать хотя бы пару затяжек...

И что теперь? До ближайшей заправки в этом направлении оставалось меньше трех минут полета. Значит, приблизительно километров шестьдесят. Вокруг — поля. Пешком да еще в таком виде, они не дойдут.

Он тоскливо посмотрел на грудку охваченного огнем металла, которая несколько минут назад еще была кабриолетом. Всё, что могло помочь выбраться отсюда, догорало на глазах. Надо позвонить. Правильно, сотовый. Как же он сразу не подумал...

Адан проверил карманы куртки и брюк — ничего. Телефона не было. Наверное, выпал, когда они выпрыгнули из машины. Только бы не остался в салоне... Он принялся ползать вокруг, шаря руками в грязи.

— Нам надо валить... — пробормотала Роми.

Адан вскинул голову. Она стояла чуть в стороне, босиком, утонув ступнями в грязи. Босоножки держала в правой руке, за застёжки. Казалось, на холод и сырость ей было плевать, её волновало что-то другое: Роми напряженно вглядывалась вдаль. Чётко туда, откуда они прилетели.

— Надо. Есть предложения, как?

— На взрыв кто-нибудь явится?

— Если заметят, что вряд ли, — он поднялся с земли. — Мы упали слишком далеко от мегаполиса, почти на границе Сферы.

— Хорошо живете, раз можете себе позволить не заметить такой мега-бум, — пробормотала она. — Что такое Сфера?

Адан задумчиво оглядел перепачканную в грязи Роми.

— Твой сотовый у тебя? Ах да, — он обреченно махнул рукой. Съязвил: — Ты же не местная, про Сферу и мобильную связь не в курсе. Есть идеи, как будем выбираться отсюда, красавица? — насмешливо бросил Адан.

На самом деле чокнутая или притворяется, особой роли не играло. Сам виноват. Надо было выставить её из машины силой, оставить на улице и отправляться домой. Сейчас бы лежал в теплой ванне с сигаретой, а не стоял мокрый и грязный посреди ночного поля в компании полуголой сумасшедшей.

— Вообще-то... — Роми бросила взгляд на свои босоножки, отшвырнула их в сторону. — Есть, — достала из маленькой сумочки, по-прежнему болтавшейся на плече, два тонких металлических браслета и ловко застегнула один из них на левом запястье. — Давай руку.

— Что это? — с опаской поинтересовался Адан, непроизвольно делая шаг назад.

— Окольцевать хочу.

Он в изумлении уставился на нее. Босая, в рваном, измазанном платье, с грязными

волосами, сосульками падающими на плечи, Роми производила жуткое, пугающее впечатление. И чего не послал её к чёрту сразу? Теперь уже поздно...

— Окольцуешь потом, — Адан шагнул вперед и крепко схватил её за плечи:— Сначала объяснишь, кто ты такая и что тебе от меня нужно. Медленно, чётко, без фокусов.

— Иначе- что? — она смотрела ему прямо в глаза и, кажется, улыбалась. Наглая, ухмыляющаяся физиономия нравилась и раздражала одновременно. Что-то в её взгляде притягивало. Какое-то необъяснимое бесстрашие, превосходство, уверенность.

— Кто ты и что тебе от меня нужно? — повторил Адан, еле сдерживаясь, чтобы не сдавить хрупкие плечи и ненароком не сделать ей больно.

— Я- атради, — она вырвалась, легко, будто Адан не удерживал вовсе. — И это не мне от тебя нужно, а я тебе нужна!

— Оригинально, — он растерялся. Кем бы себя не называла, она говорила искренне и явно верила в собственную необходимость, как будто только от нее зависит его дальнейшее благополучие.

Роми немного нервно пожала плечами, словно хотела сказать — принимай как есть. Потом тряхнула вторым браслетом.

— Время идет.

— Я никуда не тороплюсь.

— Идиот! — она чуть запрокинула голову, выкрикнула что-то в небо на незнакомом языке. Явно выругалась. — Идиот... — топнула босой ногой по грязи, поднимая брызги, в бессильном жесте вскинула руки. — И почему мне должно быть дело? Подыхай, раз так хочется...

Внезапно откуда-то с противоположной пожару стороны раздался громкий треск, словно кто-то прошелся, ломая, по тонким сухим веткам, которым неоткуда здесь взяться- до ближайших деревьев-кустов- километры чавкающей грязи.

Роми застыла.

Адан молча окинул взглядом догорающие остатки кабриолета, тёмное поле, неподвижную Роми, потом развернулся и, не разбирая, дороги пошёл прочь.

Треск повторился, теперь уже ближе, и напоминая электрические разряды. Позади него Роми что-то проговорила всё на том же незнакомом языке. Следом раздался слабый толчок земли, будто где-то упало что-то большое. Например, огромное дерево, что, конечно, вряд ли возможно. Или- еще один кабриолёт. Что точно так же маловероятно.

Адан машинально обернулся, взглянул на догорающую машину и ошарашено моргнул.

Грязи больше не было. Вместо неё- сухая, в глубоких трещинах земля. Пламя не двигалось. Застыло. В буквальном смысле. Языки тянулись к ночному небу, искры разлетелись в стороны да так и зависли в воздухе, не падая на землю. Будто кто-то нажал на «паузу», заставив остановиться и замолчать весь мир.

Так бывает?

Он перевел взгляд на Роми. Она сидела на корточках, пальцы обеих рук полностью ушли в грязь.

Землю ещё раз тряхнуло. Роми резко поднялась, встретила взглядом с Аданом, и вдруг оказалась рядом с ним, преодолев расстояние, что их разделяло, каким-то немислимым образом.

— Совесть не позволяет, — она ловко защелкнула второй браслет у него на запястье, измазав грязью. А у неё за спиной, метрах в десяти, появились две тени, похожие на людей.

Нечеткие, словно из плотного воздуха.

Тысяча мыслей и предположений одновременно родились в голове и рвались наружу вопросами. Но Адан не мог ничего сказать. Просто стоял и в изумлении глазел на происходящее.

Тени на глазах обретали плотность, но все еще было не понять, кем окажутся, когда преобразование завершится. Сумерки вокруг превращались в день, и свет, мягкий, молочно-белый, шёл из потрескавшейся земли.

Так не бывает, но так было.

Роми выпустила его запястье, сделала несколько шагов спиной вперед. Обернулась. Показалось, будто её кожа засияла- так мог бы искриться снег морозным утром, если бы снег был цвета меди. Она сама стала чуть выше, и даже рыжие волосы немного изменили цвет, потемнели. Или это просто так падал свет.

— Дайте нам уйти, — проговорила Роми. Голос тоже изменился. Он словно дрожал, двоился, так же как тогда, раньше, в последний момент перед тем, как она вытолкнула из бара.

Тени не шелохнулись. От них так и веяло безразличием. Теперь не осталось сомнения, что они принадлежат людям. Высоким и худым.

Роми вытянула руки над головой, сложила ладонями вместе и что-то снова зашептала. Кончики пальцев окрасились в цвет пламени. По рукам вниз будто потекли жидкие оранжевые молнии.

Происходящее казалось какой-то игрой. Глупой, нелепой, абсурдной... Левое запястье словно сдавили раскаленные тиски. На браслете проступили бледно-зеленые символы. То ли мелкие витиеватые буквы, то ли рисунок. Тени дернулись, взмахнули чем-то похожим на длинные тонкие руки. Затем последовала вспышка ослепительно белого цвета.

Адан пригнулся, выставив вперед руку. Непонятные закорючки на браслете вспыхнули зеленым светом. Таким ярким, что стало больно глазам. Последнее, что увидел- блестящее сюрреалистическое конфетти, медленно оседающее на сухую землю там, где только что стояли две темные фигуры.

Они стояли посреди аккуратно подстриженного газона необычайно яркого зеленого цвета, по бокам такие же кусты, за ними- деревца, а дальше- огромный замок. Ничего подобного Мира ещё не видела.

Она в недоумении перевела взгляд на Ллэра и только сейчас заметила- он изменился. В той же серой футболке и темных джинсах, но кожа стала светлее, серые нахальные глаза потемнели. Складывалось впечатление, что ни жара, ни палящее солнце ничуть ему не мешали. Он даже не щурился, как тогда на лужайке. Прежнее сомнение, что он всего лишь обычный Способный, усилилось, а возможное объяснение было только одно.

— Ну и куда ты меня притащил? В свой мир знакомить с родителями?

— В свой мир- да, но с родителями... — он нахмурился, покачал головой. — Нет, они давно умерли.

— Извини, — Мира уткнулась взглядом под ноги, осознав, что сморозила очередную глупость. Но дурацкая привычка язвить и постоянно защищаться, нападая, снова взяла вверх:- Хоть в этом мы с тобой похожи, — добавила она раньше, чем мозг приказал заткнуться.

Идиотка! В чужом мире, непонятно, что дальше. Где спать, что есть, как жить, а она растопырила колючки. В конце концов, Ллэр ничего плохо не сделал. Наоборот, помог уйти от назойливой полиции. И пока не доказано обратное, лучше придерживаться именно этой версии. Возвращаться в Актарион сейчас желания не возникало, а для того, чтобы вернуться потом, все равно требуется его помощь.

— Это твой дом? — нарушила затянувшуюся паузу Мира, щурясь от солнца и кивая на каменную громадину за спиной Ллэра. — Пить хочется.

— Дом не мой. Дом моей семьи, — он хмыкнул, — но попить в нем на... — Ллэр осекся, глубоко вдохнул, как-то нервно, будто дышать ему стало не просто. И ещё раз. Зажмурился и одновременно сжал левую руку в кулак. — Какого...

Мира настороженно вглядывалась в его лицо. Не похоже, что притворяется. Только этого не хватало... Задохнется сейчас, и что делать? Она мысленно прикинула, как быстро добежит до замка и обратно. Не успеет. А там, конечно, «обрадуются» и обвинят опять её. В итоге будет почти, как если бы осталась на лужайке дома в Актарионе, а не шлялась по мирам.

— Не волнуйся, я не подыхаю, — Ллэр снова ответил на невысказанные мысли, значит, снова влез к ней в голову. — Пока еще нет, — он схватил ее за запястье, резко притянул к себе. — Попить будет позже.

Мира едва успела заметить, что на его руках странным узором начали проступать вены. Станным- потому что сосуды будто засветились, словно кровь в его жилах текла искрящаяся зеленая. Потом вновь на мгновение наступила темнота, а после солнечный день уступил место дождливой ночи.

— Твою мать! — Ллэр выпустил её, бросился куда-то вперед.

Мира шагнула следом, почувствовала, что проваливается и уже приготовилась падать, терять сознание, ничего не видеть или, наоборот, снова поджариваться на жутком солнцепеке- ко всему, чем занималась в последние полчаса, и даже хуже. Но на удивление почти ничего не случилось. Ничего, кроме одного- ноги сами собой поехали вперед, а она,

потеряв равновесие, грохнулась на спину, утопая в чем-то мокром, вязком и ужасно холодном.

— Какого!.. — Мира задержала дыхание, прислушалась.

Сбоку донеслось чье-то неразборчивое бормотание и подозрительное потрескивание. Она вскочила, оглядываясь по сторонам. Замечательно, лучше не бывает.

«Что-то» оказалось жидкой грязью в неглубокой яме посреди бескрайнего поля, куда её угораздило свалиться. Над головой — черное небо в зеленоватых разводах, справа плавился в огне обугленный металлический корпус.

Чуть дальше Ллэр возился с какой-то девушкой. То ли пытался привести в чувство, то ли хотел убедиться, что мертва. Последнее вероятней, если догоравшая груда металла принадлежала ей. После такого падения не выживают. Хотя, если верить полиции, сама-то Мира как раз выжила.

Авария, упавшая девушка... Подозрительное совпадение и совпадение ли вообще?

Мира снова огляделась, убеждаясь, что кроме них на поле ни души. Попыталась стереть вонючую жижу с одежды, но не тут-то было. Брюки покрылись ровненьким липким слоем, от которого уже не избавиться, босоножек даже не видно, потому что ноги по щиколотки увязли в грязи, а как она сейчас выглядит со стороны, лучше не представлять.

Бормоча проклятия, Мира стянула перепачканную футболку, отыскала чистый кусочек и кое-как вытерла руки и лицо. Надевать её обратно — безумие. Она без сожаления швырнула одежду на землю, зябко поежилась. В одном лифчике и мокрых штанах долго не протянет, лучше уж обратно на солнышко. Осторожно, чтобы не поскользнуться, направилась к Ллэру. Может, он и оживлять умеет? Хорошо бы, если так. В крайнем случае, если она околеет, вернет ее в какой-нибудь дерьмовый мир обратно.

Тот продолжал возиться с мёртвой незнакомкой. Левая рука Ллэра сжимала её запястье, словно он щупал пульс. Правая...

Правая рука Ллэра лежала на лбу той самой рыжей девицы из бара!

— Какого... — резкий порыв холодного ветра вынудил Миру проглотить ругательство. — Это же...

В следующий миг Ллэр, не поднимаясь с земли, резко обернулся, в странном жесте вскинул левую руку по направлению к Мире, будто хотел дотянуться до ее горла. Его зрачки расширились, сливаясь с радужкой.

Она такое уже видела! Тогда же, в баре, за миг до того, как тот парень, что так и не представился, исчез. Виски кольнула острая боль и отпустила.

Глаза Ллэра вновь стали нормальными.

— Чёрт, ты же не местная... — он снова повернулся к рыжей девице, чьё имя крутилось на языке. Подхватил её на руки.

Ромиль, вспомнила имя Мира. Ромиль Эна... как-то там непроизносимо дальше.

— Возьми меня за запястье, если не хочешь помереть в этом проклятом месте, — сухо бросил Ллэр.

— Да у тебя просто редкий дар убеждения, — огрызнулась она, но все же послушно схватилась за руку. Умирать в грязи от холода совсем не хотелось.

И снова темнота. В этот раз Мира её скорее почувствовала, чем увидела: вокруг и так стояла непроглядная темень. Огня от догорающей машины хватало не много.

Теперь они оказались уже не на полянке, но Мира почему-то не сомневалась — перенеслись они в тот гигантский замок. Дом семьи, как назвал его Ллэр.

Ха! С того места, где они находились в прошлый раз, казалось, что здесь можно свободно расселить как минимум небольшую деревушку.

Едва в глазах прояснилось, Мира отпустила Ллэра, и тот, ничего не объясняя, торопливо зашагал прочь, оставляя на светло-сером ковре следы из грязи. Она опешила. Захотелось отстать, потеряться в широченных каменных коридорах, пусть Ллэр побеспокоится... Но что-то подсказывало- не станет. Ни искать, ни, тем более, беспокоиться. А в таком виде, как у неё, чревато найтись кем-нибудь другим...

Нет уж! На сегодня с нее приключений и так хватает. Судьбу испытаем как-нибудь в другой раз.

С вынужденной покорностью пришлось бросаться вдогонку за ним. Пусть разберется с этой своей Ромиль, кем бы она Ллэру ни приходилась, а потом ему придется или возвращать домой или показывать, где и что в этом лабиринте делать.

Коридор казался бесконечным и однообразным. Серо-зелёные каменные стены, серый однотонный, мягкий ковер, полностью скрывающий пол, в тон стенам- светло-фисташковые тяжелые шторы. Света, что пробивался сквозь них, едва достаточно, чтобы угадать, что за ними скрываются гигантские окна. Белые капли бра, плафоны плоских люстр из какого-то прозрачного камня, под самым потолком. Ряд двустворчатых дверей через каждые метров тридцать. Как можно ориентироваться, где чья комната, когда двери абсолютно одинаковые, Мира не представляла.

Шли недолго, но за это время не встретили ни души. Наконец, Ллэр остановился, пнул дверь ногой, потом ещё раз.

— Алэй!

— А может наплюешь на свой стиль и вторгнешься в частную собственность? — хмыкнула Мира, кивнув на безжизненно свисающие руки Ромиль. — Если, конечно, ты её спасать, а не угробить собираешься.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — зло огрызнулся он. Стукнул ногой еще раз и еще, словно нарочно ударяя в новое место и оставляя грязный след на почти белом полотне. — Ладно, — шагнул чуть в сторону. — Тяни за ручку. Тут не заперто.

Дверь открылась легко, не пришлось прилагать ни малейших усилий.

— Ты неподражаем, — ухмыльнулась Мира. Посторонилась, чтобы пропустить сероглазого. — Прошу, понимающий.

Ллэр шагнул в комнату, не оборачиваясь, спросил:

— И в чем же это выражается в данном случае? — ответа он не ждал, уверенно углубился в темную комнату.

— Идиотами не становятся, ими рождаются, Ллэр, — Мира направилась следом.

Она не ожидала увидеть что-то конкретное, но огромная, просторная комната поражала воображение размерами. В ней почти не было мебели, только необходимый минимум: широкая кровать в огромном эркере, несколько низких шкафов, комод, круглый столик, три высоких кресла вокруг, стеллажи с книгами... Никакой техники. По крайней мере, видимой. Полный бардак стилей, выдержана только цветовая гамма- коричнево-бежевая.

В правом дальнем от входа углу виднелась еще одна дверь.

— Будем ломиться или как? — насмешливо бросила Мира.

— Или как, — Ллэр бережно уложил Ромиль на постель, потом приподнял и закрепил тесемкой одну половинку шторы. Солнечный свет хлынул прямо той на лицо. Парень присел рядом на корточки, положил ей руку на лоб, вздохнул чуть слышно.

— Боже, какие нежности, — фыркнула Мира, отворачиваясь. Покрутила головой в поисках, куда бы приткнуться в грязных, промокших насквозь брюках. В итоге уселась прямо на ковер, скрестив ноги, поближе к двери. Аккуратно собрала свисающие безобразными сосульками волосы в хвост, скрутила пучком на макушке. Испачканные в грязи пальцы, не долго думая, вытерла о штаны. — Ну и кем тебе приходится эта чокнутая? Сестра, невеста? Или хуже? — спросила она, не особо надеясь на ответ.

— Хуже- это кто? — он обернулся.

— Бывшая.

— Все несколько сложнее, — Ллэр поднял остальные занавески, теперь Ромиль вся будто купалась в солнце, но светлее от этого в комнате не стало. — Пойдем отсюда, пока...

— Что ты здесь забыл? — послышался мужской голос.

— ...нас не застали, — закончил Ллэр, встал. Посмотрел на Миру, удивленно вскинул брови, словно только сейчас заметил её вид, и где она устроилась. Ответил, обращаясь не к ней: - Она могла умереть.

— Она?

У Миры никак не получалось разглядеть со своего места, с кем Ллэр разговаривает. Возможно, собеседник был невысок ростом, а обзор закрывала спинка кресла. Она только заметила, что дверь в углу открыта, и оттуда льется приглушенный свет. Вероятно, это был Алэй, если слово, которое выкрикивал Ллэр, колотя в дверь, имя.

— Рэм.

— И поэтому ты явился сюда?

— Поэтому я принес ее сюда, — Ллэр наконец-то повернулся к своему собеседнику. — Ей нужно солнце. Много солнца. Я не хотел оставлять ее на террасе. Если бы в замке сейчас был Оэн, я бы попросил его.

— Посидеть с ней на солнышке? — раздалось тихое жужжание, и Мира с удивлением поняла, почему не могла увидеть второго мужчину. Тот оказался в инвалидном кресле. — Что ты с ней сделал?

Он подъехал к эркеру, Ллэр посторонился, но остался стоять. Свет из окна падал так, что, сидя на полу, Мира не могла толком разглядеть его лицо. Но и он её, кажется, не заметил.

— Не я.

— Значит, твоя затея.

— Нет, Алэй.

— Врешь.

Мире показалось, что она услышала, как Ллэр скрипнул зубами.

— Она оказалась не в том месте не в то время. Так бывает, — процедил он. Сжал кулак, потом снова раскрыл ладонь, посмотрел на нее, как тогда на полянке. — Да, это было мое место, и если бы я пришел чуть раньше... Тебе лучше всех известно, к чему может привести альтруизм Рэм.

— Это была твоя идея, — Алэй сказал это почти шепотом, но заставил Ллэра замолчать. Несколько бесконечных секунд стояла тишина. Потом он так же тихо ответил:

— Я знаю, как все исправить.

— Всё? — в голосе Алэя звучало недоверие и насмешка. — Уходи. Я позабочусь о Роми. А ты- уходи. Твоей спутнице необходим душ, — он повернулся к Мире. — Прошу прощения за негостеприимность.

Свет бил ему в спину, пряча лицо, по голосу понять, издевается или говорит серьезно, не получалось.

— Перебьюсь, — тихо буркнула она, посмотрела снизу вверх на Ллэра. — Пойдём?

Тот молча кивнул, протянул руку, помогая встать. Мира все-таки не удержалась, обернулась на Алэя. Удивленно моргнула.

Худое лицо оказалось знакомым. Пусть волосы у него были светло-русые. И длинные, стянутые в немного растрёпанный хвост. Пусть глаза, наоборот, темнее, но все же такие же серые. И такие же ямочки на щеках. Они угадывались, хотя едва ли можно было сказать, что Алэй улыбался сейчас.

Эти двое не были близнецами, но сходство потрясало, и одно Мира поняла точно-мгновением раньше Алэй над ней не издевался. Только желания просить прощения за хамство все равно не прибавилось. Их проблемы, они одна семья, наверное, братья, раз так похожи. Вот и пусть разбираются сами. Да и было бы из-за кого- Ромиль достойной причиной конфликта не выглядела.

Мира выдернула руку, отступила назад и отвернулась. Ллэр тут же схватил её за локоть. Она подумала, что сейчас они снова переместятся, но он лишь бесцеремонно подтолкнул к выходу из комнаты. Уже распахнув дверь, остановился, сказал:

— Как очнется, дашь таблетку. У нее будет болеть голова.

Алэй промолчал.

— А у меня будет болеть рука, — прошипела Мира, выходя в огромный коридор.

Какого черта она, вообще, здесь делает? Смысла во всем, что так неожиданно вспомнилось, больше не стало. Все равно отсутствовал кусочек событий. Маленький, но очень важный, без которого не стоит даже просить вернуть её домой.

Она помнила всё, что было до бара. Всё, что случилось внутри, но не хватало самого главного- когда и зачем она села в таксилёт. А еще почему-то вспомнился тот незнакомец из бара. Интересно, куда эта полумертвая рыжая дура его дела? Что-то там говорила про готовность к переменам и особый день. Три раза ха! Вот уж кто оказался к ним не готов, так это сама Ромиль, раз чуть не умерла.

— Будем сразу страшно зыркать глазами и хватать за горло или сначала сходим попить куда-нибудь, где тебя не выставят? — Мира резко остановилась, вынуждая замереть и Ллэра, вопросительно посмотрела на него:- Переодеться мне бы тоже не помешало, кстати. И вымыться.

— Вымыться и переодеться мы и идем, — буркнул он, отпуская её локоть. — Я что, зыркаю на тебя глазами?

— Ты на всех зыркаешь. Добрый очень, наверное. Вот она тебя и бросила.

— Я не добрый, — он одарил её многозначительной улыбкой. — Но если будет болеть- вылечим, — махнул рукой в коридор. — Продолжим?

— После вас, — Мира присела в шуточном реверансе. Ллэр не сдвинулся с места. Лишь усмехнулся в ответ. — Топай уже. Или предполагается, я должна догадываться, куда? — она устало вздохнула. — С вашими расстояниями обидно ошибиться на пару километров и потом возвращаться.

— Сама ты не догадаешься и не найдешь. Замок... как бы так сказать... многомерный. Он стабильный только снаружи и по части планировки комнат, — Ллэр пошёл вперед. — А что касается коридоров... Здесь самый короткий путь из точки А в точку Б- не прямая, а совокупность коротких отрезков, находящихся под разными постоянно меняющимися

углами друг к другу.

Мира не очень-то поняла, что он имеет в виду, но уточнять не собиралась. Ей тут не жить, какая разница, какими отрезками ходить и куда? Минут через пятнадцать оказалось, что есть и огромная. Возникло ощущение, что стены движутся одновременно с ними, только в противоположную сторону.

Мозг совсем разморило от усталости, когда они уперлись в широкие каменные ступени. От неожиданности Мира замерла.

Вправо и влево убегали зеркально одинаковые коридоры, только стены в них выглядели светло-синими, ковер- почти черным, а шторы, кажется, голубыми. Бесконечный зеленый проход за спиной некуда не исчез, а перед глазами уходил вверх длинный, широкий пролет. Он заканчивался не очень большой площадкой с гигантским окном, а оттуда два узких ряда ступенек поднимались впритык к стенам, и два точно таких же вели вниз до следующей площадки, после которой лестница вновь соединялась.

Ллэр повел Миру вниз.

Широкие ступени застилал все тот же мягкий ковер, что и в коридоре. Постепенно он становился все темнее и темнее, пока на другом этаже не превратился из серого- в чёрный.

Спускаться довелось всего на один этаж. И снова коридоры. Вскоре она просто потеряла счет анфиладам, аркам, переходам, дверям, винтовым лестницам...

В какой-то момент Ллэр выругался, буркнул, будто бы даже извиняясь:

— То есть сегодня до моей комнаты может быть двадцать метров- завтра километр.

И свернул за очередной угол.

— Повезло Ромиль, что комнату Алэя ты нашёл сразу, — еле слышно пробормотала Мира и покорно побрела следом.

Она уже несколько раз собиралась высказать все, что думает об уютном, просторном, даже красивом, но слишком непрактичном и громадном замке. И о пеших прогулках на расстояния, которые нормальные люди покрывают только на такси, но строил явно не Ллэр. Быстрее они не дойдут, а на спор ни о чем не оставалось сил.

— Когда доберемся, с тебя массаж. Или придется таскать меня на руках, — не выдержала она, распрощавшись с очередной иллюзией, что этот поворот- последний.

И тут они, наконец, остановились.

— А мы уже добрались, — сообщил Ллэр.

— Да неужели, — съязвила Мира, следуя за ним внутрь.

Комната была почти отражением той, где они сегодня уже побывали. Огромная. С одним окном-эркером, с камином, дверью в правом углу. Кровать все там же, письменный стол, журнальный низкий столик, шкафы с книгами, которых, правда, было значительно больше.

Мира радостно огляделась. Здесь, в отличие от жилища Алэя и почти как дома, хозяйничал Его Величество Бардак.

Чуть ли не на каждом свободном сантиметре горизонтальной поверхности что-нибудь да лежало. Преобладали, кажется, бумаги. Бумаги! Не диски, не кристаллы с записями, а какие-то распечатки, ксерокопии, схемы, чертежи, карандашные рисунки, журналы, вырезки... Просто скомканные листы или разодранные на одинаковые тонкие полоски... Раскрытые бумажные же книги разбросаны и на креслах, и на стульях, и на кровати, и даже на полу. Где не было книг, там имелись немытые чашки. Или какие-то фигурки, куколки, пирамидки... Мира даже увидела череп, похожий на человеческий, из глазниц которого

торчали карандаши, и одинокий, несчастный кактус на каминной полке.

— Постарайся ничего здесь не трогать, — сказал Ллэр.

— Ты все равно не заметишь, — отмахнулась она. — Так, сначала пить. Пожалуйста, — ухмыляясь, добавила Мира.

Ллэр склонился к тумбе у письменного стола, звякнули стаканы, потом раздалось приятное бульканье. По комнате разлетелся кисло-сладкий аромат. Когда он снова выпрямился, в руках держал два высоких стакана, полных светло-лимонной жидкости.

— Никакого алкоголя, — протянул один ей. — Но все равно не спеш.

Не слушая, Мира выхватила, жадно глотнула. Горло тут же обожгло ледяным холодом. Отдышавшись, следующий глоток сделала уже медленней.

— Вкусно, — она опустила недопитый стакан на стол, чуть сдвинув в сторону какие-то исписанные от руки листы. — Ванна где? — спросила, торопливо стягивая перепачканные в успевшей высохнуть грязи брюки.

— Там, — он кивнул на дверь в углу. — Любые полотенца, что висят — чистые. Что на полу... — Ллэр развел руками. — Все, что в бутылочках на белой полке — можно и на голову, и... — он ухмыльнулся. — Не на голову.

— У тебя почти получается быть милым, — хмыкнула Мира, бросая брюки и босоножки на пол. Что с ними делать, разберется потом. Вдруг у него не будет одежды, и придется напяливать обратно.

За дверью оказалась совсем не ванная, а спальня. Неожиданно маленькая, светлая. Наверное, когда-то давно стены были совсем белыми, а может так и задумывалось — смесь серого и слоновой кости. Мебели ещё меньше, чем в предыдущей комнате. Широкая кровать стояла впритык к огромному, чуть ли не во всю стену, занавешенному плотным тюлем окну. Сероватое белье, явно не свежее, скомкано, несколько квадратных подушек, четыре или даже больше, грудой свалены в изголовье. С правой стороны — встроенный длинный шкаф без зеркал, напротив него — деревянная светло-серая дверь.

Ванная обнаружилась за ней. Вполне обычная, небольшая, светлая, почти как дома. Только разбросанных по полу полотенец гораздо больше. У Миры столько просто не нашлось бы.

Она равнодушно прошла мимо ванны, прихватив с собой чистое полотенце и первую попавшуюся бутылочку с полки над раковиной. Заглянула в душевую кабинку, деловито покрутила краны. Не сразу, но потекла вода. На удивление, прозрачная, а не какая-нибудь... Например, красная.

Стянув белье, Мира забралась под теплые струи, с наслаждением закрыла глаза.

Невероятно. Пару минут назад казалось, что упадет от усталости, а теперь как будто только что проснулась после хорошего крепкого сна.

Халата в ванной не оказалось и, выбравшись из душа, Мира решила ограничиться полотенцем, переодеться — всегда успеем. Когда вернулась в гостиную, Ллэр сидел за письменным столом и, хмурясь, что-то читал. Даже не посмотрел в её сторону и будто бы даже не заметил её появления.

Это вполне устраивало.

Мира забрала оставленный на столике сок, неторопливо прошла по комнате, скользнула взглядом по книгам на полках, подошла к окну. Ничего нового не увидела — зеленые лужайки, травка, деревья и противное яркое солнце, мешавшее любоваться видом. Как они тут только не ослепли... И вообще какие-то помешанные на солнечном свете.

Она вернулась к дивану, небрежно отодвинула пару валявшихся там книг и плюхнулась, с наслаждением вытягивая обнаженные ноги. Сделала еще один глоток, причмокнула от удовольствия. Надо же, из всех возможных вкусов он выбрал именно лимонный, её любимый.

Ллэр оторвался от чтения.

— Уже? Быстро, — сложил листки стопкой, сунул в ящик стола.

— Спасибо, — Мира закрыла глаза, откинулась на мягкий подлокотник.

— На здоровье, — скрипнул стул, хлопнула дверь. Видимо, он тоже пошел в душ.

Мира приподнялась на локте, огляделась, удивленно хмыкнула. Ллэра в комнате не было. Надо же, оставил ее одну со всем своим барахлом, не побоялся. Она снова откинулась назад.

Внутренняя борьба заняла совсем ничего- через мгновение, опустив стакан прямо на ковер, Мира вскочила с дивана. Поправила чуть не слетевшее полотенце и двинулась к заваленному столу. Стараясь не шуметь, выдвинула ящик. Бумаги оказались на незнакомом языке. Как впрочем, и все остальное, что попало под руку. Книги тоже. Часть, кажется, была написана на разных языках, но все равно непонятных. Ученый он что ли...

Мира вернулась на диван, улеглась, закрыла глаза. Интересно, сколько предстоит тут проторчать? Хотя лучше здесь, чем на каком-нибудь поле. Всегда может быть хуже. За свою недолгую жизнь эту простую истину она успела не только хорошенько выучить, но и проверить опытным путем.

Через некоторое время опять хлопнула дверь.

— Два варианта, — сообщил Ллэр. — Или ты упаковываешься обратно в свою одежду, или могу выдать джинсы и футболку не по размеру.

Видимо, суточный лимит любезности исчерпан.

Мира села, пристально посмотрела в серые ухмыляющиеся глаза. Опустила взгляд на брошенные на полу грязные брюки, возле которых стоял Ллэр, снова посмотрела на него.

— Упаковываюсь в джинсы и футболку не по размеру.

— Тогда идем, — он скрылся в комнате.

Мира послушно потопала за ним. В спальне остановилась, прислонилась к стене, наблюдая, как Ллэр открывает огромный шкаф.

Он достал синие джинсы, бросил взгляд на неё, потом достал футболку и рубашку. Протянул все это Мире.

— Пробуй. Если не подойдет, можешь порыться сама... — он направился к выходу. Потом вдруг остановился, не оборачиваясь, сказал:- Она меня не бросала.

И закрыл дверь с другой стороны.

— Ага, конечно. Поэтому тебя так клинит, — сама себе пробурчала Мира. — Но это твои проблемы.

Джинсы, естественно, оказались велики размера на два, но с помощью ремня кое-как удалось закрепить их на бедрах. С футболкой возиться не стала, просто надела ту, что выбрал Ллэр, рубашку завязала узлом на поясе.

Мира посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась.

— Зато жива.

Когда она вышла из спальни, Ллэр снова сидел за своим столом, но в этот раз ничего не читал, а просто вертел в руках какую-то невразумительной формы фигурку.

— Готова?

***

Дверной звонок истерично заикался вот уже несколько минут. Кому-то очень хотелось, чтобы на него обратили внимание: терпение, с которым он ломился в дом, говорило о том, что на «никого нет» не купится и просто так не уйдет.

Адан со стоном приподнял голову с подушки. В третий раз попытался сесть и даже успешно. Мягкий свет ночника автоматически загорелся над изголовьем кровати. На часах почти полночь. Какого черта...

Он собирался завалиться обратно на постель, но гость снова напомнил о себе. Бормоча проклятия, Адан медленно поднялся. Шатаясь, кое-как сумел дойти до гостиной. Голова раскалывалась, разламывалась и совершенно не хотела соображать, но справиться с замком, хоть и не сразу, получилось.

— Что... — он не договорил. Изумленно уставился на ночную гостью. — Ты?! — в один голос вместе с той самой брюнеткой из бара воскликнул Адан.

— Она. И я, хотя мы не знакомы, — рядом с удивленной Мирой нарисовался незнакомый молодой человек.

— Но как... Роми же сказала... Ты погибла, — нахмурился Адан. Вспоминать подробности вечера было мучительно больно. Все, как в тумане, который не спешил рассеиваться. — Разбилась...

— О, она не погибла, — незнакомец не дал Мире и слова сказать. — Но могла. Мы можем войти?

Пару секунд Адан переводил взгляд с болтливого спутника Миры на неё и обратно. Выходило, что она жива и даже с компанией, а Роми соврала. Зачем? И вообще, что им нужно?

Говорить было больно. Думать еще больнее, поэтому подумает потом. Завтра. Или позже. Сейчас спать.

— Нет, не можете, — Адан закрыл дверь, заблокировал, а заодно отключил звонок и побрел обратно в спальню.

Через секунду слышалось незнакомое гудение, потом щелчок и шелест открывающейся двери.

— Нет, так нет. Но мы все равно войдём.

Адан резко обернулся, встретился взглядом с сероглазым незнакомцем, который так бесцеремонно, а, главное, легко вошёл в его квартиру. Не то, чтобы разозлился. Скорее, удивился. А еще понял, что теперь окончательно проснулся. Правда, чувствовать от этого лучше себя не стал. Но зато хотя бы вспомнил... Все или почти все- трудно предположить, какого-то звена не хватает или, наоборот, лишнее, когда вся цепочка событий пережитого накануне не дружила с логикой.

— Что эта рыжая дура сказала?! — возмущенный голосок Миры вынудил посмотреть на нее. — Что я разбилась?! Я?! Да она сама разбилась, идиотка! Особый день... Перемены... У неё он был точно особый. Ллэр её спас. А если бы не мы... Не он... — она кивнула на спутника, меньше всего похожего на человека, который стал бы кого-то спасать, — эта чокнутая подохла бы в грязи на поле.

— На поле... — повторил Адан, задумчиво потирая переносицу.

Правильно, на поле. Где же ещё? Именно там он видел Роми в последний раз. Сначала они куда-то летели, потом отказали приборы, кабриолет упал, но они выжили... Потом... Потом творилось что-то, что разум объяснять отказывался. А дальше... Последнее, что

помнил- огромная сиреневая луна. За секунду до этого- яркий зелёный свет от...

Он бросил взгляд на левое запястье- конечно, браслет. Свет на поле шел от него. А вот каким образом оказался у себя дома- ни малейшего представления. И что было потом- тоже. Похоже на провалы в памяти. Наверное, последствия падения. Но как-то он вернулся домой, вымылся и даже переделся- следов грязи на спортивных синих брюках и белой футболке не заметно.

— А вы что, знакомы? — Мира обернулась к своему спутнику.

— С ним? — тот, кого она назвала Ллэром, театрално нахмурился. — Не-ет. Никоим образом. Нам просто надо поговорить. Про поле, — он посмотрел на Адана. — И про цацку у тебя на запястье.

— Роми в порядке?

— Ну-у-у... — протянула Мира. — Можно сказать и так. Жива, только в отключке, а с головой и до аварии не дружила. А ты что? Тоже за нее переживаешь? — она нахально усмехнулась. — Ну ты даешь! После того, как она тебя в баре... — Мира запнулась. Видимо, не смогла подобрать подходящего слова, но он словно услышал те варианты, которые крутились у нее на языке. — Что вы в ней нашли оба? Больные люди! — громко хмыкнула она, обернулась назад. — Кухня там? Есть хочется, — не дожидаясь разрешения, исчезла в проёме. — Только не подеритесь, ладно? — послышался уже оттуда насмешливый голосок.

Эта развязная хамоватая девица в болтающихся джинсах, с глубокой ссадиной на правой щеке ничем не напоминала напуганного зверька из бара, но это была она. Мира.

Адан перевел изумленный взгляд на незнакомца в чёрной футболке.

— Она всегда такая?

— Последние пару часов- такая. А раньше, — тот развел руками. — Без понятия. Кофе угостишь?

— Попроси подружку, и мне пусть тоже сделает, — Адан кивнул в сторону кухни, внимательно взгляделся в серые глаза. Странное ощущение- от Ллэра словно повеяло ледяным холодом. — Ты хотел поговорить. Очень убедительно дал это понять, — он с ухмылкой покосился на входную дверь. — Значит, давай поговорим, — Адан подошел к окну. Нахмурился, заметив, как на оптическом изображении горного ландшафта побежали грубые помехи. Черт... Сегодня что, и правда, особый день? Вся техника решила испортиться? Или от пережитых потрясений уже рябит в глазах? Неизвестно, что хуже. Он со вздохом опустил в кресло, помассировал виски. — Если можно, сразу к делу.

— Слушайте, — сбоку послышался громкий голос Миры, — а можно я здесь останусь, а?

Адан обернулся, от неожиданно-наглого предложения удивленно замер, изумленно моргнул. Мира в проёме радостно улыбалась, но, кажется, не шутила.

— В Актарион мне всё равно пока нельзя. Надо сначала всё вспомнить. А здесь так классно, почти как дома. Не у меня, — она на мгновение помрачнела, через секунду опять расплылась в улыбке. — Но в общем похоже. Как-то по-человечески, нормально. Не то, что у вас, — Мира бросила короткий, будто извиняющийся взгляд на Ллэра. — Я или на солнце поджарюсь или умру короткими отрезками накручивать километры по замку. А кофе сделаю, с удовольствием, сама хочу, — она снова исчезла на кухне.

Адан вопросительно посмотрел на Ллэра:

— Надо полагать, это шутка?

— Насчет солнца и замка- точно серьезно, а в остальном, — тот пожал плечами. — Её

оставили без крыши над головой, у меня в Тмиоре, кажется, ей не понравилось.

— Жаль, ничем не могу вам помочь. Мне Мира не нравится, поэтому здесь не останется. Ты мне тоже не нравишься, — Адан ухмыльнулся, указал на свободное кресло напротив, — поэтому давай по существу.

— Давай по существу... — Ллэр неторопливо опустился в кресло, прищурился. — Роми была с тобой, когда едва не погибла. Как?

В его голосе не было угрозы или обвинения, скорее, неподдельный интерес человека, столкнувшегося с чем-то абсолютно неожиданным.

— Я не знаю, — честно ответил Адан. — Не помню. То есть помню, конечно... Что-то... Не всё.

— Постарайся. Если у тебя возникнут вопросы, возможно, я смогу ответить. Поле. Догорающая тачка. Вероятно, твоя. Что было до?

Адан несколько секунд молча изучал неожиданного собеседника. Внешний вид, появление, подозрительная настойчивость, если не сказать наглость- все это не должно было внушать доверия. И вместе с тем именно ему хотелось рассказать. Может быть, просто потому, что вечерние события настолько не вписывались в привычный уклад, что требовалось проговорить это вслух кому-то только для того, чтобы поверить.

— Хорошо... — начал Адан, но почти сразу осекся, задумчиво взъерошил волосы. До определенного момента все ведь было обычно... Офис, потом слушание в суде, снова офис, дела, клиенты. И так до самого вечера, пока не пришел в «Нольд». А дальше... Обморок темный бар, девушки, отсутствующая дверь. Именно с этого места заканчивалось обычное и начиналось невероятное, включая парочку, находившуюся в его квартире сейчас. — Тачка моя. Была, — он усмехнулся, удивляясь, с какой легкостью об этом говорит. — В общем, после знакомства в баре Роми приспичило покататься. Влезла ко мне в машину, не хотела уходить. Ну и... — Адан развел руками. — Докатались... Системы вдруг отказали, кабриолёт стал падать. Не знаю, как мы не разбились. Не понимаю... В голове до сих пор не укладывается. Ни это, ни то, что происходило там на поле. Роми нацепила на меня браслет, а когда появились Тени... Или люди... — Адан нахмурился. Описать словами то, что видел, не получалось. — Не знаю, что было дальше. Помню свет, очень яркий. Из этой вот штуки, — он приподнял левую руку. — Потом луна. Дальше- пустота. До вашего прихода. Я даже не знаю, как вернулся домой.

— Не люди, — Ллэр все так же щурился, пристально смотрел на него, и Адан скорее почувствовал, чем понял, что за этим взглядом что-то стоит. И в тот же момент незваный гость отвернулся, пробормотал: - Как же мне не повезло...

— А мне, думаешь, повезло? — хмыкнул Адан. — Весь вечер- просто мечта идиота.

— Ты жив, это уже первый плюс. Скоро проявятся другие. Плохо, что машинка сгорела. Я бы посмотрел на показания приборов за миг до падения, может быть, смог бы понять, что сожрало всю энергию.

— Зачем? — удивился Адан. — Все живы, страховка покроет...

— У тебя тут очень даже мило. Чистенько, но не маниакально, — почему-то позади них послышался хриплый голосок Миры. — А кровать даже больше, чем у них в замке.

Адан обернулся, смерил выходящую из спальни девицу пристальным взглядом. Когда только успела... Наверное, пока рассказывал про падение.

— Чего уставился? Я просто заглянула. Посмотрела и все. Интересно же. Ничего не трогала, в личных вещах не ковырялась, надо больно... — она опустила на столик

квадратный деревянный поднос с двумя чашками кофе, и Адан вдруг понял, что Мира не сказала ни слова с момента, как вышла с кухни.

Но тогда как?! Он же точно слышал.

Виски сдавило сильнее, чем раньше, гораздо сильнее... Невыносимо. Адан стиснул зубы, закрыл глаза. Вдох, выдох, вдох... Медленно, по чуть-чуть боль отпускала.

— Помочь? — участливо поинтересовался Ллэр. Адан не сомневался, вопрос адресован ему.

— Не надо... Сейчас пройдет... Наверное... — Свет от электрических ламп показался яркими прожекторами. Адан на секунду приоткрыл глаза и тут же снова зажмурился. Ллэра не заметил, зато успел увидеть Миру. Она влезла на диван прямо с ногами и с удовольствием уплетала огромный сэндвич.

— Доброта спасет мир, — провозгласила Мира с набитым ртом.

— Помолчи, а? — попросил Ллэр.

— И не подумаю! — Адан снова отчётливо осознал, что Мира не говорила вслух.

— Вот именно, сделай такое одолжение. Не думай, — морщась от боли, буркнул он.

— Хорошо она тебя шандарахнула в баре. Но, видимо, мало, — теперь Мира громко озвучивала мысли. — И пришла добить.

— Мира, заткнись наконец! — рявкнул Ллэр. — Не провоцируй его!

— А то что? — убавлять громкость Мира не собиралась. — Не надо было приводить меня сюда! Я бы прекрасно отдохнула и на твоём диване! И вообще, — судя по интонации, она злилась. — Мог бы оставить меня на лужайке дома, спаситель хренов. — Следом с дивана донеслось обиженное сопение.

Адан приоткрыл глаза и не сразу понял, почему ничего не видит. Оказалось, в комнате темно. Он с облегчением почувствовал, что стало легче. То ли отсутствие яркого освещения, то ли молчание Миры, то ли всё вместе. Он попытался сосредоточиться, но от невероятности происходящего мысли путались.

Какого черта с ним творится? Это не похоже на обычную мигрень или недомогание. Скорее, на легкое помешательство, когда кажется, что может слышать, что думают другие, когда видит то, чего не бывает и быть не может по определению, когда...

— Ой, а я её знаю! — молчание продлилось недолго. Мира нашла новое развлечение — картинки на окне менялись со скоростью света. — Это же...

Адан машинально повернул голову и замер. Чёрт! Он был уверен, что давно избавился от всего, что напоминало о Таль. Выходило, что заблуждался — с трехмерной картинкой, задорно улыбаясь и подмигивая, на них смотрела именно она.

— Выключи! — приказал Адан, оборачиваясь к Мире.

— Это же она! Точно она! — та даже не слушала.

— Выключи! — он резко вытянул вперед руку, собираясь отобрать пульт. Диван почему-то перевернулся, опрокинувшись назад, а Мира с пронзительным визгом отлетела к противоположной стене. Послышался грохот, потом слабый стон, и наступила тишина.

И тут же Ллэр, чертыхнувшись, исчез из своего кресла, чтобы в тот же миг появиться рядом Мирой.

— Ты рехнулся?! Контролируй свои мысли! Она нужна живой!

— Ты хочешь сказать, это я сделал?! — обомлел Адан.

Ллэр хмыкнул, но не ответил. Осторожно приподнял Миру и уложил ровно на пол, накрыл ладонью её лоб. Закрыл глаза. Окно затрепало, будто его закоротило, и вот-вот

посыпятся искры, но этого не произошло. Картинка мигнула и вырубилась. Вспыхнул яркий свет, кажется, чуть ли не по всей квартире, и тут же погас. Везде, кроме одного единственного светильника в дальнем углу гостиной. Ллэр всё так же сидел над Мирой, потом она вдруг шумно вдохнула и распахнула глаза.

— Тихо. Не шевелись, — проговорил он чуть слышно.

Адан медленно поднялся, растерянно скользнул взглядом по перевернутому дивану, уставился на стену. На шершавой каменной поверхности алел свежий кровавый след, причудливым изгибом уходящий вниз к паркету. Наверняка у Миры пробит череп или того хуже.

— Ллэр... У тебя нежные руки... И глаза... очень серые... красивые... — прошептала Мира. Или подумала, Адан не смог разобрать. Просто продолжал стоять около кресла, не двигаясь, и в ужасе смотрел на её бледное лицо. Теперь она снова была похожа на маленького зверька, как в баре. Только на покалеченного жестоким хищником, умирающего. В темных расширенных зрачках уже не напряженное ожидание и страх, а молчаливая мольба: - Ты же меня не бросишь здесь, правда? — еле слышно спросила Мира.

Адан отвернулся. Нет, он не хищник. Он- чудовище. Чуть не угробил Миру, а до этого на поле что-то сделал с Роми. Больше ни о каком «вероятно» не могло идти и речи. Услышанное и увиденное за вечер вдруг сложилось в одно целое. Что-то случилось именно с ним. Что-то плохое, неправильное. В баре или до... Или позже. Роми всего лишь хотела помочь, а в итоге чуть не погибла по его вине.

Невероятная авария, взрыв... Это его рук дело. И после всего он бросил её умирать в грязи, а сам спокойно вернулся домой. Теперь даже знал как- так же, как сейчас очутился у окна. Или как в его руке только что оказалась пачка сигарет- достаточно просто захотеть.

До сегодняшнего вечера он был, как все. Маленький винтик, живущий удобной, уютной жизнью, когда все вокруг четко, ясно, понятно. Но вдруг его собственный отлаженный механизм дал сбой. Что-то случилось... Что?!

Наверное, именно это собирались выяснить Ллэр и Мира. Поэтому явились к нему- хотели узнать, что произошло на поле, почему чуть не погибла Роми. Думали, что он знает, сможет помочь, а в итоге получили очень красочный рассказ, как все было, а главное, теперь точно знают, кто виноват. И «я не хотел»- уже не оправдание после того, как с чудовищной легкостью чуть не убил обеих девушек. Да и чуть- понятие относительное. Как там сказала Мира? Если бы не Ллэр, Роми бы погибла. В ее словах больше не приходилось сомневаться, потому что сам только что убедился: если бы не Ллэр, Мира бы тоже не выжила.

Адан прислонился плечом к стеклу, прикурил. Получилось не сразу- дрожащие пальцы не слушались. Несколько жадных затяжек не помогли, легче не стало.

Погруженные в ночную темноту небоскрёбы на мгновение осветились в пронзительных ярких вспышках зеленых молний. Где-то наверху, над Крышкой, на расстоянии двадцати пяти километров от нулевого уровня снова бушевала буря. Вода мутными потоками стекала по Сфере. Прочный, прозрачный купол из пластиковой стали, накрывший мегаполис, защищал город, не позволяя осадкам и вредным космическим лучам проникать в искусственную атмосферу. Потом, закончив фильтрацию, Система спровоцирует «ливни» внутри в количестве, необходимом для поддержания жизни.

В Бэаре никогда не было настоящего дождя, снега или ветра. Доведенный до автоматизма процесс обеспечения влажности воздуха, кислорода, фотосинтеза никогда не давал сбоев. Гарантированный и отлаженный механизм, чтобы все жители Бэара, словно

рыбки в аквариуме, могли и дальше существовать на этой мрачной и неуютной планете.

— Поделишься? — Ллэр, оказывается, уже стоял рядом.

Адан осторожно протянул полупустую пачку. Не хватало еще размазать по стенке единственного вмняемого в квартире. На всякий случай убрал свободную руку в карман и несколько секунд наблюдал, как тот прикуривает. По лицу Ллэра нельзя было понять, ни что тот думает, ни что собирается предпринять и собирается ли вообще. По идее- должен. После всего... Но от него все так же веяло холодом. Хотя, может, и хорошо, что ни его мыслей, ни чувств, ни желаний он не слышит.

— Она... будет жить? — глухо спросил Адан, поворачивая голову. На удивление диван снова стоял на своем месте. Там, на мягких широких подушках без движения лежала окровавленная Мира.

— Будет, — Ллэр затаился, выпустил облако дыма. Уставился в окно. — Сто лет не курил...

Адан промолчал.

Совершенно идиотская ситуация. Затуманенным мозгом понимал, что должен делать совсем другое, причём делать сразу, как только отшвырнул Миру. Вызвать врача, позвонить в полицию- все те тривиальные вещи, которые всегда советовал клиентам, потому что важно уже не почему так случилось. Исход дела решает то, что произойдет дальше. Только почему-то понимая все это, продолжал стоять, прислонившись к окну, тупо глазел в окно на ночной Бэар. И как будто со стороны размышлял обо всем. Отрешенно, равнодушно, пассивно.

Адан невольно усмехнулся. Ну хоть в чем-то он еще похож на истинного бэарца.

Можно, конечно, было бы позвонить. Но что он им скажет? Объяснить, что случилось, нормальным здравым языком просто не представлялось реальным. А Ллэр в приведении в чувство девиц, кажется, неплохо набил руку. Вряд ли даже самый способный врач смог бы сделать то, что вышло у него.

Звонить незачем, звонить некому. Это ничего не даст, только все еще больше усложнит. На шум все равно никто не придет. Просто не заметят. Ночь давно, да и дома уже много лет строят так, чтобы соблюдалась стопроцентная шумовая изоляция. Наверху или внизу могли устроить пальбу из петард, он бы все равно ничего не услышал. А судя по обрывкам разговора, которые сумел запомнить, Миру никто не хватится. У нее вроде бы даже дома не осталось. Взорвали или что-то такое... И вообще, складывалось впечатление, что эта парочка неожиданно вторгшихся в его квартиру гостей не местная и к Бэару отношения не имеет. Как это возможно, учитывая, что мегаполис наглухо закрыт Сферой, за пределами которой жизни не существует, в голове никак не укладывалось. Но увиденного и сделанного хватало с лихвой, чтобы не сомневаться- объяснение всему есть, просто он его ещё не знает и даже не подозревает, что так бывает.

Адан хотел затаиться, но взгляд упал на браслет, туго сжимавший левое запястье. Поднес руку ближе к глазам, осторожно дотронулся до металлической дужки миллиметров пять шириной без застежки или замка. Как снять- совершенно непонятно. Никаких рисунков не было, на первый взгляд- обычный металл, только прочный, потому что браслет даже не гнулся. Но в том, что блестящая хреновина вовсе не так безобидна и проста, как казалось, он уже тоже успел убедиться.

Мысль о том, что браслет- причина всех бед, не выглядела абсурдной. Ведь именно после того, как Роми нацепила его на запястье, начало твориться что-то необъяснимое. С ним, с ней... И появившиеся Тени-люди на поле, и яркий свет, и непонятное возвращение

домой. А теперь еще и Мира вдобавок ко всем странностям и неожиданным способностям.

— Ты знаешь, что это? — нарушил молчание Адан, кивая на запястье.

— Один из Наручников тайко, — ответил Ллэр, будто только и ждал этого вопроса. — По крайней мере, так их называла Роми. Тайко- вроде бы какой-то народ, которого больше не существует. Интересные были ребята, у атради дофига цацок их производства, — он замолчал. — Тебе короткую версию или длинную?

— Понятную.

— Одно из свойств браслета- связывать биополя двух людей, — Ллэр помолчал, может быть, подбирая слова. — Вероятно, Роми собиралась перенести тебя, и предполагалось, что пока трансформация не завершится, Наручник защитит тебя за счет ее биополя от солнца Тмиора.

— Куда перенести? И зачем? — нахмурился Адан, делая ещё одну затяжку.

— В Тмиор. К себе домой, подальше от тех существ. Думаю, это единственное, что пришло ей в голову. В общем, правильно пришло, только вот что-то пошло не так, — он посмотрел на Адана. — Твой наручник мертв. Роми- едва жива, из нее высосали всю жизненную энергию.

— Я высосал?

Ллэр пожал плечами.

— Если бы я точно знал, с чем вы столкнулись, я б смог ответить на этот вопрос. Но я не знаю. К сожалению, ты, как я понимаю, тоже. Там на пустыре зашкаливает энергетический фон. Хотя природу выброса я понять не могу, логично предположить, что Наручники имеют к этому самое прямое отношение. Могу я посмотреть?

Адан колебался всего секунду.

— Тмиор- это что? Или где? — спросил он, протягивая руку.

Ллэр даже не прикасался к браслету: металлическая дужка вдруг раскололась в одном месте и мягко соскользнула с запястья. Упав в ладонь молодого человека, на миг тускло засветилась и снова превратилась в обыкновенное блестящее кольцо без застежки.

— Абсолютно мертв, — пробормотал Ллэр, сжал пальцы. Продолжил, глядя на кулак: — Ты допускаешь возможность существования параллельных Вселенных?

— В данный момент, — все еще не придя в себя от изумления, пробормотал Адан, — я допускаю любую возможность.

— Тогда все просто. Тмиор- это и что, и где. Это всего лишь один из многих известных миров, самый молодой и возможно самый необычный.

— Просто? — хмыкнул Адан. Поискал глазами пепельницу, собираясь потушить сигарету, но не нашел. И в тот же миг понял, что тушить больше нечего- окурочек исчез. Несколько секунд молодой человек в недоумении смотрел на свои пальцы, потом перевел взгляд на Ллэра. — Это ты тоже можешь объяснить?

— Некоторые вещи мы просто... можем, — ухмыльнулся он. — Но ничто не исчезает в никуда. Ты, видимо, намусорил удаленно. Где обычно стоит твоя пепельница?

— Мы?! Что значит мы? — местонахождение окурка волновало теперь меньше всего. — Ты говорил... — Адан запнулся, вспоминая услышанное несколько раз слово. — Атради, правильно?

— Я- да. Ты, конечно, нет. Ты- доа или скоро станешь им, когда завершится метаморфоза. Вы что-то вроде двоюродных братьев атради. В чем-то похожи, в чем-то ничего общего. Одни корни, разное будущее, если можно так сказать, — он помолчал, потом

снова ухмыльнулся. — И опять спрошу, тебе длинную версию или пока достаточно?

— Мне понятную версию, — Адан вернулся к креслу и буквально рухнул в него. Кивнул на лежащую без движения Миру. — Она тоже атради, как ты? Или как я?

— Нет, она не атради и не доа, — Ллэр остался у окна. — Она- пешка. Разменная монета. Мира должна была погибнуть. Вернее, её собирались убить. Роми не соврала, когда сказала про аварию.

— Даже так?! — грубо оборвал Адан, от услышанного по спине побежал предательский холодок. Он сам себе не мог объяснить почему, но именно Роми теперь винил в так называемой метаморфозе, о которой говорил Ллэр. До встречи с ней он был обычным и нормальным. Если что-то и случилось, то там, внизу у стойки. Скорее всего, когда девица странно зыркнула и откинула его куда-то... Обратно в Бэар или... Не важно. Важно другое- вот почему Роми приперлась к нему в машину, собралась защищать, переносить в свой Тмиор, даже не интересуясь его мнением. — Если она, — Адан кивнул на Миру, — должна была погибнуть, ты почему-то ее спас. Дважды, — тихо добавил он. — И сказал, что она нужна живой. Значит, для тебя она вовсе не разменная монета. А еще ты привел ее сюда, ко мне... Ллэр, зачем вы пришли?

Он хмыкнул:

— Я пришел поговорить. С собой её потащил только потому, что не хотел бросать в Замке, — Ллэр наконец прекратил созерцать картину за окном, тоже сел в кресло. — С таким характером это чревато...

Адан невольно улыбнулся.

— Не веришь?

— Верю. Характер у неё действительно не сахар.

Ллэр кивнул, помолчал.

— Мой единственный опыт подобного разговора — когда я был на твоём месте, — он обернулся, посмотрел на Миру. Перевел взгляд на Адана. — Ты опасен. И для себя, и для окружающих, если это тебя волнует хоть каким-то образом. Я шёл поговорить, а увидел... Бесконтрольную ментальную силу, которая к тому же еще будет расти. Наш потенциал не раскрывается весь сразу. Первый всплеск обычно идет в половину силы. Пусть на поле меня не было, но я могу предположить... Тебе плевать на Роми, на Тмиор, но суть не в этом. Суть в том, по всем следам, по тому, что ты сам помнишь о тех... Тенях- за тобой пришли. И ты не дал себя в обиду. Насколько я разбираюсь в подобных вещах, этим не ограничится. И не то чтобы я сильно переживал за твою жизнь из чисто альтруистических побуждений, но ты побывал вместе с Мирой в Плещи и после этого чуть не убил Рэм, а вот это уже лежит в плоскости моих непосредственных интересов.

— Каких именно интересов?

Ллэр поморщился, ответил, словно нехотя, после паузы.

— Я хочу изменить кое-что в моем образе жизни. Это сейчас мой единственный интерес. Возможно, не только Мира, но и ты сможешь мне в этом помочь...

Адан изумленно уставился на него. Он ожидал претензий, упреков, даже угроз, а Ллэра, казалось, не волновало то, что случилось.

— Я пока не знаю, как, если твой удивленный взгляд должен означать именно это. Но ты вовлечен, а значит, нам по пути. По крайней мере, в ближайшее время, если у тебя нет склонности к самоубийству, — он помолчал. — Наверное, я должен был еще кое-что объяснить о мироустройстве. Атради считают, что Тмиор- центр, а еще точнее- вершина

некого конуса или ядро шара, Солнце всего. Есть миры, которые принято называть Зрелыми. Они- вокруг Тмиора. Потом следует некая Граница, преграда, за которой- все остальные. Вы. Песочница. Зрелые миры не так уж отличаются от многих миров Песочницы, но они находятся с другой стороны, многие из них- в курсе существования иных реальностей, для них путешествовать в параллельные Вселенные так же обыденно, как для других- поехать в другую страну. Они в той или иной степени знают и об атради, и о Тмиоре. Вы же ничего не знаете, — он развел руками. — А еще есть Плешь. Некий фильтр. Но местами хреновый такой фильтр. Дырявый. Тот бар, что ты упоминал сегодня- скажем так, именно там и находился. Но это не то место, куда можно случайно забрести по дороге домой. И в вашем там появлении я и хочу разобраться. Потому что Плешь всюду и в то же время- плотнее по эту сторону Границы. Настолько плотнее, что твое случайное попадание туда практически исключается. Есть правила, есть законы, есть Смотрители атради... Тебя там, вообще, не должно было быть.

— А ее? — Адан кивнул на Миру.

— Она- случайный сбой в механизме контакта Тмиора и Зрелых миров. Подправили бы память и отправили бы домой. В Актарион. Собственно, Роми так и сделала.

На отсутствие информации жаловаться не приходилось. Наоборот, её было много. Слишком. Настолько, что связать всё услышанное в одно целое, задуматься, сопоставить факты просто не получалось.

— Понятно, — Адан потянулся к пачке. Закурил, медленно выпуская дым. Вдруг с удивлением заметил на столике пепельницу с одним единственным окурком. Его окурком. Улыбнулся: - Я бы тоже хотел во всем разобраться. Что конкретно ты предлагаешь?

— Как бы парадоксально это ни прозвучало, но для начала я предлагаю тебе пойти сейчас с нами. В мой мир. Тмиор. Тут я больше ничего не могу сделать для нее, — Ллэр кивнул на Миру. — Тебе не нужен браслет, чтобы защититься от нашего солнца, в остальном там безопаснее всего.

Адан задумчиво уставился на тлеющий конец сигареты. Ллэр не договаривал. Может быть, врал. Внезапные телепатические способности тому виной или просто голос опыта, но уверенность, что это так, была практически стопроцентной. Адан не сомневался, просто знал, чувствовал. Другое дело, что с этим знанием делать дальше. У Ллэра могли быть собственные причины не доверять и сознательно о чем-то умалчивать. Он бы на его месте точно не стал откровенничать с психом, не способным контролировать желания и мысли. Тем более, если когда-то сам побывал на его месте.

Ллэр всё же прав, он, Адан, сейчас опасен. Для себя и для окружающих. По крайней мере, пока не научится управлять свалившимся на голову «счастьем» или пока не избавится от него. Даже если это не половина силы, и Ллэр ошибался, все равно достаточно, чтобы стать причиной новой трагедии. Уж среди клиентов и чёртовых зануд-бюрократов Системы справедливости Бэара встречаются экземпляры похуже Миры, и совсем не хотелось, чтобы так успешно начатая карьера адвоката, сулившая много всего замечательного в будущем, неожиданно закончилась размазанным по стенке зала заседаний клерком или тем безобразием, что мысленно Адан часто желал с ними сотворить.

Ещё один плюс в пользу Тмиора- Роми. Она, в отличие от Миры, не была пешкой, случайностью или сбоем механизма, и должна понимать, какого чёрта случилось в баре, и почему он стал каким-то доа с метаморфозами.

Был ещё один небольшой плюсики- авария и разбитый кабриолет. Обморок в «Нольде»

при свидетелях- достаточная причина, чтобы оправдать потерю управления и как итог сгоревшую грудку металла. А вот объяснить, как очутился дома да еще так быстро- нормально не получится. Говорить правду- не поверят, утверждать, что не помнит- навлекать подозрения и дополнительные расследования. Гораздо лучше, если исчезнет на несколько дней из Бэара.

Его будут искать. Конечно же, проверят офис, отследят все звонки по сотовому, встречи, придут в квартиру, увидят кровь на стене, проведут анализ ДНК и... ничего не обнаружат. Данных Миры в Системе мегаполиса быть не могло по определению. Вот и пусть пошевелят мозгами, а он потом вернется. Может быть, уже обычный, нормальный. И будет утверждать, что ровным счетом ни черта не помнит, и вполне возможно, что это окажется правдой, если им с Ллэром удастся все выяснить, а потом с подкорректированной памятью вернуть его обратно в Бэар.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — Адан затушил недокуренную сигарету, поднялся. — Что мне надо взять, чтобы не оказаться в твоей одежде, как Мира?

***

Малюсенькие молоточки выбивали в висках барабанную дробь. Тарадам-там-там. Секундная пауза. И снова тарадам-там-там. Вдох. Выдох. Тарадам-там-там...

Снова дышать было странно. Вспоминалось- за какую-то долю секунды воздух становится сначала густым, липким и тут же сухим, дерет горло, а потом и вовсе заканчивается. И тогда начинается темнота. Хочется сделать глупость- например, забрать чью-нибудь жизнь, выбор «ты или кто-то еще» сейчас не стоит. Но ничего не выходит, будто вокруг ни души.

Глаза открывать не хотелось, и этому нежеланию, по крайней мере, можно отдаться. Запросто- веки будто смазали клеем, все равно не разлепить.

Жаль, что бесконечно так продолжаться не может. Те твари, что так легко вышли на их след и еще легче высосали всю энергию из кабриолета, а заодно, кажется и из нее самой, не дадут отлеживаться вечно. Вряд ли Адан уничтожил их- Роми не почувствовала в тених плоть, только мощь энергетических полей неизвестного ей типа. Неизвестного! Никогда ничего подобного она не видела и даже не слышала о таком. Ползла на свою голову... Ну и сменка!

Роми пошевелилась. Стук в голове усилился, в затылок словно вбили большой, раскаленный гвоздь. Она застонала. Вроде ж не били... Откуда такая боль и слабость?! Неужели, её действительно вычерпали практически до дна?

Стиснув зубы, Роми попыталась сесть. Тело никак не хотело принимать вертикальное положение, но понять, что под ней не холодная сырая земля, а, кажется, постель- удалось.

Ладно. Тогда сначала раскроем глаза.

Вместо ночного, дождливого неба обнаружился потолок. Знакомый. Невысокий, скошенный. Деревянный. Роми перевела взгляд на окна, стены...

Тяжелые шторы раздвинуты лишь на самую малость. За ними все равно прячется плотный тюль, через который практически не просачивается свет, да и не особо есть, чему просачиваться- за окном вечер.

Полумрак не мешал узнать место.

Не мерещится. В этой комнате она бывала не раз и знала каждый ее миллиметр. Каждую тень в углах, каждую картинку на стене, фигурку на полке...

Спальня Алэя.

Тмиор. Она дома. Закрыла глаза на поле за Границей, а открыла- дома.

— Какого... — вторая попытка сесть оказалась удачнее, но головная боль нахлынула с новой силой. Роми рухнула на постель, тихонько застонав. Где-то справа должна быть кнопка...

— Рэм?

— Алэ?! — от неожиданности она снова вскочила. Где он, Роми не видела, не могла разглядеть. Но только Алэй теперь называл ее Рэм, и это был его голос. — Ты... я не слышала... Где ты?

Тихо зажужжал мотор инвалидного кресла, Алэй появился из темноты:

— Ты в порядке?

Они не виделись несколько месяцев, за это время он похудел еще больше. И стал бледнее, чем прежде- серые глаза казались почти чёрными. Роми сглотнула. В порядке ли она? Ты сам-то не совсем в порядке, дружище, хотелось ответить. Столько лет прошло, а ты все ещё не в порядке, все еще не разрешаешь зажигать у себя в комнате свет, не выходишь на свежий воздух и почти ни с кем не разговариваешь.

— Что я здесь делаю?

— Тебя принёс Ллэр.

— Ллэр? — она удивленно моргнула и только сейчас вспомнила, что в какой-то момент нацепила на Адана Наручник. Машинально проверила запястье. Все правильно- второй не ней. Наверное, Ллэр почувствовал... — Когда?

— Ты была в отключке пару часов.

Пару часов...

Последнее, что она помнила- как внезапно стало катастрофически не хватать энергии. Ни на что. Жизненная сила вытекала из неё, как из пробитого сосуда. И тогда она попыталась сделать то, к чему атради поклялись прибегать только в самых крайних случаях- взять силу у населявших этот мир людей. Всю, какую только могли они дать. Пусть бы это привело к эпидемии, даже к чьей-то смерти. В тот момент хотелось одного- выжить. Удрать. Существа-Тени казались опасными. От них веяло такой древней мощью, что Роми испугалась, и стала действовать, как загнанный в угол зверь: сначала она, потом весь мир.

У неё ничего не вышло. Казалось, только оттягивает неизбежный конец. А потом тот, кого она явилась туда вроде как защищать и вводить в курс дела, что-то сделал такое, на что она оказалась не способна. Из его рук брызнул зеленый свет, и Роми стала задыхаться. По-настоящему.

Голова болела невыносимо. Она принялась массировать виски. Была бы сейчас за Границей, как бы легко удалось все исправить! Проклятый Тмиор, ненавистная Колыбель...

Роми глубоко втянула носом воздух, чтобы не закричать.

— Есть таблетка?

— Есть лучше. Слева под подоконником ящичек.

Там нашлись синие кругляши с впрыскивателем. Сильнейшее обезболивающее, привезенное из одного из самых технологически развитых миров: Роми узнала язык на упаковке с инструкцией. Удивилась, но ничего не сказала, приложила к венам на запястье, придавила. В кожу впилась микроскопическая иголка, вводя лекарство. Боль сдала свои позиции почти мгновенно.

Она посмотрела на Алэя.

— Не надо. Я не злоупотребляю, — сказал тот.

— Я ничего не говорю.

— У тебя был очень характерный взгляд.

— Алэ...

— Я- жалкое зрелище. Я знаю, незачем мне об этом напоминать.

— Я ничего не говорю! — с ним всегда было тяжело. — Ты хотел покончить с собой, это был твой выбор, и я его уважаю. Давай не будем сейчас об этом! — Роми осеклась. Сама удивилась, как легко, даже грубо, удалось выпалить все это.

Алэй улыбнулся:

— Так где ты там перешла дорогу нашему оптимисту?

Она удивленно вскинула брови.

— Почему ты решил, что я перешла ему дорогу?

— Потому что это Ллэр. Он сказал, что ты оказалась не в том месте, не в то время, не это же Ллэр. Просто так он никому не станет помогать. Даже тебе.

— А он помог?

— Он принес тебя домой. Сюда. Не знаю, откуда, но ты была на грани. Еще немного-солнце Тмиора тебе бы уже не помогло, — он помолчал. — Рэм, не говори мне, что ты веришь, будто это случайность.

— Ты же видел Наручник у меня на руке. Наверное, он хотел высказать своё недовольство, а вместо этого нашёл мой недотруп.

Алэй прищурился.

— С ним была девчонка.

— Девчонка?

— Ага. Чёрные волосы, карие глаза. Вызывающее поведение, вся в грязи... Судя по произношению- Ближня.

— Понятия не имею... — Роми нахмурилась. Описание подходило, но этого просто не могло быть. Она сама видела, как взорвался таксилет той дурехи, с которой столкнулась в Плещи. В такой аварии никто не мог выжить. Или мог? Если, к примеру, рядом на удачу ошивался такой себе бездельник-атради... Вот так вот. Чисто случайно. Ага.

Обо всём этом стоило подумать. Неторопливо и обстоятельно. Или забыть, вычеркнуть из памяти, как страшный сон, и вернуться на вечеринку к Маррену. Сколько там прошло? Пару часов отключки, полчаса в «баре» Плещи можно, вообще, не считать, полчаса всего остального. Народ даже не успел как следует набраться.

Смена уже закончилась, теперь за злополучной Плещью наблюдает кто-то другой. Ему, конечно же, повезёт, на его веку никто не вломится и не устроит фейерверк...

Какое ей дело до очередной нелепой авантюры Ллэра?

— Он что-нибудь говорил?

— Говорил. Дать тебе таблетку.

— Таблетку?

— Сказал, что у тебя будет болеть голова, — Алэй помолчал. — Он выглядел уставшим и потрёпанным.

— Потрёпанным? — она вдруг поняла, что постоянно тупо переспрашивает Алэя. Мозг требовал солнца и отдыха, но похоже, что в ближайшее время ей светят луны и размышления. Роми виновато улыбнулась. — Алэ...

— Все понял, — он улыбнулся в ответ. — Сон и еще раз сон. Моя кровать- твоя кровать!

— Нет, — она покачала головой. — Спасибо. Я пойду на террасу. Луны, конечно, не

солнце, но все же лучше, чем ничего.

Той энергии, что она впитала за несколько часов в полутемной комнате Алэя, не хватило бы даже на легкий переход на другой конец Замка. Она нуждалась в энергии солнца, но до рассвета был ещё не один час. Роми чувствовала слабость, а потому злилась. Уже, действительно, забылось, когда последний раз её так опустошало.

Обратно на вечеринку не хотелось. Вряд ли кто-то заметил её отсутствие, а настроение уже не то. Обдумывать случившееся пока тоже не получалось. Она даже не могла вспомнить имени молодого человека. Девчонку звали Мира. А вот парень или не представился, или ей отшибло память. Или это было сделано нарочно.

Роми вдруг осенило- странности начались уже в Плеша. Там, тогда подумалось, что он особенный, готов к переменам, сильный и способный. Такой быстро пройдет все стадии метаморфоз и уже через месяц, ему, как и ей, понадобится солнце Тмиора. Девчонка же слабее и будет сопротивляться до последнего, а потому проще подтереть её память, подправить биополе, психокинетический код и вернуть домой. И только сейчас Роми поняла, что было не так с самого начала. Таких, как эти двое, в Плеша просто не могло быть. А если к этому добавить последующее появление на арене Ллэра...

Интуиция подсказывала- это ещё не всё. Закрывать на это глаза? Выбросить из головы?

Роми вдруг осознала, что все её нервы только из-за того, что она не может погрузиться в решение задачи прямо сейчас, что вынуждена подзаряжаться от солнца Тмиора, как проклятая батарейка. А луны... Луны только дают свет, увлажняют кожу и чуть-чуть бодрят. Даже если, как сейчас, скинуть с себя всю одежду и проторчать на открытой террасе полный цикл, настоящей энергии в организме не прибавится. Проклятые луны.

Неприятно чувствовать себя от чего-то зависимой. Пусть даже это солнце родного дома. Малочисленные Зрелые миры, что по Эту сторону, короткие визиты на Ту сторону, и Тмиор- вот и все, что доступно теперь тем, кто раньше ворочал Основаниями. Только здесь, под раскаленным красным солнцем, атради чувствовали былую силу. Только этот мир мог их выносить бесконечно долго. Потому что здесь некем управлять. Не на ком паразитировать.

Клетка. Очень просторная, но всё равно клетка, и бывших хищников бросили в неё, предварительно вырвав зубы. Невыносимо. Забытое чувство. Забытые мысли. Роми слишком давно не была там, в Песочнице.

— Можешь не верить, но я рад, что Ллэр успел вовремя, — послышался сбоку тихий мужской голос. — Прости, что так получилось. Там, на поле... — тот самый парень из бара, живой и невредимый, стоял на террасе и смотрел на ночное небо. — Люблю луну. А вас их целых две. Красиво.

Если Роми еще хоть немного колебалась, ввязываться во всё это или нет, то теперь последние крохи сомнения исчезли. Игра, что затеял Ллэр, серьезна, и остаться в стороне Роми не сумеет.

— Я верю, — она чуть улыбнулась, не спеша подошла к плетеному креслу, взяла с него шелковый халатик. Короткий, едва-едва прикрывающий то, что нуждалось в прикрытии, но все равно лучше, чем ничего. — У нас тут... да. Можно сказать, что красиво. Ты помнишь, что именно «получилось» на поле?

— Почти, — он по-прежнему не смотрел в её сторону. — А ты?

— Почти, — этот вариант подходил и для нее. Она помнила- что, не понимала- как. Роми снова улыбнулась. — А здесь ты как оказался?

На этот вопрос она и так знала ответ, но хотелось послушать, что скажет он.

— Ллэр пришел ко мне, — парень обернулся и грустно усмехнулся, — или за мной. Наверное, он лучше меня сможет объяснить тебе все, что случилось. Я сам не совсем понимаю, что... там произошло. Как... Да и вообще... Каким образом я превратился в неуправляемую кинетическую энергию, которая чуть не убила тебя и Миру. Надеюсь, что ты знаешь ответ. Там в баре, внизу... Ты же что-то сделала со мной. Я бы хотел знать, что именно.

— Психокинетическую, — машинально поправила она. Значит, действительно Мира. Значит, Ллэр не дал ей погибнуть, приволок за собой в Тмиор, потом потащил дальше... Так? Или... Роми нахмурилась, затем в который раз улыбнулась. Слушать объяснения Ллэра не хотелось, но видимо придется. Не избежать, но можно хотя бы оттянуть.

— Как тебя зовут, а?

— Адан. Адан Свир, — он снова отвернулся. Повторил вопрос:- Что ты сделала?

— Ты имеешь в виду, как-то тебя изменила? — Роми встала рядом, облокотилась о парапет. — В баре я просто отправила тебя обратно. Туда, откуда ты в него вошел. Прости, вышло некрасиво, я обычно сдержанней, — она сама не понимала, почему так резко среагировала, и даже не стала задумываться над поступком. Вытолкнула и ладно. Все ж целы. Сейчас- задумалась. Ну подумаешь, схватил! Не первый и не последний в ее жизни мужик, который распускает руки, да еще и не самым грубым образом. Но реакция была молниеносной. Будто перед ней оказался враг. Даже не так. ВРАГ. Большими буквами. — Больше я ничего не делала. Не смогла бы.

— Ты веришь в совпадения? — задумчиво спросил Адан.

— Нет.

— Я тоже. И точно знаю, что до бара был совершенно нормальный. Обычный. Ничего психокинетического за мной не наблюдалось, — он сцепил руки в замок, как-то странно посмотрел на них, словно видел впервые или с ними было что-то не так. — Что-то случилось. Не просто так. И если не бар, то виной всему браслет.

— И не браслет тем более. Ты ищешь сложное объяснение, ищешь что-то, что мог бы обвинить в том, что произошло. Бар... Плешь- следствие того, что ты перестал быть нормальным. Что-то в тебе изменилось. Что-то проснулось. Раньше. Поэтому ты и оказался в Плеши. Но это вовсе не появилось из ниоткуда... — вспомнились книжки и фильмы, популярные в одном, не самом продвинутом мире. — Тебя не кусал никакой ядовитый паук, на тебя не переворачивали чан с химикатами, не насылали проклятия. Ты просто такой родился, и рано или поздно подобное бы обязательно произошло. Если способности есть, они не будут спать вечно.

Она замолчала.

Так всегда бывало в тех случаях, когда Плешь затягивала новичка. Того, кто в последствии превратится в одного из них. Именно для этого и нужны были Смотрители и Проводники атради, чтобы не бросать ничего не понимающего человека в омут перемен без подстраховки, и чтобы по Плеши не шлялись заблудшие души- тот, кто попал туда, самостоятельно ни за что не выберется.

Но Адан прав. Здесь крылось некое совпадение или нестыковка, только ухватить догадку за хвост не получалось.

— Понимаешь... Я ищу любое объяснение. Любое нормальное, в которое поверю. А пока, — он обернулся к ней, опираясь на локоть, — все выглядит так, словно кто-то все это подстроил. Зачем-то... А еще я не могу не думать, что из-за меня могли... все еще могут

погибнуть люди.

Роми выдержала пристальный взгляд зеленых глаз, хотя в какой-то момент безумно захотелось отвернуться. Казалось, Адан может видеть больше, чем она. Может забраться к ней в голову, услышать что-то, что она скрывает. Даже то, о чем она сама не подозревает.

Только казалось, конечно. Никаких реальных попыток она не чувствовала, да и невозможно это в Тмиоре. К тому же, для подобных манипуляций рано. Не на этой стадии метаморфоз... Впрочем, как знать! Он ведь справился с теми, кого она не смогла даже опознать.

— Могли. Но это была не твоя вина. И могут, если будешь относиться к этому беспечно, — она тоже теперь опиралась на один локоть и смотрела на него:- Необходимо было подставить кого-то под удар, чтобы ты это понял?

— Интересно, сколько раз надо подставить под удар тебя, чтобы выбить высокомерие и манеру всех поучать, Смотритель атради? — Адан широко улыбнулся.

Она прищурилась.

— На поле ты вел себя глупо.

— Ты бы, конечно, на моем месте вела себя умнее. Не сомневаюсь, — подмигнул Адан. — Начинаю понимать Миру.

— И что же Мира? — Роми вскинула брови.

— Ты ей не нравишься, — парень пожал плечами. — А может, она просто ревнует.

— А, вот значит как... Удачи Мире.

— И что это должно означать? — рассмеялся Адан.

— Только то, что она зря растрчивает свои силы на ревность ко мне. Ллэра можно ревновать только к одному человеку- к самому Ллэру.

— Голос горького опыта? — он снова уставился на ночное небо. — Не отвечай, я так... просто. Это не мое дело. Расскажи лучше про ваш мир.

— Тмиор... Жаркое солнце, яркая трава, всегда лето, дожди идут только по ночам и очень редко, море... — она задумалась. Про Тмиор можно было говорить долго и ничего не рассказать. Потому что тут почти ничего не было. Только бескрайние девственные леса и один единственный гигантский Замок. Может быть, у кого-то из них и имелись свои собственные берлоги в уединенных уголках планеты, Роми о таких не знала да и не пыталась узнать. Тмиор- пустой мир, непонятный даже тем, кто его населял. — Послушай, расскажи мне лучше сначала про Миру. Ты сказал, что чуть не убил ее.

— Да, только я ничего о ней не знаю.

— Ты был в Актарионе?

— Я даже не знаю, что это такое, — Адан развернулся. — Или где это такое... Но, видимо, мир, из которого к вам попала Мира, так?

Роми кивнула.

— Так... — она не сомневалась, что он говорит правду. Даже такие мелочи, как ощущать, где правда, а где ложь- не доступны на Тмиоре, но интуицию и годы опыта общения с людьми никто не отменял. Предполагать же, что если это Адан стоит за аварией Миры, что он в чем-то заодно с Ллэром, что он прекрасно знал, кто напал на них на поле, а остальное не больше, чем игра... Нет, слишком сложно, многоуровнево и непрактично. Затеи Ллэра проще, он слишком самоуверен, чтобы плести нечто сложное, сбивающее с пути преследователей. Ллэру всегда было плевать, раскроют его замыслы другие атради или же вообще не заметят его возню. Других соперников, кроме соплеменников, у них быть не

могло. Адану же, тем более, не зачем играть в такие игры с атради. — Значит, ты сделал что-то с ней позже?

— Угу, — он отвёл взгляд и торопливо отвернулся.

— Похоже, на этот счет я от тебя больше ничего не добьюсь, — она усмехнулась. — Тогда Тмиор. И мы. Не знаю, что именно я должна тебе рассказать, и почему-то чувствую, что стандартное введение в курс дела- не тот подход. Но попробую. Здесь живем только мы. Никаких местных жителей. На всей планете нет ни одного города, поселка или просто даже захудалого палаточного лагеря. Нас несколько тысяч. Если быть точным- три тысячи семьсот восемьдесят два человека. С тобой будет восемьдесят три. У каждого есть своя нора в этом Замке, пространство внутри которого искажено. Снаружи- гигантский, внутри же... почти бескрайний. Не спрашивай, как такое возможно. Мы не знаем и, честно говоря, не пытались узнать. Всему виной какая-то местная аномалия, которую удалось подчинить тем, кто привел нас сюда тысячелетия назад.

— Ллэр сказал, что в Тмиоре я буду в безопасности. В первую очередь от самого себя, — он ухмыльнулся. — И не смогу повторить того, что сделал с Мирой. И с тобой тоже, — Адан вдруг с улыбкой обернулся и выразительно обвел ее взглядом сверху вниз и обратно, подмигнул:- Здесь все девушки-атради разгуливают в таком виде по ночам или мне просто повезло?

— Мне необходим свет, — выпалила она. Осеклась, почти испугалась. Адан еще столько не знал, не понимал. Он видел лишь раскрепощенную или бесстыжую девицу, никого и ничего не стесняющуюся, не знающую меры и приличий. А она едва не загнулась от опустошения, от голода и могла думать только об энергии, которой катастрофически не хватало, и о бодрости, которую дарили Луны. Это можно преподнести по-разному. Роми предпочла улыбнуться. Тем более, что многозначительный взгляд Адана способствовал бодрости и хорошему настроению лучше любой луны. — Свет солнца Тмиора или хотя бы его двух лун для нас единственный источник жизненных сил. Одежда мешает. Так что... Нет, не все так расхаживают. Хотя стеснительность не в моде. Но да, тебе повезло, только в другом- в том, что ты вышел именно на эту террасу.

— В везение я верю еще меньше, чем в совпадения, — Адан помрачнел. — После всего, что увидел сегодня, что узнал, что сделал... — он прижался спиной к парапету, сунул руки в карманы брюк. Несколько секунд молча разглядывал стены Замка, темный коридор, потом обернулся к ней. — Вряд ли ты или вообще кто-то, кто не пережил сам, в состоянии понять, что я сейчас чувствую. Каково это неожиданно измениться, не желая и даже не задумываясь, что такое возможно. Утром проснуться обычным бэарцем, прожигая жизнь без размышлений о смысле, а вечером обнаружить, что ты совсем другой- опасный, способный на вещи... На ужасные вещи! Вдруг убедиться в существовании чего-то, что или не представлял или не верил... Не просто узнать о параллельных мирах, а стоять вот так на террасе замка в Тмиоре, любоваться двумя лунами, словно это само собой разумеющееся. Разговаривать с тобой после того, как из-за меня ты чуть не погибла там... на поле, — он сердито тряхнул головой. — Наверное, все могло быть еще хуже, но все равно это слабое утешение. Главным образом, потому что я ничего не понимаю. Только одно знаю точно: к везению все, что произошло сегодня со мной, не имеет никакого отношения. Кто-то очень хотел, чтобы меня втянуло в Плещь. Его желания оказалось достаточно. И на эту террасу я вышел, не потому что мне повезло. Я думал о тебе, хотел найти. И нашел, — Адан слегка подался вперед, сжал её ладонь горячими пальцами, пристально посмотрел в глаза. — Ты,

наверное, думаешь, что Ллэр перенес меня в Тмиор, чтобы превратить в три тысячи семьсот восемьдесят третьего атради. Это не так. Я здесь... у вас... временно. Я не атради и никогда им не буду. Я... — он нахмурился, недовольно поджал губы. — Ллэр говорит, что я- доа, в чем-то похож на атради, в чем-то совершенно другой. Ваше солнце для меня безвредно. И если верить Ллэру, вы, атради, должны принять меня за своего. Только всё как-то... До нашего разговора я надеялся, что смогу стать прежним, обычным собой. Что надо всего лишь найти причину, почему и как я изменился, устранить её и всё. Но теперь, кажется, привыкаю к мысли, что вы правы. Таким, как раньше, я не буду уже никогда. А поэтому еще больше хочу узнать, почему способности проснулись именно сейчас. Ллэр, видимо, тоже заинтересован в этом. Поэтому, как он выразился, нам с ним по пути.

Нашел, потому что думал... На такое не способны новички. Не должны быть способны.

Сами атради редко когда плуτούν в многомерном Замке- им не составляет труда выйти на того, кто им нужен и о ком они думают. Но чтобы так же легко коридоры выводили новичка или гостя- вот об этом Роми слышала впервые.

Она ведь и сама подозревала, что с Аданом не все так просто, что он вряд ли еще один из. Три тысячи семьсот восемьдесят третий. Но доа? О них Роми ничего не знала. Даже название нигде не встречала. А вот Ллэр, как всегда, оказался осведомленнее. Ну или вешал лапшу на уши молодому человеку, преследуя свои собственные цели, а на деле Адан просто сильнее кого бы то ни было, кто доселе попадал в Плешь и становился атради.

В это не верилось.

— Тебя, действительно, примут за своего. А не примут- так просто не обратят внимания. Раз ты здесь, значит, имеешь право- так относится большинство моих сородичей к новым лицам. В Тмиоре ты в безопасности, — Роми улыбнулась. — Но временно, так временно, — она помолчала. — Если ты ждешь от меня помощи и ответов и поэтому нашел... Я не слышала о доа и не представляю, кем должен быть человек, что смог дать толчок твоему раскрытию и создать такую ситуацию, когда Плешь пропустила бы тебя.

Роми вдруг подумала: разве что самим Ллэром. Он способен на многое, если не на что угодно. Он прошел не через толчок, но через подобное, хоть одареннее него она до недавнего времени никого не встречала. Даже Алэй, при всей своей ныне утерянной силе, был гораздо слабее.

— Жаль, — Адан улыбнулся, выпуская ее руку. — Хотя я, конечно, не надеялся, что у тебя есть ответы на все мои вопросы. Но кое-что ты все-таки знаешь и не рассказываешь мне...

— Что?

— Ты ведь была в Актарионе уже после Плеши, — он не сводил с нее пристального взгляда, — после того, как вытолкнула меня из бара. Зачем? И почему потом отправилась в Бэар?

— Была. В этом никакой тайны. Мира слаба, не как ты. Такие, как она, иногда просто попадают в Плешь, по никому не понятной случайности. Тогда такие, как я, подправляют им мозги, чтобы они могли продолжать свою жизнь, как ни в чем ни бывало. Поэтому я и пошла. А за тобой я собиралась вернуться, потому что тебя надо вести дальше. Не бросать на произвол новых умений. К тому же, ты был загадкой. Человек из-за Границы... Но когда я увидела, что Мира погибла... Вероятность такого совпадения- практически равна нулю. Я не хотела, чтобы и ты...

— И это я вел себя на поле глупо? — Адан нахально усмехнулся. — Ты видела, какой я,

почувствовала мои способности еще в баре, поняла, что мне грозит опасность, но все равно пошла за мной? Безрассудная и самонадеянная!

— Конечно, пошла, Адан! Любой атради пошел бы. Это правило. Мы никогда не бросаем новичков. Если бы я не вытолкнула тебя из Плеша, ты бы так и бродил там до конца своих дней. Если бы я оставила тебя самого разбираться с новоприобретенным счастьем, то неизвестно, к чему бы это привело. Тебя, твою семью, друзей... Даже твой мир. Конечно, это всё верно, будь ты обычным новичком. Насколько ты не обычный, я узнала только на поле. В баре я почувствовала просто способности. Того, что случилось после, я не ожидала.

— Ты могла все объяснить там, в баре.

— И ты стал бы меня слушать? — она улыбнулась.

— Не знаю. Может быть, — пожал плечами Адан. — Но ты могла попробовать, а не выталкивать из Плеша. Ты могла не позволить тупо бродить, искать дверь, которой там все равно не существовало, не пудрила бы мозги коктейлями и болтовней ни о чем. И тогда, может быть, мы сейчас знали бы, кто эти Тени, и кто их послал. Вполне возможно, мы вместе могли бы предотвратить аварию. Никто бы не пострадал. Ни тогда, ни потом. И... — он резко замолчал, как будто передумал что-то говорить. Или понял, что говорить не должен. Недовольно хмыкнул, отвернулся, сделав вид, что разглядывает небо, и уже тише, спокойнее добавил: — Мира утверждает, что Ллэр ее спас. Если ты видела, как она разбилась, должна была видеть и его. Если, конечно, с самого начала не знала, что он там.

— На моем опыте коллективная лекция о новом будущем не сработала ни разу, — хмыкнула Роми. — Практика показала, что по отдельности шансов избежать истерики больше. К тому же, Мире я не собиралась вообще ничего рассказывать, да и... Сейчас уже неважно. Вряд ли это помогло бы с Тенями, я не знаю, что это было, и не ожидала там их появления, — она тоже посмотрела на небо. — Для Ллэра не проблема избежать ненужных свидетелей.

— Я не уверен, что ты- ненужный.

Роми вскинула брови.

— Думаешь, я тоже часть какого-то плана? — она задумалась. Теоретически вполне возможно, что чем бы ни занимался Ллэр, он рассчитал и учел дни, когда именно ей предстояло присматривать за Плешью. Но зачем? До сих пор Роми действовала четко по веками отработанной схеме контакта с новичками. Разве что... Вот идиотка! — Адан, а где браслет?

— У Ллэра. Я не мог его снять, а у него получилось.

— Конечно, у него получилось, — буркнула Роми.

— Ты же говорила, что браслет ни при чем, — он обернулся, ухмыльнулся: — Передумала?

— К переменам в твоей жизни ни при чём. Но если Ллэр хотел забрать его у меня...

Как-то это звучало слишком сложно. Такая авантюра только затем, чтобы заполнить по большому счету ничем не примечательный артефакт? Ну может он защитить от солнца, ну дает возможность перемещения тем, кто иначе ее лишен... и что? Да пусть даже это и нужно Ллэру, есть же способы проще!

Роми посмотрела на Адана. И где гарантия, что все пойдет так? Что именно такому она отдаст наручник Тайко? А ведь отдала, потому что другого выхода не было...

— Ллэр что-нибудь говорил о наших с тобой... оппонентах?

— Нет, — Адан слегка качнул головой. — Не думаю, что он знает о них больше, чем ты.

Роми усмехнулась.

— Ты плохо знаешь Ллэра.

— Я его вообще не знаю. Как и тебя, — парировал Адан. — Зато вижу, что ты не доверяешь тому, кому обязана жизнью. И полагаю, что вряд ли без серьёзных на то причин.

Роми отвернулась, пожала плечами, посмотрела на парк внизу. Конечно, у нее были причины для такого отношения, только дело не совсем в доверии. Больше в том, что с Ллэром никогда не бывало просто. Никогда ничего не было только тем, чем казалось с первого взгляда. За первым слоем крылся второй, потом третий... Когда-то она умела читать его поступки между строк, потом разучилась. Или это Ллэр научился закрываться лучше, потому что по его сторону баррикад не осталось ни для кого места. Те, кто оказывались рядом, расценивались или как средства достижения цели, или как временные попутчики, пешки, рычаги... Кто угодно, только не равноправные члены команды.

— Ему можно доверять, только если ваши интересы совпадают, — наконец, сказала Роми. — И ровно до тех пор, пока они совпадают. Малейшее расхождение, и... — она вдруг поняла, что говорит в пустоту. Адана на террасе больше не было. Ушел? Перенесся? Она нахмурилась, пробормотала:- Ты сильнее него, вам скоро станет не по пути. Кто же ты такой, доа Адан Свир?..

Чёрное молчаливое ничто медленно рассеивалось, постепенно наполняясь звуками и запахами. Сначала непонятными и потому пугающими, потом знакомыми, но какими-то отрывистыми, оборванными, возникающими из ниоткуда и туда же исчезающими. И снова, снова, снова...

Мире казалось, что она просыпается всего лишь на мгновение, а затем опять проваливается в тёмную пустоту, будто неведомая сила заставляла сознание отключаться.

Наконец, бешеная качка в голове пропала, и даже получилось открыть глаза. Неожиданно легко, словно она только что проснулась после долгого и глубокого сна. Еще неожиданней оказалось увидеть себя лежащей на огромной кровати и понять, что находится в погруженной в полумрак спальне Ллэра. Значит, снова Замок и Тмиор. Не самое ужасное. По крайней мере, не грязное поле и не...

Мира резко приподнялась на локтях, огляделась.

За окном- ночь. Если, конечно, темнота и луна- не оптическая иллюзия из тех, что видела у Адана.

Ллэр спиной к ней рылся в одном из шкафов и, кажется, совершенно не беспокоился, что бардак в комнате увеличивается в геометрической прогрессии.

— Эй, — позвала Мира.

Он замер, потом торопливо обернулся.

— С возвращением, — Ллэр ухмыльнулся, оставив свое занятие, встал.

Мира отвела взгляд, поправила задравшуюся на животе футболку.

Наверное, стоило поблагодарить его за оказанную помощь. Затылком-то к бетону чокнутый Адан приложил её не слабо- до сих пор помнила, как что-то хрустнуло, и голову обдало жаром. Сто процентов сотрясение мозга. Если бы не Ллэр, валялась бы там на полу и блевала по углам еще долго. С другой стороны, если бы не Ллэр, ее бы там, вообще, не оказалось, а значит, и благодарить не за что. Сам виноват- сам исправлял. Тем более, обещал вылечить, если понадобится. Вот и вылечил, и никаких сантиментов.

— Имей в виду, в следующий раз, когда потянет общаться с этим идиотом, пойдешь к нему один. Без меня, — нарочито небрежно бросила Мира, осторожно дотрагиваясь до затылка. Брезгливо сморщилась, когда пальцы нащупали слипшийся комочек волос. Она удивленно моргнула. Ничего себе ударилась... Сколько ж кровищи-то за нее вытекло?

— Отлично, — его улыбка стала еще шире. — Ты явно пришла в норму.

— Смотри, что для тебя норма, — Мира уселась на постели, скрестив ноги. Кивнула на кучу барахла за его спиной:- Освобождает для меня пару полочек?

— А у тебя есть, что сложить на эти полочки?

— Будет. Одолжу у Роми.

— Я так это и вижу, — на какое-то мгновение улыбка все-таки исчезла с его лица.

Ага, значит, задело. Так и надо, первый начал. Мира победно хмыкнула, слезая с кровати. Надо бы подобрать что-то из одежды, принять душ, перекусить, а уже потом можно продолжать обмен любезностями до бесконечности. Но, поравнявшись с Ллэром, остановилась. В упор посмотрела в его серые ухмыляющиеся глаза.

— Кстати о Роми... — с язвительной улыбочкой произнесла Мира. Какое-то непонятное и неуправляемое желание делать больно. Может, потому что рыжая Роми —

единственное слабое место самоуверенного Ллэра, которое знала, в то время, как у нее самой таких мест- вся она целиком. И вся целиком в его в власти. Хотя именно по этой причине лучше бы помалкивать. Не получалось. А ведь Ллэр при желании мог хорошенько двинуть, это она тоже понимала, но почему-то страха к нему не испытывала. И никак не могла заткнуться: — Твоя драгоценная Ромиль уже приходила выразить благодарность за спасение? Или так и не дошла, заблудившись в коридорах? Сегодня было слишком много километров для её ослабевших ножек? А может быть, не захотела, потому что гордая?

— Проверяешь границы моего терпения? — улыбка на лице Ллэра никуда не исчезла, но глаза стали серьёзными, и голос тише. — Поразительно...

— Не льсти себе, — выдержать его взгляд оказалось непростой задачей. Ллэр словно буравил сумасшедшими глазами, проникая куда-то очень глубоко. Не в голову, не в мысли, а куда-то ещё глубже. И в то же время совершенно невозможно отвернуться. Да и почему-то не очень-то хотелось отворачиваться.

— И как ты дожила до своих лет с таким характером? — он чуть склонил голову на бок.

— А ты со своим как?

— А я себя лишил возможности умереть очень много лет назад.

— Ну вот видишь, и меня ты тоже её лишил. Трижды за сутки. Что я буду делать, когда ты меня используешь и бросишь? Наверное, тогда и умру. Сразу. С моим-то характером.

Он покачал головой.

— Ты опять не знаешь, о чём говоришь. Ты... не представляешь, чем обладаешь, — Ллэр поднял руку, словно собирался дотронуться до её щеки, но передумал. — Ты и сейчас можешь умереть. В теории. Если захочешь или если хорошо меня попросишь, потом, позже. А если останешься рядом... Поверь, в долгой жизни нет ничего привлекательного. Это всего лишь очень много времени, чтобы совершать ошибки.

— Надо же, у меня даже будет выбор: уйти или остаться, — Мира нахально улыбнулась. Все-таки глаза у него обалденные. Безумные, но красивые. Встретившись с ним взглядом, смутилась. Поспешно пробормотала: — Я в душ.

— Там в ванной на тумбе одежда. Это тебе.

Мира открыла рот, чтобы поблагодарить, но передумала. Торопливо исчезла за дверью. Ллэр только что пытался сказать больше, чем сказал? Или нет? Неужели, показалось? Интересно, если бы, и правда, предложил остаться, осталась бы? Вряд ли. Таким, как он, не нужны такие, как она.

Вариант остаться в Тмиоре навсегда до этого момента ни разу не приходил в голову. Она даже не предполагала, что это возможно. Совершенно другой мир, другая жизнь- не её, чужая. Все чужое. С другой стороны, в Актарионе её ничего хорошего не ждёт. А может, именно на это Ллэр и намекал- потом, позже ей придётся сделать выбор: остаться здесь или вернуться, чтобы погибнуть?

В отличие от спальни, в ванной царил почти идеальный порядок. С пола исчезли все грязные полотенца, количество всевозможных тюбиков и флаконов на полках уменьшилось как минимум вдвое. Видимо, кто-то наконец-то избавился от использованных и пустых. На тумбе, как и обещал Ллэр, лежала одежда.

Мира бегло осмотрела стопку. Нижнее бельё, несколько футболок и пара джинсов, халат. Все чистое, новое, словно только что из магазина, только без этикеток. Интересно, когда это Ллэр успел? А может, и не он вовсе.

Наверное, если не размышлять о причинах, не анализировать его поступки и их мотивы

(а это она умела), то стоило бы испытывать к нему благодарность. Видно же, что забота о ближнем и его нуждах- далеко не сильная сторона Ллэра. Только почему-то просто быть благодарной не получалось. Ну или хотя бы молчаливо-послушной. А ведь она умела казаться покорной и даже незаметной, когда это необходимо, и требуют обстоятельства. Сейчас как раз тот самый случай. А нет... не выходит. Не получается. Ни послушной, ни покорной, ни молчаливой.

Что она, вообще, знает о Ллэре? Ничего. Появился из воздуха на лужайке, предложил помощь, перенес в свой мир. Рано или поздно так же вернет обратно и исчезнет. А пока она просто зачем-то нужна ему и всенепременно живой, поэтому он спасает и заботится, как умеет. А раз нужна живой, беспокоиться не о чем.

Мира неторопливо стянула футболку и джинсы. Открыла кран, несколько секунд провозилась со смесителем, добиваясь желаемой температуры. Все-таки странно... Ллэр столько может, столько умеет, все комнаты завалены книгами и чертежами, а дом какой-то примитивный. Не то, что у Адана.

Она ухмыльнулась. О нем лучше не вспоминать и не думать вообще, потому что Мира тут же начинала злиться. В первую очередь на себя- как сразу не поняла, что он Способный, пусть и не из Актариона? Ведь Роми именно это имела в виду, когда говорила о переменах. Следом- на Ллэра, потащившего её к Адану. И все ради чего? Чтобы выслушать историю про бедную рыжую дуру и что там с ней приключилось на поле... Как будто эта самонадеянная нахалка- центр Вселенной. А между прочим, Мира тоже чуть не погибла. Дважды... Даже нет, трижды. И каждый раз по вине всех этих одарённых со своими заморочками.

Мира раздражённо мотнула головой. Не думать! К черту Адана и Роми. Её это не касается, и думать о них она не будет. И злиться, и даже приблизительно представлять, чем все могло закончиться, если бы не... И спрашивать ни о чём не станет. Даже о том, что её ждет дальше. Надо жить одним днем. Так проще. Тем более, что изменить или повлиять на события она все равно не в силах.

Мира шагнула под воду. Пару минут, не двигаясь и закрыв глаза, просто стояла под прохладными струями и с наслаждением улыбалась. Потом, дотянувшись до полочки и выбрав ближний к ней флакон, начала намыливать тело и волосы.

Совсем не думать не получалось.

Сейчас она полностью во власти Ллэра. В этом есть и плюсы и минусы. Плюсы лучше использовать, на минусы постараться не обращать внимания. И как-то взять себя в руки, перестать дерзить и нарываться. «Проверить границы его терпения», как выразился он сам.

В принципе, ничего удивительного в её поведении не было. Способные всегда вызывали непроизвольное желание хамить, огрызаться и делать всё, чтобы её слово осталось последним. Пусть это останется вообще её последним словом в жизни. Никакая логика не срабатывала. Чувство самосохранения молчало. А кто такой по сути этот Ллэр? Атради, а значит, точно такой же Способный, только родом из другого мира. Вот и вся разница.

Закончив с душем, Мира вытащила из стопки чистой одежды первую попавшуюся футболку и светлые голубые джинсы. Покрутилась перед зеркалом, шлепая босыми ногами по мокрому полу. На удивление, все подходило по размеру, как будто сама выбирала.

Она задумчиво посмотрела на свое отражение. Ну и какой смысл одеваться, если на улице почти ночь? Осторожно, чтобы не уронить, вернула одежду на тумбу, накинула на себя махровый белый халат, завязала на талии пояс. Небрежно толкнула ладонью дверь, собираясь вернуться в спальню, и вдруг почувствовала головокружение. Зажмурилась,

машинально хватаясь за стену, и поняла, что её нет. И пола тоже не стало- вместо него мягкая, прохладная... трава.

Трава? Откуда в ванной Ллэра трава?

Мира изумлённо уставилась на босые ступни и замерла, боясь пошевелиться- ноги по щиколотку утопали в темно-зеленой растительности.

— Какого черта?!

— Ты?! — послышался совсем рядом удивленный мужской возглас.

Мира почувствовала, как внутри все похолодело. Медленно обернулась и застыла. К сожалению, не ошиблась- буквально в двух шагах от нее на траве сидел тот самый парень — Адан. Тот самый...

Она судорожно огляделась по сторонам. Убежать бы, но ноги словно приросли к земле. Да и куда бежать? Ночь, темно, замка не видно, вокруг огромные деревья. Похоже на парк, но ни малейшего представления, где именно они находятся- еще в Тмиоре или Адан вытянул её из ванной в свой мир? Далеко она всё равно не убежит- что ему стоит остановить её каким-нибудь «действенным способом», как тогда в квартире? И Ллэра рядом нет, спасти больше никому.

Заорать, позвать на помощь? А дальше что?

Мира шумно выдохнула и обречённо повернулась к парню:

— Что тебе от меня нужно?

— Нужно? — переспросил тот, вскакивая на ноги. Адан выглядел растерянным и совершенно не опасным. Даже не верилось, что это он несколько часов назад шандарахнул её об стену. Но сомневаться не приходилось- воспоминания о случившемся отпечатались в голове навсегда, причем во всех смыслах сразу. — Но как?! Я же...

— Ты же что? — выдержав паузу, осторожно поинтересовалась Мира.

— Не бойся, — он расплылся в глупой призывной улыбке- так на упаковках с детским питанием лыбятся с прилавков здоровые крепыши-малолетки. Протянул к ней руки ладонями кверху, потом вдруг отдернул и спрятал их в карманы. — Я тебе ничего не сделаю. Не смогу, даже если захочу.

— Очень убедительно, — огрызнулась Мира. Соврала:- Я не боюсь.

— Молодец. Я бы боялся... Я... — он нахмурился, опустил взгляд. — Я не хотел... Прости.

— Чего не хотел?

Адан ответил не сразу. Несколько секунд задумчиво смотрел перед собой.

— Причинять тебе боль, — наконец, произнес он.

— А сюда зачем перенес?

— Как это перенес? — его удивление казалось настоящим.

— Откуда я знаю, как... — передернула плечами Мира. — Тебе виднее. Пешком я сюда точно не приходила.

— Тогда, наверное, ты права- перенес. Как-то... Я просто хотел с тобой поговорить, подумал... — он осекся. Снова улыбнулся той же нелепой, глупой улыбкой. — Я не совсем понимаю, как это так вышло, чтобы ты... Да я, вообще, уже ничего не понимаю, если честно. И как ты сейчас здесь оказалась. Звучит по-идиотски, правда?

Мира не ответила. Конечно, по-идиотски, но озвучивать мысли с этим чокнутым чревато, пусть он и в состоянии их прочитать.

— Я- Адан, — зачем-то представился он, опускаясь обратно на траву. — До

сегодняшнего вечера был совершенно вменяемым человеком. По крайней мере, мне так казалось. Обычный. Без способностей. Ничего подобного делать не мог... А потом после бара... Плеши... что-то со мной случилось. Вот я и подумал, что могла бы помочь мне понять, но...

Мира все-таки не сдержалась, недоверчиво хмыкнула. Был обычный и вдруг изменился? Да, как же... Так не бывает. Способными никто не становится, ими надо родиться.

— Не веришь?

— Не верю, — решила. Врать не видела смысла- зачем, если он всё равно знает, что она думает. — Ты меня за полную идиотку держишь?

Он не ответил, помолчал. Потом вдруг спросил:

— У меня дома... Там... — он небрежно махнул рукой перед собой. — В Бэаре ты сказала, что хочешь остаться. Почему?

Значит, они все-таки не в его мире. Уже легче.

Мира переступила с ноги на ногу, разглядывая Адана. Тот смотрел в упор и явно ждал честного ответа.

— Не знаю, — искренне призналась она. Пожала плечами:- Сначала мне там понравилось. Уютно, красиво, удобно. Очень похоже на мой мир. Я же не думала, что ты... — Мира осеклась, не договорила, заметив виноватое выражение на его лице. Он больше не казался опасным. Хоть и помнила, на что способен, но явной или скрытой угрозы сейчас от него не исходило. И все равно стоит быть начеку. Кто его знает... — Адан, давай начистоту. Что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты рассказала обо всем, что случилось в баре и потом. Обо всём, что знаешь, что видела, что запомнила.

— Зачем?

— Я же уже сказал, — он помрачнел. — Там что-то произошло. Я не понимаю, что и как. Но мне очень важно это узнать. Ты можешь помочь.

— Каким образом?

— Ты же тоже там была.

— Была, но понимаю еще меньше, чем ты, — усмехнулась Мира, развела руками. — Я же не умею, как вы... Лучше спроси Ллэра. Или Ромиль.

— Я спрашивал, но... — он замялся. — Им я не доверяю.

— А мне доверяешь? — насмешливо хмыкнула Мира.

— Тебе- да, — Адан задумчиво прикусил нижнюю губу. Какое-то время молчал, потом снова заговорил:- В том баре ты была сильно напугана. Знаешь, как маленький зверек, которого застали врасплох, — он дружелюбно улыбнулся. — Я уверен, что меня и Роми ты видела впервые и вовсе не ожидала очутиться в Плеши. Мы оба оказались там не просто так. Мы похожи. В смысле, ты обычная, такая же, как я...

— Ничего себе такая же! — вырвалось у Мира.

— Я имею в виду, что ты- не атради.

— Ладно, — вздохнула она. — Выбора у меня, как я понимаю, все равно нет. Пока ты не услышишь все, что хочешь, обратно не вернешь, так?

— Почти так, — рассмеялся Адан. — Не уверен, что смогу вернуть, даже если расскажешь. Я не обманываю, я, правда, не знаю, как ты здесь очутилась.

— Здесь это где? — уточнила Мира. — Мы в Тмиоре или?..

— В Тмиоре, — кивнул Адан. — Наверное, чтобы ты вернулась в Замок, мне нужно

захотеть. Или придется возвращаться пешком. Кажется, это не очень далеко.

Мира изумленно уставилась на него. Ничего себе! Кажется ему... А что если неправильно кажется? Что если не получится вернуть? Перспектива гулять в одном халате по ночному Тмиору совсем не улыбалась.

— В крайнем случае, я вернусь один и попрошу Ллэра. Кстати, ты давно его знаешь?

— Нет, — зло буркнула Мира. Еще раз огляделась, потом уселась рядом с Аданом на траву, обняла колени. — Как ты, вообще, здесь оказался, если ничего не умеешь?

— Когда ты... — он помрачнел, отвернулся. Каким-то чужим, глухим голосом продолжил: — Тогда в квартире у меня раскалывалась голова. Дико... А ты болтала, думала без остановки. Мне казалось, что я не только слышу тебя, но и твои мысли. Это было невыносимо. Я почувствовал раздражение, злость... Нет, ярость! Хотелось только одного-чтобы ты замолкла, не думала, исчезла. И... — он повернулся, грустно вздохнул. — Я не мог контролировать себя. Прости.

Мира кивнула, отвела взгляд. Она, и правда, вела себя глупо, но не объяснять же, что это её способ скрыть, что напугана и чувствует себя не в своей тарелке. Единственный, который она знает и умеет применять на практике. Столько всего случилось. Вдруг, сразу... Ллэр притащил её в квартиру, как куклу. Ничего не объяснял, даже не сказал, куда переносит.

— Ллэр сумел остановить кровь, — продолжал рассказывать Адан. — Потом предложил пойти с вами.

— Хочешь сказать, Ллэр знает, что ты здесь? — она резко обернулась.

— Конечно, — кивнул он. — Это же была его идея, чтобы я переждал в Тмиоре, пока научусь контролировать себя. Он почему-то считает, что здесь я никому не смогу причинить вреда. Надеюсь, не ошибается.

— Даже так... — вспыхнула Мира. Снова отвернулась- на этот раз, чтобы скрыть смятение и злость. Значит, Ллэр знал, но ничего ей не сказал. Даже не предупредил, что притащил его с ними. А она, глупая, решила, что в полной безопасности, что о ней заботятся. Да, как же... Ллэр просто использует её. Впрочем, чему она удивляется? Он, как все Способные- ничего не делает просто так и плевать хотел на чувства обычных. Наверное даже знает, где она сейчас и с кем находится. Может, это даже часть какого-то плана. Его, или их с Роми, или... Да какая разница, чьего? Она всего лишь безвольная марионетка для них. Мира повернулась к Адану. — Так что ты хотел знать?

— Ты... расстроилась?

— Нет, — она заставила себя выдержать внимательный взгляд. Даже смогла улыбнуться. — Просто устала от всего. Давай побыстрее с этим покончим. Спрашивай.

— Ты помнишь, как попала в тот бар?

Мира сорвала травинку, задумчиво уставилась перед собой.

— Как именно- нет. Только то, что было непосредственно до этого. Я собиралась куда-то ехать, села в таксилет. Кажется, заснула... Не помню, как летела. Только, как садилась в него. А потом оказалась там, внизу... Было темно, я- на полу. Хотела встать и на что-то наткнулась. Наверное, столик. С него что-то упало... бутылка... или стакан. Не знаю, не проверяла... Помню, что-то с грохотом свалилось и разбилось. Потом зажгли свет, — она нахмурилась, силясь вспомнить подробности. — И сразу появился ты. Вернее, сначала я услышала шаги по лестнице, а уже потом увидела тебя. Хотела спрятаться, но что-то снова задела, ты меня заметил и... Дальше ты знаешь.

Адан, который, казалось, за весь рассказ ни разу не моргнул, кивнул.

— А потом, когда я... уже был не там?

— Ты имеешь в виду, когда эта дура тебя толкнула?

Он улыбнулся и снова кивнул.

— Сначала я испугалась. Не сразу поняла, что случилось. Потом догадалась, что она-Способная.

— Ты ее терпеть не можешь, а? Почему? Она что-то сделала тебе? До или после?

— Да ничего она не сделала, — Мира вздохнула, покрутила в руках травинку. Нехотя пояснила: - В моем мире тоже такие есть. Немного, но есть. С ними лучше не связываться ничем хорошим не кончится. Ведут себя так, словно весь мир принадлежит только им, а мы так... отбросы, — она запнулась. — Что я тебе рассказываю, ты же сам такой.

— Я не такой, — с мягкой улыбкой произнес Адан. Попытался взять ее за руку, но Мира отшатнулась.

— Давай только без этого вот... — она опасно покосилась на него. — Дотронешься, а у меня потом сыпь по всему телу начнется.

— Такое бывает? — он удивленно уставился на неё.

— Бывает и не такое. Или забыл уже? Так что без рук.

Адан как-то странно посмотрел, со смешанным изумлением и жалостью, но ничего не сказал. Послушно отодвинулся.

***

Адан нахмурился. Складывалось впечатление, что Мира не врёт. Роми с Ллэром раньше не встречала, хотя это еще ничего не значило. И уж тем более не объясняло, как и зачем оба попали в Плешь практически одновременно.

— Роми эта вела себя, как самая настоящая Способная, — после небольшой паузы продолжила Мира. — Уселась, нога на ногу, вся такая из себя важная и крутая. «Не вижу смысла и дальше ломать комедию, мне очень жаль, не готова к переменам...»- кривляясь, передразнила она. — При этом такая рожа, будто самая умная! Так бы и двинула... — злорадно ухмыльнулась. — Или сделала бы обычной, посадила бы её никакую в таком же баре и посмотрела бы, как она тогда будет умничать.

— А потом что было?

— Ничего. Ромиль встала рядом, дотронулась и все... Опять темнота, и я снова в Актарионе. Валяюсь на лужайке. Таксилёт вдребезги, вокруг полиция, санитары, я ничего не соображаю. Половину, вообще, не помнила из того, что сейчас знаю.

— А Ллэр когда появился?

— Позже. Когда меня задержала полиция. Тоже из воздуха: не было, и хоп- есть, сидит рядом, ухмыляется, — Мира замолчала.

Значит, Роми не обманула. Как и говорила, вернула Миру обратно в Актарион- и получилось прямо в аварию. Случайно или специально? Авария могла быть подстроена кем-то, кто знал про Плешь. А Ллэр спас её, не позволил погибнуть. Значит, ему заранее об всем было известно? Или сам подстроил?

Это предстояло выяснить, а пока- дослушать версию Миры.

— Я вам не помешаю? — вопрос сопровождался смешком.

Или Роми ступала по траве не слышно, так, что даже шелест не предупредил об её появлении, или она просто материализовалась, как у них заведено: без предупреждения и прямо в воздухе. Как бы там ни было, в данный момент Ромиль стояла как раз напротив них, улыбалась и, кажется, немного злилась.

— О, явилась! — Мира заметно напряглась, но с места не сдвинулась. Так и осталась сидеть. — Помещаешь. Теперь исчезнешь?

Адан хмыкнул, с любопытством посмотрел на Роми.

— А ты сама-то как думаешь? — она сделала шаг вперед, но на траву опускаться не спешила. Наверное, и к лучшему: переодеться она не посчитала нужным, так и явилась в коротком халатике.

— Вот видишь? — Мира выразительно посмотрела на него. — Надо было тебе её на поле добить, чтобы даже Ллэр ничего не смог сделать. А этот дурак ещё убивается по ней зачем-то!

Представить Ллэра, убивающегося по кому-то, получалось с трудом. С другой стороны, он совсем его не знал. Иногда внешность обманчива. Но в одном Мира права- этих двоих что-то связывало. Что-то гораздо большее, чем простое знакомство. И это что-то могло иметь самое прямое отношение к тому, что случилось с ним. До Плеши, в Плеши или после.

Роми вскинула бровь.

— Так ты уже успел разобраться в технологии добивания?

— Зачем ты здесь? — спросил Адан, наклоняясь, чтобы перехватить собравшуюся вскочить Миру.

— Ты... ушел, не попрощавшись.

— Она издевается, — по тону Миры Адан не понял, спрашивает она или утверждает, не удерживать её получалось с трудом. Отпустить- чревато. Либо накинется на Роми, либо бросится наутёк. Оба варианта не устраивали, пришлось практически силой притянуть к себе, обнять, чтобы не вырвалась. Лица Миры не видел, но судя по громкому сопению довольной та вряд ли была. Ну точно маленький, отчаянный зверёк, угодивший в ловушку.

— Что вы с Роми не поделили?

— Пусти, — вместо ответа прошипела Мира.

— Отпущу, когда буду уверен, что не наделаешь глупостей, — как можно мягче произнес он. Мысленно чертыхнулся- Роми появилась в самый неподходящий момент. Тоже случайность? Или совпадение? Но зачем бы она не пришла, теперь Мира может решить все, что угодно. Нельзя допустить, чтобы обозлилась и окончательно возненавидела его. Адан еще крепче прижал Миру к себе, обхватив талию руками и скрестив пальцы на её животе, снизу вверх посмотрел на Роми. — А если серьёзно, то зачем?

— Это было вполне серьезно, — она все-таки уселась на траву, на колени. Поправила халат. — Ты исчез посреди разговора, неожиданно.

Адан нахмурился. Исчезнуть, не попрощавшись, конечно, не лучший способ закончить разговор. Но так получилось, как многое из того, что сделал в последние пару часов. Вдруг почувствовал острую необходимость побыть одному, подумать, разложить по полочкам все, что узнал и вспомнил, попробовать как-то проанализировать. И в тот же миг оказался здесь, на поляне. Объяснять все это Роми, оправдываться просто не хотелось.

— По-твоему, сейчас подходящий момент для нашей беседы? — Адан выразительно указал глазами на затылок Миры. Та хоть и перестала дергаться, но он чувствовал, как напряжены её мышцы, как бешено бьется сердце, как судорожно поднимается и опускается грудь.

— Уж какой есть, — хмыкнула Роми. Помолчала, пристально глядя на Миру. — Что же в тебе такого, что ты нужна ему живой?

— А ты сходи и спроси, — огрызнулась она.

Адан усмехнулся. Речь, конечно же, шла о Ллэре. Дорого бы он дал, чтобы знать наверняка- Роми, правда, не догадывается, что же такого могло так заинтересовать его в Мире, или прекрасно осведомлена, но пытается выяснить, не догадались ли они, и поэтому явилась сюда.

Нет, не похоже. Слишком явно, на поверхности. Даже, если всего лишь элементарная ревность- всё равно не верилось. Вот так запросто прийти и практически признаться, дать понять Мире, что ей не безразлично? Как-то бесхитростно, не по-женски. И уж тем более не вышло с версией, что Роми давно знала о существовании Миры и планах Ллэра, и потому отправила ту на верную смерть прямо из Плеши. А главное, не объясняло, каким образом сам оказался замешан в эту историю. Как ни крути, себя в треугольнике Мира-Ллэр-Роми увидеть не получалось.

Он еле слышно вздохнул- слишком мало проверенных фактов, чтобы делать умозаключения. Значит, надо набраться терпения. Рано или поздно тот, кто стоит за всем, как-то себя проявить должен. Оставалось только дожидаться, пока же- превратиться в глаза и уши, выяснить по возможности как можно больше, а заодно постараться войти в доверие ко всем, кто так или иначе замешан в историю. Последнее сейчас самое трудное- попробуй остаться ни при чем с двумя полуголыми, обозленными девицами.

— Да что ты на меня так взъелась, а? — Роми немного раздраженно взмахнула руками. — Не я виновата, что ты вляпалась во всё это дерьмо! Не я таксилёт твой грохнула. Не я Ллэра на тебя натравила!

— Не ты?! — Мира дёрнулась вперёд. — Разве не ты усадила меня обратно в таксилет? Не ты стояла и наблюдала, как я должна погибнуть? Не ты?! — взвизгнула она, дёрнулась еще раз. — Да не держи ты меня, придурок! — последнее относилось к Адану. — Что вам всем, вообще, от меня нужно? Убейте или отпустите! — а это уже смахивало на начало истерики напуганной, маленькой девочки, которая ещё чуть-чуть — и окончательно разрыдается.

— Успокойся, пожалуйста, — нежно прошептал Адан, сильнее прижимая её к себе. — Все будет хорошо, я тебя не брошу здесь, мы вместе найдем решение, — не самый лучший выбор, но в голову не пришло ничего другого. — Роми сейчас уйдет. Потом мы поговорим, вернемся к Ллэру.

— Я не хочу к Ллэру, я, вообще, ничего не хочу, ясно? Ни-че-го! Идите вы все... — она все-таки разрыдалась. Всхлипывая и шмыгая носом, уткнулась в его предплечье.

Роми, удивленно вскинув брови, наблюдала некоторое время, потом пробормотала:

— Здесь недалеко есть... водоём. Можно её окунуть, говорят, помогает.

Адан тихо выругался. Если Ллэр такой же «добрый», зверьку сегодня досталось.

— Как ты себе это представляешь? — раздражённо бросил он. — Может, и утопим там сразу, чтобы не мешалась?

— Ты тоже настроен меня обвинять? Думаешь, я хотела ее или вас обоих убить?

— Тебе, наверное, странно об этом слышать, но в данный момент я о тебе не думаю.

Она хмыкнула, махнула рукой на все еще всхлирывающую Миру.

— Ладно, у тебя есть другие идеи как это прекратить?

— Мира, — он наклонился к ней, ласково провел по волосам, машинально отмечая, что на затылке не осталось даже следа от удара. Никакой реакции не последовало- она, вцепившись в его руку и вздрагивая всем телом, продолжала судорожно всхлипать. Адан снова посмотрел на Роми. — Лучше вернуться с ней в Замок. К Ллэру.

Ромиль поджала губы, видимо, раздумывая.

— Хорошо. Можно и в Замок, хотя я бы лучше прогулялась к морю... — она стукнула кулачком по раскрытой ладони. — Послушай, мы ведь с тобой не закончили наш разговор, и... Ты говорил, что хочешь во всем разобраться. Я хочу того же. Мне не нравится, что меня обвиняют невесть в чем! Я не сажала её в таксилёт! — Роми заговорила громче. — Она и так была в таксилёте... Вы не физически попадаете в Плешь, только ваше сознание. Ты ведь тоже очнулся потом в баре, помнишь? И я не наблюдала за взрывом. Что я должна была сделать? В огонь ради неё сигануть?

Адан застыл в изумлении. Даже известие про Плешь не так поразило, как тон и вид, с каким всю тираду выдала Роми. Она если и не была центром Вселенной, то явно себя им считала.

— Я хочу во всем разобраться, но не сейчас, — холодно произнес он. — Сейчас надо вернуть Миру обратно в За... — договорить не успел. Девушка, всё ещё вздрагивая, неожиданно выпрямилась.

— Что зна... чит то... лько созна... ние? — заикаясь и всхлипывая, спросила она.

— То и значит. В таксилёт ты села сама, еще раньше, чем попала в Плешь. Вспоминай, откуда ехала и куда.

Адан почувствовал, как снова напряглась Мира. Вытянулась, как стальная струна, замерла, почти не дыша.

— А что было бы со мной, если бы авария случилась раньше... До того, как ты меня вернула обратно?

— Скорее всего, в каком-нибудь мире стало бы на одного призрака больше, — Роми попыталась улыбнуться, но вышло криво. — В Плеши была твоя психокинетическая составляющая. Сознание, душа, дух, астральное тело, биоэнергия, комок нервов или какое там определение придумали в твоём мире. Физически, — она посмотрела теперь на Адана, — человек не в состоянии проникнуть в Плешь. Да, ты видишь и чувствуешь все так, будто находишься и душой, и телом, но по сути само место тоже не настоящее, не более, чем визуализация для удобства обычного восприятия. Я прихожу к вам, но антураж задает тот, кто сильнее из новичков. Ты перенесся из бара, вот нам и досталась такая картинка.

Адан нахмурился. Звучало логично, хотя по-прежнему не объясняло, каким образом в Плешь угодило его сознание вместе с Мириным да еще и из абсолютно разных миров, разделенных какой-то там Границей.

— Ллэр знал, что Мира попала в Плешь? — спросил Адан. — Мог знать?

Роми задумалась, потом медленно кивнула.

— Полагаю, да. Если ты спросишь: мог ли он как-то спровоцировать это... Толкнуть Миру в Плешь... Теоретически, мне хочется тоже ответить «да». Практически... Я не вижу, зачем.

— Может быть, чтобы меня... спасти? — запинаясь, предположила Мира.

— Так и забрал бы тебя из таксилета комплектом еще раньше... — она покачала головой. — Нет, здесь что-то другое. И потом, вы двое попали в Плешь одновременно, а это еще более редкое явление, чем сам факт вашего там присутствия.

— По-моему, гадать бесполезно. Для начала надо просто спросить Ллэра, — Адан отпустил Миру. Поднялся с травы, протянул ей руку, помогая встать.

— Что мы у него спросим? — Роми тоже встала. — Зачем спас? Он ответит тебе то же, что и в прошлый раз: Мира ему нужна живой... Что с браслетом сделал? Пожмёт плечами.

— То есть спрашивать не будем? Останемся сидеть здесь на травке и гадать? — ухмыльнулся он.

Ромиль в ответ скрипнула зубами.

— Слушай, если ты, правда, хочешь разобраться, может, расскажешь, что между вами произошло? — предложил Адан. Ощущение, что она избегает встречи с Ллэром, только усиливалось. Причем, не просто избегает, а словно пытается убедить их с Мирой, что не стоит даже начинать разговор. «Ллэр ничего не скажет, ты не знаешь Ллэра, он просто пожмёт плечами...»- Что вас с ним связывает?

— Она его бывшая, — подала голос Мира.

— Нас много чего связывает, — буркнула Роми, на Миру даже не посмотрела. — Между нами много чего произошло. И каждый раз, когда я так или иначе сталкивалась с ним интересами, начинало происходить снова. Я выучила его от и до, я знаю, как он мыслит. Я... — осеклась, махнула рукой. — Это все не относится к делу.

— Это все очень даже относится к делу. И многое объясняет, — мрачно бросил Адан. Обернулся к Мире:- Пойдем. Придётся пешком. Обрато так, как сюда, не получится, прости.

— А может, всё-таки попробуешь? — шмыгнула носом она. Покосилась на стоящую за его спиной Роми, торопливо отвела взгляд. Тихо буркнула, будто не ему, а так... в сторону, не обращаясь ни к кому:- Не очень-то хочется разгуливать ночью по лесам босиком и в халате.

— Ладно, могу попробовать. Но ничего не обещаю, — Адан замер. Зажмурился, попытался сосредоточиться.

До сих все получалось само по себе, повинаясь какому-то не совсем осознанному желанию. Сейчас надо было захотеть целенаправленно, думая и желая, чтобы случилось что-то определенное, конкретное. Как это сделать, не было ни малейшего понятия. Ощущение, словно сам у себя пиццу заказываешь.

Он невесело усмехнулся. Потом снова собрался, мысленно представляя Замок. И в этот момент почувствовал, как Роми схватила за запястье.

— Постой!

***

Когда он зажмурился, Роми — прислушалась. Видела по его лицу- напряжение, концентрацию, но не смогла уловить даже направление, куда собрался молодой человек. В Замок- слишком размыто.

Роми попыталась увидеть скрытые от обычного зрения линии Путей. Но в надпространстве царил тишь да гладь, никаких возмущений, никаких всплесков... Никто не тянулся к Путям, никто не пытался пробить дыру и сократить дорогу до одного шага. Адан не знал, что делать, и все-таки Роми не сомневалась- у него получится. Окажутся в Замке с той легкостью, с какой могла бы шагнуть туда сама, не будь её энергетический голод таким сильным.

И даже не заденут привычные для атради Пути. Точно так же он ушёл с террасы. Бесшумно и бесследно- во всех смыслах этого слова.

— Постой!

Ухватиться за его руку Роми успела, а вот остановить- нет. За миг до того, как они переместились, отчетливо поняла- нельзя ему дать перенестись одному, а еще лучше- не стоит ему вообще перемещаться. Пусть ножками топает Мира и не хочет, ничего! Не собьёт

пятки в кровь- до Замка рукой подать.

Уже сжав пальцами его горячее запястье, вспомнила, что произошло, когда всё было наоборот. Когда это он до неё дотронулся, там, в Плещи. Вспомнила, что почувствовала, какая нестерпимая ярость нахлынула. Еще мгновение ушло на то, чтобы порадоваться, что сейчас она не в силах кому-либо причинить боль. А потом в глаза, казалось, со всех сторон, ударил свет.

Так не могло быть- две Луны не в состоянии так осветить Тмиор, но так было.

Ноги словно лизнуло жидким огнем, и Роми закричала. Кажется, в этот же миг рядом завизжала Мира. А может, это было эхо её собственного крика.

Несколько следующих секунд утонули в тумане невероятной боли. Роми задыхалась и не могла заставить себя перестать жмуриться и начать соображать. Казалось, что так станет только хуже, что тогда огонь выжжет глаза, что она ослепнет. Ноги не слушались, вязли в чем-то густом, липком... Она пошатнулась, споткнулась, упала, почувствовала, будто с головой уходит во что-то мокрое, горячее, тягучее, словно расплавленный сахар, стягивающее кожу, как застывающая карамель.

Ощущения выстроились в один ряд: мокрое, липкое, густое, горячее как никогда... Вода?! Море Истока!

Но как?! Почему? Сейчас ведь не время прилива! В это время года море- не больше, чем огромная тёплая лужа воды.

Роми барахталась, понимая, что дно- вот оно, прямо под ней, но подняться на ноги не получалось. От каждого движения только ещё больше вязла в воде, словно в трясине. Тело уже не только горело, но и чесалось, а сил хватало на что-то одно. Или не утонуть, или потратить несколько последних мгновений на то, чтобы с наслаждением драть ногтями кожу. Захлебнуться или задохнуться.

И вдруг всё закончилось.

Вода исчезла, в лёгкие ворвался воздух, на миг стало невыносимо холодно. Роми едва не потеряла сознание от резкой перемены температуры, а может, и потеряла, потому что в следующее мгновение уже ощущала под спиной мягкий песок. Тело все ещё горело, но дышать было легче, и в голове худо-бедно стало проясняться. Её трясло.

— Может, она плавать не умеет? Или у неё эта... аквафобия? — откуда-то издалека, словно уши забили ватой, послышался сиплый голос Миры.

— Не аквафобия... — пробормотала Роми, закашлялась. Сплюнула. Попыталась хотя бы сесть, но ничего не вышло: голова закружилась. — Чёрт... это...

— Роми, я могу помочь? — второй голос, встревоженный, принадлежал Адану.

— Нет... пройдёт. Скоро... — теперь Роми попробовала открыть глаза. Свет, все такой же яркий, вынудил снова зажмуриться. — Вас тоже так слепит?

— Ты её понимаешь? Что она бормочет? — удивлённый возглас Миры.

— Слепит? — последовала пауза. — Нет, просто светло. Из-за луны. Почти как дне...

— О чем вы говорите?! — перебил Адана требовательный голосок Миры.

— Ты разве не понимаешь?

— Ты издеваешься, Адан?!

— Я? Нет... — удивленно пробормотал тот, переходя обратно на язык Ближних.

С каждым вдохом становилось легче. Это не было похоже на то, как море отвергает атради во время Приливов. Тогда пусть боль и подчиняет себе всё твоё тело, пусть тебе и

хочется вскрыть вены и умыться собственной кровью, но над разумом оно не властно. Ты все равно остаешься в сознании, способен понимать, способен как-то реагировать, не делать того, чего делать не стоит. Сейчас же...

— Мы говорили на карни, — пояснила ему Роми. — Это наш язык. А Мира его не понимает.

Мысли всё ещё путались.

— Совсем не обязательно говорить навашем языке. Я тебе не навязывалась, сам из ванной вытащил. И вообще! Если я мешаю, можешь отправить меня обратно. А потом возись с психической, сколько влезет!

— Мира, я не специально... Я...

— Ну да, конечно! У тебя всё не специально. Башкой об стену, потом на поляну, теперь в лужу какую-то запихал!

— Не в твоих интересах меня злить, — в тоне Адана послышались предостерегающие нотки.

Кто-то шумно вздохнул. Потом наступила тишина, нарушаемая слабым, почти бесшумным шелестом волн.

Прибой, которого никогда не знало Море Истока...

— Он, действительно, не специально, — пробормотала Роми. С третьей попытки удалось сесть и даже открыть глаза. — Великие предки...

Малая луна уже почти полностью нырнула за горизонт, и рассмотреть ее можно было, только если знать, что искать. Большая- гигантский шар, заслоняющий едва ли не две трети неба, сияла ярче обычного, золотой дорожкой отражалась в воде, заставляя светиться и само море. Переливаться неожиданными цветами, от бледно-серебристого до огненно-алого. Таким море Истока Роми никогда не видела.

Столько «никогда» за такое короткое время...

— Прозрела? — цинично осведомилась Мира. — Ну и как? Понравилось купаться?

— Прекрати! — повысил голос Адан.

— А что?! Она же собиралась меня окунать в водоём. Спасибо, не надо. Я оценила, как оно успокаивает...

— Ты можешь помолчать хотя бы минуту?! Не до тебя сейчас, не видишь?! — раздражённо оборвал Адан.

Ворчание Миры казалось галлюцинацией. Голоса звучали одновременно звонко и словно откуда-то издалека, сквозь туман. Так не могло быть, но мозг настаивал, что всё именно так. Слово работало с другой скоростью, нежели уши.

Говорить всё ещё было тяжело.

Она посмотрела на Миру. Та уже молчала, а Роми казалось, что она слышит её первые и последние слова, наслаивающиеся друг на друга. Эхом.

— Но успокоило же...

— Тогда иди ещё поплавай! — Мира демонстративно отвернулась. Отошла чуть в сторону и плюхнулась прямо на песок, спиной к ним.

— Ты... хорошо себя чувствуешь? — Адан обернулся к Роми. Опустился рядом. Взгляд пристальный, в тёмно-зелёных глазах- тревога и беспокойство. А еще сразу две Большие луны- малюсенькими, блестящими точками в зрачках. — Можешь объяснить, что с тобой случилось... в воде?

Она могла рассказать только о том, как реагирует море на них, и они- на море. Правда,

сейчас это ничего не объясняло.

— Это... море Истока. Наша кровь отравлена солнцем. Не только кровь... Море нас не очень любит. Особенно, в приливы. И пытается вынудить... Жжётся, давит. Мы в него стараемся не лезть... без нужды, — говорить получалось только короткими фразами, переводя дыхание после каждых нескольких слов. — Но сейчас не прилив.

Адан какое-то время смотрел на воду. Хмурился, покусывая нижнюю губу. Потом, видимо, что-то хотел спросить, но промолчал. Взглянул на Миру, снова посмотрел на Роми.

— Тебе, наверное, лучше вернуться домой. Я могу попробовать. Но не уверен, что стоит мне...

— Не стоит, — возможно, она ответила немного резче, чем собиралась. — Я... не уверена, кто из нас сюда привел. Я потому и схватила тебя за руку. Предчувствие, — Роми усмехнулась. — Если ты что-то хочешь спросить...

— Предчувствие? — Адан ухмыльнулся. Шумно выдохнул, покачал головой. — Ты ошибаешься, — он опять ухмыльнулся. — Роми, ничего бы не случилось, если бы ты не схватила меня за руку. Мы с Мирой были бы сейчас в Замке или... остались на поляне. И это не предчувствие. Это уверенность. Попасть сюда хотела только ты. Я даже не слышал, что Море Истока существует. Не думаю, что Мира в курсе.

Роми пожала плечами. Она сюда не хотела. Помолчала.

— А ты ничего не почувствовал в воде?

— В воде нет. До воды- да, — он нахмурился, покосился на Миру, которая, казалось, успешно делала вид, что её не интересуют их разговор. Тоже помолчал, потом тихо заговорил на карни:- Когда ты дотронулась, меня как током ударило. Не знаю, как это ещё объяснить. Знаешь, как разряд по венам пропустили? На миг жутко, больно, холодно. Невыносимо. И весь мир, как замирает... Будто ничего вокруг нет. Тьма... Потом отшвыривает куда-то, словно сила какая-то. Нельзя не подчиниться. Мне кажется, что-то похожее уже было. На поле...

— Это... тоже странно. Никогда не слышала о подобном. Я не хотела... Только остановить, — Роми уставилась на воду. Море наливалось красным, потом бордовым и снова бледнело. Волны усиливались, хотя пока еще не доставали до того места, где они сидели. — Ерунда какая-то. Браслет что-то сделал с нами. Теперь, даже когда ты его снял- связь осталась... — она осеклась. — Ты знаешь про связь?

— Биополей?

— Значит, знаешь. Все равно такого эффекта быть не должно. А Мира? — она оглянулась на неё. — Ты что-нибудь чувствовала во время перехода?

— Вспомнила, что я существую? — не оборачиваясь, пробубнила та. — Ничего я не чувствовала! По колено воды в вашей луже Истока, — фыркнула, обернулась. Выразительно закатила глаза:- А ты разоралась, как будто тебя режут.

Заканчивала она фразу уже вжата в песок.

Очутиться рядом с ней, опрокинуть на спину, усесться у неё на груди так, чтобы исключить возможность малейшего сопротивления- всё это заняло не больше секунды. А со стороны, она знала, выглядело, как вихрь. Только что сидела рядом с Аданом и смотрела на море, и вот уже вдавливают Миру в песок, обхватив ладонями её голову.

— Сейчас поймешь, почему орала, — прошипела Роми ей в ухо и закрыла глаза.

Кончики пальцев защипало, в голове застучал двойной пульс. Свой и Миры. Атради делилась всей той болью, которой одарило море.

Мира взвизгнула, зашлась в истеричном крике. И почти сразу Роми отшвырнуло в сторону, на мокрый песок у самой воды.

— Не смей! — ещё секунда, и рядом с Мирой уже находился Адан, морщился, стиснув зубы словно от сильной боли, но смотрел в глаза, не моргая, с ненавистью загнанного в ловушку зверя, не собиравшегося сдаваться без боя.

А Мира, обезумев от ужаса, прижималась к нему. Все тело будто сведено судорогой, хрупкие плечики вздрагивают, пальцы цепляются за футболку.

Роми вскочила, отпрыгнула от накатившей волны, но вода всё же успела уколоть пятку. В этот раз боль не сбила с ног, а толкнула назад- к застывшим на берегу фигурам.

Шаг, и она вновь была рядом с ними. Сейчас она двигалась как никогда быстро- в этом воздействие моря оказалось таким же, как всегда. Новым было то, что вместе со скоростью пришла ярость. Необузданная и... отстраненная. Роми отдавала отчет всей нелепости своего поведения, но не могла остановиться. В висках стучало одно слово- враг!

Прикоснуться к Адану ей всё же удалось, а потом опять отбросило назад, как будто его кожа, от которой теперь исходило слабое сиреневое сияние, отталкивала её сама по себе.

И снова она встала, снова сделала один единственный шаг- в этот раз продвинулась гораздо меньше. Изменения, вызванные морем, стирались. Желание лезть в драку, размазать по песку, развеять по ветру- только крепло. Роми видела лишь один выход.

— Ещё раз, — прищурившись, прошипела она, — и я за себя не ручаюсь.

— Сила- это единственный язык, который ты понимаешь? — Адан выпрямился, отпустив Миру.

Роми в ответ от всей души выругалась.

А он резко протянул вперед обе руки ладонями к Роми, свет от кожи стал чуть темнее, но насыщеннее- ярко-фиолетовым. Он что-то процедил сквозь зубы, и в тот же миг Роми отлетела назад, в противоположную сторону- прямо на скалы. Спина и затылком почувствовала, как прижата к ним невидимой силой- ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Адан шёл ей навстречу. Медленно, не сводя горящих зеленых глаз.

— Еще раз, или хватит? — на карни спросил он, останавливаясь.

За его спиной прибой превращался в шторм. Роми смотрела то на Адана, то на беснующееся море, и не могла понять, кто виновник всего, что с ней происходит. Что первично? Её ярость или гигантские волны? Ветра не было, воздух застыл, но море Истока сходило с ума, и она, казалось, тоже.

Надо только оторваться от скалы, прикоснуться ладонью к песку, перейти в другую плоскость- пусть замрет всё, пусть застынут волны...

Ощущения, чувства смешались, мерещилось, что в голове вертится ураган, закручивая вихрем то, что она знала, с тем, что она никогда не чувствовала. Единственная четкая мысль- драться. Это- поможет.

Скала за спиной дрогнула. Роми, как могла, склонила голову на бок, улыбнулась.

— Ещё.

Адан моментально оказался рядом. Совсем близко- между ними оставались какие-то жалкие сантиметры, преодолеть которые, к сожалению или к счастью, не получалось.

— На Тмиоре я не смогу причинить тебе вреда, — он зло усмехнулся, хватая её за горло. — А что если так? — скалы за спиной исчезли, чтобы появиться под ногами вместо тёплого песка. Короткий миг, доля секунды, даже меньше- горячие пальцы отпустили шею. — Добро пожаловать в Бэар, Роми!

Она шумно выпустила ртом воздух, со свистом вдохнула. И ещё раз. И ещё. Не находила в себе силы оглядеться, но уже получалось дышать. С каждым глотком другого, невероятно чистого воздуха становилось легче.

Она чувствовала- дул слабый ветер, а скалу, на которой они очутились, заливало яркое, знойное, но не злое солнце. И- ни звука. Ни крика птиц, зверей, ни шума прибоя.

И душу точно так же постепенно мягко обволакивала тишина. Ярость исчезла вместе с морем Истока, растаяла, будто щелкнули выключателем, будто не властвовало над ней это чувство меньше секунды назад. Навалилась усталость.

Вместо того, чтобы оглядываться по сторонам, Роми медленно села на гладкий горячий камень. Провела ладонью по раскаленной поверхности: ветер хорошо постарался, отполировав почти до блеска.

— Спасибо, — тихо сказала после паузы.

— Спасибо? — хмыкнул Адан. — Объяснить ничего не хочешь?

— Ты все сделал правильно... Даже лучше, чем мог. Я думала, ты мне просто по роже двинешь, а ты привел сюда... — Роми зажмурилась, подставила лицо оранжевым лучам, бьющим с ярко-синего неба прямо в глаза. В воздухе витала чуть солоноватая свежесть, будто где-то рядом море. Настоящее, а не вязкая лужа глицерина, беснующаяся при малейшем приближении к ней атради. — Не предполагала, что есть еще такие места...

— Ты... Соображаешь, что несешь? Что делаешь, соображаешь?!

— Уже соображаю. Там- нет, — он злился, а ей было слишком хорошо от того, что наконец она обрела контроль над своим сознанием, что ее больше не сводит с ума ярость.

Роми поднялась и теперь могла видеть, что находились они на широкой идеально плоской вершине горы. Высоченный каменный столб не больше двухсот метров в диаметре резко обрывался, а внизу, вероятно, можно было обнаружить то самое, пахнущее йодом и солью, море.

— Я не знаю, что со мной было. Ни малейшего представления! Море никогда так не влияло на атради! Боль, усталость, измененное восприятие течения времени- это все да! Но я чуть не задохнулась от желания убить. И то, что ты сделал... Было правильно.

— Правильно?! — Адан не желал успокаиваться. Или не мог- слишком велико оказалось пережитое потрясение.

До неё только сейчас дошло- там, на песке, у него получилось проявить способности в полную силу. А может, совсем не в полную... Может, это всего лишь малая часть того, на что способен в идеале доа. Малая, но достаточная, чтобы утихомирить её и сделать всё правильно.

В том, что Адан- не обычный бэарец, сомнений не осталось. Ни один из них, даже самый одарённый человек из самого Зрелого Мира, не способен на такое в начале пути.

— Ты не чуть задохнулась от желания! Ты на самом деле чуть не убила Миру... меня... Чувствуешь разницу?! Представляешь, чем бы все закончилось, если бы я не смог тебя остановить?!

— Поверь, чувствую! Представляю! Более чем. Поэтому и... спасибо. Я бы... Не думай что у меня не осталось... Что мне совсем плевать на жизни других. Я не питаю к девчонке никаких тёплых чувств, но и её убийство... Я не такая. Послушай, — Роми прекратила оправдываться, примирительно вскинула руки. — Давай не будем переходить на новый виток криков! Я понимаю, ты зол... Но и ты пойми! Чем дальше... я без понятия, что происходит!

— Великолепно! — процедил Адан. Какое-то время пристально смотрел на неё, щурился, потом вдруг улыбнулся:— На Море ты вела себя глупо. Но теперь я хотя бы знаю, как выбивать из этих наглых голубых глаз самоуверенность, — он опустил на скалу, обнял руками согнутые колени. Окинул Роми оценивающим взглядом снизу вверх. — Видела бы ты себя сейчас со стороны, чертополох в мокром халатике.

— Ну, уж простите! Я не предполагала, чем закончится сегодняшний вечер... — она растерялась. Машинально попыталась поправить свою так называемую одежду. Он опять её удивил, сбил с толку, поэтому предпочла отвернуться, сменить тему. — Таким твой мир мне нравится больше, чем тогда ночью из окна кабриолета.

— Здесь, за Сферой мне он тоже нравится. Вопрос, понравлюсь ли я ему теперь... такой, — в голосе мелькнуло беспокойство, но лишь на мгновение. Адан опять беззаботно рассмеялся. — Зато кабриолет мне уже вряд ли понадобится.

— А зачем вам нужна эта Сфера?

— Видимо, за тем же, зачем вам Море Истока. Никакой осязаемой пользы, только хлопоты, но есть... Чтобы было, — он со смехом поднялся, приблизился к краю скалы. Присвистнул, заглянув вниз, обернулся к Роми. — Если серьёзно, не знаю. Никто не знает, — Адан пожал плечами. — Сфера была всегда. Считается, что она защищает планету от вредного излучения. В смысле ту часть, которая скрыта под ней. Снаружи... — он широко улыбнулся. — В Бэаре думают, что никому не дано узнать, что находится за. Говорят, что нет технологии, способной пробить прозрачный купол над нами. Я думаю, здесь другое... — он приблизился. — Все просто боятся. Вдруг, вредное излучение- правда. Никому не хочется брать ответственность за гибель миллионов.

— Море Истока не совсем бесполезное. Нам в нём всегда больно, хоть и не так, как было в этот раз... Но оно нас меняет. Новичков- физиологически. Потом завершает метаморфозы, о которых я тебе говорила раньше, и которые похоже тебе не грозят, — она усмехнулась. — А ещё ненадолго позволяет пользоваться всеми нашими способностями, иначе недоступными в Тмиоре, и наделяет новыми: ускоряет ход внутреннего времени, к примеру, тогда мы начинаем двигаться быстрее. Не перемещаться, прокалывая пространство, а именно двигаться. Фиг его знает почему. Это временный эффект и, действительно, бесполезный, — Роми подошла к обрыву. Каменная стена оказалась идеально гладкой не только на вершине, до моря было не меньше полкилометра, на столько же, если не больше, простиралась водная гладь во все стороны, и там виднелись другие такие же скалы с плоскими вершинами. Все ровные, все, казалось, в одну высоту. Она обернулась. — Ваш воздух не ядовитый. И солнце... Очень похоже на наше.

— Не скажи. Может, для атради не ядовитый, а вот для нас... для них то есть, — несколько секунд он задумчиво покусывал нижнюю губу, словно решая, делиться своими мыслями или нет. — После того, как Тени на поле... исчезли, я оказался здесь. Моментально причём! Вспышка света, миг и... Я уже стоял вот на этой самой скале, — Адан выразительно обвел взглядом место, где они находились. — Вокруг темнота, ночь... И только луна. Огромная, близко-близко... Такая... — Адан восхищенно округлил глаза. Роми машинально заметила, что они стали ярче. А может быть, просто так казалось из-за солнца. — Я же никогда по-настоящему ее не видел. Сфера преломляет свет, внутри мегаполиса все искажено. В общем, когда понял, что я за Сферой, жутко испугался. Не поверишь, но гораздо сильнее, чем когда мы с тобой падали. По-настоящему. Первой мыслью было:сейчас я задохнусь и умру. Нельзя дышать! — Адан рассмеялся. — Не дышать

тоже нельзя, поэтому пришлось сделать вдох. И я не умер... Удивительно, что я не помнил этого. Знаешь, когда вспомнил? — он прищурился. — Сейчас, когда ты на Миру набросилась. Странно, правда? Наверное, ваше море и на меня как-то влияет. Другого объяснения я не вижу.

— Хочешь сказать, что оно тебя изменило?

— Не знаю. Могло? Я ничего не почувствовал... такого, из того, что ты описала, — он покосился на промокшие кроссовки. — Только когда ты Миру схватила, меня вдруг, как в кипяток опустили. Или в кислоту... Все тело загло, и словно задыхаюсь. А дальше... — Адан беспомощно развел руками. — Я не могу этого описать словами. Но как факт- и вспомнил, что было после поля, и смог тебя... — он подмигнул. — Как бы это обозвать, чтобы не обидеть?

— Обзывай, как есть, — она улыбнулась.

— Это было... Да-а-а... Бедная Мира, наверное, со стороны это... — на какую-то долю секунды на лице снова промелькнуло прежнее беспокойство. Адан замер, сосредоточенно глядя перед собой, потом опять заулыбался. — Боюсь думать, как выглядят ваши спальни, когда вы...

— О, вот тут как раз возможны варианты! — Роми рассмеялась. — Поэтому после моря мы стараемся не... расслабляться лишней раз.

Сейчас хотелось именно этого- расслабиться полностью, насладиться теплым, таким похожим и в то же время совсем другим солнцем, может быть, поддаться безумному порыву и, раскинув руки, рухнуть вниз, в воду. Такой легкости уже давно не доводилось ощущать, и тем неожиданнее казалось это чувство, что пришло на смену напряжению и злости.

— Да, лучше не расслабляйся. Мне мой мир нужен целым, — Адан присел на край скалы, свесив вниз ноги, огляделся. — Ночью здесь все-таки гораздо красивее. Не люблю солнце.

— Я тоже, — Роми немного поколебалась, но все-таки села рядом. Откуда-то появилась уверенность- даже если они соскользнут вниз, ничего не случится. Ни с ней, ни с ним, этот мир- особый, как и сам Адан. — Но у меня нет выбора, любить или нет. Оно нужно атради, как людям- вода и пища.

— Это как это?

— Вот так это, — она невесело усмехнулась. — Мы, как дурацкие батарейки. Энергетическая сущность, запертая в слабой физической оболочке. Вода, еда не дают нам жизненных сил. А солнце Тмиора- да. Наполняет нас. Луна же только бодрит, как вас... чашка кофе. Есть у вас такой напиток?

— Есть. Значит, я тоже теперь такая батарейка, которой необходимо солнце?

— Ты не атради, и я не знаю. Может быть, для тебя все осталось по-прежнему. Может, окажется, что тебе необходимо ваше местное солнце. Оно ведь непростое, ты не чувствуешь?

— Не...ет, — неуверенно протянул Адан, взглянул на небо, щурясь. — По-моему, обычное. Только ярче, чем там... внутри.

— А я- чувствую. Моя сила растет. Немного иначе, чем дома, но растет. Я ведь там была почти пуста. Тогда, на поле, ты выжал меня подчистую, — она помолчала. — Может быть, для твоих ощущений еще не время, и ты быстрый в переменах, но не настолько. Ты скоро поймешь сам. Это... приходит, так же, как чувство голода.

— Звучит ужасно, если честно. Особенно, про опустошение. Слушай, — он внимательно посмотрел на неё. — А может, наши с тобой биополя просто несовместимы? Это хотя бы

объяснило, почему закоротило чертов браслет.

— Закоротило?

— Ллэр сказал, что он мертв. Не действует. Может, обманул... Только браслет все же следствие. А причина... Что-то со мной случилось до него, еще в «Нольде». Или даже раньше. Знаешь, я все прокручиваю в голове тот самый момент, когда... — Адан неожиданно замолчал, нахмурился. Взгляд изменился, из озабоченного трансформируясь в отсутствующий. Зелёные глаза потемнели, превращаясь в две узенькие черные щелки. Он по-прежнему смотрел на Роми, но будто сквозь. А потом вдруг схватил ее за руку и кинулся со скалы вниз, увлекая за собой.

***

— Какого черта ты тут делаешь?!

Голос принадлежал Ллэру и был, по традиции, злой. Мира уже почти привыкла к тому, как они появляются из ниоткуда и уходят в никуда. И всегда злятся. Она и раньше сталкивалась с тем, что у Способных нервы расшатаны, но эта тройца просто была все рекорды. Успокоительное пить надо! На завтрак, обед и ужин!

Мира остановилась по колено в вязком теплом глицерине, которое почему-то называлось морем, и вскинула голову. Ллэр стоял не более чем в метре от нее, у самой кромки воды. Взлохмаченные волосы, сверкающие глаза, неожиданная белая рубашка вместо привычной черной футболки, застегнутая только на несколько пуговиц. Видок- будто сорвался с места внезапно, неожиданно даже для самого себя. Помчался выяснять, обвинять...

Боль от прикосновений Роми прошла, пережитый ужас сменился раздражением, которое только росло, заслоняя собой все остальные чувства.

— Дышу свежим воздухом. Не видишь? — ехидно бросила Мира, поправляя съехавшую с плеча бретельку лифчика, и сделала еще несколько шагов, заходя глубже в воду.

Ллэр вскинул брови, несколько секунд постоял, потом принялся заворачивать джинсы.

— Купаться собрался? — хмыкнула Мира. — Не советую. Ваше МОРЕ вас не любит.

— А, так тебе уже рассказали, — пробормотал он, но занятие свое не прекратил. Присел, протянул к воде руку. Море мягко отступило, но не больше, чем на полшага, и он до него достал. Посмотрел на мокрые пальцы, потом на Миру, ухмыльнулся. — Жить буду.

На секунду стало страшно- что если Ллэр отреагирует так же, как Ромиль? Адана рядом нет и куда исчез с чокнутой, непонятно. Когда вернутся и вернутся ли вообще- тоже. С другой стороны, о ней кто-нибудь из них беспокоится? Нет. Вот и она не будет. И вытаскивать, если начнет корчиться, как Роми, тоже не станет.

— Каждый сходит с ума по-своему, — пожала плечами Мира. — Только за буйки не заплывай.

Ллэр хмыкнул, выпрямился, не спеша, не поднимая брызг, пошел в её сторону. По всей видимости, вода ему неудобств не доставляла.

— Так как ты тут очутилась?

— Тебе все в подробностях или обойдешься кратким пересказом? — ухмыльнулась Мира.

— Всё.

— Любознательный какой, — злорадно бросила она. На самом деле было совершенно без разницы, что ответит Ллэр. Рассказывать в красочных деталях не умела и не собиралась. — Обойдешься. Могу только кратко о главном. Значит так... Сначала твой

зеленоглазый друг, о котором ты забыл меня предупредить, вытащил меня из ванной на какую-то поляну. Потом туда пришла тв... Роми. Вся такая из себя... чокнутая стерва. Потом... — она осеклась. Про собственную истерику лучше промолчать. — Адан хотел вернуться со мной в Замок, но твоя бывшая не позволила. Вцепилась, перенесла нас сюда. Попыталась утонуть в луже, не получилось. Адан её вытащил. И очень зря, потому что потом она меня чуть не убила. А потом они исчезли. Воооон... — Мира махнула рукой на прибрежные скалы, — там стояли, Адан её душил, а теперь не стоят.

На скалы Ллэр бросил лишь беглый, хмурый взгляд, остановился, только когда между ним и Мирой осталось не больше нескольких маленьких шагов.

— Он не мой друг. И предупреждать тебя я не обязан.

Ну правильно. Злость теперь будем срывать на ней. За этим и явился. Глупо, конечно, рассчитывать на мягкое заискивание, как с Аданом, и все же... С рыжей своей, наверное, он разговаривает совсем по-другому. И голос другой, и взгляд. Да она и сама видела. Почему-то стало обидно.

— А не пошел бы ты... — Мира осеклась, но все-таки не удержалась и добавила, куда. Потом демонстративно отвернулась. Теперь пусть хоть убивает. И ведь не убьет, раз нужна ему живой.

— Ты не настолько меня не боишься, как пытаешься это изобразить, — тихо проговорил Ллэр. — И зря.

— Что именно зря?

— Я не буду разговаривать с твоей спиной.

— Уже разговариваешь.

Хлюпнула вода, Ллэр окончательно сократил расстояние, грубо развернул Миру к себе, сильно сжал её плечи.

— Тебе не надо меня бояться. Я тебя не убью и даже не покалечу. Но настроение испортить могу. Сильно. Это не угроза. Это предупреждение.

— Пошел ты, — она снова повторила, куда. Четко и громко, с вызовом глядя в серые блестящие глаза. И почувствовала, как его пальцы сжали плечи сильнее.

— А ведь все равно боишься.

Самообладанию Ллэра в этот момент можно было только позавидовать. Она бы на его месте уже давно въехала кулаком по физиономии, а потом, схватив за шкирятник, окунула башкой в воду и не давала дышать столько, сколько нужно, чтобы раз и навсегда научить держать язык за зубами. Сделала бы, не задумываясь о последствиях, и получила бы удовольствие. Ведь даже самой, стоя сейчас по пояс в вязкой луже Тмиора, очень сильно хотелось врезать Ллэру.

За что? Сама не знала. Может быть, чтобы доказать, что несмотря на страх не желает подчиняться и признавать очевидное- она слабее. Необъяснимое, иррациональное и, кажется, совершенно бесконтрольное желание.

Мира замахнулась. Внутренний голос равнодушно посоветовал готовиться к худшему. Она так же равнодушно пренебрегла советом. И замерла, с изумлением глядя на запястье правой руки.

— Ой... — испуганно выдохнула. Машинально подняла левую и застыла.

Всегда бледная кожа, не покрывавшаяся загаром даже в солярии, потемнела, а по ней изогнутыми сиреневыми линиями проступили вены и словно светились изнутри.

— Действительно «ой», — проговорил Ллэр задумчиво. Теперь он взял за руки по-

другому, мягко, за запястья. Ладонями к себе. Выпустил правую, осторожно дотронулся до узора на левой. — Что-то чувствуешь?

— Твои пальцы, — буркнула она, совершенно не понимая, что с ней творится. Ллэра хотелось оттолкнуть, но одновременно мучило желание прижаться к его груди, закрыть глаза, коснуться губами обнаженной кожи, вдохнуть её аромат.

Мира отшатнулась, чуть не упала, но сумела удержаться на ногах. С сожалением посмотрела на берег, где остался лежать промокший и испачканный халат. Невольно оглядела себя и застыла. Искрящиеся вены проступили по всему телу и были видны даже в воде.

— Ой...

— Давай-ка... — Ллэр усмехнулся. — Давай-ка уберемся отсюда.

Мира опомниться не успела, как он, нимало не интересуясь мнением на этот счет, подхватил ее на руки и через миг поставил уже на песок, рядом с халатом. Но этого мига все же хватило, чтобы почувствовать тепло его тела. Ллэр и сейчас стоял слишком близко, не отпуская. А там, где его пальцы прикасались к ее коже, невыносимо жгло. Не так, когда Роми повалила на землю. По-другому... Вызывая не боль, а приятную горячую истому по всему телу, от которой начинала кружиться голова.

— Из-за тебя я теперь похожа на радиоактивную куклу, — смутилась Мира, пытаюсь осторожно высвободиться.

— Ты- человек... Такой реакции не должно быть, — он разжал пальцы, отступил на полшага. Прищурился. — Интересно...

— Что интере... — она не договорила, потому что та же непонятная сила, как в ванной, вдруг откинула назад. Не далеко, буквально на несколько метров, но на этот раз получилось прочувствовать перемещение. Не было ни темноты, ни ощущения падения. Только на долю секунды стало холодно, как от порыва сильного ветра зимой.

— Помнишь, у меня дома... Перед тем, как я тебя ударил, — Адан, непонятно когда и как оказавшийся на пляже, схватил, тряхнул, не сводя пристального взгляда безумных зеленых глаз. — Ты переключала картинки на окне. Потом увидела женщину... Таль... Ты сказала, что её знаешь. Откуда?

— Она- врач... в Миере... Она меня лечила, — девушка замолчала, потому что руки, крепко сжимавшие её плечи, исчезли, как и сам Адан. Мира слотнула, обернулась и увидела возле себя Роми. Не удержалась:- Жива? Жаль...

— Тебя, видимо, не от того лечили, — скривилась Роми.

— Тебя, видимо, даже лечить не берутся, — не осталась в долгу Мира. — Скажи Ллэру спасибо за спасение и можешь догнать Адана. Он похоже только и делает, как от тебя сбегает, — насмешливо добавила, направляясь обратно к тому месту, где валялся халат.

Как ни странно, рыжая не огрызнулась. Да и Ллэр все это время молчал. Не сделал ни шагу, стоял там, куда несколько минут назад вынес Миру из моря. Смотрел на Роми.

Странно смотрел, непривычно. По-настоящему серьёзно. Мира вдруг вспомнила того, другого, в инвалидном кресле. Алэй, всплыло имя. Сейчас они казались ещё больше похожими. Будто не просто братья, а близнецы.

— Не хочешь рассказать, что происходит? — послышался за спиной спокойный голос Роми. Обращалась она явно не к ней.

— Я тебя там подожду, — подхватив с песка халат, тихо проговорила Мира.

Ллэр едва заметно кивнул, по-прежнему не сводя взгляда с Ромиль.

К самым дальним скалам Мира всё-таки не пошла. Пусть и не хотела торчать в опасной близости, понимая, что поговорить у этих двоих вряд ли получится без очередных психов, но лишать себя возможности понаблюдать со стороны не стала. Вряд ли что-то поймет, наверняка ведь будут разговаривать на своем языке, зато сможет хотя бы их видеть. Мало ли что...

— Так как? — спросила Роми.

Мира, накинув халат, присела на прохладный камень и удивленно застыла. Надо же... Ромиль предпочла говорить не на карни, раз она понимала. Странная все-таки. То кидается ни с того ни с сего, то вся из себя вежливая и воспитанная.

— Не хочешь просто уйти? — отозвался Ллэр.

— Уйти? — удивление в голосе Роми было неподдельным.

— Ага. Ты только бестолково вмешиваешься и отвлекаешь. Тебе здесь не место.

— А этой- место?

Ллэр хмыкнул.

— Надо же.

— Что- надо же?

Они так и стояли в нескольких метрах друг от друга. Ллэр- словно статуя, Мира не видела его лица, Роми- то ли злая, то ли растерянная, чуть покачиваясь, сжав руки в кулаки.

— Ромиль, это не имеет к тебе никакого отношения. Совсем. Мне просто не повезло, что все случилось именно в твой день. Возвращайся к своей жизни, оставь нас в покое, я как-нибудь разгребу эту кашу без твоего чуткого руководства.

— Да уж. Ты разгребешь, — она скривилась. Он промолчал. Роми махнула рукой в сторону воды. — Эта проклятая лужа чуть меня не убила! А я чуть не убила твою новую игрушку. Море не может вести себя так! Это уже и моё дело!

— Теперь море у нас виновато! Ага, как же... — вырвалось у Миры.

— Ты... вообще... — Роми резко обернулась в её сторону, — ты сиди и... — она замолчала.

— Боишься, что игрушка, которую ты предлагала Адану утопить в «этой проклятой луже»... — передразнила Мира и осеклась. Последние три слова удалось не просто повторить тоном Ромиль, а в точности скопировать голос. Так, словно говорила она сама.

Теперь и Ллэр смотрел на нее. Удивленно и, кажется, при этом довольнo.

— Всё интереснее и интереснее, — пробормотал он едва слышно. — Теперь, значит, ты не только карни понимаешь, но и голосам подражаешь.

Роми нервно дернулась, бросила на него прищуренный взгляд, но ничего не сказала.

А еще сверкаю в темноте, мысленно добавила Мира. Бред какой-то... Бред, которому есть только одно объяснение.

— Меньше лапать надо, — буркнула она, покосилась на босые ступни. Кожа уже не светилась, хотя вены все еще с легкостью просматривались. — Лучше бы научил исчезать, когда хочется. Чтобы раз и нету...

— Тебе не положено уметь исчезать, — сказал он. Шумно выдохнул, запустил пальцы в шевелюру, присел на корточки, глядя себе под ноги. — Ты- случайность. Не понимаю.

— Надо было думать, когда начинал эксперименты, — хмыкнула Роми. Добавила уже Мире:- Теперь, если научишься исчезать, он тебя привяжет! Кто ж отпускает морских свинок далеко...

— Это не мои эксперименты, — оборвал Ллэр.

— Да, конечно.

— Рэм, не мои! — он, все так же сидя, поднял глаза на неё. — Я наблюдал, не отрицаю. Собирал информацию. То, что я... — он осекся. — Опыты на людях из Зрелых миров никак не продвинут меня в том, чего я пытаюсь добиться. Я ничего ни с кем не делал!

— Пока.

— Что?

— Пока не делал, да?

— В чем именно ты меня обвиняешь?

Роми передернула плечами. Видимо это означало «ни в чем конкретно, просто веду себя, как сволочь. Как обычно».

Ну вот, начинается... Мира вскочила с камня.

— Слушайте, вы... пара самовлюбленных придурков! Может, пойдёте куда-нибудь, где я вас не буду ни слышать, ни видеть, а? И там выясните отношения?! Вы достали уже, вам ясно?! Я не хочу, чтобы вы ко мне прикасались своими лапами, понятно? — умом она понимала, что теряет контроль, что в таком состоянии способна наговорить и сделать многое, о чём придется сильно пожалеть, но остановиться уже не могла. Усталость, раздражение, страх, голод, злость, обида- всё вместе рвалось наружу истеричным криком:- С меня хватит! Таскаете за собой, дёргаете, швыряете с место на место, кидаетесь, орёте, убиваете, потом зачем-то спасаете! Оставьте меня уже в покое!

Ллэр чуть не свалился с корточек на задницу. Удержался, опёршись ладонью в песок, медленно встал, не сводя взгляда с Миры.

— Ты же светишься, — заявила Роми, изумлённо моргая. Повернулась к Ллэру. — Как Адан. Она что, тоже доа?

— Не твоё дело, поняла?! И вообще тебе лучше убраться! Потому что если я, как Адан, даже он, — Мира кивнула на Ллэра и угрожающе подняла руку, — тебе уже не поможет.

— Мира, давай успокоимся, — тихо попросил Ллэр.

— А я, между прочим, спокойна! — взвизгнула она. А дальше, само собой, получилось заговорить его же голосом:- Тебе не надо меня бояться. Я тебя не убью и даже не покалечу. Но настроение испортить могу. Сильно. Это не угроза. Это предупреждение.

— Хорошо. Сама напросилась, — Ллэр шагнул вперед, потянулся схватить и... Пальцы прошли сквозь её ладонь, будто она- воздух.

Мира застыла. Не от угрозы Ллэра, которая не сулила ничего хорошего, а от внезапного понимания, что с ней происходит что-то... Хорошее или нет, она не знала, но поразительное, странное уж точно. Неужели, после всех перемещений она тоже изменилась? Выходит, Адан прав. Плешь что-то с ними сделала... С ними обоими!

— Мамочка... — выдохнула, только сейчас заметив, что тело ярко светится. Роми говорила правду- она действительно выглядит, как чуть раньше Адан. Кожа потемнела, но при этом от неё исходит фиолетовое сияние, заметное даже сквозь халат.

— Мира! — позвал Ллэр. — Мира, посмотри на меня!

Она беспомощно подняла на него глаза. Раздражение и злость сменились протрацией, когда будто видишь себя со стороны, безвольно и безучастно. И все равно, что будет. Вообще. Абсолютно.

— Можно? — спросил он, протягивая к ней раскрытые ладони. Мира секунду колебалась, потом позволила прикоснуться, и в этот раз Ллэр смог взять ее за руки. — Видишь. Это управляемо. Как и все остальное.

— Остальное? — и собственный голос казался теперь совершенно чужим.

— Остальное. Цвет, свет, — он улыбнулся. — Что бы там ни всплыло в будущем. Прости, если я говорю, как... поучаю... Ты просто должна оставаться спокойной. Для начала. Максимально, — она хотела возразить, но Ллэр не позволил, чуть сильнее сжал ладони. — Я знаю, это сложно. Особенно с такими помощницами, как мы. Роми задирает, ведет себя, как настоящая стерва. Я или угрожаю, или умничаю, или... — он нахмурился, качнул головой. — Но надо. Я плохо понимаю, что с тобой происходит, выйдет из-под контроля и... Плевать, что будет с нами, потому что с нами ничего не будет. Пока мы в этом мире- мы бессмертны и почти неуязвимы. Что будет с тобой? Нельзя быть одной в такой момент. Само это не пройдет.

Мира почти не слушала. Вернее, слушала, но не слышала. Понимала только некоторые слова, отдельные предложения, обрывки его фраз.

Одной нельзя, Ллэр прав. Одной не получается справляться. Если бы Адан был рядом сейчас, здесь, с ней, он бы понял. Он бы помог. Он знает, как. Но Адан исчез, и неизвестно, увидит ли она его еще когда-нибудь.

Мира вздрогнула, напряглась, вспомнив, о чем спрашивал Адан несколько минут назад. Таль... Откуда у него изображение этой девицы? Разве они могут быть знакомы? Она ведь из её мира, а он- нет... Или?

Мира окончательно запуталась. Странное оцепенение прошло, стало страшно. Ужасно, до пронизывающего ледяного холода внутри. У неё же ничего нет. Ни дома, ни родных, ни друзей... Таких, кому бы смогла рассказать обо всем. Никто не поймет, не поможет. Даже для Ллэра она всего лишь живая кукла. Морская свинка, как сказала Ромиль. Посадит в клетку и будет разглядывать под микроскопом, пока не надоест.

И все же это лучше, чем ничего. Чем совсем одна в этом мире.

— Пусть она уйдет, — тихо попросила Мира, опуская глаза. И еще тише добавила:- Обними меня.

Конечно, Роми не ушла, Ллэр даже не стал просить ее об этом. Но он все-таки обнял. Не сразу. Несколько секунд словно колебался, потом мягко привлек Миру к себе, прижал к груди.

Некоторое время они так и стояли, обнявшись, в полном молчании. Этого хватило, чтобы не только успокоиться, но и трезво оценить ситуацию. Понять и в чем-то даже смириться с нынешним незавидным положением.

— Морская свинка устала и хочет есть, — она отстранилась от Ллэра, сделала шаг назад, с надеждой посмотрела в серые глаза. — Сможешь вернуть ее в клетку?

Серые низкие тучи продолжали нелепо громоздиться друг на друга. Свинцовые, уродливые, сначала они закрыли солнце, а через секунду от голубого неба не осталось даже кусочка. Резкий порыв ветра выхватил из пепельницы окурки, закружил в безумном танце, унося с собой. Несколько тяжелых, крупных капель упали на лицо, скользнули вниз, оставляя на коже мокрые следы. Следом раздался оглушительный гром. Яркая молния ослепила, вынуждая зажмуриться.

Адан вернулся с балкона обратно в квартиру, задвинул стеклянную дверь-электричества снова не было. Новенький трансформатор, установленный пару часов назад, сгорел, как только он попытался включить оптическую шторку. Чертово биополе... Интересно, как теперь с ним жить в мире, где каждый сантиметр напичкан техникой. Ладно, об этом он подумает потом.

Опустив на столик пепельницу, Адан присел на мягкие подушки, откинулся назад. Уставился в окно.

В мегаполисе начиналась гроза. Почти настоящая. По крайней мере, в это очень легко поверить, лежа в полумраке на удобном диване и слушая, как по стеклам барабанят тяжелые капли отфильтрованной воды. А где-то там, на расстоянии нескольких тысяч километров, за Сферой по-прежнему светит яркое солнце, на синем небе- ни облачка, свежий воздух пропитан запахом моря. Солоноватый, он чуть горчит на языке, от него с непривычки першит горло, и голос становится хриплым. Через несколько часов оранжевый диск солнца исчезнет за горизонтом, и ему на смену на потемневшем небосводе появится огромная сиреневая луна, моментально погружая высокие плоские скалы, гигантскими столбами торчащие из воды, в фиолетовые сумерки. А в воздухе по-прежнему будет пахнуть морем.

Неизвестный день, неизвестная ночь.

Поразительно... Прожить в Бэаре тридцать с лишним лет и не иметь ни малейшего представления, каким может быть его мир. Настоящий, неупрятанный под Крышку и так сильно отличающийся от всего, к чему привык. А сколько еще всего он не знает о собственной планете... Вечности не хватит, чтобы увидеть, вдохнуть, прикоснуться к девственной природе.

Долгожданный вечер все никак не хотел наступать. Время тянулось мучительно долго. Казалось, секунды превратились в минуты, минуты стали часами, часы- неделями. Адан переделал все, что мог: заявил об украденном вместе с документами и кошельком кабриолете, восстановил необходимые карточки- так показалось проще в новых обстоятельствах. Когда найдут, если еще не обнаружили обгоревшие остатки, решат, что кто-то просто «одолжил» покататься. Жертв нет, файл закроют. Страховая компания уже пригнала на стоянку новенькую машину, только садиться за руль Адан так и не решился. Зато по дороге домой обзавелся новеньким телефоном. Мобильник, правда, никак не соглашался работать в его руках, но хотя бы был, как у всех нормальных людей в Бэаре. Адан даже привёл в порядок квартиру, избавившись от кровавых следов опыта превращения в доа на собственных стенах.

И все же становится опять нормальной, обычной, как у всех, его жизнь не спешила, а бесконечный, сумасшедший день не желал заканчиваться.

Оставшиеся до вечера часы Адан попытался скоротать за сном, но уснуть так и не

получилось. То ли из-за всего, что произошло в последние сутки, то ли из-за ливня и пронзительных ярких вспышек зеленых молний- где-то наверху, над Сферой, тоже бушевала буря. Он несколько раз вставал, подходил к огромным, почти с него ростом, окнам гостиной. Выходил на балкон, курил, потом возвращался. Долго стоял, прижавшись лбом к стеклу. Думал. Дважды порывался броситься обратно в Актарион, дважды практически в последний миг заставлял себя остаться и подождать еще чуть-чуть.

Там, в Тмиоре, подтверждения Миры уже не требовалось. Догадка ослепительной вспышкой пронеслась в голове мгновением раньше- на скале, куда перенес Роми. Но он все равно вернулся на пляж, чтобы услышать от испуганной девчонки: Таль, врач. Ее врач. И его любовница.

Все правильно. Вот оно недостающее звено, связывающее с угодившим в Плешь зверьком.

...Новенький офис радовал глаз несмотря на то, что вокруг все еще царил самый настоящий хаос. По полу раскиданы пластиковые коробки, некоторые до сих пор запечатаны и не тронуты, какие-то наполовину распакованы, а часть- уже пустые и сваленные в кучу около двери. Легкая, практичная мебель из тонкой фиолетовой пластмассы так и осталась стоять там, где бросили, без намека на удобство и комфорт. Еще предстояло все расставить, разобрать, подключить. Но уже сейчас Адан отчетливо осознавал, что после стольких лет мечта сбылась.

Его собственный офис, в котором он сам себе хозяин и волен поступать так, как захочет. Без консультантов, без десятка пытливых, следящих за каждым движением глаз коллег и начальства. Позади учеба, стажировка, бесконечный год работы в Центральной Адвокатуре, чтобы получить разрешение на практику, мучительные месяцы ожидания документов, и вот наконец долгожданная свобода... Отличный подарок себе на тридцатилетие.

— Как здесь всё... фиолетово, — слышался сзади веселый, звонкий женский голос. — Вы- Адан?

Он вздрогнул от неожиданности. Резко обернулся, с удивлением уставился на незнакомку в летнем платье темно-оранжевого цвета. Адан мог бы поклясться, что закрыл дверь на ключ. И не слышал, как она вошла, хотя должен был.

— Я, — Адан кивнул, внимательно её разглядывая. Высокая, худенькая и очень симпатичная с копной вьющихся каштановых волос, свободно спадающих на обнаженные, загорелые плечи. Хитрый, но одновременно дружелюбный взгляд синих глаз. И очаровательная, милая улыбка. Он никогда раньше не встречал её, потому что обязательно запомнил бы, если увидел. Таких сразу выделяют из толпы. А крутившийся на языке вопрос о том, как она здесь очутилась, вдруг трансформировался в другой:- Чем могу быть полезен?

— Мне нужен адвокат, — не дожидаясь приглашения, незнакомка ловко выхватила стул, опустила его на каменный пол, тоже фиолетовый, и уселась, закинув ногу на ногу. — Дело в том, что я получила наследство от отца и хотела бы прояснить кое-какие моменты, прежде чем вступлю в права... — начала она свой рассказ. — Кстати, меня зовут Таль.

Следовало сразу остановить, прервать поток объяснений, пояснить, что только что переехал и совершенно не готов давать консультацию, а тем более, браться за её дело. Адан не мог. Вместо этого внимательно, словно за гипнотизированный, слушал. Каждый раз, когда хотел задать какой-то дополнительный вопрос, Таль говорила то, что ему требовалось знать. Словно читала его мысли...

Так началось их знакомство. И она действительно читала мысли, но об этом Адан узнал гораздо позже- сегодня утром, когда, как сумасшедший, бросился к ней из Тмиора в Актарион. И только там, стоя на лужайке погруженного в ночную темноту парка перед её домом, окончательно осознал- Таль, эта красивая, но слишком навязчивая женщина, которая полгода преследовала его, не желая мириться с расставанием и находя каждый раз новый предлог для встречи, была из другого мира.

Несколько месяцев тому назад она внезапно пропала. Исчезла из его жизни- не приходила, не поджидала у офиса или квартиры, как обычно. Даже не названивала, вымаливая о последнем свидании. И хотя успела оставить бесчисленное количество напоминаний о себе, он с облегчением вздохнул. Зря...

Телепортация, телекинез и всякие прочие телеумения, которые так неожиданно получил сам, были в её арсенале с самого начала. И если до сегодняшнего дня навязчивое внимание Таль не воспринималось, как проблема настолько, чтобы заморачиваться, теперь заморочиться придется.

Адан пришел слишком рано. В Миере только-только рассвело, но больше ждать просто не хватило сил и терпения. Голубое солнце лениво карабкалось по темному небосводу, превращая сад в плод чей-то большой фантазии, ставшей вдруг реальностью.

Он удивлённо огляделся- здесь все было совсем не так, начиная с яркого оранжевого неба в ошметках уродливых бурых облаков и заканчивая розовой травой под ногами. По периметру сада- нечто тоже розовое, отдаленно напоминавшее кустарник.

Внутри двухэтажный дом чем-то напомнил собственную квартиру, и стало понятно, что имела в виду Мира, когда оказалась у него. Простор, натуральный камень, дерево, массивная удобная мебель и куча всевозможной техники. Адан недовольно поморщился, физически ощущая сопротивление магнитных полей. Кажется, в Актарионе их гораздо больше, чем в Бэаре.

Спальня не поражала воображение. После буйства красок снаружи и, помня совместные ночи с Таль, Адан ожидал увидеть что-то такое... явно не то, что предстало его взору. Все оказалось намного скромнее и меньше, хотя и довольно мило. Удобно и функционально.

Каменный пол, отделанные натуральным деревом стены, такая же мебель. Посередине- овальная кровать на массивной подставке, занимавшая большую часть пространства, вдоль стены- шкаф с раздвижными дверцами, напротив, у самого окна, громоздились два мягких черных кресла, а между ними ютился круглый деревянный столик.

Еще один, почти такой же, только меньше, располагался у изголовья кровати. На нем, судя по всему, остатки романтического ужина: пустая бутылка, два бокала, ваза с причудливыми фруктами, ни один из которых не выглядел съедобным.

В воздухе витал до боли знакомый приторно-сладкий аромат излюбленных благовоний Таль, от которых обычно через пару минут начинала болеть голова...

Адан прошёл вглубь, осторожно переступая через разбросанную по полу одежду. Серебристые туфельки без каблука, синие мужские брюки, темно-голубая рубашка, почему-то только один белый ботинок... У столика сиротливой тряпочкой валялось серое блестящее платье.

Он молча опустился в кресло. Пошевелил на расстоянии бутылку на столике. Она на миг зависла в воздухе, а секунду спустя разлетелась на кусочки оглушительным звоном по полу.

Два обнаженных тела на черных простынях зашевелились.

— Доброе утро! — громко произнес Адан, откидываясь на мягкую высокую спинку.

Смуглый черноволосый мужчина, обычный, заурядный, без какого-либо намека на способности, первым заметил его присутствие. От неожиданности подскочил, прикрываясь тонким одеялом, и изумленно уставился на Адана. Следом с подушки подняла голову Таль. Заспанный взгляд моментально трансформировался в удивленный.

— Адан?! — воскликнула она, приподнимаясь на локте.

— Какого хре... — загорелый мускулистый самец не успел договорить. Проломив дверцы, его тело с грохотом приземлилось в шкафу. Сверху посыпались полки и одежда.

Таль не дернулась, так и осталась полулежать на постели. Даже не обернулась, продолжая смотреть в упор на Адана:

— Что ты здесь делаешь?

— Соскучился. Извини, что без букета.

— Между прочим, ты только что сломал ему два ребра, — она произнесла это так, будто всего лишь констатировала свершившийся факт, без тени удивления, страха или жалости.

— А ты разве не предупредила беднягу, что трахая тебя, он сильно рискует? Могут начаться метаморфозы. Эта была первая. Встанет, будут и другие.

Таль улыбнулась, продолжая смотреть ему в глаза. Прищурилась. Виски слегка сдавило, и Адан впервые почувствовал, каково это, когда пытаются пробить защиту, чтобы украсть мысли- словно сотня маленьких острых коготочков впились в голову одновременно. Еще секунда, и они влезут внутрь, разрывая на части плоть, и начнут безжалостно копошиться.

— Хм... — насмешливо протянул Адан. Помахал в воздухе указательным пальцем. — Ничего не получится, любимая. Я сильнее.

Коготки исчезли. Несколько секунд Таль молча смотрела на него, потом села.

— Дай мне десять минут. Насколько я понимаю, впереди у нас долгий серьезный разговор. Не хочу отвлекаться, но придется, если он, — она кивнула на разломанный шкаф, — останется валяться здесь без сознания.

— Я буду ждать внизу, — Адан поднялся. — У тебя пять минут убрать мусор.

Пульсирующая боль в венах исчезла, стоило выйти из дома и с шумом вдохнуть воздух. Даже он здесь был другим. Сладкий, обволакивающий.

Адан задумчиво уставился на голубое солнце, размышляя, каким должен стать его следующий шаг, а заодно прикидывая в уме, что делать, если Таль не появится. И в случае других неожиданностей, которые невозможно предугадать, но стоит опасаться.

Она все же пришла. И даже гораздо быстрее, чем он предполагал. Не появилась из воздуха, как ожидалось, а бесшумно подошла сзади, хотя Адан все равно почувствовал её приближение.

— Как ты меня нашел? — горячие ладони легли на его плечи.

— Ты же знаешь, я не силен в физике, — не оборачиваясь, ответил он.

— Хорошо... Тогда сформулирую по-другому, — спокойный, ровный голос. Но Таль нервничала, он это знал, чувствовал, хотя она изо всех сил старалась скрыть. — Что ты теперь можешь?

— Свернуть тебе шею.

— Я имею в виду из того, что не мог раньше.

— Свернуть шею и прочитать твои предсмертные мысли.

— Значит, у меня получилось.

Адан повернулся, удивленно вскинул брови. Таль, облаченная в короткий черный

халатик и туфельки, довольно улыбалась. Только ее пальцы слегка дрогнули и тут же сплелись в замок на его шее. А он-то думал, она испугается, будет отрицать, придумывать оправдания. Или хотя бы оденется.

— Видимо, получилось, — Адан нахмурился. — И сейчас ты расскажешь, что именно.

— Пойдем, — Таль взяла его за руку и повела за собой через сад. — Не пытайся узнать, о чем я думаю. Я тоже умею защищаться.

— Ты слабее.

— А ты не чувствуешь границ. Будешь так ломиться в ментальный блок, сломаешь и всё...

— То есть я должен перестать из жалости к тебе?

— Отнюдь, — Таль обернулась и подмигнула. — Просто так ты ничего в итоге не узнаешь уже никогда.

— Не факт, — хмыкнул Адан, но попытки прочесть мысли прекратил.

Они свернули за угол дома, где нелепая розовая травка к радости Адана сменилась мелким, похожим на дробленный асфальт, гравием, который мягко пружинил под ногами. В нескольких метрах от них в тени невысоких деревьев располагалась симпатичная резная беседка.

— Я попросила приготовить нам легкий завтрак, — пояснила Таль, хотя он ничего не произнес.

Адан невольно напрягся- неужели, сумела все-таки проникнуть к нему в голову? Все же с ней надо быть осторожней. Не расслабляться, глаза по сторонам.

Они вошли внутрь. Адан равнодушно скользнул взглядом по накрытому круглому столику, явно брату-близнецу того, из спальни.

— Я не голоден.

— Все равно садись, — Таль кивком указала на плетеные кресла с мягкими черными подушками.

Он послушно сел, она осталась стоять. Несколько раз прошлась взад-вперед, словно собираясь с мыслями или обдумывая, что именно следует рассказывать.

— Я тебя не обманывала, — наконец заговорила Таль.

— Да ну... — хмыкнул Адан.

— Я не врала, — она остановилась, облокотилась о бортик беседки спиной и с улыбкой посмотрела на него. — Все, что ты обо мне знаешь, правда.

— Зато сколько я всего о тебе не знаю, — усмехнулся он, облокочиваясь назад и скрещивая руки на груди. — Можешь начинать. Я весь внимание. Считаю, что у тебя уникальная возможность убедить меня не сворачивать тебе шею. Чем искренней ты будешь, тем больше шансов выйти отсюда живой. Имей это в виду, — Адан подмигнул.

— Ты не пришел убивать. Ты просто обижен. А если бы пришел, то, — Таль тряхнула головой, отчего скрученные на затылке темные волосы мягкой, пушистой волной упали на плечи, — не смог бы.

— Уверена?

— Меня- не смог бы.

— Давай без лирических вступлений, — он многозначительно ухмыльнулся, без стеснения разглядывая знакомое тело. Под халатом, конечно же, ничего нет. Соблазнительная, чувственная дрянь. — Лучше расскажи, что тебе говорит... Например, имя Мира.

— Ничего, — Таль словно ждала этого вопроса. — Вернее, говорит слишком много. Мира- самое распространенное женское имя в Актарионе. Я каждый день узнаю как минимум двух новых Мир.

— И всех отправляешь в Плешь?

— Куда? — Её удивление выглядело совершенно искренним, но он все равно не поверил. Почти по слогам повторил:

— В Плешь. Знаешь, в такой себе хреновый дырявый фильтр между мирами, где первые несколько минут думаешь, что сходишь с ума. Потом даже не сомневаешься, что сошел, потому что из воздуха появляется полуголая рыжая красотка-атради и угощает тебя как ни в чем не бывало коктейлями. А дальше еще фееричней, — Адан зло усмехнулся, вспоминая, как почти поверил, что не выживет после падения кабриолета. — Всё ещё не звучит знакомо?

— Значит, Плешь на самом деле существует, — блудливая улыбка исчезла, а тон Таль вызвал сомнение в собственной теории.

— Хочешь сказать, ты о ней не знала? — Адан нахмурился.

— Слышала, но не думала, что это правда. Мы называем по-другому. Не Плешь, а Дыра. Только никаких свидетельств ее существования нет. Она, как миф... А если и есть, то никто из Актариона туда не попадает.

— Ну вообще-то, насколько я знаю, попадает, — Адан уставился на Таль. — По крайней мере, я видел своими глазами. И как ты, надеюсь, понимаешь, мне сейчас не до шуток. Но если ты предпочитаешь никогда больше не выходить из этой беседки и продолжишь настаивать, что имя Мира тебе ничего не говорит...

— А должно?! — перехватив его многозначительный взгляд, она шумно выдохнула: — Ладно. Допустим. Как она выглядела?

— Невысокая, худенькая брюнетка. В красных коротких брюках. Волосы чуть ниже плеч. И почему выглядела? Она до сих пор так выглядит. Разве что одежда...

— Эту Миру я знаю, только так она уже не выглядит, можешь мне поверить.

— Это почему это? — насторожился Адан.

— Потому что эта Мира погибла в аварии. Таксилет, в котором она летела, взорвался. Способности молчали, опыт, сбитый с толку тем, чего быть не может, просто потому что не может быть, заткнулся, казалось, навсегда. Оставалось полагаться только на интуицию, а она настойчиво подсказывала не торопиться с рассказами о чудесном спасении Миры.

— Ты уверена? — осторожно поинтересовался Адан.

— Более чем, — Таль опустила голову, задумчиво покусала верхнюю губу, посмотрела на него. — Эту аварию... Взрыв... Это не совсем случайность.

Раньше, чем она договорила, Адан уже понял, что собирается сказать. И остолбенел от шокирующей откровенности.

— К... — он осекся. Нет. «Как?»- это даже не вопрос. Не тот, что на самом деле имеет значение, и который стоит задавать в сложившихся обстоятельствах. Как- он и сам знает, но хотя бы чувствует себя виноватым. А вот у стоящей рядом женщины ни вины, ни раскаяния не наблюдалась. Перед ним- иная Таль. Незвестная, незнакомая, опасная. — Зачем?

— Так было проще. Лучше. Для самой Миры, — она раздражённо повела плечом, словно говоря: ты всё равно не поймешь.

— А ты все же попробуй, — потребовал Адан, выпрямляясь в кресле.

— Всё намного проще, — после недолгой паузы вновь заговорила Таль. — Если смотреть с нашей точки зрения.

— Нашей?

— Да, нашей. Способных жителей Актариона. Тех, у кого есть определённые умения и кому не безразлично будущее нашего мира.

— Знаешь, звучит, как предвыборный лозунг политической партии, — ухмыльнулся Адан. — Но даже если у вас тут оправдывают преднамеренное убийство, я все равно не понимаю, какое это имеет отношение...

— Прямое, — перебила Таль. Видимо, заметив его изумление, торопливо добавила: — Я объясню. Постараюсь, но сначала ответь на один вопрос. Это важно, — она умоляюще сложила руки. — И, правда, имеет отношение к тому, что я хочу рассказать.

— Ну?

— Ты можешь, сейчас, здесь, — Таль обвела глазами беседку, — вернуться к себе? В свой мир?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Адан удивленно вскинул брови.

— Это не простое любопытство, поверь. Можешь? — настойчиво переспросила она, приближаясь и не сводя с него пристального взгляда.

Он прислушался к себе, и как будто к привычным шести чувствам добавилось еще столько же. Надо только понять, что хочет, куда, и становится ясно- как. Невидимые до вчерашнего дня поля, ощущения, запахи, звуки. Обычное пространство наполняется светящимися точками, коридорами, проходами, порталами между соприкасающимися гранями Вселенных. Остается только нащупать нужный и шагнуть, вынуждая две точки сблизиться, соединиться, на каком бы расстоянии они не находились.

— Могу.

— Я знала! Ты прокалываешь пространство, — Таль довольно хлопнула в ладоши. — Значит, я не ошиблась. Моя теория верна- ты особенный. Не такой, как мы.

— Это типа должно меня радовать?

— Конечно! Это великолепно. Это замечательно. Это же... Ты же... как они!

— Мы, они... Да я вот теперь даже и не знаю, — саркастически протянул Адан, — радоваться мне или начинать беспокоиться.

— Понимаешь, я не могу, — Таль возбужденно взмахнула руками, — взять и оказаться вот отсюда, с этого места, — она зачем-то топнула ногой, — в другом мире!

— Это должно меня огорчить? — хмыкнул Адан.

— Знаешь, почему не могу? — Его не слышали.

— Не имею ни малейшего представления.

— Потому что отсюда нет коридоров. Вообще, нет, — Таль застыла, выразительно глядя в глаза.

— И? — выдержав паузу и так и не дождавшись продолжения, спросил Адан.

— Мы не такие, как ты.

— О, теперь я, наконец-то, понял! — он усмехнулся. — Вы не такие, как я, они не такие, как вы. И знаешь, что я думаю? — Адан театрально вытаращил глаза: — Это же охренеть, как всё стало ясно!

Таль перестала улыбаться. Какое-то время задумчиво смотрела на него.

— Ладно. Я попытаюсь, чтобы стало яснее. Дело в том, что в отличие от тебя мы...

— Мы?..

— Я и такие, как я. Актарионцы, наделённые способностями с рождения. Мы не можем прокалывать пространство для телепортации. Для переходов между мирами используем порталы, которые есть далеко не везде и не всегда. Ты тоже должен их чувствовать... Они, как окна, ведущие из одного измерения в другое.

— Вижу, — согласился Адан, прищуриваясь и снова прислушиваясь к себе. — Только не понимаю, как это вообще возможно... С точки зрения науки...

— Забудь о вашей науке, — оборвала Таль. — Пытаться что-то объяснить с её помощью, это все равно, что рассказывать трёхлетнему ребенку, откуда берутся дети.

— А у вас они берутся оттуда же? — не удержался он, ухмыляясь.

Таль отмахнулась.

— Проблема Актариона в том, что нас мало.

— Опять вас? — Адан вопросительно изогнул брови.

— Способных, — пояснила она. — Тех, кто обладает паранормальными способностями. Это делает нас очень уязвимыми. Во-первых, то, что мы можем, далеко не всегда передается по наследству. Ген, отвечающий за способности, не стабилен. Во-вторых, мы довольно сильно ограничены в наших перемещениях. Между мирами- только через порталы, но и внутри Актариона телепортация забирает колоссальное количество энергии. Любой, самый одаренный Способный, по сравнению с тобой- неумелый младенец. Мы не приспособлены накапливать энергию так, как это делаешь ты. Наш организм рано слабеет, изнашивается. Мы даже не успеваем стареть. Средняя продолжительность жизни очень невелика- большинство из нас не дотягивают до сорока лет.

— Стоп. Это всё, конечно, очень познавательно, но... Какое отношение имеет ко мне? И к убийству Миры...

— Именно это я и пытаюсь объяснить. Ты можешь просто выслушать, не перебивая?

— Обещаю попробовать.

— Основное различие между нами и теми, у кого нет никаких способностей- кровь. Я работаю в Институте Крови. То, что мы пытаемся выяснить, это возможно ли создать способности искусственным путем, — Таль перестала мерить беседку шагами и опустилась в кресло напротив.

— Насколько я понимаю, пока у вас ничего не получилось, так?

— Так, — она кивнула. — И тогда я предложила попробовать позаимствовать кровь Способных из других миров.

— И что? — улыбнулся Адан. — Неужели, не нашли добровольцев-доноров?

— Нашли, — усмехнулась Таль. — Только их кровь оказалась несовместимой с нашей или слишком слабой.

— Наверное, я должен посочувствовать, но ты же не обидишься, если не буду? И прости за нетерпение, но все, что ты наговорила, даже на миллиметр не приблизило меня к пониманию, какого черта ты пыталась убить Миру, а я стал каким-то доа.

— Доа? — с довольной улыбкой повторила Таль, видимо, решившая игнорировать его сарказм напрочь. — Значит, это так называется. Как ты узнал?

— Так сказал Ллэр, — Адан не сводил с ее лица пристального взгляда.

— А он кто? — она удивленно моргнула. Он мог поклясться- не фальшивила.

— Он... Не важно. Друг. Атради.

— Атради? — Таль презрительно скривилась. — Я бы не стала доверять им. Вечные

отморозки не признают никого, кроме своих. Кичатся своей бессмертной отравленной кровью. Но, собственно, это не меняет сути. Как бы ни называлась ваша раса, твоя кровь...

— Бессмертной? — перебил Адан. — В каком смысле?

— В прямом. Они не умираю и живут вечно. Видишь перед собой молодую девушку, а на самом деле её возраст исчисляется десятками тысячелетий... Твой Ллэр тебе ничего об этом не сказал?

***

Просыпаться без головной боли было приятно. Даже когда в правую щеку упирается что-то острое, левая рука неестественно вывернута, видимо в бессознательном поиске несуществующей подушки, а правая нога, согнутая в колене, чуть свисающая с края лежанки, затекла.

Просыпаться там, где пахнет книгами, тоже доставляло неожиданное, новое по краскам удовольствие. Особенно, когда запах знакомый, почти родной. Такой, словно Роми снова вернулась на много, очень много лет назад. Туда, где все только начиналось.

Где было тепло. Даже жарко.

Нет, это сейчас жарко. Несмотря на то, что она ничем не укрыта, а одежды по-прежнему, считай, что нет. На лицо падают мягкие солнечные лучи. Значит- еще утро. Или уже- утро... Но все равно жарко, и пробуждает воспоминания.

Алэй всегда любил бумагу. Книги. В их с Ллэром мире еще не успели заменить все и вся электронными версиями, но, кажется, к этому шло, когда она забрала его оттуда. Алэй, получив в свое распоряжение любые технологии из любых миров, не вступающие в конфликт с биополями атради, остался верен своей старой страсти: все от руки, все на бумаге... Ему нравилось, что практически любая техника не любит Основателей, что машины- глохнут, бытовая аппаратура сходит с ума, даже электронные часы останавливаются. Карандаши, ручки, чернильные перья, грифели, фломастеры- что угодно, в чем не будет микросхем и кнопок- это было его.

Когда-то Алэй играл на скрипке. И на гитаре. И ещё на нескольких музыкальных инструментах, известных только в его родном мире. В детстве его пытались убедить, что дар этот, как говорили у него дома, от Бога, но он не особо любил музыку. Алэй любил сочинять истории. И сделал ставку на это. Он не был гением, но воображение никогда не подводило, слова подчинялись легко, и в двадцать семь Алэй уже умудрился издать несколько книг, которые неплохо продавались. Ему ничего не было нужно, только свобода и возможность делать то, что ему нравится. И это он сумел себе и не только себе обеспечить.

В его доме всегда пахло солнцем и книгами. Но жизнь имела свои планы на молодого, подающего надежды писателя.

Ллэр не умел ничего. Точнее, он не хотел уметь. Ему все давалось легко, щелчком пальцев. Любая затея, любой идиотский план с раннего детства без труда воплощался в реальность. У него был острый ум, склонность к манипуляциям, желание власти и одновременно- свободы, а еще ни с чем несравнимый талант обольщать и очаровывать. Вся семья в один голос пыталась вразумить бездельника. Твердила ему, что он смог бы многого достичь. Что игнорировать свои таланты- безумие и безответственность. Ллэр ухмылялся, пожимал плечами и срывался с места в очередное безумное путешествие на поиски древних цивилизаций. Это единственное, что ему было интересно. Вся его не такая уж долгая смертная жизнь была похожа на игру.

А потом появилась она и предложила Вечность и Невозможное. Роми знала, чегс

больше всего на свете не хватало Ллэру, и предложила это ему. В отличие от Алэя, он поверил сразу.

Как же они оказались похожи! Ллэра точно так же тянуло ко всему бумажному, написанному от руки. И плевать, что на один единственный манри-кристалл можно залить все, чем он забил полки от пола до потолка в нескольких комнатах, которые именуется берлогой. Плевать, что его жилище походит на библиотеку и архив.

Сначала ей это нравилось, потом...

Нет. Не стоит. Сейчас- не самый лучший момент вспоминать, как оно все было. Потому что так недолго и размякнуть, расслабиться, перестать быть начеку и подставить себя и, скорее всего, многих других под удар. Это же Ллэр. Он далеко не белый и пушистый романтик, увлекающийся мифами и историей всех миров сразу.

Роми пошевелилась, пытаясь принять вменяемую позу, но только ещё сильнее вывернула суставы, охнула. Открыла один глаз. Правый. Прямо перед носом, действительно, лежала толстая, старая книга. Даже не одна. А еще стопка помятых листков бумаги, исписанных мелким, аккуратным почерком, затертая от множества прикосновений папка с пожелтевшими газетными вырезками, огрызок карандаша, какой-то неизвестный хлам...

Все это и многое другое она успела рассмотреть вчера, пока проявляла несвойственные ей чудеса выдержки, дожидаясь, когда Ллэру надоест возиться с нахальной девчонкой.

Конечно, когда он решил выполнить просьбу «морской свинки» и «вернуть ее в клетку», Роми и не подумала оставить их в покое и свалить восвояси. Она могла бы отправиться на поиски Адана, попытаться понять, что именно он такое вспомнил, что так поспешно утащил ее с Бэара, а потом так же мгновенно исчез из Тмиора, едва задав несколько вопросов Мире.

Вместо этого Роми упрямо последовала за Ллэром, пусть это даже означало наблюдать за тем, как он любезничает с Мирой, организовывает ей полноценный ужин из трех блюд, укладывает спать. Та бурчала что-то благодарное, а Роми, некоторое время понаблюдав за всем, подумала, что не так уж та хочет, чтобы её оставили в покое и вернули к прошлой жизни. Разве будет в ней место настоящему чуду и исполнению любой прихоти?

Потом она не выдержала всего этого и ушла в другую комнату. Ждать.

Все ее поведение было такой несусветной глупостью, таким ребячеством, что Роми даже не стала искать вразумительное объяснение. В итоге просидела в эркере на диване, листая книги и перебирая записи. С Ллэром они не обменялись и десятью словами. Он больше не пытался её гнать, Роми не хотела начинать при лишнем ушах. Раз за разом прокручивала в голове предстоящий разговор, продумывала вопросы, перебирала события дня, репетировала реплики, а потом- просто пыталась вспомнить, когда последний раз общалась с ним, даже находилась в одной комнате!

Разговор обещал быть долгим или кратким, но при любом раскладе тяжелым и рано или поздно скатился бы в припоминания ошибок и взаимные обвинения.

Вспоминать- лучший способ заснуть, особенно, когда организм отключается от непривычной усталости. Может быть, хорошо, что вырубилась в этом совершенно не приспособленном для сна месте. Переспав со своими вопросами и размышлениями, на свежую голову оглянувшись на все, что случилось вчера, Роми поняла- давить и требовать ответов уже не хочется. Хотелось, чтобы разговор, действительно, был разговором.

Чтобы Ллэр рассказал об Адане. О доа.

Это название одновременно ни о чём не говорило и заставляло внутренне вздрагивать. Но не только из-за того, чему она уже была свидетелем. Словно оживали в ней какие-то

древние инстинкты, о которых не знала или забыла, как забыла тот день, когда появилась на свет, как не помнила, где... Будто просыпалась генетическая память и говорила- держись от доа подальше. И в то же время толкала еще глубже в трясины происходящего. Что-то не давало остановиться, вычеркнуть из памяти- словно это тоже было частью какой-то давней программы, заложенной в ней.

Не раз за вчерашний безумный день Роми ловила себя на ощущении, что окажись на ее месте любой другой, давно уже лишившийся любопытства, вечный атради, он не сможет остаться в стороне. Какая-то тайна, связанная с доа, не даст все просто забыть. И что Ллэр все это понимает, гонит ее и в то же время готов ответить, готов принять. Главное, подобрать верные слова- чего Роми уже много лет не удавалось.

Тайна. Страх. Опасения... Такие неожиданные эмоции и чувства, которые невозможно игнорировать. У нее не было объективных причин вмешиваться, но если бы судьбе было не угодно её участие, она бы не устроила все так, что завертелась карусель именно в её, Роми, дежурство.

Она снова закрыла глаза. Все-таки хотелось нырнуть обратно в сон. Ненадолго убежать от бешеного ритма поиска ответов, от которых Роми легко могла и одновременно была не в состоянии отказаться. В этот момент она самой себе напомнила вдруг Миру. Девчонка тоже кричала, что хочет, чтобы ничего этого с ней не происходило. Чтобы всё было, как раньше. И вряд ли хотела этого.

Миру хотелось размазать тонким слоем по стенке. С самого первого мгновения. Даже тогда, когда она полагала, что их знакомство продлится ровно столько, сколько необходимо, чтобы стереть память и отправить домой. Задолго до того, как на сцене появился Ллэр и дал ей более-менее очевидный повод злиться.

И чем дальше, тем сильнее Мира раздражала Роми. Последующей истерикой, претензиями, заискивающим тоном с Аданом. Тем, что Ллэр с ней нянчится, как с маленькой, беспомощной и беззащитной, коей она вовсе не является, опекает, уговаривает, успокаивает... Тем, что та даже не пытается начать соображать и стать полезной, упростить всем задачу по выяснению, какого чёрта происходит, и кому это она так мешала, что её пытались убить, не особо заботясь о возможных свидетелях. В общем- всем, и это было глупо, но справиться с собой Роми не могла, и вместо того, чтобы постараться найти подход, продолжала её провоцировать. А та в долгу не оставалась.

Ллэр эти выбрыки просто игнорировал, и на берегу моря, и позже, в комнате, чем только добавлял масла в огонь. В оба огня. В конце концов, она не выдержала, ушла от греха подальше, но не очень далеко.

Роми видела, что Ллэр далеко не все понимает, что у него действительно масса вопросов. Кто-то пытался, и довольно успешно, переиграть его. Перехитрить. Кто, зачем? Кому-то мешают его затеи? По-настоящему мешают? Значит, он затеял что-то грандиозное или натолкнулся на что-то стоящее. Она хотела быть частью этого.

Только теперь, утром, была готова признать, как нелогично, чтобы не сказать, поидиотски, вела себя вчера. Вряд ли поможет, если сказать Мире «давай начнем все с начала- мы же не враги и завязли во всем этом теперь уже вместе». Точно не станет лучше, если она скажет, «смирись, я никуда не денусь». Но, по крайней мере, можно попытаться поговорить с Ллэром.

Надо все-таки просыпаться. Вернуться к себе, принять душ, одеться в конце концов... Уж если через пару часов все начнет повторяться, уж если вновь выжмут как губку, высосут

всю энергию, потом попытаются утопить в ядовитом море, вытащат под незнакомое и в то же время почти родное солнце чужого мира, то пусть она при этом хоть выглядит вменяемо, а не как бездомная оборванка.

Роми села. Потянулась. Зевнула.

— Доброе утро, — послышалось из дальнего, тёмного угла. От удивления она моргнула. Надо же! Он заговорил первым! Не удержалась:

— Тебе тоже ночь на пользу пошла? Доброе...

Ллэр хмыкнул.

— Кофе?

— Из твоего холодильника? Спасибо...

— Не моя идея была заснуть на диване.

Роми промолчала. Встала. Поправила халат. Приблизилась к письменному столу, за которым расположился Ллэр.

— Давай свой кофе.

— И никакой благодарности! — он, ухмыляясь, протянул стакан. Напиток оказался ледяным, абсолютно не похожим на кофе, но, тем не менее, вкусным.

Несколько секунд она потягивала светло-коричневую жидкость, глядя то на Ллэра, то разложенные по столу бумаги и книги, заметила выглядывающий из-под вороха листов пластиковый угол чего-то, что вполне могло оказаться ноутбуком. Вот это уже что-то новое!

Ллэр молчал и не сводил с неё хмурый взгляд. Роми опять заговорила:

— Ненормальная реакция моря, странное солнце Бэара, которого просто не может существовать. Мёртвый Наручник тайко. Доа Адан со всеми его непонятными способностями. Невесть кто Мира, светящаяся, как гирлянда из лампочек, — неторопливо перечисляла Роми. — И после всего этого ты, правда, думал, что я просто уйду, если попросишь?

— А ты проснулась и сразу в бой, — пробормотал он. Покачал головой.

— Ты втянул меня в какую-то хрень! Конечно, я в бой! — настрой на конструктивный разговор куда-то улетучивался. Ллэр же оставался спокойным. — Верни Наручник!

— Он не принадлежит тебе.

— О, конечно! Зато тебе- да?

— Рэм...

— Не называй меня Рэм.

— Ромиль, походи к себе. Умойся. Прими душ, долгий и холодный. Переоденься. Поешь обычной еды. И приходи. Поговорим.

— И я застаю тебя здесь?

— Мира еще спит и будет спать некоторое время. Я никуда не денусь.

— Ты...

— Обещаю, — он не дал ей отпустить очередную колкость. — Ты заснула у меня в комнате. Я понял, что от тебя не отделаться.

Роми фыркнула, залпом допила «кофе», шумно поставила стакан на стол, на какой-то листок. Кажется, пустой- судя по тому, что Ллэр никак не отреагировал. За порчу своих записей она могла бы и вылететь из комнаты спиной в дверь. Но его неожиданное утреннее спокойствие почему-то раздражало.

— Зачем тебе нужна эта девчонка?

Ллэр не ответил.

— Эль, дай мне хоть что-нибудь! И я отправлюсь, как ты предложил, в душ! Все не обязательно должно быть... так.

— Согласен, — он кивнул. — Не обязательно. Но ты же знаешь, что будет. Потому что это ты и я. Мы по-другому не умеем.

— Ты собрался меня воспитывать?

Он хмыкнул:

— Ещё скажи- дрессировать.

Роми вспыхнула. Заехать бы ему сейчас! Но мешал стол. Сжала руки в кулаки. Мысленно выдохнула и вдохнула несколько раз как можно глубже.

— Я- часть всего этого.

— Ты не часть меня и не часть Алэя. Ты хочешь что-нибудь? Вот тебе что-нибудь: ты не должна была тогда приходить к нему. Отведенное Алэю время измерялось десятилетиями. Он знал едва ли не с рождения, что умрёт молодым. И потому он был ярким. Неординарным. А потом появилась ты, и всё стало другим.

Такого поворота разговора она не ожидала. Ллэр никогда не пытался читать её мысли, это было табу, единственное, в чем он оставался верен себе всегда. А потому он не мог знать, о чём она вчера думала. Угадал? Или сам думал о том же?

— Я стала ему шансом.

— Ты дала ему пустоту. Он- не я. Он не умеет придумывать цель. Не умеет обманывать себя и идти вперед, только потому что дорога- есть, а значит надо двигаться. Не умеет жить без смысла. Не умеет просто существовать, — Ллэр вдруг встал. Роми от неожиданности отпрянула, но он, кажется, не заметил. — А ты никогда не умела разбираться в людях. Алэй устал от молодости уже за тридцать лет, и тогда тебя посетила другая гениальная идея!

— Я пыталась помочь! Не могла же я... Он... — Роми сорвалась на крик, осеклась. Заговорила почти шепотом. — Ты вынуждаешь меня оправдываться... Опять... Как всегда... Дьявол, не говори, что все это из-за Алэя!

— Нет. Это все из-за бессмысленности вечности. Из-за всех нас, уставших, скучных и скучающих, равнодушных ко всему атради. Это так... — он зажмурился, тряхнул головой. — Все наше существование- ошибка. Бессмертие чуждо нам. Я не могу больше так. Простые слова- «надоело, устал»- и на десятую долю не описывают того, что я чувствую. Я- не Алэй, я не сделаю того, что сделал он. Слишком себя люблю, — криво усмехнулся. — Но и так продолжаться не может. Не может! Хочешь быть частью всего этого? Хочешь по-настоящему помочь? Помоги мне все исправить.

— Исправить? Что? — она поискала глазами, куда бы сесть, не нашла. Когда-то он хотел вернуть атради всю их силу. Был уверен, что их зависимость от солнца- как болезнь, от которой можно вылечиться. Избавиться. Найти другие источники питательной энергии, найти способы остаться в Песочнице навсегда, обрести полный контроль над всем своим потенциалом... У него было столько теорий... Это было в самом начале. Точнее, после первой сотни лет, когда просто вечной молодости и практически неуязвимости стало мало. Он наслаждался тем, кем он стал, не понимал депрессию Алэя и, позже, обиду и злость Роми. Теперь он говорит- исправить. — Ты же знаешь, это нельзя исправить, потому что ничего не повреждено, не сломано. Это естественный ход вещей. Особая ветка эволюции... Нестандартный способ поддержать популяцию... У атради не бывает детей, наши дети-люди с особыми генами. Те, кто в определённый момент выходит на новый уровень... Как Адан...

Роми замолчала. Как Адан, действительно? Тот был уверен в том, что кто-то с ним это сделал. Как-то подтолкнул. Может быть, ускорил развитие... Или даже искусственно вызвал. Роми в тот момент подумала- что если кто-то и мог сотворить подобное, то это Ллэр.

Плюс Мира. Странная Мира, которая ни то, ни другое. Но что-то среднее, или наоборот- больше. И которая каким-то образом связана с Аданом.

Вчера его будто осенило, когда они сидели на скале под солнцем Бэара. Он что-то вспомнил, бросился в Тмиор только затем, чтобы тут же помчаться дальше. Понял связь? Скорее всего.

— Это не эволюция. Это старый эксперимент, — сказал Ллэр.

Роми моргнула. Надо же как задумалась, почти забыла, где и с кем находится!

— Эксперимент?

Ллэр кивнул, ожидая продолжения реакции. Роми сглотнула. Обойдешься.

— Кто такие доа? — вместо ответа спросила она.

— Инициаторы.

— Инициаторы? — она задумалась, потом удивленно спросила:- Хочешь сказать... наши предки? Истинные основатели?

— «Истинные основатели!»! — передразнил Ллэр. — Какое громкое название... Истинные... Не было никаких Основателей, Ромиль. Черт вас разберёт, зачем вы себя так обозвали... Название «Песочница» возникло не потому, что там резвятся ваши дети, а потому что там резвились вы сами. Выросли, возмужали, и вам надоело. Вы захотели больше. Но ничего вы никогда не основывали... Никакими первоисточками не ворочали. Да, могли летать, лечить и молнии глазами пускать. Да, черпали энергию у небесных светил... Но это все! Доа- самая древняя раса из известных, из живущих по ту сторону. Их почти не осталось, а те, что остались- далеко не ровня своим предкам. Но среди них встречаются... интересные личности. Вы... мы- следующая ступень. Но ступень другого уровня, шаг- который был вызван искусственно, и поэтому нам нет открытого хода туда. В Песочницу.

— Ты... Откуда ты всего этого... — с сомнением проговорила Роми.

— Нахватался? С людьми разговаривал. Книжки умные читал. Ты знаешь, это всё есть в библиотеке. Ну, не всё, конечно. Но многое. Начал проверять. Сверять. У меня было достаточно времени... Вы верите в то, что раньше солнце было бледнее, ваша связь- тоньше, а приливы моря Истока позволяли создать связь между атради и звездами Песочницы. Кто-то считает миры той стороны вашими детьми, которых вы должны были оберегать, но кто-то вас наказал... Но у вас даже нет ни одного свидетельства, что это действительно было так. Самый древний атради и тот не помнит, чтобы когда-то было иначе. И не факт, что он самый древний!

— Ты нашел Самара?

— Ага. Поразительно чего можно достичь, имея в руках вечность и упрямство.

Долгая жизнь отнимает способность испытывать чувство неожиданности. Привыкаешь к тому, что рано или поздно произойдет все, что угодно. Потому что времени не просто много- оно бесконечно, и то, что кажется невозможным сейчас, будет доступно через тысячу лет. А потом начинаешь думать, что все уже было, что все уже видели, все пережили. И новые чувства на самом деле просто хорошо забытые старые, и тоже будут вскоре забыты. Проходит время, и так и случается. Как там говорят? Все пройдет- пройдет и это.

Так зачем чувствовать? Зачем удивляться, зачем переживать... Зачем что-то создавать? Пусть занимаются этим другие. Те, чья жизнь быстротечна...

Такие неправильные чувства и мысли- такие привычные для атради. И все же... далеко не всех они затронули. Многие продолжают жить, делают вид, что им столько лет, на сколько они выглядят, год за годом, век за веком обманывают себя и окружающих, путешествуют по Зрелым мирам, высовывают нос в Песочницу, чтобы быстро оттуда сбежать... Верят, что раньше были способны на большее. Но не в то, что их создали другие, такие же, как когда-то они сами, смертные.

— Эксперимент? Не верю...

— Твоё право.

— Кто-то так хотел бессмертия, что был согласен на клетку?

— Подозреваю, клетка всё же случайность. Побочный эффект. Тебе никогда не приходило в голову, почему Тмиор- такой? Почему в этой Вселенной больше нет ни одной населенной планеты?

— Сейчас ты скажешь, что это искусственно созданная Вселенная, — Роми недоверчиво покачала головой.

— Вряд ли созданная. Скорее- изменённая.

— Вся Вселенная? Ллэр, правда? Если кто-то способен на такое... Бессмертие для них должно быть пройденным этапом. А максимум, что этот кто-то мог получить- вечная жизнь. Больше в нашем существовании нет ничего ценного. У тебя есть хоть какие-то доказательства твоей теории?

— Доброе утро! — за спиной послышался голос Адана. Роми обернулась. Он стоял в метре от них, уже в другой одежде- в светлых джинсах и голубой рубашке с небрежно закатанными чуть выше локтя рукавами. На мгновение задержался на Роми взглядом, ухмыльнулся, скользнув глазами по фигуре снизу вверх, потом развернулся к Ллэру. — Надеюсь, не помешал, и нам всё ещё по пути, потому что надо поговорить. Seriously поговорить.

Уже много лет она не просыпалась вот так. Когда не надо куда-то идти, а для этого быстро вскакивать с постели. И не потому что там, где угораздило остаться на эту ночь, кому-то куда пора, а значит, и ей тоже придется уйти.

Проснуться от того, что выспалась, никуда не торопиться. И лежать, вытянувшись на приятно пахнущих цветами простынях в мягкой, удобной кровати. Уставиться в потолок, погруженный в полумрак, лениво разглядывать каждый сантиметр, каждый уголок. Слушать тишину, забыть о времени, как будто впереди вечность. Бесконечное количество секунд, минут, часов, дней. Может быть, даже лет.

И думать только о том, что доставляет удовольствие.

Например, о том, что вчера совсем рядом сидел Ллэр. И если заставить себя дотянуться до подушки, то можно почувствовать его запах. Можно даже уткнуться в нее, вдохнуть и ощутить снова ту самую горячую волну, пробегающую по телу и накрывающую с головой. Вспомнить обжигающие прикосновения его пальцев. А потом представить его глаза, серые, удивительные, безумные, потрясающие, когда он смотрит в упор и ухмыляется. И вновь поддаться непонятному, пугающему и манящему влечению, над которым разум не властен. Почти вскочить, броситься на зов, не понимая куда, потом, чуть ли не в последнюю секунду удержаться, остаться неподвижной, вжаться в упругий матрас. И закусив губу, мечтать, что может случиться, если позволить себе потерять контроль и не противиться больше охватывающему чувству, так не похожему ни на что, что она испытывала когда-либо раньше.

Удивительная, необыкновенная нега, из которой совсем не хотелось выбираться в реальность. Но пришлось, потому что из соседней комнаты донеслись голоса. Один без сомнения принадлежал Ллэру, второй- его рыжей подружке. Значит, Роми вернулась. А может, и не уходила вовсе. И пока она, Мира, спала, эти двое в соседней комнате... Почему нет? От них же вчера разве что искры не сыпались. И Ромиль явилась к нему, как к себе домой. Расселась, ждала чего-то, не уходила... Теперь понятно, чего. В этом её дурацком халатике нараспашку!

Приятная истома в миг сменилась неожиданной яростью.

Мира резко приподнялась на локтях, прислушалась- слов не разобрать, лишь невнятный гул беседы. И с удивлением заметила, как на обнаженном теле снова проступили искрящиеся вены. Только страха, как вчера, уже не было. Злость, ненависть, гнев, раздражение... Все, что угодно, но не страх.

Ллэр убеждал, она должна оставаться спокойной, несмотря ни на что... Что ж, можно попытаться. Ради себя.

Мира откинулась обратно на подушку, закрыла веки. С шумом втянула воздух, выдохнула. Еще раз, еще... Успокоиться не получалось. Перед глазами маячила ухмыляющаяся физиономия Роми, насмехалась и корчила рожи. Нестерпимо захотелось вскочить, броситься вон из комнаты, чтобы наброситься на Роми, вцепиться в горло, заставить замолчать, растереть в порошок, чего бы это не стоило. Пусть даже это будет последнее, что она сделает в своей никчемной жизни.

Еще несколько секунд ушли на бесполезную борьбу с собой. Разум умолял взять себя в руки, что-то внутри упрямо сопротивлялось, в висках стучало. Стиснув зубы, Мира соскочила с кровати. Бросилась в ванную. Подбежав к раковине, открыла кран с холодной

водой, плеснула в лицо. Ещё, ещё, ещё... и ещё, пока ярость не отступила.

Она выпрямилась, встречаясь взглядом с собственным отражением, и отшатнулась. Кожа уже не светилась, но глаза- все еще безумные и почему-то фиолетовые. И опять, как вчера, на смену гневу пришло бессилие.

Мира безвольно повисла на раковине, не удержалась, соскользнула на пол. Ванная покачнулась, желудок свело судорогой. Кое-как доползла до унитаза и позволила наконец не сдерживать больше душивший рвотный спазм.

Постепенно в голове прояснялось. Даже получилось встать, умыться, почистить зубы нашедшимися на полочке новенькой щеткой и пастой, принять душ. Практически силой заставить себя посмотреть в зеркало. Глаза не блестели, зрачки сузились, но радужка осталась фиолетовой, только темнее, чем до этого.

И Мира вдруг отчетливо поняла: вчерашнее внимание, терпение, обходительность Ллэра- не больше, чем простая предосторожность. Чтобы с ней не происходило вот такое, как сейчас. По крайней мере, пока он не поймет, что это, и не найдет способ подчинить, контролировать. Она- всего лишь очередное исследование, чей-то неудавшийся опыт или наоборот удавшийся, от которого хотели избавиться, а Ллэр забрал себе, вытащив из таксилета. На это намекала Роми. Для атради обычная актарионка, и правда, не важнее морской свинки. Нужна живой не потому что действительно нужна, а потому что Ллэр ещё не наигрался. А потом... Как он вчера сказал? Если она хорошо попросит, ей позволят умереть.

Мира, шатаясь, подошла к тумбе, на которой все еще стопкой лежала новая одежда. Не глядя, нацепила белье, потом натянула первые попавшиеся джинсы и футболку, влезла в валявшиеся на полу босоножки, вернулась в комнату, прислонилась к стене.

Есть Адан. Кто он? Еще один подопытный Ллэра? А может быть, Роми? Только атради с ним так просто не справиться. Что бы с ними двумя не сделала Плешь или что-то другое, Адан обрёл силу, способности. А может, и она тоже?

Мира нахмурилась. Что, если догадка верна? Что, если она способна на большее, чем просто светиться, как гирлянда? Просто ещё не знает, как. Не умеет. Но ведь может научиться. Ведь может же? Адан, наверное, знает, как. Сумеет объяснить, показать. Только надо, чтобы он вернулся, чтобы...

Она замерла, осознавая, что Адан неожиданно близко. Гораздо ближе, чем могла желать- в соседней комнате. Мира ощущала его присутствие, будто сама стоит там же. Не видит, но всё чувствует. И даже голоса за дверью звучали теперь отчетливо.

Первой мыслью было броситься туда, к ним. Адан поможет, защитит, должен. Мира шагнула вперед, почти коснулась ручки, но остановилась. Отдернула руку. Что, если ошибается?

— Вполне возможно, я сейчас совершаю самую большую глупость в своей жизни, доверяясь тебе, но не вижу другого выбора, — послышался голос Адана. Спокойный, уверенный, немного печальный. — Я знаю, как мы с Мирой попали в Плешь. И думаю, ты тоже знаешь. И даже больше. Ты ведь не просто так оказался в Миере, когда таксилёт должен был взорваться? Я прав?

— Она вас втащила, — это уже был голос Ллэра. Мира подумала, что он сейчас, наверное, привычно ухмыляется. Беззлобно, но все равно задевает. — Вероятно, страх за свою жизнь спровоцировал переход. Я совсем немножко не успел. Всего этого могло и не быть.

Послышался смешок Роми.

— Значит, всё-таки твой эксперимент!

— Не мой. Я всего лишь хотел не дать ей погибнуть.

— Это не его эксперимент, Роми. Он спас Мире жизнь. Трижды, — вмешался Адан. —

Но ты, — это он, видимо, уже обращался к Ллэру, — знаешь, кто стоит за всем этим, и как мы связаны с Мирой. Не так ли?

Наверное, тот кивнул в ответ, потому что через миг недовольно буркнула Роми:

— Ну кто бы сомневался.

— Ты сомневалась, — в голосе Адана отчётливо звучал упрек. — Кто убеждал, что с ним говорить не стоит? Что... Лучше бы сразу спокойно все обсудили, чем... — послышался чей-то вздох. — Ладно, это уже не важно, — снова заговорил Адан. — Ллэр, что ты знаешь про болезнь Миры?

Какую ещё болезнь? Может, выйти и заявить о своем присутствии, раз уж они так дружно обсуждают ее персону? Мира успела прикоснуться к ручке, когда Адан заговорил снова. Замерла, прислушиваясь.

— Не много. Какое-то редкое инфекционное заболевание, — заговорил Ллэр. — Грохнулась в обморок, кажется, прямо на улице, её отвезли в больницу... А вот потом началось самое интересное. Знаю, что она участвовала в неких исследованиях связи парапсихических способностей с кровью.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Жаль, я надеялся, ты знаешь больше, раз вытаскивал оттуда и заботишься. Видимо, твой интерес связан с тем, чем занималась Таль, но не суть. Я расскажу, что знаю, а потом решим. Только... — Адан осёкся. — Мы можем говорить при ней?

— Она никуда не уйдет, — сказал Ллэр.

— Вы можете говорить при мне, — отозвалась Роми недовольно.

— Прости, но ты пыталась её убить. И меня заодно с ней. И вообще, все выглядит так... Твое отношение... Ты же её терпеть не можешь, а речь пойдет именно о ней.

Мира довольно улыбнулась. Адан на её стороне, пусть сам чуть не убил при второй встрече. Но зла не было, и причин его бояться — тоже. Сейчас она, наверное, как никто, понимала, что творилось тогда с ним. И самое главное- наконец кто-то признал очевидное. Эта высокомерная, наглая атради её не выносит! Адан это заметил и озвучил. Не как Ллэр, которому то ли наплевать, то ли забавляют их словесные перепалки с Роми. И ещё вопрос, что бы он сделал, если бы на пляже вчера оказался вместо Адана. Не факт, что встань Ллэр перед выбором: она или Роми, выбрал бы её, Миру. Слишком хорошо помнила, как выглядел Ллэр, спасая бесчувственную свою рыжую подружку из грязи.

— Она, кстати, тоже не пылает ко мне страстной любовью, — заявила Роми. — Адан, я не пыталась убить, я тебе уже объясняла. Мира умничала, а я хотела поделиться с ней тем, что чувствую в тот момент. Чтобы она прозрела и поняла, что пора заткнуться. Когда не верят словам, мы используем другие методы. Возможно, море что-то сделало и с этими способностями...

— Море? — спросил Ллэр.

— Да. Море. Я пыталась вчера сказать, но тебе не до этого было, — она злилась, как всегда. — Оно устроило мне внеплановый прилив с усилением части, в которой хочется вспороть себе живот и простирнуть кишки в воде, только бы избавиться от боли! Есть этому объяснения?

— Смесь биополей... — пробормотал Ллэр. — То, что тебя опустошил доа... Близость доа... Что угодно. Можем вернуться и поэкспериментировать. Потом.

— Роми, я... — начал Адан. — Да я не обвиняю, пойми! Я сам... — замолчал. — Просто «купаться» в море привела нас ты. И кто может поручиться, что еще через секунду близость доа не вызовет у тебя очередное аномальное желание? Если я, как выяснилось, вполне могу защититься, то Мира... вряд ли...

— Никто. Согласна. Но я не приводила нас в море. По крайней мере, сознательно- нет. Я не хотела, чтобы ты шел в Замок. Я пыталась тебя остановить. Остаться на поляне. А вышло иначе, и так тоже не бывает. Так что не списывай все на меня. Мира, между прочим, тоже не так проста, как выяснилось.

Не так проста, говоришь? Мира зло усмехнулась. Еще больше захотелось, чтобы странное свечение оказалось малой толикой того, на что способна теперь, после Плеши. Ну хотя бы капельку умений Адана. И вот тогда...

Она не успела развить мысль, потому что Адан снова заговорил:

— Мира не проста. И боюсь, вы даже не представляете, насколько. Никто не представляет. Но дело не в этом... Это не самое плохое. То есть даже не плохое. Есть вещи похуже.

Мира приблизилась к двери, прижалась лбом, затаив дыхание. Что может быть хуже?

— Давайте по порядку. Мне так будет проще. Я могу сесть... там? — спросил Адан. Видимо, Ллэр выразил молчаливое согласие, потому что почти сразу послышались шаги, какая-то возня, звук отодвигаемого стула или еще чего-то. Потом снова голос Адана: — Не совсем понимаю, с чего начинать. Наверное, лучше с Таль. Она... В общем, мы познакомились в Бэаре. Несколько месяцев встречались. Так... ничего серьезного... — из-за двери донесся нервный смешок. — По крайней мере, мне так казалось. С ней было удобно и приятно... какое-то время. Потом мы расстались. Естественно, мне и в голову не приходило, что она может быть из другого Мира. Но, как выяснилось сегодня, я сильно заблуждался. Таль не просто из Актариона, она руководит целым проектом по изучению паранормальных способностей. Именно это привело её в Бэар. Там она искала кровь для своих опытов. Особую кровь, которая поможет привить обычным людям всякие ваши штучки... Наши штучки. Наделять способностями. Или лишать их. В общем, добиться конвейерного производства Способных в рамках отдельно взятого Актариона. Пока в рамках. Не думаю, что это из конечная цель.

Мира готова была поклясться, что в этот момент Адан ухмыльнулся. Не так, как это делает Ллэр. По-другому. И в зелёных глазах нет насмешки, вызывающей желание ляпнуть какую-нибудь обидную колкость в ответ.

Ну вот, опять... Почему не получается не думать о Ллэре? Даже сейчас, когда за дверью обсуждают её жизнь, может быть, её будущее. Прошое уж точно. А она, как дура, представляет его. Как он сидит, как смотрит. Интересно, а он может об этом знать? Вдруг чувствует? Ведь может же читать её мысли и... Например, вчера, когда...

Мира поняла, что краснеет. Какого черта?! Выкинуть его из головы. Выкинуть! Сейчас же и навсегда. Не думать, не чувствовать, да так, чтобы ему нечего было прочитать, когда влезет в мысли в очередной раз. Чтобы только сунулся, а там красивым искрящимся почерком надпись: «Вали отсюда на фиг!»

— Моя кровь приглянулась, — продолжал рассказывать Адан. — Якобы доа- что-то такое этакое... Нечто особенное. Честно говоря, с трудом верится, потому что пока

ощутимой пользы не быть человеком я не получил. Даже в собственном доме пришлось сидеть без электричества да и... Ладно, как-нибудь разберусь, — голос снова стал серьезным. — Ты права, Роми. Способности у меня с рождения. Таль утверждает, что почувствовала это, потом анализ подтвердил ее теорию, и что она всего лишь хотела узнать, как их расшевелить. Я склонен ей не верить. Знаете, как-то слишком невинно для дряни, спавшей со мной только для того, чтобы воровать кровь для усиления собственных возможностей, — опять послышался его смешок. — Хотя она утверждает, что не могла рассказать. Мол, я бы не поверил. Может, и не поверил, но уж точно не позволил проделать такое со мной. И точно не с Мирой. Она — случайная жертва, подвернувшаяся Таль под руку. У нас какая-то там генетическая совместимость. Была... Вернее, есть. А теперь, благодаря Таль, еще и общее биополе, одна кровь!

— Значит, твоя Таль нашла ген, отвечающий за способности и научилась его прививать людям? — спросила Роми.

— Именно.

— Как ты умудрился не понять, что из тебя в буквальном смысле кровь сосут?

— Ты бы, конечно, сразу обо всем догадалась, да? Я даже не сомневаюсь. Ни секунды. А я вот не умудрился. Представь себе, мне даже нравилось, как сосут, — хмыкнул Адан. И Мира снова почувствовала, как он ухмыляется при этом. Еще бы... Таль такая... такая... Рядом с ней даже рыжая атради в своём коротком платье из бара — никакущая уродина. Но обе одинаково бесючие, это факт. — Она, знаешь ли, способна не только к перемещениям и гипнозу.

— Я не говорю, что догадалась бы. И я рада, что ей удалось совместить полезное для себя с приятным для тебя.

— Давайте не будем отдаляться от конструктивной стороны вопроса, — перебил Ллэр. — Таль много на что способна, но ей не повезло, что в актарионцах чего-то не хватает, чтобы стать атради. Что она знает о доа?

— Видимо, достаточно, чтобы хотеть получить одного такого в собственное распоряжение, — ответил Адан. — По её словам, кровь доа похожа на вашу. И те возможности, которыми наделяет, сравнимы только с атради. В чем-то даже превосходят, хотя и не дают вашей вечности.

Вечности? Мира изумлённо моргнула. Какой еще вечности? О чем это говорит Адан? Вечным может быть только беспорядок в её комнате, а не люди... Ладно, пусть они не совсем люди, но внешне же похожи. Две руки, две ноги, голова и все остальное на своих местах...

— Ллэр говорит, что атради были когда-то доа, умели многое, но жили меньше, а потом устроили сами на себе мегаэксперимент, — сказала Роми. — Результаты Таль это подтверждают...

Кажется, ей не хотелось признавать то, что она только что сказала. Не хотелось верить, что когда-то кто-то провел эксперимент, и в результате появились на свет они.

— Результаты Таль ничего не подтверждают! — воскликнул Адан. — В этом все дело. У Таль не получилось! Она даже не знает, что Мира до сих пор жива. Её опыты не дали никаких преимуществ. По крайней мере, тех, ради чего все затевалось. Никакой видимой, ощутимой пользы. Поэтому она и уничтожила Миру! То есть, пыталась... Усадила в таксилёт, заставила водителя взорвать машину, а потом и квартира взлетела на воздух!

Мира похолодела, вспоминая подробности. Адан прав, она ни капли не сомневалась.

Всё теперь встало на свои места. Всё правильно. Ее выписали, Таль проводила до стоянки, улыбалась. Уверяла, что больше не о чем беспокоиться, от страшного вируса не осталось и следа. Лечение было успешным. Да уж успешней просто некуда. Накачала какой-то дрянью, а потом...

— По-твоему, так поступают с удачным экспериментом? — продолжал Адан. — По-моему, нет. Таль заметала следы и очень торопилась, словно чего-то боялась. Официально Мира считается погибшей во взрыве собственной квартиры. И кажется, Таль не очень-то заботит, как ей удалось выжить в аварии. Но что-то у неё всё же получилось, потому что Мира не только себя, но и меня заставила оказаться в Плещи. И вот дальше, действительно, начинается самое интересное.

— Может, у Таль не получилось то, что затевала, но зато она преуспела в чем-то, чего не ожидала... Возможно, нам всем повезло, что ей пришла в голову идиотская идея убить Миру таким бестолковым способом. У меня появился шанс... — Ллэр помолчал. — Чтс конкретно Таль сделала с Мирой?

— Без понятия, — вздохнул Адан. — Если бы я хоть что-то в этом понимал... А она не очень-то объясняла. У неё теперь в связи с моим успешным превращением в доа появилась новая теория. И куча планов. Но это не проблема. С Таль я как-нибудь разберусь сам. Пока что не испытываю ни малейшего желания становиться донором для её новой, особой расы. Так что, надеюсь, нам будет везти ещё долго. Но меня беспокоит Мира, потому что дело не совсем в том, что с ней сотворила Таль. Что она могла сделать? Видимо, вкачала в неё мою кровь, может быть, еще чего-то намешала... От каких-то других рас, с определенными способностями. Меня волнует, как на Миру повлияла Плещь. Ведь если у неё моя кровь, Мира могла превратиться в доа? — неуверенно спросил Адан.

— Могла, наверное, — Ллэр, вероятно, на миг задумался. — Особая кровь со спящими генами доа в сочетании с фиг его знает чем, некой инфекцией, вирусом, или что там было, от чего её лечили. Таблетками, лекарствами, опытами... Я не очень разбираюсь в биохимии, генетике и прочем, чтобы не сказать почти не разбираюсь, — он хмыкнул, — но если Таль-гений, и она каким-то образом повторила древний эксперимент самих доа... То получить она могла в итоге какой угодно незапланированный результат. Как и сами доа когда-то. Атради вышли не совсем такими, какими их задумывали.

— И что это теперь за собой повлечёт? Какие метаморфозы, если вообще, потому что... — Адан осекся, и Мира почти физически почувствовала его волнение, даже страх. Или беспокойство.

А может, это её собственное ощущение? Не каждый же день узнаешь такое о себе. Как-то слишком много для двух дней. Никак не сообразить, радоваться теперь или огорчаться? Или же начинать усиленно бояться чего-то... Или кого-то... Таль, Ллэра, Роми... Саму себя?

— Тот вирус, который у нее обнаружили, не вымысел. И все действительно очень серьезно. Его не смогли вылечить... Или не лечили вовсе. Но факт в том, что Мира смертельно больна. Поэтому Таль с ней не церемонилась, если, конечно, не врет. Но не думаю, что врёт. Не вижу смысла. А значит, Мира умирает.

Она остолбенела. Перехватило дыхание, новость сбила с ног, буквально. Умирает?! Она?! С какой стати?..

Мира схватилась за косяк, не удержалась, навалилась всем телом на дверь и поняла, что падает. Или не так... Проваливается. Как будто дерево стало похожим на воду. Или густой воздух. Чувствуешь его, но будто просачиваешься сквозь. Потом «дверь» закончилась,

пространство пришло в норму, а Миру подхватили на руки едва ли не над самым полом.

— Подслушивала? — шепнул в ухо Ллэр.

— Отшлепаешь? — машинально огрызнулась Мира.

— Еще немного и- возможно.

— Когда они уйдут, хорошо? — она кивнула на застывших, словно статуи, Адана и Роми. Нахально добавила: - Поставь меня на место. Вертикально.

— Ты говоришь на карни? — удивленно воскликнул Адан.

— Она говорит на карни, — подтвердила Роми. — Еще светится фиолетовым, способна сознательно рассинхронизировать себя с окружающим миром, став фактически призраком, бог знает что ещё может... Твоя Таль постаралась на славу.

— Ты — не доа, — Ллэр помог Мира встать на ноги. — По крайней мере, не такая, как Адан, но метаморфоз более чем достаточно.

— Да я уже вижу, — Адан широко улыбнулся, обернулся к Роми, подмигнул. — И если это только начало, я тебе не завидую.

— Кем бы я ни была, я не умираю. Не дождетесь, — Мира поправила футболку, заправила за уши упавшие на лицо пряди волос, вызывая улыбку Ллэру. — Ну, я готова. Где будем опыты проводить, чтобы твоя подружка посмотрела, на что я еще способна? Может, уберется наконец. Переоденется. Или мало?

— Я тоже с удовольствием посмотрю, — Адан схватил за руку Роми, притянул к себе, усадил на колени. — Это для безопасности эксперимента.

— Думаешь, я полезу в драку? — спросила та, немного опешив.

Мира была уверена, что она попытается вырваться, но Роми удивила, продолжив смиренно сидеть на коленях.

— Надеюсь, не полезешь, — ответила Адан. — Но ты можешь... Вдруг близость двух доа превратит тебя в ревнивую фурию? Предпочитаю обнять. Мне не сложно.

Теперь три пары глаз смотрели на Миру. Внимательно, изучающе, оценивающе. Словно опасаясь, что с одной стороны, она сможет что-то такое выкинуть, с чем им не справиться, а с другой, будто желали убедиться в происходящих метаморфозах воочию и что-то подобное ожидали.

Мира смутилась, неловко переступила с ноги на ногу. «Показывать фокусы» не умела и не собиралась. Возвращаться в спальню- глупо, оставаться- чревато. Стоять вот так- вверх идиотизма.

Она торопливо оглядела комнату, размышляя, куда бы приткнуться. Единственный свободный стул- тот, на котором до этого сидела Роми, рядом с Аданом. И еще диван у окна напротив. Туда под пристальным вниманием идти совсем не хотелось. Не долго думая, уселась на пол в углу рядом с дверью. Поджала к груди колени, обхватила руками, исподлобья посмотрела на Ллэра, потом на Роми и Адана.

— Что теперь со мной будет? — решила задать мучивший вопрос. Всё-таки лучше знать, чего ожидать, хотя бы примерно. Даже если не ответят, это ведь тоже ответ. Своеобразный.

— А что ты хочешь, чтобы с тобой было? — спросил Ллэр.

— А ты волшебник, исполняющий желания, да? — не думать о нём она ещё могла попытаться, пусть и не очень-то верилось в успех, но перестать дерзить в ответ никак не получалось.

Молчание, как вариант, сразу отметался. Как сейчас, хотя вполне возможно, что Ллэр

ничего такого обидного не имел в виду. Только слова все равно срывались с губ мгновенно, она даже не утруждала себя попытками разобраться, потому что во всем его поведении, в тоне, взгляде, ухмылке мерещилась пусть маленькая, совсем малюсенькая, но издевка. Ллэр не насмехался, не умничал, не говорил свысока, как Роми, но постоянно подтрунивал, как взрослые над несмышленными детьми, уверенные, что могут и знают больше. Или бросал вызов, словно специально задевая превосходством, чтобы она ответила очередной колкостью. Как дурацкая игра, которую, вполне возможно, придумала сама себе, и в которую никак не получалось перестать играть. А надо бы, только никак не остановиться. Да ещё, как назло, эта рыжая дура не уходит! Расселась на коленях Адана, как будто...

— Отлично, — Ллэр широко улыбнулся. — Просто проверяю, насколько ты в шоке от услышанного, — посмотрел на Адана. — Как думаешь, что теперь с ней будет?

Ну вот, опять... Очередная издевка. Говорит так, словно прекрасно знает ответ, но всё равно спрашивает. Ещё бы свою рыжую подружку спросил. Мира насупилась, но выдать какую-нибудь гадость не успела.

— Не хочу тебя обманывать, — Адан в отличие от Ллэра выглядел серьёзным, даже чуточку грустным. Не улыбался и уже не удерживал Роми. Вот он-то точно не играл ни в какие игры. — Не знаю, насколько все плохо. Но я попробую выяснить и помочь. Таль... Надеюсь, я не преувеличиваю свое влияние на неё. Могу только пообещать, что сделаю все, что смогу. А пока, если хочешь, можешь пожить у меня. В Бэаре. Если ты, — он взглянул на Ллэра, — не возражаешь.

— Я не возражаю, — тот покусал губу. — Нет, не возражаю, конечно, в общем и целом, если говорить... Мне бы тоже кое-что выяснить, понять, помочь... Твоя Таль- молодец, этот ее эксперимент- он важен. Хорошо бы она никогда не поняла, чем и почему, — он нахмурился, повернулся к Мире. — Если хочешь, можешь остаться в Тмиоре. Не в этом бардаке, а... по соседству... где-нибудь. Места хватит.

— Она может остаться со мной, — неожиданно предложила Роми.

Мира изумленно моргнула. Скривилась, чудом заставив себя промолчать. Пожить у неё? Ага, сейчас, разбежалась...

— Эээ... что? — удивлённо переспросил Ллэр.

— Что слышал. Вы не тратите время и отправляетесь выяснять и помогать, а ты можешь пожить у меня, — Роми встала, посмотрела на Миру. — Я понимаю, странное предложение, — улыбнулась, и вроде бы даже вышло вполне миролюбиво. — Из всех нас ты меньше всего испытываешь теплые чувства именно ко мне, да и я... Но это, наверно, надо исправить. Попытаться хотя бы, раз мы все никуда не собираемся деваться.

— Может, я, конечно, умираю и все такое, но точно не самоубийца, — буркнула Мира. Повернулась к Ллэру. — Я хочу остаться с тобой, — она замолчала. Смутилась, понимая, как это прозвучало. — То есть... где-нибудь... рядом...

Роми усмехнулась. Пожала плечами и, ничего не сказав, уселась на диван в эркере.

— Рядом, значит, рядом, — проговорил Ллэр.

— Я могу... — Мира осеклась. Собиралась сказать, что вовсе не обязательно искать ей комнату, беспокоиться, и вообще она вполне может остаться здесь, у него, но... Если бы хотел, чтобы осталась, предложил бы сам. — Лучше к Адану... наверно...

— Нет уж, раз выбрала Ллэра, останешься с ним, — Адан с лукавой улыбкой поднялся, прищурился. — Здесь тебе будет... безопасней всего... На данный момент, — он усмехнулся, перевел взгляд на Ллэра. — Ты знаешь, где меня найти, — он кивнул, видимо, на прощание

и исчез.

Практически одновременно что-то стеклянное со звоном встретилось с паркетом. Мира вздрогнула, оглянулась. Диван в эркере, где секунду назад сидела Роми, был пуст.

— Тьфу, ну вот... — Ллэр присел, осторожно собирая с пола осколки чего-то, что еще недавно было, вероятно, стаканом. — Все поломать и слинять.

— Скажи спасибо, что не запустила тебе в голову. Или мне, — хмыкнула Мира из своего угла. — Расстроилась, наверное, что я не пошла к ней в гости.

Ллэр неторопливо выбросил стекло в корзину, полную смятых бумажек, что стояла возле стола. Извлек откуда-то что-то, напоминающее сухой куст, перевязанный веревкой, и совок, смел этим мелкие осколки, потом посмотрел на Миру.

— Ты ведь понимаешь, что вам рано или поздно придется научиться уживаться друг с другом?

— Предпочитаю научиться игнорировать, — фыркнула Мира. — Но здороваться буду. Вежливо.

— Главное, сделать первый шаг, — сказал Ллэр, улыбаясь.

О Роми говорить не хотелось, совершенно. Как и скрывать радость от ее исчезновения. Пусть бы все тут перебила, лишь бы не возвращалась. Но в последнее верилось с трудом. Вернется, и в чем-то Ллэр прав. Уживаться придется.

— Если ты ищешь тему для разговора, можем поговорить и о моем бывшем. С ним тебе даже здороваться не придется, — раздражённо бросила Мира, поднимаясь. — Можем не говорить вообще.

— А ты хочешь... поговорить о своем бывшем? — кажется, он воспринял сказанное всерьез и удивился. Или искусно притворился.

— Я хочу... — Мира всё-таки успела заткнуться раньше, чем признание слетело с губ. Ну ладно, не совсем признание, но почти. Не дождется. — Я много чего хочу, — попыталась выкрутиться. — Но это мои проблемы.

— Можешь сделать их не только своими. Надо всего лишь попытаться перестать быть такой колючей.

— Из тебя хреновый психоаналитик, Ллэр, — хмыкнула она.

— Я знаю, — отозвался он.

Они снова стояли близко. Это плохо. Потому что рядом с ним Мира теряла контроль. Каждый раз чуть больше, чем в предыдущий. И ведь понимала, что приближается к опасной черте, которую переступать нельзя, потому что потом будет еще хуже. Ведь вспоминать о том, что было и уже не случится, совсем не так приятно, как мечтать о том, чего не было, но может произойти.

— Не провоцируй меня. Пожалуйста, — прошептала она. — Не вынуждай сделать что-то такое, о чем мы оба пожалеем.

— Уверена? — так же тихо спросил Ллэр.

— Это вопрос-ловушка?

— Как почти все мои вопросы, — отходить он не спешил, улыбался краешком губ. И смотрел ей в глаза.

— Я заметила, — уже знакомая волна вновь напомнила о себе, и больше сопротивляться желаниям Мира не собиралась. Шагнула вперед. — Выбирай. Или ты меня целуешь, или я врежу по твоей наглой ухмыляющейся физиономии.

— А что будет, если не получится... — начал он, и Мира замахнулась, не дожидаясь

окончания фразы или очередной умной колкости. Била со всей силы, но Лэр успел перехватить руку. Едва ли не в последний момент, когда до лица оставалось не больше сантиметра, когда ладошкой уже почти чувствовала его кожу. Перехватил за запястье, прижал к своей щеке, накрывая ладонью. Шепнул опешившей Мире, не позволяя вырваться и замахнуться еще раз:- Если не успеешь ударить?

А потом все-таки поцеловал. Не выпуская одну руку, второй обхватив затылок Миры, притянул к себе и поцеловал.

Бэар встретил дождливым вечером.

В квартире по-прежнему не было электричества. Может, даже к лучшему. Темнота не мешала. Магнитные поля электроприборов- вот что по-настоящему сводило с ума, а пока они молчат- жить можно.

Все-таки хорошо, что Мира предпочла Тмиор. Вряд ли сейчас он смог бы обеспечить ей хотя бы подобие нормальной жизни. Для начала неплохо самому научиться существовать в Бэаре. Например, как-то выйти завтра на работу.

Если добраться до офиса совсем не проблема, то все остальное представлялось с трудом. Слушания, клиенты, присяжные... Он ведь теперь сам определит точнее любого навороченного детектора, кто врёт, а кто невиновен. И вне связи с результатом легко может заставить принять именно свою версию. Так что работать будет, как минимум, увлекательно. И, скорее всего, очень выгодно. Он ведь собирался стать хорошим... Нет, хорошим уже был. Собирался стать одним из лучших. С разбуженными Плешью умениями превратиться в самого лучшего- не проблема.

И все же предстоящая новая жизнь пугала больше, чем радовала. Несмотря на обретенную силу, несмотря на все преимущества и выгоду, которые легко можно получить. Конечно, в своем обычном прошлом ему частенько хотелось сделать что-то, чтобы раз и... Одним щелчком пальцев. Захотеть и вот оно, перед тобой. Или ты перед ним. Да и чего скрывать... Желание влезть в головы остальных и прочитать их мысли, узнать о самом сокровенном посещало тоже довольно часто и казалось удобным решением для многих повседневных проблем.

Адан Свир никогда не был идеальным, никогда не пытался им быть. Жил, как умел. Стремился жить так, как хотел. Независимо, обеспеченно. По возможности долго и счастливо. В общем, так, как у большинства подразумевается под словом «хорошо».

И ведь почти получалось. Пусть и был не совсем обычным, со спящими генами черт его разберет какой древней и могущественной расы, но в остальном- простой, заурядный. На «ты» с Бэаром. Говорят, в незнании счастье. Что-то в этом определенно есть, потому что-то, что стало вдруг доступным, никак не вписывалось в его мир. Вместо ожидаемой легкости бытия все только усложнилось. И сильно. Даже последние слова Таль перед тем, как он исчез из Актариона, уже не казались пафосной угрозой, а вполне себе возможным сценарием его будущего.

Стоя у окна и глядя на бесконечный поток машин, Адан вдруг с удивлением осознал, что несколько часов не курил и даже не вспомнил о сигаретах. Да и ел он в последний раз... вчера днем. В офисе, точно. А пил... ещё раньше. И между тем не чувствовал ни голода, ни жажды. Это, еще одно свидетельство новой жизни, тоже наводило на разные мысли. Но думать не хотелось. Ни о чём... Ни размышлять, ни анализировать. Хотя бы какое-то время. Хотя бы ни в этот вечер.

Адан знал только один способ этого добиться.

Нащупав в темноте первую попавшуюся бутылку, он подошел к дивану, потом все же вернулся обратно к бару за стаканом. На ощупь откупорил пробку, налил и выпил залпом. По вкусу- ром. Отлично, значит, вот что станет сегодняшним антидепрессантом.

Темнота помогала не думать о времени. Выпитый алкоголь- обо всем остальном. Хотя

получилось далеко не сразу, как будто пил нечистый ром, мягкий и жгучий, а хлебал из стакана обычную воду. Даже после половины бутылки эффект опьянения никак не ощущался. Потом, видимо, то ли сумел расслабиться, то ли алкоголь наконец-то проявил свои лучшие качества. И на мир стало смотреть проще.

Неожиданная гостья в его квартире ступала почти бесшумно, но Адан все равно услышал. Или почувствовал, потому что, не глядя и не видя, знал, кто это.

Роми неторопливо опустилась на ковер у кресла напротив Адана.

— Поделишься? — протянула едва различимый в темноте стакан.

— С радостью. Хорошо, что ты пришла, не придется пить одному, — рассмеялся Адан. Налил ей остатки рома, попытался вернуть пустую бутылку на стол, но, видимо, промахнулся, потому что та с грохотом упала на пол, чудом не разбившись. Отлично, значит, он уже пьян. — Ой, тут совсем чуть... Но бар там, — он указал в противоположный конец комнаты. — Весь в твоём распоряжении. Как и я. Надеюсь, ты не в халатике.

— Нет, я не в халатике, — он услышал улыбку в её голосе. Темнота не мешала, но превращала агрессию в тень. Звякнул о стол стакан. Стукнулись друг о друга бутылки, и в обеих руках Роми что-то появилось. — Я рада, что мой приход тебе по душе, — она протянула одну из бутылок ему. — Или ты хотел коктейль?

— Без разницы, — Адан забрал предложенную выпивку. — Главное, чтобы в итоге помогало избавляться от привычки просчитывать возможные ситуации на десять ходов вперед. Потому что, как выясняется, теперь вариантов слишком много. Я совсем запутался, — он усмехнулся, посмотрел на девушку: — А ты по делу или так... просто?

— Я... — она сделала пробный глоток того, что выбрала в качестве отравы себе. — Я не знаю, если честно. Смотря, что считать делом.

— Давай, вообще, не будем никак считать, — предложил Адан. — Вкусно?

— Сейчас главное, не чтобы вкусно, а эффективно. Верно? Но вообще- да. Вкусно.

Адан отпил из горла, причмокнул, облизывая губы. Ему досталась ягодная настойка, ароматная и хмельная.

— Хороший выбор. Рука и, правда, легкая, не обманула, — он откинулся назад, уперся спиной в диван. — Значит, тебе тоже хочется разучиться на время думать?

— Мне тоже хочется... Знаешь, наверное, догадываешься, — Роми усмехнулась. — У нас все время тишь да гладь. Можно не думать. Многие и не думают. А как надо... так тяжело. Мозг, наверное, атрофируется. Вместе с чувствами.

— Ты не похожа на атрофированную, — он хмыкнул. — Я бы даже сказал, что с мозгами у тебя все в полном порядке. И чувствами тоже, даже слишком! А вообще... — Адан заговорщицки понизил голос. — На твоём бы месте я не переживал. У них все равно ничего не получится...

— У них?

— Молодец, я почти поверил, — хихикнул Адан, делая еще пару глотков.

— Ты думаешь, я... тут... — она отхлебнула из своей бутылки. — Нет. Я не потому... Почему все решили, что я и Ллэр... А! — кажется, Роми махнула рукой. — К чертям...

— Я не думаю и думать не собираюсь, — он пошевелился, удобнее устраиваясь на полу. Взмахнул в воздухе бутылкой. — Поддерживаю! К чертям!

— Дзынь, — сказала Роми и негромко рассмеялась, снова звякнули бокалы, будто в глубине дома кто-то соединил их в тосте. Некоторое время они пили молча. Потом она спросила: — Ты живешь один?

— Да, всегда. Родители умерли, когда я был совсем крохой. Братьев и сестер нет, а девушки... Они были приходящими, Таль тоже. Так проще, — он ухмыльнулся, вспомнив, как эта девица сбросила халатик в беседке в качестве наглядной иллюстрации сделанному предложению. Да уж, проще... С Таль ничего не просто, не было и не будет. Только сейчас он о ней думать не станет. Сейчас у него в гостях симпатичная и бессмертная Ромиль. — Слушай, а можно вопрос? Личный...

— Конечно, — просто согласилась она.

— Обещаешь не наброситься на меня? — пошутил Адан. Ответа не дожидался. Если набросится, предупреждать заранее не будет. И справиться с ней он сумеет. — Ты хотя бы приблизительно помнишь, сколько у тебя было любовников?

— Эээ... Неожиданно, — Роми опять засмеялась. — Ответ- нет. Это, по-твоему, плохо?

— Это нормально, раз уж судьба запихнула тебя в чертовски привлекательное тело на века вечные. И, кстати, характеризует тебя, как вполне нормальную. Не атрофированную ни разу. Потому что если бы к такому телу прилагался один Ллэр, я был бы как минимум разочарован... — он резко замолчал, рассмеялся. — Черт... Я опять анализирую. Знаешь способ, как с этим бороться?

Она встала, перебралась от кресла к дивану и села теперь рядом с Аданом. Протянула бутылку, предлагая единственный сейчас способ перестать анализировать: пить дальше.

— Ллэр намного младше меня. Он знает своих родителей. У него было детство и юность. У меня- нет. Или я не помню... Это странно, знаешь ли. Но уже давно меня не тревожит.

— Наверное, это тоже нормально. Все странное рано или поздно становится нормальным. Как мы с тобой, мы ведь тоже странные, — перехватив ее удивленный взгляд, Адан улыбнулся. — Помнишь, вчера, почти в это же время, ты предлагала мне коктейли в Плещи, а я отказывался и хотел уйти? А сейчас ты пришла ко мне домой, я уже не отказываюсь, потому что мы решили вместе выпить. Ну, а если вспомнить, что пару раз за последние сутки мы чуть друг друга не убили, то... это ведь странно, что мы сидим тут вдвоем в крошечной тьме и пьем, потому что не хотим думать? — он подмигнул. — Но это нормально. Даже отлично.

— Чертовски замечательно! — она хмыкнула. — Плещь... Это было только вчера... Примерно сутки по времени большинства миров. Мне нравится такой ритм. Нравится смена декораций, даже угроза... Нет, угроза, конечно, не так нравится, но после всех лет очень тяжело поверить в ее реальность... — она помолчала. Потом пробормотала: — Я могла погибнуть. Надо же... Какое... странное чувство.

Кажется, до нее только сейчас дошло.

Адан улыбнулся. Алкоголь приятно обволакивал вены, расслаблял. Хотя почему-то не покидало ощущение, что он по-прежнему трезвый. Будто стоит сделать над собой усилие, заставить выйти из оцепенения, и сразу спадет хмельная пелена с глаз. Но выходить не спешил, поэтому отпил еще. Рассуждать и анализировать уже не хотелось, зато потянуло пофилософствовать:

— В вечности есть что-то парадоксальное. Она и манит, и отталкивает. Печально, наверное, наблюдать, как вокруг все дорогое и привычное умирает, рождается и снова умирает. А ты остаешься... Среди своих еще хуже. Скука. Наверное, время от времени требуется нервная встряска. Не такая, конечно, как на поле... — Адан сделал несколько глотков, посмотрел на Роми. — Слушай, но раз ты вчера чуть не погибла, значит, не очень-

то вечная. В смысле, это твой выбор- жить. Или умереть.

— Я по-другому воспринимаю то, что ты называешь «жить», и у меня не хватает слов, чтобы объяснить. Мы просто есть. У нас нет целей в жизни, нет смысла. Точнее, они появляются, достигаются, забываются... Или не появляются... Большинство из нас даже не заметят разницу. Потому что для нас все это вопрос мгновений. Можно веселиться, пьянствовать до потери пульса изо дня в день, притворяться, играть в богов и королей, менять себя, устраивать революции, разрушать, созидать, изобретать, воровать, летать к звездам и охотиться на доисторических животных. Что угодно, но в конечном счете для нас это все миг длиною в века. Понимаешь?

Он мотнул головой. Представить такое не получалось.

— То, что произошло вчера ночью, как ты опустошил меня. Почти убил... Я никогда о подобном не слышала. И я не в обиде на тебя за это. О, ни капельки не в обиде! — она улыбнулась. — Понять, что ты уязвим. Это... Да, я могу прекратить свое существование. Но это потребует небывалого мужества и терпения. И еще большей уверенности в своем решении. Потому что для этого нам надо полностью себя истощить энергетически, пробыть в Песочнице так долго, что просто умрем от голода. Или покончим с собой. А наше мировосприятие... оно просто не допустит такого. Ллэр говорит, мы скучные, скучающие и равнодушные, но мы все равно не думаем о том, как все это прекратить. Когда столько живешь, само понятие времени, вечности теряют какой-либо смысл. Нет такого «столько живешь», нет начала и конца, нет ничего, то есть, действительно, ничего. И в то же время — есть всё. Бесконечная череда сегодня. У нас существуют легенды, что когда-то было по-другому. И сам факт их наличия, сам факт размышлений на этот счет, вопросов, поисков, философствований подтверждает, что когда-то БЫЛО что-то. Иначе бы мы просто отрицали все это, мы бы были меньше людьми. Ведь из ничего не может зародиться такое. Согласен?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Может быть, ваши вопросы возникают только потому, что вы невольно сравниваете себя с людьми? Или потому что часть вас когда-то ими была. Например, я... Я ведь тоже не человек, как оказалось. Но я родился, вырос, живу в Бэаре. Я привык к этой жизни, не хочу ее менять. Хочу оставаться человеком, чья бы кровь ни текла в моих жилах. И знаешь, та теория Ллэра, что когда-то доа провели мегаэксперимент, чтобы получить бессмертие... Мне странно думать, что кто-то сознательно хотел такого. Тем более, мои древние предки. Какой-нибудь мой пра-пра-пра-доа родственник, — он рассмеялся.

— Разве мы бы сравнивали себя с людьми, если бы у нас изначально не было чего-то общего? Мы ничего не знаем о том, кто мы и откуда. Но не могли же мы вот так вот просто всегда быть? Ничего не уметь толком, все эти психокинетические фокусы- всего лишь фокусы... В нас заложен этот вопрос. Только нам стало все равно. Многим всегда и будет. Но есть такие, как Ллэр. Ему очень быстро стало не все равно. Очень быстро надоело просто быть и быть всегда. А теперь он уж точно не успокоится, раз уж нашел твою Таль. Никто нигде никогда не встречал людей, которые бы раскрыли секрет, как сделать из простого человека- атради, или доа, или просто одаренного чем-то необычным.

— А что он ищет? Ответы на вопросы? Лекарство от вечности?

— Все сразу! Говорит, что бессмертие- противоестественно, что нас таких, какие мы получились, не должно было быть. И раз это эксперимент, то его можно обратить.

— А ты ему помогаешь, потому что когда-то превратила в такого? Или, наоборот, пытаешься остановить?

— Я... — она задумалась, потом сделала несколько глотков, словно это могло помочь найти ответ. Кажется, Роми сама не уверена, зачем во все это лезет. — Мешать точно не собираюсь. Ну найдет он своё лекарство... Он же не станет всех насильно им пичкать. Я даже не уверена, что найдя, он на себе его опробует. Потому что ему важен сам факт возможности выбора. Но... за мной долг другому человеку, который уже выбрал. Я дважды пыталась исправить его жизнь, и в итоге... ничего хорошего из этого не вышло.

— Расскажешь? — спросил Адан, но, заметив или, вернее, почувствовав её неуверенность, добавил: — Если хочешь, конечно. Мне кажется, я мог бы помочь. По крайней мере, если сейчас кто-то и может что-то выбить из Таль, это я.

— Ты мог бы помочь, наверное... Но я так мало понимаю, что именно нужно выбить из Таль, что без Ллэра и его правильных вопросов все это будет без толку. Не я копала годами, не я пыталась понять, как все работает. Я всегда думала, что у него это пройдет, — Роми помолчала. — Знаешь, Алэй... Он бы умер, не дожив до тридцати, если бы не оказался особым. Как Мира... Ну, не как Мира, потому что он все же атради, но у них, оказывается, много общего. Ему и было почти тридцать, когда он оказался в Плеши. Для него она, конечно, предстала не баром. Тёмный, мрачный огромный зал, как в древнем замке, с высокими потолками, тяжелыми люстрами, с которых свисала жуткого вида паутина... Рваными гобеленами, — она усмехнулась, — и одним единственным окном, в потолке. Прямо над покрытым пылью тронem... Он решил, что умер, и это- загробное царство. А я- Встречающий. Некий ангел смерти. И знаешь... он не боялся. Не сожалел... даже обрадовался, что за гранью- не пустота.

Она говорила, а его воображение, сдобренное хорошей порцией алкоголя, живо рисовало картины того, о чем слышал. Правда, настоящих замков до Тмиора ему видеть не приходилось, зато теперь легко представлялось место, в котором оказался этот самый Алэй. И судя по голосу Роми, он один из «тех», кого вечная рыжая прекрасно помнила в своем прошлом.

— А как ты узнаешь, что кто-то оказался в Плеши? — спросил Адан.

— Мы... это... — она вдруг рассмеялась. — Черт, на пьяную голову прозвучит совершенно по-идиотски. Мы по очереди присматриваем за ней. Три полных дня я, три- кто-то еще... Из Старших. То есть из тех, кто был всегда, а не как Ллэр. Есть приспособления... камни, они как бы улавливают колебания и сообщают, что кто-то оказался в Плеши. Я свои переделала в серёжки.

— Непрактично! Что будет, если потеряешь? Представляешь, — он захохотал, — по твоей вине кто-нибудь останется бродить и будет три дня искать несуществующую дверь, как я!

— Следующая смена найдет, или не следующая..., но какая-нибудь всё-таки найдет, наверное, — она хихикнула, отхлебнула из бутылки. — Знаешь, а это на самом деле не смешно!

И снова засмеялась.

Адан с улыбкой смотрел на неё. Не верилось, что перед ним та же девушка, которая с перекошенным от злости лицом яростно металась по песку несколько часов назад. И эта, сидящая сейчас рядом, нравилась определенно больше. Её уже не хотелось швырнуть на скалы и, схватив за горло, подчинять силой.

— Между прочим, у меня закончилось, — он помахал в воздухе пустой бутылкой, подмигнув. — Удиви меня.

Роми забрала её у него, отставила в сторону, и свою тоже. Потом прищурилась и удивила: потянулась вперед, мягко поцеловала и тут же отстранилась.

— С тобой легко... — села на своё место, как ни в чем ни бывало протянула ему новую бутылку. — Надеюсь, запасы у тебя, действительно, хорошие. А то такими темпами скоро придется таскать из какого-нибудь магазина.

— Можем вернуться в мою Плешь, с баром, — расхохотался Адан. Такая Ромиль нравилась ему ещё больше.

— Потом. Возможно. Если здесь совсем туго будет, — Роми тряхнула головой. Кажется, хмель изрядно добрался и до неё. — Я не люблю Плешь. Вы делаете из неё картинку, мы же видели ее такой, какая она есть на самом деле. Вязкий туман. Ни верха, ни низа, ни неба, ни земли. Не тепло, но и не холодно. Такое... полное отсутствие...

— Не жалуйся! Туман не туман, но твоя смена раз в... год? Сколько вас там... — Адан попытался вспомнить количество атради, вычесть из него тех, кто мог быть превращен в вечных, но уперся в летоисчисление Тмиора. Вряд ли там, как в Бэаре, дни складывались в недели, месяцы, года. — Не важно, — он снова засмеялся. — Вот походила бы, как я, каждый день на работу. Уж лучше в туман!

— На работу я тоже ходила, когда... — она нахмурилась. — Когда-то. И это не сравнить, согласна. Потому как ходила просто так... играла в другую жизнь, но это еще скучнее.

— Ты... на работу?! И кем же? — Адан сделал глоток из новой бутылки. Содержимое оказалось шипучим вином, принесённым когда-то Таль на очередное свидание. Символично. И странно. Ведь вроде бы недавно всё было, но что помешало тогда опустошить бутылку-уже не помнит. Зато сейчас с радостью готов с ней разделаться. Чего добру зря пропадать.

— Да кем только ни... В магазине помню, в конторе какой-то... Стол, стул, телефон... Пробовала, короче, на вкус... развлекалась. Там мир такой был, до Бэара с Актарионом-еще развиваться и развиваться. Несколько тамошних лет пожила. Потом на меня коситься стали. Самостоятельная девушка, мужика нет, семьи нет... Тогда я вышла замуж, — её бутылки пустели не так быстро, но всё-таки она догоняла Адана. — Но из этого тоже ничего не вышло.

— Неужели, замуж за местного? Смертного? — хихикнул Адан. — Надеюсь, он хотя бы не узнал, какая ты древняя старушка?

— Я- псих, но не настолько, — она снова приложила к бутылке. — Конечно, он ничего не знал. И способностей у него не было. В том мире, вообще, кажется, с этим делом туго. Но что мы все про меня да про меня! Твоя очередь!

— Спрашивай.

Она прищурилась, несколько секунд помолчала, спросила серьезно:

— Почему так проще? Одному, когда приходящие... Твоя жизнь не должна была растянуться на века, когда успеешь попробовать всё...

— Я... — Адан замолчал. Собрался расписать все прелести свободных и независимых будней карьериста и бабника, может быть, даже рассказать про Бэар, в котором уже давно никто не женился и не выходил замуж, а поэтому выбранный им путь мало чем отличался от образа жизни остальных бэарцев, но передумал. — Я не хочу пробовать всё, — ответил он. — Мне вполне хватает того, что предлагает судьба. И знаешь, — Адан многозначительно ухмыльнулся, встречаясь взглядом с Роми, — мне грех жаловаться.

Наверное, целую минуту Роми пристально смотрела на него, улыбаясь одними глазами.

Потом она повозилась, устраиваясь поудобнее, устала на окно.

— Тогда... — бутылка в руке Роми изменилась: пустая отправилась под стол, из новой, полной с хлопком вылетела пробка, но вино брызгать во все стороны не спешило. — Тогда расскажи мне о Таль, — Роми бросила быстрый взгляд на Адана. — Но не о том, что она сделала с Мирой.

— Неужели, о том, что она делала со мной? — захохотал он.

— Некоторые подробности можно опустить, — она тоже рассмеялась.

— Ладно, — Адан задумался, пытаясь сообразить, что можно говорить одной девушке, рассказывая о другой, а какие подробности упоминать не стоит. Задача не из лёгких, потому что ни Роми ни Таль никак не вписывались в определение заурядных девиц из тех, с кем сводила судьба. Потом махнул рукой, всё равно в его состоянии думать стало уже слишком сложно. — Таль... чертовски умна, красива, сексуальна и упряма. В начале нашего знакомства она восхищала меня. Я не влюбился, нет... Но сильно увлёкся, потерял голову, — Адан сделал глоток вина, улыбнулся. — С ней было легко, приятно и удобно, если ты понимаешь, о чём я... Ну ещё бы не было, — хмыкнул Адан, покрутил в руках бутылку. — Легко угодить, когда заранее чувствуешь все желания. Только я теперь это знаю, а тогда это поражало... — он многозначительно замолчал.

— Она копалась в твоей голове?

— Могу поклясться, что Таль оттуда не вылезала, — Адан взглянул на Роми. — И это первое, что она попробовала сделать сегодня, когда мы встретились. Сразу же. Впрочем, я тоже, но потом... Никак не могу привыкнуть к тому, что теперь умею.

— Получилось?

— У неё, кажется, нет, у меня... Наверное, могло бы получиться, но я не стал давить. Таль права, я не знаю своей силы. И меры... — он вздохнул, некоторое время молчал, глядя на горлышко бутылки, потом снова улыбнулся: — Она это поняла, поэтому отвечала охотно и довольно подробно. Раскаянием там, конечно, не пахнет. Но вообще, знаешь... Я думал, испугается, когда меня увидит. Когда поймет, что натворила, а Таль обрадовалась, представляешь? Может, и не врёт. Может, правда, любит.

— Хочешь сказать, она объяснила всё тем, что любит тебя?

Адан рассмеялся, покачал головой.

— Таль? Нет, ты что! Она никогда, ни разу за наше знакомство не говорила, что меня любит. Даже в шутку, — он отпил ещё вина. Помолчал. — Даже, если любит, не скажет. Есть в ней такое... превосходство. Или презрение... Нет, не презрение. Высокомерие! Хотя нет, не высокомерие... Наверное, правильней сказать гордость, самолюбие. Не знаю. Только оно не задевает, а... возбуждает, — парень чуть склонил голову набок, разглядывая Роми. — В этом вы с ней похожи.

Роми удивленно вскинула брови.

— Ты сравнивал меня с Таль?..

— Вот- вот... Об этом я и говорю, — он покачал головой, усмехаясь. Добродушно передразнил, подражая ее голосу: — Ты сравнивал меня с Таль!

Роми растерялась. Несколько секунд смотрела на Адана, хмурилась — алкоголь определённо мешал каким-то мыслительным процессам в её голове. Потом пожала плечами, видимо, в ответ на свои какие-то выводы, хмыкнула.

— Не делай так, пожалуйста. Хотя бы сейчас.

— Прости. Не буду.

— Спасибо. Просто... это звучит как-то... — кажется, её передернуло. — Может быть, сейчас вино, конечно, виновато. Но когда Мира в первый раз заговорила так... не то, чтобы я испугалась, но с вами, доа, ни фи́га не понятно, и это... очень непривычно.

— Про непривычно ты в точку.

Она засмеялась.

— А у тебя хорошо тут пьется, ты знаешь? Душевно так.

— Ну хоть что-то... — вздохнул он, делая ещё один глоток. Как бы пьян не был, стоило Роми упомянуть Миру, как хмельная эйфория померкла. И снова появилась уверенность, что это, как игра. На самом деле, он не пьян, просто удаётся удачно притворяться, обманывая даже себя.

— Я сказала что-то не то?

— Да нет... Просто напонила о том, что я пытался забыть хотя бы на время. И, наверное, зря пытался, — Адан усмехнулся, встречаясь взглядом с Роми. — Просто... Доа и все остальное. Если тебе непривычно и непонятно, ты представь, каково мне... нам. Мире, наверное, еще и страшно вдобавок. И все это так... не просто... — он тряхнул головой. Помолчал, потом залпом допил остатки вина и поднялся. Протянул руку: — Хочешь пойти со мной?

Роми вложила свою ладонь в его, встала:

— Это берем? — почему-то шёпотом спросила, чуть встряхнув бутылкой.

— Берём, — улыбнулся Адан. — И это тоже. На всякий случай, — в правой руке появилась еще одна бутылка, судя по форме и цвету- водка. Лево́й он притянул Роми к себе, осторожно обнял и меньше чем через секунду отпустил уже на скале. Той самой, где непонятно каким образом оказался сутки тому назад. Той самой, куда утром перенес Роми с пляжа. Той самой, где неожиданно захотелось оказаться именно сейчас. Может быть, чтобы еще раз увидеть, пережить и поверить. — Познакомься, это, — Адан кивнул на огромный сиреневый диск, — Луна доа. Одна, зато какая! — восхищенно добавил, чувствуя, как быстрее в жилах потекла кровь. Или это ему просто казалось, что немудрено после выпитого алкоголя в таком-то количестве. Еще вчера от одной бутылки рома его развезло бы, надолго лишив способности соображать и просто двигаться. Сегодня...

Сегодня плоскую вершину скалы заливал фиолетовый свет. Яркая, сверкающая не слабее солнца, гигантская луна уже не просто казалась особенной. Она действительно была такой. Особенной. Манящей, нереальной. Или он теперь иначе смотрел, иначе чувствовал. Словно до нее можно достать рукой, будто небо, всегда выглядевшее тяжелым, темным, низким, сегодня лишь далекий купол из искрящихся звезд.

Кожа словно отражала лунное сияние, светилась, переливаясь серебряным и фиолетовым. Роми же наоборот- будто поглощала весь свет. Её кожа оставалась матовой и была сейчас темнее, чем раньше. Даже волосы из рыжих стали тёмно-вишневыми и словно длиннее.

Оказалось, на ней чёрное короткое платье, не обтягивающее, но тем не менее, больше открывающее, чем закрывающее. Оказалось- она босиком.

Роми шумно вдохнула. Выдохнула. Поставила свою бутылку на скалу. Раскинула руки в сторону, покружилась, как ребенок, на месте. Смеясь.

— Луна доа... Еще волшебнее вашего солнца.

— Что я тебе говорил?! — радостно воскликнул Адан. — Вчера, когда пришел в себя здесь, это было невероятно! Но я слишком плохо соображал, ничего не понял. А сейчас

это... это... по-другому... — он ошеломленно замолчал, поставил бутылку на камень и тоже раскинул руки в стороны. Зажмурился.

Не хватало слов, чтобы даже приблизительно передать охвативший восторг. Так бывало только в детстве, очень давно. А сейчас забытое чувство вернулось, или это он вернулся туда, в своё прошлое, или ещё дальше... В прошлое предков, напоминание о которых бежало, искрясь и наполняя силой, по его венам.

Перерождение, чтобы снова быть настоящим и свободным.

А еще понимание- вся его прежняя жизнь была однообразна и бессмысленна. Сколько бы он ни старался что-то в ней изменить, к чему бы ни стремился, какие бы цели ни придумывал и ни достигал, суть не менялась. Каждый прожитый день не приносил ничего, кроме суеты.

Фальшивое счастье, обманчивые надежды, иллюзия существования. Он двигался по инерции вперёд. Искал, находил, терял и снова искал смысл бытия. Потом почти поверил, что просто жить, день за днем- это и есть главное предназначение. И даже по-своему стал счастливым, хотя иногда накатывала непонятная грусть, и казалось, будто все вокруг- пустота, самообман.

Адан открыл глаза, шумно вдохнул. Горьковатый, необыкновенно свежий воздух, шелест моря снизу, потрясающе красивая Роми в свете Луны- всё вместе наполняло непередаваемой легкостью. Казалось, нет ничего, что бы захотел и не смог. Словно все, что было до этого, вся его жизнь, мечты, проблемы- уже не важно. Миг, песчинка времени, а впереди- пьянящая свобода.

Роми что-то выкрикнула. Небу и звездам, Вселенной или никому. Самой себе. Он не разобрал, что. А может быть, у возгласа не было никакого смысла. Просто эмоции зашкаливали, и хотелось кричать, и смеяться, и кружиться, и сделать еще какую-нибудь глупость.

— Как думаешь, ваше море, или что оно там- оно какое? — спросила Роми.

Адан прищурился, улыбнулся. Мгновение, и он уже рядом с ней, ещё одно- руки крепко сжимают податливое и сильное тело атради. А потом мимолётное падение, чтобы зависнуть вместе над самой водой.

— Проверь, — предложил Адан, позволяя ей кое-как освободить одну руку, протянуть к почти зеркальной глади. Вода не шелохнулась.

— Плавать умеешь?

— Надеюсь, — рассмеялся он. Хотел отпустить Роми и упасть следом, но передумал. Вернул обоих обратно на скалу. — Раздевайся, — предложил Адан, растегивая рубашку. — Или придется тебя раздеть, но тогда я уже ни за что не ручаюсь.

Роми неторопливо стянула платье через голову, осталась в чёрном, кружевном белье. Стала еще соблазнительней, желанней, чем в легком халатике на террасе замка.

— Ты же понимаешь, что это не просто... заставить себя не хотеть, — он шагнул к ней. — И глупо. И невозможно... — ладони скользнули вниз по её рукам, с силой сжали пальцы. И почувствовали ответное пожатие.

Роми подалась вперед, почти прикоснулась к его губам, шепнула:

— И совершенно не обязательно...

— Я не хочу, чтобы ты меня забыла, — еле слышно пробормотал Адан, прижимая к себе. — Потому что я тебя уже вряд ли забуду. И это будет, как минимум, нечестно, — он сильнее обнял Роми, а затем прыгнул вместе с ней в воду, продолжая сжимать в объятиях.

Снова короткий миг, сумасшедшая свобода, как тогда, выпрыгнув с потерявшего управление кабриолета. Только вместо страха- счастье. Вместо покорной готовности умереть- нестерпимое желание жить. Вместо жидкой вонючей грязи- прохладная ласковая колыбель настоящего моря.

Какие-то секунды они продолжали опускаться вниз уже в воде. Ещё столько же понадобилось, чтобы вынырнуть и отдышаться. Адан снова привлёк Роми к себе, прошептал, целуя солёные губы:

— Я хочу тебя... Хочу запомнить... Позволишь?

— Поверь, я не забуду, — глядя ему в глаза, отозвалась она, вернула поцелуй. Требуя большего, обвила его шею руками.

Море Бэара готово было сыграть свою роль. Точно так же, как до мгновение назад воздух, сейчас вода держала их, не давая погрузиться глубже, чем нужно. Чем того хотелось. Он слышал, как стучит её сердце. Быстро, бешено, сбивчиво... Чувствовал, как кожа Роми раскаляется под его прикосновениями, понимал, что у неё кружится голова, потому что ей вдруг, неожиданно, начинает не хватать воздуха, как и ему.

А потом...

Роми чуть отстранилась. Голубые глаза казались сейчас бездонными, огромными. Невероятными. Она смотрела на него чуть изумлённо и в то же время... Не возбуждение и не желание не давало теперь спокойно вдохнуть. В её глазах вспыхнул страх. Вспыхнул и передался ему.

— Адан...

Вода вокруг стремительно становилась холоднее.

Он понял. Сразу. Но все равно слишком поздно. Сил хватило только, чтобы успеть вернуться на скалу, бережно опустить задыхавшуюся Роми на камень. Подняться на ноги он уже не смог. Мысли путались. В горло мертвой хваткой вцепились чьи-то невидимые холодные пальцы.

Теплый ласкающий воздух стал ледяным. Шум моря стих. Вокруг тишина. Абсолютная.

А потом появились они. Тени. Мрачные, безразличные, беспощадные, неизбежные. Адан в ужасе смотрел на них и не мог пошевелиться. Виски сдавило, воздух кончился. Он осознал, что задыхается. Умирает. Чувствовал, что рядом умирает Роми.

А Тени продолжали приближаться со всех сторон. Они окружали, надвигались и так же, как вчера, на глазах обретали плотность. И Адан вдруг понял- то, что произошло на поле, было только началом. Обретённые способности, миг свободы, забытые ощущения- у всего есть цена. Тени вернулись, чтобы напомнить о ней, чтобы заставить заплатить.

Тени несли смерть. Тени пришли за ними.

***

Поцелуй, долгий и неожиданный несмотря на то, что ждала и желала его всем существом, напрочь лишил возможности соображать. Прижимаясь к телу Ллэра, Мира словно растворялась в нём. И горячая, обжигающая волна от прикосновений накрыла с головой.

Его губы тоже оказались неожиданными. И руки. Властные, сильные, подчиняющие и необыкновенно нежные. Казалось, если он перестанет целовать, отпустит, она задохнётся, не сможет самостоятельно дышать и умрет. Сразу. Поэтому когда он это всё-таки сделал, Мира прижалась сильнее, отчаянно цепляясь за его плечи пальцами.

— Ещё... — прошептала она, умоляя. Требуя.

Повторять не пришлось. Ллэр лишь на миг отстранился. На миг и на каких-то несколько сантиметров, чтобы заглянуть Мире в глаза, и взгляд оказался непривычно серьёзным. А потом он снова вдохнул за неё, и второй поцелуй был совсем не таким, как первый. Если где-то в глубине души трепыхались сомнения, если где-то ещё пищал почти задушенный голос разума, теперь от них ничего не осталось.

Что-то где-то упало, с грохотом. Что-то даже звякнуло, возможно, разбилось. Что-то зашелестело, вероятно, многочисленные бумаги освобождали письменный стол. И он сам оказался намного ближе, чем секунду назад. Мира вдруг почувствовала лопатками прохладную, гладкую поверхность и как-то отрешённо отметила, что Ллэр уже, оказывается, успел стащить с нее футболку.

Она потянулась к его рубашке. Попыталась расстегнуть пуговицы. Это показалось слишком долго. Невозможно мучительно долго, когда руки так сильно хотят прикоснуться к коже, почувствовать близость тела. Мира приподнялась, яростно дёрнула в разные стороны, и мягкая ткань сдалась, обнажая грудь Ллэра. Рубашка отправилась туда же, куда раньше футболка. Куда-то. Прочь. В другую реальность.

— Хочу тебя... — слабым стоном сорвалось с губ.

Ллэр обхватил ладонями лицо Миры, запрокинул её голову так, чтобы иметь возможность несколько секунд смотреть на Миру сверху вниз. Всматриваться... Потом его правая рука скользнула к её волосам, левая, лаская- вниз, по шее, к груди. И Ллэр снова поцеловал, в этот раз отрывисто, снова уложил на стол. Холодные пальцы, от которых становилось невыносимо горячо, легкими касаниями отправились в неторопливое, сводящее с ума путешествие по её телу.

Голова кружилась, пульс бешено стучал в висках, а сердце то замирало, то с новой силой колотилось в груди. Кожа опять светилась ультрафиолетом, но задуматься о том, что происходит, у Миры не получалось. Телом, мыслями, всем существом хотелось одного- ещё. Ближе. Больше. Сильнее. И Ллэр, как будто чувствуя это, а может быть, желая того же, продолжал сводить с ума.

Казалось, Мира теряет сознание. Всего лишь на миг проваливается в сладкое небытие, чтобы сразу же вернуться, чтобы снова почувствовать жаркое, обжигающее дыхание Ллэра, его горячие губы, нежные, но настойчивые ласки. И громко застонать от лишавшего рассудка удовольствия- на слова просто не хватало сил.

Она не заметила, как осталась без одежды. Не поняла, когда Ллэр успел раздеться сам. И вдруг, когда до желанной близости оставались какие-то секунды, когда его тело накрыло её, когда пальцы Ллэра с силой сжали её плечи, неистовое возбуждение сменилось страхом, приятная истома- нестерпимой болью, словно ещё чуть-чуть, и кровь в венах закипит, а сердце, не выдержав, навсегда остановится.

Мира замерла, беспомощно сжалась, встречаясь с Ллэром взглядом. Он едва заметно, одними глазами, улыбнулся. Словно понял, что не просто страх остановил её. Словно хотел что-то сказать, но вместо этого его рука поднялась к лицу. Пальцы легли на висок Миры, на бровь. Горячая ладонь в миг стала ледяной. И вдруг дохнуло прохладой.

Нет, жар в теле никуда не делся, и желание вспыхнуло с новой силой, но страх ушёл и забрал с собой зарождающуюся боль, что вот-вот в буквальном смысле готова была взорвать вены. Станные, пугающие эмоции исчезли. Мира расслабилась, позволяя незнакомому чувству захватить и унести с собой в неизвестность. Шепнула, разрешая Ллэру продолжить:

— Ещё.

Теперь она растворялась в нём. И оказалось, что подчиняться совсем не страшно. Оказалось, что всё, что было до, всего лишь слабая прелюдия. Малая толика наслаждения, что способно чувствовать её обезумевшее от страсти тело в умелых, заботливых руках Ллэра. Оказалось, что потом, когда всё закончилось, так приятно лежать вместе, обнявшись. Не говоря ни слова, но ощущая Ллэра, его силу и слабость каждой клеточкой, как будто часть него осталась в ней навсегда.

Наконец, Ллэр сел. Потом, передумав, снова лёг. На бок, подперев голову рукой, свободной- убрал с лица Миры растрепавшиеся волосы. Усмехнулся.

— Ты всё-таки та ещё штучка.

Мира только сейчас поняла, что они лежат уже не на столе, а на кровати в эркере. Но не удивилась. После всего... Это уже казалось незначительной мелочью или чем-то само собой разумеющимся. Она улыбнулась, глядя в блестящие глаза «сытого и довольного кота».

— Спасибо.

Он негромко рассмеялся, откинулся на спину.

Мира села, огляделась. Идти в душ не хотелось. И вообще отдаляться от Ллэра больше, чем на сантиметр. Но она всё-таки заставила себя встать.

— Ты случайно не помнишь, куда подевалась моя одежда? Потому что я не помню.

Он приподнялся на локтях.

— Вопрос с подвохом, да?

— Нет, — Мира оглядела его, выразительно вскинула брови и снова улыбнулась. — Я даже не буду пытаться сделать вид, что мне не понравилось, или что я не умираю от желания продолжить... это с тобой... где-нибудь в душе... Но мне всё же стоит одеться. И тебе, кстати, тоже. Потому что твои гости обычно являются сразу сюда, без стука. А я не хочу...

Он вдруг исчез. Почти мгновенно, но в этот раз Мире почему-то показалось, что она заметила, как это происходит. Будто смотрела двумя парами глаз. Одни видели, как Ллэр в мгновение ока пропал, другие уловили, как он словно бы растаял в воздухе, постепенно. Чтобы через пару мгновений появиться у нее за спиной, шепнуть, набрасывая ей на плечи тонкий халат:

— Убедила.

Едва коснуться губами её шеи, и тут же снова пропасть, раньше, чем она успела обернуться.

— Нет уж, все, что угодно, только не халатик, — хмыкнула девушка.

Собственная одежда нашлась на полу среди бумаг и остального барахла. Впрочем, классический бардак, царивший в комнате, это ни капли не нарушало. Разве что девственно чистый стол выглядел как-то совсем уж нелепо. А еще напоминал о том, что при одной только мысли снова будоражило кровь. И почему говорят, что после секса ничего не хочется? Ну или только есть и спать? Ее, наоборот, переполняла энергия, а бесконтрольное желание всего лишь немного ослабло.

Мира закусил губу, отвернулась. Слишком уж велико искушение дожидаться Ллэра и повторить. Она торопливо оделась, бросила халат на спинку стула. Затем попыталась вернуть упавшие предметы обратно на стол. Сначала аккуратно складывая и пытаюсь сохранить хотя бы подобие порядка, но это быстро надоело. И груда бумаг хаотично перекочевала обратно с пола на столешницу.

За спиной послышался шорох. И Мире снова показалось, что почувствовала присутствие Ллэра раньше, чем узнала его голос.

— Следы заметаешь?

Она обернулась. Ллэр стоял у самой двери в спальню. Он тоже успел одеться. Снова это были черные джинсы и темно-серая футболка, как те, в которых он явился к ней вчера.

Неужели, это было только вчера?! Не верилось.

— Да, — на полном серьёзе ответила Мира. — Не хочу, чтобы кто-то узнал... догадался о том, что было...

— Для этого потребуется нечто большее, чем просто сложить бумажки на стол.

— И что же?

— Время. Которого у нас, скорее всего, не будет, — Ллэр помолчал. — В тебе энергия солнца Тмиора. И моя энергия атради. Она была и раньше, после того, как я привёл тебя в чувство у Адана. Но сейчас она другая. Или её больше. Будь ты такой же, как мы- всё было бы иначе. Или даже просто человеком... Я бы смог что-то, — он неопределенно покачал головой. — Но ты особая. И... это будет заметно.

— Боже, как всё сложно... — вздохнула Мира. — Ладно, фиг с ним, — она махнула рукой. — Я просто не... Не важно. Что теперь?

— Теперь?

— Да, — кивнула Мира. — Я не о нас... Я вообще... Ты же не просто так меня спасал. Может, расскажешь, зачем?

— Не веришь, что мне может не нравиться, когда так или иначе связанные со мной люди погибают?

— Почему не верю? Верю. Теперь верю, но... — она чуть склонила голову набок. Покосилась на стол, потом снова посмотрела Ллэру в глаза. Улыбнулась:- Не понимаю, как мы связаны. Мы же только вчера встретились.

— Встретились вчера... — он прошелся по комнате, аккуратно обминая груды бумаг. Остановился у эркера, уставился в окно. — Ты и я... мы... В мои планы не входило сколько-нибудь близкое знакомство с тобой. Но ей пришлось в голову тебя убить. Ей- это Таль. Ты же подслушивала. Слышала. Я, действительно, ничего не понимаю во всей этой биохимической чертовщине, но если бы ей удалось то, что она задумала, я бы нашёл человека, способного расшифровать её ученые каракули и формулы. И попытался бы сделать то, что нужно мне.

— Тогда возвращаемся к моему вопросу. Что теперь? — Мира подошла к Ллэру. — Теперь, когда у Таль не получилось, а я... вот такая есть, здесь. У тебя.

— Теперь... Теперь все по-прежнему. Даже лучше. Ты- не Способная актарионка. Не атради. Если Адан прав, и ты стала доа... хотя бы наполовину... Тогда, возможно, Таль всё-таки дала мне то, что я почти отчаялся найти. Узнаю, как она этого добилась. Шаг за шагом. Каждый этап эксперимента. И найду, как это использовать, — он обернулся, встретился с Мирой взглядом. — А еще сделаю всё, чтобы не дать тебе умереть.

— Зачем? Когда-нибудь я все равно умру, — Мира ласково коснулась ладонью его щеки. — Нельзя жить вечно.

Он накрыл её ладонь своей.

— Нельзя. Мне можешь не рассказывать.

Несколько секунд она молча вглядывалась в его лицо, стараясь уловить в пристальном взгляде, в серых, как пепел, глазах что-то, что поможет понять, как ей быть дальше. Что чувствовать, как относиться к нему, как вести себя теперь с ним. Уйти или остаться? Сделать вид, что между ними ничего не было? Попытаться забыть?

Разум кричал, что они совсем чужие. Разные. Из разных миров. Несовместимые. А то

что произошло только что на столе- всего лишь банальная физиология. Не больше. И ничего в их отношениях не меняет. У него своя жизнь, планы, цели. Роми, наконец. А она, Мира, всего лишь случайность. Пешка. Морская свинка. Способ получить то, что искал.

Сердце настаивало, что теперь Ллэр не может быть чужим. И забыть у неё не получится. Ни его, ни то, что случилось, ни как случилось. И бесполезно делать вид, что ей все равно, потому что ей НЕ ВСЁ РАВНО. Именно так, большими заглавными буквами в её мыслях которые Ллэр с легкостью прочитает.

— Я не хочу тебе мешать... Тем более, навязываться... Умираю или нет, но не хочу, чтобы ты меня жалел. Не хочу, чтобы возился со мной из жалости. Я лучше сразу умру, — тихо сказала она, делая шаг назад.

— Что? — Ллэр нахмурился. — Мешать? Навязываться? Каким образом?.. Что ты... Я за годы разучился понимать людей... Что ещё за глупость пришла тебе в голову?

— Не глупость. Ты сам сказал, что даже не планировал со мной знакомиться. Но так вышло, и теперь я торчу здесь со всеми своими непонятными метаморфозами. Ты... — она осеклась, вспоминая их вчерашний разговор. — Ты сказал, что если я захочу умереть, мне придётся тебя попросить. Почему?

— Я имел в виду немного не это, — он ухмыльнулся. — Если ты захочешь умереть, то сможешь меня попросить, и я удавлю тебя собственноручно. Потом. Когда всё закончится. Если не будет поздно, и ты не лишишься такой привилегии, как смерть.

— С каких это пор смерть... — Мира замолчала. И только сейчас осознала, что имел в виду Адан, когда говорил о вечности. Вспомнила, как Ллэр сказал, что давно лишил себя возможности умереть. И, кажется, догадалась, что он ищет теперь. — Атради бессмертны? Но как же Роми? Она же чуть не погибла, если бы не ты...

— Атради уязвимы. Теоретически мы можем покончить собой. Но я не слышал ни об одном успешном случае самоубийства. Да и о не успешном слышал только об одном. Теоретически- нас могут убить. Как Адан чуть не убил Роми, — к удивлению Миры его улыбка вдруг изменилась, словно он в душе немного радовался тому, что Роми столкнулась с чем-то, чего не ожидала. Пусть даже это чуть её не убило. Пусть он ни за что не дал бы ей погибнуть. — Но успешность такого предприятия еще меньше, чем у самоубийства. Роми не знает, сколько ей лет. Она не помнит, когда была ребенком и была ли, не знает о временах, когда не существовало её самой. И её не тяготит то, что никогда не наступит день- и её не станет.

— А ты? Тебя тяготит?

— Я... Не тяготит. Это неверное слово. Сводит с ума- ближе, — он стал непривычно серьёзным. Даже из глаз ушло веселье. — Всё равно не то. Душит... Представь- всё можнс осуществить, всё пережить, испытать. Любое чувство, любое стремление и даже полное их отсутствие. Я могу веками пить и куралесить, могу до бесконечности заниматься самообразованием, играть в игры с мирами и народами, впасть в депрессию и потратить тысячу лет на жалость к самому себе, десять тысяч лет! Потом я устану и от этого. Все теряет смысл. Вечность- противоестественна. Мы не готовы к ней. Как минимум, такие, как я. Те, кто помнит свое детство, семью... Те, кто когда-то страдал, что жизнь коротка и рано или поздно придется умереть, а потом получил то, на что и не смел надеяться. Время. Безграничное. Но наше сознание должно измениться прежде, чем мы примем этот то ли дар, то ли проклятие. Мы все- слишком люди.

— Значит, атради можно стать? Обрести бессмертие? Как?

Ллэр ответил не сразу. Сначала отвернулся. Потом отошёл, нарочно зацепив на ходу ногой стопку бумаг. Мира только теперь обратила внимание, что хоть он и оделся, но остался босиком.

— Атради стать можно. Не каждому, конечно, ты вот не смогла бы, если бы не Таль. Это как... Ну представь, что ты- цветок. Будущий цветок, точнее. Сейчас тебя нет и в помине, или ты сидишь где-то глубоко, под землей, в луковице. Придет время, и что-то внутри подтолкнет, разбудит, рано или поздно ты появишься. Сначала стебель, потом- больше, и в какой-то момент стоит выбор- распускаться или зачахнуть. Так и этот дар. Сидит в тебе и ждёт своего часа. Потом начинает расти, потом его можно раскрыть или лишиться навсегда... И на всё это уходит много времени. Достаточно, чтобы передумать, — Ллэр хмыкнул. — Как, однако, я зарассуждал... — поднял с пола что-то прямоугольное и на вид пластиковое, сдул с предмета несуществующую пыль, протер тыльной стороной ладони. Положил на один край стола, сам- расчистил себе противоположный, уселся. — Хотел бы я, чтобы с тобой об этом говорил не я. Он бы рассказал лучше. Я ведь был вторым, и я не умею так, как он... И она пришла ко мне задолго до того, как я попал в Плешь. В обход всех правил, — Ллэр сцепил пальцы в замок, уставился на свои руки. — Не совсем понимаю, что ты хочешь услышать. Рецепт? Весь путь? Почему не послал её к такой-то матери, когда явилась? А кто пойдёт, когда предлагают такое? У неё было, чем меня купить. Никто не давил на меня, не заставлял принять решение тут же. Но я принял. Сразу. И потом не сомневался. Долго ещё не сомневался... Это было... интересно. Захватывающе, сбылась мечта идиота...

— Она- это Роми?

— Роми... Ромиль Эннавара. Рэм, — он усмехнулся. — Упрямая рыжая дрянь с благими намерениями. Она хотела вытащить Алэя из депрессии и знала, кто может это сделать. Она торопилась... Я бы и сам, наверное, раскрылся в скором времени. По крайней мере, по её первоначальным словам, мой потенциал зашкаливал так, что удивительно, как я так долго уворачивался от дыр в Плешь. Как так я дожил до двадцати девяти лет и ни разу ни в чем себя не проявил. Разве что в разгильдяйстве и пофигизме! Возможно, мир атради просто не хотел принимать еще одного майоти, — он с кривой улыбкой осекся. — Впрочем, ты спрашивала- как. Она пришла. Рассказала. Показала. Я поверил. В чудесный, многомерный мир, в свою уникальность, в возможности, в ответы, которых мне никогда не найти на Нэште, даже если мой народ выйдет в космос. В то, что вещи не всегда то, чем мы их видим. Много во что. Мне кажется, что сначала она хотела устроить из этого всего шоу. Знаешь, такое, с торжественной частью в стиле «скажи»«да», и твоя жизнь изменится». Но не устроила. А потом были самые долгие три года моей жизни. Роми мне соврала, не во всем, конечно, но во многом. Она соврала и Алэю. Не сказала ему ничего вообще... Может быть, при всех её разговорах о моей силе- она боялась, что это не сработает. Что Плешь меня так и не пропустит. Что мой великий потенциал не больше, чем потенциал местечкового колдуна. Огромен для Нэшты, ничтожен для атради. Они ведь считают, что подтолкнуть- невозможно. Что Плешь либо пустит, либо нет, вне зависимости от желаний Смотрителей. Как бы там ни было, — он посмотрел на Миру. — Через год Плешь все так же оставалась для меня недоступной. И тогда Роми нацепила на меня наручник Тайко, чтобы я мог находиться здесь как можно дольше. Следующие два года солнце Тмиора выжигало мою кровь. Меняло меня. Понемногу. Это больно. Очень больно. Но это был мой выбор. Каждый день- маленькая смерть. Я не мог представить, как это будет, но не отступил.

— И после этого ты, как сумасшедший, бросаешься её спасать? Носишься с ней, как... как... — Мира запнулась. Не стала озвучивать крутившееся на языке сравнение, потому что побоялась обидеть.

Каким-то удивительным образом за прошедшие сутки Ллэр стал очень важным в её новой жизни, пусть даже она оборвётся завтра. И вряд ли причина крылась в сексе. Близость разве что избавила от сексуального напряжения, свела на ноль желание дерзить и нарываться, но возникло оно гораздо раньше- сразу же, как увидела Ллэра на лужайке в Миере. Совсем не такое, как к другим Способным. И теперь, несмотря на превосходство в способностях, силу, знания, опыт, несмотря на то, что он- почти неуязвимый, бессмертный атради, а она- всего лишь результат генных извращений, обречённый на смерть, именно Ллэр из них двоих вызывал жалость и сострадание. Её хотя бы просто использовали, ничего не предлагая и не обещая. И если бы не вмешательство Ллэра, она бы никогда об этом не узнала. Разлетелась бы в клочья в оранжевом небе Актариона, и конец истории. А Ллэр вынужден бесконечно расплачиваться за сделанный выбор. Собственный, добровольный выбор.

Захотелось подойти, обнять, сказать, что понимает его, сочувствует и готова помочь. Мира сделала шаг, но остановилась, отвернулась, уставилась в окно. Ллэру не нужна её жалость. И нежность вряд ли нужна, и сочувствие ни к чему. И вообще, он, как всегда, уверен, что она ничего не знает и не понимает. На этот раз, скорее всего, прав.

— Ллэр, обещай мне, что если когда-нибудь... — попросила Мира, не оборачиваясь. — Если ты ещё будешь... где-то поблизости, и я попрошу тебя сделать меня бессмертной... Обещай, что откажешься. Даже если я буду умирать и умолять, обещай, что не сделаешь этого. И никому не позволишь превратить меня в неуязвимую...

Он не успел ответить, или Мира не расслышала, потому что неожиданно пошатнулась, потеряв равновесие. Уцепилась за раму, почувствовала, что задыхается. По-настоящему. И следом то же необъяснимое притяжение, как накануне в ванной, вынудило переместиться в пространстве. Из солнечной комнаты куда-то в полумрак, где на фиолетовом небе светила огромная сиреневая луна, а под ногами вместо привычного пола- холодный неровный камень.

Другой, незнакомый мир. Не Тмиор и не Актарион. Ночь, похожая на день.

Дышать стало сложнее. Почти невозможно. Мира беспомощно открыла рот, но не могла вдохнуть, как будто здесь совсем не было воздуха. И в ту же секунду увидела перед собой черные Тени, отдаленно похожие на людей, только выше и тоньше. Невесомые, бестелесные и вместе с тем плотные. Они угрожающе надвигались на Миру, закрывали обзор. Мешали понять, где очутилась. Почему-то не покидала уверенность, что именно они не позволяют пошевелиться, сдвинуться с места, не дают дышать или закричать.

Расстояние между ними и Мирой стремительно сокращалось. Ледяной воздух застрял в груди, глаза слезились от удушья. И вдруг, когда она ослабела настолько, что не могла больше удержаться на ногах, неожиданно запульсировала в венах кровь. Все тело вздрогнуло, напряглось. Кожа засветилась. Откуда-то появились силы не упасть, выпрямиться, жадно вдохнуть необходимый воздух. И даже оглянуться назад.

Оглянуться, чтобы снова испугаться. Теперь ещё больше. И замереть от увиденного.

Буквально в паре метров от Миры прямо на камне неподвижно лежала Роми. Глаза закрыты, руки безвольно раскиданы в стороны, кожа бледная, почти белая, на которой кружевным лоскутком чернело нижнее бельё. Даже яркие рыжие волосы потускнели. Рядом

с ней сидел смертельно бледный Адан. Ссутулившись, обмякнув. Лицо будто свела судорога, рот открыт, в темных глазах ужас, мольба, боль.

Ллэр тоже оказался здесь, совсем рядом, метнулся к Роми, но не смог переместиться. Неестественно завис в воздухе, потом рухнул на колени. Вскинул вперед руку и почти сразу схватился за горло, задыхаясь.

А Тени продолжали надвигаться, плотным кольцом обступая со всех сторон.

Мира повернула голову. Чёрный, безликий силуэт находился уже в каких-то считанных сантиметрах от нее. От него словно веяло равнодушной, холодной, безразличной ко всему живому пустотой. И показалось, что внутри эта пустота бесконечна. Как дыра без дна. Ничто, которое забирает с собой всё живое, всю энергию, все силы. Отбирает жизнь навсегда.

Мира зажмурилась. Мысленно приготовилась умереть. Даже успела подумать, представить, каково это перешагнуть роковую черту и больше не жить. Не быть, не существовать, не чувствовать. Никогда.

Казалось, время остановилось. Она в каком-то другом измерении, но живая. Только ледяной холод прошел сквозь и отпустил.

Мира открыла глаза и будто со стороны, отрешённо и безразлично осознала, что Теней нет. Впереди только фиолетовое небо и огромный светящийся диск. И если протянуть руку, к нему можно прикоснуться, словно он находится совсем-совсем рядом. Манит, притягивает магнитом, ласкает нежным призрачным, сиреневым сиянием- точно таким же, как сейчас её кожа. Она расставила руки в стороны, с шумом втянула горьковатый воздух. Выдохнула. Задержалась взглядом на луне ещё на секунду. И резко обернулась назад.

Тени никуда не исчезли. Они просто прошли сквозь неё и не тронули. А может быть, не смогли. Или не стали, сосредоточившись на остальных: Ллэре и Адане. Тех, кто им, наверное, был нужен. Тех, без кого она больше не представляла своей жизни. Тех, ради кого готова умереть. Или убить, не раздумывая.

Что-то случилось, что-то изменилось в ней. И тогда Мира почувствовала ярость. Нарастающую, неуправляемую, превращающуюся в жгучую ненависть. Тени остановились. Плотное кольцо больше не двигалось. Чёрные уродливые силуэты замерли в воздухе. А потом один за другими начали исчезать, растворяясь в ней. И с каждым новым становилось проще вобрать в себя следующий, как будто они сами давали ей необходимую силу расправиться с остальными. Обречённо, не шелохнувшись, ожидали своей очереди, пока не осталось ни одного.

Мира выдохнула, уверенно шагнула вперед.

Адан пошевелился. Громко закашлялся, медленно сел. Кожа заискрилась, глаза сверкнули зелеными огоньками. Ллэр, все ещё на коленях, жадно хватал ртом воздух, словно не мог надышаться.

Оба живы. Значит, она успела вовремя. У неё получилось.

Мира улыбнулась и перевела взгляд на Роми. Почувствовала, что Роми жива, но уже на грани. Оставшейся жизненной энергии не хватит даже на то, чтобы перенести её на Тмиор под солнце. Да и переносить некому. Сама не могла, а Ллэр с Аданом ещё не пришли в себя. И это означало, что Роми обречена. Никто из них не успеет помочь, слишком поздно.

Мира вздохнула. На миг даже обрадовалась, что самонадеянная атради больше не будет путаться под ногами. А затем ощутила, как раздваивается сознание, будто внутри существовала не одна Мира, а две. И вторая, незнакомая, видящая и чувствующая по-другому,

оказалась сильнее.

Подчиняясь непонятному порыву, ведомая каким-то древним, давным-давно позабытым инстинктом, Мира метнулась к Роми. Присела на корточки, коснулась пальцами холодного лба. Вытянула правую руку вперед, к луне, сосредоточилась. И на раскрытой ладони заплясало фиолетовое пламя. Все тело напряглось, продолжая светиться. Уже знакомый пульсирующий поток ринулся по венам. И маленький сгусток энергии загорелся сильнее.

Мира закрыла глаза, задержала дыхание. Не двигалась, не думала. Только чувствовала, как горячее тепло от правой ладони проходит сквозь неё, достигает самых кончиков пальцев левой руки и передается Роми, растворяясь в ней. До тех пор, пока не поняла- больше не требуется. Тогда она опустила правую руку, и дергающиеся языки пламени пропали. Посмотрела на Роми. Смертельная бледность исчезла. Кожа потемнела, и волосы снова стали огненно-рыжими. Веки дрогнули. И еще раз. Медленно открылись и снова захлопнулись. Роми резко выгнулась дугой, сипло хватая ртом воздух, кашляя и снова вдыхая.

Через несколько секунд рядом, на корточках, появился Ллэр. Приложил ладонь к щеке Роми. Убрал. Посмотрел на Миру, удивленно вскинув одну бровь.

— Сильно! — кашлянул. — Я так не умею. Научишь?

Кажется, ему досталось меньше всех, и выглядел он хоть и ненормально бледным в этом сиреновом свете, но если остались силы шутить...

— Ты как?

— Лучше всех!

— Жить будешь?

— Куда ж я денусь. И Роми твоими стараниями тоже...

— За это ты мне особенно благодарен, да? — почувствовав укол ревности, вторая Мира в ней притихла, уступая место первой- обычной.

— За это тебе благодарен я, — хриплым, незнакомым голосом произнес Адан. — За себя тоже. Не понимаю только, как тебе удалось... Нет, хорошо, что удалось, конечно. Иначе... Что это, вообще, такое было?! Как вчера на поле, только там их вроде двое... — он не договорил, закашлялся.

— Мне бы тоже хотелось знать, какую хрень ты заставил меня проглотить, притащив сюда, — Мира обернулась к нему. — Я, конечно, понимаю, что вроде вашей подопытной крысы, но знаешь ли... Предупреждать надо.

— Я не тащил. Ты сама...

— Сама? Хочешь сказать, я теперь и перемещаться, как вы, могу? — Мира поднялась и выразительно посмотрела на Адана. — Тогда почему обратно не могу? Или для «обратно» надо нажимать на другую кнопку?

— Мир, я не знаю. Правда, — развёл руками Адан.

— Где мы?

— Мы, похоже, в Бэаре, — вместо него ответил Ллэр, не поднимаясь, а наоборот поудобнее устраиваясь на скале, рядом с Роми. Рыжая уже не кашляла, не выгибалась, просто глубоко и медленно дышала.

Мира ухмыльнулась. Прямо наглядная иллюстрация, почему не стоит доверять сердцу, а всегда слушаться голоса разума. Если хотела доказательств, что ничего ровным счётом не изменилось, то вот- пожалуйста. Получила... Всё, действительно, осталось по-прежнему. Всё, кроме нее самой. И вторая Мира внутри, терпеливо помалкивающая, но вполне

ощутимая- яркое тому подтверждение.

— И что вы тут делали? — она повернулась к Адану.

— Дышали свежим воздухом, пока он не закончился, — теперь он бросил на неё многозначительный взгляд.

— Вы... — Мира заметила две бутылки недалеко от места, где стояла. Усмехнулась. Рыжая всё-таки добилась своего.

— Нет, — Адан дотянулся до рубашки, потом, видимо, передумал, и не стал одеваться. Кивнул на светящийся на небе диск. — Мы говорили о тебе, и я хотел показать Роми нашу луну.

— Ну конечно... Обо мне. По вам заметно, о чём вы говорили, — хмыкнула она.

— Одно из преимуществ псевдоэнергетического существования- возможность в любой момент избавиться от опьянения или наоборот- усугубить... Главное, чтобы нужный элемент был в крови, — задумчиво проговорил Ллэр, ни к кому конкретно не обращаясь. — С другой стороны, оправдание «я был пьян» не пройдёт, — посмотрел на Адана. — Точно так же, как на поле?

— Решили устроить мне перекрестный допрос? — Адан нахмурился. — Оправдываться не собираюсь. В том, что случилось, понимаю меньше, чем вы. Чем ты, уж точно, — он обращался к Ллэру. — Да, я привел Роми сюда. Что это и откуда взялось, без понятия. Не заметил. Было не до этого, уж простите... А когда Тени появились, стало уже слишком поздно. На поле я не задышался. Это я точно помню. Я и не понял ничего тогда. Сейчас было иначе. Роми первой почувствовала... Еще в воде.

— В воде? — удивилась Мира.

— Да, в воде. Я смог вытащить нас вверх и всё. Тоже начал задышаться. Потом появилась ты и спасла нам всем жизнь. Но я не притягивал тебя сюда. Я даже не представлял, что ты можешь... такое...

— Да ерунда, делов-то... С моими новыми умениями- раз плюнуть! — театрально махнула рукой Мира, цинично усмехнулась. — Каждый раз, когда вам захочется экстрима, я с радостью. Люблю новое и неизведанное. Главное, чтобы смертельно опасно. Без этого никак.

— Может, доа и атради вместе вызывают такой эффект? — перебил Адан и посмотрел на Ллэра.

— Что ты вкладываешь в «вместе»?

— То самое «вместе», Ллэр, как мы с тобой, — вырвалось у Миры. Кажется, терпение у «второго я» закончилось, и оно решило вмешаться, наплевав на её желания. Она перехватила удивлённый взгляд Адана, смущенно улыбнулась. — Никаких Теней не появилось. Никто не умер. Так что или я не доа, или все дело в Бэаре. В том, как эта луна влияет на нас с тобой, — она снова вытянула вперед руку, и на ладонке образовался искрящийся фиолетовый шарик. — Может, если бы это случилось здесь, Тени тоже пришли бы. Хотя это не объясняет ваше вчерашнее поле. Почему там ты смог от них избавиться.

Ллэр смерил её коротким, но неожиданно тяжёлым взглядом. Потом поднял глаза на луну, на Адана и снова- на миг- на Миру. Отвернулся.

— На поле на них были наручники Тайко, замыкающие биополя в единую цепь, — проговорил он. — Я не так уж много успел увидеть, прежде чем меня тоже скосило. Луна на тебя влияла. На вас обоих, значит. Но не на меня и не на Роми. Что ж, если ты теперь искусственно созданная, но все равно доа- это логично. Это ваш мир. Если нет... Кем бы ни

были эти твари- и твари ли они- настроены они серьёзно. И на всех, кроме Миры, у них нашлась управа. Может, они, конечно, смотрели в упор и не видели, — Ллэр помолчал. — Если у них были глаза. Не то, чтобы задыхаясь, меня заботили такие детали... — и снова секундная пауза. — Я не встречал ничего подобного раньше. Не слышал, нигде не читал... — он запнулся, словно засомневался в последнем, и тут же качнул головой, отмечая сомнения. — Я был тут. В Бэаре, в смысле. Неоднократно. И внутри Сферы и за. Никому не было дела. Никто не пытался исполнить мою давнишнюю мечту.

— В общем, сегодня все отделались легким испугом, — подвела итог Мира. Подкинула светящийся шарик в воздухе и направила в Адана. Тот вздрогнул, успел поймать, и огонёк потух в его кулаке.

Роми вдруг чуть слышно застонала, сжала пальцы, словно пыталась набрать в ладонь земли, только лежала она на голой, лысой скале и лишь скребнула ногтями по камню. Моргнула. Наконец раскрыла глаза.

— Ч-чёрт...

— С возвращением, — усмехнулся Ллэр.

— Я не сдохла? — Роми попыталась сесть. Со второй попытки и с небольшой помощью Ллэра ей это удалось. Всё-таки рыжей бестии досталось больше всех.

— Ты не сдохла, но еще слишком слаба. Предлагаю объявить перемирие между нами, — предложила Мира. Опустилась на колени перед Роми, протянула руку, избегая встречаться взглядом с Ллэром. — Согласна?

Роми замялась лишь на секунду, потом медленно пожала руку.

— Перемирие... — оглянулась на Адана. — Что с нами?..

Говорить ей пока явно было не просто.

— Мы живы. Не спрашивай, как. Но живы, — грустно улыбнулся он. — И пока ты приходила в себя, мы пытались понять, кто эти Тени. И что им от нас всех нужно.

— Что нужно, — Роми засмеялась, точнее- попыталась: смех превратился в кашель. — Твою... Кх... По-моему, как раз понятно. Смерти. Почему?

Она посмотрела на Ллэра.

— Ты переоцениваешь мою осведомленность. Опять.

— Нет. Из всех... ты... больше времени. Мы можем отсюда убраться?

Мира встала с колен, огляделась. Уходить не хотелось. Почему-то на этой скале, где чуть не погибли единственные дорогие ей люди, было очень уютно. Но её ведь не спросят. Опять, как куклу, потащат куда-то...

Адан потянулся к рубашке, протянул Роми платье.

Не говоря ни слова, Мира развернулась. Метнулась к краю скалы, замерла, бесстрашно заглядывая вниз. Броситься бы сейчас туда, в манящую темноту, избавиться от внутреннего противоречия, стать свободной. Собой. Или хотя бы понять, кто она теперь, Мира Ошер, и как с этим жить дальше.

— Ты была в отключке, когда я сказал, что ни с чем подобным не сталкивался, — заговорил Ллэр.

— А я уже дважды, — отозвалась Роми. — Думаешь, на меня ползут?

— Скорее, на меня, — вмешался Адан. — Вы просто оказались рядом, и видимо, нас всех за компанию. Девчонка ведь тоже задыхалась, а потом как-то смогла... сделать то, что никто из нас троих не смог, — он понизил голос, но Мира все равно расслышала. — По-моему, чем раньше мы пойдем, почему у неё получилось, а у нас- нет, тем нам всем будет

спокойней.

— В первый раз у тебя тоже получилось, — сказала Роми. — Второй раз- нет. Как бы не оказалось, что они прекрасно учатся на своих ошибках, и в следующий раз нам понадобится новая управа...

— Приведём Таль, — хмыкнул Ллэр. — Она наверняка знает больше всех нас.

— Хорошо ещё, если просто знает, а не стоит за всем этим. Не удивлюсь, если эта... — Адан выругался. — Пошла дальше в своих чёртовых опытах.

— Создать таких существ? — голос Ллэра был полон неприкрытого сомнения. — Мне все больше хочется с ней поговорить.

Мире надоело прислушиваться. Она осторожно переместилась на самый край скалы. Зажмурилась. Прыгнуть вниз хотелось всё больше, а внутренняя Мира твердила, что можно. Даже нужно. И тогда она прыгнула.

Прижала руки к телу, задержала дыхание, представила, как через мгновение со всего размаху провалится в холодную воду, но только этого не случилось.

Мира открыла глаза, с восторгом обнаружила, что никуда не падает, а зависла в воздухе и плавно покачивается на легком ветерке.

— Если Таль создала такое, то... по-моему, возможно всё, — донесся тихий голос Адана.

Она повернулась. Адан, Роми и Ллэр удивлённо смотрели на неё. И Мира опять не удержалась, подчиняясь внутреннему «я». Что-то снова случилось... Она даже не поняла, как, но тело в миг размножилось, и по обе стороны от неё теперь колыхалось с дюжину собственных светящихся клонов.

— Эффектно, — сказала Роми. — Нет, правда... И если каждый из этих очаровательных Мир сможет замочить пару-тройку Теней... Мы можем никуда не спешить.

***

Мысль нанести очередной визит в Актарион пришла почти сразу же, когда добрый десяток искрящихся на фиолетовом небе Мир перестал плавно раскачиваться перед глазами и видоизменился в одну единственную довольно улыбающуюся девушку на скале. Стоило убедиться, что сам даже приблизительно не представляет, как сделать то, что с легкостью вытворяла девчонка, как следующий шаг был ясен.

Ллэр согласился отправиться вместе в Миер, а у Роми оказалось достаточно сил, чтобы вернуться в Тмиор самостоятельно, прихватив с собой «шалунью». Это радовало, потому что в противном случае встреча с Таль могла стать последней... Казалось, злость так велика, что он, не задумываясь, размажет её по стенке сразу, как увидит. Пусть и понимает: уничтожить-не выход. Им всем нужны ответы. Ответы, которые знала только эта симпатичная дрянь.

Обнаружить Таль не составило никакого труда. Она нашлась в уже знакомом доме, куда он нанёс визит рано утром, в рабочем кабинете, за овальным столом. Внимательно изучала что-то в миниатюрном ноутбуке. Как всегда уверенная в себе, собранная. Чертовски красивая.

И даже одета. Почти.

— Ты передумал? Так быстро? — со знакомой самоуверенной ухмылочкой Таль обернулась. На мгновение задержала взгляд на Ллэре. В синих, ярко покрашенных глазах промелькнуло едва заметное отвращение. Промелькнуло и исчезло. На губах заиграла светская улыбка. Любезная, холодная, осторожная. — Добрый день. Ты, наверное, Ллэр? — она поправила рукой пышные каштановые кудряшки, откинулась на спинку высокого

черного кресла, посмотрела на Адана. Вопросительно вскинула тонкие брови: - Объяснишь, что происходит?

— Чёрт... — усмехнулся он. — Не поверишь, куколка, но у меня к тебе точно такая же просьба, — без разрешения плюхнулся в кресло, кивнул на соседнее: - Объясняй лучше ты. Роми говорила, ты умеешь задавать правильные вопросы, — Адан откинулся назад, небрежно вытянул босые ноги, поёрзал, устраиваясь поудобнее. Огляделся, неожиданно понимая, что вряд ли сможет пассивно наблюдать. Терпение, и так-то не самое сильное качество, сейчас и вовсе пропало. Он еле сдерживался, чтобы не вскочить, не схватить Таль за горло и не выжать из неё то, что хотел знать, в самом буквальном смысле. Какого чёрта творится с Мирой, почему их преследуют какие-то бестелесные уроды, кто за всем стоит... Только не факт, что получится. Значит, придётся попробовать заинтересовать. Вынудить поделиться информацией в обмен на то, что нужно ей. — Нет. Все же начну я. Ты не против?

Ллэр, театрально прищурившись, покачал головой: конечно, не против. Сообщил, глянув на Таль:

— Речь пойдет о Мире Ошер, — обернувшись к нему, сделал широкий приглашающий жест.

— О том, что ты из неё сотворила, — добавил Адан. — И почему хотела убить.

— Опять? — Таль ухмыльнулась, скрестила на груди изящные, холёные руки с накрашенными ноготками. — Не вижу смысла обсуждать это ещё раз... С вами.

— Даже, если скажу, что Мира выжила? — перебил он.

Ни один мускул не дрогнул на её лице. Она посмотрела на Ллэра, потом снова на него. Спокойно ответила, кажется, ни секунды не сомневаясь в собственной правоте:

— Исключено, Ади, — Таль покачала головой. Снисходительно улыбнулась, как будто услышала несусветную глупость. — Эта девушка умерла. Смирись и забудь. У нас с тобой есть другие, более важные темы для разговора.

— И всё же? Что если ей удалось остаться в живых после взрыва, который ты устроила?

— Даже если ей удалось... Допустим. каким-то чудом. Она обречена на долгую и мучительную смерть. Хоть ты мне не веришь, но я всего лишь пыталась облегчить её участь.

— Весьма милосердно после того, как использовала для опытов, да?

— Наука требует жертв, — пожалала плечами Таль. — Её болезнь создала не я.

— А что ты скажешь, если Мира не только выжила, но и превратилась в доа? — Адан подался вперед. — Это, как минимум.

Таль скептически усмехнулась.

— Скажу, что это было бы великолепно, потому что означало бы успех проведенного эксперимента. И огромные перспективы в будущем. Для меня, не для Миры, конечно же...

— Тогда тебе будет полезно узнать, что она на самом деле жива и теперь способна... на многое. Все ещё настаиваешь, что нам не за чем говорить об этом?

— Настаиваю, — Таль снова стала серьёзной. — К сожалению, как бы мне не хотелось это признавать, эксперимент провалился, — она перевела взгляд на Ллэра, чуть склонила голову набок. — Теряюсь в догадках, чем моя скромная персона могла заинтересовать атради.

— С такими амбициями претендовать на скромность?.. — Ллэр улыбнулся.

— С такими это какими? — она с откровенным интересом рассматривала его.

— Ваша контора пытается изменить ход эволюции. Исправить путь развития, который

выбрала природа. Или хотя бы найти рецепт.

— Ускорить ход эволюции. Направить в нужное нам русло. Улучшить путь развития. Или хотя бы найти рецепт, — Таль тоже улыбнулась. Той самой улыбкой, которую Адан любил и ненавидел- самоуверенной бесстрашной гордячки. И ведь наверняка понимает, что ходит по острию ножа. Что они с Ллэром, вместе и по отдельности, превосходят её по силе и способностям. А все равно не боится. Бросает вызов. — Это каким-то образом мешает Тмиору? Беспокоит? Раздражает?

— Что ты! Если бы мешало, ваши исследования давно бы прекратили. Но как вам нет дела до атради, точно так же Тмиору наплевать, чего вы добьётесь своими экспериментами. Хотите себя улучшить? Удачи. Правда, совершенно искренне- удачи! Миров много, хватит места для всех бессмертных и одаренных. Мы здесь не за тем, чтобы обсуждать глобальные перспективы вашего проекта.

Таль слегка повела рукой в воздухе, видимо, предлагая пояснить.

— Мира, — коротко ответил Ллэр, и прежде, чем она успела сказать хоть слово, продолжил:- Мы здесь из-за неё. Завязывай с категоричностью. Девушка жива и совершенно не похожа на умирающую. Что заставило тебя думать, что эксперимент провалился?

— Что конкретно ты знаешь о моем эксперименте? — Таль поднялась с кресла.

Оказалось, что просвечивающий рыжеватый топик- часть такого же облегающего брючного костюма. Адан не смог сдержать усмешки. Вот и нашлось ещё одно общее качество с Роми- выставлять себя на показ, только в отличие от голубоглазой атради откровенные наряды Таль вряд ли оправданы питательным солнцем Актариона.

Она обошла стол, присела на край с другой стороны, прямо перед ними. Грациозно, не спеша, но всё же немного не так, как обычно. Адан почувствовал её волнение, хотя внешне она ничем его не показала. Спокойные, плавные жесты, невозмутимое выражение лица, полуулыбка.

— Я держался неподалеку последние... несколько лет. Имею представление, чего ты и твои помощники добивались, в какие стены упирались, сколько свинок уморили и что хотели от Миры и тех, кто был до неё.

— Если Мира жива...

— Мира жива, — перебил Адан. — Без «если». Это факт. Более того, Мира полна непонятных, удивительных способностей, которыми ты ее наделила, а некоторых из них, — он кивнул на Ллэра, снова посмотрел на Таль, — нет ни у одного из нас. Странно, не правда ли? Ведь согласно твоей утренней теории ты создавала из Миры некое подобие меня. И я тебе гарантирую, что у тебя не просто получилось... Ты превзошла саму себя. Так что говорить о неудачном эксперименте с моей точки зрения даже не приходится. Скорее, я поверю в то, что ты создала нечто, чего не ожидала, что вышло из-под контроля, поэтому предпочла ликвидировать.

— Тебе бы очень хотелось, чтобы я это подтвердила? А еще взяла на себя вину за все твои неприятности, да? Лучше заочно- на годы вперед, — Таль продолжала улыбаться, как ни в чём ни бывало. Словно улыбка прилипла к губам навсегда, и это злило больше, чем её слова. — Вынуждена разочаровать, Ади. Это не так, — она поочередно оглядела их. — Признаюсь, мне очень трудно поверить в живую Миру. Но раз вы настаиваете, я попробую. Почему решила, что не получилось? — теперь Таль обращалась к Ллэру. — Все просто. Мне удалось привить ей ген Способных. Не сразу, но удалось. Организм девчонки оказался таким же несносным, как характер. Дальше постепенно получилось создать в ней то, ради чего

ставился эксперимент. ПНК- третий тип нуклеиновых кислот, который бы отвечал за передачу всей паранормальной информации из поколения в поколение, вступал бы во взаимодействие с ДНК и РНК. Но при этом способности у Миры не проявлялись, — она усмехнулась. — Вообще, никак, ни в чем. Как будто в её жилах текла самая обыкновенная кровь. Никакие тесты, раздражители, энергетические добавки не действовали. По возможности Мира не тянула даже на слабую Способную актарионку.

— Стоило просто подождать прежде, чем принимать кардинальные меры, — вздохнул Адан.

— Чего ждать? — Таль с грустной улыбкой взглянула ему в глаза. — Пока она сама не умрёт? Как бы ужасно это ни звучало, но оставить Миру в живых не представлялось возможным.

— Пусть, но ты бы могла обойтись с ней более гуманным способом. Усыпить или... не знаю... В конце концов, девчонка не какая-то зверюшка.

— Не зверюшка. Поэтому сначала в таксилёте сработало устройство с усыпляющим газом, и только потом машина взорвалась. Я не виновата, что Мире взбрело в голову вылезти раньше, чем всё случилось.

— Но ты и это предусмотрела, — зло бросил Адан, — напихала в квартиру взрывчатки.

— Там тоже в начале был газ. Мира ничего не почувствовала... бы...

— Милосердие из тебя так и прёт!

— Ади, да пойми же ты наконец! Мира смертельно больна! Вдобавок с ПНК и аморфными способностями. Ей бы стало хуже, снова попала бы в больницу, и что потом? Вылечить её не смог бы никто. А вот результаты крови вызвали бы нежелательные последствия, история получила бы огласку, а как ты, наверное, догадываешься, нам и мне лично это ни к чему.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Мелькнула мысль, что Ллэр мог ошибиться. В планы Таль вовсе не входило избавляться от Миры. Она могла что-то заподозрить, использовать участие атради в своих целях. Вынудить его вмешаться, чтобы каким-то образом спровоцировать их с девчонкой попадание в Плешь. Пусть и утверждает, что понятия не имеет о ней.

— Впрочем, я не удивилась, — продолжала рассказывать Таль. — Почти то же самое происходило и с тобой в Бэаре. Спящий особый дар. Потрясающая, удивительная, многообещающая кровь и ничего.

— Надо полагать, мне повезло, что в нашу последнюю встречу ты не напичкала мою квартиру каким-нибудь ифзанитом? Или не приложила руку к... — он осёкся. Нахмурился, моментально вспомнив об отказавшем прямо в воздухе кабриолёте. Могла ли Таль решиться на такое? Он даже не сомневался- легко.

— Тебе повезло, что я тебя нашла, — судя по тону, она подразумевала именно то, что сказала. Вот так- буквально, без не то что ложной, а вообще без скромности. — Говорила и не стану повторять. Ты- особенный, как бы не называлась твоя раса. И единственный. Других таких в Бэаре я не встречала.

— Радует, что все же искала, — не удержался от комментария Адан.

— Естественно, — Таль задумчиво взглянула на него. — Как спаслась Мира?

— А какое это имеет значение? — помрачнел он.

— Огромное. Мира могла выжить, только если её способности себя проявили. Это в свою очередь означает, что я не учла какой-то фактор. Пытаюсь понять, какой. Допустим,

всё, что ты рассказал мне про Дыру... Или Плешь... правда... И если речь идет о той же Мире...

— Не сомневайся, о той самой, — ухмыльнулся Адан, посмотрел на Ллэра. — Ты ведь не мог перепутать?

— Я не мог перепутать, — с ответной ухмылкой глянул на него Ллэр, чуть качнул головой, оборачиваясь к Таль. — И я не перепутал. Хочешь её увидеть? Чтобы раз и навсегда покончить со всеми «если»?

— Не хочу. Я верю, что Мира жива. Признаю, что ошиблась. Но мне нужно больше информации. Конкретной. Как спаслась, какое отношение имеет к вам, и что именно вы хотите от меня.

— Договорились. Как спаслась? Я поспособствовал. Такой ценный материал не должен был пропасть даром... Едва успел, между прочим. Твоя попытка её убить сыграла роль катализатора, который ты так долго не могла найти. Вероятно, предыдущие раздражители были недостаточно... раздражающими, — он улыбнулся. — А вот умирать Мира не захотела, и поэтому разумом шагнула дальше, чем могло тело. В Плешь. Именно этот её переход и позволил мне оказаться там вовремя, — помолчал. — Не знаю, что успел рассказать тебе Адан...

— Считай, что ничего. Не ошибёшься. Ади- отличный адвокат, но в том, о чём мы сейчас говорим, разбирается... на недостаточном для меня уровне... — произнесла Таль таким тоном, что Адан мгновенно пожалел о ненавистной ещё в школе биохимии. — Расскажи про Плешь. Я с трудом представляю себе, что это. Но, кажется, как раз там следует искать ключ к разгадке проснувшихся вдруг способностей.

— Ладно, — чуть качнул головой Ллэр. — Плешь... В данном случае, считай, что это самая мощная энергетическая добавка во всех Вселенных, и Мира, как и Адан, окунула себя в неё с головой. Скажем так, их сознание пережило недостающую дозу облучения и приволокло эти изменения в тело, запустив основные процессы финального изменения в крови.

— Насколько я могу судить, глядя на это чудо, — Таль кивнула на Адана. — Энергетический всплеск оказался такой мощности, что втянул вместе с девушкой и его, вынудив обоих раскрыть весь психокинетический потенциал. А дальше...

— Дальше мой потенциал выкачал всю энергию из атради, разнес неизвестно что, пытавшееся меня убить, и вышвырнул за Сферу под луну, — раздражённо бросил Адан. — И это только начало. Потом стало еще «веселее», особенно, полчаса назад, когда Мира начала демонстрировать свой. И сдаётся мне, это ещё не конец.

Ллэр усмехнулся.

— Где сейчас Мира? — Таль, прищурившись, посмотрела на него.

— Там, где тепло и мухи не кусают. Интерес к морской свинке возродился?

— Мира мне не нужна. Если ты, действительно, в курсе нашего эксперимента, как утверждаешь, то знаешь, почему. Тебе, — она повернулась к Адану, — я уже тоже объясняла. Мне нужен ты. Но вы сказали, что пришли из-за Миры. И до сих пор не объяснили, что именно вы хотите узнать. Или получить от меня... Даже представить не могу, чем и почему какая-то Мира могла заинтересовать атради, — Таль скрестила на груди руки, улыбнулась Ллэру. — Итак, я внимательно слушаю.

— Мира больше не человек. И не атради. Возможно- доа, но... не такая, как Адан. И... если кратко- мне тоже нужен рецепт. Как ты сделала из Миры то, что сделала, можно ли

повторить это всё в обратном порядке. И что в результате получится.

— В каком смысле повторить в обратном порядке? — удивилась Таль. Адан готов был поклясться, что с момента их появления в кабинете, это её первая искренняя эмоция. — Сделать из Миры обычного человека?

Ллэр медленно кивнул.

— Я понимаю, что это всё несколько сложнее, чем просто педали покрутить в другую сторону.

— Сложность- не проблема. Не главная. Лишить возможностей даже проще, чем ими наделить. Так что теоретически это вполне осуществимо. А что будет в итоге... — она задумалась, помолчала, несколько секунд изучая оранжево-розовый пейзаж за матовым стеклом. Потом повернулась к Ллэру:- Мира умрёт. Почти сразу. Её обычная кровь уже не справится с вирусом.

Ллэр несколько секунд смотрел ей в глаза, потом сказал:

— Расскажи про этот вирус.

— Что конкретно? — нахально улыбнулась Таль. — Ты же не хочешь, чтобы я начала сыпать формулами и определениями. Ади и так уже заскучал.

— С тобой заскучаешь, как же... — ухмыльнулся Адан. — Каким бы тупым я ни был, меня тоже волнует этот вирус. Хочешь конкретно? Пожалуйста. Можно ли его вылечить?

— Нет.

— Не врёшь?

— А как ты думаешь? — Таль бросила на него выразительный взгляд. — Мира идеально подходила для эксперимента во всем, начиная с состава крови и заканчивая её биографией. Единственный минус- неизлечимый врождённый вирус, вынуждавший спешить. Если бы я могла его вылечить, я бы это сделала обязательно. В первую очередь. Не ради неё. Ради себя.

— Не верю. Затеять такое исследование и не уметь справиться с каким-то там вирусом? Так не бывает. Ты просто не захотела. Почему-то...

— А если и так? Тебя-то почему это волнует?

— Представь себе, волнует. Мне нравится Мира, — ухмыльнулся Адан. — Я не хочу, чтобы она умирала. Раз уж выясняется, что я- один единственный доа на свете, а у тебя получилось создать еще одного... Одну... То это же естественно, что мы захотим... Я захочу детей и все такое... Будем повышать популяцию доа вместе с Мирой.

— Вы не будете...

— Вирус, Таль. Пожалуйста, — остановил перепалку Ллэр. — Кто с кем в итоге останется- на данном этапе несущественно.

— Для тебя, — парировала она. — Для меня это как раз очень существенно. Именно сейчас. Поэтому я... — Таль нахмурилась, сосредоточенно вглядываясь в лицо Ллэра. — Я готова предоставить тебе необходимую информацию. Помочь... насколько смогу, объяснить. Ответить на все твои вопросы, но при одном условии.

— Каком?

— Ади.

— И каким же образом? — Адан насмешливо вскинул брови. — Думаешь, Ллэр сможет меня уговорить? Или заставит? Как ты себе это представляешь?

Таль даже не удостоила его взглядом, продолжая в упор смотреть на Ллэра:

— Помоги мне, и я найду способ повернуть вспять то, что тебе нужно. И даже дам рецепт.

— Зачем? — спросил Ллэр.

— Ты же в курсе эксперимента. Адан- мое будущее. Такое, каким я хочу его видеть. Считай, мне он жизненно необходим. Как тебе- ваше солнце.

Ллэр усмехнулся.

— Ну не собираешься же ты всего-то сцедить у него всю кровь!

— Это уже мои проблемы... наши... — Таль обернулась к Адану, улыбнулась, снова посмотрела на Ллэра. — Мы разберемся. Я же не спрашиваю, кого ты собрался превращать, и зачем тебе понадобился рецепт. А тебе ведь он нужен, не так ли?

Он вскинул одну бровь, прищурился.

— Сначала о вирусе, Таль. Потом- о том, что ты знаешь о доа. Я ведь покупаю не информацию о предусловиях, я покупаю обратный рецепт. И хочу убедиться, что не ошибаюсь, предполагая ценность этого лекарства от способностей. Взамен, бонусом, готов поделится информацией и с тобой, если есть, что спрашивать.

Адан был уверен, что она откажется. Найдёт предлог или снова начнёт заговаривать зубы. Но Таль неожиданно кивнула, выпрямилась.

— Придётся совершить небольшое путешествие. Там уютней. Вы же не против? — она протянула им руки, будто собиралась помочь подняться. — Ну же, смелее, — насмешливо добавила, когда ни один из них не пошевелился. — Неужели, вы мне не доверяете?

— Странно, что тебя это удивляет, — буркнул Адан, вставая следом за Ллэром. Нехотя коснулся ладони Таль, почувствовал, как её теплые пальцы ласково обхватили его запястье. В следующую секунду они втроем уже стояли в огромном зале. Противный зуд в венах исчез. Полное отсутствие электромагнитного сопротивления. Пол, стены, потолок- гладкие, белоснежные. Насколько хватало взгляда- нигде не было видно ни окон, ни дверей. Никаких кнопок, экранов, мебели, ламп, хотя вокруг светло так, что режет глаза. — Ты же говорила, что не умеешь никого телепортировать. Опять соврала?

— Не умею из мира в мир. В пределах Актариона, там, где есть порталы- пожалуйста. Вы в моей лаборатории, — Таль отпустила их руки, отступила назад. — Садитесь.

— Прямо на пол что ли? — ухмыльнулся Адан.

Таль не ответила. Кивком указала вперёд. Он обернулся, удивлённо хмыкнул, обнаружив позади них два мягких кресла. Белые, по форме похожие на те, что уже видел в доме Таль- с высокими спинками и плавно изогнутыми подлокотниками.

Переглянувшись с Ллэром, Адан послушно сел. Атради опустился следом в соседнее кресло.

— Я постараюсь объяснить по возможности кратко и доступно, но если что-то непонятно- останавливайте, спрашивайте. Надеюсь, вы знаете или хотя бы слышали о нуклеиновых кислотах?

— Слышали, — сказал Ллэр, глядя в пол. Чуть поморщился. — Биополимеры... Высокомолекулярные органические соединения, которые хранят и передают наследственную информацию.

Таль кивнула.

— Из них по сути состоит всё живое. По крайней мере, это так во всех известных мне Мирах. У обычных людей, без паранормальных способностей, или у таких, как я, в организме можно обнаружить только два вида: ДНК и РНК. Информация или ген отвечающий за паранормальные способности, у нас хранится там же. Но есть еще один вид нуклеиновой кислоты. Так называемый ПНК. Его роль заключается в реализации

наследственной информации, передаче из поколения в поколение, сохранении и трансформации энергии...

— Он есть у нас, — проговорил Ллэр.

— Да, у вас есть. И считалось, что только у вас, пока...

— Пока ты не попала в Бэар и не наткнулась на Адана.

Таль ухмыльнулась.

— Видимо, мы- не единственные, кто в этом копался.

— Не единственные, — Ллэр поднял голову, посмотрел на неё. — Но вы зашли дальше кого бы то ни было и ближе всех к разгадке...

— Даже так? Ну, что ж, это не удивительно... — она помолчала, обернулась к Адану. — Так вот, пока мы не узнали о твоём существовании, были уверены, что ПНК есть только у атради. И нас совершенно не устраивало. Потому что ваша кровь, — она перевела взгляд на Ллэра, — с нашей точки зрения- мертвая.

— Что значит «мертвая»? — уточнил Адан.

— Это не совсем кровь. Скорее, некая энергетическая субстанция, лишённая витаминов и минералов, необходимых нашему с тобой организму. Как топливо, но пригодное только для атради. И очень агрессивная. Теоретически может подойти обычным людям, но постепенно подчинит их кровь, превратит тело в вечный аккумулятор. Смотри, — Таль замолчала, плавно провела рукой, и в воздухе сбоку от нее образовалась красноватая капля, примерно размером с её голову. Внутри плавали разноцветные шарики и спиральки. Она что-то сделала, и в следующее мгновение в центре капли появилось ярко-зеленое маленькое пятнышко. Оно быстро увеличивалось, окрашивая все в такой же цвет, пока не заполнило изнутри. — Наглядно, это то, что происходит с кровью обычного человека, если в нее поместить ПНК атради. В теории.

— На практике почти так и происходит, — произнёс Ллэр. — Почти так. Простого замещения крови мало. Образование этой самой третьей нуклеиновой кислоты- уже финальная стадия метаморфоз, которые проходят тела будущих атради, но для этого изначально необходим особый ген в ДНК. Иначе новый биополимер в облучённой солнцем крови убьёт человека, а не изменит.

— Такие превращения... Значит, их практикуют?

Ллэр едва заметно, сдержанно кивнул.

— Не завидую тем, кому пришлось через это пройти, — Таль задумчиво взглянула на него.

— Почему это? — поинтересовался Адан.

— Долго, мучительно больно и совершенно противоестественно.

— Скажешь, отказалась бы обрести бессмертие? С твоими-то замашками не хотеть вечности...

— Поверь мне на слово, — улыбнулась Таль. — Если бы я захотела стать атради, это было бы гораздо проще осуществить, чем то, чего на самом деле хочу я.

— Ну ну... — ухмыльнулся Адан, жестом показывая, чтобы продолжала объяснять.

— Еще один минус ПНК атради- неспособность к размножению, даже автономному. Собственно, поэтому с самого начала мы не рассматривали возможность позаимствовать такую кровь, а решили попытаться скопировать структуру ПНК и создать некое подобие. На это ушло несколько десятилетий. Потерянные годы исследований, опытов... Мои родители, основавшие Институт крови в Миере, умерли, так ничего и не добившись. Я не хотела

повторить их судьбу. В конце концов, было решено пойти другим путем. А именно- использовать генофонд остальных Миров. На это тоже потрачено много времени... И неизвестно, сколько ещё, если бы я не нашла тебя, уникальный Адан Свир, — Таль улыбнулась. — Это был прорыв... Это... — она махнула рукой, обвела зал задумчивым взглядом. Усмехнулась, снова посмотрев на них. — Вы вряд ли поймете нашу радость...

— Почему же? — хмыкнул Ллэр. — Я как раз вполне понимаю. Найти доа... — он покачал головой почти с восхищением. — Найти тех, кто даст вам желанное.

— Да, именно так. Желанное, с большой буквы! Еще одна раса с ПНК. С живой, особой одарённой, здоровой кровью, пригодной для Актариона, — она прошла взад-вперёд. Остановилась. — Сначала мы думали, что таких, как Адан, много. Целый мир. К сожалению совсем скоро стало ясно, что это не так. Несколько тысяч полукровок и только один единственный полноценный доа. Дальше- больше. Или хуже. Выяснилось, что его способности- инертны. Вот это на самом деле было ужасно... Представьте- можно чувствовать, видеть зашкаливающую психокинетическую энергию, но не знать способа, как применить. Я надеялась, что это возможно как-то решить... со временем. Заставить раскрыться, проявить себя. Пыталась... Долго, настойчиво, — Таль печально улыбнулась. — В итоге добилась только одного- надоела Адану. Но это оказалось не самым плохим. По крайней мере, я могла хоть изредка, под любым предлогом, встречаться с ним, чтобы... Не важно, — она отмахнулась. — Потом, вдруг, ни с того ни с сего даже это стало невозможным. Все порталы в Бэар закрылись. Сами собой. Словно и не было этого загадочного Мира под Сферой. А все, что у меня осталось от найденного чуда- несколько резервуаров крови Адана. Что, по-твоему, я должна была делать? — Таль с вызовом посмотрела на него. — Отказаться? Забыть? Не в моих правилах. Поэтому я продолжила опыты, и появилась Мира. Та, которую ты знаешь. Прости, но я не умею сдаваться. И не собираюсь. Ни тогда, ни тем более сейчас, когда столько уже сделано.

— Я должен испугаться? — одержимость Таль вызвала двойкие чувства, разобраться в которых не получалось. Она говорила, а Адан ловил себя на мысли, что восхищается и презирает одновременно.

— Задуматься. Попытаться понять.

— Я пытаюсь. Но не могу отмахнуться от фактов- ты использовала меня. Нет, — он тряхнул головой. — Ладно меня... Но Мира... Тебе её даже не жаль.

— Победители не сочувствуют проигравшим, — пожал плечами Таль. — Она бы всё равно умерла. Теперь же, благодаря мне, у неё появился шанс пожить ещё чуть-чуть. Причем, заметь, не просто существовать, а насладиться способностями, о которых эта оборванка так мечтала. В полной мере... Пока вирус её не прикончит, — она обернулась к молчавшему Ллэру. — Ты хотел знать о вирусе. Если простым языком, то у Мира... В её организме повреждены шапероны. Это специальные белки, отвечающие за сворачивание пептидной цепочки... — Таль осеклась. Улыбнулась. — Наверное, слишком сложно. Но не знаю, как объяснить проще. В общем, если совсем просто, то у неё с рождения нарушен синтез белков. Он возрастает только при стрессе. Страх, повышение температуры тела, сильные эмоции... Но этого недостаточно. За неимением других источников питания, вирус рано или поздно полностью разрушит клетки. И тогда Мира умрет. Хотя... Если учесть облучение в Плещи и последующее превращение в доа, логично предположить, что вирус тоже мутировал. И это, скорее всего, делает Мира несколько иной, чем Адан... Не говоря уже о том, что она — женщина.

— Женщин что-то отличает? — спросил Ллэр.

— Подозреваю, что да, на поскольку Адан- единственный представитель, которого мы обнаружили, убедиться на практике у меня не было возможности. В теории, основываясь на результатах крови доа, выходит, что речь идет о древней, почти исчезнувшей расе, на которой эволюция за многие тысячелетия практически не сказалась. Многие способности идентичны, но есть и отличия, — Таль ещё раз прошла перед ними. — Разделение функций по половым признакам очень сильное. Самцы должны охранять, самки- заботиться о потомстве. Поэтому вторые например могут лечить, превращая энергию светил в тепловую. Опять же... Теоретически.

Ллэр бросил быстрый взгляд на Адана, потом на Таль.

— Уже не теоретически.

— Что ты имеешь в виду? — она остановилась. С интересом посмотрела на атради. — Мира это сделала?

— Сделала... Не просто вылечила, фактически вернула к жизни. И не человека. Атради.

— Что ж... Вряд ли теперь она позволит себя изучить, — Таль усмехнулась. — Мне надо было убивать её «понарошку». Спровоцировать страх и...

— Это могло не сработать. Разум он... такой. Догадливый. Особенно, если его хорошо стимулировать длительное время.

— В общем, сейчас уже не важно, — она пожала плечами, посмотрела на Адана. — Мира- этап пройденный. Теперь у меня есть ты. Только зачем-то упрямо отказываешься.

— Как у тебя все просто, а? Поражаюсь! — воскликнул он. — Чуть не угробила девчонку. Меня чуть не убила, а теперь предлагаешь поселиться в Актарионе и стать быком-осеменителем. А вдруг ты ещё какой-нибудь фактор не учла? — насмешливо бросил Адан. — Потом окажется, что доа в неволе не размножаются. И что будем делать? Запишем меня в какой-нибудь таксилет с газом?

— Я не обещала, что будет просто, — сухо ответила Таль. — Но проще, чем если останешься в Бэаре. Там ты погибнешь.

— Вот кстати об этом... — Адан нахмурился. Переглянулся с Ллэром. — Расскажешь ей о наших мрачных знакомых, которые пошли на обед Мире? Или мне?

— Я начну, ты дополнишь, если что. Все же мой опыт общения с Мириным обедом меньше, чем твой, — Ллэр повернулся к Таль, помолчал несколько секунд. — В общем, после того, как Адан побывал в Плеши, в Бэаре он дважды сталкивался с некими существами... Недвусмысленно пытавшимися его убить. Или их. Оба раза с ним была женщина-атради, поэтому я не могу с уверенностью сказать, что приходили именно за Аданом. Во второй раз, к тому же, там оказалась Мира, а следом- я. Все мы, кроме Миры едва не погибли. Рассмотреть, с чем имеем дело, я как следует не успел- внешне просто высокие тощие фигуры в балахонах с капюшоном... Ощущение вызывают странное. Помимо опасения за свою шкуру и желания убраться. Будоражат кровь, будто по ней пустили слабый ток. Никакие наши штучки не действуют, любую направленную на них энергию поглощают на стадии формирования импульса, мгновенно. Досуха впитывают, а потом бьют чем-то своим и заставляют мигом вспомнить, что такое смертность.

Таль, только успевшая присесть в кресло, вскочила. Бросила на Адана обеспокоенный взгляд, обернулась к Ллэру.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Но если они сильнее атради и способны вас нейтрализовать... уничтожить таким образом... — она говорила медленно, явно взвешивая

каждое слово, без притворства. — Это серьезно. Очень.

— Расскажи нам об этом, — ухмыльнулся Адан. — А вот созданная тобой Мира легко с ними расправилась, хотя в начале задыхалась, как и мы. Потом вдруг засветилась, выпрямилась, и... Неслабая такая компашка Теней поняла, что уязвима. Самое странное, что со стороны это выглядело, будто они ей подчинились. Не исчезли, а терпеливо дожидались, когда она их прикончит. Одного за другим...

Таль повернулась к Ллэру.

— Думаешь, это как-то связано со мной?

— Все связано, так или иначе. Есть шанс, что они пришли не за Аданом, но я не особо в это верю. Бэар- особый мир. Тут ты права. Доа- особая раса. Уникальная. Для нас ещё больше, чем для тебя. Но сведений о них почти не сохранилось. То, что мне удалось найти- слишком абстрактно, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Никакого упоминания об опасности для атради, о стражах или аномалии, или ещё чем-то. Эти твари ни разу не появлялись, когда я там был. Остается Адан. И ты сама только что сказала, он погибнет в Бэаре. Почему?

— Я имела в виду другое. Бэар не приспособлен для таких, как Адан. Не зря же никого из них не осталось. Каким бы сильным Ади не был, какими бы способностями не обладал, там ему придется их скрывать. Доа, в отличие от вас, хоть и долгожители, но не вечны, уязвимы и смертны. Почти, как мы... как я... — Таль задумчиво покусала губы. — Ты сказал, там... с ним дважды была атради... женщина... Кто она?

— Смотритель. За Плешью ведут хоть и вялое, но постоянное наблюдение. И когда там оказывается свежераскрывшийся одаренный... — он замолчал. — Объясню, на всякий случай. Ты и так знаешь, что атради не могут иметь детей. Но наше количество все-таки растёт, — Ллэр усмехнулся. — Размножением этот процесс язык не поднимается назвать. У нас свой способ пополнять популяцию. Мы не практикуем насильственные изменения всех подряд в стремлении расширить свой генофонд, это происходит само собой. Тот, в ком есть тот самый особый ген, что потом может преобразоваться и вызвать появление ПНК, всегда рано или поздно оказывается в Плещи. Редко, очень редко, туда попадают те, кто слишком слаб, чтобы пережить метаморфозы. Для этого нужны Смотрители. Одних- провести дальше, других- вернуть домой, стерев всю память о произошедшем. Повторного попадания не случалось... Роми, — Ллэр на мгновение запнулся, — следила за Плешью в тот день, когда тебе вздумалось покончить с Мирой.

— Мы с Мирой оказались там одновременно. Я, кстати, тоже почувствовал запах газа. В начале, еще в баре, где находился. Потом головокружение, темнота и снова бар, только уже другой. В Плещи. И это ещё надо было понять, — Адан усмехнулся. — Роми вышвырнула меня обратно в Бэар, потом вернулась туда за мной. И дальше уже... Позже... появились эти уроды... Двое. Но сначала чёрти что творилось. Кабриолёт рухнул, загорелся, мы живые и невредимые на поле в грязи, кругом темень. Да еще Роми с её чудесами... Это вообще отдельная история. А потом каким-то образом мне удалось уничтожить Тени. Сам не знаю как, но вовсе не Мириным способом. Мне кажется, я их взорвал... По крайней мере, так это выглядело.

— Зачем эта женщина... — перебила Таль. — Роми... вернулась?

— Забрать меня с собой в Тмиор.

— Чтобы сделать из тебя атради?! — она помрачнела ещё побольше. — Эта Роми... Она что, — Таль вопросительно посмотрела на Ллэра, — не поняла, кто перед ней?

Он с улыбкой покачал головой:

— Атради в большинстве своем не знают о доа. Роми видела ещё одного сильного Способного, который только что попал в Плещь.

— А ты почему знаешь?

— Я хотел понять, откуда взялись атради на свет. Откуда. Как. Почему. Изначально. Они не могли появиться из ничего в том виде, в каком существуют сейчас, в некоторых вопросах они слишком люди, несмотря на господствующее в умах равнодушие ко всему. Да и Тмиор- очень необычное место, такое же неестественное и парадоксальное, как и сами атради.

— Тогда почему ты считаешь, что хотели убить именно Адана? — уточнила Таль.

— Я не исключаю, что они могли прийти за Роми. Мне просто кажется это маловероятным. Она не столь уникальна, как Адан.

— Но если из-за доа, чтобы их уничтожить, Мира погибла бы первой. Она- самая слабая. Может, все дело в Роми? Не конкретно в атради, а в том, что она собиралась сделать с Аданом... Или сделала...

— Не волнуйся, ничего Роми с Аданом не сделала, — Ллэр хмыкнул. — Он, наоборот, в тот раз чуть не прикончил и её заодно с Тенями, вытянув почти всю жизненную энергию. Что тоже... весьма интересно и даёт ему что-то общее с этими тварями в балахонах. Позволяет предположить, что Тени- это какие-то штучки доа, о которых мы не подозревали. Что касается Миры... В первый раз её с ними не было, а во второй мы с ней появились уже в разгар светопреставления. И именно Мира нашла управу на нападавших.

— Доа способны убить атради? — изумилась Таль. С восхищением, как будто речь шла не о чьей-то смерти, а о редком, бесценном даре. — Это правда?

Почему-то вспомнилось не поле, а пляж, где он с легкостью справился с беснующейся Роми. Сейчас казалось, что тогда мог бы её убить. Если бы захотел или если бы понадобилось. Только теперь сама мысль об этом причиняла боль. И не верилось, что столько всего случилось за какие-то сутки, может, чуть больше. Невероятно.

— Я не соображал, что делал. Всё произошло очень быстро. Авария, Роми, Тени, взрыв... После которого, кстати, я оказался за Сферой. Сразу, моментально... Может, вовсе не я опустошил Роми, — Адан повернулся к Ллэру. — Почему не Тени? Ты что-то знаешь или просто решил, что я? Ведь на скале произошло почти то же самое, что тогда. С той лишь разницей, что я не смог ничего сделать. Что если все дело в биополе? И во мне убивали атради, а не доа?

— Каком ещё биополе?

— Роми надела на Адана одну штуку, которая соединила их биополя, — Ллэр нахмурился. — Наручник тайко. В основном, он используется, чтобы новичка не убило солнце Тмиора раньше времени. Но оказался совершенно необязательным в случае с доа. Более того, Адан игрушку поломал... Может быть, именно потому и не смог ничего повторить на скале, что не было Наручника. Тени уничтожила их смешанная энергия. В Мире тоже понамышано... К тому же, в первый раз, перед тем, как появились Тени... Роми что-нибудь делала?

— Да... что-то... Поле изменилось, она сама. Все замерло. Потом говорила с ними Тени дернулись и бах... — Адан передернул плечами.

— Это называется «ничего не сделала с Аданом»?

— Это, правда, «ничего» по сравнению с тем, что было потом, — улыбнулся он.

Таль радости не разделяла. Села в кресло, медленно провела пальцами по подлокотникам, видимо, размышляя о чем-то своем.

— Я без понятия, как атради влияют на доа и наоборот. Даже в теории. Ваши расы похожи и непохожи одновременно. Если хотите знать мое мнение, то после облучения в Плещи, а потом такого смещения энергий в крови могло произойти всё, что угодно. Как у Адана, так и у этой... Роми. С Мирой проще. В ней ничего такого не намешано. Моя кровь да кровь Адана. И немного собственной. Плещь и луны могли разве что сделать из неё полноценную доа в итоге. Так что если ей никаких Наручников не одевали, она не способна по определению быть сильнее Адана. Помните, как она уничтожила эти ваши Тени?

— Съела, — ответил Ллэр. — Я плохо в тот момент соображал.

— Вряд ли я соображал лучше, — покачал головой Адан. — Сначала ничего не видел из-за них. Потом они начали исчезать, как будто растворяясь в Мире... Словно она их вдыхала в себя. Но может в чем-то ты и прав, говоря о смешанной энергии. Не знаю, как там с Наручниками, — он невольно ухмыльнулся, посмотрел Таль в глаза. — Но Ллэр спас Миру не только из влетевшей на воздух квартиры. Потом пришлось вернуть её к жизни еще раз. Буквально...

— Даже так? — удивленно изогнула брови Таль. — Что случилось?

— Я случился... Но это долгая история и...

— Ты и девчонку выпотрошил что ли? — ей явно хотелось знать больше, только рассказывать детали, как чуть не убил Миру, Адан не собирался.

— Нет. И это сейчас уже не важно.

— Ну почему же? Важно. Если вы хотите узнать, кто такие Тени, почему и за кем охотятся. Мне совсем не нравится идея, что последний доа может погибнуть. Я готова помочь, — она в упор посмотрела на Ллэра. — Без условий. Но мне понадобится и ваша помощь. Содействие. Например, попасть в Бэар. Увидеть Тмиор. Поговорить с Роми. В идеале- обследовать Миру и, — Таль повернулась к Адану, — тебя тоже. Понять, какой салат вы устроили, и чем это чревато.

— Без твоих фокусов? — прищурился он.

— Чего ты боишься? Ты тоже теперь с фокусами. Справишься. На крайний случай, есть девчонка, чтобы вылечить, — рассмеялась Таль. — Это мне надо беспокоиться. На чудесное исцеление Мирой претендовать вряд ли стоит... Так как? Согласны?

Накрыло уже потом. Дома. Станным, непонятным колпаком, сделавшим все звуки приглушенными, ноги ватными, руки- ледяными. Внешний мир периодически отдалялся, потом наваливался лавиной шумов и ощущений и снова скрывался за пеленой.

Столько эмоций за неполных два дня! От пустоты до безудержного восторга, от невероятной ясности и понимания того, что Роми казалось в принципе недостижимым, до нереально полной, всеобъемлющей растерянности...

Страх- слишком прозаичное слово, чтобы охарактеризовать ее состояние теперь.

Тело ныло. Каждая косточка, каждая мышца, каждый миллиметр кожи, капля крови- горели огнем. Боль не заглушали никакие таблетки- она сожрала уже целую пригоршню, потом воспользовалась тем единственным кругляшом, что забрала тогда у Алэя, на всякий случай, впрок. Не веря, что пригодится, а поди ж ты! Мощнейшее обезболивающее не спасло.

Боль не снимало и солнце. Впрочем, под ним Роми проторчала не долго- яркий свет раздражал глаза и давил на виски. К тому же, она не чувствовала себя пустой, наоборот, тело переполняла энергия- и все равно оно корчилось в муках. Роми держалась, улыбалась и надеялась, что Мира не заметит и не станет задавать вопросы. Пока скрывать, кажется, удавалось. Либо девчонке было плевать, что устраивало еще больше.

В какой-то момент Роми вдруг поняла, что у всеобъемлющей боли нет физического основания, что все это- в ее голове. Что это разум заставляет ощущать себя оголенным нервом, потому что такого с ней никогда не было. Дважды менее, чем за два дня, она едва не умерла. Первый раз все казалось понарошку- слишком внезапно, слишком быстро. Мгновение острой опасности, мгновение беспомощности, мгновение темноты. Свет, тепло. Алэй...

Во второй раз, там, на скале, в самом конце- она тоже не испугалась. В тот момент, когда еще в воде перестала чувствовать горячие руки Адана, когда, глядя ему в глаза, увидела лишь дымку, когда всё вспыхнувшее желание, возбуждение, восторг свернулись тугим комком в ноющую тяжесть в животе, а воздух обернулся кислым удушающим туманом- тогда да, ей было страшно. Но она не верила в собственную смерть. Они ведь бессмертны. Почти боги. Она была всегда. Она будет всегда. Смерть не существовала для нее, угроза не существовала...

И даже в последний миг, когда удушье сменилось сладким запахом цветов, проникающим в каждую клетку, когда сиреневый мир стал ослепительно белым, когда она поверила, что **концедействительно** существует- ей все так же не было страшно. Последняя мысль- четкая, яркая- резанула, как игла: можно что-то не успеть, не узнать, не почувствовать, это больно- до крика в немом горле... Это совсем новое, неизвестное ей сожаление...

А потом все вернулось. Рядом был Ллэр. И Мира. И где-то недалеко- Адан... Роми быстро пришла в себя, еще быстрее привела мысли в порядок, выкинула из головы все непонятные ощущения, которым у нее нет названий. Ничего ведь не произошло. И смерти как не было, так и нет. И конца нет.

И вот теперь она сидит на длинном обеденном столе, скрестив ноги под собой, смотрит на уплетающую вторую порцию мяса с овощами Миру и думает не о том, что с ними произошло. Не о странных Тенях, способных на то, что казалось невозможным в принципе,

не о девчонке, что переплюнула по способностям всю их троицу вместе взятую, не о Ллэре и его поисках, происках и планах, которые, в какой-то степени, и привели ее на ту скалу, не о Таль, к которой Адан и Ллэр отправились за ответами... Не об удивительной фиолетовой Луне. Уж тем более не о том, чему им так немилосердно помешали...

Она пытается вспомнить, что было еще. За миг. За пол мига. В момент... Пытается понять Ллэра и Алэя так, как никогда не понимала раньше, хотя думала, что знает все. И чувствует себя так, как должно быть чувствуют себя дети, ничего не смыслящие младенцы... Нет, хуже- самоуверенным идиотом.

— Тебе не обязательно со мной сидеть, — нарушила молчание Мира, отодвигая пустую тарелку. — Я могу сама... дальше... — голос непривычно тихий, без язвительных ноток.

— Я... мне не сложно, — не получилось сказать, что одной ей оставаться совсем не хочется.

— Ладно, — Мира улыбнулась, потом нахмурилась. — Я понимаю, что не лучшая компания, — и снова улыбка. — Но лучше, чем ничего. Спасибо, — она опять нахмурилась, напряглась. Стала похожа на ту, что Роми встретила в Плеши- напуганную, но готовую за себя постоять. — Если хочешь, могу уйти.

— Куда?.. За...чем? — Роми удивленно моргнула. — Ты... нормальная компания, — покачала головой и тоже попыталась улыбнуться. Вероятно, в этот момент она и сама была чем-то на нее похожа. — Не надо уходить...

— Тогда рассказывай что-нибудь... Говори... Все равно что, только не молчи. И так страшно, — попросила Мира. Посмотрела по сторонам, будто что-то искала, встретила с Роми взглядом. — У тебя есть что-нибудь выпить? Кроме воды? Мне бы, кажется, не помешало...

— Чай, кофе, сок, энергетики, вино, крепче вина... — Роми перечисляла и разглядывала столовую. Нет, если они действительно начнут пить, то отсюда лучше убраться. Самая маленькая, самая уютная из всех, в которые они могли попасть в поисках съестного, она все равно могла вместить человек сто за обеденным столом, а потому не располагала для расслабленных посиделок. — Коктейли из опиатов... все вместе... — она вдруг увидела округлившиеся глаза Миры, улыбнулась уже естественнее, — здоровью атради нельзя нанести вред, поэтому мы не ограничиваем себя в низменных экспериментах. Даже сказать, что сопьюсь я с вами- язык не поворачивается!

— Из опиатов не надо. Я и без них заглоченная. Чего-нибудь попроще... Чтобы расслабиться и не думать, куда меня снова швырнет или еще какая-нибудь фигня случится.

— Лучше бы не швыряло, — Роми спрыгнула со стола. — А то я тот еще спасатель.

За спиртным, к удивлению, далеко идти не пришлось. Она уже настроилась петлять с Мирой непослушными коридорами Замка, но вход в небольшую холодильную кладовую обнаружился тут же, напротив столовой. Замок то ли был благодушно настроен помочь им напиться, то ли им просто сегодня везло.

— Прошу, — зажегся неяркий свет, выхватывая ряды, уставленные всевозможными бутылками. — Градус по возрастающей. Здесь есть еще винные погреба, но путешествие по Замку- небольшое удовольствие. А переместиться...

Перемещаться она почему-то боялась и не сразу себе призналась. Почему-то хотелось свести использование способностей к минимуму.

Мира протянула руку, одна из бутылок на предпоследней сверху полке зашевелилась, оказалась в воздухе, но не долетев до ладони, рухнула на каменный пол и со звоном

превратилась в осколки.

— Ой... Давай лучше ты, а то я вам тут все разнесу, — она виновато покосилась на бурую лужицу у ног. — Что-нибудь не очень крепкое. Снять напряжение.

Роми растеряно уставилась на осколки, потом тоже вскинула руку. Бутылка и не подумала прыгать, но и не удивительно- телекинез в стенах Замка, да и вообще на Тмиоре, не работал. Похоже, для Миры этот закон не действовал.

Пришлось взять совок, веник, осторожно смести битое стекло.

— Наверное, это была плохая идея- выпить, — прислонившись к косяку, пробормотала девчонка. Вдохнула, сунула руки в карманы джинс. — Или надо сразу опиаты, чтобы вырубило надолго.

— Это абсолютно нормальная идея. Проблему не решит, но полегчает. А вот опиаты... вероятно, действительно не стоит... По крайней мере, без дополнительных наблюдающих за экспериментом, — Роми избавилась от стекла, вернулась. — Кстати, если хочешь поэкспериментировать. Мы, конечно, можем... Тут есть несколько тренировочных залов. Я попрошу...

Осеклась, сообразив, что вряд ли их обеих погладят по головкам, если они введут в курс дела еще с десяток «родственников», даже в качестве подстраховки. Не то чтобы остальные атради тут же проявят несвойственное им любопытство и потребуют прямого и полного участия в дальнейшем, но зачем создавать провокационные ситуации?

— Не...е надо... — запинаясь, проговорила Мира. — Я боюсь. Лучше не думать. Хотя бы пока они не вернуться.

Роми поймала себя на мысли, что отсутствие Ллэра и Адана вызывает неясную тревогу. Казалось бы, что может противопоставить Таль таким, как они? Даже учитывая то, что она сделала с Мирой, все равно- ничего. И все-таки:

— Надеюсь, они там без приключений, — взяла с полки пару бутылок. Бокалы у нее имелись в комнате. — Идем?

Синий коридор первого этажа, куда выходили столовая и кладовая, закончился быстро, но не лестницей, к которой была готова Роми, а узким проходом в коридор бежевый. Жилой. Старшего крыла.

Она замерла, уставившись на невысокий порожек. Будто здесь должна быть дверь, но ее сняли с петель, и петли сняли, и косяки дверные тоже вырвали, а стены отшлифовали. Но ощущение наличия ДВЕРИ осталось.

Кажется, стоило не только воздерживаться от использования способностей. Возможно, не стоило даже в Замок возвращаться. Вдруг многомерное чудовище взбеленится, как море Истока? Пока все обходилось, но! Сначала они легкостью вышли на столовую, потом тут же отыскивали кладовую. Если теперь так же быстро они доберутся в комнату... Замок никогда не был настолько благосклонен к чужакам. Или Мира перестала быть для него таковой?

Роми вдохнула, пропустила Миру вперед, поспешно шагнула следом. Оглянулась. Проход за спиной исчез, будто никогда и не существовал. А искомая дверь оказалась первой по коридору. В этот момент Роми четко поняла, что беспокойство перерастает в то, что люди называли бы паранойей.

— Ты одна живешь? — спросила Мира, когда Роми посторонилась, приглашая войти.

Чуть было не спросила- с кем же? Проговорила с улыбкой:

— Чувствуй себя как дома, — прошла по комнате, поставила бутылки на низкий круглый столик. Хотела пойти сразу за бокалами, но остановилась на полушаге. — Я... Мы

очень редко живем с кем-то. Мы... — атради считали себя одной большой семьей. Роми всегда казалось, что при этом все они — одиночки, хоть и не одиноки. Чувство одиночества никогда не посещало её. Она не понимала, что это. То самое, тоскливое одиночество, которое граничит со страхом и болью. Которого так боятся люди. Быть самому по себе для каждого атради так же естественно, как не задумываться о том, что такое конец. — Пары, конечно, возникают. Вот взять к примеру, того же Маррена. Я говорила тогда, в Плещи, что с вечеринки... Ты садись, что ли... Или сейчас... погоди.

К дивану прилагались еще четыре невысоких квадратных пуфа. Как раз таких, чтоб можно было с удобством устроиться, полулежа, вокруг столика. Вот их она и выволокла из шкафа в спальне.

— Прикольно, — Мира подвинула один себе, оглядела. Потом плюхнулась на него с размаху. Сменила позу, устраиваясь поудобнее. — Класс! В нем же даже спать можно... А там что? — она кивнула на дверь с левой от дивана стороны, настороженно посмотрела на Роми. — Если что-то не трогать, куда-то не ходить, лучше скажи сразу.

— Там тоже комната... Есть кровать, — Роми уставилась на дверь и вдруг поняла, что до сегодняшнего дня не задумывалась, на фига ей нужна еще одна спальня. Гостей, которые бы там останавливались, у нее не бывало. Или она что-то забыла?.. — Туда тоже можно. Да везде можно, нигде током не ударит. Камин вот... лучше не зажигать. Я не помню, когда последний раз им пользовалась, — она достала бокалы, откупорила бутылку, разлила вино, и только тогда устроилась на соседнем пуфе. Запрокинула на несколько секунд голову, блаженно закрыла глаза. — Спать на них неудобно, шея будет болеть. А вот так...

— У меня не будет. Видела бы ты, на чем мне приходилось спать, — хмыкнула Мира, еще раз огляделась. — А зачем вам всем такие хоромы, если вы по одному живете?

— А почему нет? — Роми сделала глоток, темно-зеленая жидкость приятно согрела желудок. — Зачем ютиться в норках, если есть возможность занять целый дворец?.. Да и не все живут по одному... Вот я начала говорить, Маррен. Решил жениться. Серьезно так решил. Девушку нашел. Не атради, но из тех, кто знает почти все, — она хмыкнула. — Привел ее знакомиться с родней. Потом удерет с ней в ее мир. Здесь ей не жить- солнце не позволит. Переберется, значит, проживут лет пять как есть, потом усыновят ребенка, или девушка забеременеет искусственно. Потом... — Лицо мелкой блондинистой мыши в цветастом платье вспоминалось с трудом, да и название мира, откуда суженая Маррена родом, тоже никак не удавалось выудить из памяти. Помнила только, что там никого не удивит вечная молодость одного из супругов. Значит, лет максимум через пятьдесят Маррен вернется. — Потом рано или поздно все начнется сначала.

Они женились и расставались, не женились, жили вместе, жили порознь. В соседних комнатах гигантского замка, который, словно живое существо тоже начинал что-то понимать, и радушно выводил двери новоявленной пары в коридор рядом. Через сто, двести, триста лет сходились снова, будто в первый раз. Или убегали в какой-нибудь мир, чтоб раз в день-два, втайне от своей семьи или открыто- вместо работы- возвращаться под солнце. Это все была повторяющаяся несущественная суета. Все это было совсем не то, что вкладывали в понятие семьи люди.

— Завтра или через сто лет- все обязательно изменится, и это одинаково малый срок, — проговорила Роми. — Ллэр бы сказал- все потеряет смысл.

Мира залпом опустошила бокал. Поставила обратно на столик, откинулась на пуф.

— А кто здесь убирается? Ну в самом Замке? Готовит? Продукты откуда? Вещи... Не

само же...

Роми на миг показалось, что исчезнувшее напряжение неожиданно вернулось, и теперь от нее зависит, отступит ли: девчонка удобно развалилась в пуфе и старательно изображала интерес к тому, о чем только что спросила.

— У нас есть... работники. Мы хорошо платим. В коридорах и без уборки почему-то всегда чисто. Пыли нет, паутины нет, мусор в вечно закрытые окна не залетает... Готовит бригада поваров... Кухарки, горничные... Кто пожелаешь. Все из одного мира. Продукты завозить тоже наловчились, — она замолчала, выбралась из пуфа. Наполнила бокалы:— Он все-таки успел тебя достать?..

Она сама не знала, почему вопрос сорвался с языка, и что вкладывала в него. Уж точно не желание уколоть, задеть, обидеть. Еще вчера... Да ладно! Еще несколько часов назад, утром, Ллэр главным образом своим поведением по отношению к Мире, и уж только потом интригами и затеями, выводил ее из себя. Не только Ллэр. Адан ведь тоже нянчился с Мирой. А теперь она чувствует себя так, словно долгое время сдерживала дыхание и наконец позволила себе с шумом выпустить воздух. Все необоснованные негативные чувства куда-то подевались. Да и сама Мира вроде бы больше не настроена враждебно.

И вот черт дернул спросить!

— Он- это Ллэр? — Мира присела, подтягивая колени к груди. Ловко обхватила руками и мечтательно улыбнулась. — Он... нет... Он милый. Просто он не для меня, — улыбка трансформировалась в грустную ухмылку. В фиолетовых глазах зажегся и погас огонек. — Или я не для него. Мы разные. Слишком. И я не хочу так, как ты рассказала про... Маррена.

Она удивила. Не тем, что назвала Ллэра- «милый», пусть так о нем никто еще не говорил. Роми не сомневалась- и таким он тоже может быть, он может быть любим. Тем, что вообще поддержала тему.

— Если он получит то, что ищет, возможно и не придется, — Роми обнаружила, что все еще держит бутылку в руке, поставила на стол. Посмотрела на Миру. — Как Маррен не придется.

— Никак не придется, — пожала плечами она. Приоткрыла рот, видимо, собираясь что-то еще сказать или спросить, но в последнюю секунду передумала. Молча потянулась к бокалу.

— Ты не... почему так думаешь?

— Ты, наверное, считаешь, что я похожа на полную дуру, да? — спросила Мира. Спокойно, без вызова, без ехидства- так, как будто эта мысль о самой себе посещала не раз. — И, наверное, ты права. Но я все-таки не настолько дура. Понимаю, что для него... да для вас всех... просто обуза или... средство достичь... Не важно, — она осеклась. Даже испугалась, словно поняла, что сболтнула лишнее- то, чего говорить не должна была. — Я теперь черти кто и сбоку бантик. А если Таль права, то... — девчонка не договорила. Бросила выразительный взгляд на Роми. Улыбнулась. — Это будет лучший выход для всех.

— Да с чего ты решила? Чем- лучший? Он говорил, что ты- обуза? — Роми вскинула брови. — Откуда этот пессимизм, обреченность?.. Кто ты- в техническом смысле- на самом деле вряд ли имеет такое уж большое значение. Что бы там ни намешала Таль... Пусть мы пока не знаем, но узнаем. Они разберутся.

— Он говорил, что знал обо мне, но в его планы не входило близкое знакомство. Если бы она не... — Мира уставилась на бокал в руке, покрутила его, чуть не расплескав содержимое. Снова подняла взгляд на Роми. — Разберутся, и что дальше? Думаешь, я смогу

вернуться в Актарион после всего? — она ухмыльнулась. — У меня и дома-то теперь нет.

А ведь девчонка вляпалась сильнее, чем сама подозревает, подумала Роми. Достал, зацепил. Сильнее, чем признается себе.

— Ну! Не входило... — усмехнулась. — Это не повод считать себя обузой. Так уж вышло. В мои планы тоже не входило дежурить в тот день, когда я встретила в Плещи Алэя. Случайность, как и в этот раз. Просто какой-то дикий набор случайностей. Будто что-то хочет, чтоб все было именно так. Так. Здесь. Тогда. Сейчас... А ты хочешь назад в Актарион? Чтобы все было, как прежде?

— Как прежде? — Мира пожала плечами. — Так уже не будет, потому что... — она опять осеклась. Отвела взгляд. — Не в этом дело. Я ведь попала в Плещь случайно. К вам сюда тоже... Я не должна быть атради, у меня никакого дара и... — она шумно вздохнула. Пристально посмотрела в глаза, словно решаясь наконец, сказать то, что давно хотела, но почему-то опасалась. — Это даже не так, как ты привела его к вам. Рано или поздно мне придется уйти, как-то где-то жить потом. Нужно будет работать и вообще... Да и сейчас никто из вас не должен обо мне заботиться. У каждого свои заморочки. Адан... Он ведь из-за меня такой теперь. И у него наверняка куча проблем. Ллэр... Он... Я ему не нужна. А ты... — Мира улыбнулась. — Я даже не понимаю, почему ты возишься сейчас со мной.

Все эти ее доводы Роми могла отмести легко. Мира цеплялась за что-то, что было ей привычно. Цеплялась за прошлую жизнь, куда дороги нет, вне зависимости от того, чем закончится вся эта история. Вне зависимости, что планировал Ллэр в самом начале, его затея давно живет своей жизнью.

— На все можно посмотреть и по-другому, — она улыбнулась. — Адан все равно бы стал тем, кто он есть. Пусть он не атради, но вряд ли способности такой силы спали бы вечно. Солнце тебе не вредит. Так что уходить отсюда нет никакой необходимости. «Как-то» ты можешь жить и здесь. И даже весьма неплохо. На любых условиях, которые тебе будут нужны. Ллэр... — Роми помолчала. — Знаешь, я всегда первая ворчу и возмущаюсь, что он такой, он сякой... Эгоист, расчетливая сволочь и тому подобное. Но я необъективна и признаю это, — впервые признаю, подумала Роми. — Ллэр- не подлец. Поверь, если... что бы там ни было изначально в его планах, теперь ты уже не просто пешка в играх... Он, что, рассказывал тебе, почему я привела его к нам?

— Да, — Мира уныло кивнула. — И вряд ли ты должна была об этом узнать.

— Не думаю, что ему есть дело до того, что я знаю, — она пристально посмотрела на неё. Почему-то хотелось, чтобы Мира призналась сама, хотя Роми уже догадалась, как далеко за столь короткий срок успели зайти их отношения. А ведь все потому, что сама так и не смогла дать определение тому, что связывало ее и Ллэра на протяжении всех этих лет. Кроме, конечно, Алэя, а еще- взаимных упреков, обид и обвинений. — И как же он все обрисовал?

— Я не... это не важно. Вы... все, что было... у вас... И как было... И почему вы... — она окончательно смутилась. Совсем тихо предложила. — Давай не будем о нем.

— Между нами ничего не было, — неожиданно сказала Роми. — Такого, о чем ты... — залпом допила вино. Усмехнулась. Может быть, при других обстоятельствах, в другой реальности все сложилось бы иначе. — Знаешь, Алэй и Ллэр... они особые. Они есть друг у друга. Единственные атради, которые связаны кровью. Настоящая семья... Он же рассказал тебе об Алэе!

— Он не рассказывал, — девчонка-доа продолжала буравить взглядом все еще

наполненный бокал в левой руке. Указательным пальцем другой осторожно, едва касаясь, провела на краю. Круг, еще круг, еще, чуть ускоряя движение, пока хрусталь не отозвался тоскливым, гипнотизирующим и необычайно громким в повисшей тишине звуком. Потом вдруг перестала, подняла голову. Пару секунд изучала Роми пристальным, задумчивым взглядом. Молча отпила чуть-чуть вина, вернула бокал на столик. Улыбнулась, но ледяной холод из глаз не исчез. — Если хочешь, расскажи мне ты. Только про Алэя, а не про Ллэра.

Рассказать? О чем? Как?

В их жизнь не так много людей, которым было бы даже просто любопытно. Всей их «семье», всем атради не было дела. Максимум, кто-то мог отметить галочкой для себя, чтобы тут же забыть об этом: вот, у нас пополнение, и пришел он или она из такого-то мира. Кому какое дело, если прошлая жизнь становилась историей, каплей, песчинкой... Та жизнь, те люди, что были дороги тебе там, переставали иметь значение. Не сразу- кто-то продолжал навещать дом, поддерживать связь, потом- наблюдать со стороны. Потом... Ты- бессмертен, тебе нет места в сгорающих, быстротечных жизнь, в молниеносном потоке повседневности, и лучше отказаться от всего самому и сейчас, чем после, когда все они уйдут раньше тебя, смотреть им вслед.

Роми подняла глаза на Миру. Хотела было уже заговорить, но вдруг вспышкой нахлынули образы. Она не просто вспомнила, а словно заново там оказалась. Снова все испытала каждой клеточкой своего тела и в то же время увидела себя со стороны.

Себя. Его. В льющемся из потолка свете.

Мрачный зал. Огромный, но не бесконечный. Колонны, пыль, паутина, затянутые потрепанными гобеленами стены. Каменный, прохладный пол. Полное отсутствие красок. Черно-белый мир и яркое пятно ее волос. Огненно-рыжих.

Тогда Роми казалось, что она сияет, так ярко- что слепит саму себя. Будто там, за черным высоким потолком действительно существует серебряное солнце, пробивается в единственное, узкое окно, окунает ее в мягкий, теплый, плотный, осязаемый кокон света.

Сейчас она замечает, что ее полупрозрачная одежда в этом свете кажется плотнее, скрывает больше, чем могла бы. Вспоминается- предупреждающие «колокольчики» звякнули, выдернув в Плешь почти из постели, причем не своей, а потому на ней- лишь ничего не скрывающая коротенькая ночнушка и еще более прозрачный, невесомый, длинный- до пола- пеньюар.

Тогда Роми немного разозлилась, подумала- ну почему в Плешь всегда затягивает из таких неподходящих условий? Но легкое раздражение исчезло, не успев оформиться. С ней заговорили, и голос заставил вздрогнуть.

Сейчас Роми думает, что в тот момент была похожа на вставшего с трона странного монарха. Босого, простоволосого... Сейчас она снова дрожит, но не переживая то самое непонятное чувство, а вспоминая, что будет потом. Через много удивительно длинных, тягучих дней.

— Я всегда считал, что Встречающие- бесполое, бесформенные существа... Я рад, что ошибся...

Перепад светотьмы не помешал разглядеть того, кто заговорил. Он тоже босиком, черные брюки закатаны почти до колен, будто он ходил по воде, когда перенесся сюда. Белая рубашка застегнута всего на пару пуговиц, рукава- тоже закатаны. Щурится, в отличие от нее, ему свет мешает...

Он делает шаг навстречу. Вверх, пока только на одну ступеньку. Она помнит- ему

интересно. Он думает, что умер, но любопытство берет верх над любой другой эмоцией, положенной в подобной ситуации.

Роми боковым зрением замечает тень позади себя.

— Покажи мне еще, — просит Мира. Ее голос звучит совсем рядом. Тихий, печальный, но ему невозможно не подчиниться.

Девчонка-доа здесь? Внутри ее памяти? Внутри этого странного видения? Обдумывать это сейчас нет ни сил, ни желания. Противиться тоже не выходит, хотя вспоминать не так легко.

— Он будет много расспрашивать, будет рассказывать сам, — поясняет Роми. — А потом- скажет, что раз это не жизнь после смерти, то хотел бы вернуться домой и обо всем забыть. Я решу, что он так и не понял ничего из того, что я объясняла. Или не поверил. Буду пробовать объяснить ему, что ничего не получится, что его сила будет вновь и вновь восстанавливать воспоминания, вновь и вновь выбрасывать его в Плешь. Сколько раз ни подправляй память. Но Алэй будет настаивать.

— Хорошо, — шепнула стоящая в центре зала Роми. Вскинула руки, сдаваясь. — Хорошо! Ты меня уговорил.

Алэй взял ее за руку. Потом- за вторую. Она не ждала этого, как не ждала и того, что он посмотрит ей в глаза, сожмет ладони.

Роми помнила этот взгляд. Ее будто обожгло. Он в тот момент был счастлив и смог поделиться чувством с ней. Она знала, что не имеет отношения к тому, что с ним творится, к этой вспышке внутри него. Но это не имело значения. Ничего не умея, никогда не пользовавшись даже бессознательно данной ему силой- окунул опешившую атради в теплые волны чего-то невероятного.

— А потом? — спрашивает голос Миры. — Что было дальше?

— Дальше? — Роми послушно продолжает показывать. Темный зал рассыпается звездным небом. — Дальше я могу с уверенностью назвать тот миг, когда впервые задумалась о смерти. Когда испугалась ее.

Тогда она наблюдала со стороны. Увидела, что Алэй действительно шагнул в Плешь с пляжа, узнала- что он упал в воду и мог бы захлебнуться, если бы отсутствие сознания заняло больше нескольких секунд реального времени. Хотела было выйти к нему, помочь, — и плевать, что близость атради гарантированно разбудит приглушенные воспоминания. Гарантировано не даст вернуться к оставленной жизни. Но он оказался не один. К нему спешили.

Роми осталась в надпространстве, так ее не замечали, она не тревожила биополе Алэя. Так она могла находиться рядом столько, сколько понадобится, чтобы убедиться, что с ним будет все в порядке.

— Алэй! Господи... ты... — Девушка, невысокая, хрупкая, похожая на подростка, вылетела на берег словно вихрь. Тут же плюхнулась на колени в воду, пытаясь помочь ему встать. Роми не думала, что та справится- Алэй намного крупнее, но вмешаться- проявить себя. Это не то, чего он бы хотел. — Куда тебя понесло! Мы же договаривались! Ты же обещал!

— Илара? — голос Алэя звучал глухо, растеряно. Роми знала, что сейчас происходит у него в голове- он ничего не помнит и не понимает. Пока. Ему кажется, что-то должно быть, что-то ускользает. Но ухватить чертову мысль за хвост не получается и не получится. — Что я... Где?..

— Ты сказал, что тебе нужен свежий воздух! Это разве воздух? Зачем ты пошел к воде? Илара что-то еще бормочет.

Роми помнит, она тогда перестала прислушиваться, вникать в слова. В тот момент решила, что подправленная память Алэя бунтует, рвется наружу, и поэтому он растерян, поэтому ему так тяжело встать, что он, опираясь на плечо расстроенной Илары, сначала садится в воде. Шумно дышит, переводит дыхание, и снова глубоко, медленно втягивает воздух. Будто пытается сдержать кашель.

Не сдержал, и Роми увидела кровь.

— Я сбежала. А потом долго не могла заснуть, — тихо сказала Роми невидимой Мире. Песчаный берег исчезает. Теперь они в Тмиоре.

Ночь. Совсем не такая, как вчера. Обе Луны спрятались за горизонтом. Так бывает крайне редко- ведь Большая слишком огромна, чтобы полностью исчезнуть с небосвода, но сейчас, разве что если долго присматриваться, можно разглядеть куций бочок над самой листвой.

Темно.

Роми сидит, обхватив колени руками, на не таком уж и широком парапете, на самой верхней террасе. Стоит пошатнуться, и можно весело спикировать вниз, переломать себе руки-ноги и потом долго и скучно зализывать раны. Ее трясет.

Она плохо разбирается в медицине- атради нет необходимости понимать биологические процессы в организмах людей. Но для того, чтобы понять, что все плохо, не нужно быть специалистом.

Роми пытается разобраться в собственных ощущениях, мыслях, навалившихся неожиданных эмоциях. Прячется за простой вопрос: как кто-то, кому отмеряно так мало, может отказаться от того, чтобы обмануть смерть? Но единственный результат всех размышлений- иррациональный страх не за себя.

— Я сказала всем, что последующие дни сама буду смотреть за Плешью. Возражающих не нашлось. Через три дня Алэй снова стоял передо мной. Он вспомнил все и опять попросил вернуть его домой. Я опять попыталась отговорить...

Они сидят на ступеньках, ведущих к пыльному трону. В центре все того же гигантского зала- Плешь так и будет представать в одном и том же виде.

— Ты была права.

— Я знала, что говорю. Ты силен.

— И от этого не избавиться?

— Предпочтешь смерть?

Алэй долго смотрит на нее. Будто спрашивает- что ей известно. Роми молчит в ответ. Она так и не сказала ему, что пошла следом, потому что тогда пришлось бы признаться, что сбежала. Что испугалась. Что никогда еще не верила в смерть так, как почему-то в тот день.

— Ты не понимаешь, Ромиль. Я- я- в любом случае умру. Будь ты Ангелом, Встречающей, Смертью во плоти или бессмертной из другого мира- это всего лишь семантика. Суть не меняется. Ты- вестник, что меняет жизнь. Одна заканчивается, другая начинается. Иная. Бесконечная. Что это как не смерть?

— Но ведь ты остаешься самим собой!

— Нет. Новым. Другим. Моя у меня будет только память. И вернуться к тому, что оставлю, к своей семье, своей жизни, я не смогу.

— Сможешь.

— Не стану, — Алэй покачал головой.

— Это другое дело...

— Но тем не менее- тоже смерть. И это больно. Больнее, чем по-настоящему... Для них.

Он не знает, что известно Роми, но видимо предполагает, что больше, чем она говорит. Роми же не спешит признаваться, что уже выяснила все об Иларе, девушке, на которой он женился чуть ли не сразу после школы. О его книгах, о брошенных увлечениях... Нет, конечно, не все, только факты, которые почему-то кажутся не главным- и подобные мысли тоже непривычны.

— Значит, лучше совсем ничего?

— Я этого не говорил. Ты дашь мне время?

— Ты не послушалась? Неужели, украла его у нее и приволокла на Тмиор? — осуждающие нотки в голосе Миры мигом превратили образ Алэя в разноцветное конфетти. — А потом повторила с Ллэром?

— Я не крада... Я не... Что? — мир, воссозданный из памяти, исчез. Роми снова сидела в комнате на пуфе рядом с девчонкой. Но ее частичка все еще была там, в воспоминаниях. На берегу и в Плеши. Все еще заново переживала то, что случилось века назад, все еще испытывала сбивающие с толку чувства, эмоции.

Она, действительно, не крада его. Того, что случилось, она никогда не хотела, не просила, не могла представить, что так будет. Не смогла отказаться. Не понимала- почему должна?

Ровная, тягучая, бесконечная, во всем устраивавшая жизнь встала на дыбы водопадом чувств. Захватила, захлестнула, перевернула, заставила утонуть и выплыть иной. Почему-то захотелось рассказать Мире больше. Поделиться остальным. Показать, почему когда-то возможность привести Ллэра показалась ей единственным выходом.

Чтобы вернуться теперь не понадобилось особых усилий. Роми посмотрела на девчонку и сама сделала шаг навстречу ее разуму, еще не зная, к чему все это приведет...

***

Поначалу Мира слышала только голоса. Остальное- всего лишь размытые силуэты в призрачной дымке, похожей на густой туман. Но сомнений не возникало- перед ней Роми и Алэй. В Плеши. В очередной раз.

— ... знаешь... Я был готов.

— Тебя не злило?

— Когда-то давно. Еще в школе, когда поставили диагноз, когда прошел отрицание и понял, что действительно рано умру, то да. Злило. Ох как злило... и подталкивало. Я мог... смог... Ты ведь сама знаешь!

— Знаю...

— А теперь- я даже хотел бы.

— Как можно хотеть такого?

— Усталость и боль. Постоянная усталость и постоянная боль. Будто живешь в коконе из иголок и надо ежесекундно напрягать все мышцы, чтоб не уколоться самому и не уколоть тех, кто рядом. Их- сложнее...

Этого слишком мало. Мира жаждала видеть, а не просто слышать. И вдруг, как на скале, что-то внутри проснулось, лишило воли. Подчинило. Не объясняя- зачем, научило- как.

— ... поделись, откройся...

— Не могу.

— Можешь!

— Не хочу.

Первый шаг сделан. За вторым Мира почти перестала дышать, понимая- увидеть будет уже недостаточно. Слишком мало. Картинки, слова не помогают разобраться, почувствовать... Необходимо стереть грань, суметь окунуться в чужие эмоции. И та, вторая, уже знакомая Мира внутри, знает, как это сделать. Хрупкая преграда исчезла, позволяя снова проникнуть глубже в воспоминания. Слиться с ними, будто она- Роми.

Она протягивает Алэю руку. Его ладонь теплая, сильная... Здесь, напоминает себе, только здесь.

Алэй ловит ее взгляд, улыбается. Она понимает, что он, действительно, не хочет. Мог бы или нет- не играет роли. Алэй не хочет, точнее- боится. Она самоуверенно начинает давить. Лишь на миг пробивается через барьер, прикасается к его ощущениям. Этого оказывается достаточно. На мгновение глохнет, слепнет...

— За...чем?... Я... — Роми начала задыхаться. Коктейль из острой, колючей боли, страха и желания все прекратить передался и Мире, но она не подумала остановиться. Даже когда удалось на миг захлопнуть дверцу в свою память, Мира надавила сильнее.

— Не сопротивляйся, так нам обоим будет только больнее, — тихо попросила Мира. — Покажи еще. Ты ведь хотела...

— ...останусь.

Роми кивает, потому что на слова сил нет, потому что если бы Алэй еще раз попросил вернуть его домой, вернуть его боли- она бы отказала и силой бы...

— Я ничего с Алэем не сделала. Мы... — прошептала Роми. — Мы сде... ла... ли друг с дру... гом... — последнее почти по слогам. — Не... дам... Нет...

Мира почувствовала, что Роми снова пытается вытолкнуть ее из своего сознания. Отчаянно и безуспешно.

...тихий звон, мягкое прикосновение смеха... в самое ухо. Смех отражается от стен, чтобы заблудиться под потолком.

Горячие лапки бегущих по коже мурашек. Горячее дыхание...

— Ничего подобного, Рэм!

— Рэм?

— Да. Мне хочется так... Могу? Рэм... Если нет, только скажи, и я больше не...

— Пусть! — Роми прижимает палец к его губам, заставив замолчать. — Пусть...

Замолчали оба. Ей тогда казалось- маленькую вечность. Смотрели друг другу в глаза. Потом Алэй мягко поцеловал этот самый палец. Едва-едва коснулся...

Мира опустилась на колени. Замерла, пристально глядя в растерянные голубые глаза Роми. И прежде, чем она успела пошевелиться, обхватила ее голову пальцами, сжала виски. В подушечки впились сотни острых шипов. Отчаянное сопротивление обожгло разум ледяным холодом, боль нарастала, пробегала волнами по всему телу, не давая дышать...

Мира была уверена- Роми чувствует тоже самое. Кажется, еще секунда, и они больше не смогут терпеть. Еще миг, и обе истошно заорут, рухнут на пол, корчась в судорогах и жадно хватая ртом воздух. Но что-то внутри сильнее даже невыносимой боли. Что-то заставило продолжать. Стиснуть зубы, проглотить рвущийся наружу крик. Выдержать, чтобы позволить почувствовать, увидеть, осознать... Чтобы одна смогла поделиться, вторая- принять. Потому что по-другому не рассказать.

Еще мгновение, и голубые глаза превратились в прозрачную прохладную воду, куда так

легко окунуться. Мира колебалась всего лишь мгновение, потом решилась. Шагнула, успевая заметить собственное отражение в маленьких черных зрачках, как будто в огромное зеркало посмотрела.

Грунтовая дорога делает крутой поворот и плавно поднимается на невысокий лысый холмик. Сразу за ним неожиданно заканчивается, и вместе с ней обрывается мир.

Трава, перетекающая в небо. Облака, похожие на вату. На такой высоте воздух должен быть тяжелый, ледяной, непригодный для легких, но нет, дышится легко, свободно. Вот бы везде так!

Чем-то похоже на дом, но совсем иначе. Здесь самое обычное солнце, самый обычный мир. И самый необычный- тоже.

Вдалеке, словно остров, сквозь бело-синее море, залитое красными пятнами садящегося солнца, виднеется такая же горбатая плоскость- может быть, там еще один город, им не довелось проверить. Мира ловит то, что знает Роми: атради не могут просто взять и перенестись на другой край. Чтобы оказаться там, пришлось бы сначала долго спускаться в Низины, потом топтать по неизведанной местности. Непонятно почему на Аланте их способности практически не работают. Только войти и выйти. И только через Плешь. Зато местные могут многое. И живут так долго! Можно даже позабыть, что у тебя впереди в сотни раз больше времени.

Роми нашла это место. Она виновата в том, что скоро произойдет. Скоро- по ее, их, меркам. На самом деле пройдет больше нескольких сотен лет. Но сейчас они впервые здесь. И никогда еще понятие «край деревни» не было столь буквальным.

Роми садится ложится на мягкую траву, смотрит в пропасть, водит рукой по гладкой, отвесной скале.

— Всё ускользает, — Алэй сидит на обрыве, окунув в облака, как в воду, ноги.

Она переворачивается на спину:

— Всё?

— Мир. Реальность. Память. Ощущения. Ускользают от меня, Рэм. Сквозь пальцы. Всё-как вот эти облака. Они же есть. И в то же время их нет. Они не в состоянии задержать, они не могут дать опору... Ты тоже облако.

— Я не смогла стать опорой?

— Ты замечала, что очень любишь переспрашивать? — он тихо смеется. — Не надо, не отвечай на это. Ты стала большим. Шансом. Частью... нет. Всем- мной. Как бы... банально и упрощенно это ни звучало. Все эти тридцать два года я дышал, потому что дышала ты...

— Тридцать три. Почти.

— Три? Пусть три... Как же я давно не был дома... — он опять смотрит на облака. — Если я умру, я окажусь там? Если прыгну сейчас вниз? Разобьюсь? Не говори... Ничего не говори. Я схожу с ума, Рэм. Безумных атради у вас еще не было?

— Хватало. Это тоже проходит.

— Вот видишь. Даже это!

— Алэ, ты не безумен и никогда не был!

— Нет. Конечно, нет, — он снова смеется. — Я всего лишь путаю вчера и завтра. Потому что завтра будет как вчера.

— Ты жалеешь?

Она садится.

— Жалею? — Алэй вмиг оказывается рядом, берет ее руки в свои, сжимает, потом

выпускает, чтобы тут же обхватить ладонями ее лицо. Поцеловать. Провести по щекам, убрать падающие на лоб рыжие пряди. Зашептать:- Жалею? Нет! Никогда... ни за что... Но ты тоже ускользаешь. Я так не хочу, так боюсь этого... Ты быстрая. Такая быстрая... А я нет. Я все еще тот человек, которого ты встретила в Плещи. Пытаюсь поймать луч солнца...

Роми тоже касается его лица. Кончиками пальцев водит по щекам. Он грустно улыбается, прерывается, чтобы поймать губами ее ладошку:

— Помнишь, тогда, в море Истока? Помнишь- быстрее ветра? Мне иногда кажется, что я все еще там. Все еще бегу за тобой... Или это ты за мной?.. А все это- иллюзия. Образ Предположение. Возможное будущее. Мечта умирающего мозга. Что вот я тебя догоню, мы снова упадем в воду, Море примет нас- и потом все будет иначе. Все пойдет иначе... До поры до времени. А потом- я снова все потеряю, и снова буду... проживать по кругу тысячу жизней. И никогда не проснусь.

— А если я смогу изменить? — вырывается у Роми. Мира откуда-то знает, что она не собиралась ему этого говорить. Что еще не время, слишком рано. Что не готова к этому разговору. Алэй отстраняется, щурится и в этот момент как никогда похож с Ллэром. Роми всё говорит и говорит, сбиваясь, кажется, даже теряясь под его взглядом:- А если завтра станет другим?.. Ты был... ты сделал кое-что, что никогда до тебя... Ты не исчез... У тебя есть семья, понимаешь? Другая семья. Не мы.

Мозаика складывается. Ллэру было двадцать девять, когда Роми явилась к нему. И три года ушло на то, чтоб превратиться в атради. Для тех двоих на обрыве прошло почти тридцать три года...

— У тебя есть сын.

Картинка опрокидывается. Мира-Роми замирает. Каждая клеточка тела ноет, кровь в венах беснуется, снова готова взорваться.

Именно в этот момент Плещь наконец пропускает Ллэра. Он выглядит моложе, намного- сейчас он лишь на несколько лет старше ее самой, хотя лицо- то же. Наверное, это глаза. Такие же серые, ухмыляющиеся, почти родные. Только в них еще нет долгой жизни.

— Черт. Это и есть Плещь? — темный зал его не устраивает. — Как это все изменить?

Ответа Ллэр не ждет. Место начинает преображаться. Исчезает пыль, расползаются гобелены, покрывается трещинами потолок. Бьет из всех щелей свет.

Алэй встает, молча протягивает руку Роми, помогая подняться и ей, прежде чем все окончательно изменится. Прежде чем исчезнут привычные ступеньки, ведущие к трону, да и сам трон, прежде чем станет светло, как днем. Отпускает. Делает несколько шагов вперед. Внешнее сходство с Ллэром остается таким же невероятным. Сейчас, когда они стоят друг напротив друга, кажется, что один- отражение другого. Только Алэй чуть выше, и волосы у него светлее.

Роми неподвижной статуей остается в стороне.

— Ты тоже атради...

— Сильные гены.

— Ты- атради, — повторяет Алэй. Он растерян и, кажется, еще немного... испуган? Его чувства Мире недоступны. — У тебя её глаза. И волосы. Но ты- атради...

— Это плохо? — Ллэр ухмыляется. Уже тогда почти совсем так, как сейчас.

— Плохо? Нет... Неожиданно. И очень... странно. Действительно, завтра будет другим.

Привет.

Она испугалась. Отшатнулась. Не буквально- физически ни она, ни Роми даже не

пошевелились. Но откуда-то появился страх. Колочий, отрезвляющий, оказавшийся сильнее глупого любопытства.

Мире удалось заблокировать сознание, отстраниться, и бьющий в глаза свет в Плещи Ллэра сменился темнотой. В пальцы снова впились острые невидимые иголки, опять стало трудно дышать. Нестерпимая боль накатила волной, сбив с ног. А потом что-то произошло быстро, почти молниеносно. Она даже не успела понять, что именно и как... Только вдруг осознала, что больше не держит руки на висках Роми, не стоит перед ней на коленях, а находится совсем в другом месте, и сжатые в кулаки пальцы упрутся в жесткие диванные подушки.

Вместо Роми перед ней уже знакомый молодой человек. Отец Ллэра.

Комната точно так же, как и в прошлый раз, тонула в полумраке. Единственный широкий луч пробивался из-под приподнятой шторы и падал на толстую книгу, что лежала возле подушки. Алэй, видимо, как раз перебирался в эркер, потому что одна рука все еще лежала на подлокотнике коляски, да так и замер, удивленно уставившись на нее.

— Могу чем-то помочь?

— Не зна...ю... — Мира с шумом втянула воздух, выдохнула. Медленно выпрямилась, не сводя взгляда с Алэя. Дышать стало легче, но мыслить яснее не получалось. — Ты меня вытащил... сюда?..

— Я даже не знаю, кто ты, — он покачал головой. Вполне ловко завершил свое перемещение, подтянув ноги руками. Устроился на подушках, книжку сунул в углубление-полку под подоконником. — Садись, что ли...

Мира осталась стоять. Кое-как удалось собрать мысли в кучу. Вспомнилось, как впервые оказалась на Тмиоре. Интересно, почему Ллэр соврал, сообщив о давно умерших родителях. Наверное, не предполагал, что упомянутое в шутку знакомство состоится так быстро и при таких обстоятельствах. Или не считает Алэя отцом. А может, тогда так было проще, и он просто не захотел пускаться в пространственные объяснения о своей жизни.

— В общем-то... я тоже не совсем знаю, кто я, — усмехнулась она. — Но хотя бы знаю, кто ты. Мы ведь уже встречались... Здесь, в этой комнате... Не так дав... — Мира осеклась.

Пожалуй, самое удивительное заключалось в том, что в привычном понимании между их первой встречей и ее неожиданным появлением сейчас прошло чуть больше суток, но разница между той Мирой и нынешней в собственных ощущениях- гигантская. Ллэр прав. Она на самом деле ничего не понимала и не знала тогда. Совсем ничего. Да и теперь вряд ли больше. Вот только после всего, что случилось за последние несколько часов, что выудила из памяти Роми, что увидела, почувствовала там- в воспоминаниях, Алэй казался не просто старым хорошим знакомым, а кем-то гораздо ближе. Как будто их двоих объединяла общая тайна. И не только это... А все, что он, наверное, знает и помнит- грязную полуголую грубиянку, которую без разрешения привел к нему в дом Ллэр, когда принес Роми.

Алэй улыбнулся.

— Значит, одним вопросом меньше. Слушай, ты все-таки присаживайся, а? Если мне придется все время запрокидывать голову, то разболится шея, и испортится настроение. Если ты знаешь, кто я, то, наверное, знаешь, что со мной, говорят, непросто.

Мира машинально присела на колени и зависла в воздухе, оказавшись на одном уровне с Алэем.

— «Непросто»- это почти эпидемия, — с улыбкой проговорила она. Если не задумываться, как именно получалось все это вытворять, а просто принять, как данность, то

можно не бояться ни себя, ни того, что случится дальше.

— И тебе так удобно?

— Вполне, — хмыкнула Мира. Действительно, так было удобно и даже не странно. Она вдруг четко осознала, что границы необычного в ее жизни сместились на несколько тысяч световых лет. И раз уж неожиданно пришлось нарушить покой отца Ллэра, чей возраст измеряется отнюдь не десятилетиями, но при этом он выглядит даже моложе сына, то общаться следует именно так — повиснув в воздухе. Она с ухмылкой тряхнула головой, опуская взгляд, но через секунду опять подняла глаза на Алэя. — Ну что? Мне снова начинать готовиться к худшему?

— К худшему вряд ли можно по-настоящему подготовиться, — он все так же улыбался. — Но я честно обещаю постараться хорошо себя вести.

— Ладно, но за себя все равно не ручаюсь.

— Как тебя зовут?

— Мира. Есть какие-нибудь предположения, почему я здесь тебе сейчас мешаю?

— Хотела спросить что-то, о чем не расскажут другие. Или Ллэр спихнул на меня классические объяснения.

— В моем случае одних классических объяснений уже не хватит, а не классические как раз выясняют... — задумчиво пробормотала она.

— Тогда... — Алэй прищурился, пожал плечами, и Мира в который раз удивилась, насколько они с Ллэром похожи в один момент и насколько отличаются в другой. — Они все тебя достали, и ты решила, что здесь тебя не станут искать.

Мира улыбнулась.

— Вот последнее похоже на правду, но на самом деле все несколько сложнее. Я попала к тебе от Роми.

— Тогда я слушаю. И... ты мне не мешаешь.

— Наверное, что-то в ее памяти швырнуло меня сюда...

— Она впустила тебя в свою память? Зачем?

— Она... Я... — Мира испуганно замолчала. Не говорить же, что только что научилась проникать в воспоминания атради. Вряд ли на такое сообщение Алэй продолжит дружелюбно улыбаться. Пусть влезать в его голову и проверять на деле, чем может закончиться противостояние, она вовсе не собирается. Но... Лезть к Роми тоже не собиралась. К тому же, прекрасно помнила, что случилось в последний раз, когда ее вот так вот необъяснимо перекинуло с места на место. Мира напряглась. Настороженно огляделась. — Я могу нечаянно убить. И вообще я... непредсказуемо опасна... Наверное, и для тебя тоже.

— Каким образом? Прикончишь меня? Навяжешь свою волю? Поверь...

— Я не пугаю... — перебила она. — Просто сама не знаю, ни кто я теперь, ни на что способна, ни как это контролировать! Поэтому мне лучше убраться. Подальше отсюда... Пока ничего такого не случилось.

— Тебе лучше расслабиться, — Алэй хмыкнул. — Садись.

— Ладно, — Мира вздохнула. Моментально оказалась на кровати рядом с ним. Пытаться понять, как это произошло, даже не стала. Просто уселась с противоположного края, поджав под себя ноги. — Тогда давай попробуем сначала, — она приветливо улыбнулась. — Я- Мира, это ты уже знаешь. Я прекрасно... — не договорила. Ухмыльнулась, вспомнив про больницу и Таль. — Ну не совсем прекрасно, но как-то себе жила в

Актарионе. Ничего такого, как теперь, не умела. Хотя не отказалась бы уметь. И сейчас не отказываюсь, хотя уметь все равно не должна. По идее... А потом Роми, с которой познакомилась в Плеши, чуть не погибла. Косвенно тоже, наверное, из-за меня, потому что... Не знаю, почему. Мне так кажется, — Мира пожалала плечами. — В общем, случилось еще много чего. Тебе это вряд ли интересно. Но дело даже не в этом. Не только в этом... Меня такой, какая есть, быть не может и не должно. И я бы умерла, если бы не вмешался Ллэр и не спас. Только это не совсем то, как ты стал атради, — уже тише добавила она, встречаясь с ним взглядом. — И не как твой сын...

Алэй нахмурился, посмотрел на свои руки. Сцепил тонкие пальцы в замок.

— Не называй его так, хорошо?

— Как его называть- не столь важно. Это всего лишь семантика, — Мира непроизвольно скопировала голос и интонацию Алэя из воспоминаний Роми.

Кажется, на миг равнодушное дружелюбие удалось пробить. Он удивленно вскинул брови.

— Здорово. Ты действительно... что-то новое. Встряхиваешь застоявшийся мир?

— Что-то типа того. Но пока что за всех атради отдувается только Роми и... Ллэр. Теперь вот еще ты.

— Эль заварил эту кашу?

— Эль- это Ллэр? — догадалась Мира. — Не знаю... Но меня хотя бы успел снять с огня, пока не пригорела.

— Держу пари, — Алэй усмехнулся. — Он мог снять тебя с огня намного раньше и исключить возможность пригорания.

— Мог, наверное... Но так ему было бы не интересно. И это был бы не Ллэр, — Мира хмуро взглянула на него. Влезать в их дела хотелось еще меньше, чем к ним в головы. Увиденное и рассказанное и так складывалось в довольно «милую» картинку явно непростых отношений всей троицы, помноженных на века. Да так, что кто там кого любит, кому изменил, кого предал, и как все это происходило на самом деле, особой роли для нее не играло. Зато прекрасно многое объясняло. Вывод напрашивался сам собой: ей во что бы то ни стало необходимо держаться подальше. В противном случае нечаянное вмешательство чревато последствиями для всех, и для нее самой в первую очередь. И понимая это, все равно продолжала лезть:- Знаешь, слушая вас, мне начинает казаться, что вообще во всем всегда виноват именно Ллэр. А я лично так не считаю.

— Ллэр много в чем виноват. И я тоже. И Роми.

— Вот она-то точно кое в чем виновата, — вырвалось у Миры.

Алэй некоторое время молчал, пристально смотрел на нее, может быть, пытался прочитать мысли. Если и так, она никакого вмешательства не чувствовала. Хотя почему-то казалось, что должна. Ведь её собственные манипуляции неизменно сопровождались болевыми эффектами.

— Я никак не пойму, что же тебе на самом деле известно... — пробормотал Алэй.

— Это разве имеет значение? — удивилась Мира.

— Наверное, да. Раз я об этом думаю.

— Ну да, конечно... С самомнением у вас у всех все в полном порядке, — опять не удержалась она. — Вам бы вместо всех этих ваших поваров и уборщиков хорошего психоаналитика каждому и пожизненно.

— Проще нас всех прихлопнуть. Сделаешь, опасная? — Алэй тихо рассмеялся. — Нс

если серьезно, ты права, особенно, если учесть, что повара- это так, дань отказывающейся сдохнуть привычке.

— Идея вас прихлопнуть мне лично нравится больше. Не всех, конечно. Но так гораздо быстрее и надежней, чем возня с психоаналитиком, — улыбнулась Мира. — А начинать надо с таких, как Роми. Со Смотрителей, чтобы не смогли больше никого притащить с собой в Тмиор. Жаль, что они-то как раз умирать не захотят...

— Мало кто захочет. Ты знаешь, что им никто никогда не говорил «нет»?

— Догадываюсь, — кивнула она, сразу подумав об Адане. Интересно, согласился бы Адан, предложи ему Роми такое безумие? Вполне возможно, что да.

Алэй усмехнулся.

— Ты никак не можешь решить, нужна ли вечность тебе?

— Не нужна, — уверенно ответила Мира. — Хотя мне ее никто не предлагал, но если бы предложил, я бы все равно отказалась. И не передумала бы потом, как ты. Но я не осуждаю, просто... — она только сейчас, неожиданно для себя, осознала, что безоговорочно встала на сторону Ллэра. Что бы он ни сделал в прошлом, как бы ни поступил в будущем... Разум бесполезно надрывается, напоминая- ей следует держаться от Ллэра как можно дальше. Не искать заочных оправданий любым его поступкам. Не пытаться принять, как есть. Уйти, не лезть, исчезнуть, забыть. Она все равно не слушает. — Твое право выбирать то, что считал лучшим для себя. Влюбившись в Роми, ты никого не предавал, даже Илару. Только жаль, что, согласившись стать атради, ты все усложнил. Так или иначе втянул еще и его. Позволил Роми втянуть... Это исправить уже нельзя. Вы оба наказаны теперь вечностью, оба мучаетесь. А Роми... — зло бросила Мира. — Такие, как она... Смотрители... живут дальше, находят себе новые игрушки в Плещи, с упоением калечат какого-нибудь одаренного смертного, превращая в вечного.

Алэй ответил не сразу.

— Ты очень злишься на нее... Очень. Не нужно. Роми... Илара и я... мы были знакомы с детства. Почти не знали жизни друг без друга. Это не значит, что не представляли. Я уверен, что в последние месяцы она, коря себя и мучаясь угрызениями совести, желала избавиться от персонального ада под названием брак. Потому что я... — он покачал головой. — «Передумал» звучит так, будто я сидел и взвешивал все «за» и «против». Все было проще. Все произошло мгновенно и внезапно. Я вдруг захотел жить. Захотел дышать, захотел свободы, захотел ее... Быть с ней, узнать... Роми... Не знаю, сможешь ли ты это понять. Я не мог бы поступить иначе. Не смог бы вернуться домой и позволить болезни по-настоящему закончить свое дело. Тогда бы я предал себя. И за все это время... никогда, ни разу я не чувствовал себя игрушкой. Всякое бывало, но не это. И никогда не сожалел. Мое последнее желание и попытка все прекратить, оно было взвешенное, спокойное. Я устал и... Это казалось удачной мыслью. Смерть представлялась долгожданным отдыхом после многих лет бессонницы, — Алэй усмехнулся. — Может быть, я снова сходил с ума. Так ведь уже было. В прошлый раз Роми нашла единственного во всех мирах человека, который смог удержать меня на краю. Считаешь, я эгоистичным образом втянул собственного сына в то, к чему сам оказался не так уж готов? Позволил сделать с ним то, чего ни в коем случае стоило допускать? Едва не разрушил его личность, лишил его возможности иметь нормальную, человеческую жизнь, семью, детей? Не потрудился узнать его, понять его, прежде чем давать ему ненужную вечность?..

Он говорил так, будто сам неоднократно задавал себе все эти вопросы. Сам прошел

через ответ на все- «да», чтобы потом понять, что все-таки правильным будет «нет».

— Я... ничего не считаю... про вас... — Мира замялась. Рассуждать о Ллэре было трудно. Особенно, о прошлом. Как могло бы быть, как было бы лучше... Он сам сказал- выбор был добровольный, и долгое время Ллэр наслаждался своей новой вечной жизнью. А она... Кто она в этой бесконечной смене похожих друг на друга дней атради? Песчинка, миг, пустота. Думать об этом- больно. Не говорить, не задумываться, не напоминать себе- проще. Тогда можно пытаться ухватиться за хрупкую иллюзию мимолетного настоящего. — Вечность противоестественна, — Мира вскинула голову:- Ее быть не должно.

— Ты говоришь прямо, как он, — Алэй хмыкнул.

— Это плохо?

— Нет, ни в коем случае. Почему это должно быть плохо?

— Потому что ты его не... — Мира замолчала. Почему-то обычное «не любишь» показалось неуместным. А нужное, правильное слово никак не находилось. — Вы не похожи на отца и сына. В моем представлении. Это не плохо, — поспешно добавила она. Улыбнулась, подтягивая согнутые в коленях ноги к груди. — Наверное, у вас, атради, не может быть по-другому. Нельзя вечно любить. Даже собственного сына.

— Можно, — он сцепил руки в замок, закинул за голову, уставился в потолок. Помолчал, словно сомневаясь в своих словах или подбирая подходящие. — Можно... Несмотря ни на что. Только все, действительно, по-другому. Вечность видоизменяет некоторые понятия. Грани многого стираются. Биологическая разница несущественна. Я не делал ничего из того, что положено отцу. Я никогда им не был. Зато мы натворили достаточно, чтобы угробить хорошее отношение друг к другу, и это уже вряд ли интересно тебе. Но все-таки... твое первое недосказанное «не»- ошибочно.

— Пусть... Вы все равно не похожи на семью. Вообще, на людей. Наверное, все ваши чувства, отношения, восприятие давно атрофировались. Вы не способны любить. А те, кто умел, давно разучился. Вы... Вы... — она почувствовала прилив неожиданной ярости. Беспричинной, потому что Алэй ничего плохого ей не сделал. И уж точно не виноват в том, что существуют атради. Что Ллэр ее спас, что стал ближе, чем должен, но оказался вечным, недоступным. Что она для него была и будет только морской свинкой. — Вы, как заевший диск- снова, снова, снова... Движетесь не вперед, а по кругу. Бессмысленно. Но это не самое страшное. Вы ведь и других втягиваете в это. Таких, как мы! И используете, а потом бросаете умирать и забываете. Продолжаете дальше, находите новых, все снова повторяется. И будет повторяться всегда! Как этот ваш Маррен! Вы не осознаете, как это ужасно! Вы... Вас... — Мира вдруг поняла, что злится на себя. Только на себя, потому что не готова смириться, потому что лезет туда, куда не стоит соваться. Зачем-то ищет оправдания, хотя знает, что никогда не согласится стать ничего не значащим мигом. — Знаешь, вас всех нужно запереть в Тмиоре, как в клетке и... — Мира осеклась. Успела заменить едва не сорвавшееся с губ «уничтожить» на другое, — не выпускать отсюда никогда.

— Ты права, — тихо сказал Алэй. — Почти во всем- права. Мы, как заевший диск. Мы не похожи на семью. У нас нет и не может быть цели. Мы не способны идти вперед, потому что впереди нет ничего, что не встречалось бы раньше. Мы связываем свое существование с другими, чья жизнь- песчинка. Уходим, оставляя их умирать. Или остаемся до конца, чтобы уйти после. Но сути это не меняет. Мы- уходим. Их будут сотни, может быть, тысячи, больше... Просто знакомых, близких друзей, временных союзников, случайных встречных... Всех не запомнишь. Даже не так- почти всех рано или поздно забудешь. Нас надо запереть в

герметической комнате и выкачать оттуда воздух... Впрочем, думаю наши тела найдут выход. Адаптируются. Даже в самой безнадежной ситуации. Я пробовал... Я понимаю, — он вдруг резко замолчал. Пристально посмотрел Мире в глаза. — Всё. До конца. Понимаю. Это очень глубокий и очень черный колодец. Но на дне ждет не смерть, а осознание другого- если бы все случилось снова, даже зная финал- я все равно поступил бы так же. И Ллэр тоже.

Да, Ллэр тоже. Мира не сомневалась.

Но выход есть. Их всех надо уничтожить- она все-таки сумела сказать это, пусть и не произнесла вслух. Только мысленно. Себе. Этого оказалось достаточно, чтобы понять- она не просто готова, она хочет это сделать. Может. Чтобы научить всех атради ценить каждый миг, каждую долю секунды. Чтобы заставить поверить- конец существует. И что бы ни говорил Алэй, он заслуживает смерти. Настоящей. И Ллэр тоже.

Мира резко вскинула руки, направила заструившийся из раскрытых ладоней фиолетовый свет прямо на Алэя. Зажмурилась, не желая видеть и запоминать последний взгляд, когда он все поймет.

И в этот момент притихшая внутри вторая Мира вдруг проснулась, напомнила о себе раздрающим вены противоречием- она явно не разделяла намерений убивать. Мира оцепенела, каждой клеточкой ощутив знакомое, покалывающее в крови сопротивление. Казалось, целую вечность пыталась подчинить вторую себе, пока не сдалась- незнакомка внутри опять оказалась сильнее, опять знала, как. Только не учила, а делала вместо нее.

Мира открыла глаза. Плотная занавеска жалко повисла на кончике, в распахнутое настежь окно проник солнечный свет. Лизнул горячим языком ладони, отразился, окутывая Алэя в оранжевый, блестящий кокон. Неподвижное тело медленно приподнялось над кроватью и так и застыло без движения. Она вдохнула, задерживая дыхание. Подчинилась, полностью отдаваясь во власть второй. Поняла, что должна делать, и когда остановиться. В полной тишине опустила руки, посмотрела на Алэя- он уже не парил в воздухе, а неподвижно стоял напротив. Тело больше не светилось, огненные искрящиеся лучи исчезли.

— Как?.. — голос принадлежал не ему и прозвучал подобно взрыву. — Что?..

Мира оглянулась. Наверное, Роми явилась, когда её разделившееся сознание было обеими своими ипостасями не здесь. И наконец-то рыжая бестия смогла удивиться. Даже не сразу нашла способ это выразить: в округлившись глазах плескалось изумление пополам с чем-то еще, непонятным. Снова страхом?

Что-то с грохотом возвестило о своем падении, и Мира снова повернулась к Алэю. Он покачнулся. Вцепился рукой в спинку коляски, но на ногах устоял. Роми в миг оказалась рядом, подставила ему свое плечо.

— Ты... Алэ... Как... Что она?..

— Все в порядке.

— Черта с два, — Роми не слушала. Выглядела встревоженной, испуганной. Тараторила невнятно и растеряно. То бросала взгляд на Миру, то снова ловила глазами глаза Алэя. Роми была сама на себя не похожа. — Черта с два... Сядешь?..

— Рэм! — Алэй чуть повысил голос, но не помогло.

— ...нет? Мира?! — теперь Роми глядела вновь на неё.

Она с удивлением обнаружила, что стоит рядом с кроватью. Не смогла удержаться на ослабевших ногах и почти рухнула на пол, нелепо цепляясь за покрывало.

— Успокойся, с ним все будет в порядке... — выдохнула Мира.

— Я спокойна. Я...

— Ага, — просто сказал Алэй, и Роми замолчала. — Нет, все-таки сесть- хорошая мысль, помощи, — уже сидя на краю кровати, он несколько раз осторожно распрямил и снова согнул ноги в коленях. — Отвык, больно... Только не надо и это лечить, — улыбаясь, посмотрел на Миру. — Похоже, ты тоже не очень-то веришь в смерть, как выход...

— Верю, но... сложно...

Алэй покачал головой.

— Когда веры достаточно- нет. Умереть на самом деле легко.

— И эгоистичнее, — буркнула Роми.

— Возможно, только... убить... сложнее, чем умереть... оказалось, — с трудом, очень тихо, почти шепотом, проговорила Мира. Закашлялась.

— Кто кого собрался убить? — Роми смотрела на неё сверху вниз.

— Я... его... — еле слышно ответила она. Кашель усилился- грудь будто сжали в тиски и проткнули раскаленным железом. Вдох казался невозможным, но Мира все-таки сделала над собой усилие. Вздохнула, сипло хватая ртом воздух. Опять закашлялась- на этот раз сильнее. Отняла от губ ладонь и ужаснулась- перед слезящимися глазами заплесали алые пятна крови.

Ей показалось, что вновь повисла невероятная, тяжелая тишина. Потом Алэй медленно, словно через силу, спросил:

— Ты что натворила?

— Это вирус... Так... — она сглотнула. — Так уже было... Там... Дома...

Так было- Мира помнила. Слабость, неожиданные головокружения, холодный пот крупными каплями на лбу. Потом кашель. И кровь...

В первый раз она испугалась. Потом сумела убедить себя, что все ерунда. Обычная простуда, пройдет... И, действительно, прошло- не надолго. Кашель и слабость вернулись. В итоге оказалась в больнице, где очнувшись в белоснежной палате, увидела над собой синие счастливые глаза и довольную улыбку.

— Все будет хорошо, — пообещала тогда Таль.

Мира прикусила губу. «Все будет хорошо» оказалось ложью. Адан прав- она смертельно больна. Она умрет. Умирает. Сейчас и здесь. На глазах у опешивших вечных, которые продолжат жить и совсем скоро забудут о ней навсегда. Может быть, расскажут Ллэру. А он вряд ли расстроится. И тоже обязательно забудет. Или нет, но его жалость- слишком мало.

Мира попыталась встать- на удивление получилось. Цепляясь за кровать, удалось удержаться на ногах, медленно выпрямиться, посмотреть Роми в лицо.

— Мне лучше уйти... — прошептала Мира.

***

За гигантским, почти во всю стену- от пола до потолка, окном царило самое настоящее буйство красок. Рыжее небо, розовые кроны огромных деревьев, бурые низкие тучи- безумная, потрясающе разнообразная палитра заката в Актарионе. Со своего места Адан мог видеть даже уползающее за горизонт голубое солнце. Яркое, блестящее, оно совершенно не слепило глаза. Почему-то казалось холодным, хотя скудных познаний в физике хватало, чтобы понимать: температура на поверхности превышает в несколько тысяч раз раскаленное светило Бэара.

В Миере начинался вечер, дома совсем скоро наступит утро. И следовало возвращаться в свою квартиру, чтобы хотя бы принять душ и переодеться, а затем отправляться в офис и пробовать наконец соединить в одно целое нового себя и привычный уклад. Но Адан не

спешил. Никогда не отличавшийся терпением, сейчас выжидал.

Бросаться в Бэар, так и не поняв, в кого превратился сам, кем теперь считать Миру, а самое главное- кто и почему настойчиво желает прервать их брренное существование, не собирался. А еще боялся. Сильно. И даже не пытался это скрыть. На смену беспечности пришла осторожность. Страх, словно крошечный осколок, незаметно проник внутрь и острой ноющей болью отдавался в сердце, не позволяя окунуться в манящий омут новых возможностей. Напоминал, что теперь, как никогда, нужно опасаться собственных желаний, постоянно прислушиваться к себе, контролировать каждый шаг, каждое движение, каждую мысль.

Адан вдруг четко осознал- невероятные события последних двух суток навсегда изменили привычную жизнь и его самого, пусть он, как выяснилось, никогда не был обычным человеком. И если бы не Таль, ничего бы не случилось. Не было бы ни Миры, ни Плеша, ни Роми, ни аварии, ни скалы, ни настоящей луны доа, ни Тмиора. Всем этим он обязан именно ей. Плохим, хорошим- уже и не отличишь. Все смешалось, закрутилось... Гнев, восхищение, влечение, недоверие и даже страх стали одним целым. А Таль не уставала удивлять. От ее сумасшедшей одержимости не осталось и следа, перед ним предстала совсем другая женщина- серьезная, целеустремленная. Ни намека на навязчивую пустышку, от которой не знал, куда деваться в Бэаре.

Ллэр, сидевший напротив, внимательно изучал принесенные Таль бумаги. Адан покосился на приготовленную для него стопку, нахмурился. Первичный сравнительный анализ крови мало в чем помог разобраться и почти ничего не объяснил. По крайней мере, ему. Все, что вынес из лекции бывшей подружки- теперь, побывав в Плеша и вообразив в себя энергию лун Тмиора и Бэара, он завершил необходимые метаморфозы и стал полноценным представителем древней расы- доа. Не такой, как атради- не вечный, вполне уязвимый, хотя с особой кровью суждено прожить гораздо дольше, чем если бы остался с так и нераскрытым потенциалом. В остальном похож на обычного человека. «Необычность» придется регулярно подпитывать ультрафиолетовыми лучами луны Бэара или Тмиора, а также «заправляться» энергией от других светил.

Адан еще раз огляделся, недовольно поморщился.

Небольшая комната, где их с Ллэром оставили дожидаться новых данных, не понравилась с первого взгляда. Здесь, как и везде в Институте Крови, использовался какой-то особый вид солярной энергии, от соприкосновения с которой вены не зудели так, как в доме у Таль и в собственной квартире. Только это не меняло общего впечатления- слишком много пластика и стекла вокруг, чересчур вычурно, броско. После огромного зала- еще и тесно.

Прямо над ними нависал невысокий потолок ярко-красного цвета. На длинных черных шнурах болтались грязно-белые шары. Видимо, лампы, хотя совершенно не похожие на обычные светодиоды. Прямо на молочные стены чья-то неумная фантазия в виде украшения наклеила рельефные спирали в той же цветовой гамме: пронзительно белые и невыносимо красные.

Под ногами- такой же ярко-красный пол. Гладкий, блестящий, почти зеркальный, вдобавок разрисованный белыми тонкими кольцами, глядя на которые начинала кружиться голова. В самом центре, на маленьком, не больше полутора метров в диаметре, островке ютились круглый столик из черного стекла и три несуразных кресла в тон свисающим шарам.

Таль подозрительно долго не возвращалась. От этого еще сильнее охватывало беспокойство. Никак не покидало ощущение, что за ними внимательно наблюдают несколько десятков глаз. Адан усмехнулся. Ну еще бы. Такой лакомый кусочек для генных извращенцев Актариона- доа и атради, целые и невредимые. Пока.

— Думаешь, стоит доверять Таль? — громко спросил Адан. Пусть знают, что сомневается и задумывается, а не слепо бредет в расставленные сети. Пусть в конечном итоге это ничего и не меняет.

Ллэр поднял глаза от бумаг.

— Думаю, если бы она не была нам нужна... — он прищурился. — Ты бы не захотел узнать, что я думаю, — ухмыльнулся. — Шучу. Не смешно. Таль- гений, без преувеличения. Гениям не стоит доверять, они эгоисты до мозга костей.

— Согласен, — Адан усмехнулся. — Так и вижу, как этот гений с группой единомышленников мешает сейчас нашу кровушку, а потом бестелесные ребятки со скалы покажутся нам всем детской забавой.

— Призовет кару Вселенной на наши головы? — Ллэр хмыкнул. — Будем надеяться, что Таль не настолько гений...

Адан молча кивнул, отвернулся к окну.

Просто надеяться слишком мало, но вступать в дискусию о возможных вариантах развития событий при невидимых свидетелях не хотелось. И так понятно- Таль будет помогать ровно столько, сколько ей необходимо для собственных исследований. Пока она заинтересована в крови доа, можно пытаться манипулировать ее действиями, хотя никаких гарантий все равно никто не даст. Даже на Ллэра и Роми рассчитывать не приходится. Каждый сам за себя.

Но оставалась Мира- на первый взгляд единственное связующее звено между ними. И очень непредсказуемое для всех, как оказалось. Если, конечно, Таль не врет, утверждая, что понятия не имеет, во что могла превратиться Мира.

Прежнее беспокойство за девочку снова напомнило о себе. Может, для других она и правда всего лишь ценный генетический материал, но для него почти родная теперь. Как сестра, которой никогда не было. Все-таки зря отпустил ее с Роми... Кто знает, что творится сейчас на Тмиоре. Ни за одну из них Адан ручаться бы не стал, и еще неизвестно, какие метаморфозы с обеими могли произойти за то время, что они с Ллэром торчат в Миере.

— Я, наверное, сметаюсь к вам... в Замок. Найду Миру. Хочу убедиться, что всё в порядке. От меня пока здесь всё равно толку мало. Потом верну... — он не договорил. Сильный спазм неожиданно сдавил горло.

— Адан? — Ллэр тут же бросил листы на стол. Будто сам что-то почувствовал. Показалось, что он не просто внимательно всматривается, а пытается проникнуть дальше. Сканирует? — Что происходит?

— Не знаю... — Адан силой заставил себя сосредоточиться на ощущениях. Ничего похожего на то, что было на скале. Не задыхается, но будто в горло натолкали ваты- она мешала вздохнуть, противно свербила внутри, сползала шершавым комком дальше вниз. — Ды... дышать тяжелее... ло... — он попробовал откашляться. Не помогло- вата никуда не исчезла. Но зато вдруг ощутил осторожное покалывание в висках. Заметил, что Ллэр закрыл глаза и чуть приподнял ладони одна к другой, словно обхватил невидимый шар. Или голову.

— Доа... — Ллэр опустил руки на стол. Посмотрел на Адана. — Твоя энергия отталкивает мою... Слишком разные. С Мирой было... — он замолчал, нахмурился. —

Иначе.

— Не надо со мной, как с Мирой... Это чревато... — отшутился он. — Черт... — опять закашлялся.

— Остроумно, — хмыкнул Ллэр. — У меня есть предположение.

— Почему не могу дышать? — Адан вопросительно взглянул на него. Машинально отметил, что уже не в состоянии разглядеть его лицо. — И какое же?

— Наши девочки там сейчас вцепились в волосы друг другу.

— Это не самое страшное из того, что рисует мое воображение. Хотя надо было все-таки прихватить их с собою... — закончить фразу не получилось из-за очередного приступа кашля. Гораздо более ощутимого. — У... ме...ня навер...ное...эта...как ее...Ал...лер...аллергия на Таль... Или дрянь уже ус... успела что-то сделать, — хрипло произнес Адан, почувствовав кровь во рту. Испуганно лизнул тыльную сторону ладони, проверяя. Еще раз, еще. Сглотнул. Соленоватый привкус только усилился, но крови не было.

— Галлюцинации? — спросил Ллэр.

— Нет, решил помыться... — буркнул он.

— Я серьезно. У тебя галлюцинации?

Адан не ответил, сполз на пол, согнулся пополам, обхватив живот. Желудок свело судорогой. Следом замутило. Подумалось, что ничего не ел уже черт знает сколько. Может, причина внезапного недомогания в этом? Потом горло сдавил еще один удушающий спазм, белые кольца заплясали причудливыми зигзагами. Пришлось зажмуриться. Ваты теперь набили уже и в уши, и сквозь нее с трудом пробился голос Ллэра.

— Адан, послушай... Адан... — звук переместился: Ллэр оказался рядом. — Это не твое. Это Мира. С ней что-то происходит! Но я ее не чувствую. Не понимаю, где она сейчас находится. Попробуй ты!

— Не получается... Не могу сосредот... — Адан осекся. С трудом открыл глаза, перехватил встревоженный взгляд.

— Ты даже звучишь, как она...

— Слышу... Что мне делать? Как от этого избавиться?

— Постарайся отделить ее ощущения от своих.

— Каким образом?

— Теоретически... — начал Ллэр, но Адан не расслышал.

Окружающий мир в одно мгновение замолчал. Или он сам внезапно оглох. Не мигая, смотрел в серые глаза, видел, как шевелятся губы, но не слышал ни звука. Понимал, что происходит, где находится, что следует делать, но не мог пошевелиться, как будто кто-то подчинил себе его тело. Потом по венам пустили электрический заряд, слабость отступила. Ей на смену пришло раздражение. Следом- злость. Мгновенно из маленькой кусачей точки в груди превратилась в раскаленный огненный шар и продолжала расти. Еще секунда, и небывалую ярость уже невозможно было удержать в себе.

Адан резко вскинул голову, плохо соображая, что делает. Выпрямился, прогнулся назад, одновременно выставив перед собой руки. По обнаженным предплечьям вниз к запястьям побежали искрящиеся сиреневые молнии, кончики пальцев окрасились в лиловый цвет, ладони зажгло. А дальше от них отделился сверкающий сгусток энергии.

Затем все вокруг исчезло, умерло. Моментально. И к абсолютной тишине добавилась темнота.

— Чертовы доа... — пробился в сознание едкий голос Ллэра.

Адан так и не понял, сколько прошло времени, когда звуки и запахи неожиданно вернулись. Несколько секунд? Минут? Часов? С трудом разлепил веки, но Ллэра увидел не сразу.

— Мне шибануть в ответ, или тебя попустило? — он стоял у противоположной стены, выглядел потрепанно. Вокруг сжатых в кулаки пальцев вились ярко-красные огненные язычки, а стеклянные спирали за его спиной покрылись трещинами, как будто в них врезалось что-то большое и тяжелое.

— Не знаю. Что я сделал?

— Как минимум- дал Таль повод изменить этот кошмарный интерьер... — Ллэр встряхнул руки, огненные язычки мигнули и исчезли. — А еще попытался испепелить меня... Или не меня. Разошелся вдруг яркими, сиреневыми волнами во все стороны. Больно, кстати, — он потер пальцами грудь. — Как конкретно ты это сделал, я затрудняюсь сказать... Но это не ты, повторяю. Это Мира. И нам надо ее найти поскорее.

Адан кивнул, медленно поднялся с колен. Замер, прислушиваясь к себе. От ярости вперемешку со злостью не осталось и следа. Он снова был собой.

— Не знаю, хорошо это или плохо, но Мира сейчас не с Роми, — Адан сосредоточился, заставляя две точки пространства соединиться в одну, и уверенно шагнул вперед. — Иди за мной.

Кроваво-белая комната Миера сменилась поляной Тмиора. Первое, что бросилось в глаза, неестественно зеленый густой лес в красных лучах заходящего солнца, которое едва проглядывалось сквозь высокие кроны деревьев. В следующее мгновение краем глаза Адан уловил светло-коричневое пятно справа от себя. Оглянулся. С удивлением уставился на одноэтажное деревянное строение с соломенной крышей- никогда раньше не видел ничего подобного.

— Черт, — Ллэр, не медля, бросился к домику. Похоже, он прекрасно знал, где они оказались, и похоже, его что-то не на шутку встревожило. Почти мгновенно вскочил на крыльцо, с ноги вышиб дверь, вломился внутрь. — Мира! Самар!

Адан отставал не больше, чем на шаг, но когда вошел в дом, Ллэр уже скрылся в глубине. Кто такой Самар, не было ни малейшего представления. Зато почти сразу стало ясно- Миру в этом домике им не найти. То ли опоздали, и девчонка успела переместиться в другое место, то ли он ошибся, и она вообще здесь не появлялась. В последнее верилось с трудом- сильное присутствие Миры еще ощущалось в пространстве.

Сразу за дверью обнаружилась чистая, светлая квадратная прихожая с узкой лестницей без перил, упирающейся верхним концом в деревянную же крышку люка и широкой скамьей под окном. Ее всю уставляли вазоны с одинаковыми тощими, чахлыми растениями. В противоположной от входа стене имелась еще одна, уже не запертая, а чуть приоткрытая дверь. В районе замка дерево почернело, будто кто-то пытался выжечь его. Вряд ли Ллэр-запаха паленого не было.

Дальше еще холл, квадратный. Три двери. Все открыты. Три небольшие, похожие, как отражения, комнаты хорошо просматривались с любой точки. Внутри все тоже из дерева. Деревянный, отполированный пол, деревянные, ничем не вскрытые стены, светлая мебель, грубая, сделанная явно руками. Тканые дорожки на полу, плетеные скатерти...

В комнате был выход в четвертую, а на пороге нее стоял Ллэр и смотрел перед собой.

Адан поравнялся с ним и тоже застыл.

В глубине, на неширокой кровати, закутавшись в белую простыню, лежал человек. Со

спины невозможно предположить возраст даже приблизительно. Может, мальчик, а может, древний старик. Одно было совершенно ясно- перед ними труп. В бездыханном теле не проглядывалось ни грамма жизненной энергии.

— Какого черта здесь забыла Мира?

— Он мертв, — произнес Ллэр, как будто это было ответом на вопрос.

— Вижу. Но как... Он же атради... И мы в Тмиоре. Такое возможно?

— Он- атради. Невозможно, — Ллэр по-прежнему смотрел в одну точку. — Не должно быть возможно.

— Может, Мира пыталась его спасти?

— А зачем ей его спасать? — он потер руками лицо, словно через силу шагнул вперед. Остановился, обернулся. Адан видел, что Ллэр по-настоящему изумлен. — Это Самар. Мы.. Вполне возможно, что он был самым древним. Атради так считают, но поскольку никто из них не знает времени без себя... Сам понимаешь, мнение на его счет может быть ошибочным, — Ллэр снова посмотрел на неподвижное тело. — И теперь его нет. Высушили, если можно так сказать.

— Подожди... Послушай, — Адан остался стоять в проёме, прислонившись спиной к деревянному косяку. — След Миры теряется здесь. А дальше... Ллэр, я её больше не чувствую... Вообще... И это пугает меня сейчас гораздо больше, чем необъяснимая смерть этого вашего... самого древнего!

— Хочешь сказать... — Ллэр не договорил. Помолчал секунду, потом воскликнул:- Но ты же жив! Ты бы знал, если бы испытал ощущения подобные к... — Ллэр снова замолчал, потер указательным пальцем переносицу. — Я чувствую, где Роми, идем. Ей придется ответить.

И тут же исчез.

Расспросить Роми показалось превосходной идеей. Она должна была знать хоть что-то. Если, конечно, еще в состоянии об этом рассказать. Что если...

Адан поморщился, отгоняя неприятную мысль. Не раздумывая больше, поспешно последовал за Ллэром и с удивлением обнаружил, что оба находятся на той же самой поляне возле домика, куда сам привел их пару минут назад. Но уже не одни.

Ллэр грубо перехватил Роми у самой двери. Рывком отбросил в сторону, прижал к стенке. Рывкнул, не давая опомниться:

— Где Мира?!

— Эль?! — она удивилась. Попыталась его оттолкнуть. Конечно, не вышло.

— Где?!

— Где... Что ты здесь делаешь?! Вы... — Роми выглядела растерянной и какой-то... другой. Явно не сразу заметила Адана. Явно не соображала, где именно находится. — Отпусти! Чего ты орешь? Откуда я знаю, где Мира?!

— Не знаешь?!

— Ллэр, постой. Не надо... так, — вмешался Адан. — Мы не знаем, что случилось Мира могла... — он замолчал, не найдя подходящего слова.

Тот в его сторону даже не глянул, но хватку, похоже, ослабил, хоть и не настолько, чтобы Роми смогла высвободиться.

— Ну-у-у... — протянул он. — Я жду, Ромиль.

— Ты о ней так печешься, что готов меня придушить... — буркнула Роми. — Как же все...

— Рэм! — угрожающе оборвал Ллэр.

— Ладно, ладно. Имеешь право. Прости...те, — она хмыкнула, посмотрела на Адана. — Несколько минут назад Мира точно была в Замке. Потом... — Роми отвела взгляд. — Потом она начала задыхаться. Заявила, что ей не нужна жалость, и сбежала, — Роми отвернулась, секунду-другую помолчала, потом тихо добавила: — Она поставила на ноги Алэя.

— Что?.. — Ллэр изумлённо вскинул брови.

— Что слышал! — Роми встретился с ним взглядом. — Алэй теперь может ходить. А Мира кашляет кровью.

Ллэр медленно расжал пальцы, выпуская ее.

— Кровью? — глухо переспросил Адан. Моментально вспомнил необъяснимый приступ в Миере. — Замечательно... Если я копировал все ощущения Миры, то дальше был взрыв... А теперь я ее не чувствую... совсем... Значит... — он сжал кулаки.

— Нет, — сказал Ллэр. — Нет. Она не... Ничего не значит, не торопись... — он отвернулся. Постоял, глядя на лес вокруг домика. Спросил: — Почему ты сюда явилась?

— Куда- сюда?

— Мы у Самара, — о том, что самый древний из них мертв, он, видимо, решил пока не сообщать.

— Мира ушла. Я решила, что к тебе. Пошла следом.

— Следом?

— Не сразу, — признала Роми.

— Не сразу! — передразнил Ллэр. Повернулся к Адану: — Как Мира это делает? Как смогла поставить его на ноги?

— Алэя? Наверное, так же, как на скале, — он кивнул на Роми. — Таль же говорила, что женщины-доа умеют лечить. Не знаю, как... — Адан передернул плечами. — Какое это имеет значение?

— Значение... не знаю. Но мне кажется- имеет.

— Ты видел, что творилось со мной. Это не похоже на лечение! Это... Наверное, Мира умирала, а я не понял. Как последний кретин копировал все и... не понял! Не смог отделить ее ощущения от своих, не смог прийти на помощь, а теперь уже поздно! — Адан со злостью пнул ногой небольшой камень. Тот с шумом ударился об стену и отлетел назад на несколько метров.

— Но ты не умер. Я видел, что с тобой происходило, и это не было похоже на просто агонию... Мира боролась, — Ллэр едва заметно улыбнулся. — А вот Самар- мертв.

— Как это- Самар мертв?! — ахнула Роми.

— Алэй тоже кашлял, — задумчиво проговорил он. — Давно. Сильно. И тоже задыхался. И... Ромиль, ты же была там! Могла Мира взять... как-то...

— Как это- Самар мертв?!

— Таль говорила, что если у Миры отнять способности, она сразу умрет, потому что вирус никуда не делся, — будто не слыша ее, продолжал рассуждать Ллэр. — Могла ли болезнь Алэя все еще оставаться в организме? А Мира- забрать ее сейчас? Как-то теперь переваривать?

— Ты так сильно хочешь надеяться... — сказала Роми.

— Стоп! — Адан вскинул руки, призывая обоих замолчать. — Кто-нибудь может мне объяснить, о чем вы говорите? Какая еще болезнь?

— Сразу после того, как вы скажете мне, что значит- Самар мертв, — заявила Роми.

— А что, по-твоему, это значит? — он пристально посмотрел ей в глаза. Зло усмехнулся. Мгновенно оказался рядом, грубо схватил за предплечье и также быстро перенесся с Роми внутрь дома. Чуть подтолкнул к кровати, отпуская ее руку. — Познакомьтесь. Ромиль Эннавара, мертвый Самар. Поняла теперь, что это значит? Если хочешь, можешь его потыкать. Или попробовать нащупать пульс, если он у вас, вообще, есть...

— Н... не хочу... Как?! — Роми изумленно обернулась. Она была белее мела, голубые глаза, казалось, тоже утратили цвет. Даже волосы. — Мира? Зачем?!

— Мы не знаем, кто! И зачем- тоже не знаем! Куда подевалась Мира- тоже! — рывкнул Адан. Схватил ее за руки, моментально возвращаясь на поляну, где их остался ждать Ллэр. — Мне нужна она, понимаешь?! Это все, что меня на данный момент волнует. Все, с чем могу думать. Мертвая или живая, но Мира мне нужна. Сейчас мне даже плевать, почему сохнул этот ваш старец. Главное, найти девчонку раньше, чем... Поэтому хватит вести себя, как эгоистичная маленькая стерва, чей мир вдруг перевернулся с ног на голову! Начинай соображать и рассказывать! Ты была с ней, ты видела, ты... Объясни, что между вами произошло!

— Не повышай на меня голос! Орут в две глотки, — Роми вырвалась, обиженно сверкая глазами. Ллэр даже не оглянулся. Смотрел на лес, будто его ничего не касалось. — Что я должна объяснить? Да, была с Мирой, но понятия не имею, что и как она сделала. И сравнить не могу. Потому что, как вы помните, на скале я была несколько... не в себе. Я не делала ничего. Никому. Мы мило беседовали, — Ллэр хмыкнул, Роми скривилась. — Да, представляешь! Очень даже мило. Потом... потом она влезла ко мне в башку. Не силой, но вполне умело. Затем почему-то сбежала к Алэю. Когда я пришла туда, — Роми взмахнула руками. — Он парил в воздухе, в некоем огненном коконе, Мира стояла напротив. Не имею ни малейшего понятия, как и что она... Она сказала, что с ним всё будет в порядке. А потом начала задыхаться и кашлять.

— А с Алэем что было? — уже тише спросил Адан. — Ты сказала «поставила на ноги». В каком смысле?

— Он много лет был парализован. После того, как... пытался убить себя. Давно.

— Даже вот как у вас тут бывает... — протянул он, нахмурился. Несколько секунд задумчиво смотрел на Роми. Еще неизвестно, что шокировало больше- внезапная смерть древнего старца-ребенка или покалеченный атради-самоубийца. Только зачем к ним обоим явилась Мира? Случайность? Адан невольно мотнул головой. Как-то слишком невероятно для простого совпадения. Вряд ли в Тмиоре есть два Алэя. Значит, речь идет о том самом, о ком рассказывала Роми. Может, Мира с ним знакома? Хотя откуда? И почему захотела вылечить? Просто так? Жест доброй воли? — Ты сказала, Мира копалась в твоих мозгах... Она что-то узнала? Что-то, что могло вынудить ее отправиться к Алэю... или сюда?

— Только к Алэю... — Роми почему-то посмотрела на Ллэра. — Не вынудить... Ничего такого, он же не имеет прямого отношения к тому, что происходит с Мирой, — заговорила неторопливо. — Я захотела ей рассказать... Не знаю, почему. Но захотела. Может быть, чтобы она перестала... — Роми снова глянула на Ллэра. — Я ей не враг. Я, может быть, психованная последнее время, и веду себя, как маленькая эгоистичная стерва, потому что да-мир переворачивается, и когда ты тысячами лет жил во всегда одинаковом болоте, к изменениям привыкнуть сложнее, чем если твоя жизнь- череда перемен! Но я не враг и не...

— Алэй- мой отец, — тихо сказал Ллэр, и она замолчала.

— Мира об этом знает?

Роми лишь коротко кивнула.

— Тогда хотя бы понятно, почему она решила его вылечить, — пробормотал Адан. Бросил хмурый взгляд на дом. — Но не объясняет, какого черта она перенеслась сюда и куда подевалась. Кстати, что будем делать с Самаром? Понимаю, что патологоанатомы и похороны на Тмиоре вряд ли практикуются, но... Не бросать же его вот так...

— Похороны не практикуются, — ответил Ллэр. — Кремируем. Своими силами. Не думаю, что стоит посвящать еще кого бы то ни было в ситуацию, — он обернулся. Оказалось, в другой руке у него тлеющая сигарета. — Рэм, я спрашивал, ты промолчала... Ты была на Нэште, когда... Алэй умирал. И ты видела, что стало происходить с Мирой сразу после. Похоже?

— Я не рядом находилась, я не...

— Похоже?

— Может быть, в чем-то... не думаю. Не знаю, Эль! Честно. Я тогда торчала в надпространстве.

Он посмотрел на Адана.

— Не хватало еще, чтобы Мира к своим набралась и чужих вирусов.

— Не хватало, чтобы Мира оказалась причастна к гибели Самара. Или вдобавок к этому обнаружили еще трупы... Например, самой Миры... — Адан шумно выдохнул. Снова попытался нащупать след девчонки. Бесполезно. Сотни искрящихся знаков, точек, но не тех. — Не понимаю! Куда она могла исчезнуть? Главное, как... — он взъерошил волосы. — Не прячется же от нас, в конце концов.

— Смысл? Силой ее никто не заставит принять бессмертие. Если нам это, вообще, удалось бы с доа.

— Вряд ли ее сейчас дарованное бессмертие волнует. Скорее, Мира могла прийти сюда, испугаться, когда увидела тело. Только какого черта ей здесь понадобилось? Чем этот Самар занимался?

— Он многое знал. Больше, чем другие. И сам верил в то, что древнее него атради нет. Но Самар ни фига не смыслил в вирусах и экспериментах. Он цветочки выращивал для красоты. Получалось хреново.

— А может, Алэй ей что-то сказал... Или показал... И Мира отправилась за ответами, а потом... Потом сюда пришли Тени... отомстить... Убить... не знаю... Самар попал под раздачу, Мира... — Адан замолчал. — Очень бредово, да?

— Лучше бы бредово... — нарушила молчание Роми. По ее виду было и без слов ясно, что идея появления здесь теней не просто не радует её, а по-настоящему пугает.

— Алэй ничего не знает о Самаре, и вообще старается держаться подальше от моих изысканий... Любых изысканий, — Ллэр посмотрел на Роми. — Верно?

— А что я могла ему рассказать? Я сама ничего такого не знаю о Самаре!

— Что-то ее все равно заставило... — заключил Адан. — Ты пришла сюда следом за Мирой, — он перевел взгляд с Роми на Ллэра. — Значит, я не ошибся, когда привел нас сюда. Будем надеяться, Мира жива. Но почему мы ее не чувствуем? Разве возможно стать невидимкой?

— Какой-то процесс полностью обновил ее энергетический фон и смыл все метки от предыдущих контактов... И вероятно, случилось это здесь.

— Какие еще метки? — уточнил Адан.

— При достаточно близком контакте атради словно помечают собеседника. Это происходит произвольно. Если подойти близко и побыть рядом достаточно долго. Просто общаясь... На биополе остается метка от соприкосновения энергий. Со временем она тает. С очень большим временем... — Роми посмотрела на Ллэра. — Мы не можем не делать их, но можем навязать постоянную. Подобная не должна стираться и через сто лет.

Ллэр ухмыльнулся.

— Да, я повесил такую, когда Мира была еще в клинике Таль. Чтобы знать... — он обернулся к Адану. — При переходе в Плешь метка сработала, как звоночек. Теперь я её не чувствую.

— Это все равно не объясняет, почему я не нахожу Миру.

— Объясняет, если это общая черта атради и доа, — сказал Ллэр. — Если ты ее чувствовал потому же, почему и мы. Какие были ощущения?

— Я не знаю, как их описать. Чувствовал и все. Как вас сейчас, как Таль. Никаких меток, хотя... — Адан пожал плечами. — У вас для всего есть слова... А я... не знаю... Мне трудно объяснить, дать сходу определение. Может, метка. Может, что-то другое... Как след в пространстве. Особый. Индивидуальный.

— Ладно. Это неважно сейчас, связи больше все равно нет, значит, остается думать...

— Может быть, мы потом подумаем? Давайте сначала займемся... — Роми запнулась, нервно кивнула на дверь. — Ну... может за это время Мира появится? Я опять веду себя эгоистично?

Адан ухмыльнулся, но ничего не ответил. Повернулся к Ллэру.

— Есть какой-нибудь способ узнать, как давно из Самара выкачали энергию?

— Будь он человеком... Но попробовать можно, если считать остаточный фон надпространства...

— Зачем? — перебила Роми. — Мы и так знаем, что Мира была тут совсем недавно.

— По-твоему, она его убила? Без вариантов? — мрачно осведомился Адан.

Роми с секунду пристально на него смотрела, потом развернулась и пошла в дом. Было видно, она поняла, что не права в категоричности своих выводов, только признаваться в этом не собирается.

— Я почему-то тоже думаю, что это Мира, — тихо сказал Ллэр. — И хочу надеяться, что все случилось не потому, что она хотела убрать, к примеру, меня, а под руку попался Самар, — хмыкнул. — Но тогда мне лучше не показываться ей.

Адан невольно улыбнулся, вспомнив какими влюбленными глазами Мира таращилась на Ллэра.

— Сдается мне, в ее ближайшие планы твоя смерть никак не входит. Она бы начала с Таль, я уверен. Так что будем надеяться, что девчонка не виновата. Может, случайно забрала у Самара всю энергию, как я тогда на поляне... Может, здесь появились Тени, и ей пришлось защищаться. В противном случае... — ухмыльнулся Адан, направляясь следом за Роми в дом. — Считай, что ты нашел способ избавиться от вечной жизни.

— Я не подохнуть хочу здесь и сейчас. А всего лишь придать жизни смысл в конечности всего! — крикнул Ллэр вдогонку.

— В этом Мира тоже скоро преуспеет, — ответил Адан, не оборачиваясь.

Когда догнал Роми, та уже стояла перед кроватью Самара. В шаге от него, протянув руку и явно не решаясь приблизиться еще или просто прикоснуться. Напуганная, растерянная она смахивала сейчас на потерявшегося в толпе ребенка. Захотелось обнять, ласково провести по

волосам, успокоить. В конце концов, Роми права- ей тоже досталось.

— Решила найти доказательства вины Миры? — пошутил Адан. Перевел взгляд на кровать. Показалось, что тело Самара за это время стало еще меньше, тоньше, суше.

— Можешь сколько угодно на меня орать, обвинять в сволочизме, эгоизме и прочем, — тихо проговорила Роми. — Можешь трясти меня за плечи или ударить...

— Ударить? — опешил Адан. — Я не... С чего ты взяла, что я собираюсь... или хочу тебя ударить? Поверь, я понимаю...

— Нет! Ты... тебе не понять... Дурацкая фраза... Это, — она взмахнула рукой, покачала головой, — это... я не знаю, как. Я... Я не... не понимаю. Так не бывает. Я сама чуть не погибла, но это же... это же было, как понарошку! Я- жива! Меня откачали. Атради... — Роми говорила все быстрее и быстрее. — Алэй пытался, у него не вышло, потому что мы не умираем. Не можем умереть. Не рождаемся, не умираем... Надо его...

Она резко подалась вперед, словно все это время набиралась решимости. Словно боялась прикоснуться к телу, потому что тогда окончательно поверит в смертность атради и, возможно, рехнется. Адан не видел ее лица, но чувствовал это по тому, как напряглась ее спина, как дрожали руки, и сбивался голос.

Роми все-таки дотронулась.

Следующее заняло не больше нескольких секунд. Слишком молниеносных, чтобы Адан успел что-либо сделать, вмешаться.

В мгновение ока тело Самара рассыпалось. Закружились в воздухе легчайшие серые пылинки, не спеша оседать. Роми сначала застыла, все так же протягивая руку. А когда прах оказался на тонких пальцах, закричала, отшатнулась. Встряхнула рукой, и в этот момент то, что осталось от Самара, будто взорвалось изнутри. Осевшая пыль вздыбилась, волна толкнула Роми в грудь, отшвырнула на Адана, и уже их обоих- в дверной проем, и дальше, пока спина не встретила преграду. Пока от удара не потемнело в глазах.

Грохот в ушах то приближался, то отдалялся. Затихал, превращался в звон, в писк, в жужжание и снова в грохот. Когда-то с ней такое уже случалось. Давно. Так ведь? Тогда она думала, что играет в нормальную жизнь, а вместо этого каким-то невероятным образом оказалась втянута в попытку переворота. В интриги, которые привели к чужой войне. Сначала было интересно, потом кто-то попытался ее убить. Когда бомба разворотила задний двор дома, в ушах играл такой же оркестр. Окажись на ее месте человек- хоронить было бы нечего.

Во что она играет сейчас?..

Мысли привычно разбегались. Вспомнить, что произошло мгновение назад, получилось далеко не сразу. Но как только все вернулось, Роми села. Слишком резко. Застонала, схватилась за голову, зажмурилась.

— Хреновая тенденция, — она закашлялась. — Адан?..

— Что Адан?! — послышалось сверху, прямо над ней. Недовольный голос несомненно принадлежал Адану. — Силу не рассчитала?

— Какую силу?! — она сплюнула, оказывается, в рот набился песок.

— Свою... — последовало смачное ругательство. Адан определенно был зол. — Обязательно надо именно так, да?! Все взорвать к чертовой матери?! По-другому не умеешь, что ли?

— Что?.. — она попыталась найти его взглядом. Неожиданно зябко поежилась. Никогда на Тмиоре не испытывала холода, даже не сразу узнала ощущение. — Ты где? — наконец увидела- он стоял в нескольких шагах. Изрядно потрепанный, будто пролетел через кусты. Впрочем, кажется, так оно и случилось. Прямо за его спиной колыхались ветки грат-лари, колючего кустарника, которого пруд пруди на Тмиоре. — О чем ты?..

— Какого черта это было? — раздался голос Ллэра.

— О, жив! — цинично воскликнул Адан. — Хотя кто бы сомневался. Что вам делается, бессмертные вы мои... А я, между прочим, очень даже смертный, — он с усмешкой протянул ей руку, помогая подняться. — Не забывай об этом в следующий раз, когда решишь таким вот оригинальным способом избавляться от тела.

— Тела... — она все еще плохо соображала. — Я не избавлялась.

— Ага! Только разнесла к чертовой бабушке домик Самара, — хмыкнул Ллэр. Он тоже выглядел не лучшим образом. Что бы ни случилось, размах был неслабый.

— Как это?.. — Роми посмотрела на свои ладони. В память просочилось невнятное: за миг до того, как вспомнила, что уже бывала в эпицентре взрыва, она тянула руку к Самару. Мертвому атради. — Вселенная...

Она пошатнулась, наверное, упала бы, если бы Адан не подхватил за плечи и не удержал на ногах.

— Что ещё? — в его напряженном голосе послышался страх.

— Не... не знаю, — она отозвалась почти шепотом. — Не понимаю... — Становилось еще холоднее, но Роми гнала ощущение, потому что так тоже не могло быть. Не тогда, когда солнце жарит, как ненормальное: в затылок впивались колючие лучи, но по коже бежали ледяные мурашки. — Неважно. Это все... Что значит, я разнесла домик?

— То и значит. Пуф... — Ллэр тряхнул головой, на траву полетели щепки. — Красиво,

эффектно. Бестолково и самоубийственно.

— Это не я. Как?

— Штучки доа? — он посмотрел на Адана.

— Угу, — угрюмо хмыкнул тот, разглядывая многочисленные ссадины и порезы на загорелом предплечье. С сарказмом добавил:— Последнее прости-прощай от Миры, — обернулся к Роми, продолжая заботливо удерживать. Спросил уже спокойнее, без злости:— Какого черта ты лапала труп?

Роми бросила на него выразительный взгляд. Едва сдержалась, чтобы не огрызнуться. Действительно, какого? Она же каждый день имеет дело со смертью того, кто должен бы жить вечно, да еще и в самом безопасном во Вселенных месте!

— У меня проблемы с признанием того, что все это происходит на самом деле. Думала, может, если прикоснусь...

— Кстати, интересный эффект. Значит, все взлетело на воздух, когда ты дотронулась до Самара? — спросил Ллэр.

— Именно, — подтвердил Адан. — И если это не она создала такой интересный эффект, — он отпустил плечи Роми, — то нам стоит задуматься, кто и каким образом. Что вообще это было... Или еще лучше- убраться отсюда подальше. Но это не наш путь, так?

— Так, — кивнул Ллэр. — Ничего не изменилось, кроме того, что нам больше не стоит беспокоиться о теле... Здесь по-прежнему последнее место, где была Мира. И я по-прежнему хочу ее найти. Пусть даже... — он не договорил, неопределенно мотнул головой. Сменил тему. — Это был такой... чистый взрыв. Я не знаю, как иначе описать. Тихий. Никакого всплеска энергии... Просто пфф... и во все стороны.

— Просто пфф, говоришь? — с сомнением протянул Адан. — И что же тогда запустило мной в эти колючки?

Ллэр развел руками.

— Что-то, с чем мы не имели раньше дела. Особый тип... — он замолчал, поморщился. — Без понятия. Вернемся, посмотрим?

Адан вздохнул. Посмотрел на Роми, сухо, по-деловому поинтересовался:

— Сама дойдешь или на руках нести?

— Дойду, — хмуро отозвалась она. Ощущение холода никуда не делось, но Роми уже почти привыкла. — Дойду, конечно.

Чтобы доказать это, первая направилась туда, откуда недавно явился Ллэр. Через несколько шагов он ее обогнал.

Пролетели они, оказывается, не так уж мало. Как только Адан спину не повредил, ломая кусты? На свой счет Роми не переживала. Резанула острая мысль: может быть, именно так чувствуют себя покойники? Смерть, вечный лед в крови и вечное равнодушие... Что может случиться, если главное уже произошло? Ты уже умер... Может быть, они, атради, не вечные, а просто трупы, которые никак не рассыплются в пух и прах. Как Самар.

— Я схожу с ума, — прошептала Роми себе под нос. Кажется, ее никто не услышал.

Домик, действительно, разлетелся на опилки. Что бы там ни выращивал вокруг него самый древний атради, теперь все это укрывала деревянная труха. Зелёная трава, зелёный лес вокруг, бежевый, коричневый и желтый снег...

Зрелище было бы даже красивым, если бы не черные Тени, застывшие там, где еще недавно находилась спальня, в которой нашли Самара.

Черные, знакомые до боли тени. Тени. С большой буквы.

— Какого... — Ллэр впереди нее замер.

— Вернулись, осмотрели, — мрачно констатировал сзади Адан. Остановился рядом. — Сейчас начнутся эффекты с летальным исходом. А знаешь, — он вдруг наклонился к ней, почти касаясь горячими губами мочки уха, прошептал: — Я жалею, что мы с тобой не успели...

Роми улыбнулась. Не поворачиваясь, нашла его руку, сжала пальцы. Перенестись не пыталась, не сомневалась — не получится. Даже выходы в надпространство не чувствовались.

Тени не шевелились, выглядели совершенно плотными, литыми, как ониксовые статуи.

— Они стоят, — проговорил Ллэр. — И они не полупрозрачные, как на скале...

— А мы еще дышим, не задыхаемся. Странно, правда? — Адан крепко сжал ее ладонь, приближаясь вплотную. — Какие будут предложения? Сделаем вид, что мы их не заметили, и уйдем, не прощаясь? Или все-таки поздороваемся, как думаешь?

— Думаю, они могут быть причиной того, что Мира оказалась именно здесь, — процедил сквозь зубы Ллэр, опережая Роми. — Думаю, именно они могли прикончить Самара, как чуть не прикончили нас... И, возможно, эта смерть им тяжело далась. Не по зубам, когда дошло до дела...

— Это как-то объясняет, почему мы продолжаем стоять и пялиться на них, как идиоты? — тихо спросил Адан.

Ллэр качнул головой, будто хотел обернуться, но передумал. Шагнул вперед. Что он мог сделать? Кем или чем бы ни были существа на поляне — столкновений с ними хватило, чтобы уяснить — атради противопоставить им нечего. Но ведь тогда, в самый первый раз, Роми удалось сместиться в надпространство Бэара, удалось собрать столько энергии, сколько мог дать окружающий мир. Она чувствовала огромную силу в руках, пусть даже следом пришло опустошение.

Может быть, все дело в знании? Им известно, что на Тмиоре единственная энергия — солнце, и она ни на что сейчас не годится. Им теперь известно, что Тени способны лишать их энергии, способны почти убивать атради. А может быть и без почти. Что если знание — помеха? А если поверить... пробьешься...

Не получалось. Тени, даже неподвижные, действовали гипнотически, лишая не только физических сил, но и душевных.

— Эль, может не... Адан?..

Она не договорила, да и не знала, что собиралась сказать, остановить? Дохнуло холодом, в этот раз по-настоящему. Тени вдруг стали ближе. Будто чуть расступились. Оказывается, они стояли, образуя круг. Загудел лес. Вздогнула земля. От черных, вновь застывших глыб по траве побежал иней. Волнами. Ллэр чуть замедлил шаг. У него под ногами заскрипела самая настоящая крошка льда.

Снег, середь бела дня, на Тмиоре. Под палящим красным солнцем...

— Только пугают...

— Умело пугают, Ллэр. И, я бы сказал, наглядно. Ощутимо... — Адан поравнялся с ним. — Что дальше? Спросим, куда они дели Миру, пока нас не заморозили окончательно?

Чувствуя себя какой-то совершенно бесполезной и неуместной в ситуации, Роми все равно пошла следом.

— Спросим, — Ллэр сунул руку в карман, к ее изумлению достал оттуда наручник Тайко. Протянул тусклую железку Адану. — Возьми. Ты его закоротил. Может быть, теперь получится раскоротить обратно.

Роми непроизвольно дотронулась до своего браслета, все еще обхватывающего запястье. Обогнала Ллэра, заставила остановиться.

— Ты, что, моей...

— Нет, — он не дал договорить. — Твоей смерти я не хочу. Мы будем сейчас это выяснять?

Адан молча вклинился между ними, забирая браслет. Покрутил, словно сомневаясь. Затем все-таки послушно нацепил на левую руку. Несколько секунд пристально смотрел на Тени, а те с пугающим равнодушием продолжали толпиться кругом.

— Допустим, у нас получится их... с ними... Есть гарантии, что это поможет найти Миру? Что не сделаем хуже? — Адан запнулся, нахмурился. — Меня смущает, что они бездействуют. Пугают, но... В прошлый раз они были менее сговорчивыми. А теперь как-будто им до нас никакого дела... Если у этих тварей вообще есть какое-то дело... — Словно в подтверждение его слов Тени зашевелились, мгновенно поменяв позиции- теперь вместо мрачного хоровода черные существа выстроились в какую-то замысловатую фигуру. — Похоже на знак... Или букву...

— Жаль, мы не можем взлететь, — хмыкнул Ллэр. В этот момент самая дальняя от них Тень задрожала. — Сейчас узнаем...

В пугающей тишине, когда даже шелест листьев больше не слышался, она пошла переливами: черный сменялся темно-серым, потом- светлым, потом ярким, почти электрическим, белым, и снова- обернулся темнотой. А потом превратилась в оседающий черный песок.

Роми вздрогнула, будто услышала хлопок, которого не было. Почувствовала жжение на запястье, опустила взгляд- её браслет раскалялся, на гладкой поверхности проступали красные символы. Так уже бывало- когда попадал в водоворот энергетической бури, артефакт предупреждал об опасном уровне. Второй браслет наливался зеленым. Как тогда, на поле.

— Адан, Наручник... — прошептала она.

Он кивнул, но не шелохнулся. Еще одна Тень подернулась рябью. Потом следующая.

В том, как зловещие фигуры превращались почти в ничто, наблюдалась, а точнее, ощущалась какая-то закономерность. Последовательность. С каждым следующим исчезновением, браслеты разгорались все ярче, воздух менял температуру, мгновенно, но ощутимо. И каждый раз- на разное количество градусов. Если бы чередование тепла и холода было музыкой- звук получился бы очень мелодичным.

— Это мы делаем? — едва слышно спросил Адан, когда еще несколько Теней, одна за другой, превратились в кучку песка прямо на их глазах.

— Ни хрена мы не делаем, — сплюнул Ллэр. — Надо убираться. Вы чувствуете...

Фразу он не закончил, будто не знал, как правильно сформулировать вопрос.

— Температура воздуха? — спросила Роми.

— Нет. Не настолько просто. Ни фига вы не чувствуете, ты же одна из Надстарших, — Ллэр бросил быстрый взгляд на Адана. — А ты- доа... И это не упрек.

— И что? Ты знаешь, что происходит?!

— Не знаю, но... догадываюсь. Читал кое о чем, но не придавал значения... Надо сваливать, потому что... — он осекся. Последние две фигуры начали мерцать, не спеша рассыпаться. Радугой окрасился всегда невидимый выход в надпространство. Четко между ними. И там, где брешь реальности превращалась в проход, появился тонкий, прозрачный

силуэт, искрящийся сиреневым светом. — Мира!

Тени дернулись в последний раз, замерли на мгновение мрачными темными лоскутами и рассыпались на песчинки. Почти сразу Мира бестелесным призраком плавно опустилась на ледяную землю. Ллэр сорвался с места. Роми не стала стоять в стороне, бросилась за ним, так же как и Адан.

Когда приблизились, хрупкая фигурка вновь обрела плотность, но распластанная на траве без движения Мира выглядела трупом. Пусть и живым- с технической точки зрения жизненной энергии в девчонке было предостаточно. Неестественная поза, бледность, темные синяки под глазами, стеклянный, невидящий взгляд, запекшаяся на губах кровь только усугубляли впечатление.

Ллэр выругался, плюхнулся на землю рядом. Казалось, он уже напрочь забыл о том, что мгновение назад происходило на поляне, или что ему плевать на осторожность: протянул руку, отдернул.

— Эль...

Он отмахнулся.

— Эль, не стоит, — Роми оглянулась на Адана, потом села рядом с Ллэром.

— Ах ты ж... Вот какого?! Мира... — позвал тот, вряд ли рассчитывая на ответ, и все-таки прикоснулся к ней. — Мира?..

Она вдруг пошевелилась, веки дернулись, бессмысленный взгляд сфокусировался на склонившемся над ней Ллэре. Посиневшие губы тронула слабая улыбка:

— Моя лопухая милашка... — еле слышно прошептала Мира. Потом, видимо, что-то вспомнила, испуганно вжалась в траву. В фиолетовых глазах мелькнул ужас. — Я... Тени...

— Забудь о Тенях. Рассыпались, — Ллэр ладонями сжал её руку. Потом притронулся к щеке Миры. Роми почувствовала легкий укол в висок- она непроизвольно подключилась к его попытке проникнуть к ней в разум, понять, что случилось и что делать теперь. — Ну что ты такое учудила?..

Мира попыталась ответить. Не смогла. Умоляющее посмотрела на Адана. Тот тут же опустился на траву рядом с ней, положил ладонь на лоб девчонки.

— Тени... Те самые, со скалы... Они никуда не делись. Мира их впитала, перенесла сюда. Они вынудили... Не знаю, как правильно... Спровоцировали переход к Самару... А потом... Вышли из нее здесь... Так? — он встретился глазами с Мирой. Она едва заметно кивнула. Попыталась приподняться и закашлялась. Адан пересел, заботливо положив голову Миры на свои колени. Обеспокоенно посмотрел на Ллэра. — Она задыхается... Надо что-то...

Ллэр привстал. Никого ни о чем не спрашивая, ничего не объясняя, подхватил Миру на руки, выпрямился. Она чуть слышно застонала.

— Я знаю, знаю... Держись, котенок.

И в следующую секунду они исчезли.

— Надеюсь, он понимает, что делает... — Адан поднялся. Несколько секунд сосредоточенно изучал поляну. Затем повернулся, протянул руку:- Ты как?

— В порядке, — Роми вложила свою ладонь в его.

Возможно, они оба уже достаточно впитали энергии за последние минуты. Возможно, что-то с пространством сделали Тени, или продолжало делать то, что от них осталось. Возможно, если бы Адан протянул ей другую руку, или если бы он не надел браслет, как раньше, на левую, она бы никогда не забыла о горящих зелёных символах на тонкой дуге

артефакта, созданного исчезнувшей цивилизацией Тайко.

Не имело значения, что сами Наручники не соприкасаются, хватило контакта и так. В ту секунду, когда Роми сжала пальцы Адана, поляна вздрогнула. Будто находились они на широком, круглом блюде, которое кто-то невидимый чуть приподнял и беззаботно грохнул об землю.

Миг, и пыль, опилки, иней, черное конфетти теней- все подпрыгнуло, взвилось над землей, слилось, смешалось, не спеша падать. Преображаясь.

Миг, и Адан с Роми оказались в самом центре мощного, гудящего непонятного водоворота частиц, который лишь чудом не сбивал их с ног.

Миг, и браслеты, как магниты, потянуло друг к другу.

Она не успела ничего сказать или крикнуть. Не успела перенестись, хотя чувствовала, что все выходы открыты, надпространство доступно, Тмиор снова такой, как всегда. Их запястья скрестились... Ладонь Роми смотрела вверх, ладонь Адана- вниз. И вниз, в землю, из места соединения металлических дужек ударил луч. Водоворот превращался, вокруг них бурлила энергия. Неизвестная, непонятная, недоступная- колючая. Видимая.

А потом- с землей под ногами что-то произошло. Может быть, она просто исчезла, может быть, расступилась, разверзлась. И они полетели вниз.

Дыхание перехватило от удара обо что-то твердое, перед глазами заплясали разноцветные звездочки. Когда свистопляска утихомирилась, Роми смогла осознать, что на зубах не скрипит песок, все кости целы, обе руки свободны- Наручники расцепились, будто выполнив свое назначение.

Она села, рядом приходил в себя Адан. Вроде бы целый и невредимый, по крайней мере, крови видно не было.

— Аттракцион века, — пробормотала Роми. Огляделась.

Оказалось, они сидят на гладком, как мрамор, полу. Чистом, отполированном, блестяще-белом. Никакой грязи, пыли, опилок... Словно не сквозь дыру в земле сюда попали, а через странный портал.

В огромном круглом и абсолютно пустом помещении (хотелось сказать- зале) было светло. Неуместно светло, учитывая предположительные метры земли над головой. Густой, разноцветный, немного рассеянный свет падал с высокого потолка на холодный пол, рисуя причудливые узоры. Синий, желтый, оранжевый, красный, зелёный... яркие краски звезд переплетались в медленном танце, на миг замирая и снова начиная свое неумолимое кружение. Сначала Роми даже подумала, что это кружится голова, что падение не прошло даром. Потом поняла- что рисунок, действительно, движется, переходит с пола на стены, меняется и создает иллюзию еще большего пространства, чем есть на самом деле.

— Завораживает, — проговорила она.

Вместо ответа услышала, как об пол что-то звякнуло. Оглянулась. Адана рядом не было. Дужка Наручника валялась на полу там, ловила свет, переливалась как и всё вокруг, но символы, что сияли на нём раньше, вновь исчезли. Браслет выглядел мёртвым.

— Адан?! — Голос эхом отразился от стен, оттолкнулся от потолка, заблудился, затих. Роми подхватила с пола наручник. Металл показался необычно холодным. Вскочила, встревожено огляделась. — Адан!

Никого, тишина. Наручник нельзя нечаянно потерять, прочный замочек ни за что не откроется случайно. Адан снял его сам. Она знала, что находится здесь одна, чувствовала. Но все равно позвала и в третий раз. А потом попробовала настроиться, готовая к тому, что

ничего не выйдет, и с удивлением поняла, где Адан: он просто ушел.

— Это твой способ сказать, что с тебя хватит?.. — пробормотала Роми в пустоту. — Наверное, ты прав.

Она во многом могла его понять, и все-таки стало грустно. Поскорее покончить со всем этим водоворотом хотелось, но побег, возврат к привычной жизни в ее случае ничего не решит, потому что некуда возвращаться. Потому что бессмертные умирают, и это и есть ее жизнь. Очень не хотелось признаваться даже себе, но она немного завидовала Адану. Что у него есть во что можно вписать новые способности и умения. Ее же мир встал с ног на голову, и она сама пока не знала, что чувствует и думает по этому поводу.

Уйти? Надпространство заманчиво раскрывало свои объятия. Пути были доступны. Тонкая грань, отделяющая любой мир от Плеши, легко нащупывалась. Роми находилась по-прежнему в Тмиоре, в любой момент могла последовать примеру Адана, покинуть это место. Какое ей дело до того, куда попала? Роми не сомневалась, что все новое принесет только еще больше проблем, но почему-то посчитала, что время для размышлений не пришло. Двинулась по периметру зала.

Издали казалось, что в одном месте стена выпирает, и когда Роми добралась туда, увидела проход и за ним такой же матово-белый, сливающийся со всем вокруг, узкий туннель. Поколебавшись, зачем-то разулась, переступила порог.

Коридор петлял. Не долго, но очень резко. Сворачивал под неожиданным углом, снова и снова, потом уходил вниз, резко поднимался вверх, снова выписывал замысловатые фигуры. Становился то уже, то шире. Как будто тот, кто его проложил, старался обойти стороной что-то в толще пород. Хорошо хоть не было развилок.

Наконец он привел к огромному арочному проходу, из которого бил желтый свет. Внезапно сильнее забило сердце, стало сложно дышать, но не потому что не хватало воздуха — волнение зажимало легкие. Роми не сразу решилась на последний шаг. Но когда все же сделала это...

Обрыв. Неширокий выступ — Роми хоть и поместилась на нем свободно, но едва сдержалась, чтоб не отпрянуть, не нырнуть обратно в туннель. Вверх, вниз, в стороны тянулась отвесная стена, казалось, до бесконечности.

Гигантское помещение походило бы на пещеру, если бы не ровные, гладкие стены, не оставляющие сомнений в том, что место это дело рук человеческих. Как и сотни, если не тысячи, одинаковых светящихся шаров, что заполняли его, от пола до потолка. Некоторые неподвижно висели, группами или порознь, другие едва заметно перемещались, третьи двигались гораздо быстрее, понаблюдав за ними несколько мгновений Роми поняла, что столкнуться им не грозит.

У атради не было легенд, мифов, сказок, истории забытых времен. Она нигде, никогда не слышала ничего о подобном месте, и все равно ее преследовало чувство узнавания. Во всем этом виделась система. Принцип. Объяснение, почему одни шары находятся там, а другие где-то еще. Почему одни кажутся застывшими, а другие — мерцают, то вспыхивая ярче, то наоборот, почти гаснут, и снова начинают сиять. Роми вновь пожалела, что рядом нет Адана, или что она сама — не доа, умеющий летать. Тогда она могла бы плавно опуститься на дно пещеры, оказаться среди шаров, может быть, прикоснуться с ним: до самого ближнего к ней не меньше нескольких метров над пропастью. Дотянуться с уступа не выйдет никак.

Она все равно вскинула руку, не надеясь, что получится. Но один из ближайших шаров послушно поплыл к ней. Замер в миллиметре от протянутой ладони, изменил цвет, став

похожим на язычок огня, заключенный в тонкое стекло. В последний момент Роми испугалась. По-настоящему, будто почувствовала угрозу. Но было поздно, пальцы уже легли на ледяное стекло.

В глаза ударил фиолетовый свет. Ослепил, чтобы тут же отступить. Полумрак ватной тишиной сдавил виски. Роми показалось, что она перенеслась куда-то, или вселилась в кого-то. Видит чужими глазами. Помнит то, свидетелем чего никогда не была.

Так уже было, когда она делилась памятью с Мирой. Так, но иначе.

Прохлада глиняных стен не спасает от жара среднего слоя. Вся планета- огромный огненный океан, лава запертая внутри каменных глыб. Фахтэ. Планета- смертница. Одна из пяти, подаренных тем, кого не должно было быть. Тем, кто нарушил Закон Кольца. Единственный дом, что у них остался.

У кого- у них? Что за Кольцо? Какой еще Закон... — хочет спросить Роми. Но спрашивать некого. Она- лишь свидетель, безмолвный и бесправный.

— Вы, правда, считаете, что все это- наказание древних богов во имя спасения всего рода человеческого и не только? — Роми силится вспомнить человека, который задал вопрос, и ничего не выходит. Почему-то кажется, что это неправильно. Она должна его знать. Человек же, высокий, абсолютно лысый, бледный мужчина, продолжает говорить. Желчно, зло:- Добрых богов? Потому, что они не уничтожили нас, а дали еще один шанс. Заперев, как зверей? Что за свое легкомыслие, самоуверенность, за дерзкую попытку возвыситься и примерить личину Творца, мы теперь должны вечность провести под землей, размышляя над собственными ошибками? И после этого, злые боги- мы?

— Мы, вообще, не боги. Как и они, — тихо ответила та, чьими глазами смотрит Роми. И она с изумлением узнает свой голос. — Нам оставили пять миров. Мы угробили четыре из них. Залили водой Ауки, обеспечили вечный ледниковый период на Стивале, уничтожили всю растительность Аланты, после нас остался только песок на Тайко. Фахтэ вскоре отправится следом. Какой бог допустит подобное?

— Злой, — хмыкнули из полумрака, Роми хочет развернуться, но не может. Этот голос она тоже знает. Убедиться бы, что лицо тоже ей знакомо... — У которого всегда есть запасной план.

— У тебя есть запасной план, Самар? — первый мужчина резко подается вперед.

— У меня всегда есть запасной план. Но цена вам не понравится.

— Если теперь ты предложишь уничтожить доа...

— Перестань, Твир. Доа нам не угроза. Никому не угроза. Они пострадали не меньше нашего, даже больше. Алок- зарвавшийся идиот, я- нет. Для таких как он, мы вообще должны были разработать отдельный тест, и отсеивать их на первой стадии отбора, глядишь и не было бы побочных эффектов.

Та, в чью память вклинилась Роми, делает шаг в сторону, кажется, она нервничает. Еще миг и Роми увидит размытое отражение в мутном желтом стекле окна.

В последний момент картинка рассыпается тысячей осколков: здесь, сейчас, в огромной пещере, полной светящихся артефактов, заключающих в себе чужую память, Ромиль Эннавара отдернула руку. В ужасе отшатнулась. Она не хотела видеть дальше.

Кажется, шар повторил ее движения- отлетел обратно, огонек на миг засветился ярче. На секунду, не больше, как раз тогда, когда Роми вскрикнула, наступив на что-то острое.

Пол окрасился желтой кровью, показавшейся невероятно насыщенной, яркой на фоне белизны камня под ногами. Роми вернулась в коридор, села, привалившись спиной к стене,

осторожно вынула из босой пятки несколько прозрачных, тонких осколков. Порез оказался глубоким, но боли, как ни странно, практически не было. Боль бы сейчас не помешала. Что угодно, только не думать о том, что «услышала», «увидела» мгновение назад. Роми посидела немного, потом высунулась на уступ.

Самом краю поблескивало стекло. Разбился от прикосновения? Нет. Шар висел совсем рядом, словно сообщая- передумаешь, вот он я. Желаеть узнать все? Думала, что жизнь уже перевернулась? Поверь, это только начало.

Роми верила, но не хотела больше ничего слышать. Не оглядываясь, запрещая себе сомневаться, прихрамывая, она вернулась в первый зал, забрала босоножки и нащупала Путь домой.

Ей всегда нравилось смотреть на ночное небо. Необъятное, усыпанное мерцающими звездами, далекое и близкое одновременно, оно притягивало, вынуждая тело замирать, а сердце биться быстрее. Обещало, звало, манило неизведанными Вселенными, скрытыми от нее где-то там за темнотой. Не обмануло. Теперь всего лишь на миг надо сосредоточиться, сфокусировать взгляд, и антрацитовый небосвод откроет надпространство, рассыплется бесчисленными порталами, обнажит Пути, настойчиво укажет на искорки-Следы тех, с кем довелось столкнуться.

Сегодня все это совсем не хотелось видеть, и Мира старательно игнорировала, убеждая себя, что просто неудачный день, когда почти все вокруг с самого утра тревожит, навеивает беспокойные воспоминания. Но даже обычное небо все равно напоминало, где она и почему. Причудливый рисунок созвездий отличался, в каждом мире- свой, неповторимый узор. Уникальный, как их энергетический след...

Мира невольно улыбнулась. Раньше сравнила бы с отпечатками пальцев, теперь же...

Теперь все иначе. Теперь она- доа.

Родной Актарион закрыт навсегда. В их последнюю встречу Таль четко дала понять, появляться там не стоит. И в общем-то, Мира не сердилась. Как ни странно, не держала зла. Согласилась, что так, действительно, будет лучше. И даже испытывала нечто похожее на благодарность. В конечном итоге Таль подарила способности. Остальное- уже история.

Она влилась, приняла, научилась. Привыкла. Только вот новая, яркая действительность и возможности не изменили сути. Поменялись масштабы: раньше бесцельно скиталась по Миеру, сейчас- между мирами. Такая же неприкаянная, может быть, сильнее... Нет, без «может быть». Совершенно точно- до знакомства с Ллэром хотя бы не пыталась убежать от самой себя. Но это ее выбор. Могла послушаться Ллэра, однако предпочла сделать по-своему. Ставила точку, получилось многоточие.

Ллэр... Они не виделись почти три месяца. Теперь, даже если постарается, не сможет нащупать его След. Прошло слишком много времени... Можно, конечно, отправиться в Тмиор, попробовать отыскать Роми или Алэя. Они наверняка знают, где сейчас Эль. Но иррациональный, не похожий ни на какой другой мир атради внушал необъяснимый ужас. От одной только мысли оказаться там начиналась настоящая паника. Причины такого страха Мира не могла объяснить даже себе, а стойкому, непроходящему желанию держаться от Тмиора подальше не сопротивлялась.

В уютный Бэар, наоборот, хотелось возвращаться снова и снова. Может быть, даже остаться. Пусть не насовсем, пусть на какое-то время... Она не решалась. В основном из-за Адана, хотя в их последнюю встречу он уверял, что будет только рад, поможет устроиться, начать новую жизнь. Мира не верила. Видела, чувствовала- ее присутствие мешает, напоминает ему о том, что он явно хотел забыть.

Скорее всего, им следовало откровенно поговорить, и Адану стало бы легче. Только он не спешил начинать разговор, а Мира боялась, вдруг именно она возглавляет список тех, кого он не желал помнить. Можно опасаться, догадываться, подозревать, но услышать признание из его уст было бы слишком тяжело. Ведь от сильной и постоянной связи между их биополями так легко не отмахнешься. Где бы ни находились, они постоянно ощущали друг друга, пусть со временем научились игнорировать это чувство. Полностью блокировать

не получалось, а в пределах одного мира связь возрастала в сотни раз, становилась обузой. Это не Таль или Роми, о которых можно просто не думать, выкинуть из головы, сделать вид, что не существует и не существовало никогда, как и всего остального, например, Теней.

Сильный порыв холодного, пронизывающего до костей ветра настойчиво подтолкнул вперед, напоминая, зачем она покинула теплую гостиную с горящим камином, толпой приглашенных гостей и ароматом из запахов сотни приготовленных на торжественный ужин блюд. Мира зябко поежилась, кутаясь в легкую шаль, шагнула к невысокой мраморной ограде. Остановилась, оглядываясь на замок.

На фоне ночного неба, сверкающий серыми гранитными плитами в призрачном свете голубой луны каменный красавец поражал величием и мощью. Чем-то даже напоминал Тмиор, хотя по размерам едва мог претендовать на десятую часть странного жилища атради.

Мира легко перепрыгнула через ограду, мигом оказываясь на малюсеньком выступе, где едва помещались ступни. Стянув накидку, разжала пальцы. Ветер мгновенно подхватил, унося прочь, и сразу же принялся нагло ласкать оголенные плечи. Лунный свет, словно не решаясь соперничать с ним, чуть замешкался. Но спустя секунду по венам побежало уже знакомое питательное тепло.

Несколько секунд Мира так и стояла, зажмурившись и купаясь в голубых, прозрачных лучиках ночного светила Сейфана- приветливого и совсем неразвитого мира, где жители даже не догадывались о каком-либо техническом прогрессе. Новейшим изобретением уже несколько лет здесь считалась колесница, запряженная парой смешных, выносливых животных, отдаленно напоминавших лошадей. Мужчины носили наглухо закрытые темные костюмы, а женщины прятали ноги под длинный подол разноцветного платья, выставляя напоказ грудь и руки, украшенные многочисленными браслетами, ожерельями, кольцами и бусами из драгоценных камней. Сейфанцы не слышали о водопроводе и электричестве, пользовались бумагой, свечами и простейшими механизмами. И были счастливы. По крайней мере, казались таковыми.

В Сейфане почти нет солнца, зато ночи длинные и лунные, поэтому из всех Вселенных, где успела побывать, здесь Мире нравилось больше всего. Здесь получилось задержаться дольше, чем в остальных. Здесь она почти не чувствовала себя гостьей.

Дома у Ллэра было совсем иначе. Некрасивый, неприветливый мир, казалось, создан для того, чтобы прощаться. Уходить, забывать. Тяжелый воздух, вечно серое от грозových туч небо, желтые круги по краям луж после дождя... Раскаленный асфальт, многоярусные автострады, высоченные, однообразные здания... Бетон, стекло, металл... Мира так и не смогла понять, почему Ллэр выбрал для жизни подобное место, когда открыты сотни, тысячи более привлекательных.

...Первое понятное, осознаваемое ощущение- прохлада, но не такая, когда в приоткрытое окно дует свежий ветерок. Равномерная прохлада хорошо кондиционируемого помещения. Дышалось легко- и это все, что волновало в первые мгновения.

Потом она открыла глаза и увидела высокий, ровный, белый потолок, со множеством точек-лампочек, выключенных сейчас. По левую руку всю стену занимало окно, за которым клубился густой, непрозрачный дым, будто снаружи что-то горело. Завораживающе, не спеша, завивался в узлы, чуть бледнел, наливался серым, шел черно-белыми мраморными узорами, будто его прародитель огонь то пытался погаснуть, то разгорался снова.

Мира хоть и не сразу, но поняла, что это всего лишь эффект непрозрачности у стекла- такого дыма не бывает на самом деле. Лежа на боку, наслаждаясь тем, что ничего не болит,

и в легких больше не собирается мокрота, не дающая вдохнуть полной грудью, она некоторое время бездумно наблюдала за хороводами на стекле. Потом снова откинулась на спину и поняла, что по правую руку как ни в чем ни бывало посапывает Ллэр. Ласково коснулась пальцами его щеки. Он пошевелился, что-то пробормотал невнятное, но не проснулся. Надо же... Она почему-то была уверена, что у атради как минимум должен быть чуткий сон. Или что они, вообще, не спят, а если спят, то понарошку... Как с едой, когда на самом деле в пище нет никакой необходимости.

Мира с улыбкой села. Ллэр тут же открыл глаза.

— Я все слышу.

— И мои мысли читаешь?

— Сразу после того, как выпью кофе... — он приподнял голову, снова уронил на подушку. — Сон нам не нужен для восстановления сил, но от некоторых привычек не избавиться никогда, — зажмурил один глаз:— Как ты себя чувствуешь?..

— Живой... — Мира улеглась обратно, перевернулась на бок к нему лицом и закуталась в мягкое одеяло. Как-то отрешенно отметила, что оно не одно на постели- у Ллэра было свое. А еще, что на ней кроме нижнего белья ничего нет. — Что случилось? Где мы?

— Мы у меня... Не в Тмиоре. А случилось то, что у тебя, кажется, все вышло, — он тоже перевернулся на бок, протянул руку, дотронулся ладонью до ее щеки. — Ты ничего не помнишь?

— Ну не совсем уж ничего... Что-то... — прошептала она, наслаждаясь ласковым прикосновением. Закрыла глаза, пробормотала с улыбкой:— Помню, как ты меня подхватил на руки, назвал котенком... Потом красный потолок, голос Таль... смутно... и все... Это она меня вылечила?

— Таль... поставила на тебе крест. Ты все сама. Ты поразительно сильная...

Он говорил, рассказывал- Мира не верила. Хотя чудес хватало, но такого не ожидала. Самоисцеление... Возможность направить энергию внутрь, вылечить себя, так разве бывает? О таком никогда не слышала. Такое, даже после всего пережитого и увиденного, казалось абсолютно нереальным. И тем не менее, по словам Ллэра именно это она и проделала. Не без его помощи, но сумела спасти саму себя, заставив беспощадный вирус заткнуться. Навсегда ли? Об этом сейчас совсем не хотелось думать.

— Ко мне должна прилагаться какая-то инструкция... с перечнем возможностей и обязательными правилами эксплуатации, — она тихо засмеялась, прищурилась. — Мне опять повезло, что ты нашел правильную кнопку.

— Таких, как ты, не было, нет и вряд ли появятся... Но инструкцию потомкам на всякий случай все равно можно составить, — Ллэр улыбнулся. Подобрался ближе, нашел ее руку, потянул Миру к себе. Одеяла определенно мешали. — Та кнопка была явно не последняя ненайденная...

Она послушно юркнула под его одеяло, прижалась, уткнувшись лбом в теплое плечо. Близость тела сводила с ума, и думать о том, что случилось, как, что ждет дальше, в данный момент просто не получалось. Да и не хотелось. Еще успеется...

— Хочешь поискать другие? — прошептала Мира.

— Хочу поискать, — он коснулся губами ее шеи, потом плеча, чуть отстранился, поделовому подцепил мизинцем и потянул вниз кружевную бретельку, — и поищу... Если, конечно, не получу за это в глаз...

— Зависит, как будешь искать.

— Не отвлекаясь на разговоры.

— Необязательно говорить... Мы ведь можем поделиться... Я хочу слышать, — она пристально посмотрела в серые глаза, — всё.

— Всё?

Мира кивнула.

— Значит, будет тебе всё...

— Звучит, как угроза, — она улыбнулась. Снова, как на Тмиоре, уже знакомая волна наслаждения от прикосновений подхватила, заставляя на миг потерять связь с реальностью. Каким-то чудом, прежде, чем окончательно сойдет с ума от ласк, Мира сумела отстраниться, перехватить руку Ллэра, сцепив свои пальцы с его в замок. — Почему ты меня не бросил там?

— Там?

— У Самара.

— Я... — он, кажется, удивился. — Ты думала, брошу?

— Я не думала... в том состоянии, — она нахмурилась. Может, не стоило заводить этот разговор прямо сейчас. Или, вообще, не стоило, никогда, но не получилось промолчать. Это казалось важным- проговорить до. — Ты не знаешь, что там случилось, и мог... подумать, что я... Я же... — Мира замялась, не в силах произнести печальную правду- она погубила несчастного атради в домике, пусть и не понимала до сих пор, как именно это произошло.

— Ты убила его, — закончил за нее Ллэр. — По крайней мере, это одна из возможностей. Есть же, как минимум, еще наши ониксовые друзья-Тени, — замолчал. Откинулся на спину, привлек Миру к себе, просто обнял, крепко. — Мне нужно знать, понимать, что там произошло. Это важно. Но это никак не влияет на то, что... Я бы не оставил. Я же... я говорил, не позволю тебе погибнуть.

Мира приподнялась, чтобы поймать его взгляд. Какое-то время молча смотрела в глаза, пытаюсь отыскать в бездонных колодцах, где можно легко и незаметно утонуть, необходимые сейчас ответы. Не вышло, но зато увидела что-то гораздо большее, ценное, важное. Ллэр не обманывал. Для него, действительно, очень важно все, что случилось. И это никак не влияло на чувство к ней. Пусть это даже не совсем чувство... Не осознанное и не оформившееся, но уже настоящее, искреннее.

— Я попробую. На скале... Когда меня притянуло... Я думала, что убила их. Хотя нет, — Мира покачала головой. — Я не думала. Просто начала задыхаться, как все. Приготовилась умереть, а затем во мне проснулась... Она... Вторая... — Мира осеклась. — У тебя ведь тоже так, когда ты что-то делаешь... такое?

— Вторая?... Нет. У меня не так. Но я знаю, о чем ты... слышал, читал, — усмехнулся. — Когда пытался понять, откуда взялись атради, и кто такие доа. Это ваше... наверное. Или переходное... Твое второе я, которое делает тебя сильнее нас. Независимее... ни от чего.

— Как это? Ты разве от чего-то зависишь? — удивилась Мира.

— От солнца Тмиора. Единственного светила, которое нам по-настоящему подходит. Я, конечно, могу сжечь всю электронику в доме, позаимствовать обычные поля, чтобы сотворить почти чудо, как... Как когда Адан приложил тебя об стену. Но, в конце концов, я помчусь домой. На Тмиор.

— А я- независимей и сильнее, потому что не помчусь? — улыбнулась она, нежно пробегаясь кончиками пальцев по его щеке, подбородку, шее, ниже... Уже готовая скинуть в сторону одеяло, опомнилась. Улыбнулась еще шире. — С тобой невозможно разговаривать,

когда ты так близко... Это не жалоба, — поспешно добавила, испугавшись, что Ллэр отодвинется. Нашла губами его шею. Прошептала, целуя:— Я не слишком признательна за спасение?

Как-то очень ловко Ллэр перевернул Миру на спину, и теперь уже он склонился над ней. Отрывисто поцеловал:

— Слишком- не бывает, — снова поймал губами ее губы, не дав ответить. — Правда, ты сама себя спасла. Я только зудел над ухом...

— И что же?

— Не сдавайся. Не останавливайся на полпути... Всякое. Я могу быть красноречивым, — без тени скромности ухмыльнулся он. — Не надейся, что я поделюсь секретом, вдруг мне еще пригодится этот трюк. Эффект неожиданности и все такое...

Мира лукаво прищурилась, прикусила губу. Всего лишь небольшое усилие, и Ллэр взлетел и застыл в воздухе прямо над ней.

— Эффект неожиданности, а?

— Ага, — он исчез, появился тут же рядом, слева, лежа на боку, опустив голову на согнутый локоть. — У меня тоже есть несколько фокусов.

— Не сомневаюсь. Но я, вообще-то, не собиралась с тобой мериться силами. Прости, глупо... На чем я остановилась? А... — вспомнив, Мира серьезно посмотрела на Ллэра. — Я не знаю, что она сделала... Та, вторая... С Тенями в смысле... — запинаясь, попыталась объяснить дальше:— Вы сказали, что я их убила, но они, видимо, просто... как-то оказались внутри меня. А потом, когда у тв... у Алэя я стала задыхаться и попыталась перенестись куда-то. Подальше, мне было все равно куда. Оказалась в доме с этим... Самаром. А вот потом Тени вышли наружу. Буквально. Меня словно заморозили, вышвырнули куда-то и все... После этого я очнулась уже на поляне, где был ты.

— Я испугался, что ты могла забрать себе его рак, — неожиданно сказал Ллэр, уставился в потолок.

— Я не... Ты... — Мира смутилась, несколько секунд молчала. — Что случилось с Тенями?

— Они устроили нам небольшое шоу с частичной сменой времен года, но без рукоприкладства. Потом рассыпались. Кажется, в этот раз навечно, — Ллэр замолчал, словно раздумывая, продолжать или нет.

— Кажется или? — насторожилась Мира. — Не то, что бы паранойя, но мне бы не хотелось быть... переносчиком заразы.

— Доказательств у меня сейчас нет. Но я почти уверен, что мы попросились с ними с концами. И ты не переносчик заразы. Ни в коем случае. Если некоторые мои догадки верны, то ты, скорее, переносчик лекарства, хотя этого никто не оценит.

— Какого лекарства? — она придвинулась, обняла, опустив голову ему на грудь.

— Это только предположение. Тмиор изменится, они еще не знают, им наверняка не понравится. Но... все лучше, чем ничего. Чем сейчас, — Ллэр водил кончиками пальцев по ее спине. — А может быть, я слишком много на себя беру. Может быть, они решат, что мне надо снести башку.

— Они?

— Другие... Остальные. Атради. Там такой, наверное, сейчас бардак...

— Они могут прийти сюда? — Мира неожиданно для себя испугалась. Почему-то в словах слышалась явная угроза. Если не ему, то ей. Или им обоим.

Ллэр вдруг рассмеялся.

— Страшно? Придут, погром устроят, помешают...

— Страшно, — на полном серьёзе ответила Мира, села. — Можешь смеяться, но... — Пожалуй, впервые за эти дни Мира четко осознала- таких, как она, не просто не было и, наверное, не будет. Таких, как она, быть не должно. И как только они это поймут, как только узнают, кто виноват в смерти Самара, обязательно начнут выяснять, как и почему. — Роми не станет молчать, расскажет им, где я, а потом...

— Роми не знает, где ты. Ни она, ни Адан не появлялись уже три дня. И прежде, чем ты еще больше запаникуешь, заверяю- они живы.

— Знаю, что живы. Дело не в этом. Я не паникую. Я... Я жить хочу. Не вечно, но долго.

— Будешь, — просто заверил ее Ллэр. — Долго. Вот увидишь.

— Звучит неубедительно... Скажи еще, что собираешься остаться рядом навсегда, — она резко замолчала. Почему-то последнее слово в отношении Ллэра звучало так же обреченно, как никогда.

Конечно, он этого не сказал. Какое-то время молчал, смотрел в потолок, потом тоже сел. Заговорил тихо, глядя в сторону.

— Таль оставила тебя в покое. Ты вроде бы справились с вирусом. Этот мир, эта квартира- о ней знают единицы. Ромиль. Алэй. Еще один человек, Оэн, может быть, когда-нибудь, я вас с ним познакомлю. Ты... здесь безопасно. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь. Хотя после розово-голубого благолепия Актариона, Давинар покажется тебе постиндустриальным адом. Вонь, грязь... Дом защищен, никакие «они» не смогут ввалиться без предупреждения, всегда будут нужные секунды, чтобы удрать. Твою метку не так просто отследить, тем, кто... не имел с тобой дела. Я... — он осекся, наконец посмотрел Мира в глаза. — Я не хочу, чтобы ты лезла во все, что будет дальше. Останешься в стороне- будешь жить долго. Пойдешь следом... Я тебя погублю, потом... никогда себе... — отвернулся. — Не преднамеренно, конечно. Просто это я. Наверняка Роми хотя бы раз говорила подобное обо мне. Я все всегда порчу.

— Подумаешь, — раздраженно фыркнула она. — Портить я умею даже лучше тебя. И вообще... — Мира помрачнела. — Давай договоримся, ты не будешь мне указывать, куда лезть, а куда- нет. Я решу сама.

— Ты когда-нибудь своими действиями уничтожила целый мир?

— Пока нет, — она с вызовом улыбнулась. — Еще не вечер.

— Зря хорохоришься. Это не так увлекательно, как звучит. Очень, очень больно, и в конце совершенно ничего не хочется. Найти себе цель жить дальше могут не многие. Ты хочешь почувствовать себя куклой? Манекеном. Големом?

— Вот давай только без взрослой философии тысячелетнего, умудренного бесценным опытом, — Мира обиженно поджала губы. — Хочешь, чтобы я ушла, так и скажи.

— Нет никакого тысячелетнего опыта! Мне и семисот еще нет... — Ллэр неожиданно подался вперед, обхватил ее лицо ладонями, прижался лбом ко лбу, почти касаясь губами губ, прошептал:- Я хочу, чтобы ты жила. Не хочу, чтобы ты... Не хочу, чтобы ты меня возненавидела.

— Этого не случится. Я на твоей стороне, — тоже шепотом ответила она. — Твоя... Навсегда...

Мира открыла глаза. Улыбнулась луне Сейфана, без страха посмотрела вниз. Где-то там, у подножия высокого утеса яростно плескалось море, пряча под толщами холодный

воды скалистый берег. Начинался отлив, но огромные своенравные волны продолжали с неумолимым постоянством ударять по острым каменным глыбам. Интересно, если шагнуть вперед, как долго сможет удержаться и блокировать способности? Получится ли не поддаться сильнейшему из всех инстинктов, заложенных в нее- самосохранению? Как быстро воспользуется даром восстановиться и залечить собственные раны, если все же не разобьется насмерть? Или все-таки сумеет проявить достаточно воли и закончить то, что должно было случиться еще в небе Миера, не вмешайся тогда Ллэр?

Мира снова улыбнулась. Ответ знала и так- не сможет. Пусть ни разу по-настоящему не пробовала, хотя часто вспоминала Алэя, мысленно проигрывала, как срывается, камнем летит вниз... И каждый раз убеждалась- желание жить сильнее.

В шумном, душном полумраке праздника никто не заметил ее исчезновения. Мира, протиснувшись в середину зала, поправила длинное платье из фиолетового бархата с ярко-зелеными треугольными вставками. Внимательно огляделась, почти сразу нашла взглядом Эйтана. Он по-прежнему увлеченно беседовал в окружении нескольких пожилых мужчин в малой гостиной, легко просматривающейся через анфиладу распахнутых настерж позолоченных дверей. Эйлин, его младшая сестра, как и положено гостеприимной хозяйке бала, не спеша обходила многочисленных приглашенных, о чем-то перешептывалась с разодетыми девицами, одаривала восхищенными взглядами дам в возрасте, приветливо, но сдержанно кивала их мужьям, кокетливо улыбалась молодым кавалерам. Высокая тоненькая фигурка, как мотылек, без устали порхала по паркету, исчезала в одном конце огромного зала, чтобы через пару минут появиться в противоположном.

Мира познакомилась с ними пару месяцев назад, когда впервые перенеслась в Сейфан. По воле случая оказалась в нужном месте в нужное время- Эйлин оступилась на скользкой мостовой и, упав на спину, сильно ударилась головой практически у нее на глазах. Не долго думая, Мира бросилась спасать девушку, и только потом, когда юной кареглазой красотке уже ничего не грозило, осознала, что их могли увидеть и по-своему растолковать нехитрые манипуляция с лунным светом... Прецеденты бывали уже не раз- в неразвитых мирах отношение к Способностям лавировало между проклятьем, табу и магическим действием, внушающим ужас и зависть. Реакция и последствия могли быть разными, но обычно не сулили ничего хорошего. Однажды ее даже тащили на главную площадь, чтобы публично сжечь на огромном костре. Поначалу все казалось увлекательной игрой, позже пришло ощущение опасности. Мира спаслась практически в последний момент, когда горячие языки пламени всю щекотали пятки. Тогда зареклась переноситься в подобные Вселенные, а уже через день забыла данное себе обещание и продолжила путешествовать именно по таким, потому что развитые миры вселяли тоску, напоминая Актарион или Бэар.

На этот раз повезло. Темнота и морозящий дождь спасли от нечаянных свидетелей. Ей даже не пришлось подчищать память. Эйлин лишь благодарила, восторженно повторяя, что Миру послал сам Ангел, когда к ним подоспел встревоженный Эйтан. Бледный красавец с такими же как у сестры рыжими глазами искренне радовался, что с Эйлин не приключилось непоправимой беды, и не задавал вопросов. Оба, не задумываясь, поверили в на ходу придуманную легенду и пригласили погостить у них. Если Мира и колебалась, то громадный замок на утесе, оказавшийся родовым гнездом богатых сиблингов, решил все, моментально уничтожив последние сомнения. С тех пор она почти постоянно проживала там, изредка совершая кратковременные вылазки в другие миры. Такая жизнь устраивала, позволяя делать то, что нравилось, не обременяя себя жилищными проблемами.

Мира вернулась вовремя- начинались танцы. Ей нравилась и медленная, трагичная живая музыка, и вычурные па, и магия летающих по залу танцующих пар. Она находила какое-то необъяснимое наслаждение, копируя незнакомый многообразный язык из движений и жестов, словно впитывая в себя все мысли и чувства очередного партнера. От последних отбоя не было. Вот и сейчас чьи-то руки подхватили, закружили в танце. На понимание, кто перед ней, ушло несколько секунд.

— Привет, — просто сказал Ллэр, не позволяя остановиться.

— Ты... — еле слышно выдохнула Мира, когда снова обрела дар речи.

— Я, — как ни в чем ни бывало улыбнулся. Сжал руку чуть крепче.

— Я соскучилась, — она бросила осторожный взгляд по сторонам. На них никто не обращал внимания. Снова посмотрела на Ллэра. — Очень...

— Не волнуйся, им плевать, что я несколько не по форме одет, — отозвался Ллэр. Привычные черные джинсы, конечно, еще могли вписаться в местную моду, но белая рубашка- вряд ли. — Помнишь, как тогда на вашей чудной розовой полянке в Миере?

— Уже на вашей, — ехидно заметила Мира. — Твоя гениальная Таль изгнала меня из Рая.

— Так-таки Рая... Хочешь обратно?

— Замолвишь словечко? — она плотнее прижалась, обхватив его шею руками. Какая разница, как танцевать, если их все равно никто не видит? — Хотя, знаешь, не надо. Мне здесь очень даже нравится... В Миере слишком много солнца. Кожа быстро стареет.

— Я знаю, ты тут неплохо устроилась, — руки Ллэра скользнули вниз, он наклонился, мягко поцеловал, крепче обнял. — На здешние шмотки уходит слишком много ткани... Поверишь, если я скажу, что тоже соскучился?

— Каждый раз, когда ты так спрашиваешь, хочется не поверить. Но верить хочется сильнее, поэтому верю, — она опустила ладони на его плечи, встретилась взглядом. — Зачем ты здесь?

— Соскучился, — повторил Ллэр. И в его глазах она увидела, что это, кажется, действительно так. А еще там была усталость. Не та, что раньше, когда его утомляла лишь долгая жизнь, а другая. Когда не дают выспаться, когда все время нужно куда-то спешить, что-то делать, с чем-то разбираться. Здесь, сейчас, в этом мире так легко было прочесть его мысли, узнать все самой, но делать этого не хотелось.

— Пойдем, — Мира ласково подхватила под руку, вынуждая Ллэра остановиться и подчиниться.

В ее комнате все еще горели свечи. Немного- в самом углу, на высокой каменной подставке, выхватывая из полумрака очертания огромной кровати. Остальные потухли, пропитав воздух сладковатой горечью. Снизу, сквозь несколько метров цельного камня, еще доносились приглушенные звуки музыки, но достаточно тихие, чтобы помешать разговору.

— У тебя что-то случилось, я вижу, — Мира на мгновение задержалась, прижимаясь к Ллэру и удерживая в руке его холодные пальцы. Потом отступила назад, обвела комнату широким жестом, приглашая располагаться там, где захочет. — Могу чем-то помочь?

Ллэр выбрал нишу у окна, но сел не сразу. Некоторое время стоял, глядя словно в никуда. Потом все же опустил на камень.

— Я- идиот. Можешь помочь с этим?

— Попробую. Подскажешь, как лучше?

— Пулей в лоб. Скоро это станет возможно... — он протянул руку. — Иди сюда.

Мира послушно приблизилась, опустилась на его колени, обхватив Ллэра за шею. Нежно поцеловала в голову, вдыхая родной запах. Легкая тревога, не покидавшая с самого утра, заметно усилилась.

— Все так плохо?

— Все... Меняется. А они не верят. Атради. Замок развернулся, утратил многомерность, поломал на фиг половину леса, а Надстаршие не верят, что это конец.

— Конец? — Мира удивленно вскинула брови. — Значит, ты все-таки нашел способ?

— Я искал возможность выбора, а нашел- тебя... Я хотел измениться сам. Не утопнуть в вышедшем из берегов Море Истока, а обрести возможность ценить время. Я хотел отдать долг... — он смотрел не на нее, а на стекло, за стекло, в темноту, будто мог там что-то увидеть. А может и мог. — Знаешь, на что меня в свое время поймала Роми?

Мира не знала.

— На что?

— Мой отец умер до моего рождения, и мне его чертовски не хватало. А потом пришла Роми, и... безграничные возможности с вечной жизнью шли бонусом.

— Алэй... — она осеклась. Задумалась, стоит ли говорить то, что на самом деле думала об его отце, о том, какой выбор он сделал и как сделал. Не потому что опасалась реакции Ллэра. Просто не была уверена, нужно ли ему сейчас это. Казалось, он просто хочет рассказать, поделиться, а не слушать ее мнение по каждому пункту. И препятствовать его желанию, помешать, испортить... боялась. В конце концов, что она понимает? У нее никогда не было родителей, ей не пришлось делать самостоятельный выбор между бессмертием и обычной жизнью, между способностями и ограниченной реальностью мира. — Вы говорили? Я имею в виду, с тех пор, как он... я...

— О том, что ты сделала?

Она мотнула головой, хотя Ллэр по-прежнему не смотрел на нее.

— О том, как он теперь собирается жить дальше... вечно.

— А он не собирается жить вечно. Он, как раз, в курсе всего, что нам грозит. И... — Ллэр поднял на нее глаза. — Ты хотела что-то сказать, но остановилась. Алэй- что?..

Мира вздохнула. Какое-то время молчала, наблюдая, как лунный свет отражается на темной ряби моря за окном. Потом все же решилась.

— Алэй виноват... во всем, что случилось с тобой. Может быть, только он. Не потому что выбрал жизнь и пошел за Роми, бросив вас, а потому что ничего не сделал, чтобы вернуться и быть рядом. Хотя бы с тобой... В те минуты, когда тебе это было нужно. Тогда все, наверное, было бы по-другому.

— Все тогда, действительно, могло быть иначе. Было бы. Но я никогда его ни в чем не винил. И я не жалею на свою... — он хмыкнул, — первую жизнь. Я тот, кто я есть, потому что тогда все сложилось именно так. У меня было чудесное детство. До тринадцати лет я, вообще, вел себя, как избалованная маменькина сволочь. Смерть отца неожиданно принесла успех последней его книге, причем такой... Моя семья и раньше не испытывала стеснения в средствах, но к моему рождению пришел именно Успех. Невероятный. Я ни в чем не знал отказа. Мог делать то, что хочу, как хочу и где хочу... И делал, — он помолчал. — Алэй не знал о моем существовании. Роми ничего не говорила ему до последнего. Запретила мне. Ждала, пока я изменюсь. Боялась, что не выйдет, ведь такого никогда не было- чтобы кровные родственники обладали равным даром. Переживала, что тогда отец не выкарабкается. Что потеряет его. Она, наверное, никогда ни за кого так не боялась, как за

него, — Ллэр усмехнулся. — И я не знаю, хватило ли у нее смелости сложить два и два, посчитать... У меня- хватило, я спросил... Он был там. Дома. Спустя день после похорон, и за день или два до того, как в его ДНК не осталось ничего человеческого.

— Почему-то меня это совсем не удивляет, — Мира отвернулась. Поджала губы. — Не мне его судить.

— Не тебе, но ты судишь.

Хотелось огрызнуться, но Мира промолчала. Ллэр же почему-то тихо рассмеялся и крепче ее обнял.

— Он лучше меня. Когда-нибудь ты это поймешь.

Она хмыкнула. Желание ляпнуть в ответ какую-нибудь пакость росло, но контроль все еще поддавалось. Сменила тему:

— Так что у вас там еще стряслось?

Он помолчал. Не выпуская Миру, устроился поудобнее в нише.

— У нас там... Тмиор возвращает себе былое состояние. Изначальное. Естественное. Море беснуется, солнце идет пятнами, воздух то становится ледяным, то раскаляется... Очень скоро все закончится, там. Но не с ними. Не с нами... Мы останемся прежними.

— Это как?

— Тмиор- искусственный мир. Точнее, измененный для того, чтобы атради могли в нем жить. Существовать. Вся эти лесные просторы вокруг, Море, многомерный замок- не возникло само по себе, ему помогли. Даже сам воздух. Только не спрашивай меня, как. Я не знаю. Может быть, если бы знал, смог бы починить, — усмехнулся. — У меня всегда было в порядке с самомнением. Ломать- не строить...

— Я не об этом, — Мира нахмурилась. — Ты сказал, все закончится... Это как? Атради не смогут жить на Тмиоре?

— Не смогут. И останется или перестать быть атради, или найти другой источник питательной энергии.

— Таль знает, как помочь?

— Таль, как ты понимаешь, знает, как человека превратить в доа. Это не совсем то же самое, что сделать из доа- атради. Но у нее... Ей нравится мысль получить несколько тысяч доа для дальнейших опытов. И у нас с ней есть идея, которую пока не довелось испробовать. Если поставить опыт на мне, то в лучшем случае мы получим чуть одаренного человека. В худшем- я могу оказаться мертв гораздо раньше, чем хотел бы.

Мира растерялась. Замерла, вцепившись в Ллэра, сбивчиво прошептала:

— Ты... ты не можешь умереть... Я не хочу... не надо...

— Я тоже не спешу на тот свет, как бы там ни казалось другим. Я- идиот, но не... — он вдруг замолчал. Наверное, хотел сказать- самоубийца, но прозвучало бы это двусмысленно. — Смертность и уязвимость сейчас тоже не лучший подарок.

— Я могу помочь?

— Можешь. Будешь рядом, если я... все-таки сделаю еще какую-нибудь большую глупость?..

— Какую еще глупость? Слишком много на себя берешь! Ты ничего не делал, ты... ты просто искал, наблюдал... Все вышло из-под контроля без тебя! Если кто и виноват, так это я, потому что привела Тени к вам... И Таль со своими экспериментами! — Мира вскочила, несколько раз нервно прошлась по комнате, словно угодивший в ловушку дикий зверь: понимая всю беспомощность в сложившейся ситуации и одновременно не желая ее

признавать. Резко сорвала с плеч платье, переступила через него и так и оставила валяться на полу бесформенным темным комком. Оно было хорошо для бала, сейчас- мешало дышать, стягивало кожу. Еще раз метнулась туда-обратно, остановилась напротив Ллэра. — Конечно, я буду рядом. Буду, но не хочу просто быть утешением, если... когда... — Мира тряхнула головой, продолжила, нервно жестикулируя:- Ты хотел, чтобы я не лезла. Я послушалась. Ушла, не мешала, ждала. Предлагаешь просто продолжить жить дальше в ожидании, что с тобой в любой момент может что-то случиться, потому что Тмиор сгинул, или Таль ошиблась с лекарством? Не стану. Не буду, слышишь? Должен быть способ помочь тебе... им... Всем, кто тебе дорог.

Она знала, где найдет его в это время.

Оказалось, в замке есть спортзал. Напичканный всем, чем только можно, из каких угодно миров. В одном из боковых тренировочных помещений даже была установлена проекционная спарринг-система тирканов, единственной расы, устройства которой не требовали для работы электричества, а потому могли функционировать на Тмиоре. Бассейн же имел несколько режимов, позволяя не только наматывать круги, но и устраивать себе плаванье с препятствиями.

Кто и когда все это обустроил- Роми не интересовалась. Раньше, если была необходимость тренировок, они проходили на свежем воздухе, в открытых павильонах вне замка, в других мирах, где угодно, только не здесь. Теперь- открытые павильоны остались в прошлом, зато был этот зал и уйма пустых смежных помещений.

Она старалась незаметно проскользнуть внутрь, держаться в стороне, не хотела нарочито мешать, обращать на себя внимание, хотя и знала, что он все равно заметит, отвлечется, собьется с ритма. Может быть, как в прошлый раз пропустит удар и получит от Оэна несильный, но обидный подзатыльник. Оэн Гретт, взявшийся помогать вновь полноценно встать на ноги, сказал, что помехи- это даже хорошо, это помогает развивать умение концентрироваться, отсекают все ненужное, и попросил Роми приходить каждый раз в новое время, иногда- не одной, иногда- не приходить вовсе. Сбивать с толку, злить, мешать... Алэй не новичок, сказал Гретт, так что пусть не расслабляется.

Ей нравилось наблюдать, а ошибался он не так уж часто, чтобы ее присутствие, действительно, могло помешать.

Сегодня она пришла позже всего, и из-за двери доносился звон стали. Роми знала, что без фехтования тоже не обходится, но Алэй просил не появляться именно на эту часть тренировки. Она обещала, но сегодня весь день был какой-то не такой.

— Вы оба рехнулись?! — Роми даже застыла от неожиданности. Наверное, закричала очень громко, потому что они почти мгновенно остановились. Опустили клинки. Она тут же оказалась рядом. — У вас мозги набекрень? От многочисленных ударов по голове? Что это?

Практически неуязвимым атради не было необходимости использовать защитное снаряжение, порезы никого не беспокоили, шрамы не оставались, риска смерти или даже более менее серьезной травмы- не существовало, но прежде Роми никогда не видела, чтобы они шли друг на друга с боевым оружием.

— Роми, мы полностью себя контролировали, — сказал Оэн. Рубашка Гретта в нескольких местах была порвана и пропиталась кровью, Алэй выглядел не лучше.

— Ага, я вижу.

— Согласись, поединок получился шикарный! — Алэй ухмыльнулся.

— Я не... — Роми шумно выпустила пар, потом несколько раз раскрыла и закрыла рот. Она не могла понять, что именно так разозлило. Ведь по сути- они были в безопасности. Атради может пострадать, только если в нем почти не осталось энергии, а эти два красавца- как сытые коты, обожравшиеся сметаны. Никакой объективной угрозы. Мира поставила Алэя на ноги, над болью в отвыкших мышцах и позвоночнике он работал. Финал танца со шпагами, что застала она сегодня, говорил о том, что справлялся Алэй отлично. Былая легкость и кошачья грация движений вернулась почти полностью. Ну, а кровь... Вон Оэн

тоже весь в крови. И все-таки она была в ярости от увиденного. — Вы степень шикарности по лужам крови устанавливаете?

— Залечим, — уверенно заявил Оэн. — Уже залечивали.

— Я теперь понимаю, почему была здесь лишней! Ты хочешь... ты...

— Нет, — Алэй не дал ей договорить. Но она и не смогла бы сказать этого вслух: на миг испугалась, что настроение у него не хорошее, а истерическое, и за этим скрывается желание еще раз попробовать со всем покончить. — Приятно контролировать свое тело. Приятно ощущать силу. А это, — шпага со свистом рассекла воздух, — мне, вообще, нравилось всегда больше всего.

Роми вскинула руки.

— У меня нет на это сегодня времени... — пошла прочь.

— Роми, стой... Черт, Гретт, поддержи, — звякнул металл, наверное, Алэй всучил свою шпагу Оэну. — Рэм! — Он догнал ее уже в коридоре. Поймал за руку, заставил остановиться. — Ну что ты...

— Ну что я?! Вы двое... Вы, как дети!

— Ага, — просто сказал он, улыбаясь.

— У вас ветер в голове.

— Ага. Всегда ты была ветром- теперь мой черед. И это здорово, это очень... живое ощущение. Светлое.

— Светлое... — передразнила она. — Алэй, ты же знаешь, вечной жизни впереди больше нет. А без нее не будет и неуязвимости. Все это- временное. Еще день, два, месяц- и все. Может, час! Ты сегодня себя изрежешь, развлекаясь с Оэном, а завтра не сможешь залечить! И он это знает... И...

— Ты права.

— Что?

— О, меня услышали! — он взял ее за вторую руку, сжал ладонки. Посмотрел в глаза. — Ты права, я, как ребенок. Как заново родился. Мир кажется другим, и я ветром по нему ношусь. Не знаю, что со мной сделала Мира, но будто... Знаешь, я верю, что она не просто починила мой позвоночник, а убила остатки рака, который продолжал меня травить все эти семьсот лет. А еще, может быть, я страшный эгоист, но я рад, что Тмиору наступает конец. Что придется вывернуть себя наизнанку. Что, может быть, мне понадобится пластырь, или даже поход к врачу и наложение швов, и что, может быть, останется шрам.

— Разве так просто? Посмотри! — она вырвала руку, махнула на окно. — Там который день идет дождь. ДОЖДЬ! Облака не мешают солнцу, но... Если... когда Тмиору наступит конец- мы погибнем. Нам некуда идти. Не у кого просить помощи. Содружества уже тысячелетия как не существует. Они заперли нас, чтобы мы тут сдохли, но в итоге мы пережили их. Заплатили свой долг Вселенным, нашли, как себя исправить..., но все равно погибнем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы всегда можем вернуться домой.

— Бэар не примет нас.

— Нас может не принять мегаполис под Сферой. Но планета, которую вы называли Эннера- пуста. Солнце даст необходимое, пока мы найдем решение. Выход, который не уничтожит впридачу пару-тройку миров.

Они не первый раз заговаривали об этом. Алэй, который никогда не считал себя атради,

говорил- мы. И от этого ей становилось тепло. От этого она начинала верить, что все может еще получиться. А сейчас переставала злиться на порезы у него на предплечьях.

Он был с ней там, в пещере, полной светящихся шаров, когда Роми решила вернуться. Потом она ему все рассказала. Первому. С самого начала. С того, что еще совсем недавно не помнила.

Она боялась, что это испугает его. Отвернет. Ведь раньше Роми была абстрактно вечной, а теперь бесконечная жизнь превратилась в цифры. Но Алэй сказал, что это не имеет значения. Ничто не имеет. Ни древняя вина, ни старые ошибки. Есть только Мир, что рушится, и будущее, которое надо создать. Есть задача, и она, Роми, вовсе не одна против почти четырех тысяч идиотов, которые не хотят верить.

Но в первый раз она была именно одна. Перед Надстаршим. Теми, кто должен принимать решения. Кто должен заботиться и искать выход. Кто прожил столько, сколько существовали атради, как раса. Кто столько забыл.

Даже когда пошел дождь, первый за многие тысячи лет, а может быть, вообще, первый, Надстаршие ей не поверили. Роми видела, они боятся. Хотя ни за что не признаются в этом. Цепляются за прошлое, которое на самом деле лишь кроха в море их жизнью, и отказываются делать шаг вперед.

Их Мир, наконец, получил возможность сдвинуться с мертвой точки, а они... они не хотели. Перемены за окном казались им просто временной непогодой. Пока еще ничем не грозили. Они играли в равнодушие. Но сделать вид, что ничего не происходит, не выходило даже у самых твердолюбых.

Семьдесят шесть дней назад Замок утратил свою многомерность. Развернулся в плоскости, подминая лес, превращая деревья в щепки. Теперь это было гигантское полупустое строение, которому не хватало хорошей транспортной сети внутри. Об истинных размерах Замка никто, оказывается, не имел даже примерного представления. Непостижимым образом никто не пострадал.

Пятьдесят три дня прошло с тех пор, как взбунтовалось Море. Северное крыло Замка выходило теперь почти на самый берег, и когда первая волна врезалась в террасу, Роми была там. На балконе последнего этажа. Смотрела, точно так же не верила своим глазам, но не боялась. Вода ушла, откатилась на километры. Застыла, набралась сил и снова двинулась на каменные стены. Стихия хотела смыть их с лица Тмиора. Стихия видела в них заразу, болезнь, нарыв, который необходимо вскрыть, вспороть, вывести...

Ллэр оказался прав: этот Мир- искусственное образование, и так не будет продолжаться вечно. Надстаршие и в это не верили.

Пятьдесят один день тому назад Роми решилась. Вернулась в пещеру, полную сверкающих шаров, и в этот раз не стала отдергивать руку.

Теперь она знала- это место- пещера Вэра. Древнего бога, которому они перестали поклоняться за десятки тысяч лет до того, как первому доа пришлось в голову шагнуть за грань возможного и дозволенного. Шары- капсулы памяти. Их воспоминания. Надстарших. Основателей. Семи с половиной тысяч атради. Тех, кто был до того, как Плешь стала втягивать новичков. Больше пятнадцати тысяч капсул. Только две тысячи четыреста двадцать шесть человек пережили последнюю перемену. Вторую перемену.

Вот что имел в виду Самар под «цена вам не понравится». Цена за уют нового мира. Цена за силу, власть. За свободу, на которую они уже не смели и надеяться. За перегрызенные прутья клетки, в которую их бросило Содружество пришлось заплатить

смертью как минимум половины доани. Они отдавали себе отчет, на что идут, но все равно не думали, что результат окажется таким.

Как же жаль, что самый древний атради мертв! Может быть, он подсказал бы, как все остановить. Как не дать их миру вернуть себе изначальное состояние, погубив по пути тех, кого приютил на почти двадцать семь тысяч лет. Благодаря Самару, атради отгрызли у жизни огромный кусок, который потратили впустую.

Она теперь знала, сколько лет прошло с тех пор, как Фахтэ горела в огне, чтобы превратиться в Тмиор. Роми понимала, что становится другой. Смотрит на все иначе, что воспоминания последних тысяч лет- блекнут, что пустоту заполняет то, что когда-то принадлежало не ей, но от этого не становится легче.

Теперь она помнила время, когда ее не существовало. Помнила, как звали родителей. Знала историю своего народа, по книжкам, которые читала очень давно. Боги, в их мире были бумажные книги! По инфо-кристаллам, которые изучала, уже взаперти, потому что больше нечего было делать. По рассказам тех, кто старше.

В их истории хватало перемен. Сотни тысяч лет назад солнце Эннеры едва не убило молодую расу, вызвав резкий поворот в эволюции. Оно заставило приспособляться. Направило естественное развитие по другому пути. Чтобы выжить, древние доа должны были стать сильными. И они стали, начав с того, что поняли, как использовать отраженный свет Луны. Женщины научились лечить, себя, других. Мужчины- просто противостоять вредному излучению Солнца.

Они не жили вечно, но постепенно способность к регенерации увеличила продолжительность жизни почти вдвое. Они не ворочали основаниями Миров, но со временем развили умение по ним свободно путешествовать. Они многому научились. Телепатия, телекинез, левитация- все это больше не было сказкой. Но все равно в какой-то момент им стало тесно. В себе. В своей такой короткой жизни. Ведь сто пятьдесят- это так мало, только успеваешь во вкус войти! В болезнях, которые все еще приходилось лечить.

Им захотелось большего, и долгие годы лучшие ученые умы Эннеры работали над секретом долголетия, пока не нашли ответ. Способ превратиться в доани.

Конечно, не всем оказались доступны места в новую жизнь. Да и кто решится на эксперимент планетарного масштаба, не проверив предварительно последствия на контрольной группе? Критерии первого отбора занимали не один печатный лист, подбор кандидатов велся долго, тщательно и- открыто. Весь мир доа с замиранием следил за новостями в ожидании первых результатов. Не сомневался в успехе. И уже верил, что не за горами тот день, когда появится простой, безболезненный способ для любого желающего, а может быть, даже повсеместная вакцинация в младенчестве, чтобы новое поколение жило дольше, лучше.

Доа не думали о других Вселенных. Не задавались вопросом, почему ни в одном мире никто не живет дольше ста- ста пятидесяти лет. Как оказалось потом — ученые так до конца и не понимали, во что именно собрались превращаться. Они верили, что нашли способ жить дольше.

Их предупреждали. Закон Содружества, в которое входила на правах младшего члена молодая, но дерзкая Эннера, был категоричен. Виль'лари напомнили о тайко, расе, что перестала существовать тысячи лет назад. Расе, из-за которой в свое время и возникло Содружество. Расе, что на собственном опыте показала: эксперименты подобного рода- опасны. Доа едва ли не отмахнулись. Предоставили тысячи и тысячи террабит материалов,

результатов исследований, доказательств и объяснений. Они не сомневались в своей гениальности.

И ошиблись. Во всем.

Новая раса совсем не походила на улучшенный вариант доа. Они создали нечто принципиально новое. Первые же часы изучения показали- те, кто прошел превращение, будут жить вечно. Доани лишь внешне остались теми же. А внутри... Другая суть жизни как таковой заключалась в обычных с виду телах. Энергия, запертая в материи. Невероятная мощь биополей, вторгающихся в поле самой планеты.

Последствия ощутили повсюду. В считанные дни новая раса поставила под угрозу существование Эннеры и сместила баланс энергий в других Вселенных. Они повторяли историю тайко.

Тлай, самая могущественная цивилизация Содружества, сделала предложение, которое единодушно приняли остальные. Закон Кольца запрещает ничем не мотивированный революционный подход к собственному развитию и не терпит нарушений.

Роми помнила свой первый вдох, как вечной. Все было совсем не так, как обещала мать. Ей казалось, изнутри что-то рвется на свободу, требует избавиться от материальной оболочки. Тело горит, чешется. Помогает, если какое-то время не дышать. Боль утихает, становится ноющей, но никогда не проходит. Потом начинаешь задыхаться, и приходится снова сделать вдох, и снова окунуться в волны боли. Она не чувствовала тогда время, но потом ей сказали- это длилось не дольше нескольких часов. Завершающая стадия перемен... Которую никто не ожидал.

Роми помнила, в исследовательский центр на острове Мариай пришло сообщение о том, что творится за его стенами. Об Эннере, терпящей одно бедствие за другим. Об иных Мирах, которым досталось еще больше, и о решении, которое приняло Содружество. Что было дальше, она не хотела думать.

Их изолировали, всех. Изменившихся обрекли на верную смерть в медленно погибающей Вселенной. Остальных упрятали под Сферу, накрыв ей столицу планеты-Бэар. Никому не удалось скрыться- у Содружества все было готово для такого поворота событий.

Роми помнила, как содрогнулись Миры, когда Тлай активировали невидимую, неосязаемую Границу. Как заработало поле, которым спеленали Вселенную тайко, выделенную тем, чье присутствие грозило гибелью миллиардам. Как Содружество выпустило Гончих. Те самые «Тени», что впервые пришли за Адамом три месяца назад.

Технология на десятки тысяч лет пережила своих создателей...

Через почти три тысячи лет доани, на грани отчаянья, вновь решили нарушить закон. Злой бог Самар понял, что нужно сделать, как стать невидимыми для Гончих и Преграды. А еще- как исправить то, что когда-то пошло не так. И появились они нынешние- атради, почти такие же всемогущие, какими были когда-то доа, вечные и при этом безопасные для Миров. И возникли Тмиор и Плешь.

— Они не пойдут. Зачем им голые горы Эннеры, когда есть уютный Замок? Мы не сможем заставить.

— Когда запахнет жареным- побегут. Вот увидишь.

— А если- нет?.. А если- не успеют? Мы должны уйти раньше, чем все начнется. Но это сложно поверить. Почти невозможно. Когда Гончие чуть не убили меня, когда Мира меня оживила, я не долго верила в собственную смертность. Легко убедила себя, что просто

была без сознания. Когда мы нашли Самара... Тогда... — она покачала головой. — У меня нет слов, которые убедят. Я не лидер, никогда им не была. Я только несу теперь в себе память Кайи Эннавара. Это она была одной из тех, кто стоял у истоков. Я же просто...

— Ты- ее дочь, и это уже не «просто». А еще у тебя есть я.

— Ты тоже не лидер.

— Уверена? — Алэй усмехнулся. Странно усмехнулся, неожиданно серьезно. Она никогда не видела такого выражения у него в глазах. Желание ляпнуть, что он не из Надстарших, пропало. Легкий ветер может набрать силы и задавать курс. — У тебя есть еще и Эль, где бы он ни шатался.

— Если Надстаршие поверят, они сочтут его виновным в сегодняшних бедах. Он привел сюда Миру, из-за него оказались здесь Гончие, сломавшие печати на пещере Вэра...

— Им будет нужен крайний. Как всегда. Мы все- слишком люди... И...

— И крайней станет Мира, — закончила за него Роми. — Думаешь, Ллэр знает, где она? Алэй многозначительно хмыкнул, криво улыбнулся.

— Если кто-то и знает... — вздохнула Роми. — Ты говорил с ним?

Алэй едва заметно качнул головой.

— Давно.

— Вы должны постараться...

— Мы сделаем, — он отвернулся к окну, Роми вместе с ним посмотрела на дождь. — Она сказала, что я не люблю его. Не прямо так, но... Ты же знаешь, что это не так?..

Роми кивнула, хотя не была уверена, что он видел. Нашла его руку, сжала ладонь.

— Можно я тебя испачкаю? — неожиданно спросил Алэй.

— Что? — она удивленно обернулась.

— Вымажу в собственной крови, — он засмеялся, ничего больше не объясняя, не дожидаясь ответа, привлек Роми к себе, крепко обнял. — Вот так, — прижался щекой к ее волосам. — Теперь, может, они тебя испугаются и, наконец, прочистят уши.

— Они?

— Те, к кому ты сейчас пойдешь. Ты же пойдешь? Твир, Алок, Санала?.. Кто там еще...

— Откуда ты...

— Я все всегда знаю, это у Ллэра от меня.

Роми тихо засмеялась. Ее, действительно, ждали Твир, Ара, Санала, Ками, Фияр... Еще несколько человек, из тех, с кем она решилась поговорить наедине, и если надо- за шкуру отволочь в пещеру и ткнуть носом в капсулы. Пусть вспомнят. Пусть поверят... Ведь завтра уже может быть поздно. Если Тмиор накроет огненным морем, возвращая ему лицо Фахтэ, кто его знает, удастся ли добраться до воспоминаний тогда? Пещера герметична, но как поведет себя Надпространство после всего?

Капсулы слушались только тех, кто их оставил. Каждому- своя. Это было объяснимо: память вставала на свое место, туда, где раньше была не ощущаемая пустота. Роми так и не смогла понять, зачем нужно было лишать себя воспоминаний. Но тогда, давно, не спрашивала. Следовала инструкциям. Кайя Эннавара, похоже, этого тоже не знала. Роми получила доступ к воспоминаниям матери только потому, что та хотела этого. Потому что знала откуда-то, ей не пережить перемен, и завещала образы своей жизни дочери. Кто знает, додумался ли кто-то еще до такого шага?..

Последние дни все время болела голова. Чужая память очень тяжело приживалась, затуманивая то, что когда-то случилось с самой Роми, уже в этой жизни. Оставляя лишь

опыт, умения, знания. Свои, и теперь- чужие. И все равно недостаточные, чтобы легко найти выход. Оставалось надеяться, что Твир или кто-то другой, кто был много ближе Самару, чем Кайя, в курсе, что он сделал. Не может же быть, чтобы Самар держал весь процесс единолично в своих руках и никому не раскрыл деталей.

Она обязана заставить хотя бы некоторых пойти с ней в пещеру.

— Испачкай сильнее, чтобы уж наверняка страху навести, — Роми запрокинула голову, встретила с ним взглядом. Алэй обхватил ее лицо ладонями, мягко поцеловал. Она не знала как так получилось, но когда все завертелось с новой силой, как-то само собой вышло, что давно считалось сломанным, угасшим, вновь будоражило кровь. Нет, она никогда не переставала любить Алэя, но со временем чувство переросло в какую-то невероятную, глубокую близость, почти родство, растеряв страсть и пыл, и даже просто желание прикоснуться. Теперь же... Впрочем, ей было абсолютно все равно, почему и как.

Роми нехотя отстранилась.

— Вот, так еще лучше. Красавица, — он щелкнул ее по носу.

— Пойду вселять страх.

— Ага.

— Иду, — улыбнулась.

— Иди.

— Выпусти, и сразу пойду.

Он отпустил левую руку, чтобы тут же перехватить правую.

— Так?

— Обе.

— Иди уже... — когда она отошла на несколько шагов, снова окликнул: - Рэм!

Она обернулась, вопросительно смотрела на него.

— Хочешь, я схожу в Бэар?

— Зачем?

— Осмотрюсь, — засмеялся. — Поговорю...

— С Аданом? О чем?

— О гостях.

— Он хотел вернуться к прошлой жизни. В ней он адвокат, а никак не спаситель цивилизации атради. Мы у него в печенках сидим. Мы там никому не нужны, и уж если придется возвращаться, то как ты верно говорил раньше- за Сферу. На голые скалы, и никому не мешать.

— Я говорил, — кивнул. — А еще я говорил «может не принять». Ты не знаешь этого наверняка и почему-то оттягиваешь момент.

Алэй был прав. Она тормозила с решением. Надо было сразу же сходить к Адану, спросить, рассказать. Но Роми не стала. Боялась услышать в ответ- нет? Боялась, что первая реакция Адана окажется- слинять от нее подальше? От неприятностей, которые она олицетворяет?

— Адан ведь просто адвокат, он ничего не решает за свой мир.

Да и я не решаю, хотела добавить. Лишний раз напомнить, что она никто в глазах Надстарших. За ней не пойдут.

— Зато он может рассказать, какая будет реакция у тех, кто решает.

— Он может не захотеть с тобой говорить.

— Моя гордость не пострадает, тогда я просто осмотрюсь. Должен же я знать, где мы

будем жить? Я даже кровь с себя смою, чтобы не пугать никого.

Роми шумно выдохнула, едва сдержала смех, такое было у него в этот момент лицо. Махнула рукой, соглашаясь.

— Я догоню тебя, как только вправлю мозги бывшей верхушке атради.

Адан со злостью пнул Сферу. Невидимая защита сработала, не позволив ноге соприкоснуться с прозрачной и на первый взгляд хрупкой поверхностью, мягко спружинила удар. В ту же секунду послышался неприятный звук. Дребезжащий, пугающий. Как будто кто-то рядом закоротил два оголенных провода.

Он уже знал- еще одна попытка, и сработает следующий уровень защиты- его опять ударит электрическим током. Не сильно, но достаточно, чтобы отлететь на пару метров, ощутить всю прелесть восприимчивой к электромагнитным волнам, уязвимой плоти и на несколько минут отказаться от желания приближаться к Сфере вообще когда-либо.

Не навсегда. Боль утихала, воздух возвращался, кожа не зудела, мысли прояснились, по жилам снова спокойно бежала кровь, и Адан упрямо поднимался, приближался, чтобы опять все повторилось.

Сейчас не торопился. Поджав под себя босые ступни, сидел на темном прохладном песке, смотрел невидящим взглядом на отражающую лунный свет пластиковую сталь и пытался разобраться в собственных чувствах. Внутри, как и всегда с тех пор, когда закончилось окончательное превращение в доа, преобладали три.

Голод. Ни с чем не сравнимый, мучительный, болезненный энергетический голод. По ощущениям- в тысячи раз сильнее, чем ломка завязавшего наркомана. Когда-то в ранней юности Адан, как и большинство сверстников, испробовал на себе предложенный на вечеринке неизвестный наркотик забавы ради. Ему повезло чуть меньше- первым опытом оказался сильнодействующий опиат, вызывающий кроме потрясающих по размаху и красочности галлюцинаций еще и сильнейшую зависимость практически сразу. Потом понадобилось несколько месяцев на борьбу с собственным организмом, чтобы избавиться от пагубной привычки. Ему удалось, но память о пережитых мучениях осталась. Три месяца назад Адан убедился, какими ничтожными они были.

Сначала не сразу понял, в чем дело. Способности как-то сами по себе пошли на убыль. В какой-то момент практически не приходилось больше сдерживаться- Надпространство не открывалось, перемещение, чтение мыслей, телекинез и прочие фокусы давались с трудом, электроприборы не ломались, «присутствие» Миры исчезло. Он даже обрадовался- наконец-то желание обрести прежнюю жизнь материализовалось, и почти получалось быть как все-обычным.

Но радоваться пришлось не долго. Новое недомогание день за днем, час за часом отравляло существование. Через пару суток счет перешел на секунды. Адан метался озверевшим хищником по квартире, ломая и круша все, что попадало под руку. Тело болело так, что хотелось снять с себя кожу, вывернуться наизнанку и сброситься вниз с балкона. В начале такая возможность просто нравилась, через несколько минут- уже казалась единственным выходом.

Ничего не соображая, Адан ринулся на стекло. Правда, выпасть из окна не получилось, зато удалось перенестись за Сферу. На знакомую уже скалу. Ту самую, куда вышвырнуло после первой встречи с Роми. Или другую, похожую- в тот момент было по сути все равно.

А там, когда в глаза ударил яркий сиреневый свет луны, когда по жилам побежали колючие горячие волны, и мозг снова был в состоянии соображать, Адан понял кое-что из того, о чем с момента трусливого возвращения в Бэар предпочитал не задумываться.

Главным образом, что голод, о котором предупреждала Таль, не шутки. А еще- что Сфера, оказывается, каким-то образом блокирует, не пропускает внутрь необходимое для него ультрафиолетовое излучение.

Зачем? Адан не знал. И сейчас, сидя внутри, в нескольких метрах от Границы, где светящийся купол уходит в землю, ощущая знакомый теперь уже голод, ломал голову над вопросом- кому и зачем понадобилось накрыть Бэар Крышкой? Каково ее настоящее предназначение? Что на самом деле делает с бэарцами Сфера? Защищает или ограничивает?

Кроме голода всегда присутствовала пустота. Даже не так, а большими заглавными буквами-**пустота**. И в отличие от первого избавиться от нее не получалось даже на короткое мгновение. Она прочно и, казалось, навечно поселилась в душе. Не спасало ничего- ни работа, ни развлечения, ни вкусная еда, ни податливые соблазнительные тела красоток. Пустота умело пряталась за тонкой пеленой ежедневных горестей и радостей и с завидным постоянством напоминала о себе в самый неподходящий момент. И тогда, не в силах больше сопротивляться накатившей тоске, Адан предавался воспоминаниям. Снова и снова прокручивал в памяти те два далеких дня, изменивших его жизнь навсегда.

Сейчас он бы ни за что не сбежал. Обязательно остался, не бросил Роми одну в странном, светящемся подземелье, шагнул бы дальше вперед, переступил еще одну грань невозможного, даже если этот шаг означал гибель. Попытался разобраться, узнать, окунуться с головой еще глубже в непонятное и неизведанное. Не ради атради и не ради Миры- ради себя.

А тогда это стало последней каплей. Не страх, не испуг, не предчувствие плохого- банальная усталость. словно он долго, бесцельно играл в чужие игры по чужим правилам, которые ему навязали. Слишком много всего произошло, слишком быстро, слишком сразу. Не оставалось времени спокойно взвесить, задуматься, проанализировать, почувствовать- куда, зачем, почему. Постоянная опасность, спасение, новые проблемы, а с ними- и новые вопросы, ответы на которые требовали еще большего риска и порождали еще большие проблемы... Грохнувшись на твердую землю, придя в себя от боли, захотелось только одного- домой. Отдышаться, смыть с себя грязь и песок, и, если не случится чего-нибудь еще, попытаться все забыть.

Ничего не случилось. За ним никто не пришел- ни Роми, ни Ллэр, ни Тени. Только спустя несколько дней появилась Мира- живая, здоровая, немного печальная. И какая-то другая. Уже позже, в их следующую встречу, Адан понял, что изменилось- в ней не было пустоты. А его- только разрасталась. Чем больше каждый новый прожитый день смахивал на прежнюю, обычную, спокойную и привычную жизнь, тем острее он ощущал всю бессмысленность побега от себя и нелепых попыток забыть, не интересоваться, не пытаться узнать, кто он на самом деле, и что означает все, что успел увидеть.

Откуда-то появилось неизвестное раньше одиночество, тоска, скука. Его все чаще подмывало вернуться в Тмиор, в ту пещеру, куда провалились с Роми, найти, поговорить... Или бросить все, присоединиться к Мире и, может быть, позаимствовать у нее ту легкость и непринужденность, с которой девчонка-доа воспринимала окружающий мир и новую себя.

Реже, но все же иногда мелькала мысль отправиться к Таль. На какие-то секунды верилось, что с ее помощью у него получится заполнить сводящую с ума пустоту чем-то. Пусть на время... Потом казалось, что станет только хуже. Что на самом деле он должен найти свой собственный смысл бытия, свою цель, свой путь. Не находил и упрямо продолжал забывать, доводя себя до энергетического истощения в надежде, что на этот раз

сможет противостоять голоду. Что стоит перетерпеть, кровь замолчит, пустота исчезнет, а жизнь заиграет привычными красками, когда обычные вещи и желания опять подарят вкус к жизни.

Не получалось, и тогда появлялась злость. На себя, на Таль, на Роми, даже на Миру. И на весь мир. Нет- на все Миры сразу. Сегодня он вымещал ее на Сфере.

Адан решительно поднялся. Короткий миг, и он уже по другую сторону прозрачной Крышки. Лунный свет плотным коконом окутал обнаженное по пояс тело, голод заткнулся, кожа жадно впитывала энергию.

Может, если собрать достаточно сил, Сфера не будет такой неприступной?

Адан вытянул вперед руку. Сконцентрировался, вбирая в себя энергию и трансформируя ее в светящийся шар, замахнулся. Замер, почувствовав чье-то присутствие, резко обернулся. Перед ним стоял атради.

— Привет, я же не помешал? — молодой человек стоял в нескольких метрах и не торопился подходить ближе.

Лицо показалось знакомым, как будто они уже встречались или...

— Ты- Алэй? — догадался Адан. По-другому такое потрясающее сходство было не объяснить.

Атради кивнул.

— А ты- Адан, — это был не вопрос.

— Что-то... — начал Адан. Не договорил, помолчал, изучая Алэя и пытаясь по выражению лица понять, что могло привести к нему отца Ллэра. Ничего конкретного на ум не приходило. — Я могу чем-то помочь?

— Сразу к делу, да? — усмехнулся. — Тогда я тоже, — Алэй сунул руки в карманы джинсов, некоторое время молчал, глядя на свои ботинки, чуть покачиваясь с носка на пятку. Потом заговорил, медленно, будто обдумывая каждое слово. — Этот Мир когда-то был и их тоже. Очень давно. Возможно, у них не будет другого выбора, кроме как заявиться домой... Как думаешь, что скажет ваше правительство на появление нескольких тысяч незваных гостей?

— Что? — Адан от удивления машинально разжал кулак. Шар на мгновение вспыхнул ярче и исчез. — Каких гостей?

— Шумных, самоуверенных, высокомерных... Тмиору приходит конец, а солнце Бэара очень близко по свойствам. Если Роми сможет убедить нескольких Надстарших не ждать конца света. Они не... — Алэй вдруг улыбнулся. — Ты же не создашь еще один такой чудесный шарик и не запустишь им в меня, если я начну действовать на нервы?

— Давай по порядку, с самого начала, — Адан кивнул на песок, сел, согнув ноги в коленях и поджав к груди. Демонстративно с улыбкой убрал руки в широкие карманы. — Что значит Тмиору приходит конец?

Алэй через миг устроился точно так же, рядом.

— Тмиор... Ты ведь знаешь, что планету кто-то изменил, чтобы она подходила для жизни атради?

— Ллэр что-то говорил... или Роми... или Таль... — неуверенно пробормотал Адан. Усмехнулся. — Кажется, попытки стереть из памяти атради и ваш Мир не прошли даром. Впрочем, я и раньше мало что понимал. С технической точки зрения... Если не ошибаюсь, ваше солнце особое, отравляющее кровь всем, кроме доа и атради, но вам дарит вечную жизнь со способностями. Тмиор же каким-то образом защищает и делает вас неуязвимыми.

Хотя... — он вспомнил разлетевшееся на пылинки тело Самара. Внимательно посмотрел на Алэя. Интересно, отец Ллэра уже знает об всем, что случилось, или нет? — Не суть. Насколько я понимаю, с Тмиором что-то не то... Так?

— Очень сильно не то. Тмиор... когда-то носил другое название. Это была вполне себе обычная планета. Место ссылки для всех доани. Так они называли себя до того, как превратиться в атради. Кажется, это слово из вашего древнего языка, означает «следующая ступень». В общем, их заперли там, в расчете, что они сами по себе вымрут. А они выжили. У доани было очень много времени, которое совершенно нечем занять, и еще больше упрямства и желания бороться... В конце концов, они нашли выход. Я тоже не очень разбираюсь в технической стороне воплощения плана Самара, но в итоге они то ли что-то сделали с солнцем, то ли только с планетой, то ли с собой, — Алэй помолчал. — Я могу рассказать то, что успел услышать от Роми. Но придется начинать очень издалека. Или можем подождать, она обещала присоединиться, и тогда узнаешь историю из первых рук...

— Ждать ее мы точно не будем, — усмехнулся Адан. — Не знаю, рассказывала ли она, но нам с Роми, когда мы рядом, обычно уже не до теории. Да и... — он в упор посмотрел на Алэя. — Не стану врать, заморочки атради, ваша история меня не очень интересует. При всем уважении... Но ты сказал, что они... вы... собираетесь сюда. Я не совсем понимаю, зачем. Как...

— До того, как измениться, Тмиор полыхал. Голый камень, бунтующие вулканы. Вся жизнь на планете была уничтожена. Доани прятались под землей, они, конечно, сами виноваты, что довели новый мир до такого, но... Спрашиваешь, зачем? Если Тмиор станет непригодным для жизни, будет нужен новый дом. Или старый. Как? Ты сам знаешь... Я же пришел просто поговорить. Не втягивать тебя в новые неприятности, а спросить, что нас ждет, если Надстаршие все же услышат, что пытаются донести Рэм... Сейчас- единственное, что они собираются, это подохнуть.

— Не принимай на свой счет, но за недолгое общение с вами я уяснил одну вещь точно. Просто поговорить- это всегда новые неприятности, — ухмыльнулся Адан. — Но сейчас, как ни странно, это меня не беспокоит. Бэар... — он обвел взглядом темный пляж. — Как видишь, здесь полно места. Хватит на всех. Вполне можете отгрохать себе новый Замок, — пожал плечами. — Никто из моего правительства не заметит, даже если таких Замков будет сто. Просто потому, что в Мегалополисе понятия не имеют, что здесь и как... И все из-за этой штуковины, — Адан кивнул на сверкающую поверхность Сферы позади них, задумчиво посмотрел на Алэя. — Внутри- сложнее. Впрочем, с вашими возможностями вы вполне можете раствориться среди остальных, остаться незамеченными. Хотя не думаю, что вам понравится. Бетон, приборы, механика. Вдобавок, эта хрень не пропускает излучение, поэтому чтобы набираться энергии, вам придется приходить сюда, как я. Только днем. Но это тоже вряд ли проблема...

— Не проблема... И не понравится, — атради негромко рассмеялся. — Если так подумать, нам и жить здесь не обязательно. Достаточно приходить, заряжаться, уходить... И никому никаких хлопот. Если подумать. Но так не будет. Желание свить гнездо, осесть... возьмет свое. Поэтому, понравится или нет, но они будут пытаться это сделать, — тоже оглянувшись на Сферу. — А если отключить?

— Знаешь, где кнопка?

— Знаю, кто ее установил. Когда. И- немного- как. Полагаю, можно найти и кнопку.

— Начни с кто и когда, хорошо? — предложил Адан, откидываясь назад и упираясь

руками в песок. — Полагаю, и здесь не обошлось без атради.

— Без них, наверное, нигде не обходится, в скольких Мирах наследили, — он усмехнулся. — Когда- это легко. Давно. Очень. Чуть больше тридцати тысяч лет назад... Я понял, тебе плевать на историю Тмиора, но вы и они в прошлом- один народ. Установили над вами Сферу не атради, а из-за них. В наказание... Тогда существовало некое Содружество. Роми рассказывала, в него входило одиннадцать весьма могущественных цивилизаций и несколько десятков попроче. Они... Не знаю, вот это, наверное, действительно неважно, кто они и откуда, их все равно больше нет. Доа тоже были частью Содружества и обязаны были подчиняться общим законам. Я знаю, что вы... Они нарушили один из основных Законов Кольца, запрещавший эксперименты, которые могли привести к долголетию и бессмертию. Вообще, к любым неестественным, кардинальным переменам в эволюционном процессе расы. Твои предки, грубо говоря, наплевали на предупреждения и последствия. Итог, — он кивнул за спину. — Ну и мы.

— Погоди, — Адан изумленно уставился на Алэя. — То есть теоретически Роми может быть моей прапрапрабабкой что ли?

— Именно Роми- не может, у нее никогда не было детей. Но в принципе- ты все верно понял. Пра-пра-пра в энной степени.

— На твоём месте я бы не был так уверен, — хмыкнул он, почти физически ощущая, как сильное удивление сменяется чем-то сродни отчаянному пофигизму. Видимо, только так мозг мог здраво воспринимать полученную информацию и не пытаться анализировать. — Прошлое Роми не помнит даже она сама. Вполне возможно, что когда-то давно у нее было все, как у людей: муж, семья, дети...

Алэй улыбнулся.

— Когда все грохнулось к чертям, Рэм было двадцать пять местных лет. Не знаю, как сейчас, но в то время- мало кто выходил замуж так рано. За несколько лет до этого- она уже знала, что с ней будет, и серьезные отношения исключались, потому что привести с собой в программу еще и мужа было бы не просто. Вечность не была самоцелью, но риск в любом случае такого предприятия- велик. Ее мать была среди тех, кто проводил эксперимент, кто разбирался как, что, когда, с кем... — Алэй замолчал, встретился с Аданом взглядом. — Теперь она помнит.

— Что значит «теперь помнит»?

— Вот уже два месяца, как все помнит. Она нашла капсулы памяти. Та пещера, в которую вы с ней угодили... — он помолчал. — Наверное, и тут стоит начать с самого начала. Атради пережили трансформацию дважды. Первый раз, когда превратились из доа в бессмертных, доани, второй- когда нашли выход из своей клетки. Я не расспрашивал Рэм, как, технология для меня не важна. Но одним из обязательных условий процесса было полное очищение сознания с помощью Плеши. Они обнулили себя, изъяли собственные личности, оставили только набор базовых способностей, чтобы проснувшись после трансформации, суметь вернуть себе память, которую загрузили в специальные капсулы. Что-то пошло не так. То ли очнулись не там, то ли очистили себя недостаточно, то ли бог его знает что. Но в итоге- прошло... очень много лет, прежде чем у них появился шанс стать собой.

— Собой? — тупо переспросил Адан, чувствуя, что пофигизм сдает позиции, радушно предлагая разуму осмыслить услышанное. — Это как?

— Прости, плохо выразился. Я имел в виду восстановить собственные воспоминания.

Только это. Хотя, уже не мало...

— За все... тридцать тысяч лет?!

— Нет. Всего за три. Чуть больше. Ровно столько, сколько они прожили в клетке, пока не нашли выход. Плюс то, что было до. Ее двадцать пять лет жизни, как доа. Три тысячи- как доани. То, что происходило последние двадцать семь тысяч лет, осталось в ее памяти прежним. Может быть, чуть померкло, потому что первая жизнь теперь кажется ей ближе, ярче... Накладывается, затмевает... многое. Но не все, конечно. Я понимаю, звучит странно, — Алэй помолчал. — У Рэм все время болит голова, и я не знаю, как ей помочь.

— Обычные таблетки, надо думать, в таких случаях уже не помогают... — Адан задумчиво покусал нижнюю губу. — Я бы порекомендовал Миру. Ты, вроде, лучше меня знаешь об ее способностях.

— Миру... Если забыть о том, что я понятия не имею, где она, то скажем так... Мой небогатый опыт общения с ней весьма неоднозначен. Насколько я знаю, она хотела меня убить. Правда, вышло совсем наоборот.

— Ллэр мог бы устроить вам безопасный сеанс, — улыбнулся Адан.

Алэй вдруг стянул ботинки, встал. Подошел к самой кромке воды. Поднял с песка несколько камней. Замахнулся. Куда улетел камень, темнота увидеть не позволила, только звук сообщил о том, что прежде, чем нырнуть в воду, он как минимум раз десять прошлепал по волнам.

— Я не знаю, где Ллэр.

— Если ты смог найти меня, уверен, обнаружить местонахождение собственного сына- не проблема, — Адан чуть наклонился вперед, обхватывая руками согнутые колени. Сменил тему:- Значит, Тмиору скоро конец, и вы всем скопом собираетесь к нам, на историческую родину?

— Ага. Такой вариант возможен. — В след за первым камнем последовал второй. Потом третий. — С тобой мне повезло. Ты оказался единственным человеком за Сферой. Будь ты в городе, мне бы, наверное, пришлось искать такси...

— Тебе прислала она? — Адан озвучил неожиданную догадку.

Алэй обернулся.

— Не совсем. Это была моя идея.

— Даже так? — искренне удивился Адан. Почему-то вариант, что Алэй на самом деле пришёл, чтобы расспросить его о возможных последствиях массового переселения атради в Бэар, а заодно ввести в курс последних событий и состояния Роми, казался просто удобным предложением. Ведь куда проще, а, главное, эффективней, оставаясь незамеченным, влезть в голову какого-нибудь политика и всё узнать, а еще лучше- внушить правительству необходимость сотрудничества с другой расой. Но никакого скрытого мотива в их с Алэем встрече Адан не находил. Кроме одного. — Она рассказала тебе о нас?

Ничего во взгляде атради, выражении лица не изменилось, но он понял, если Роми и рассказывала, то вряд ли все.

— Она говорила о тебе... — Алэй посмотрел на песок, на свои ноги, сделал несколько шагов вдоль воды. — Конечно, мы могли пойти другим путем, заняться подготовкой перехода заранее, много раньше, выйти на контакт с вашей верхушкой, обрушиться на головы... Правда, это не наш стиль. Не мой и не Роми, а поскольку именно мы вынуждено решаем задачу, — он развел руками. — Действуем своими методами. Другие устроят шоу из своего появления. Я не сомневаюсь в этом. Просто потому, что страсть к спецэффектам,

видимо, идет бонусом к вечности. И так или иначе... Ты окажешься втянут. Я понимаю твое желание остаться в стороне. И Роми уважает твой выбор. Но сразу или позже, ты не сможешь... Потому что ты- уже не они, — он кивнул на Сферу. — Ты уже часть всего этого. Мы не имеем ни малейшего представления, куда это все заведет, и я подумал, будет честно, если ты узнаешь, какого черта происходит.

— Честно, ага... — вздохнул Адан. Задумчиво посмотрел на луну, скользнул взглядом по усыпанному звездами небу. Улыбнулся. — Интересно, сколько у меня времени собрать чемоданы и свалить подальше? Например, в гости к Мире... Она приглашала.

— Думаешь, Мира обрадуется и поверит, что за тобой следом не идут неприятности? — Алэй улыбнулся.

— Обрадуется. Она не убегала от неприятностей, Мира просто... — он не договорил. — Не важно, раз уж у вас с ней не сложилось. В общем-то... я и сам не собираюсь никуда сбегать. В кои-то веки атради вернуться в гнездо, и я это пропущу? Да ни за что! — рассмеялся. — Даже, если это грозит серьезными неприятностями мне лично. Кстати, а ты... — Адан прищурился, изучая выражение лица Алэя. — Ты сказал, что вынужденно занимаешься всем этим, — он неопределенно повел рукой в воздухе. — Почему?

— Почему вынуждено или почему занимаюсь? — усмехнулся атради.

— И то и другое.

— Роми, — просто ответил Алэй. — Вынуждают обстоятельства. Она не может бросить остальных и уйти. Ведь ничего нет проще, ушли бы сюда, поселились... слились. Кто вычислит? Да никто. Атради отлично умеют прятаться. И пусть хоть трава не растет. Но это ее народ. Это ее мать была одной из тех, кто все заварил. Надстаршие ведут себя, как твердолобые идиоты. Ты знал, что атради при желании могут так себя... закрывать, что их нельзя силой переместить? — не прекращая говорить, он присел, принялся закатывать штаны. — Особенно такие, как Надстаршие. Блокируют способность тела уходить в надпространство, в Пути, и все. Якорем цепляются за Мир. За место. Вот она и пытается убедить их, грозитя потащить за шкурку, но вряд ли это получится. Разве что на поводке Наручника тайко. — Алэй зашел в воду. — Теплая. Приятно... А еще занимаюсь потому, что знаю, что их ждет. Если не повезет умереть сразу, когда Тмиор захлопнется, то придет голод. Дней через пять, не больше. Сильный голод, на несколько часов... Я бы мог рассказать, но меня считают ненормальным из-за того, что я пытался сделать. Кто станет слушать бывшего самоубийцу?

Про голод Адан мог бы рассказать и сам, но его-то уж точно никто на Тмиоре не станет слушать.

— У меня сложилось впечатление, что атради вообще никого никогда не слушают. Роми- особенно, — он чуть раздраженно передернул плечами.

— Если она себе что-то вбила в голову... То да.

По голосу чувствовалось, что он улыбается.

— То есть всегда, — хмыкнул Адан. — Думаешь, у нее есть шанс ваших твердолобых переубедить?

— Рэм и не с такими справлялась. Она может быть удивительно изобретательной... И упрямой, как ты, наверное, сам знаешь. Она не сдастся, даже если ей в лоб сказать «нет». Просто нужно время, а впервые у них его нет. Как поверить в такое, если тебе само понятие неизвестно?

— Не знаю, — честно признался Адан. — Вы, кажется, хорошо с ней ладите. В смысле,

ты так о ней говоришь, про упрямство вот... И вообще... Мне, — усмехнулся, вздохнул, — частенько хотелось ей врезать. Та еще стерва...

Алэй стоял, сунув руки в карманы, почти по щиколотку в воде. Глядел на море, на лунную дорожку.

— Мне кажется, я, наконец, ее поймал. Понадобилось почти семьсот лет, не меньше сотни ошибок, одна попытка умереть и одна разъяренная девчонка, обиженная на то, что я искалечил жизнь собственного сына. Но ее- я поймал, и теперь уже навсегда.

— В каком смысле поймал?

Атради обернулся и прежде чем что-то успел сказать, Адан увидел впервые так четко чужое биополе, те самые энергии, о которых столько слышал. И необходимость ответа отпала сама собой.

Это было похоже на то, как если бы Алэя облизывали язычки пламени. Маленькие, юркие бледно-голубые змейки-молнии метались вокруг, кое-где вспыхивая красными, яркими. Знакомыми. Вот почему в первый миг в сознании не прозвучал сигнал- чужак, хоть Адан и понял, что перед ним кто-то, кого он раньше никогда не встречал.

Алэй сразу показался своим. Но не потому, что внешне похож на Ллэра, и не потому что Адан слышал о нем. Сам того не понимая, он почувствовал в нем энергию Роми. А это могло означать только одно- Алэй и Роми вместе. Теперь или снова они- пара. И сразу же противный, саднящий осадок пополз по горлу вниз, на миг застрял в груди, обжигая, потом горьким комком провалился в желудок.

Ревность. Непонятная, необоснованная, глупая ревность.

Адан нахмурился. Несколько секунд буравил Алэя тяжелым взглядом исподлобья, пока не осознал, как по-идиотски выглядит сейчас. Поспешно отвернулся, зачем-то вскочил, подошел к Сфере. Глядя на собственное зеркальное отражение почему-то вспомнил, как целовал Роми в воде, как рыжая охотно отвечала на его поцелуи, как почти...

— Вот стерва... — прошептал сам себе, ухмыляясь. Дорого бы он дал, чтобы увидеть сейчас, посмотреть в голубые бесстыжие глаза и... и...

— ...и я не понимаю, какого... — отражение возникло внезапно, рядом. Роми что-то кому-то говорила, размахивала руками, вероятно, доказывала. А теперь изумленно замерла, уставилась на саму себя, потом на Адана, отражающегося рядом. — Какого черта?!

Это уже относилось к нему.

— Здравствуй, Ромиль Эннавара, — протянул Адан, поворачиваясь и пристально разглядывая тридцати трехтысячелетнюю девицу. Сейчас Роми выглядела еще «шикарней», чем на поле после аварии кабриолета три месяца назад. Отчаянные, безумные, горящие от прерванного спора глаза, миленькое свободное платьице, по обыкновению прикрывающее только то, что требовали приличия, на сей раз голубое и чуть длиннее, чем обычно- почти до колен. Лохматая копна рыжих волос, развевающихся на ветру, перепачканная в чем-то кожа и, что гораздо хуже, вымазанное энергией Алэя биополе. Швырнуть бы ее сейчас в воду, отмыть, а потом... Потом... Адан хмыкнул, отгоняя неуместные картинку, любезно предоставленные фантазией. — Прости, — нарочито равнодушно пожал плечами. — Не хотел выдергивать тебя так... настойчиво.

— Все-таки мужчины во всех Мирах трогательно одинаковы, — послышалось сбоку.

Адан вздрогнул, машинально обернулся на голос с до боли знакомыми дерзкими нотками. Таль сделала несколько шагов и остановилась в паре метров от них. Традиционно полуголая- короткий кусок полупрозрачной красной ткани, намотанный на обнаженное

тело, вряд ли можно было классифицировать, как одежду. Босиком- красные остроносые туфли на длинном тонком каблуке она держала в руках.

— Доброй ночи, — Таль по очереди оглядела всех, насмешливо склонила голову набок, улыбнулась. — Ади, ты ведь нас познакомишь?

— А если, скажем, так?

Ллэр отыскал наверное самое длинное белое перо в ранее развороченной подушке. Поводил им по воздуху, потом выпустил. Перышко зависло в сантиметрах в пятнадцати от её носа. Несколько минут назад он спросил, боится ли она щекотки. Мира соврала, потом пару раз даже удалось сдержать смех, но теперь, глядя на плавающее перышко, на ухмылку Ллэра... в общем, долго сопротивляться все равно не получилось бы.

Она засмеялась, потом ловко взгромозилась на него, ласково, но с силой обхватила ладонями его лицо, встретила взглядом.

— Ты что-то такое делаешь со мной... Это потрясающе! — плотнее прижалась к обнаженному телу. — Ты потрясающий!

Ллэр вскинул одну бровь, хитро прищурился. Перышко взлетело выше, едва касаясь, скользнуло по Мириному плечу, вызывая ворох мурашек.

— Пытаешься сбить меня с мысли? — он перевернулся со спины, теперь оказался сверху. — Я все равно доберусь...

— Я могу стать призраком, — смеясь, напомнила Мира.

— И что?

— И не доберешься, вот что.

— Думаешь? Мы не на Тмиоре.

— Вот именно, здесь суперская луна, — она несколько раз многозначительно кивнула. Потом попросила, хотя тон смахивал на требование:- Поцелуй меня.

Уговаривать не пришлось. Как не пришлось упрашивать продолжать, не останавливаться, не отпускать до тех пор, пока переполненные энергией и наслаждением их тела не рухнули в изнеможении на смятые простыни.

Мира медленно приходила в себя. Со счастливой улыбкой приоткрыла глаза, лениво потянулась. Слегка приподнялась, чтобы поудобнее устроиться в объятьях Ллэра.

Он полусидел на кровати, опираясь спиной на мягкое изголовье, крепко прижимал ее к себе. Мира не видела его лица, но была уверена- Ллэр тоже довольно улыбается, только чуть сдержаннее. А она не собиралась сдерживать эмоции. Да и бесполезно- ничего бы все равно не вышло, потому что сейчас она для Ллэра, как открытая книга. Каждое биение сердца, каждое движение, каждая мысль, каждое желание, каждое ощущение- все доступно. Хочешь узнать- окулись, почувствуй. Ей нечего скрывать.

Свечи давно погасли. Через два овальных окна напротив постели струился призрачный лунный свет, превращая темноту в приятный полумрак. Их кожа тоже все еще светилась, хоть не так ярко, как еще пару минут назад.

— Знаешь, я безумно люблю тебя, — прошептала Мира, перехватывая руку Ллэра и сцепляя свои пальцы с его в замок. — Наверное за это придется дорого заплатить. Но я готова. Теперь готова.

Он только крепче обнял ее, мягко коснулся губами виска. Ничего не сказал, но Мира вдруг почувствовала легкое покалывание, а потом тепло. Мягкое, обволакивающее, ласковое, проникающее в каждую клеточку. А по-другому он бы и не смог сказать.

Бесконечно долго они просто лежали в полном молчании, наслаждаясь близостью друг друга. Бесконечно долго Мира никак не могла решиться прервать это чудесное молчание.

Бесконечно долго обдумывала, как правильно сказать то, в чем необходимо признаться.

— Знаешь... Тогда у Алэя в комнате я жутко злилась... Это даже не злость была, а какая-то ярость. Необъяснимая. На него, на Роми, на всех атради. Не получалось контролировать, успокоиться. Как захлестнуло и... Мне не просто хотелось убить его, — она повернулась к Ллэру, виновато опустила глаза. Тише продолжила:— Я даже попыталась... Но потом что-то случилось и захотелось сделать совсем другое. Помочь, спасти, избавить Алэя от боли. Я вдруг поняла, как... и... Это ничего не меняет. Я все равно сначала хотела убить... — она подняла голову, встречаясь взглядом. — Я много об этом думала, и знаешь... Я не ищу оправданий, но мне почему-то кажется, что та ярость, гнев- не мое... Это из-за Теней. И потом то, что случилось у Самара. Там было что-то странное, я не знаю что, но чувствую, как будто меня специально туда швырнуло. Может, если я смогу узнать, кто или что, это как-то поможет спасти Тмиор?

Ллэр сел ровнее, и Мире пришлось высвободиться, тоже устроиться как-то иначе. Может, и к лучшему, иначе никак не получалось настроиться действительно на серьезный лад. Нет, нет, но соскальзывала в ощущения, не оставляющие места мыслям.

— Мы ни фига так и не узнали об этих Тенях. Такого, чтобы наверняка, — он покусал губу. — Роми знает кое-что, но оно не вписывается в то, что произошло... не совсем вписывается. Ты можешь быть права. Потому что... Я, вообще, не понимаю, какого ты там оказалась, кроме как целенаправленно убрать Самара. Да еще и от Алэя.

— Может, и целенаправленно. Я вряд ли смогу объяснить. Но одно совершенно точно, — она пристально посмотрела ему в глаза. — Я понятия не имела о существовании Самара. Ни кто он, ни что, ни где, ни что вообще есть такой... Ты же мне веришь?

— Конечно, я тебе верю, — он усмехнулся. — Ты сомневаешься?

— Нет, я просто хочу это слышать.

— Я верю тебе... И... что бы там ни было, ты не должна испытывать угрызений совести из-за того, что хотела и пыталась убить Алэя. Не потому, что в тебе были Тени, и ты вряд ли отвечала за свои поступки. Подозреваю, он внес посильную лепту в то, чтобы подтолкнуть тебя к этому, а?

— Не настолько, он все-таки твой отец, — улыбнулась Мира. — Но ты сам согласился, что я не имею права судить, так что... — она пожала плечами. Стала серьезной. — Ты, конечно же, скажешь, что я ничего не понимаю. И будешь прав, но! Я уверена, что Тени-ключ к тому, что случилось. Не только с Самаром.

— Я скажу, что я тоже ничего не понимаю, — невесело улыбнулся Ллэр. — Я вернулся туда... Исследовал каждый миллиметр места, где раньше стояла деревянная халабуда Самара. Каждую щепку, что не унесло ветром. И единственное, что там сейчас есть- выход в подземные пещеры. Может быть, Тени явились туда убить Самара, потому что только так можно было распечатать вход в пещеры, но мне кажется сомнительным. То шоу, что Тени устроили нам... Роми говорила, если переложить изменения температуры воздуха на ноты, получится мелодия. Я не чувствовал ничего подобного. Черт, не знаю. Что помнишь ты о Тенях?

— Я не помню почти ничего, но... Мне кажется, ты можешь узнать, что именно я не помню, — она придвинулась ближе, сжала пальцами его ладонь. — Не знаю, насколько получится, но мы ведь можем попробовать?

— Предлагаешь, чтобы я влез к тебе в голову, как ты- к Роми?

— Интересно, откуда ты знаешь, как именно я влезла в голову к Роми, а? — обиженно

хмыкнула Мира. Выпустила его руку, развернулась спиной, собираясь соскочить с кровати, чтобы одеться. — Забудь, я ничего не предлагаю.

— Ты... — он схватил ее за руку, удержал, потом потянулся за ней. — Ты чего?..

— Ничего, — буркнула Мира, но не вырвалась. Обернулась, хмуро взглянула на лежащего на боку Ллэра. — Можешь не упоминать Роми в каждом втором предложении хотя бы? А то начинает казаться, что ты Тмиор только ради нее спасаешь.

Ллэр ухмылялся.

— Адан между прочим тоже в курсе, как ты по головам шарилась.

— Адан, между прочим, в курсе много чего, о чем ты не в курсе, — парировала Мира.

Улыбка его стала еще шире.

— Да, и о чем же?

Она разозлилась, теперь уже на себя, потому что ведется, как маленькая глупая девчонка. Весело ему, конечно... А она зачем-то ревнует, хотя дала слово, что не будет. И вообще...

— Ты хочешь попробовать или нет? — вместо ответа спросила Мира, уставившись в окно на лунную дорожку.

Ллэр завозился позади. Сел, обнял ее со спины. Шепнул в самое ухо:

— Мне весело, потому что я не умею по-другому. Прости, — мягко коснулся губами ее виска, пальцами- шеи. — Но не вспоминать Роми не выйдет. Ее было слишком много в моей жизни и будет слишком много в твоей, раз уж мы пытаемся удержать Тмиор...

— Знаю, — так же шепотом ответила она. Злость куда-то испарилась, уступая место нежности и... страху. Неизвестно, что может увидеть Ллэр в ее памяти. Тем более, неизвестно, к чему это приведет. Но отступить не собиралась. — Ты готов?

— Готов... — он перебрался вперед, устроился поудобнее напротив. Обхватил ее лицо ладонями. — А ты? Ты тоже можешь ненароком зацепить что-нибудь из моей памяти. Что тебе не понравится.

— Обещаю не устраивать истерик и сцен ревности, — она взялась обеими руками за его запястья, сжала. — Но все равно постарайся показывать поменьше.

— Уже начинаю возводить блоки на все несущественное, — улыбнулся он.

Мира не ответила. Усмехнулась, подумав, каким нелепым кажется теперь обычное желание всех влюбленных знать друг о друге всё. Она не хотела. Так или иначе, за плечами у Ллэра столетия, впереди- бесконечно много лет. Он будет жить, совершать ошибки, исправлять их, опять ошибаться, наслаждаться, страдать, расставаться, прощать, забывать, снова влюбляться и так по кругу. А у нее- ничтожно мало времени, когда тратить драгоценные минуты на ревность к прошлому- непозволительная глупость. Сегодня Ллэр с ней. Это главное. И поэтому она должна избавиться от всех сомнений, страхов, неуверенности. Их с Ллэром завтра- слишком зыбкое, чтобы ссориться из-за их вчера.

Больница никогда не нравилась Мире. Здесь давили стены. Дышать трудно, воздух пропитан стерильностью, если она вообще может чем-то пахнуть, множество непонятных приборов и пугающих роботов. Только почему-то сейчас она сидит в удобном кресле и терпеливо дожидается кого-то. Стены уже не давят, запах не раздражает, яркий свет не режет глаза.

— Знакомое место, — шепчет голос Ллэра, его самого не видно, но незримое присутствие ощущается. Наверное точно так же чувствовала ее тогда Роми. Свидетель...

И сразу становится спокойней.

Мира вспоминает, зачем она здесь. Уверенной оглядывается и только сейчас замечает в конце длинного, пустого коридора Таль.

Она стоит, прислонившись спиной к красной стеклянной стене, рядом с незнакомым низкорослым, полным мужчиной в голубом халате, о чем-то озабоченно переговаривается, то и дело кивая в ее сторону. Как всегда шикарная- накрашенная, разодетая. Синее облегающее платье повторяет каждый изгиб идеального тела, высокие каблуки делают стройную высокую фигуру еще выше. Жесты властные, как будто ей принадлежит не только эта больница, но и весь мир.

Видимо, отдав последние распоряжения, Таль знаком отпускает немолодого сотрудника и направляется к ней. Грациозная походка хищницы- неторопливые, уверенные шажки пожирают пространство. Мира машинально вжимается в кресло. Почему-то в её присутствии она всегда робеет, хотя Таль очень мила и любезна. Может, потому что в голосе нет-нет да проскальзывают ледяные нотки, а в темно-синих глазах- холодное равнодушие.

Сейчас Таль смотрит по-другому. В пристальном взгляде легко просматривается жалость... Хотя... Мира вдруг понимает, что это не жалость, а сожаление. Настоящее, искреннее.

— Как ты себя чувствуешь, Мира? Ничего необычного? Все в порядке? — она кивает, еще больше ощущая дискомфорт. Кажется, глаза Таль просвечивают ее голову насквозь, подчиняют волю. Скажет сейчас- пойдешь прыгни с крыши, и она послушно пойдет и прыгнет. — У меня хорошие новости, — теперь в голосе отчетливо слышится разочарование. — Пришло время расстаться. Больше у нас нет причин задерживать тебя здесь.

К Мириному страху перед Таль добавляется задорный интерес Ллэра. Вряд ли он специально позволяет понять, что чувствует к ней, но наверное обещанные блоки на несущественное слишком слабы, и все под ними не скроешь. Теперь Мира точно знает- Ллэр испытывает почти уважение к разуму Таль, что ли. В его глазах она почти равная. А может, без почти.

Ревность кольнула и отпустила. Было бы странно, если бы Ллэр не восхищался Таль, ее умом, амбициями, знаниями. Впрочем, сейчас это совершенно не важно, только отвлекает. Она машинально ставит блок, сосредотачивается только на собственных воспоминаниях. И неожиданно сознание раздваивается, как будто существуют две Миры. Одна- там, в больнице, в прошлом. Вторая- над ней, словно заново переживает события, изучает, отмечает каждую деталь, анализирует.

Бесконечный красный коридор. Совершенно пустой- они идут уже минут пять, а им до сих пор никто не попался навстречу. Зато уже раз семь свернули направо, отчего ощущение, что идут по кругу, только растет. Миру так и подмывает распрощаться с Таль и броситься бегом вперед, чтобы поскорее оказаться на шумной улице. Почувствовать себя свободной. Вдохнуть, наконец-то, приторно-сладкий, густой, как карамель, воздух, запрокинуть голову, чтобы увидеть небо, улыбнуться птицам, потом зажмуриться от удовольствия, подставляя лицо ласковым лучам солнца, рассмеяться. Она так давно не была снаружи...

Тогда Мира никак не может вспомнить, сколько именно дней находится в больнице. И дней ли? Может, даже недель. Или месяцев. Уточнить у Таль не хочется. Почему-то решает, что всего одну неделю. Эта мысль нравится, успокаивает.

Сейчас она уже знает, что провела там ровно пятьдесят один день.

Тогда Мира нетерпеливо идет рядом, почти не слушает, что говорит Таль. Какая

разница? Она свободна, свободна, свободна...

Сейчас это кажется странным. Эйфория, счастье, необыкновенный прилив энергии. Сейчас она уже знает, куда и зачем посылает ее Таль. Хочется остановиться, прикоснуться к ее вискам, считать эмоции, подслушать мысли, заставить поделиться.

Тогда Мира ничего не подозревает. Даже не догадывается, что с каждым шагом приближается к гибели.

Коридор кончается. Неожиданно. Мира замедляет шаг, неуверенно топчется на пороге широко раскрытой двери, недоверчиво косится на остановившуюся в проеме Таль.

— Я заказала тебе таксилет, — холеная белая рука с синими овальными ноготками изящно взлетает в воздухе, указывает на неподвижную машину на стоянке. — Подумала, что так тебе будет проще добраться домой.

Сейчас Мира понимает- Таль все продумала, подготовилась. Служебный выход без лишних свидетелей, заказанное к порогу такси, заключенный водитель-смертник. Никаких осечек в идеальном плане. Почти идеальном. Ей почему-то чудится фальшь, игра в каждом жесте, в каждом слове Таль. Но она не успевает сосредоточиться. Мимолетное, невнятное ощущение, мелькнув тенью, растворяется.

Тогда Мира смущенно бормочет слова благодарности, не поднимая взгляда, несется к таксилету, торопливо кивает на прощание и лезет внутрь. Уже из салона сквозь затемненные окна бросает осторожный взгляд исподтишка на Таль. Она улыбается, и почему-то появляется уверенность, что непрозрачное стекло- не помеха ее взгляду. Следом накатывает тоска, вперемешку со страхом. Сердце то замирает в груди, то бешено колотится, словно собирается выскочить. Пульс громко стучит в висках. Становится холодно, хотя в машине не продохнуть от жары. Внезапное головокружение вынуждает зажмуриться. А когда Мира снова открывает глаза, далеко не сразу понимает, таксилет уже оторвался от земли и, набрав высоту, мчится над городом.

Сейчас Мира уже знает, что произойдет дальше.

Сначала плавно опустится перегородка из непробиваемого стекла между пассажирским салоном и водителем. Потом неприятно ударит в нос запах газа, ее затошнит. Со стороны, как будто смотрит кино, она увидит сначала огненный шар, потом разлетающийся на кусочки таксилет в клубах черного дыма. Мозг успеет предупредить об опасности, она испугаться и вцепиться в поручень на дверце.

Мира пытается остановить мелькающие картинки, отмотать назад, вернуться в то странное ощущение- у дверей с Таль. Не получается. Яркой вспышкой обрывается изображение.

Миг, и она видит только пронзительные голубые глаза. Еще не соображает, кто перед ней. Через какие-то доли секунды скорее догадывается, чем понимает- это Роми. Они в комнате Алэя. И почти сразу сильный спазм сдавливает грудь, следом чья-то невидимая рука ледяными сильными пальцами сжимает горло. В голове звучит лишенный каких-либо эмоций голос. Не поймешь- мужской или женский. Беспольный, монотонный. Повторяет одну и ту же фразу, смысла которой Мира не знает. Силится разобрать слова, но все сильнее болит голова, все труднее дышать.

И вдруг становится легче, кажется, будто обдувает мягкий, ласкающий, летний ветерок, и тут же прорывается другой голос, мужской, знакомый, уверенный, зовет по имени. Это говорит Ллэр:

— Мира... Мира, слушай меня... Меня! Вернись на шаг... Вернись к Алэю...

Мира послушно возвращается. Удастся не сразу, но потом словно отматывает назад события, перед глазами мелькают нечеткие картинки. Наугад останавливается.

В комнате тишина. Роми, Алэй испуганно смотрят на нее.

— Ты что натворила? — спрашивает отец Ллэра.

— Не я... Это вирус... Так... — говорить сложно. Пытается сглотнуть, не помогает. — Так уже было... Там... Дома... — почти шепотом заканчивает Мира. И снова начинает задыхаться.

Почему-то сейчас тревожит только одно- что Ллэр узнает, почему она не осталась, почему попыталась сбежать от Роми и Алэя.

— Молодец, — снова слышится голос Ллэра. — Молодец... еще чуть-чуть. Шаг за шагом, хорошо? Не торопись, и будет не так больно... Дыши.

Он не говорит больше, но Мира понимает- Ллэр не знает, почему ей и сейчас больно. Эта память- всего лишь отпечаток, она не должна переживать все снова и снова так же, как и в первый раз... Она должна лишь наблюдать. Но чувствует все, и все передает ему. Ллэр совсем немного растерян, обеспокоен и в то же время- он уверен, что все получится, бояться нечего. Надо лишь шаг за шагом, секунда за секундой разматывать спираль времени, показывая каждый миг...

Мира осторожно прикасается к прошлому.

Следующая секунда там в комнате наполнена одиночеством. И страхом. Кашель мешает соображать, и только одно навязчивое желание- убраться. Как можно дальше. Туда, где никто не найдет. Где не будет Ллэра и жалости в серых любимых глазах.

— Но почему- Самар? — спрашивает Ллэр. Не у Миры, у памяти. И у того, что все время оставалось за гранью, у тонких нитей, которые пеленают ее, как куклу, и тянут куда-то.

Беспольный голос монотонно что-то говорит. Сопротивляться не получается. Еще миг, и залитая солнечным светом комната в Замке атради сменяется зеленой поляной. Перед ней одноэтажный домик, вокруг лес. Ни души. Дверь распахивается.

Сколько лет человеку на пороге- не понять. Даже внешне: на лице юноши глаза старика.

Но Мира теперь эхом узнает то, что недавно выяснил Ллэр- самому старому атради больше тридцати тысяч лет.

Вероятно Самар почувствовал чье-то присутствие. Он удивленно смотрит на Миру. Она испуганно тарашится на него. Не успевает ничего сказать, сделать... Цепенеет от ледяного холода. Необъяснимого, потому что с неба светит раскаленное солнце, под ногами зеленеет трава, за спиной атради- горшки с цветами.

— Что тебе надо? — бросает Самар.

Мира улавливает недоумение Ллэра: самый старый атради не удивлен госте.

— Ты знаешь сам... — она покорно озвучивает, что требует произнести все тот же голос в ее голове.

— Этого не будет!

— Тогда Тмиора тоже. И таких тварей, как вы! — повторяет следом Мира. И ни капли не сомневается- голос в голове не шутит.

Голову словно сдавливают тиски. Память сопротивляется. Хозяин голоса не хочет, чтобы она добралась до сути, чтобы узнала все. Он не может знать, что сейчас за всем подглядывает Ллэр, но ему, видимо, не сложно было предположить, что рано или поздно атради доберутся до ее разума, попробуют вскрыть. Наверняка перестраховался, и теперь

блоки, защита одна за одной срабатывают, пытаюсь убить.

Мире кажется, что еще немного- и она потеряет сознание. Но в этот момент, здесь, сейчас, в реальности, Ллэр перестает сжимать ее руки, ладони поднимаются к ее голове, пальцы ложатся на виски.

— Я сильнее, — уверяет он Миру. — Веришь? Я- сильнее. Я не позволю до тебя добраться.

Он раскрывается, позволяя прикоснуться к его энергии, взять ее себе.

Мира кивает. Конечно, она верит. Сначала осторожно, потом все смелее пользуется согревающим живительным теплом. Вместе с ним приходят картинки из памяти Ллэра.

В темноте кажется, что там, где они находятся, ничего нет. Только низкий каменный алтарь и свеча, стоящая позади него. Черно-красные стены украшают странные не то объемные рисунки, не то лепные надписи, мерцающее пламя заставляет их отбрасывать тень, делает еще необычнее, даже пугающими.

Такое место подошло бы для какого-нибудь мрачного демона, но Ллэр, а вместе с ним и Мира, знают: местные верят, здесь обитают добрые духи, время которых- ночь. В этом мире у Добра черный цвет, который помогает им скрываться от захватившего день Зла. Вот уже почти пятьсот лет здесь все наоборот.

Девушку возле алтаря Мира видит впервые, понимает, она- не атради. Худенькая фигурка, затянутая в узкие, совершенно несоответствующие месту джинсы и майку-топ. Маленькие босые ступни. Прямые черные волосы, длинные, ниже талии.

Ллэр ее знает. Ллэр знает, что та, закрыв глаза и положив руки на камень, пытается сорвать завесу с прошлого. Что-то вспомнить. И у неё может получиться, потому что алтарь- не просто обработанный кусок скалы. Тонкий прибор неизвестной этому миру технологии. Информационный блок, к которому доступ имеют лишь избранные. Но не эта девушка.

Внезапно её охватывает серебристое сияние, и облик меняется: на ней оказывается светящееся белое платье почти до самого пола, открывающее босые пятки на каменном полу. Черные волосы почему-то совсем не отражают свет, а даже наоборот, словно поглощают его, и только венчающая их серебряная диадема мерно мигает в темноте.

— Это крайне неразумно с твоей стороны, — тихо говорит Ллэр.

Девушка оборачивается. Она молода и невероятно красива, но не яркой красотой... Её лицо будто светится изнутри. В такую не влюбляются, такой хочется поклоняться, почитать. Как божество, ангела-хранителя.

Ллэр же смотрит на нее спокойно. И недовольно.

— Что именно ты имеешь в виду?

— То, что ты сейчас здесь, — он зол. — Урсейя, в этот Храм нельзя так просто взять и войти, на него наложено заклятие.

— Тебя злит, что я прошла сквозь твою охрану? — ее губы кривятся в усмешке.

— Это не моя охрана. Заклинание наложено Древними. Его не сложно обойти, но не стоит этого делать. К тому же, ты должна сейчас быть с остальными, они уже заметили твое отсутствие и начинают нервничать. Ты же не хочешь, чтобы они узнали?

Урсейя усмехается.

— Оставь этот бред, Майоти. Я в курсе, кто ты.

— И кто же я?

— Ты сам- Древний. Из тех, кого мы теперь зовем раммари- Ушедшие. Ты когда-то жил здесь, но потом умер, а теперь вернулся, чтобы нас уничтожить.

Он удивлен, но это ничего не меняет. Ллэр продолжает злиться, хотя голос его остается ровным.

— Я пытаюсь помочь.

— Это не имеет значения. Ты уничтожишь.

— Это сказали тебе Боги?

Урсейя медленно обходит алтарь, останавливается по другую сторону, протягивает руку, касаясь свечи, тут же отдергивает руку. Ллэр знает почему- воск ледяной, так же как и пламя. Это лишь иллюзия. Холодный огонь, который Ллэр притащил из другого мира. Атрибуты загадочности, призванные убедить местных жителей, что здесь пристанище добрых духов, которые спасут и защитят.

— Я должна была увидеть Храм изнутри, — на последний вопрос Урсейя не собирается отвечать. — И прикоснуться ко всему, чем он наполнен. Даже к тому, чего ты не видишь...

Видение обрывается. Картинка опрокидывается, наливается светом. Солнце отражается от облаков.

Здесь Мира уже была. Три месяца назад, в воспоминаниях Роми.

— Если ты не остановишься...

— Это и наш мир, наш дом. Алэй, я не могу...

— Эль, я не буду начинать все с начала. Не буду тебе снова объяснять, что Нэшта теперь живет по другим законам. Остановись.

— Они себя разрушают.

— Это их жизнь. А ты не их Бог. Хватит играть чужими жизнями.

— Играть? Мы сделали это. Ты. Я. Роми. Я...

— Ты? Эль, знаешь, кто такая Урсейя Канра?

Ллэр молчит. Смотрит на облачное море.

— Почему мы всегда встречаемся в этом месте? — он не хочет отвечать, не хочет и слушать. Он знает, кто она. И знает, что если не остановится и проиграет...

...Он точно знает, когда все изменилось.

Мира отгораживается от памяти Ллэра.

Когда-нибудь, если этому суждено случиться, если выживет, если у них получится спасти атради, если... Если все эти бесчисленные «если» позволят, она обязательно расспросит Ллэра обо всем, что произошло тогда. И кто такая Урсейя. Она должна знать. Но не сейчас.

Пока в ней достаточно энергии, стоит попытаться еще раз.

— Ты ведь не позволишь им... — Мира не договаривает. Память, это всего лишь память, успокаивает себя. Все это уже было, все это уже не может причинить ей вреда.

Она набирает в легкие воздуха, прикасается к воспоминаниям, и будто проваливается в глубокий колодец.

Мучительные секунды падения, перед глазами снова калейдоскоп картинок. И снова возвращается боль, удушающий кашель разрывает легкие на части. Во рту- привкус крови. В голове- тот же монотонный голос.

Мира чувствует- Самар колеблется, не знает, как поступить, сомневается. И это ощущение само по себе болезненно. Она откуда-то знает, его решение коснется и ее тоже. Сопротивляться голосу не выходит.

— Это твой окончательный выбор, Самар? — хрипло, через силу произносит Мира.

Он едва заметно улыбается. Отвечать и не думает, и это само по себе- ответ.

— Мира, что-то... Уходи... — просит Ллэр. Он чувствует опасность, даже сейчас, когда это всего лишь срез памяти.

Она слышит, но ничего не может изменить. Безвольной марионеткой отдается во власть уже случившегося, пережитого только для того, чтобы показать и пережить снова.

Боль... Тупая, обжигающая изнутри. Болят мышцы, вены, кожа. В ней будто застряло инородное тело, пытается высвободиться. Любой ценой, даже если цена- ее жизнь.

Голоса, запахи, звуки, картинки, ощущения теперь уже троются. Мира одновременно чувствует все тремя ипостасями сразу. Одна- пассивно наблюдает, две другие борются между собой. И эта борьба сводит с ума.

Какая-то, наконец, оказывается сильнее. И Мира скорее замечает со стороны, чем чувствует: там, на поляне- она снова призрак. Как на пляже с Ллэром, как потом на скале, когда Тени...

Тени! Она вдруг видит их совсем близко. Еще через миг понимает- они все это время находились в ней, а теперь беспрепятственно покидают убежище, множатся, из серых превращаются в темные, черные, блестящие на солнце, как гладкая морская галька Актариона.

Холодно. Ужасно холодно. Воздух стынет еще в горле, обжигает нёбо. Но дышать, как ни странно, легче. Кашель пропал, во рту исчез привкус крови.

Невидимая сила лишает Миру опоры, бестелесной оболочкой она стремительно пронзает пространство, взлетает вверх- туда, где Теням до нее не добраться. Зато она видит все. Позволяет увидеть и Ллэру.

Самар почему-то не боится. Просто стоит на своем крылечке и ждет, пока Тени до него доберутся. Кажется, ему все равно, чем закончится сегодняшнее противостояние. Кажется, он готов ко всему. А может быть, даже хочет, чтобы все закончилось. Прекратилось. Ллэр ведь говорил, он- самый старый. Скорее всего он невероятно, невозможно устал.

Тени будто нарочно не спешат. Полукругом выстраиваются перед атради. На поляне долгие секунды ничего не происходит. А потом... В этот раз твари не вскидывают костлявые руки, но Мира чувствует, как из Самара начинает медленно вытекать энергия. Колючая, холодная, чужая... Атради продолжает стоять, улыбаться. Он не падает на колени, не начинает задыхаться, корчиться, хотя лицо, застывшее будто маска, становится все бледнее и бледнее, пока не начинает синеть. Улыбка намертво приклеивается к губам. В буквальном смысле. А потом, неожиданно он медленно разворачивается и уходит в дом.

Бесшумно вздыхает невидимый Ллэр.

Звон бьющегося стекла звучит громом. И еще. И еще. Что, где раскалывается на осколки- не понять.

Тени не спешат за Самаром следом. Только вдруг вскидывают свои головы вверх, к небу, будто чувствуют, что за ними наблюдают. У них нет глаз, но это не мешает им видеть.

Мира сжимается. Черные твари, завершив миссию, не скрывают своих намерений- они собираются вернуться, обратно в нее. Это не просто подозрение, а знание. Откуда ей это известно, Мира задуматься не успевает.

— Время пошло, — произносит голос, и она понимает, что именно это означает. Что-то случилось. Изменилось. Дни Тмиора сочтены.

Тени взмывают в Надпространство, плотным ледяным кольцом окружают ее. Все силы, физические и ментальные, вся энергия теперь уходят только на одно- не позволить. Не дать превратить себя в оружие. Не допустить, чтобы по ее вине кто-то еще погиб.

Снизу доносятся приглушенные мужские голоса. Мира их знает, но все равно опускает голову- на поляне, прямо под ними появляются Ллэр и Адан. О чем-то обеспокоенно переговариваются, один за другим бросаются в домик Самара.

Вместе с узнаванием приходит ужас- хозяин бесполого голоса хоть и молчит, но посылает вполне понятный импульс Теням- уничтожить Ллэра. Те безропотно подчиняются.

Что это означает- Мира даже не думает. Не пытается представлять, как это может быть. Как будет после, если Ллэр погибнет. Лихорадочно ищет способ их остановить, удержать, заставить вернуться в себя. Знает- это не выход, но любым способом пытается оттянуть неумолимое, выиграть драгоценные секунды, если получится- минуты. Может быть, Ллэр успеет уйти, спастись.

В начале почти получается, но недолго. Тени сильнее, а она слабеет. Почти не слышит вторую себя, не контролирует голос, отключается. В сознании- ослепляющая вспышка, похожая на взрыв, только бесшумный.

И следом каскад из ярких картинок сменяется темнотой. В ней- почему-то очень тепло, уютно. Глаза закрываются, руки безвольно падают. Мира умирает, только почему-то это совсем не тревожит. Наоборот, ее тело будто жаждет конца, сулящего вечный покой.

Она снова слышит голос, но уже другой, зовущий мягко, но настойчиво. Но нет ни силы, ни желания прислушиваться. Так хорошо, когда тот, первый умолк, когда перестал требовать и вынуждать. Ей кажется, что она отмахивается от назойливого голоса, как от мухи, но тот все твердит и твердит что-то, только с каждым разом все тише. Мягкое, нежное тепло и темнота становятся все ближе...

И вдруг заканчиваются... Обрываются ледяной вспышкой, будто кто-то бросил ее в прорубь.

Она вернулась, и оказалось, что ледяная вода- не мираж, не игра памяти. Перед ней стоял Ллэр с тазиком в руках.

— Прости. Все другие способы не действовали.

Мира равнодушно окинула взглядом влажную постель, ворох из слипшихся перьев, еще недавно служивших ей мягкой подушкой, скатывающиеся по обнаженной коже в мурашках прозрачные капли воды, убрала с лица намокшие пряди волос.

Память отпускала, но лучше не становилось. Наоборот- с каждой секундой голова раскалывалась все сильнее.

Мира с силой сжала виски пальцами, попыталась сосредоточиться, избавиться от боли- не помогало, как будто способность излечивать себя бесследно испарилась.

— Черт... Таблеток у них нет...

Ллэр поставил тазик на пол, подошел ближе, положил ей руку на лоб. Мира почувствовала легкое покалывание, но боль стихла лишь на самую малость.

— У тебя тут выпить есть? Вдруг поможет.

— Выпить? — она не зло ухмыльнулась. — Тазик, значит, нашел, а алкоголь мне тащить? — почти сразу в руке появилась бутылка вина. В другой- два медных кубка. Мира облегченно вздохнула- ну хоть с этой способностью ничего не случилось. Бросила быстрый взгляд на этикетку. Лучшее вино Эйтана. — Подойдет?

Он кивнул, а когда Мира протянула ему кубок, сказал, ухмыляясь:

— Ну, за расширение сосудов!

— Очень оригинально, — она отпила. Вино, действительно, помогло. Сделав еще несколько глотков, даже смогла улыбнуться. — Я помню, ты не добрый, но если будет

болеть- вылечишь.

— Мне здесь даже не из чего вытянуть энергию... Все такое... до одури натуральное, — он сел рядом, — но я вылечу.

— Не сомневаюсь... — она допила остатки из кубка и приложилась к широкому горлышку бутылки. Терпкое, вкусное черное вино из каких-то местных ягод приводило в чувство, но и пьянило. Видимо, ее организм слишком ослаб. Мира усмехнулась, подумав, что будет, если напьется сейчас и уснет прямо так- голая, на смятой, мокрой постели, вся в перьях и вдобавок в обнимку с незнакомым мужчиной. То, что может подумать Эйтан, даже представлять не хотелось. Как и то, что будет с ним, когда поймет- она ушла навсегда. Мира со вздохом опустила бутылку на кровать, с нежностью прикоснулась ладонью к щеке Ллэра. — Надеюсь, ты хоть что-нибудь понял из всего этого...

— Хоть что-нибудь понял... — Ллэр с шумом выпустил воздух. — Например, что возможно меня водили за нос. Самар понимал, что происходит. Когда ты явилась туда- он определенно понимал... Даже возможно ожидал этого. Это чувствовалось. Я же... не подозревал.

— У тебя есть предположения, кто?

Ллэр покачал головой.

— Пока не оформились... Точнее... есть несколько совпадений, которые мне не нравятся, — он задумался, некоторое время молчал, потом проговорил:- Нет, не укладывается.

— Какие? — Мира нахмурилась. — Ты ведь скажешь, правда? Я должна знать! Я уже часть этого, да еще какая часть. И мне совершенно не нравится, что кто-то использовал меня, заставлял делать вещи... чувствовать... Да еще бросал с место на место, как Адан, и... — она осеклась. Испуганно замолчала.

Ллэр хмыкнул, пожал плечами.

— Ты сама сказала.

— Адан?! Не может быть.

Он развел руками.

— Когда Тени орудовали на поляне, Адан здорово припечатал меня к стенке в кабинете Таль. Очень похоже, по ощущениям. Он чуть не убил тебя в самую же первую встречу. От него глючило Роми, он был там, когда появились впервые Тени, был и во второй... — Ллэр опять помолчал. — Я не знаю, тут все равно что-то не увязывается, чего-то не хватает. Но он- доа, и Роми в самую первую встречу почувствовала от него угрозу.

— Я тоже- доа, — Мира перехватила его взгляд, мотнула головой. — Ладно, не только, но и доа тоже. Я разве враг? Как и вы, я- эмпат. Могу прикоснуться к чувствам других, могу считать эмоции и ощущения, поделиться своими. И Адан тоже, хотя до сих пор почти не научился этим пользоваться. Но он... С ним... По-другому... — от волнения не получалось связать слова в нормальные предложения. — Я и Адан... Наша связь- сильнее, понимаешь? Даже чем с тобой, во много раз. Он не может мне врать. Не может! Я бы поняла. А если... Нет, всему, что ты рассказал, есть объяснение. Должно быть! — Мира вскочила с постели. — Я не буду гадать. Я пойду к нему и... Если понадобится, влезу внутрь силой и все узнаю.

— Мира, сядь. Выдохни, — примирительно сказал Ллэр. — Всему есть объяснение, да И мы пойдем и проверим. Но не прямо сейчас. Если вдруг... я говорю если!.. ты ошибаешься, и ваша связь- не помеха дурить тебе голову, то он нас просто на месте завалит. Учитывая

размах происходящего, я могу оказаться намного слабее. Пусть даже не на Тмиоре наши силы почти равны.

Она осталась стоять, скрестила на груди руки.

— Ты мне что-то недоговариваешь, Эль? Доа и атради- враги?

— Нет, не должны быть. Доа и атради- один народ, были когда-то. Хочешь услышать всю сказку сначала?

— Ну...

И он начал рассказывать.

Недоумение было кратким, но оглушительным. Выругалась Роми неосознанно, словно продолжая выговаривать твердолобым так называемым родственничкам, потом захлопнула рот. Ей показалось, что все слышали, как клацнули зубы. И что теперь на нее пялятся, потому что она даже моргает громко.

Хотелось разразиться вопросами или даже возмущением, но слова застряли в горле. Оказывается, за последние три месяца, несмотря на весь фейерверк, что творился дома, она отвыкла от неожиданностей. Нет, иначе- от подобных неожиданностей. Вот если бы рядом с Замком образовался действующий вулкан, грозя потоками лавы, тогда она знала бы, что делать и как реагировать. А так Роми вдруг почувствовала, будто ее швырнули в ледяное море, не помогли выплыть, а теперь с улыбкой наблюдают, как с нее стекает вода.

Демонстративное равнодушие на лице Адана не могло скрыть его легкую злость на что-то, возможно сделанное или сказанное до того, как здесь появилась Роми. Но он определенно выглядел довольным.

Яркая молодая женщина (Роми никогда не видела её раньше, но почему-то казалось, знала), в коротком красном платье, которое так и тянуло обозвать удлинённой футболкой, похоже, тоже неприкрыто наслаждалась происходящим.

Алэй бродил в воде, не выказывая никакого беспокойства, только привычный легкий интерес. Невозмутимый. Уверенный. Он последнее время часто бывал таким.

Растерянность схлынула, раздражение не появилось, но тревога- да. Ничего хорошего пляж, знакомое море под фиолетовым небом и зеркальный купол Сферы в стороне не предвещали. Без сомнения вряд ли то, что она сюда перенеслась, случайность.

— Доброй ночи, — девица, улыбаясь, перевела взгляд с Роми на Адана, потом на Алэя и снова посмотрела на зеленоглазого. — Ади, ты ведь нас познакомишь?

— Ты... Ли, ты же... — довольное выражение на лице Адана сменилось удивлением. Искренним и настороженным.

Женщина, продолжая улыбаться, кивнула. Опустила на песок туфли, плавно вытянула вперед левую руку, шевельнула пальцами, и на ладони появился небольшой, размером с яблоко, фиолетовый искрящийся шарик.

— Но... Ты же... — Адан, казалось, напрочь позабыл о том, что кроме них двоих на пляже есть кто-то еще. Переместился к ней, одним шагом преодолел последние разделявшие сантиметры, с силой схватил за плечи, тряхнул. Каштановые длинные волосы взлетели в воздухе и мягкой волной опустились на обнаженные плечи. Роми только сейчас заметила, что кожа незнакомки отражает сиреневый свет Луны, одновременно впитывая его в себя, а внутри четко просматривается уже знакомая энергия доа, похожая на Адана, но еще больше- Миры, только в чистом виде, не смешанная с атради. — Почему, Ли?.. Зачем?

— Потом, хорошо? — перебила она, кивком напоминая, что они не одни. В голосе, несмотря на вопросительную интонацию, послышались твердые, властные нотки. Так говорят те, кто привык приказывать, а не просить об одолжении. — Ты нас познакомишь, наконец?

Адан какое-то время молчал, не шевелясь. Потом отступил назад, опустил руки.

— Ромиль, Алэй, — он резко обернулся к Роми. Бросил быстрый взгляд на Алэя, снова посмотрел на нее. — Это та самая Таль...

— Та самая и все? Нет, ты неповторим... Ллэр представил бы меня лучше, — девица насмешливо фыркнула. Подкинула светящийся шарик на ладони, перевела заинтересованный взгляд на Алэя, задумалась. Затем явно приняла какое-то решение и уверенно шагнула вперед, приветливо кивая Роми. — Искренне рада нашему знакомству. Прости, что Ади выдернул к нам. Мужчины-доа... Всегда непосредственны и эгоистичны, как дети, — она небрежно повела плечом. — Но ты еще можешь попробовать вернуться, хотя не советую.

Роми не собиралась никуда возвращаться. Теперь, тем более. Тревога крепла, мысли разбегались. И причиной тому вовсе не прогрессирующее количество доа на квадратный метр.

На миг в душе вспыхнуло то же чувство, когда она впервые прикоснулась к Адану. Враг. Защищаться. Потом поняла, что и близко не стоит. Адан никогда не был врагом. Не мог им быть, потому что доа и атради никогда не враждовали. Содружество не прививало им эту мысль. Незачем.

У возникшего в Плеши чувства была другая природа. Роми теперь знала, особые, только внешне такие же, как остальные народы, населяющие миры Вселенных, доа обладали способностью узнавать соплеменников в толпе, даже не видя глазами, безошибочно выходить друг на друга. Возможно, сознание Адана, его спящее знание истиной природы попыталось подать знак, вторгнуться в заблокированный участок памяти Роми. Пробилось, а пустота, на которую там наткнулось, отреагировала неожиданным образом, послав сигнал «враг».

С Таль не было нужды ни в каких ощущениях или сигналах, чтобы ощутить исходящую от девицы опасность. И хотя Роми признавала, что может вновь ошибаться, что Таль- не враг им всем, убираться обратно на Тмиор не торопилась.

— Я тоже рада нашему знакомству. Очень много о тебе слышала, — улыбнулась Роми. — Адан, объяснишь?

— Я? — пару секунд он переводил взгляд с нее на Таль и обратно. Внимательно, пристально разглядывал, словно сканировал. Или сравнивал. Потом вдруг злорадно улыбнулся, с силой привлек Таль к себе, обхватив за талию. — Нет уж. Пусть он, — кивнул на Алэя, — тебе объясняет. У него хорошо получается. А мы с Ли прогуляемся... Нам...

— Я сама могу все объяснить, — перебила Таль, улыбнулась ему, потом Роми. — Гораздо лучше, чем Ади, поверь. Что именно тебя интересует?

— Адан, ты... я... — Роми на мгновение нахмурилась и почувствовала себя круглой душой. Ревнует? Она соврала бы самой себе, если бы сказала, что не думала о том, что произошло тогда на скале и в море. Почти произошло. Что забыла его слова, что не вспоминает... Она соврала бы, если бы сказала- что все это имеет прежнее значение. Но оглянуться на Алэя почему-то оказалось невероятно тяжело. А он в этот самый миг как раз наклонился, выуживая что-то из воды, и через секунду послышались шлепки плоского камешка по воде. — И что же ты можешь объяснить?

Еще одна доа и снова из Актариона, который когда-то приложил руку к наказанию всех жителей Эннеры... Как и почему- не имело значения. Той, кто изменил Миру, не составило бы труда проверить опыт и над собой. Улучшенный, исправленный и дополненный эксперимент.

— Могу или должна? — улыбка с лица Таль не исчезла, просто стала другой- холодной и жесткой. Точно так же изменился взгляд темно-синих глаз. В них теперь не было ни капли вежливого дружелюбия, только высокомерие и голый расчет, будто Таль мысленно

прикидывала, какую пользу может извлечь из ситуации. И, кажется, совершенно этого не скрывала, как и не ждала ответа на свой вопрос. — В принципе, я в отличие от тебя могу объяснить все. Если захочу.

Роми пожалела, что так мало расспрашивала Ллэра о том, чем он занимается с этой женщиной, о деталях того, что ищет, что не углублялась в его план. Что раньше лишь злилась, обвиняла и предрекала, что ничего не выйдет. А если и выйдет, то совсем не то, что задумывал. Как в тот раз, что оказался последней каплей для Алэя. Чем-то, с чем он никак не мог или не желал справиться.

Роми же перестала злиться на Ллэра. Понимание этого в какой-то момент шокировало, а потом... теперь у них не оставалось времени на личную неприязнь. Слишком много всего свалилось. Они виделись всего несколько раз, каждый- почти мимоходом. В последнюю встречу она рассказала ему об Актарионе. Почему не предупредил, что Таль пошла дальше?

— Если я найду, что предложить тебе взамен? — спросила Роми, возможно, резче, чем стоило и имела право.

Таль усмехнулась.

— У тебя теперь ничего нет, что могло бы меня заинтересовать. Кроме Ади, — небрежным кивком указала на Адана, застывшего, словно изваяние, повелительным жестом остановила, когда он собрался вмешаться. — Ты просила объяснить. Передумала?

Роми вскинула брови, едва заметно улыбнулась.

— Мы, видимо, друг друга недопоняли. Я сюда не по своей воле пришла, и вопрос мой касался именно этого.

— Не знаю, как наши мужчины, но я все прекрасно поняла, хотя вопроса ты так и не озвучила, — девица подкинула на ладони искрящийся сгусток энергии, самодовольно улыбнулась. Фиолетовый шарик пролетел несколько метров, за считанные доли секунды преодолевая расстояние до Сферы, с характерным хлопком встретился со сверкающей гладкой поверхностью и эффектно разлетелся разноцветными искрами. — Объясняю, что здесь только что произошло. Все дело в том, что Адан- страшный собственник, — как ни в чем ни бывало продолжила Таль. — А поскольку вместо того, чтобы изучать новые возможности, он три месяца последовательно и методично уничтожал свои способности доа, то контролировать определенные желания так и не научился. О некоторых даже не подозревает, — она обернулась к Адану, подмигнула. — Мы умеем притягивать других к себе. Практически любого из любой точки и любого Мира, пока он открыт, — Таль повернулась обратно к Роми. — Считай, что тебе сказочно повезло. Ади очень вовремя тебя приревновал.

Пока она говорила, настроение Роми менялось. Сначала хотелось сбежать, чтобы не слушать всего этого. Потом- ударить, после- вырвать язык, свернуть шею. Таль великолепно умела вызывать к себе раздражение. Но когда женщина замолчала, как ни странно, Роми лишь смогла выдавить чуть слышно, чувствуя, как холодеют пальцы, и боясь сделать хоть что-нибудь, чтобы получить ответ самостоятельно:

— Что ты имеешь в виду? — последнее время она все ощущала острее, и страх- тоже.

— Я только что искала Ллэра и не смогла почувствовать Тмиор, — Таль смотрела в упор. — Кажется, то, чего вы, атради, так опасались, случилось. И, боюсь, Ллэр с остальными застрял внутри навсегда.

Она еще не закончила, а Роми уже пыталась нащупать Пути. Таль не смогла? Эта самоуверенная выскочка не показатель. Кто она такая, чтобы делать подобные заявления?

Новосозданная доа из бывших врагов?

Надпространство охотно развернулось, пляж обрел иную четкость. Вода застыла, мелкий прибой перестал шелестеть. Песок под ногами превратился в твердый, потрескавшийся грунт. Туннели, тонкие, едва осязаемые проколы- сотни, десятки дорог уводили прочь, в полном, легком доступе. Роми прикасалась к ним, тянулась, ощущала ответное, приглашающее покалывание- только выбери и иди.

И только Пути в Тмиор упирались в невидимую преграду. Роми попыталась понять, где находятся те, с кем несколько минут назад она разговаривала, кого пыталась убедить в том, что пришло время выбираться из раковины бессмертия, и снова натыкалась на ватную, пружинящую стенку. Они были там, атради чувствовала их и не могла прикоснуться к сознаниям, достучаться, разорвать пространство...

Кружилась голова. Леденели пальцы рук и ног. Становилось тяжело дышать. Реальность теряла смысл, оставляя лишь одну мысль: не успели?!

— Ллэр не на Тмиоре, — сквозь туман паники послышался холодный, лишенный эмоций голос Алэя, и Роми вывалилась обратно в нормальное пространство, не устояла на ногах. Почти упала на песок, но он успел подхватить ее под локоть: оказывается, Алэй уже вышел из воды и подошел к ним. — И ты это знаешь.

— Я рада, если это так, — сказала Таль.

— Да неужели? — подал голос Адан.

— Не веришь? — она с невозмутимой улыбкой обернулась к нему. Тот смерил ее долгим мрачным взглядом. Девица пожалала плечами, будто отвечая на неозвученный вопрос зеленоглазого, повернулась к ним. — Что ж... Можете не верить, но я, правда, рада. Из всех атради Ллэр- единственный, кто заслужил право не умереть от голода в вашей прогнившей клетке.

— А ты знаешь всех атради, чтобы судить? — хмыкнула Роми.

Думать о том, что творится на Тмиоре, она запретила себе. Не сейчас, не здесь. Если Таль не врет (а закрытые Пути говорят в пользу этого), то уже ничего не исправить. Не остановить. Сожалеть, посыпать головы пеплом, проклинать себя и других за глупость, ограниченность, упрямство, медлительность и прочие непростительные ошибки- делу не помогут. Роми и раньше подозревала, когда солнце Тмиора начнет меняться, мир захлопнется, законсервируется сам в себе, превратившись в ловушку, каковой был до того, как Самар нашел выход из созданной Содружеством тюрьмы. Содружеством, среди которого были и предки Таль.

— Знаю достаточно, чтобы... Вы- ошибка, за которую пришлось заплатить всем. Нам, им, — Таль кивнула в сторону Адана, продолжила:- Столько людей погибло, столько Миров... И что? Вы прониклись их гибелью? Какой урок вынесли? Сиганули в раскаленную лаву от раскаяния? Нашли другой способ подохнуть от чувства вины? Нет! Вы наплевали на всех. Пережили и создали для себя уютный, безопасный Мир, угробив половину своих же. Снова! А чтобы не мучиться, избавились заодно от памяти. Возомнили себя богами. Решили, что имеете право отлавливать и превращать других в такие же прогнившие, равнодушные мумии! При этом вы искренне считали это подарком судьбы! Вы...

— Мы никого не отлавливаем, — перебила Роми. — Мы свое заплатили. Те, кто погиб- знали, на что идут. Мы все- знали. Тебя там не было, ты не сможешь понять. Я не знаю, откуда ты все это узнала, но информация- совсем не то, что лично пережить сначала тысячелетнее заточение, голод, все грани сумасшествия, агрессии, апатии, потом- надежду и

неизвестность. Незнание, кто выживет, а для кого не хватит энергии нового мира! — голос еще не срывался на крик, но близко подходил к этому. Злость захлестывала, лишала способности думать. Она не желала оправдываться перед Таль. Ни перед кем. Это была цена и их выбор- заплатить. Они могли погибнуть все, гарантии не было, но решили рискнуть, и не актарионке их судить. Еще меньше она хотела вступать в спор относительно того, что они помогали другим стать атради. Выбор всегда за человеком. — Мы- ошибка? А не решение Содружества? Не ваше всеобъемлющее категорическое превосходство? Не ваше право сильного навязывать свой взгляд тем, кто слабее, но все же достаточно смел, чтобы пойти дальше? Тлай предложили, их послушались. Но если бы и нет, ядро Содружества, вы- Тлай, Актарион и Виль'лари- подмяли бы под себя всех недовольных, верно? Платить заставили вы. Ты и тебе подобные. Чем существование доа грозило мирозданию? Этих доа, предков моих и Адана! Ничем, только вы не хотели лишнего беспокойства, забот. Проще наказать всех, чем только виновных. Проще обозвать виновными каждого, кто не соответствует вашим критериям!

— Нашим критериям? — Таль равнодушно качнула головой. — Содружества давно нет, Роми. Я не имею к нему никакого отношения. Прошло много тысяч лет, — она холодно улыбнулась. — Понимаю, тебе трудно осознать. Для тебя все началось еще тогда и никак не закончится. Могло бы закончиться сегодня, если бы не глупая ревность Ади...

— Ли, ты пыталась найти Ллэра, чтобы предупредить? — оборвал Адан, не давая Роми разразиться новой тирадой. Шагнул вперед, развернул Таль лицом к себе:- Не смогла и пришла сюда, потому что знала, что будет, да?

— Откуда, по-твоему, я могла знать?

— Оттуда же, откуда знаешь все это!

— Я знаю, потому что мой отец был доа! — женщина легко высвободилась, хотя Адан держал ее крепко. Наклонилась, подхватила туфли с песка. — Я буду ждать, где всегда. Нам надо поговорить... Кое-что решить, Ади. И лучше наедине. Согласен?

Тот лишь неопределенно мотнул головой. И прежде, чем до Роми по-настоящему дошло, что только что заявила Таль, прежде чем успела снова раскрыть рот, новоиспеченная доа уже исчезла.

— Черт бы тебя побрал, Ли... — сквозь зубы пробормотал Адан. Рухнул на песок спиной к ним, наклонился вперед, обхватывая согнутые колени.

Черт бы ее побрал, согласилась Роми. Черт бы побрал слова, что задели за живое, воспоминания, от которых болела голова, страх, что лишал способности здраво мыслить, эмоции, что заставляли чувствовать себя снова девчонкой, за которую решила все упрямая мать, а потом бросила расхлебывать. Для нее все, действительно, так и не закончилось, и опыт прожитой вечности сходил на «нет», затмеваемый растерянностью.

Роми легонько стиснула ладонь Алэя. Ощувив ответное пожатие, невесело улыбнулась, чувствуя, как растворяется злость, и появляется усталость. Захотелось точно так же сбежать, только не ждать, чтобы решать, а наоборот- все забыть, или хотя бы, как Адан, упасть на песок. А потом уткнуться носом в колени и разревется, как ребенок.

— Тмиора больше нет, — очень тихо сказала она. — Или очень скоро не станет. Как когда-то не стало Тайко... Был бы здесь сейчас Ллэр, он бы цинично пошутил, что одной проблемой меньше.

— Иногда ты о нем думаешь хуже, чем я, — чуть слышно усмехнулся Алэй.

— Но с ним все в порядке?

— Он не на Тмиоре. В этом я уверен.

Роми кивнула. Большого он и не мог знать, хотя в любой момент был в состоянии отыскать Ллэра, где бы тот ни находился, и сколько бы ни прошло времени с последней встречи. Уникальная, единственная в своем роде связь атради...

Она выпустила руку Алэя, потом приблизилась к Адану, неспеша опустилась на песок с стороне. Хотела что-то спросить, но вместо этого сказала:

— Привет... — и почему-то почувствовала себя ужасно.

Он не ответил. Она помолчала.

— Ты тоже считаешь, что мы должны были умереть от чувства вины в качестве расплаты за самоуверенность?

На этот раз Адан ответил, хотя не сразу.

— Я считаю, что я- идиот, потому что... — он осекся. Поднял голову, встретился с Роми глазами. Взгляд изменился. Вместо тотальной растерянности- лед отчуждения, словно за долю секунды между ними появилась невидимая, но очень прочная стена. Не та, что превращала их в смертельных врагов, но та, что не позволяла оставаться друзьями. Адан выпрямился, горько усмехнулся. — Нет, я не считаю, что ты должна была умереть. На твоём месте я бы не торопился прыгать в пекло, а постарался выжить. Ты сделала свой выбор, — и тише добавил:- Это не делает тебя лучше в моих глазах. И хуже тоже. Ты такая, какая есть. И ты не виновата.

— Я такая, какая есть... — повторила она, оглянувшись на Алэя. Тот не спешил подходить к ним, но не отворачивался. Роми не рассказывала ему о том, что почти произошло здесь, в Бэаре, на скале. Но не потому, что хотела скрыть или сожалела. Просто так вышло. А теперь она никак не могла понять, насколько это имело значение для нее, и будет- для Алэя. Снова глянула на Адана, все-таки сказала:- Прости...

— За что конкретно ты просишь прощение? За то, что было, или наоборот- чего не было и уже не будет? Или так... на всякий случай? — ухмыльнулся мужчина.

— За то, в чем, ты говоришь, не виновата, но что все равно причиняет... боль, — она попыталась улыбнуться. — Мы все идиоты.

Адан молча поднялся, медленно расправил широкие штанины, стряхнул песок. Так же медленно выпрямился, огляделся. Несколько секунд, пристально разглядывал Сферу, потом переместился к Алэю.

— Я не очень понимаю, что должен сейчас делать. Если все правильно уяснил, вы только что остались без своего мира... И наш с тобой недавний разговор утратил условное наклонение, — спокойно, по-деловому, может слегка сдержанно, но без злости произнес Адан.

— Наш разговор утратил не только это. Сюда никто не придет, незваных гостей в Бэаре не будет. Вне Тмиора атради осталось не так уж много, и вряд ли они догадаются, куда идти. Кого искать...

— Чем я могу вам помочь теперь?

Алэй помолчал.

— Я сам не понимаю, что делать, и чем нам, вообще, можно помочь. Мы оказались в потрясающей ситуации...

— Но что-то делать надо.

Алэй ему что-то ответил, Роми не слушала, смотрела на воду.

С голоду не умрет- есть Бэар. Без денег тоже не останется. Она готовилась к этому. К

тому, что окажется без дома. Что Тмиор станет недоступен или просто прекратит существование. Три месяца назад, когда только все началось, первым делом привела в порядок разбросанные по мирам собственные норы, пополнила запасы «на черный день», над которыми всегда смеялась и не верила, что пригодятся. Занимаясь всем этим, чувствовала себя почему-то невероятно глупо, будто заранее сдавалась, а еще- будто готовилась к поражению. Алэй верил, она успеет убедить остальных, что надо уходить, процесс не остановить, и единственный из них, кто знал, как справиться с взбунтовавшейся стихией- Самар. Она, уже можно себе в этом признаться, ни во что не верила, но не позволяла этим мыслям захватить власть над поступками.

И теперь, когда возможное будущее превратилось в паршивую реальность, накатила вдруг полнейшая апатия. Что-то делать? А зачем? И действительно- что? Искать остальных? А как? Она даже не знает, кто спасся, и найти их просто так не выйдет. Повезет, если хотя бы часть из них, по цепочке выходя друг на друга, потом доберутся до нее. Во всем этом многообразии миров вряд ли так звезды встанут, что подскажут путь в единственное место, где можно выжить.

А потом что? Рассредоточиться по Бэару? Наведываться сюда, подышать полезным воздухом и возвращаться к своим странным жизням? Купить себе тут квартирку, найти работу, в миллионный раз поиграть в смертных? И так- до бесконечности? Раньше вечность не пугала, сейчас... нет, сейчас страха все так же не было. Но заранее становилось скучно. Результат известен.

Почему раньше это не имело значения? Потому что был Тмиор? Нечто постоянное, неизменное, где не возникало необходимости притворяться?

Планета свободна, атради могут построить себе новый Замок. Другой, но почти такой же. Фиг с ней, с многомерностью, все равно от нее больше вреда и неразберихи, чем пользы. Пусть нет солнца Тмиора, способного превратить их в атради, но есть светила Бэара... И снова- а зачем?

— Зачем всё?

— В каком смысле всё?

Роми вздрогнула, оторвала взгляд от темной, бесконечной водной глади. Это спросил Адан, сейчас он хмурился и смотрел на нее. Оба смотрели и молчали. А она и не заметила, что последнее бросила вслух.

— В самом прямом и полном. Зачем что-то делать? Чтобы снова все наладилось и пошло своим чередом? А это, действительно, нужно? Может, Таль права, и лучше бы все закончилось сегодня. Может быть, прав Ллэр, и таких, как мы, вообще не должно было появляться на свет.

Адан шумно выдохнул. Махнул рукой, обернулся к Алэю.

— Таааак... Прости, на это, — кивком указал в ее сторону, — у меня сейчас нет ни сил, ни времени, ни желания. Когда обретете смысл вечной жизни снова, и я все еще буду вам нужен, поймете, где меня искать.

И исчез.

Алэй подошел к Роми, встал рядом, глядя на нее сверху вниз, проговорил:

— Он прав.

— В чем? — Роми приходилось запрокидывать голову, чтобы видеть его глаза.

— В том, что на это сейчас нет ни сил, ни времени, ни желания.

— На что?

— На истерики и упадок духа.

Она не ответила, нечего было сказать. Спорить, что никакая у нее не истерика? Сообщить, что вот, наконец-то, она его поняла? Полностью, до конца. Все слова, сказанные за семьсот лет. Его и Ллэра. Все ощущения. Всю безысходность, серость, однообразие и желание закончить, завершить, прекратить. Она не захотела того же, но поняла, почему. Словно увидела мир их глазами. И мир этот не понравился.

Опустила взгляд, сгребла в ладонку песок, высыпала и снова набрала полную.

— Поднимайся, — сказал Алэй.

— Отстань, — буркнула она.

— Поднимайся, Рэм.

— Я устала, — вместо ответа отозвалась Роми.

— Я знаю, — Алэй присел на корточки. — Рэм, посмотри на меня.

— Ты не понимаешь...

— Я? — он хмыкнул. — Ты, правда, так думаешь?

Она опять промолчала. Ответ был бы «нет». Если кто-то и мог понять, так это Алэй. Даже Ллэр, считая, что главная ценность жизни в ее конечности, никогда не испытывал ничего подобного. Он не искал смерти, только смертности. Роми же сейчас была близка к тому, чтобы начать по-настоящему жалеть, что Адан так удачно выдернул ее с Тмиора.

— Ты тоже злишься сейчас... На меня все злятся. Я...

— Прекращай, — перебил ее Алэй. — Прекращай, прошу тебя. Вот это все- не ты, не твое, ты знаешь.

— Прекращать?! — Роми вскочила. Теперь она смотрела на него сверху вниз. — Я должна быть вечно бодрой и боевой? Истериически оптимистичной? Самоуверенной, всезнающей, хладнокровной? Вечно бороться? Не сдаваться, упорно искать ответы, выходы, сыпать предложениями? Спорить до хрипоты? Доказывать...

— Я люблю тебя, — неожиданно сказал Алэй, заставляя замолчать на вдохе.

— Но... Причем здесь... — глубоко выдохнула. Шумно. И будто сбросила шелуху.

Будто ночь стала светлее.

Ответить ничего не успела, Алэй уже продолжил:

— Я знал давно, всегда, ты ведь помнишь... Но осознал... не так, понял. Понял, что это означает... Хоть год, хоть миллион лет. Время перестает иметь значение.

— Значит, смысл нашей жизни- в любви?

— Нет. В равновесии, — он встал.

— И где равновесие в том, что мы выжили? Что остались топтать планеты?

— Я не знаю, — Алэй пожал плечами. — Пока не знаю. Но мы остались, а значит у нас есть возможность это выяснить.

— И что потом?..

— Будем думать об этом потом. Рэм, во всем в жизни есть смысл. Но мы часто его пугаем с объяснением событий и поступков. С мотивацией, с целью. Ты это сейчас ищешь. А он ближе к самоопределению. Подозреваю, мир еще не раз перевернется с ног на голову, но мы дойдем до конца, и ты сама все поймешь.

— Философствуете? — раздался голос Ллэра. Роми оглянулась и совсем не удивилась, увидев рядом с ним Миру. Ллэр ухмылялся. — Хорошо. Означает, что еще не все потеряно.

Ллэр уверенно шагнул вперед, а Мира осталась стоять там, куда они вдвоем перенеслись, как только после нескольких безуспешных попыток оказаться в Замке атради убедились: Тмиор недоступен, Роми и Алэй живы и находятся в Бэаре. С этого момента она больше не спорила, не возражала, даже не пыталась. Целиком и полностью положила на Ллэра, хотя видела- он растерян не меньше нее. Может быть, даже больше.

Как относиться к тому, что происходило, еще не знала. Объяснить не получалось. Испугаться тоже, потому что не понимала, чего или кого бояться. У «врага» не было конкретного лица. Даже имени. В то, что виной всему Адан, упрямо не верила. Прекрасно помнила его искреннее недоумение на поляне, куда он вытащил её из ванной Ллэра. И все, что случилось потом, тоже помнила. Как переживал, как защищал, как заботился. Все это не игра.

Адан тогда не притворялся, совершенно точно был растерян и плохо понимал, что с ним происходит. Да и потом, когда она пару раз приходила к нему из Сейфана, знал о происходящем не больше. Не врал, не использовал, не пытался прочесть мысли или сделать еще что-нибудь, чтобы как-то повлиять на нее. Никакой опасности, скрытой или явной угрозы от него не исходило, а если бы был замешан, она бы обязательно почувствовала. В это Мира свято верила.

Но доказательств не было, лишь ощущения, а им Ллэр доверять не спешил. Не обвинял открыто Адана, но просил не торопиться с выводами, подождать, все взвесить. Явно что-то недоговаривал. И рядом с его знанием, опытом Мира чувствовала себя маленькой несмышленной девочкой. Это злило, совсем чуть-чуть. А вот уверенность в собственной правоте таяла, оставляя место неопределенности, но даже абстрактная возможность, что она ошибается, и врагом мог быть Адан, все равно не пугала.

Расстраиваться тоже не видела причин. Ей никогда не нравился Тмиор, ни в первые секунды, когда очутилась на залитой солнцем зелёной поляне перед огромным Замком, ни потом, когда почти полумертвой Ллэр унес в Миер. От того, что никогда не сможет туда попасть, что этот мир-ловушка доживает теперь свои последние дни, большого горя не испытывала.

И все же беспокойство Ллэра, которое он старательно прятал за обычными ухмылками, невольно передалось и ей. Не понимая до конца, чем чревато все случившееся для атради, не решаясь спросить об этом, смутно догадывалась- ничего хорошего их не ждет. А значит, и самого Ллэра. И у чужой беды мгновенно появилось родное лицо. А это сразу многое меняло.

Вряд ли бы Мира кинулась, сломя голову, спасти всех атради и разбираться в проблемах Тмиора, но ради одного, без которого ее жизнь утрачивала вообще какой-либо смысл, она готова сама лезть в любое пекло, не задумываясь.

И уже вошла, потому что сейчас, стоя на сером песке Бэара и глядя на Роми и Алэя, Мира осознала, что по-настоящему переживает. Вдобавок позабытое чувство вины неожиданно вернулось, будто сама нажала на кнопку, включив обратный отсчет в Тмиоре.

Неприятное подозрение кольнуло усиливающейся тревогой в груди- а может, так и есть? Ведь смерть Самара положила начало конца Тмиора, и кто бы ни заставлял ее тогда действовать, кто бы ни угрожал древнему атради, именно она притащила в себе Тени и

выпустила на волю что-то, что в итоге все-таки уничтожило мир вечных.

Мира встретила взглядом с Алэем, испуганно замерла. Показалось, что он знает, о чем она сейчас думает. Помнит, как собиралась покончить с ним. Догадывается, что именно она убила Самара. И еще сильнее захотелось исчезнуть, спрятаться. Если бы не присутствие Ллэра, наверное, поддалась бы трусливому порыву и удрала в уютный Сейфан под голубую луну подальше от умных, проницательных серых глаз.

— Вы уже в курсе последних новостей? — Ллэр будто что-то почувствовал, отступил, не глядя, легко поймал ее ладонь, крепко сжал.

Мира еле слышно вздохнула, поравнялась с ним, доверчиво прижалась. Ясно увидела, как Роми стиснула зубы. Даже, кажется, услышала, как скрипнула.

— Тебе обязательно иронизировать? — процедила Роми.

Ллэр не стал огрызаться в ответ. Пошел к ним, потянув за собой и Миру. Остановился в нескольких шагах.

— Да, — он посмотрел Роми в глаза совершенно серьезно. — Помогает.

— Помогает? — чуть слышно усмехнулся Алэй. — Твой дом уничтожен...

— Мой дом уничтожен много лет назад, — перебил Ллэр. Только теперь обернулся в его сторону. — Помнишь? Я сам это сделал, хотя ты и просил остановиться. — Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Роми молчала, Мире даже показалось- затаив дыхание, потом Ллэр снова заговорил:— Ты был прав, когда предупреждал, что если не образумлюсь, то обязательно повторю свою ошибку.

— Но не сейчас, — тихо отозвался Алэй.

— Считаешь, я не причем?

Алэй покачал головой.

— То, что случилось- произошло бы так или иначе. Большую красную кнопку ты не нажимал. Хотя, конечно, легко и привычно повесить всех собак на того, кто постоянно устраивает локальные концы света в той или иной Вселенной, — улыбнулся. — Но я все равно прав.

Мира повернулась к Сфере, равнодушно скользнула взглядом по собственному отражению и четко осознала недавнее присутствие Адана. Его след, невидимый для обычных глаз, еще ощущался в пространстве. Но не только его. Был еще один, принадлежавший кому-то, кого Мира тоже знала.

— Адан только что был здесь? Вы говорили с ним? — не давая Ллэру возможности ответить отцу, перебила она.

— Да. На оба вопроса, — отозвался Алэй. — Именно благодаря ему Роми здесь, а не на Тмиоре.

— Он знал, что там... — начал Ллэр, его опять перебили, на этот раз Роми.

— Нет, не знал. Они просто очень вовремя увели разговор в неконструктивное русло.

Алэй бросил на нее быстрый взгляд. Ллэр нахмурился, вопросительно посмотрел на отца.

— Это абсолютно неважно.

— Кому как, — вырвалось у Миры. Кажется, в отличие от Ллэра она догадалась о причинах неконструктивного разговора сразу, как только пригляделась к парочке. Роми времени даром не теряла. Небось наверстывала упущенное за пару столетий или сколько там, пока папочка Ллэра был прикован к инвалидному креслу. Если Адан увидел то же, что и она сейчас, его реакцию угадать не сложно. Перехватив пристальный взгляд Роми, Мира

машинально представила, как сейчас должны выглядеть они сами, и поняла, что краснеет. Уткнулась лбом в плечо Ллэра, но через секунду заставила себя посмотреть на Алэя:- Кто был с Аданом? Я кого-то чувствую... знакомого... — неуверенно добавила:- Еще одного доа... Только откуда?

— Вот. Правильно, — сказала Роми, может быть, излишне по-деловому. Как будто жалела, что затронула тему, и теперь только и ждала, что повода ее сменить. — Давайте к сути. Здесь только что была ваша общая знакомая, — она повернулась к Ллэру. — Ты забыл рассказать, что Таль- доа?

— А... вот как?.. — он не притворялся, он, действительно, удивился. Как и сама Мира. Таль- доа? С каких это пор? Хотя, может, поэтому она просила ее не появляться в Миере? Собиралась закончить превращение без сторонних наблюдателей. — И давно?

— Ты нас спрашиваешь?

— Ну вдруг она похвасталась своими достижениями. Таль может. Не смотри на меня так, Рэм. Я уже давно тебе не вру. Таль не была доа. По крайней мере... — Ллэр обернулся к Мире, несколько секунд пристально на нее смотрел. — Может быть, для того, чтобы завершить и... нет, мало, — снова уставился на Роми. — Мы что-то упускаем... Мне бы...

— Не вздумай заявить, что тебе бы сейчас свалить и подумать обо всем этом где-то в одиночестве, — заявила Роми. — Мне не нравится растущее количество доа на квадратный метр, и чем это сопровождается, — бросила взгляд на Миру. — Прости, я не о тебе. Просто последние дни все...

Мира передернула плечами, прикусила нижнюю губу, чтобы не ляпнуть какую-нибудь гадость в ответ. Вряд ли Роми собиралась её обидеть. А если и собиралась, то сейчас все равно неподходящее время для ссор.

— Прости, — Роми снова обернулась к Ллэру. — Мы упускаем очень многое. Это не эксперимент. Таль ненавидит атради. Так, как мог бы ненавидеть потомок Содружества. Но в то же время она- доа. Сказала, ее отец был доа. Надеюсь- отсюда? — махнула рукой на Сферу. — Других доа во Вселенной не имеется, только в Бэаре. Верно?

Он медленно кивнул.

— Только в Бэаре. Ты лучше меня знаешь, что сделало Содружество.

— Что ты знаешь о Таль? — спросил Алэй.

— Да ничего особенного. Родилась, выросла на Актарионе в Миере, училась там же и еще кое-где, родители, как я думал, местные. Основали Институт Крови, давно умерли, теперь там управляет всем Таль. Мозгов хватит на всех нас... И Адан сейчас с ней?

Алэй кивнул.

Мира уставилась на море, наблюдая, как волны одна за одной вылизывают мокрый песок.

— Мне надо пойти к нему и все узнать, — тихо проговорила, обращаясь к Ллэру.

— Одна- нет. Теперь, тем более, — он сильнее сжал ее ладонь.

В какой-нибудь другой ситуации такой жест Мира расценила бы, как трогательную заботу или проявление любви. Сейчас же ощутила себя маленьким ребенком, которого держит за руку строгий родитель, лишая тем самым возможности совершить глупость. Кажется, подозрения Ллэра только крепли. Она же, наоборот, все сильнее верила, что Адан ни при чём. Однако возвращаться к бесполезному спору не хотелось, в присутствии Алэя и Роми- тем более.

Мира поняла, что начинается злиться. Ллэр что, не доверяет ей? Не верит, что она в

состоянии справиться сама? Зря, она прекрасно сможет все узнать. По крайней мере, понять, врет ли Адан или нет, уж точно. А присутствие атради только помешает.

Захотелось высвободиться, самовольно выйти на Адана, найти Таль, заставить рассказать все, что знают. Она сдержалась. Обещала ведь, что не пойдет к Адану одна, что сначала попробуют вместе разобраться, что же случилось с Тмиором...

Мира шумно выдохнула. Недовольно проворчала, по-прежнему глядя на море:

— Ну и что ты предлагаешь? Будем стоять здесь и искать виноватых?

— Никто здесь стоять не будет, — отозвался Ллэр.

— А что, собственно, вы собрались узнавать у Адана? — спросила Роми.

— Уточнять, скорее. Некоторые подозрительные моменты, совпадения. Осведомленность Самара, поведение Адана, превращения Таль... — он помолчал, словно обдумывал с чего начать. — Так. Может быть, я в чем-то повторяюсь. Плевать. Я все это время считал, Самар ничего не знал, но ошибался. Похоже, самый древний атради умело водил меня за нос. Когда я нашел его, Самар выращивал цветочки в глиняных горшках, картошку — за домом, занимался самосозерцанием и был склонен к словесному поносу философского характера... Как такому не поверить? Сейчас склоняюсь к тому, что он все это время знал абсолютно все. Либо никогда не стирал собственную память, либо восстановил ее.

— Битые шары в Пещере Вэра, — пробормотал Алэй.

— А... — выдохнула Роми. — Полностью загруженные капсулы памяти уничтожаются. Почему я раньше не думала об этом? Это ведь очевидно. Он свое жилище построил над входом в Пещеру... и при всем желании его всегда было невероятно сложно найти. Вероятно, пещера как-то экранировала его.

— Не думала, потому что не показалось важным, — сказал Ллэр. — Самар мертв, его тело рассыпалось в пепел, а домик разлетелся на щепки. Вы нашли капсулы, потом стало не до того. Да и сейчас, не в этом суть. Я готов перед каждым словом ставить «может быть» и «возможно». Нам ничего не известно о том, что конкретно запустило процесс уничтожения. Может быть, со смертью Самара начался процесс отката только потому, что все изменения держались на нем, на его жизненной энергии. Ведь мы не знаем, что он сделал, когда превратил Фахтэ в Тмиор, а вас — в атради. Но когда... Когда его пришли убивать, он не удивился, будто ждал и смирился. Не защищался, не сопротивлялся даже на словах. И он узнал...

Мира почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась, встретила глазами с Алэем.

— Ты попробовала на нем тот же способ? — тихо спросил он.

Его вопрос не был обвинением, в голосе не было упрека или злости, и все равно задело. Напугало, причинило боль, заставило заново пережить те ужасные мгновения, когда на ее глазах и по ее вине умирал Самар. Захотелось оправдаться, найти всему объяснение, доказать, что не виновата. Только как? Не говорить же: это не я. Не она, а кто тогда? Кому бы не принадлежал тот голос, именно она позволила подчинить себя.

Алэй ждал ответа. Казалось, они все ждали. Даже Ллэр. Впрочем, почему это ее удивляет? Он же сказал, что готов перед каждым словом ставить «возможно». Он ни в чем не уверен, абсолютно все подвергает сомнению. И ее слова тоже. Все попытки убедить в невинности Адана наверняка воспринимает, как укрывательство. Или еще что похуже.

Захлестнула обида, чувство вины сменилось злостью.

— Нет, изобрела получше, как видишь. Чтобы уже без осечек, как с тобой, — Мира

выдернула руку, усмехнулась, поочередно разглядывая их лица. — Может, доа и атради никогда и не были врагами, но вполне могут ими стать, вам так не кажется?

— Чего? — ошалело спросил Ллэр.

— Ничего, — огрызнулась. — Адан- мировое зло, Таль ненавидит атради, я убила Самара. Замечательно! Вот вы и нашли виноватых.

— Ну, — протянул Ллэр. — Если ты так видишь все это, — улыбнулся, — то я могу продолжить ряд! Имею полное право забрать часть лавров мирового зла себе, а то и не часть. Потому что если бы не влез в эту историю со своей идеей фикс все изменить в собственной жизни... Не пошел к Самару, не полез следить за Таль и ее экспериментами в Институте Крови... Да и потом... Я ж тебя привел на Тмиор. Продолжать? — снова поймал ее за руку, она попыталась выдернуть, тогда он взял и вторую. Все так же улыбаясь, посмотрел ей в глаза. Сказал, чуть кивнув в сторону Алэя. — Он «умеет» задать вопрос. Это у меня от него. И мы все много в чем виноваты. Сейчас, раньше, еще будем. Но в данный момент мы перечисляем факты. Понятно?

Мира послушно кивнула, как-то сразу успокоилась, расслабилась, как будто прикосновения Ллэра обладали магической силой.

— Адан- мировое зло? — спросила Роми.

— Я не знаю, — ответила она, оборачиваясь к ней. — Надеюсь... Нет, верю, что нет, но... Кто-то управлял мной, заставил перенести Тени со скалы к Алэю, а оттуда на поляну, убить Самара и почти умереть самой. Самое странное, что Самар знал, кто я. А я готова поклясться чем угодно, что видела его впервые в жизни! Но он не просто узнал меня, он понимал, что собираюсь сделать, и даже не попытался остановить. Он словно ждал этого, понимаете? — Мира говорила, уже не думая, как будет выглядеть вся история в глазах Роми и Алэя, поверят ли они ей, сочтут виноватой или сумасшедшей. — Кто-то вынудил меня сделать все это. Кто-то подчинил мое сознание, выдернул с места на место. Насколько я знаю, атради так не умеют. Только мы, доа. Но зачем Адану уничтожать Тмиор?! Это абсурд. Я, скорее, поверю, что сошла с ума, и у меня раздвоение личности, чем в то, что Адан способен сознательно причинить мне вред, — она повернулась к Ллэру, прижалась, почувствовала, как он обнял ее рукой за плечи. Еле слышно добавила: — То, что случилось в его квартире, не считается.

— Адану как раз и незачем... Он чистый, изначальный, оригинальный доа. Ему если кого и ненавидеть, так Содружество. Но и то, — пробормотал Алэй. — Я успел с ним поговорить совсем недолго, но достаточно, чтобы утверждать теперь, у него нет подобных замашек. Мне показалось, он из тех людей, для которых все, что им непосредственно не мешает- не имеет значения, — усмехнулся. — Злой властелин- не его ампула.

— Но при этом кое-что в его поведении на тот момент было просто зеркальным отображением одновременных действий Миры, — отозвался Ллэр. — Я видел одну часть и прочувствовал на своей шкуре другую. Я не думаю, что это тоже некое свойство доа как таковых. Вроде способности притягивать к себе.

— Они, кстати, могут ставить автоответчик, — буркнула Роми.

— В смысле?

— «Никого нет дома, дергайте позже», — ответила она. — Это контролируется с двух сторон. Как же мне надоела каша в голове... — Роми принялась массировать виски. — И эта еще постоянная головная боль... То не помню ни фига, то всплывает... Вот Адан меня вытащил сюда, а я даже не врубилась. А должна ж была!

— У тебя на Адана, вообще, непредсказуемые реакции, начиная с Плеши, — ухмыльнулась Мира, оборачиваясь. — Или тебя вырубают или не врубаешься.

— Может, ты все-таки его дальняя родственница? — хмыкнул Алэй.

— Что?

— Адан предположил. В теории, так сказать, можешь ли ты быть его сто раз прабабкой, — он улыбался, но ощущение, что отец Ллэра не шутит- возникло. — Может, еще одно свойство доа...

— Нет, — уверенно ответила Роми. — Это не на него реакция. Это реакция на то, что у меня в голове больше информации, чем может обработать мозг. Я, вообще, не знаю, как не путаюсь в том, что когда было и почему! Я должна знать про доа все. Что могут, что нет. Как... я ведь была сама... и достаточно взрослой, чтобы запомнить. А в итоге...

— В итоге, мы уходим от темы, — сказал Ллэр. — Хотя автоответчик- это хорошо. Это полезно, — посмотрел на Миру. — Ты понимаешь, о чем она? Сможешь как-то?..

— Смогу что?

— Включить. Не хотелось бы, чтобы он выдернул тебя в самый не подходящий момент.

— Он давно включен, не только на Адана, — хмыкнула Мира. — Удовольствия, когда таскают с места на место, мне хватило, знаешь ли... А поскольку в последние месяцы тебя рядом не было, чтобы спастись, пришлось самой о себе позаботиться. Мне, вообще, кажется, что на самом деле доа гораздо больше, чем мы знаем. И тот, кто за всем этим стоит, не Адан и не Таль.

— Только этого нам не хватало, — пробормотала Роми.

— Тебя выдергивал кто-то еще? — спросил Алэй.

— Да. Эль всё видел... В моей памяти. Тот, кто перенес меня к Самару, тот, кому принадлежал голос, не Таль, потому что в тот момент она не была доа. И это не Адан, — она повернулась к Ллэру. — Ты сам сказал, что он был с тобой и копировал меня, задыхался... И... Если он как-то замешан, если это как-то связано с тем, что делали со мной, то его используют точно так же, как меня. Наше незнание, силу, возможности. Существует еще кто-то, обладающий такими же способностями, как у нас. Еще один доа. Или несколько. Может, сотни... Или же... это, вообще, не имеет отношения к доа... — Мира замолчала. Теперь уже она взяла Ллэра за руки, внимательно посмотрела в глаза. — Эль, что будет с ними?

— С ними?

— С теми, кто остался на Тмиоре?

— Ничего хорошего, — мрачно ответил он. — Они заперты.

— До того, как Самар придумал, как нас связать с солнцем, мы были просто людьми, — тихо сказала Роми. — Бессмертными, практически неуязвимыми, даже в большей степени, чем сейчас, но в принципе- людьми. Потому что единственное, что было доступно нам- путешествия между мирами- у нас забрали. Я не знаю, что Ллэр успел тебе рассказать, и насколько тебе это интересно... Нас заперли в одном мире, где было пять пригодных для жизни планет в одной системе. Создали этот самый барьер... Пытаясь выжить, мы уничтожили то малое, что нам было оставлено. Тмиор последний. Планета тоже умирала, на поверхности не осталось ни одного клочка земли, по которой бы не прошла лава. А до этого все разрушили землетрясения. А еще раньше... впрочем, неважно. Самар-единственный, кто точно знал, как. Да не только КАК, просто ЧТО. Может быть, где-то в капсулах и сохранилась информация для других. Но у нас нет к ней доступа, а из тех, кто жив сейчас, вне Тмиора, никому неизвестно, что он сделал, куда исчезла лава, что

произошло с солнцем, с барьером... или только с нами. Тогда мы потеряли долю неуязвимости, но приобрели солнце и силу. А сейчас там все возвращается на круги своя. Те, кто остался, не могут выбраться. Солнце наверняка перестанет давать необходимую энергию, барьер окреп. Планету зальют огненные реки, и нет такой неуязвимости, которая выстояла бы перед лавой. Другие вселенные недоступны, внутренние Пути ведут в пустоту — потому что остальные четыре планеты Клетки тоже мертвы... Есть пещера Вэра, где можно укрыться, но это не выход, потому что... — она замолчала. — Дальше, как тебе подскажет воображение.

— А с вами? И с другими, кто остался вне Тмиора?

— Какой бы процесс ни запустился на Тмиоре, у нас есть Бэар, у них... если кому-то повезет выйти на одного из нас, по цепочке...

— Нет, — Ллэр и Алэй заговорили одновременно. Переглянулись и оба так похоже усмехнулись. Совсем невесело. Алэй продолжил: — Нет, Рэм. Очень может быть, что у нас нет Бэара. Или в скором времени не станет. С нами тоже что-то происходит. Мы еще не чувствуем это, мы еще — атради, но поскольку не можем проникнуть на Тмиор — значит изменения затронули и нас.

Внутри все похолодело. Даже заговорить получилось не с первого раза. Мира вцепилась в ладони Ллэра, встретила взглядом:

— Сколько?

— Без понятия. Ведь такого еще не бывало... — он ухмыльнулся. — Ну что ты сразу переживаешь, это лишь возможность! Не исключено, что ничего страшного не произойдет, и мы просто автоматом станем теми, кем были раньше — людьми. Ну покорежит немного в процессе... А может, и того не будет!

— Не ври мне, Эль. Ты не поэтому сотрудничал с Таль, не поэтому появился в Сейфане. Не поэтому просил быть рядом, если... Ты знал, ты все знал... — Мира обреченно замолчала. Не осталось сил на слова. Понимание, что виновата, что сама обрекла атради на мучительную гибель, душило, жгло, сжимало сердце в ледяной комок от ужаса. Она со злостью прикусила губу. Кому она врет? Плевать ей сейчас на всех атради, вместе взятых. Плевать, что бы не сулило им будущее на умирающей планете. Плевать, потому что жизнь Ллэра в опасности, потому что именно он будет страдать и, может быть, не выживет. По ее вине. — Ты не можешь умереть, не можешь, слышишь?! — почти взвизгнула. — Не можешь! Кто угодно, но не ты!

Он высвободил руку, положил ладонь ей на щеку.

— Не могу. И не собираюсь. Никто из нас не собирается. Мы найдем выход. В крайнем случае, первое время будешь подкачивать нас местной энергией, если мы сами не сможем, а?

— Тебя — буду, — всхлипнула Мира.

Ллэр улыбнулся, уже мягче, так словно хотел что-то сказать, но не стал.

— Над чем вы работали с Таль? — спросил Алэй. — Точно.

— Я — только над обратным превращением. Она знала, как сделать из человека — доа. Это потрясающе, но она воссоздала в лабораторных условиях то, что когда-то сделало солнце Эннеры с ее жителями. Первый скачек эволюции. Как я теперь подозреваю, это же в свое время использовали в основе своих экспериментов доа, когда искали пути продлить свою жизнь.

— В Актарионе, как в мире Содружества, могли сохраниться записи, которые дали

толчок ее исследованиям...

Ллэр кивнул.

— Я никогда не спрашивал об этом. Не в таком ключе. Я не сомневаюсь, что у Таль хватило бы мозгов и таланта додуматься до всего самой, без старых подсказок. Но до того, как Роми нашла капсулы, вся информация о Содружестве больше походила на легенды. Даже когда что-то удавалось вытянуть из Самара. Но теперь, зная точно...

— Теперь давайте мы пойдем к Таль и спросим у нее, — встряла Роми.

— Просто гениальная идея! Так она вам... тебе все и рассказала, — Мира нервно вытерла слезы, отступила назад. Уставилась на Роми, выпалила на одном дыхании: - Ты хоть соображаешь, что предлагаешь? Думаешь, она явилась к Адану, чтобы с вами общаться? От счастья так обрадуется, что все выложит? Или собираешься заставить? Не выйдет! Таль теперь доа, в ней полно энергии. Особенно здесь, в Бэаре. А с ней Адан, который, насколько я знаю, теплых чувств к вам тоже не питает. И что? Потратите последние силы на противостояние?

— Она не явилась к Адану, это Адан ее сюда явил. Как и меня, — огрызнулась Роми. — И Адан...

— Я бы не сказал, что Адан теплых не питает, — перебил ее Алэй. — Скорее, вообще никаких.

— К тебе, но не к... — Мира осеклась. Собиралась высказать, что они ничего не понимают, не разбираются. Не знают Адана, Таль- тем более. Не представляют, на что способна. Но остановилась на полуслове. Эти атради ничем не отличаются от тех, кто остался на Тмиоре. Такие же самоуверенные, упрямые идиоты, переубедить которых она не сумеет. Да и на споры у них тоже нет ни времени, ни энергии. — Ты собираешься составить компанию парочке самоубийц? — Мира хмуро посмотрела на Ллэра.

— Ты же сама хотела с Аданом поговорить. И я- тоже. А других зацепок у нас пока нет. Даже если мы захотим, то не успеем за оставшееся время найти решение проблемы самостоятельно. Есть другие предложения?

— Есть. Мы с тобой пойдем к Адану и Таль. Я- потому что чувствую Адана, как себя, и могу им управлять. Ты- потому что нравишься Таль и сумел найти с ней общий язык. Они, — Мира кивнула на Роми с Алэем, — только все испортят.

Ллэр посмотрел на Алэя. Роми же громко фыркнула.

— Да ну прям таки! Управлять...

— В этом есть рациональное зерно, Рэм, — сказал Алэй. — В том, что возможно им удастся эффективнее поговорить без нашего присутствия.

Роми напряглась, шумно набрала в легкие воздух. Потом так же шумно выдохнула. Махнула рукой.

— Как скажете. Делайте, что хотите, — развернулась, побрела к воде.

Мира молча смотрела ей вслед. Смотрела и не понимала, почему им вдвоем так тесно. Даже теперь, когда, казалось бы, совсем нечего делить. Когда она уже давно знает, насколько глупа и беспочвенна была её ревность. Когда перемены оказались настолько непредсказуемы, что все перевернулось с ног на голову, и она с Роми практически поменялась местами.

Смотрела и не понимала, искала ответ и не находила. Не видела никаких мало-мальски веских причин, почему с первой секунды между ними возникло это взаимное неприятие. Но оно возникло и никуда не исчезло. И теперь внутри прекрасно ощущалось нарастающее

раздражение, которое невозможно больше удержат.

— Делайте, что хотите... — скривилась Мира, передразнивая. Какого черта? Что о себе возомнила эта ходячая батарейка? — Среди нас только ты всегда делаешь, что хочешь! — Мира мигом оказалась рядом с Роми, с силой развернула к себе. — Тебе приходило в голову, что если бы ты не кувыркалась на скалах с Аданом, пока Алэй по твоей вине сидел в четырех стенах, прикованный к инвалидному креслу, у нас сейчас было бы куда больше шансов договориться с Таль?!

Роми молча смотрела на нее секунды три. А потом в голубых глазах вспыхнули злые огоньки, и она ударила. Просто рукой, по щеке, со всей силы. Так, что Мира даже покачнулась. Отступила назад, оказавшись по колено в морской воде. С трудом удержала равновесие- в ноги врезалась сильная волна.

— Никогда не смей лезть в то, что связывает меня и Алэя.

— Иначе что? — щека горела, но Мира заставила себя улыбнуться. Выпрямилась, расправила плечи, в упор посмотрела на Роми. Машинально отметила, что на море, гладком и спокойном еще минуту назад, начинался шторм- еще одна волна, гораздо выше и сильнее ударила в поясницу. Теперь уже не только джинсы, но и футболка намокла.

Раздражение никуда не исчезло. Наоборот, превратилось в ярость. Такую знакомую, которая всегда пробуждала что-то, чего разум объяснить не мог. Тайное ли знание, память ли предков, генные ли ухищрения Таль. И все же эта ярость была другой. Новой. Контролируемой.

И тогда появились они. Тени.

Прозрачные, но все равно заметные, они бесшумно приближались, окружая полукругом Роми за ее спиной. Она наверное их не видела, но по тому, как побледнела, как слетела с лица злая маска, и в страхе раскрылись глаза, становилось понятно- чувствовала.

— Гончие... — выдохнул Ллэр. В мгновение оказался рядом с Мирой. Алэй- напротив Роми, почти вплотную. На них обоих, казалось, Тени не оказывали никакого влияния. — Мира, ты?..

Ллэр не обвинял, он был напуган.

— Не я, — Мира чувствовала Тени, чувствовала то, что управляет ими, чувствовала, будто часть их. И в тоже самое время Гончие пришли не по ее вине. То, что их вызвало сюда, была не ее ярость.

— Уверена? — крикнул Алэй.

— Это не она, — ответил вместо Миры Ллэр, нашел ее руку. Алэй чуть мотнул головой, но спорить не стал.

Тени не двигались, словно ждали. Чего-то. Может быть- приказа. Только одного их присутствия было достаточно, чтобы атради начала задыхаться.

— Мы должны уходить, — сказал Алэй.

— Я не могу пошевелиться, — каждое слово давалось Роми с трудом. После каждого ей приходилось шумно втягивать воздух.

Тени не спешили, но Мира знала, энергия в Роми таяла, медленно, капля за каплей уходила. Пока еще не опасно, но неумолимо.

— Я отдам свою... — он раскрыл ладонь.

— Нет. Они выборочно. Я не позволю... — сил покачать головой у нее хватило.

Мира оглянулась на море- оно бушевало. Волны, одна за другой, ударяли им с Ллэром в спину, увлекали за собой, пытаясь сбить с ног. Цвет воды тоже изменился- теперь казалось,

что она почти красная. Только самый верхний слой, впитывая лунный свет, по-прежнему искрился фиолетовым, одновременно окрашивая пенистые гребни волн в лиловый оттенок.

Она замороженно любовалась поднимавшейся бурей и неожиданно поняла- виной происходившему сейчас был ее собственный гнев. Море каким-то необъяснимым образом реагировало на ее эмоции. В точности, как тогда- еще на Тмиоре, когда Роми корчилась от боли в теплой вязкой воде моря Истока. По ее вине.

Мира обернулась к Роми. Алэй все еще держал её за руку. Но больше сделать он ничего не мог. Она же могла спасти Роми. Могла справиться со злостью, направить в нужное русло ярость, подчинить море, заставить Тени отступить. Вторая внутри знала, что делать. Но Мира медлила, сопротивлялась, упрямо не хотела помогать. И, наверное, пассивно осталась бы стоять, наблюдая, как черные твари расправляются с Роми, если бы не встретила взглядом с Алэем и не увидела в его глазах отчаяние и боль. И что-то внутри дрогнуло. Пусть она никогда не сумеет понять, за что, но видела- отец Ллэра любит эту заносчивую, самоуверенную стерву, не задумываясь, поменялся бы с ней сейчас местами, позволил убить себя, лишь бы она жила.

И это решило всё.

Высвободить руку, собрать необходимую энергию, отшвырнуть троих атради далеко на песок, почти к самой Сфере- заняло не больше секунды. Еще полторы ушли на то, чтобы взлететь в воздух, зависнуть над морем, заставить воду загореться- теперь по всей бурлящей поверхности около берега полыхали фиолетовые языки пламени. Вдрагивали, увеличивались, тянулись к ее ногам, поднимаясь все выше, закручивались, превращаясь в огненную воронку.

Раньше, чем Тени успели переместиться, они оказались в ее эпицентре. Вздогнули, растерзанные на куски, взметнулись к небу брызгом зеленых искр.

Чувствуя, что слабеет, Мира из последних сил выставила вперед раскрытую ладонь, перехватила луч лунного света, сконцентрировала, пропуская через себя и превращая в живительную энергию, направила на Роми. А потом, теряя сознание, рухнула в горящее, бушующее море.

Адан смотрел на Таль, дожидавшуюся его на крыше Гиганта- самого высокого здания в Бэаре, и чувствовал себя законченным идиотом.

Она, полностью обнаженная, неподвижно застыла на узком, сантиметров семь в диаметре, металлическом поручне, спиной к нему. Вытянув руки в стороны, что-то неразборчиво шептала. Платье и туфли валялись рядом на бетонном полу. Бледная кожа отсвечивала уже знакомым сиреневым светом и казалась неестественно прозрачной. Мелькнула мысль, что если приглядеться получше, он обязательно увидит бегущую стремительным потоком по венам фиолетовую кровь доа.

Таль теперь доа. Эта новость затмила всё остальное: Тмиор, Роми, ее воспитанного дружка, Содружество, кто и почему накрыл Бэар крышкой, что было до...

Адан смотрел и не понимал- почему не догадался, что это станет ее следующим шагом? Почему, предполагая возможные варианты собственного будущего, от банального «мы все умрем» до самого невероятного, ни разу не думал именно об этом: Ли однажды превратит себя в доа. Ведь последние три месяца он постоянно проигрывал в памяти случившееся, постоянно анализировал, размышлял. Знал, кому и как обязана способностями Мира, помнил, какой настойчивой могла быть Таль в своих желаниях, но...

А сейчас это казалось настолько предсказуемым и логичным, что еще больше сбивало с толку.

— Наконец-то, — не оборачиваясь, произнесла Таль. Прежде чем он что-то успел сказать, добавила:- Только, пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем. Я сама всё расскажу. Постепенно.

— Всё? — цинично осведомился Адан.

— Всё, что тебе нужно знать.

— Может, для начала просто слезешь? — предложил он и тут же пожалел. Таль повернулась, подставляя холеное красивое тело его взгляду, грациозно спрыгнула вниз. — И оденешься.

— Хорошо, — вопреки ожиданиям она послушно натянула платье, выпрямилась, хитро прищурилась. — Неужели, так лучше?

— Нет, — улыбнулся. Спрятанная под тонкую материю точеная фигурка еще больше притягивала взгляд и заставляла думать о том, о чем в данный момент явно не стоило. Таль это понимала, и он не собирался скрывать очевидное.

— Тогда откровенность за откровенность, — она тоже улыбнулась. — Готов выслушать мое чистосердечное признание?

— Неужели, тебе есть в чем признаваться? — ухмыльнулся он.

— Представляешь?

— И какая часть рассказа окажется правдой на этот раз?

— Всё, от начала до конца. Не веришь?

Адан мотнул головой.

— Тогда я покажу.

— Думаешь, стоит? Вдруг я увижу что-то...

— Даже не надейся, — Таль уже стояла вплотную, улыбалась. Легонько, едва касаясь, поцеловала в губы. Шепнула:- Ты знал, что доа могут делать вот так?

— Ли, я... — он не договорил. Ее пальцы легли на его виски, сжали. Глаза блеснули, зрачки расширились, превратились в две горящие синие точки.

Что-то случилось. Его тело стало вдруг необыкновенно легким, стремительно взлетело вверх, так же резко опустилось, при этом босые ступни ни на секунду не оторвались от прохладного камня.

А потом всё исчезло.

Пахло ванилью. А вокруг — крошечная темнота. Черное, пугающее пространство со всех сторон. Никаких очертаний, силуэтов, теней, маленьких светящихся точек электроприборов.

И тишина. Абсолютная.

Таль зажмурилась и снова открыла глаза — ничего не изменилось. Тогда попробовала пошевелиться — получилось без особого труда. Создавалось впечатление, что лежит на чем-то мягком, но одновременно упругом. Как будто вдавленная в обволакивающую массу, мгновенно принимавшую форму тела при каждом новом движении. Материал на ощупь — гладкий, прохладный.

Она осторожно приподнялась, пошарила руками, но так и не смогла понять, где именно находится. Совсем не похоже на больницу. Свет зачем-то выключили. И совсем не болит живот... А сказали, будет. Сильно.

Таль резко села, осознав, что на ней нет одежды. Испуганно поджала ноги к груди, затаила дыхание. Несколько секунд продолжала сидеть, не двигаясь и почти не дыша. Если кто-то и был здесь вместе с ней, он ни чем не выдал своего присутствия. Все та же жуткая тишина вокруг, нарушаемая только биением собственного сердца.

Через несколько секунд она осмелела. Не спеша перевернулась, встала на четвереньки и осторожно поползла в бок, пока не нащупала край того, что представлялось чем-то вроде большой кровати. Аккуратно свесила ноги.

Не высоко — кончики пальцев мгновенно утонули в мягких ворсинках шелковистого ковра. И сразу же загорелся свет — сначала тусклый, желтовато-мутный снизу, одной сплошной линией по всему периметру, постепенно усиливаясь и позволяя глазам привыкнуть. Затем к нему добавился откуда-то сверху, точно так же повторяя квадратную форму комнаты. Только без лампочек, будто шел изнутри.

Таль удивленно огляделась. Ничего общего с их домом, тем более, с больницей, куда приехала делать аборт. Просторная комната, казалось, способна вместить как минимум три самые большие гостиные. Не было ни окон, ни дверей, только сплошные бежевые гладкие стены. На той, что справа, виднелся дисплей размером с ладонь.

Таль выпрямилась, резко обернулась, удивленно застыла — назвать это кроватью не поворачивался язык. Скорее, огромный овальный белый матрас, брошенный прямо на пол посередине комнаты. Другой мебели в комнате не было.

Таль нахмурилась, неожиданно понимая, что не имеет ни малейшего представления, ни где сейчас находится, ни сколько времени. Порталов не ощущалось, определить местонахождение не получалось, попытка перенестись домой оказалась безуспешной, как будто ее внезапно лишили всех способностей разом. Последнее, довольно расплывчатое воспоминание — она лежит на холодном операционном столе, яркий свет ламп режет глаза, вынуждая зажмуриться, чей-то приглушенный голос сообщает, что пора начинать.

Неужели, все-таки больница?

Таль подошла к экрану. Стоило протянуть руку, как темный прямоугольник ожил, засветился, на черном фоне появились яркие голубые сенсорные кнопки с обозначением

функций. Под ними- панель цифр от нуля до девяти. Большинство команд совершенно непонятные, но одну нельзя было спутать ни с чем- именно таким значком изображали видеотелефон. Наверное, где-то встроен динамик, или устройство работает по-другому...

Не долго думая, она прижала палец к виртуальной кнопке. Экран моргнул, высвечивая новую панель: доступ в адресную книгу, список часто используемых абонентов и цифровое табло. Таль набрала домашний номер. Сейчас ей ответит знакомый голос Яэль, как всегда немного недовольный. И обеспокоенный, потому что она ушла, не сказав куда, и до сих пор не вернулась.

Ничего не произошло. Прибор, подумав несколько секунд, вернул предыдущий экран с функциями. Таль повторила восьмизначную комбинацию цифр, но и на этот раз экран моргнул, возвращаясь в исходное положение.

Наверное, она просто что-то делает не так. Может быть, надо добавлять код района? Точно. Она опять набрала номер. Теперь прибор думал дольше, но закончилось тем же. Не может быть... Она просто что-то не так делает... Или дурацкое устройство не работает. Проверка адресной книги и списка абонентов ничего не дала- и там и там пусто.

Сзади послышался шорох, показавшийся в абсолютной тишине неожиданно громким. Таль вздрогнула, обернулась, стыдливо прикрываясь руками. Но напрасно- она по-прежнему была одна в комнате. Только там, где еще минуту назад находилась сплошная стена, теперь виднелся широкий проем.

После секундных размышлений Таль на цыпочках приблизилась к выходу, с опаской выглянула. Стоило переступить порог, как потолок засветился мягким голубоватым светом.

Вторая комната выглядела гораздо больше, чем первая. С правой стороны находились бирюзовый диван и два мягких кресла такого же цвета с высокими спинками. Между ними стоял низкий, круглый стеклянный столик, на стене напротив висел огромный плоский экран. С другой стороны располагался полукруглый стол и несколько стульев вокруг него. Окон не было.

Таль двинулась вдоль стены, надеясь, что трюк с дверью повторится. Однако то ли здесь ее не оказалось, то ли устройство не срабатывало, потому что ничего никуда не сместилось. Обойдя комнату дважды, вернулась обратно- туда, что мысленно назвала спальней. Прошла по периметру и прямо напротив первой двери обнаружила еще одну. За ней оказалась ванная. Размером со спальню, в светло-зеленых тонах и таким же освещением.

Сама ванна, идеально круглая, ярко-зеленого, травяного цвета, располагалась в самом конце на довольно высоком подиуме, вплотную к стене. Чтобы в нее залезть, пришлось бы сначала подняться вверх по трем ступенькам, отделанным таким же зеленым ковровым покрытием, как весь пол. Без крана- вода бесшумно лилась через маленькие отверстия сверху на стенках и почти на половину наполнила ванну.

Около двери находилась раковина, тоже круглая, с краном- причудливой, изогнутой формы трубкой белого цвета. Над ней- круглое зеркало, сбоку- маленький пульт. У противоположной стены- душевая кабинка из мутного зеленоватого стекла. Никаких шкафчиков, столиков с флакончиками, шампунями и мылом.

Таль покрутила головой, внимательно изучая кафель и гладкие стены. Догадка оказалась правильной- рядом с подиумом, между душевой кабинкой и ванной обнаружилась встроенная ниша, где нашлись и шампуни, и несколько видов пенки, и куча других емкостей и тюбиков с кремами, духами, а также разнообразные туалетные принадлежности на все случаи жизни. В соседнем отделении на полках лежали скрученные разноцветные махровые

полотенца и халаты.

Таль нагнулась, потрогала воду- не холодная, но и не кипятком, с еле уловимым фруктовым ароматом. Выпрямилась, огляделась. После минутных размышлений убедила себя, что несмотря на все странности, находится в больнице. И полезла в ванну. С наслаждением вытянула ноги и покрутила головой, поудобнее устраиваясь. Потом зажмурилась. Теплая вода убаюкивала. Не хватало только свечей и ароматических масел. Может, они где-то и есть, но вылезать не хотелось. Думать- тоже, но думалось. О том, как жаль, что нельзя взять и отключить разум... Хотя бы на время. Лежать вот так вечность, нежась и лениво играя с воздушной шапкой из пенки. И вдруг почувствовала, что она не одна.

Таль открыла глаза и увидела в проеме светловолосого юношу в серых брюках и белой футболке. Парень, ничуть не смущаясь, смотрел на нее в упор. Щурился, приветливо улыбался.

— Вижу, ты освоилась.

— Вот такой была моя Плешь, — Таль отстранилась, убрала с висков Адана свои пальцы. — Ты ведь узнал его?

— Кого? — не понял он.

— Самара.

— Самара? — изумился Адан, все еще силясь прийти в себя после необычного «путешествия». Сознание не спешило отпускать пережитые ощущения, и какая-то часть все еще принадлежала напуганной девчонке в ванной.

— Ну вот... — Таль звонко рассмеялась. — Атради хвалятся тем, что не меняются и не стареют, но прошло-то всего пара десятилетий, а ты его не узнаешь.

— Я никогда не видел Самара... — Адан вспомнил, как вбежал в домик атради следом за Ллэром, нахмурился. — Его лица не видел. Только со спины, уже мертвым. Значит, ты с ним знакома?

— Более чем.

— Даже так? — Адан мрачно хмыкнул. Взмахнул рукой, предлагая продолжить. — Только без фокусов. Не думаю, что это то самое, что я хотел бы пережить в твоём теле.

— Это самое я не показала бы тебе, даже если бы ты умолял, — не осталась в долгу Таль. Прищурилась, широко улыбнулась. — Нет.

— Что?

— Ответ на вопрос, который мучил тебя на пляже, — Таль вернулась к металлическому поручню, уселась на край, скрестив ноги. — Нас с Ллэром связывают исключительно деловые отношения. Между нами никогда ничего не было.

— Откуда ты... — он хмуро посмотрел на нее. — Почему я не могу читать твои мысли?

— Потому что я не позволяю, — Таль лукаво улыбнулась. — А ты весь на ладони. Но мы отвлеклись, — она серьезно взглянула на него. — Мне было пятнадцать, когда умерла мама. Не смогла пережить гибель отца, и... — вздохнула, помолчала. — Потом, чуть позже я поняла, что жду ребенка. Не спрашивай, кто отец. Это абсолютно не важно. Его уже давнo нет в живых, — Таль перехватила взгляд Адана, еле заметно передернула плечами. — К сожалению, я сообразила, что беременна, слишком поздно, поэтому пришлось идти на риск. Тогда это казалось правильным. Я была молода, впереди- учеба и карьера. Но... Что-то у врачей пошло не так, в итоге я умирала прямо в операционной. А потом сработали неожиданные способности, и я оказалась в Плеши.

— Как Мира...

— В точности, — Таль смотрела в упор. — И это не случайное совпадение, Ади. Мира-моя дочь.

— Что? — Адан оторопел. Отрепенно отметил, что, оказывается, еще не научился удивляться. Затем попытался соединить вместе услышанное и уже известные события, и осознал, что не в состоянии. Признание Таль выглядело, как плохая шутка.

— Из-за нее я попала в Плешь. Она просто не захотела умереть, не позволила себя убить, — продолжала рассказывать Таль. И Адан вдруг четко понял- Ли говорит правду. Мира, действительно, ее дочь, как бы нелепо и жестоко это не выглядело. — Самар убедил меня не делать аборт. Перенес на Тмиор, устроил так, что я могла там находиться без последствий, потом помог родить. Сделал все, чтобы я смогла вернуться домой без ребенка, продолжить свою жизнь. Не безвозмездно, конечно. У него были свои планы на мой счет.

— А Мира?

— А что Мира? Осталась жива, выросла, выучилась, успела наделать глупостей.

— То есть ты совсем о ней не заботилась?

— Девчонка никогда ни в чем не нуждалась, если ты это имеешь в виду...

— Не это. Ты бросила ее, потом использовала, а когда поняла, что натворила, решила убить...

— Я ее не убивала! И не собиралась убивать! — перебила Таль.

— Разве? — Адан выразительно посмотрел ей в глаза. — По-моему, мы уже как-то с тобой это обсуждали. Тогда у тебя была совсем другая версия...

— Тогда я не могла сказать тебе правду! — перебила она. Спрыгнула с поручня, шагнула ему навстречу. — Ты притащил с собой атради, обвинял, не верил. Мне пришлось придумать все эту историю, чтобы вы поверили.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Вполне. Ты ведь поверил, правда? И Ллэр поверил, — Таль вздохнула. — Тогда это было важнее, потому что из-за чертовой рыжей все пошло не так. Она чуть не угробила Миру, потащилась за тобой, все испортила. Все ведь должно было быть совсем не так, понимаешь? У меня был план.

— Нет, — Адан обхватил голову, нервно взъерошил волосы. — Не понимаю! Какой еще план? При чем здесь, вообще, Роми? Или и с ней ты тоже давно знакома?

Таль отвернулась, несколько секунд молча смотрела на небо.

— Нет, не знакома, — ответила, не оборачиваясь.

Что-то в ее тоне насторожило, заставило сомневаться в том, что сейчас Таль говорит правду.

Адан сделал шаг и почувствовал невероятную слабость. Ощущение длилось короткий миг, но его хватило, чтобы понять- у Миров проблемы.

Он перенесся на пляж в тот самый момент, когда из фиолетово-огненной воронки в небо взлетел столб ярко-зеленых искр, а следом луч энергии ослепил глаза. Адан успел оказаться в бурлящем море и подхватить на руки Миру, прежде, чем она упала в воду. Когда снова стоял на песке, там уже ждала Таль.

— Это тоже часть твоего плана? — зло бросил ей.

— Нет, но ты же все равно сейчас не поверишь, — огрызнулась она. — Давай ее сюда, — Таль опустилась на землю рядом с Мирой, положила руку на ее лоб, закрыла глаза.

Адан, не дыша, присел рядом на корточки. А через миг около них на песок рухнул Ллэр,

потянулся к Мире, но в последний момент отдернул руку.

— Таль... — посмотрел на неё, но та никак не прореагировала на его появление. Тогда обернулся к Адану. — Что с ней?

Выглядел он потрепано, и вся одежда была мокрой.

— Это ты мне скажи, что с ней...

— С ней все в порядке, — не снимая со лба Миры руку, спокойно ответила Таль. — Будет. Минуты через две, — сжала и разжала кулак, отчего раскрытая ладонь засветилась еще ярче. — Дурочка выплеснула всю энергию сразу.

— Какого черта у вас тут творится? — громким шепотом спросил Адан.

Ллэр прищурился, пристально поглядел ему в глаза.

— Тени... опять. Мира сцепилась с Роми. Опять. Мира спасла Роми. Опять, — потерла ладонью шею. — По пути приложила нас хорошенько. Но ничего, — оглянулся назад. Почти у самой Сферы с песка медленно поднимался Алэй, сжимая голову руками. Судя по тому, как его шатало- досталось ему больше, чем Ллэру. Толком даже не встал- бросился к неподвижно лежащей Роми. Положил на ее лоб раскрытую ладонь. Адан знал, что тот собирается сделать- поделиться своей энергией, как когда-то, безумно давно, в его квартире с Мирой делился Ллэр. Только здесь не было ламп, которые можно сжечь, подпитываясь искусственной, электрической энергией. Атради не умеют лечить. — Все живы. Вроде бы.

— Тени?.. Но как Мире удалось?

— Очень просто, — перебила Таль, не открывая глаз. — Примерно, как ты на поле. Только Мира задействовала море, соединив свое биополе с ним, создала энергетическую воронку и взорвала. Гидродинамический удар. Верный способ разделаться с Гончими раз и навсегда.

— Ты это откуда все знаешь? — насторожился Адан.

— Я много чего знаю. Умная. Вот откуда Мира знает, вопрос интересный.

— Она еще умнее, — хмыкнул он. — Память предков, помноженная на твои гены.

— Не говори ерунды, — фыркнула Таль, снимая со лба Миры руку. Открыла глаза, слегка встряхнула запястья.

— Почему ерунда? Она же твоя дочь, забыла? Или снова решила поменять версию?

— Дочь, значит?.. — Ллэр перевел взгляд на Таль.

— Шшш... — громким шепотом перебил Адан, заметив, что Мира пошевелилась. — Не хватало, чтобы она узнала об этом вот так.

Через пару секунд она пришла в себя.

— Вы?.. — удивление в глазах сменилось испугом. — А Тени?

— Ты их уничтожила, — Ллэр ласково улыбнулся.

— Так, эта жизнь будет, — Таль поднялась на ноги, обернулась к Сфере. — А с этими что?

Адан проследил за ее взглядом.

— Эти тоже будут, — мрачно процедил Алэй. Теперь он сидел на песке, уложив себе на колени голову Роми. Та все так же не шевелилась.

— Как ты? — спросил Ллэр, помогая Мире подняться.

— Нормально... — она робко покосилась на Таль. — Спасибо. Если честно, не ожидала от тебя.

— И правильно делала. Советую и впредь не рассчитывать, — сухо бросила та. Обвела поочередно всех пристальным взглядом, чуть задержалась на Роми. Потом посмотрела на

Адана. — Предлагаю перебраться в одно уютное местечко. Думаю, нам всем там будет гораздо удобней.

— В такое, откуда не так легко будет сбежать? — спросил Ллэр.

— Не думаю, что мой ответ что-то изменит, — Таль повернулась к нему. — Если я хочу вас угробить, то, естественно, не стану в этом признаваться. Если хочу помочь, то не смогу сейчас это доказать. Вы же можете либо поверить, либо... — она нарочито медленно стряхнула с платья песок. — Вообще-то, я собиралась поговорить с Ади. Многое ему объяснить, кое-что показать, что имеет отношение и к вам тоже. И это предполагалось в режиме приватной беседы. Но... — выпрямилась, улыбнулась Ллэру. — Мира в очередной раз доказала, что совершит любую глупость ради тебя и твоих близких. Адан следом полезет в пекло, чтобы ее спасти. Кажется, мне проще сразу помочь вам. Причем, чем раньше, тем лучше. До того, как Мира угробит и себя, и вас, и Ади.

— За меня не волнуйся, как-нибудь справлюсь, — буркнул Адан, пытаясь стряхнуть песок, но он намертво прилип к мокрым брюкам.

— Буду, — Таль неожиданно притянула смущенную Миру, обняла за плечи правой рукой, крепко прижимая к себе. — Вам обоим не мешает принять душ и переодеться, — левой подхватила его под локоть. Обернулась к Ллэру, улыбнулась: — Тебе тоже. Они, — кивнула на Алэя с Роми, — могут пойти с нами. Могут остаться. Решение за вами.

Сфера осталась где-то на юге, отсюда ее уже не увидеть — слишком далеко они забрались. На другую сторону планеты, как сказала Таль. Остальное пообещала рассказать позже.

Их глазам предстал огромный замок. Настоящий, высокий, каменный, с высокими круглыми башенками, винтовыми лестницами, арочными переходами, анфиладами пустынных комнат. Все освещение — от луны, что заглядывала в окна там, где их не закрывали тяжелые портьеры, и от свечей в канделябрах причудливой формы. Они молча проходили — огонь вспыхивал и тут же гас позади.

Несмотря на темные глазницы окон и безлюдные коридоры, замок не выглядел мрачным или заброшенным. Дом атради на Тмиоре производил куда более гнетущее впечатление. А этот, казалось, кого-то ждал. Кого-то, кто ушел, но обязательно вернется. Складывалось впечатление, что кто бы его ни построил, а здание явно появилось не вчера, все это время за ним ухаживали. Наполняли особой атмосферой. Замок пах этим ожиданием.

А вот гигантскую комнату, в которой они оказались, послушно следуя за Таль по длинным коридорам, явно обставляла она сама — по своему вкусу. Яркие, насыщенные краски, мягкие диваны и кресла с высокими спинками в тон разноцветным стенам, напоминали Адану Актарион. Между ними — стеклянные низкие столики-близнецы, как в Миерской квартире Таль, вдоль стен — бесконечные металлические стеллажи, заполненные кристаллами и реже — книгами. Единственное, что было общего с остальными помещениями — свечи. Будто здесь других способов освещения не было и быть не могло.

— Сюда мы еще вернемся. Позже, — сообщила Таль. Уверенной походкой направилась в противоположный конец. Чуть пошевелила рукой, и стена начала таять на глазах, превращаясь в прозрачную. Еще через миг стало понятно, что перед ними огромная стеклянная дверь. Через нее открывался невероятный вид на море, красавицу луну, далекие каменные столбы гор, каменный пляж. — Прощу. Свежий морской воздух и лунный свет кое-кому сейчас не помешают, — Таль оглянулась на Алэя, державшего на руках Роми. Она всё ещё была в отключке, но глубоко дышала, будто спала.

Адан раскрыл рот, собираясь попросить Таль привести в сознание Роми, но в последний момент передумал. Кто знает, как отреагирует на просьбу эта бешеная... Уж лучше пусть Роми приходит в себя сама.

Словно в ответ на его мысли Таль встретилась с ним взглядом и еле заметно качнула головой. Адан усмехнулся. Молча шагнул вперед, распахнул дверь.

На просторной террасе стояла плетеная мебель. Четыре кресла и диван с мягкими подушками. Между ними - круглый столик с плетеными же ножками. Алэй устроил Роми на диване. Сам сел рядом, на пол, прислонился спиной. Мира прошла вперед, с любопытством перегнулась через каменные перила. Ллэр остался стоять в проеме.

— Ну и что это за хоромы? — спросил он. — Я не чувствую электрических полей и каких-либо механизмов. Но не верю, что тут вместо отопления - печи.

— Все это создал Самар очень давно. Для вас, своих любимых морских свинок, — Таль улыбнулась. — План Б, если что-то пойдет не так на Тмиоре. Теперь Замок мой.

— А у него, оказывается, было очень много дел, — присвистнул Ллэр. Замечание про морских свинок его, казалось, не заинтересовало совершенно. Он прошел через террасу, остановился рядом с Мирой, оперся спиной на перила. И снова внимательно посмотрел на Таль, потер подбородок. — Я так понимаю, вы с ним были знакомы.

— Причем очень давно, — нарушил молчание Адан. — Я даже не удивлюсь, если сейчас выяснится, что именно Самар - от... — он резко замолчал. Мысленно чертыхнулся. Надо же быть таким идиотом! Не хватало еще, чтобы после всего случившегося Мира именно так узнала о том, что Ли - ее мать. Хотя как-то рассказать об этом ей придется. А потом... Вот об этом уже думать не хотелось.

— Не так уж и давно, — Таль села в кресло, небрежно скрестила ноги. Сделать вид, что не заметила чуть было сорвавшегося с губ Адана признания, ей удалось великолепно. — Всего-то двадцать три года тому назад, — ухмыльнулась. — По меркам атради-сущая ерунда. Я попала в Плешь, там и познакомились.

— Гены доа... А ведь была бы ты просто актарионкой... — хмыкнул Ллэр. — Все дороги ведут в Плешь. Чувствую, история будет интересная, но против Самара у меня было не так уж много шансов... — он помолчал, потом вдруг посмотрел на Роми. Спросил у Алэя: - Как она?

— Так же, — отозвался тот.

Ллэр вновь глянул на Таль, объяснил с улыбкой:

— Мне бы хотелось, чтобы Ромиль услышала все. Она единственная из нас, кто относительно по-настоящему знал его.

— Тебе бы хотелось? Ты список ей составь, в трех экземплярах, чего бы тебе еще хотелось, — фыркнула Мира, отрываясь от созерцания лунного пейзажа. У девчонки явно прошел шок после приключений на пляже. — А я пока схожу, переоденусь, — нахально посмотрела на Таль. — Надеюсь, твое предложение еще в силе?

— В силе. Наверху есть одежда. Выбирай любую комнату.

— Здесь есть хотя бы душ? Или придется в тазике, как Древние?

— Ну тебе-то не привыкать. В Сейфане с удобствами напряженка. Туалет и тот свободного полета.

— А я по нужде в Актарион ходила, — огрызнулась Мира, — пока ты себя в светляка превращала.

Адан невольно улыбнулся. И как он раньше не догадался, что эти две - мать и дочь.

Такие разные и одновременно похожие. Особенно, характером. Судя по тому, как ухмылялся Ллэр, ему пришла в голову такая же мысль.

— Ну уж нет, — он взял Миру за руку. — Слушать будем все вместе, когда Роми очухается, — притянул её к себе. — Если все это построил Самар, то не удивлюсь, если здесь не то, что душ- бассейны будут в каждой комнате. Пошли поищем.

Адан проводил парочку взглядом, повернулся к Таль.

— Мне тоже не помешает в душ. Но я вернусь...

— Даже не мечтай. Ни в какой Бэар ты сейчас не пойдешь, — она поднялась, шагнула к нему. — Я, между прочим, только тебя собиралась сюда привести, и не просто так, — крепко сжала ладонь, потащила за собой обратно в комнату, но на пороге остановилась. Обернулась к Алэю: — Я могу помочь ей. Если хочешь.

— Можешь, я знаю. Спасибо, — он едва заметно улыбнулся одними губами. Глаза остались совершенно серьезными. — Но она бы этого не хотела. Мы вас подождем. Этого времени будет достаточно.

— Как скажешь, — пожалала плечами Таль.

Адан удивленно вскинул брови. Какая разница, что в данной ситуации хотела или нет Роми, если существует возможность ей помочь? Откуда, вообще, Алэй может знать, что бы предпочла Ромиль? Но спорить не стал. Оставалось надеяться, что отец Ллэра понимает, что делает. Не угробит Роми, как когда-то себя...

Развить мысль не успел. В следующее мгновение полумрак террасы сменился темнотой. Адан почувствовал, как спиной налетел на стену. Не смертельно, но довольно ощутимо. Шершавый камень ободрал кожу, в плечи уперлись чьи-то сильные руки. Понадобился еще миг, чтобы увидеть перед собой сверкающие глаза Таль.

— Тебе должно быть все равно! — процедила она. — Прекращай о ней думать! Иначе я за себя не ручаюсь!

— Убьешь ее или меня? — усмехнулся Адан. Теперь уже он прижимал Таль к стене одной рукой удерживал плечо, второй — вцепился в горло. — Что если я сверну тебе шею раньше? Не думала об этом?

— Не сможешь, — прохрипела она.

— Попробуем? — он сильнее сжал пальцы.

— С удовольствием, — Таль задыхалась, но не вырывалась. В блестящих глазах — ни намек на испуг. Что-то другое... Возбуждение. Безумная страсть, которая передалась и ему.

Адан не успел понять, как — влажная, перепачканная в песке одежда вспыхнула прямо на теле. Полоснула огнем кожу и исчезла. Сгорела. Почти одновременно загорелось платье Таль. Мелькнуло языками пламени, разлетелось в стороны пеплом.

От неожиданности Адан отдернул руки, отступил назад.

— Попробуем? — улыбнулась Таль. Оказалась совсем близко, настолько, что обнаженная грудь коснулась его кожи. Горячие ладони легли на плечи, прерывистое дыхание обожгло лицо. — Тебе понравится, обещаю. Верить?

Не отвечая, Адан прижал Таль к себе. Обхватил руками за талию, скользнул вниз — на бедра, сжал упругие ягодицы.

— Не здесь, — шепнула она, целуя в губы.

— Мне все равно.

— Мне — нет. Смотри, — Таль отстранилась.

— Впечатляет, — хмыкнул Адан, оглядываясь. Теперь они стояли по пояс в горячей,

зеленоватой воде маленького озера. Со всех сторон — скалы, за спиной Ли- три вместе, чуть крупнее остальных. Наверху сверкающими фонтанами в ночное небо били гейзеры.

— Инбары. Горячие источники Эннеры, — пояснила Таль.

— Красиво. Нет, правда, Ли. Очень, — улыбнулся Адан, встречаясь с ней взглядом. Притянул к себе. — Так попробуем? Как раньше.

— Нет, не как раньше. Как сейчас. Лучше.

Пока они блуждали по Замку, Мира пыталась решить, нравится ей здесь или нет. Безуспешно.

Многомерная громадина на Тмиоре оставила далеко не радужные воспоминания. С другой стороны, в доме Эйтана ей было уютно, несмотря на отсутствие элементарных удобств и комфорта, к которым привыкла с рождения. А здесь, в этом Замке... Чувства, ощущения раздваивались. Она то радовалась, то злилась. Одновременно хотелось смеяться от счастья и плакать от невыносимой тоски. Прижаться к Ллэру, обнять и оттолкнуть, убежать. Как будто внутри нее шла непонятная борьба. Мира улыбалась и почти сразу печально вздыхала. Спокойная безмятежность и уверенность, что эти каменные стены смогут их защитить, сменялись тревогой и безысходностью. Потом отпускали и снова возвращались.

Ллэр оказался прав. Комнаты на верхних этажах были обставлены со вкусом и комфортом. Ничего лишнего, просто и уютно. Стрельчатые окна, тяжелые портьеры, удобная массивная деревянная мебель, зеркала, отделка из натурального дерева. Все самое необходимое, включая просторные ванны. Как и на Тмиоре- имелись туалет и душевая кабинка. Единственное отличие- ванны из натурального камня. Гладкие, отшлифованные изнутри, и шершавые, с острыми краями- снаружи. Маленькие точки слюды поблескивали, отражая мерцающий в темноте свет от свечей. Вот их, почему-то, здесь было гораздо больше, чем в коридорах.

Побывав в нескольких комнатах западного крыла, они с Ллэром перешли в восточное. Там все выглядело точно так же. Заглянув еще в несколько комнат, остались в последней. Молча разделись. Затем, обмениваясь односложными фразами, вымылись. После чего, не сговариваясь, перебрались в просторную ванну. Погруженные каждый в свои мысли, молчали.

Ллэр, подложив под голову свернутое валиком полотенце, нежился в теплой воде с закрытыми глазами. О чем-то сосредоточенно размышлял. Мира развлекала себя тем, что перехватывала лучик лунного света, соединяла с водой, превращая в горящий эфир, с помощью которого рисовала вокруг себя незамысловатые узоры. Потом это надоело, как и молчание.

— О чем ты думаешь? — спросила Мира, придвигаясь вплотную.

Ллэр пошевелился, устраиваясь поудобнее, обнял ее.

— Прости, — мягко коснулся губами ее виска. — Ни о чем и обо всем сразу.

— А конкретней? — она еще ближе прижалась к нему, закрыла глаза. — Тебе лучше самому рассказать, иначе... — шутливо пригрозила Мира.

— Да, я знаю, знаю, а уж воображение что подсказывает, — он засмеялся. Потом серьезно добавил:- Ты была права. На счет Адана. Это не он.

— И что же заставило тебе передумать?

— Я пока не уверен, надеюсь, нам все-таки прочитают обещанную лекцию, — он хмыкнул. — Но... Таль знала Самара. Это ставит кое-что на свои места и в то же время- все меняет.

— Это всё, что ты... надумал? — усмехнулась. Зачем вообще спросила, знала же, что делиться не станет. Мира села, высвобождаясь из его объятий. — Пошли, а то пропустим

лекцию.

Она попыталась встать, но Ллэр тут же потянул ее назад.

— Вернись, — заставил снова сесть, лицом к нему. — Это не все, что я надумал. Но я постоянно делаю неверные выводы и больше не уверен ни в чем. С тем, что идиот- смирился давно, но вот с тем, что дурак... Смотри. Я все время исходил из того, что Таль- обычная, очень умная актрисионка. Гений своего рода, с неограниченными ресурсами. Даже мысли не допускал. Никаких подозрений. Но они должны были бы появиться. Человек, который лишь просто не афиширует свое происхождение, все равно допускает промахи. Мелкие, которые, да, легко проморгать. Понимаешь? Они есть. Здесь же... Таль скрывала. Сознательно, тщательно. Заранее подготовлено.

— Ллэр, а какая теперь разница, что и почему Таль скрывала? Что это меняет? — Мира внимательно посмотрела на него. — Тмиора больше нет, ваше будущее неизвестно. Это сейчас главное. И Таль может вас спасти, я уверена. Не стала бы она помогать мне, приводить всех сюда, рассказывать про Самара просто так. Только ее помощь не бескорыстная, и ты это понимаешь. Должен понимать, раз уж даже я это понимаю, — грустно улыбнулась. — И это тоже не важно, потому что я сделаю все, что она захочет, если это спасет тебя. Я не позволю вам умереть из-за меня.

Ллэр улыбнулся в ответ.

— Я знаю, — и прежде, чем она успела что-нибудь сказать, подался вперед, мягко поцеловал. Отстранился, тихо повторил:- Знаю. Даже если мы не заслуживаем, и даже если это поставит под удар тебя. Даже если я попрошу пообещать не делать, потому что ничто из этого не из-за тебя... Чем я заслужил?

— Я люблю тебя.

— И это я тоже знаю. И тоже не понимаю, почему... Я ведь не могу тебя защитить, даже больше- постоянно вовлекаю в опасности. Я ведь даже не знаю, как... — он замолчал, нежно провел пальцами по ее щеке, снова поцеловал. — Ты права, значения не имеет, что и почему Таль скрывала. Но знать это необходимо. Потому что важна цена. Ты говоришь, что сделаешь все, чтобы не позволить умереть тем, кто мне дорог, а я говорю, что мне дорога ты, и тебе лучше учитывать это, когда будешь, никого не слушая, лезть на баррикады. Понятно?

— Всего лишь дорога? — тихо спросила Мира.

— Нет, — он ответил, не задумываясь, пристально глядя в глаза. — Нет. Я... больше, — сглотнул, будто хотел сказать что-то еще, но не смог.

— Тогда не проси меня ничего обещать. Я все равно не сдержу слова, — она отвернулась к окну. Шумно вздохнула. — А цену мы скоро узнаем. Наверное, не стоит надеяться на какую-нибудь ерунду, — посмотрела на Ллэра, ухмыльнулась. — Раз уж однажды она почти убила меня.

— Да. Вот об этом... — он как-то странно хмыкнул, качнул головой. — Я... не уверен, что это была она. Я помню, что видел в твоей памяти... Но не уверен.

— Она сама призналась Адану, что собиралась от меня избавиться. Посадила е напичканный взрывчаткой таксилет, кокнула водителя. И меня бы прикончила, и если бы не ты, — Мира замолчала. Придвинулась ближе, поджав к груди колени, опустила подбородок на сложенные друг на дружку мокрые ладони. — Я прекрасно помню, как это было, всё, все ощущения... На поляне, когда ты появился, и потом, когда... — она осеклась. Ласково улыбнулась. — А знаешь, все-таки хорошо, что Таль решила меня убить. Иначе я бы никогда тебя не встретила, никогда бы... — снова недоговорила. Смущенно отвела глаза, еле слышно

добавила: - За это можно умереть.

— Можно, но не стоит, — он улыбнулся, крепко прижал к себе. — Жить будет правильнее, — коснулся губами ее шеи, потом плеча. — И намного приятнее, — его руки нашли ее, пальцы переплелись. — Все ведь только начинается.

— Только начинается, — повторила Мира. Хотела бы она в это верить, но грусть и страх вернулись, стало не по себе. — Я не смогу без тебя... — прошептала, отвечая на его поцелуй.

— Ты не будешь без меня, — отозвался он, на миг отстраняясь, чтобы снова поцеловать, уже иначе. Жарче, требовательнее. — Не будешь...

Она хотела, чтобы это длилось вечно, ни на минуту не прекращаясь. Отдаваться, растворяясь в нем до последней клеточки, чувствовать на горящем теле его нежные, сильные руки, обжигающие кожу поцелуи, падать и взлетать, отпускать на миг и снова прижиматься. Любить его, быть любимой. Всегда.

Им давно пора было возвращаться. Наверное, все уже собрались на террасе и ждут только их. Но Мира тянула. Откуда-то знала- без них не начнут, дождутся. Поэтому, выбравшись из ванной, еще долго вертелась перед зеркалом, придирчиво выбирала одежду в огромном шкафу, как будто именно сегодня так принципиально, как будет выглядеть. Зачем-то перемеряла с дюжину нарядов, хотя спокойно могла влезть в обычные джинсы и футболку еще полчаса назад. В конце концов, остановилась на коротеньком зеленом платье без рукавов. Вытащила из нижнего ящика подходящие по цвету босоножки, нацепила на ноги. В который уже раз за последние несколько минут покрутилась перед зеркалом.

— Я готова. Пошли?

Ллэр все это время терпеливо ждал в кресле, смотрел на нее с улыбкой, не торопил. Он-то справился с вопросом переодевания быстро: черные джинсы и белая рубашка для него тут тоже нашлись.

Теперь он встал, несколько секунд смотрел на Миру и вдруг перестал улыбаться, отвернулся к окну. Потер рукой шею.

— Прежде, чем мы вернемся... Я должен тебе кое-что сказать.

Мира отступила назад, к шкафу. Прижалась спиной, нервно теребя подол платья. Внутри все похолодело от страха. Эхом в ушах прозвучали его же слова, что все только начинается. Да, конечно... Начинается.

— Говори, раз должен, — сказала, и не узнала собственный голос.

— Это касается Таль. Она собиралась, вероятно, рано или поздно тебе рассказать...

Он говорил медленно, словно подбирал слова. Тянул. И по-прежнему не смотрел на нее. Но страх отступил, из груди вырвался вздох облегчения.

— Эль, пожалуйста... — попросила Мира, оказавшись рядом. Обняла за пояс, прижалась к его спине. Все, что касалось Таль, она переживет, справится, сможет. Главное, чтобы Ллэр был рядом, с ней, живой, и тогда ничего не страшно. — Я хочу услышать от тебя.

Он накрыл ее руки своими, сжал ладони.

— Ну в общем... Похоже, она- твоя мать, — обернулся, не высвобождаясь.

— Что? — это смахивало на шутку, но Ллэр не шутил. — Это она тебе сама сказала?

— Она сказала Адану, и я не думаю, что это очередная ложь. Не расспрашивай меня, я не знаю подробностей. Сам услышал только на пляже.

— Не буду, — Мира улыбнулась. Конечно, это очередная ложь Таль, чтобы добиться Адана. Но переубедить не стала. Чмокнула в щеку, сжимая его пальцы. — Пойдем.

Бродить по замку не хотелось. Зачем, если можно сразу оказаться там, где необходимо?

На террасе кроме Алэя и Роми никого не было, Адан и Таль еще не вернулись. Роми уже пришла в себя, но явно недавно и еще не полностью. Сидела, растрепанная, притихшая в углу дивана, подобрала колени к груди и натянув на них платье. Алэй- рядом с ней.

— Как? — спросил Ллэр, вероятно, имея в виду, как ее состояние.

— Привычно, — тихо отозвалась Роми. — Будто по мне проехали бульдозером. Несколько раз. Туда-обратно, — посмотрела на Миру. — Спасибо...

Ллэр хмыкнул, устроился в широком кресле, что стояло дальше всего от дивана, потянул Миру за собой. Им вполне хватило бы там места вдвоем, но она предпочла опуститься ему на колени. Обняла рукой за шею, прижимаясь. Шепнула:

— Не позволяй мне наделать глупостей.

Ллэр не успел ничего ответить- послышался шум приближающихся шагов, и через мгновение на террасу из комнаты вышли Адан и Таль. Оба в голубых, облегающих фигуру джинсах и одинаковых светлых футболках, словно парочка туристов, собиравшаяся прокатиться по заливу около Миера, но отбившаяся от основной группы. Таль, непривычно простая, без высокомерной ухмылки и заносчивого взгляда, отпустила ладонь Адана, шагнула вперед, остановилась на середине террасы, довольно улыбаясь. Кажется, ее маленькая ложь удалась на славу.

— Давно ждете?

— Нет, — Ллэр сжал вторую Мирину руку, будто говоря: не позволю. Многозначительно улыбнулся:- Только-только вернулись.

— Вот видишь? А ты спешил, — Таль обернулась к Адану. Тот молча пожал плечами, неторопливо опустился в свободное кресло. На секунду встретился взглядом с Мирой и почему-то сразу отвел глаза. — Оклемалась?

Мира взглянула на Таль, уверенная, что вопрос адресован ей, но «мамаша» обращалась к Роми.

— В процессе, — та пристально посмотрела на Таль. Мира почти услышала невысказанное «как будто тебе есть до этого дело». Вряд ли это были мысли Роми, но выражение лица и без того говорило само за себя. Но, по крайней мере, она не лягнула этого вслух, уже прогресс.

Наверное, Таль «услышала» то же, потому что довольно холодно бросила:

— Представь себе есть. Сове...

— Ли, ты обещала, — перебил Адан. Спокойно, без злости, без раздражения. И, как ни странно, подействовало. Таль снова расслабилась, на лице заиграла добродушная улыбка, и Мира готова была поклясться- вполне искренняя.

— Обещала, — согласно кивнула Таль. Задумчиво прошлась по террасе до каменной ограды, вернулась обратно. Молча уселась в кресло напротив. Затем поочередно оглядела их всех, на миг задержалась взглядом на Мире, снова посмотрела на Ллэра. — У тебя наверняка больше всех вопросов, и я обещаю ответить на все. Только имей в виду, что на какие-то не смогу дать четкого ответа, потому что даже я, — опять улыбнулась, уже иначе, со свойственным ей высокомерием, — не знаю всего. Но с удовольствием поделюсь собственными предположениями или догадками.

— Давай ближе к делу, Ли, — опять вмешался Адан. — У нас мало времени.

— Ладно, — Таль со вздохом откинулась назад. — Тогда начну с самого главного, — обернулась к Роми и Алэю. — Главного для вас, атради. Вы уже задумывались о том, что вас

ждет дальше, не так ли?

— Дней пять агонии, я так понимаю? — вместо Роми заговорил Алэй. — Сначала медленной и безболезненной, а ближе к финалу- невероятно богатой на яркие, неповторимые ощущения.

— Думаю, даже меньше. Для нее- Таль кивком указала на Роми, — еще меньше, потому что собственной энергии лишилась основательно, а излучение Бэара только ускорит преобразования. Насколько болезненными они будут- не знаю. Но приятного мало. В конечном итоге такие, как Ромиль, — она перевела взгляд на Ллэра, — станут снова доани. Вечными, но без каких-либо способностей. Такие, как вы, умрете.

Мира почувствовала, как страх ледяным обручем обхватывает грудь, не позволяя дышать. Пять дней, а потом... Нет, только не это...

— Это неправда! — хотела вскочить, но Ллэр удержал. — Ты специально запугиваешь, чтобы повысить себе цену! Ты ведь знаешь, как помочь. И поможешь! Я не позволю им умереть...

— Не позволишь? — перебила Таль. Посмотрела в глаза пристальным, глубоким взглядом. В нем не было ненависти или злости, скорее, печаль. — Ты уже позволила, когда погубила Тмиор и обрекла всех атради на мучительную смерть.

— Это не так. Я... — Мира осеклась. От охватившего ужаса проглотила слова, что собиралась сказать.

— Спокойно... — шепнул Ллэр, крепче прижал ее к себе. Сказал, обращаясь к Таль. — Хорошо, вступление получилось эффектное, ты нас напугала. Теперь можно переходить к последовательному рассказу, — улыбнулся. — И поскольку меня интересует абсолютно все в этой истории, предлагаю тебе самой выбрать, с чего начать.

Таль несколько секунд молчала, глядя на Луну. Потом заговорила, обернувшись к ним:

— Этот замок построил Самар. Он, конечно, не посвящал меня во все свои планы, бывшие и будущие, — она усмехнулась. — И в то время они, честно говоря, меня совершенно не интересовали. Но вроде бы согласно первоначальной задумке Самар собирался перебраться именно сюда со всеми выжившими на Фахтэ после вторичного превращения, уже в атради. Потом что-то заставило его отказаться. Полагаю, что все дело в ваших хороших знакомых- Тенях. Самар, видимо, так и не нашел способ, как защитить от них тех, кого вы называете Смотрителями. Первых атради, в которых, к сожалению, осталось достаточно от доани, чтобы легко пасть жертвой Гончих. И потому безопасней оказалось скопировать родную Эннеру, создав ее подобие- искусственный мир Тмиор на Фахтэ. Это обеспечило защиту вашей новой расе, позволило воскресить забытые способности, обрести новые, найти нужную энергию для бесконечной регенерации организма. Как? — Таль пожала плечами. — Не знаю. Многомерные Вселенные меня никогда не интересовали. Наверное, все дело в фильтре-катализаторе. Жаль, что секретом Плеши Самар так и не пожелал поделиться со мной. Но, — она обвела всех внимательным взглядом и снова посмотрела на Ллэра, — вернемся к Теням. Это энергетические убийцы, настроенные на определенный вид силовой материи. Не совершенные, потому что способны убить всех, кто даже случайно связан биополями с потенциальной жертвой. То, что произошло с вами на скале, лучшее подтверждение. Шли за ней, — Таль кивком указала на Роми, — перескочили на Адана, потом на Миру и тебя. И не будь Мира... — не договорила, нахмурилась. — Об этом чуть позже. Так вот... Ошибочно считается, что Тени создал Актарион для того, чтобы охранять запертых под Сферой доа. На тот случай, если кто-то из них выберется наружу. На самом

деле это не так. Любой доа из тех, что существовали тогда, смог бы мгновенно расправиться с Тенями. Гончих создали совсем с другой целью- выслеживать доани, если кому-то из них каким-то образом удастся вернуться домой. Тлай опасались, что приобретенная вечность станет существенным преимуществом, даст необходимое время, чтобы найти способ выжить. Кстати, как оказалось, справедливо опасались, — Таль хмыкнула. — Поэтому предлагали сразу уничтожить всех доани, но гуманное Содружество не поддержало их идею. Сошлись на ссылке.

— Ничего себе гуманное, — нарушил молчание Адан. — Запереть под Сферой, лишит энергии, других отправить на верную смерть в умирающий мир.

— Доа нарушили закон, — Таль повернулась к нему. — Своими действиями подвергли опасности миллионы жизней в других Мирах, вызвали необратимые катаклизмы во Вселенных. У Содружества имелись веские причины так поступить.

— Неудивительно, что ты их оправдываешь, — раздраженно буркнула Мира. Ее в отличие от Ллэра подробности истории, особенно далекого прошлого, не интересовали. Волновало сейчас только одно- как спасти атради. В том, что «рецепт» существует, не сомневалась. Это вселяло уверенность, но хотелось услышать, что делать, как, что придется отдать взамен. А Таль словно специально тянула время.

— Я никого не оправдываю, — покачала головой она. — И никого не осуждаю. Но могу посмотреть на случившиеся с разных точек зрения и понять, чем руководствовались все, кто так или иначе оказался замешанным в эту историю. И тогда и теперь.

— Еще бы... — усмехнулась Мира. — Цель у тебя всегда оправдывает средства.

— Почти всегда, — улыбнулась Таль. — И не только у меня. У тебя, например, тоже. И у них, — она кивнула на Алэя и Роми. — И даже у него, — посмотрела на Адана. — У всех.

— Ли, ты должна ей признаться. И объяснить всем нам, зачем, — с нажимом произнес он.

— Должна. Ты прав. Теперь должна, — отозвалась Таль. Задумчиво покусала нижнюю губу, встретилась глазами с Мирой:- Я не собиралась... Тем более, вот так, при всех... Не видела причин, хотя, может быть, стоило сделать это гораздо раньше.

— Сделать что? — уточнила Мира.

— Рассказать тебе, кто ты есть...

— В смысле, что ты из меня сотворила?

— И это тоже. Но я имела в виду правду о твоём происхождении, — Таль помолчала. С какой-то совсем уж непривычной грустной усмешкой добавила:- Дело в том, что ты- моя дочь.

Тон, каким это было сказано, не оставлял сомнений- Таль говорила правду. Мира понимала это, чувствовала каждой клеточкой ее искренность и прямоту, но упрямо отказывалась верить. Если бы не руки Ллэра, продолжавшие заботливо удерживать, вскочила бы, убежала, исчезла, лишь бы не слушать... Суметь сделать вид, что показалось, убедить себя, что ложь, постараться забыть. Если такое возможно... Сейчас- вряд ли. Перед глазами замелькали картинки прошлого- детство, интернат, школа, больница...

А Таль продолжала рассказывать. Сначала слова казались просто неразборчивым, действующим на нервы гулом, затем постепенно удалось сосредоточиться, звуки обрели смысл, выстроились в связные предложения:

— Мой отец... Вернее, тот, кого я им считала, незадолго до своей смерти настоял, чтобы я проводила каникулы в специальном лагере для одаренных детей из разных

Вселенных. Он был помешан на истории, мечтал возродить былое могущество Содружества. В частности- Актариона. Никак не мог смириться, что Способные вырождаются, что ранс или поздно актарионцев постигнет участь тлай и остальных... Этот лагерь- одна из его задумок. Отец надеялся, что таким образом завязанные в детстве и юности знакомства помогут укрепить связи между развитыми мирами в дальнейшем, создадут условия, когда проблемы каждой в отдельности расы смогут стать общей для всех, объединят. Верил, что только так возможно спастись от вымирания.

Таль опять замолчала, опять тянула время. Остальные тоже не проронили ни слова. Терпеливо дожидались, когда она снова заговорит. Мира ждать не собиралась.

— Я не буду спрашивать, почему ты отказалась от меня, почему бросила, почему скрывала и врала, — голос дрогнул, но удалось сдержать слезы. — Это уже не важно... Но если ты- моя мать, то какого черта усадила меня в тот таксилет? Почему хотела убить?

Таль не отвернулась, выдержала ее взгляд. Ответила, глядя прямо в глаза:

— Это все важно. Ты имеешь право знать. И я не хотела тебя убивать.

— Неужели?! — воскликнула Мира. — Думала, что я просто прокачусь с ветерком, да?

— Мне только-только исполнилось пятнадцать, когда я познакомилась с твоим отцом.

А когда поняла, что беременна, осталась совсем одна. Родители умерли, и в тот момент я просто не была готова становиться матерью, брать на себя ответственность за чью-то жизнь, — Таль передернула плечами. Вздохнула, скрепя пальцы в замок на коленях. — Я не жду, что ты меня поймешь. Тогда я сделала то, что считала нужным и лучшим для себя. Но вышло так, что ты не захотела умереть. Втащила меня в Плешь и очень удивила Самару, потому что из Актариона никто, ни до этого в течение многих тысячелетий, ни потом вплоть до вашего с Аданом путешествия в бар, туда не попадал. Естественно, такой сбой в фильтре его мира очень заинтересовал Самару. Я бы даже сказала- напугал. И он, конечно же, в первую очередь попытался выяснить, каким образом это стало возможным. Тогда ни ему, ни, тем более, мне в голову не пришло, что причиной была ты, — Таль улыбнулась. — Зато удалось выяснить, кто мой биологический отец.

— Это не объясняет, почему... — Мира совсем не разделяла ее радости.

— Объяснит и не только, почему я усадила тебя в таксилет. Все остальное тоже. Просто не перебивай. Выслушай, — Таль скользнула взглядом по их лицам, уставилась перед собой, на губах заиграла еле заметная улыбка. — Самар поверил, что гены доа- причина моего появления в Плеши. Расслабился. Не знаю, как ему удалось справиться с моей истерикой, но он уговорил остаться в Тмиоре до родов. Плешь не сделала из меня доа. Я так и осталась актарионкой-полукровкой. Разве что способности стали сильнее, что-то видоизменилось, усовершенствовалось. И не потребовалось никаких ухищрений Тайко, чтобы оставаться в Тмиоре. Солнце оказалось совершенно безвредным для меня. Зато в моем лице Самар нашел благодарного слушателя, которого ему так не хватало. Ты спрашивала, знаю ли я всех атради, чтобы судить, — Таль склонила голову набок, чуть насмешливо, с привычным высокомерием посмотрела на Роми. — Так вот знаю. Не всех. Но многих. Достаточно, чтобы навсегда отказаться от идеи стать одной из... И что гораздо важнее- знаю о вас то, чего даже вы не знаете. Или не помните. Ни с кем из атради Самар не мог быть настолько откровенным, у него не осталось друзей. Вы всегда считались всего лишь его детищем, непрекращающимся экспериментом длиною в вечность. Каждый новый атради- личное достижение, еще один маленький опыт в общую копилку успеха. Со мной он был другим. Может, потому что влюбился, может, видел какой-то особый потенциал для себя.

— Скорее, второе, — усмехнулась Роми. — Самар и влюбился? Не представляю. И вообще, мне иногда казалось, что ему не нравятся женщины.

— Я ему нравилась. Как женщина или нет- уже не важно. Мне он доверял, показывал, учил. Даже привел сюда, в этот Замок. Много рассказывал. Про доа, про Эннеру, про первый эксперимент, про то, что случилось потом. Думаю, он верил, что после рождения Миры я приму его предложение, соглашусь стать вечной. Не просто атради, а помощницей, подругой, любовницей.

— И как? Удалось? — хмыкнул Адан.

Таль обернулась к нему, снисходительно улыбнулась. Продолжила, не отвечая на вопрос:

— Когда Мира родилась, я решила вернуться в Актарион. Самар не настаивал, не уговаривал. Более того, помог устроиться, — она посмотрела на Миру, — помог нам обоим начать новую жизнь. Не стирал память, не угрожал, наоборот, часто навещал, поддерживал. Видимо, он до последнего момента надеялся, что рано или поздно я передумаю, приму его предложение.

— Так это ты- Голос? Ты его убила? — исподлобья глядя на Таль, спросила Мира.

— Его убила ты. Твоя вторая сущность. Самар оказался прав.

— Что? — опять перехватило дыхание. Опять откуда-то появилась уверенность, что Таль не обманывает. Опять теплые руки Ллэра ласково прижали к себе. Он что-то прошептал, но Мира не расслышала. Смотрела в упор в синие глаза Таль и молча требовала объяснений.

— Твой смертельный вирус- правда. Все, что я вам о нем рассказала, — Таль повернулась к Адану, — не выдумка. Поврежденные шапероны, нарушенный синтез белков, возрастающий при стрессе или сильных эмоциях. В результате- мучительная смерть еще в молодости. Этим тебя, — Таль развернулась обратно к Мире, — наградил твой отец. Онкогены- бич тех, кто когда-то принадлежал к могущественной расе Тлай. Ты была обречена с рождения. А я не смогла смириться, представляешь? — она как-то неестественно улыбнулась, совсем не весело. Замолчала, поджав губы и уставившись на Луну.

— Тебе удивительно везет на контакты с редкими расами, — проговорил Ллэр. — Отец- доа, дочь от тлай, опекун- атради, да и тот не рядовой... — посмотрел на Миру. И вдруг улыбнулся. — Котенок, твоя мать, конечно, та еще штучка, но ты во всех смыслах настоящее чудо. На половину тлай, четверть доа и четверть актарионки. Не хватает в наборе только виль'лари.

— Они- не гуманоиды, — встряла Роми. — Виль'лари. Были. Потомки каких-то насекомых. Яйцекладущие и генетически несовместимые ни с кем, кроме самих себя. А вот тлай... — она покачала головой. — Самые сильные. Самые могущественные. Самые... самые! Говорили, для них не осталось неизлечимых болезней, кроме старости, которую они холили и лелеяли, как самое важное, что существует во Вселенной. И они все еще... есть?..

— Есть. Очень мало. Тлай слишком уязвимы, а старость теперь- непозволительная роскошь. Мало кто из них доживает до двадцати пяти, — по-прежнему глядя на небо, ответила Таль. Посмотрела на Ллэра. — Редкие расы- не везение. Судьба, — грустно улыбнулась, — и моя работа. Но несмотря на это когда Миру привезли без сознания, я далеко не сразу поняла, в чем дело. И подумать не могла, что ее отец... Мы никогда не поддерживали отношения, вряд ли он еще жив. В общем, пары исследований и одного путешествия в память хватило, чтобы распознать вирус и его причины. Вот тогда все

окончательно прояснилось- и почему я беременной попала в Плешь, и как это случилось, и что дело вовсе не в генах доа, и что Мира умирает. Оставался только один способ ее спасти. Теоретически- простой, практически... — она помолчала. — Никто и никогда такого не делал. Результаты могли удивить. И удивили.

— Что именно ты собиралась сделать со мной? — Мире все-таки удалось сбросить с себя охватившее оцепенение. Даже улыбнуться- неестественной глупой улыбкой окаменевших губ.

— Окунуть тебя в Плешь, чтобы сделать сильнее. Когда-то раса Тлай могла лечить самих себя. Они умели заставлять собственный организм восстанавливаться, регенерировать клетки до полного выздоровления. Это и была моя главная цель. А если не получится, существовал план Б- если Плешь не сможет разбудить спящие в тебе гены, то видоизменить тебя саму- превратить в доа или, — Таль еле слышно вздохнула, посмотрела на нее, — в атради, если это останется единственным выходом. Но Самар отказался помочь. Заявил, что нельзя оживлять эти гены, что это обязательно спровоцирует необратимые катаклизмы в Тмиоре, с которыми он уже не сможет справиться, что в конечном счете это погубит его мир и всех атради. А он этого никогда не допустит, — она перевела взгляд на Ллэра, потом- на Адана и снова на Миру. — Я не поверила. Решила, что все дело в его ненависти к тлай, даже если речь идет об очень далеких потомках, даже если- о моей дочери, которую он сам когда-то спас. И сделала по-своему. Обманула Самара. Предала... Перешла в Бэар, выбрала подходящего донора. Тебя, — Таль обернулась к Адану. — Придумала, как соединить биополя, как накачать Миру твоей кровью, как спровоцировать ваше попадание в Плешь. Это и был мой план, — вздохнула. — Сушья ерунда по сравнению с тем, что когда-то проделал Самар с доани.

— Могло ведь не сработать, правда? Я могла просто погибнуть... — Мира осеклась, нервно передернула плечами, шумно выдохнула:- Почему могла? Я почти погибла. И если бы не Ллэр...

— Могла. Но другого способа у меня не было. Ни спасти тебя, ни вернуть все потенциальные способности доа Адану, а это было необходимо. Вы оба должны были сначала попасть в Плешь, чтобы начались метаморфозы, а уже потом... Только все пошло не так. Из-за нее, — Таль кивнула на Роми.

— И чем же я все так испортила? — спросила Роми.

— Испортила? — переспросила Таль. Пару секунд пристально смотрела Роми в глаза. — Нет, ты не испортила, хотя можно сказать и так. Но в нашей беседе я предпочитаю другую формулировку: не справилась.

Адан усмехнулся. В их недавнем разговоре на крыше Гиганта Ли обвинила Роми как раз в том, что она испортила ее план. Интересно, что заставило Таль стать покладистой? Куда подевалась эгоистичная самоуверенная стерва, которой ни до кого нет дела? Неужели, их близость тому причиной? Или все это- игра, очередной обман, чтобы добиться каких-то своих целей? Хотелось верить, что нет, но Адан не спешил.

— Хорошо, пусть будет не справилась, — Роми спустила на пол ноги. Выпрямилась. — С чем?

— Ты- Смотритель, опытный, со стажем, но ты отправила их обратно, не задумываясь. Ты не сумела разглядеть в Мире ничего особенного, странного. Если ты и заметила что-то подозрительное в том, как ТАКИЕ оказались ТАМ да еще и ВДВОЁМ одновременно, ты ничего не предприняла, чтобы выяснить, расспросить, а просто вышвырнула обоих туда, откуда они явились, — Таль усмехнулась. — А потом зачем-то бросилась за Аданом, заставила подняться в воздух на кабриолете, не подумав, что после Плеша это как минимум неразумно и опасно. В итоге спровоцировала аварию, в которой Адан мог погибнуть, привлекла внимание Гончих, объединила ваши биополя и подвергла Адана еще большей опасности.

Роми ответила не сразу, кусала губу, словно думала стоит ли, вообще, заговаривать.

— А раньше ты обвиняла меня, что мы такие-сякие, отлавливаем, дурим, меняем... Не отловили- тоже плохо, — задумчиво проговорила она. Алэй вдруг положил ей руку на плечо, Роми тут же бросила тихо, чуть раздраженно:- Не беспокойся, я не собираюсь заводиться, — и он сразу же выпустил ее, едва слышно хмыкнув и махнув рукой. — Таль, ты права, я ничего не предприняла. Ты, видимо, не так уж много знаешь о Смотрителях. Мы не спим и видим, как бы захомутать очередного беднягу в свои сети. Не все такие внимательные, как Самар. Не всем есть дело. Мне в тот момент не было, меня ждали в другом месте. Возможно, окажись там кто-то, кто маялся дома от скуки, то все пошло бы по другому пути. Но не повезло, я хотела побыстрее со всем этим разобраться, — она снова помолчала. — Не знаю, почему вышвырнула Адана из Плеша так. Я могла бы даже сказать, что не делала этого. Сознательно- нет. Мира же... — покачала головой. — Ты снова права, я не разглядела. То есть совсем, — Роми посмотрела на девушку. — Ты ведь даже не слышала никогда об атради. Не понимала, кто я, и где находишься. Потенциал- в тот момент- почти на нуле. Может, слишком много в тебе намешано, чтобы через этот коктейль легко читать суть. Может, я просто была невнимательной. Но Плешь время от времени затягивает тех, кто не станет атради, и мы просто стираем им память об этом событии, — перевела взгляд на Таль, потом на Адана, и снова посмотрела на Миру. — Можете считать это жестокостью или эгоизмом или высокомерием, чем угодно, но какая польза просто знать об атради и Плеша? Когда-то давно мы так решили... Я пошла за тобой именно поэтому. А когда увидела взрыв... не знаю, — криво улыбнулась. — Стало интересно. Необычно. Нестандартно. Если бы не это, скорее всего я бы вернулась за Аданом позже. Просто потому что так мы поступаем. Приходим потом. Объясняем. Или же новичок снова оказывается в Плеша.

— Смахивает на оправдание, — улыбнулась Таль. Как-то очень естественно, совсем без злости или насмешки, скорее, дружелюбно. — Не стоит. Я не обвиняю. Просто констатирую факт- своими действиями ты многое изменила, мой план рухнул. Тмиор- тоже. И в это каждый из нас внес свою посильную лепту.

— Я не оправдываюсь, — сказала Роми. — Просто хочу, чтобы не оставалось никаких недомолвок.

— Давайте по порядку, — перебил ее Ллэр. — О лепте мы уже достаточно знаем, а чего не знаем, можем додумать. Если бы Смотритель повел себя иначе- Тмиор бы все равно рухнул. Таль, в чем был дальнейший план?

— Не рухнул бы, если бы вы не притащили Миру в Тмиор. Ее надо было всего лишь чуть-чуть задержать в Плещи, а потом вернуть в Актарион. Об остальном я бы позаботилась. Мира бы вылечилась от вируса и продолжила жить обычной жизнью. Я вовсе не собиралась делать из нее подопытного кролика, я всего лишь не хотела ее смерти.

— Неужели? Если бы Ллэр меня не спас, я бы сгорела заживо в таксилете, — вмешалась Мира.

— Не сгорела бы, — парировала Таль. — У тебя нашлось бы достаточно сил выжить и восстановиться. А я бы помогла.

— Уверена? — нарушил молчание Адан. — Что-то я не заметил у Миры никакой способности к восстановлению, когда...

— Ты много чего не заметил, — оборвала Таль. — Вы с ней, вообще, не должны были встречаться. Ни в Бэаре, ни в Тмиоре. Особенно, там.

Препираться не хотелось.

— Можешь нормально сказать, чего именно ты добивалась? — уже спокойней спросил он, пристально глядя ей в глаза.

— Я уже говорила, — огрызнулась Таль. — Спасти Миру и получить ПНК.

— Тогда зачем ты взорвала ее квартиру? Заметала следы?

— Именно, — она отвернулась и снова уставилась на звездное небо.

— Взрыв таксилета- как еще одна ступень активации способностей? — спросила Роми. — Разве в этом риска не больше, чем в надежде на то, что атради задержит ее в Плещи нужное количество времени?

— Не еще одна ступень, а самая первая. Единственная. Та, что должна была спровоцировать попадание Миры в Плещь, — Таль резко обернулась, слегка подалась вперед, объясняя. — В отличие от твоих экспериментов с ним, — Ли кивнула на Ллэра, — у меня совсем не было времени. Мира умирала, а Самар не просто отказался помочь, он следил за мной. Подозревал, что я не отступлюсь, что найду способ. И мне необходимо было его обмануть. Заставить поверить, что Мира... Что ее больше нет... Что я предпочла решить проблему таким образом. — Без каких-либо способностей было заметно- Таль слишком нервничает. Не потому что боится или врет, а потому что на самом деле переживает. Искренне, по-настоящему и зачем-то изо всех сил старается это скрыть. — Да, могло не получиться, — она перевела взгляд на Миру. — Твое яростное желание жить могло не сработать. Ты могла не попасть в Плещь, могла погибнуть. Ты бы ничего не почувствовала... Я позаботилась, чтобы... — она осеклась. Голос от волнения дрогнул, и Адан не удержался. Присел рядом на подлокотник, ласково обнимая Таль за плечи. Она перехватила его руку, благодарно сжала пальцами ладонь. Продолжила, обращаясь к дочери:- Я никогда не была тебе настоящей матерью. В привычном понимании. Никогда не старалась ей стать. Даже

мысли не возникало. Я и сегодня не хотела. Наверное, Ади прав, я- расчетливая стерва. Амбициозная карьеристка. Самоуверенная самка, ненасытная и похотливая...

— Я... Я никогда такого не говорил... Я... — начал он, но Таль перебила, повернулась к нему:

— Ты так думал, — улыбнулась, хотя в синих глазах промелькнула боль. Тоже неподдельная. Настоящая. — Это все равно, как если бы ты мне сказал. Может быть, даже хуже, — она снова посмотрела на Миру. — Мы вряд ли сумеем когда-нибудь стать... ближе. И вряд ли должны. Но пойми одну вещь. Постарайся... Если бы у нас с тобой ничего не вышло, если бы ты разбилась, я хотя бы знала, что сделала все, чтобы это предотвратить. Я верю, что это лучше, чем просто смириться.

На пару секунд на террасе повисла тишина. Мира, уставившись в пол, тихо спросила:

— Почему ты не рассказала Ллэру, когда он принес меня к тебе после...

Таль вздохнула.

— Я испугалась, — горько усмехнулась. — Только тогда осознала, что произошло, что Самар уже мертв, что он не врал, что все его опасения оказались не напрасны, что совсем скоро Тмиору конец. Мне нужно было время это осмыслить.

— И как я все это проморгал... — пробормотал Ллэр. — Собственно, не Роми тебе все испортила, а я. Потому что потащил Миру в единственное место, которое пришло мне в голову...

— Ты все сделал правильно, — улыбнулась Таль.

— Да уж, я всегда все делаю правильно, — усмехнулся Ллэр.

— Ты спасал Миру и не мог предположить, что она окажется настолько опасна для Тмиора и атради. Никто не мог. И вполне возможно, никаких катаклизмов бы не произошло, если бы Роми не бросилась за Аданом на Эннеру, не натравила на себя Гончих. А дальше уже по цепочке к Мире... Ее встреча с Гончими- вот что стало началом конца Тмиора. Они признали Хозяйку, разбудили в ней то, что в итоге погубило Самара и ваш мир, — Таль прерывисто вздохнула. — Я сама только потом поняла, что именно произошло, и чем чревато. После того, как вы с Аданом рассказали о Тенях, а чуть позже пришел Самар. В ярости... Только было уже слишком поздно.

— Самар должен был бы предположить, — сказала Роми. — Раз он ждал худшего. Дождался...

— Самар опасался другого.

— Чего же? — уточнил Адан.

— Боялся, что Мира станет настоящей тлай. Или хуже. Возненавидит атради, начнет преследовать. Захочет изменить Тмиор, попытается разрушить. И сможет в итоге, потому что древние тлай были сильнее доа и атради. Они не нуждались в подпитке от светил, независимая энергия, способная ненавидеть и убивать. Сфера над Бэаром, умирающая Колония-Мир для тайко и доани, Гончие- все это их изобретения, — перечислила Ли с ухмылкой. — И вот как раз про Гончих Самар ни разу не упомянул до того дня. А я откуда могла знать? Я, вообще, не подозревала об их существовании на Эннере. Тем более, не могла предвидеть, как это отразится на Мире, к чему приведет...

— Он все-таки идиот или из ума выжил, — Роми покачала головой. — Эль, он ведь знал, чем ты занимаешься! Что ищешь, за чем наблюдаешь. Он долго и упорно направлял тебя по ложному следу, а мог просто рассказать. И тогда- вообще ничего этого бы не было! Ничего!

— Тот случай, — хмыкнул Ллэр. — Самар был помешан на своих тайнах. И мне очень хочется сказать, получил он по заслугам. — Посмотрел на Таль. — Что именно убило его?

— Я убила, — Мира, казалось, задалась целью продырявить взглядом каменный пол.

— Да, ты и... не совсем ты... Часть тебя, — со вздохом отозвалась Ли. — Не вини себя. Ты не знала, не могла контролировать.

— Я пыталась... правда... — совсем тихо пробормотала девушка, так и не поднимая глаз.

— Погодите, — нарушил молчание Адан. Посмотрел на Таль, на Миру, перевел взгляд на Ллэра и снова на Таль. — Ли, какого... Мире убивать Самара? Она ведь спроецировала часть ощущений на меня тогда. И потому, что это было... как... Знаешь, это не она убивала, это ее убивали! Нас обоих. И его тоже, — он махнул рукой в сторону Ллэра. — Я ж так шандарахнул об стену у тебя там, мало не покажется... А потом Мира еле живая была, Тени... или как их там? Гончие?

Таль кивнула.

— Ну вот они, — продолжил Адан. — Эти твари такое представление нам устроили, не говоря уже о том, что дальше творилось, — он встретился взглядом с Роми, усмехнулся. Вряд ли получится описать словами то внезапное падение в пещеру, когда земля из-под ног ушла в самом буквальном смысле. Что тогда сказала Рэм? Аттракцион века? Именно... Адан уставился на Таль. — Я запутался, я уже ничего не понимаю. Ты столько всего наговорила. Тогда, теперь... Можешь объяснить доступно, что вообще все это было?

— С Самаром? — спросила она.

— И с ним тоже. Но потом. Давай с самого начала. С Плеши. Помнится, ты очень удивлялась, что такое вообще бывает. Таращила на меня свои невинные синие глазки, ресничками хлопала. Убедительно так врала, мастерски. «Значит, Плешь на самом деле существует...»- передразнил он, машинально повторяя голос и интонацию, с какой эту фразу сказала тогда Таль. — «Не могу попасть отсюда в Бэар».

— Ади, все просто, — Ли широко улыбнулась. Поднялась с кресла, прошла вперед и остановилась, прислонившись спиной к перилам. — Да, я соврала. Пришлось. Выбора не было. Пойми, ты оказался во все это втянут по уши, уже знал про Тмиор, говорил, что дружишь с атради, разгуливаешь по Бэару со Смотрителем, расспрашивал про Миру. Это стало для меня неожиданностью. Я предполагала, что тебя вернут в Бэар. В худшем случае предложат сразу вечность, покажут Тмиор. Что у меня будет время найти тебя, все объяснить, помочь разобраться. Но все вдруг пошло совсем не так, вмешались другие, все запуталось. И тут являешься ты с утра пораньше, злой, устраиваешь погром, угрожаешь, даже, — она окончательно развеселилась, — людей калечишь... Во второй раз еще и Ллэра с собой привел, убеждал меня- Мира жива, Мира жива! Ты ее убила! Знаешь, что пришло мне в голову? Что за всем этим стоит Самар. И потом... Многое, из того, что я рассказала- правда. Не считая Миры. Про Способных, про вырождение, про ПНК... Я не собиралась устраивать никаких концов Света или видоизменять расы. Пыталась спасти Миру и...

— И заодно выкачать из меня кровь, поставить парочку опытов, свести с ума, одарив всеми этими умениями, да?

— Ладно, — Таль вздохнула.

— Что ладно?

— Ты прав, — она развела руками. — Оправдываться не буду. Могу объяснить, почему так.

— Начинай, — Адан соскользнул с подлокотника в кресло, уселся поудобнее.

— Когда Самар отказался помогать, я помимо рабочих проектов с ПНК для актарионцев искала возможность сделать Миру сильнее, неуязвимее. В ней ведь тоже есть кровь доа. Вот я и собиралась это использовать, поэтому искала подходящего донора в Бэаре. Нашла тебя. Потом мне пришла в голову мысль, что не стоит ограничиваться только Мирой. Почему бы не попробовать активировать и твои способности?

— Действительно, почему? — хмыкнул Адан. — И мне сообщать об этом необязательно.

— Я не успела.

— Несколько месяцев не хватило прийти и поделиться откровениями? С головой ушла в опыты? — съязвил он.

— Самый лучший способ активировать чьи-то спящие гены или генный потенциал, если хочешь, — продолжила Таль, никак не реагируя на его замечание, — это поместить человека под такое энергетическое излучение, типа Плеши. Самар так и не пожелал объяснить, как именно ее создал, каков принцип. Много из того, что я хотела сделать, основывалось исключительно на моих предположениях и скудном личном опыте. Не было гарантии, что что-нибудь выйдет. Я решила рискнуть. Самым сложным оказалось придумать, как спровоцировать ваш переход в Плешь. Ведь без него никак. Необходимо было дать толчок, стимул. Потом, как я считала, начнутся метаморфозы. Какие именно- не знала. И, представь себе, сомневалась. Боялась. Потом убедила себя, что если не получится сразу, то смогу повторить. Ведь метаморфозы все равно будут, пусть слабые. Они что-то изменят в вас, и такие изменения никогда не исчезнут полностью. Не зря же все одаренные, кто однажды побыл в Плеши, но потом по тем или иным причинам вернулся в свой мир со стертой памятью, снова попадал в Плешь.

— Не всегда, — встряла Роми. — Реже не попадали. Те, кому, действительно, стирали память. Наверное, это своего рода проверка. Если потенциал мал, ты не переживешь дальнейшие метаморфозы, солнце или море потом убьют тебя- тебе нечего делать больше в Плеши. Стираются... — она запнулась, — наверное, надо говорить стирались не просто воспоминания о пребывании там. Чистились все энграммы, которые могли бы привести к повторному появлению в Плеши. Тем, кто обладает большим потенциалом, бесполезно стирать память. Десять, пятнадцать раз исправляй... все восстанавливается.

Она бросила быстрый взгляд на Алэя, но тот, казалось, вообще не собирался активно участвовать в разговоре.

— Я и говорю только о тех, у кого большой потенциал, — добродушная улыбка учительницы, терпеливо объясняющей нерадивому ученику очередную премудрость, сменилась ехидной, вызывающей ухмылкой.

Адан невольно усмехнулся. Кажется, у Роми талант вызывать в Таль и Мире желание огрызаться. А может, не только в них. Может, это естественное влияние на всех актарионков. Или вообще на женщин. Интересно, за все прожитые тысячелетия кроме позабытых любовников она обзавелась хотя бы одной подругой? Но даже если нет, с Таль могла бы быть и полюбезней.

— Если ты... — Ли осеклась, бросила на него хмурый взгляд, опять посмотрела на Роми. Выдавила из себя некое подобие прежней улыбки. Адан нахмурился. Наверное, она и сейчас легко читает его мысли, раз так реагирует. — Если Смотритель не заметил, еще не значит, что потенциала не было. И что бы вы там не чистили, последствия попадания в

Плешь даже для обычного человека всегда оставались. Организм меняется. Становится сильнее, пусть это выражается всего лишь в отсутствии банальной простуды. Вы же всегда проверяли тех, кто попадал в Плешь, только через призму собственной необходимости. Получится ли в итоге новый атради или нет, хватит ли сил у новичка на преобразования или не стоит возиться... Тех, в ком таких сил не видели, считали ошибкой, глюком системы. И совершенно напрасно. Плешь- одна из совершенных систем, которые мне известны. Там никаких осечек и случайностей быть не могло. Она, — Таль кивнула на Миру, — самое лучшее доказательство. В ней не было ни грамма потенциала превратиться в солнечную батарейку, зато достаточно сил, чтобы уничтожить целый мир. Ваш мир.

— Хорошо, Ли, — встрял Адан. Не хватало, чтобы она и с Таль сцепилась, а Роми уже явно была к этому готова: даже рот успела раскрыть. Захлопнула, бросила на Адана колючий взгляд, в глубине которого, все же как будто светилась и благодарность. — У тебя получилось, ты запихала нас в Плешь. А дальше что?

— Дальше я надеялась, что Мира сможет справиться с вирусом. Может быть, даже обретет какие-то способности. Актарионки или тлай. Про доа я не думала. Меня ведь Плешь ей не сделала, и ее не должна была, хотя теоретически с твоей кровью результаты могли оказаться другими. Я мечтала об образовании ПНК в лучшем случае.

— А со мной каких результатов ты ожидала?

— Что ты постепенно станешь полноценным доа. Так или иначе выберешься за Сферу. Сам или со мной. Впитаешь необходимое излучение, постепенно завершишь все этапы. Надеялась, что смогу убедить тебя жить в Актарионе. Так тогда казалось проще всего. Правильней, что ли... Что бы ты там ни думал, — она улыбнулась, теперь уже по-настоящему. Обвела всех взглядом. — Что бы вы ни думали, я никаких масштабных планов не строила. И прежде, чем успела сообразить, что происходит, Адан с Мирой уже побывали за Сферой и торчали в Тмиоре. У нее, — она кивнула на поникшую девушку, — начались совсем другие метаморфозы. Краткого пребывания на поле и позже под вашими лунами, — Таль посмотрела на Ллэра, — видимо, хватило, чтобы в ней ожили гены доа. Только тлай органически не переваривают ни вечных, ни доа, ни ваши Миры. И началось противоречие. Две в одной. В результате что-то там на Тмиоре среагировало... Море Истока, вроде бы... Да так, что Самар сразу обо всем догадался, вышел на вас, понял, что случилось, явился ко мне с претензиями. Но не знал, что Гончие уже начали на него охоту.

— Да.... Оно самое. Море, — подтвердила Роми. — Сначала чуть не прикончило меня, по крайней мере, у меня было именно такое ощущение, потом... Потом у меня возникло непреодолимое желание прикончить Миру. И если бы не Адан...

— У которого возникло непреодолимое желание убить тебя, — прокомментировал он.

Роми улыбнулась.

— Верно. И хорошо, что возникло, и что ты вытащил меня на Бэар. Но... почему Гончие не пришли туда за нами? Не успели? Или их уже интересовал в тот момент только Самар? Или нам просто повезло?

— Не знаю, — сухо бросила Таль. Она, конечно же, радости Роми не разделяла. Но хотя бы не хамила, что уже хорошо. — Наверное, вы пробыли там слишком мало. Или днем, когда слишком активное солнце их отпугнуло. Гончие его не выносят, предпочитают ночь.

— Когда умер Самар, был вполне себе день, — сказала Роми.

— Правильно, — Таль с усмешкой тряхнула головой. — Поэтому мы сейчас с тобой разговариваем. Появись они там ночью, атради пришлось бы несладко. Вам повезло, — она

обвела всех взглядом, — что между Эннерой и Тмиором именно такая разница во времени, хотя... — Ли задумчиво покусала нижнюю губу, посмотрела на Ллэра. — Я почти уверена, что это Самар как раз продумал, когда создавал. А может, совпадение, — она едва заметно пожала плечами, улыбнулась. — В последние дни я склонна преувеличивать его заслуги, — вздохнула. — В любом случае под солнышком Тмиора Гончим пришлось несладко.

— Так вот почему они решили вернуться в меня, — пробормотала Мира, прекратив, наконец, созерцать пол. Обернулась к Ллэру. — Помнишь, в моей памяти? — он кивнул. Мира продолжила: — Они захотели обратно, но у меня как-то получилось не пустить...

— И тогда они решили все вокруг заморозить, — усмехнулся Адан.

— Устроили нам невероятное по красоте и гармоничности шоу, — хмыкнул Ллэр. — А в конце появилась Мира... — он задумался. — Холод- еще не ночь, но уже ближе к ней, чем жаркий полдень. Тени не замораживали все вокруг. Они смещали слои. Вытаскивали наружу кусочек пространства между огнем истинной Фахтэ и стерильностью климата Тмиора. Самар должен был остудить горящую планету, как- не знаю, я ведь не подозревал, кого нужно спросить, да и не был уверен до того дня, что такая прослойка существует. Впрочем, снова-таки, это уже не имеет значения, — он помолчал. — Роми, как доани, чье тело побывало во всех этапах преобразования планеты, чувствовала постепенное понижение температур на протяжении всего процесса. Ты, Адан, как доа, не должен был ничего чувствовать, лишь видеть рисунок пространства и итог, если бы не Наручник тайко, который соединял тебя с Роми. Я же, как человек, имел возможность испытывать весь спектр ощущений, пока с пространства шелухой спадает слой за слоем. Энергетический отлив... Я в тот момент думал, что все идет к огню и за снегом последует лава. Но появилась Мира... — он повернулся к Таль: — Ты сказала, они почувствовали в ней Хозяйку?

— Тлай создали не просто энергетических убийц, что должны были сидеть на Эннере и ждать доани сколько понадобится, пусть хоть целую вечность, — заговорила Таль. — Они многое продумали. Распознать энергию доани, не обязательно в чистом виде, даже смешанную с другой, и уничтожить- это первая ступень. Следующая- установить источник, считать след, понять- откуда и как. Потом- найти способ, как добраться туда, чтобы выполнить свою главную миссию- ликвидировать источник «заразы», обезвредить остальных. В этом смысле Гончие- идеальные механизмы. Единственное ограничение- они не могут самостоятельно перемещаться между мирами. Для этого им необходим Проводник или Хозяин. Первым может быть тело убитого доани. Если бы, — Таль посмотрела на Роми, — тогда на поле у Адана не получилось их разнести в пух и прах, ты бы погибла, а Гончие влезли бы внутрь и ждали.

— Пока рано или поздно за ней не явятся атради, — проговорил Ллэр. — И не заберут тело в Тмиор, как в принципе и сделал я... — качнул головой, кажется, даже с уважением. — Идеальный механизм.

— Верно. Не пришел бы никто, значит, Гончие остались бы ждать. Для них не существует понятия времени, — Ли повернулась к Ллэру и Мире. — С Хозяином- чуть сложнее. Им может стать только представитель расы тлай. Видимо, на скале Гончие сначала приняли Миру за доани, что неудивительно, если вспомнить, как смешались ваши биополя, — Таль на мгновение встретилась взглядом с Аданом, отвела глаза, и он совершенно четко понял- она каким-то образом знает, что между ним и Роми произошло до появления Теней, словно была там и видела. — Потом распознали в ней Хозяйку, — продолжала Таль. — Древние тлай могли управлять Гончими, контролировать, направлять.

Мира же... — она пожала плечами. — В идеале она тоже должна уметь. Наверное, сможет вспомнить, как, если научится справляться с противоречием и управлять обеими сущностями внутри. Тогда же, на скале, она стала пассивной Хозяйкой. Позволила использовать свое тело, перенести на Тмиор, добраться до Самара и... — Таль вдруг замолчала, повернулась к ним спиной, застыла. Каким-то чужим голосом, совсем без эмоций сказала: — То, что вы рассказываете, подтверждает мои догадки. Вероятно, эти твари очень четко считали устройство Тмиора, когда оказались там. Быстро разобрались, что к чему. Все эти слои, кто всем управляет, как его найти, как уничтожить. Из-за солнца собирались вернуться обратно в Миру и переждать, чтобы продолжить миссию, но каким-то чудом Мира смогла задержать их снаружи, обрекая на гибель. Наверное, тут уже сущность доа сыграла свою роль. Тогда Гончие попытались защититься от солнца другим способом. Видимо, не вышло. А может, ваше присутствие или Наручники повлияли. Или само место Пещеру ведь создали тайко.

— Которые тысячи лет назад враждовали именно с тлай, — пробормотала Роми. — И наверняка успели изобрести немало защитных примочек.

— Так ты и про пещеру знаешь? — удивился Адан.

— Я знала про еще существование, знала, что в ней прячет Самар, — Таль повернулась к нему. — Если ты это имеешь в виду. Но я никогда там не была.

— Но ведь их можно спасти? — с надеждой спросила Мира.

— Можно, — кивнула она. — Роми придется снова стать доани. Только потом я смогу превратить ее в доа и вернуть способности. Другого способа нет. Алэй и Ллэр в прошлом люди. Просто сделать из них доа не получится. Теряя энергию атради, они будут превращаться обратно в тех, кем были до Тмиора. Только человеческий организм не способен на регенерацию мертвых тканей. Но выход есть. Когда-то они побывали в Плещи, стали сильнее, одаренней. Это огромный плюс, — Ли перевела взгляд на Ллэра, улыбнулась. — Наши с тобой опыты, помнишь? Кажется, я нашла лекарство, — кивком указала на дочь. — Ее кровь. У меня получилось сделать сыворотку, задействовав гены тлай. Они и станут катализатором для морфаллаксиса, пока вы превращаетесь в доа. Процесс, конечно, болезненный, стопроцентной гарантии, что все пройдет успешно, дать не могу, но... — она усмехнулась, обернулась к Алэю. — Вы всегда можете отказаться.

Тот чуть прищурился, едва заметно улыбнулся, как и прежде — молча.

— А все остальные атради? — не унималась Мира. — Погибнут?

— Остальные... — Таль вздохнула. — Теоретически, те, кто остался на Тмиоре, еще живы. Может, уже не все. Мне сложно представить, что там сейчас творится.

— Ничего хорошего, — мрачно пробормотал Адан.

— Теоретически, — продолжила Ли, — если кто и может их спасти, это ты. Только...

— Что нужно делать? — неожиданно громко спросила Мира. Выпрямилась, глядя в упор на мать.

Таль не спешила отвечать. Несколько секунд молча смотрела в глаза дочери. Потом, словно приняв нелегкое решение, медленно, будто подбирала правильные слова, заговорила:

— Тебе придется прислушаться к себе, нащупать это знание. Стать по-настоящему тлай, в полную силу. Тогда сможешь попасть на Тмиор. Дальше все зависит от того, насколько тебе удастся контролировать себя. С одинаковой вероятностью ты можешь добить всех атради или остаться запертой с ними там навсегда. Если получится помирить в себе доа и тлай, сумеешь открыть портал оттуда сюда. Идти за тобой или нет — их выбор. Рисковать

своей жизнью ради них или нет- твой.

Мира кивнула. Умоляюще посмотрела на Ллэра.

— Я пойду. Я должна.

— Котенок... — начал он.

— Знаю, Эль, — девушка обхватила его руками за шею, прижалась лбом ко лбу Ллэра. — И помню, что обещала быть с тобой, когда... если... И буду, обещаю. Но сначала я должна спасти их. Попытаться.

— Это опасно, и мы не можем рассчитывать на все эти «если».

— Эти «если» теперь все, на что нам осталось рассчитывать.

— Нет. Я могу тебя связать и никуда не пустить, — тихо засмеялся он.

— Можешь, — согласилась она, отстраняясь. — Но отпустишь. Ты ведь и сам знаешь, что так надо. Так- правильно.

Адан уже открыл рот, собираясь согласиться с Ллэром, но промолчал. Мира права. Так- правильно. Не правильно, что идти в Тмиор Мире придется одной. В противном случае он бы, не задумываясь, отправился с ней.

— Правильно... я никогда не делаю так, как правильно...

— Неужели, даже не вмешаешься, чтобы его убедить? — спросила вдруг Таль, обращаясь к Роми.

Та улыбнулась. Но вместо неё неожиданно заговорил Алэй:

— Его не нужно убеждать, — он смотрел прямо на Ллэра, тот оглянулся, будто почувствовал, встретился с отцом взглядом. — Он знает, что необходимо сделать.

— В таком случае остаются атради, разгуливающие по Мирам, — опять заговорила Таль. — Наверное, кто-то из них уже знает про Тмиор. Через несколько дней поймут все. Что предпримут потом, вам виднее, — она внимательно посмотрела на Алэя и Роми. — Мы с Ади можем их спасти.

— Каким образом? — Адан удивленно вскинул брови. Толпа рассеянных по бесчисленным Вселенным вечных- как, вообще, возможно их всех отыскать? Да еще уговорить пойти в Бэар, объяснить, что происходит? На это уйдут месяцы, если не годы, а у атради в запасе от силы неделя. Потом всех, и бывших доани и превращенных в атради из обычных людей, ждет мучительная смерть от энергетического голода.

— Притянуть к нам, сюда в Замок. Одного за другим, по очереди. Нет, — Таль качнула головой. — Лучше ближе к морю. Этим займусь я, тебе придется разбираться с Гончими. Твари обязательно появятся, как только почувствуют очередного Смотрителя.

— Может, лучше я буду притягивать, а ты- разбираться? — на полном серьёзе предложил Адан.

— Не лучше, — тоном, с каким спорить сложно, оборвала Ли. — С Гончими у тебя хоть какой-то опыт есть, остальное я объясню. Это просто. А притягивать... Ты притянешь половину Вселенной на мою голову. Придется разделить обязанности, и ваша помощь, — Таль обернулась к Роми и Алэю, — тоже понадобится. Ты должна впустить меня в свою память и показать всех, кого вспомнишь, кроме тех, кто точно сейчас на Тмиоре. Тогда я смогу сосканировать их след и попытаться притянуть к себе. Вам с отцом, — посмотрела на Ллэра, — надо будет ввести появившихся здесь в курс дела. По возможности кратко и четко. Нельзя, чтобы они ушли или отделились от нас. Для начала- это самое главное. Потом уже всем вместе можно рассказать остальное, детали. И пусть выбирают, что делать. Насильно удерживать их здесь лично я не собираюсь. Как и тех, кого, надеюсь, получится высвободить

из Тмиора.

— Погоди, а дальше? — спросил Адан. — Или предлагаешь мне вечно Смотрителей от Теней оберегать?

— Вечно не понадобится, — покачала головой Таль. — Тем, кто выберут остаться на Эннере и стать доа, Гончие не опасны. Энергия доани исчезнет в процессе преобразования. А те, кто не захочет... их проблемы, — она пожала плечами, развернулась к Роми. Через миг уже стояла рядом, протягивая руку. — Ну, так как? Сможем довериться друг другу?

Роми медленно встала, улыбнулась, чуть склонив голову на бок. Потом молча пожала её ладонь.

— Попробуем.

Самым страшным оказалось дожидаться ответа Алэя. Не сложным, а именно-страшным.

Он тянул, а Роми не осмеливалась спросить- почему. Вообще заговорить об этом. Боялась услышать не те слова, что хотела бы. Несмотря на то, как и что он говорил ей совсем недавно на пляже, на последние месяцы, когда он снова стал самим собой, обрел силу и уверенность в себе. Несмотря на то, что Роми знала- доа живут лет сто пятьдесят, не больше, а с учетом всего, через что они уже прошли и что еще предстоит преодолеть, рассчитывать на дополнительную сотню к имеющимся биологическим тридцати не приходится. Несмотря на то, что Таль не давала гарантии даже на еще пятьдесят. Алэй все равно способен отказаться, и Роми не смогла бы тогда обвинить его в эгоизме или слабости. Никогда.

Она просто ждала. Столько, сколько понадобится. И старалась не думать.

Мира ушла почти сразу, словно не только торопилась помочь, но и боялась, что Ллэр передумает и остановит. Едва Роми и Таль пожали руки, как Ллэр оттащил девчонку в сторону, что-то долго ей втолковывал, не то, чтобы спорил с ней, но доказывал. Роми наблюдала за ними издали, удивлялась. Похоже, он был неравнодушен к этой девочке даже больше, чем сам готов признать, и чем могло показаться со стороны. Но Роми знала, на что смотреть. Знала, как он ведет себя, когда ему кто-то дорог. Как говорит и смотрит. И как может слететь с катушек, если с Мирой что-то случится. Едва уловимых перемен, знаков было достаточно.

Она пробормотала тогда, обращаясь только к Алэю:

— Ты же знаешь, что будет, если она не вернется?

Алэй встретился с ней взглядом, но не успел ничего ответить: Ллэр уже возвращался, а Миры и след простыл.

— С меня взяли слово, что я как можно быстрее наемся твоего лекарства, — сообщил он Таль. — Но я так понимаю, что тогда выйду из игры надолго, буду прохлаждаться в прострации и ловить глюки...

Он понимал правильно, поэтому с сывороткой предстояло немного обождать.

Некоторое время они еще обсуждали детали того, что предстоит сделать, вырабатывая стратегию, потом- перебрались на пляж.

Сомневаться в словах Таль Роми перестала. Не важно, что двигало женщиной, какие цели она преследовала. Не важно, что еще она утаила, чем не сочла нужным поделиться. Поверила, потому что все складывалось в единую, идеальную картинку, потому что только в правде не бывает изъянов. Это не означало, что Роми теперь ей безгранично доверяла или стала относиться с теплом и пониманием, нет. Но в том, что Мира- ее дочь, и история, рассказанная Таль, истинна, не сомневалась. Роми прекрасно знала, на что способны люди, если речь идет об их детях, даже если с этими детьми у них складываются не самые лучшие отношения. Даже если потом эти отношения расстроятся вовсе.

Весь остаток ночи провели, блуждая в их памяти в поисках тех, кто в момент катастрофы находился вне Тмиора. Вроде бы- сколько времени требуется, чтобы вспомнить? Оказалось, много! Не так уж просто представить их достаточно четко, чтобы передать образ Таль, чтобы та смогла выдернуть их, чтобы быстро и внятно ввести в курс дела, пока Адан удерживает Гончих, если те появятся.

Твари тлай, видимо, сжалились над ними. Или же механизм, все-таки не такой идеальный, как восхищался им Ллэр, дал сбой. А может быть у Замка, отгроханного Самаром, была некая защита, что покрывала весь остров, на котором он стоял. В любом случае- Тени не появились. И Роми совершенно не интересовало, почему.

Как оказалось, самое сложное- убедить. Заставить поверить.

Конечно, рассказывать всю правду никто не собирался, ограничились краткой версией, которая сводилась главным образом к следующему: Тмиора больше нет, как это получилось- не известно. Что-то заклинило, вы же помните, что происходило последние дни и недели... Если сомневаетесь, легко проверить- доступа туда нет. А значит, нет доступа к нашему Солнцу. И вы все знаете, чем это грозит. Но нам повезло...

Посвящать в то, откуда они знакомы с Таль, тоже не планировали. Знакомы. Она может помочь. Точка.

Выбора у них почти не было. Превращение обратно в доани лишит всех способностей, кроме абсолютной неуязвимости и вечной жизни, и тогда они без посторонней помощи или технических приспособлений не смогут даже покинуть Эннеру. Превращение в доа-болезненное и тяжелое, возврат к истокам- сделает их смертными. Для нее вопрос выбора не стоял, но она мысленно приготовилась к тому, что многие им поначалу вовсе не поверят, особенно из тех, кто редко бывал дома. Кому зачистившие дожди и бушующее море казалось чем-то вполне обычным, случайным и несущественным. Впрочем, тогда будет плевать. Заставлять не станут, если кому-то милее сдохнуть, чем признать свою неправоту... то и флаг ему в руки. Роми чувствовала себя слишком уставшей, чтобы переживать по этому поводу. Она сделала и продолжала делать все, что могла. Но на чувства и эмоции не оставалось сил.

Ллэр все-таки предложил первым раскрыть память Таль, потому что стоило начать с тех, кого хорошо знал он, кого доводилось втягивать в затеи. Кто поверит или как минимум станет с ними говорить, а не отправится сразу обратно, откуда вырвали. Таких было не много, но все они, как ни странно, находились здесь, по эту сторону Тмиора. Впрочем, что странного? Чтобы связаться с Ллэром надо, по крайней мере, обладать схожим характером и неусидчивостью, и уж никак не равнодушием Надстарших. Среди первых оказался и Оэн. Увидев его, Роми вдруг испытала такое облегчение, будто это знак- у них все получится. Пусть всему, действительно, приходит конец, он же- новое начало.

Позже дело пошло быстрее.

Надстаршим незачем было торчать здесь, если они нуждались во времени, чтобы поверить и решить, как поступать- они могли это сделать и в другом месте. Теперь любой из них знал, куда возвращаться. В любом случае стать доа они смогут только после того, как пройдет первая стадия: из организма полностью выйдет энергия солнца Тмиора и ее заменит энергия Эннеры.

Тем, кто как Ллэр и Алэй когда-то были людьми, тянуть не стоило, вероятность успеха лекарства Таль зависела от количества энергии в теле. Чем раньше начать, тем больше сил будет у организма справиться.

Но торопить никто не собирался. Спорить- тоже. Вопросы копились, устраивать семинар по сложившейся ситуации каждому в отдельности сил не было. Ллэр в какой-то момент заявил, что стоило сделать и распечатать брошюры для всех, памятки «Как вести себя в случае конца света», раздать, а беседы вести после того, как участники войдут в курс основного положения вещей. Шутки шутками, но довольно скоро Роми поняла, что в этой

идея есть рациональное зерно.

Ход на Тмиор оставался все так же закрыт. Они надеялись, даже рассчитывали, что если не тут же, то хотя бы через несколько часов уже появятся первые атради или же вести от Миры, но время шло, а ничего не было.

К утру, несмотря на то, что Роми помогали и другие, она падала с ног от усталости, а мозг готов был взорваться. К тому моменту она уже сбилась с точного счета и едва не грохнулась в обморок, заблудившись в собственной памяти, но, казалось, вытащили они не меньше трехсот человек. Тогда Алэй потребовал, чтобы она отправлялась спать, в конце концов, теперь имелось, кому ее сменить.

Возражения он не принял, уводить ее пришлось силой.

Роми проспала часов десять, как убитая, без сновидений и не шевелясь, но проснулась такой же уставшей, с головной болью и ломотой во всем теле. Таль сказала, это истощение, голод. Роми и сама знала. Энергия уходила из нее быстрее, чем из остальных, хотя бы потому, что до этого ее почти всю выкачали Тени, и Роми жила на том, чем поделилась с ней Мира. Но помочь ей сейчас ни чем не могли. Дальше- сначала будет хуже, но потом станет легче, оптимистично подбодрила Таль. Роми только хмыкнула. Ей и раньше доводилось подолгу не получать доступ к жизненно необходимому солнцу, но теперешнее состояние не имело ничего общего с тем голодом, к которому она привыкла. Энергия не просто уходила, а замещалась другой. И организм боролся с ней, как с вирусом. Организм нехотя сдавал позиции, менялся.

Несколько сильнодействующих таблеток успокаивали голову на несколько часов, потом постепенно все начиналось сначала, Роми выдерживала еще час, от силы- полтора, и снова глотала таблетки, чувствуя себя наркоманом. Но так, по крайней мере, сохраняла ясность ума и не казалась самой себе зомби.

Многие из тех, кого они притащили сюда ночью- ушли. И не только Надстаршие. Но Роми не сомневалась- вернутся. Голод пригонит. Надежда. Мысли о том, что необходимо выжить сейчас, а способ исправить все и вернуть на круги своя- еще найдется. То, что сделано раз, наверняка можно повторить. Главное- выиграть время.

Атради разучились думать о времени, разучились его ценить. Для них тысячелетиями не существовало понятие его нехватки, они забыли, что такое «не успеть». Самому молодому из них и то уже несколько сотен лет!

Теперь многим вещам придется учиться заново. Роми не удивилась бы, если большинство Надстарших выберут судьбу доани, вечность на Эннере, или еще где, без способностей. Они верили в силу разума, забыв, что не пользовались своими способностями к познанию уже много лет. Они так и не вспомнили, что никогда не хотели жить вечно. Теперь, вместе с Тмиором, Пещера с капсулами памяти потеряна навсегда.

Впрочем, это их право и выбор. Свой- она уже сделала. Вероятная смерть в некоем будущем ни грамма не пугала, а вот бессмысленная бесконечность- да. Кажется, она начинала понимать Ллэра.

— Знаешь, а ведь Самар все знал, — сказала Роми.

— О чем?

Они сидели на берегу, смотрели на темно-фиолетовое, гладкое, застывшее, словно зеркало, ночное море. Роми пришла сюда, чтобы заставить Ллэра вернуться в замок и наконец-то сделать то, что он пообещал Мире, но разговор никак не доходил до этого.

— Обо всем. Не просто, кто мы, откуда. Он создал Тмиор, построил это место, сделал

еще массу вещей, притворяясь садоводом... Мне кажется, он никогда не лишал себя памяти и понимал, что нам, наоборот, ни в коем случае нельзя обрести ее обратно. Потому что тогда детище пошлет создателя к черту. Доа ведь не искали вечность, не хотели ее, а как только обрели- сразу полезли менять обратно, попутно разрушая все на своем пути, растянули это на тысячелетия... — она покачала головой. — Плевать, какие у Самара в итоге были мотивы. Кажется, я благодарна ему за то, что не дал вспомнить нам. Нельзя жить вечно и помнить свои истоки. Это противоестественно, — Роми криво улыбнулась. — Бесконечность тянется в оба конца. Но когда есть исток... Когда мы не можем отречься от него, переступить, перерасти...

— Это не бессмертие, а бесконечная очередь, — засмеялся Ллэр. — Вечное ожидание чего-то. Видишь, а ты со мной всегда спорила. Мы не готовы.

— Мы не готовы, — эхом повторила она. — Я не помнила. А теперь знаю. Ты и Алэй-единственные, кто пожалел.

— Ну, ты не со всеми псевдо-родственниками эти беседы вела, — усмехнулся он. — Но я- со многими. Искал единомышленников. Вы ж с отцом не хотели... — Ллэр помолчал. — Мы похожи. Доа и нэш. Всегда были.

— Кто его знает, может в далеком прошлом миллионы лет назад- вышли из одного мирового океана... — сказала Роми. Она почему-то испугалась, что Ллэр сейчас заговорит о Нэште, о том, что произошло там сотни лет назад. Что именно поэтому он и тянет с сывороткой. Ей всегда казалось, что Ллэр для себя все давно решил, достиг согласия и мира с самим собой. Нашел тот самый баланс, о котором говорил Алэй. Знает, чего хочет, и это- уж точно не преждевременная смерть. Но сейчас он рисковал, они оба, и Роми хотелось хорошенько обоим же за это врезать. — Такое ощущение, что все именно так и должно было закончиться. Закольцеваться. Вся эта долгая, безумная, бесконечная жизнь должна была вернуться к тому, с чего начинали. Вернуться домой. Если бы Надстаршие вспомнили, они бы ни минуты не сомневались в том, какой выбор сделать теперь. Я не знаю, почему, но уверена в этом.

— У них еще будет возможность передумать. По крайней мере, какое-то время.

— Почему ты сам до сих пор не принял лекарство? — наконец, решила она.

— Моя помощь все еще нужна.

— Перестань. Всех, кого могли, мы притянули, всем все рассказали. Объяснили. Показали дом. Вопросы у них, конечно, не закончились, да и как они могут закончиться, когда ничего подобного никто не мог даже вообразить?.. Но здесь человек пятьдесят Надстарших, которые маются от безделья. Без тебя есть, кому помогать Таль.

— Есть, — неожиданно легко согласился он. — И без него- тоже. Ты спросила его?

Роми стиснула зубы.

— Вы играете в игру- кто первый?

— Ни в какую игру мы не играем.

— Но у вас не хватает рассудительности поговорить. Ты же знаешь, он будет ждать.

— Любви к тебе ему не достаточно? — Ллэр хмыкнул. Роми дернулась, как от пощечины. Обернулась, готовая сорваться, но Ллэр успел опередить. — Прости. Я... злой. И не прав. С ним тоже. Но это он сказал, чтобы я держался подальше, если не остановлюсь.

— Ты уничтожил свой мир.

— И я живу с этим. Но на все можно посмотреть по-разному... Учитывая то, что происходит сейчас с нами, верно?

Роми не хотела об этом говорить. Они втроем должны остановиться.

— Ты в порядке?

— Если ты имеешь в виду, не устрою ли я очередной Армагеддон, если она не вернется, то ответ- нет.

— Я имею в виду- ты в порядке?

Ллэр покусал губу.

— Нет, — покачал головой. — Нет. Но это сейчас не имеет значения, — он встал. Отряхнул от песка руки, джинсы. — Сегодня ведь только второй день...

Роми ничего не ответила. Откинулась на спину, закрыла глаза. Слушала, как удаляются его шаги.

— Если у Миры получится вернуться, ей понадобится он. Живой, вменяемый, любящий, — послышался уставший голос Таль. Роми приподнялась на локтях. Та стояла босиком у самой кромки воды, спиной к ней. В тех же голубых джинсах, белой футболке, что и вчера. Растрёпанные волосы небрежно собраны в пучок на макушке. То ли не нашлось времени привести себя в порядок, переодеться, то ли- желания. Таль медленно присела на корточки, опустила обе руки в воду, тихо спросила, не оборачиваясь. — Ты не против, что я тут? — еще тише добавила:- Одиночество сейчас- не лучший советчик, но не хочу, чтобы они видели меня такой.

— У нее должно получиться... — как ни странно сегодня Роми тоже не хотелось оставаться одной. — Как долго их будет... — махнула рукой, не зная, как назвать то состояние, в котором пребывали некоторые из тех, кто уже согласился на сыворотку. Сейчас они все были без сознания, или даже глубже- будто в коме, но время от времени тела сводила судорога, и вот такого Ллэра Мире, действительно, лучше не видеть.

— Не знаю. Ни когда, ни что выйдет в итоге... Надеюсь, что успешные лабораторные пробы- не случайность. В противном случае... Боюсь даже думать, что будет с ней, если Ллэр не выдержит. Или с ним, если очнется, а Мира так и не вернулась, — Таль прерывисто вздохнула. — И что будет со мной...

Роми видела, что Таль растеряна. Будто сама не знает, что чувствует, к кому, как. Они все вдруг стали совершенно другими за предыдущий день. Будто раскрылись, сбросили шелуху... Не стали ближе друг другу, но словно научились больше понимать. Если не в других, то в самих себе. И это понимание только еще больше все запутало.

Она знала, что может быть с Ллэром, видела уже, как он меняется. Он не будет искать виновных, сначала он просто уйдет в себя, никто ничего даже и не заметит, тем более, что кроме нее и Алэя, никто его хорошо не знает. Он сам не заметит. А потом... Нет. Роми не хотела думать о том, что может случиться. Все-таки Ллэр теперь старше. На почти триста лет и два, если считать гибель Тмиора, конца света. Но как отреагирует Мира, если что-то пойдет не так, с ее-то силой, кого станет винить?..

— Как было бы проще, если бы изначально все не носились с собственным планом, а просто... поговорили, — невесело усмехнулась она.

— Говорить сложно... Всегда. Особенно, таким, как ты и я, даже если мы знаем с кем и как, — Таль развернулась, неспеша приблизилась, опустилась на песок в том месте, где недавно сидел Ллэр. Пристально посмотрела на Роми. Теперь, на осунувшемся, усталом лице, блестящие синие глаза выглядели пугающе огромными. — Вот и сейчас... Ты боишься спросить Алэя, я избегаю Адана.

— Я не спросить боюсь, а ответ услышать... Хотя, наверное, это одно и то же. Алэй

нужен мне в будущей смертной жизни. Но он столько лет искал способ все закончить, пытался... Я боюсь, что пойму его решение, — она качнула головой. — А ты и Адан?..

— Он молчит, но я вижу, что ему нелегко принять все таким. Ади старается, помогает, подбадривает, но в глубине души уже винит меня... Из-за Миры. Он... — она осеклась. Отвела глаза, почти шепотом продолжила:- Ади ее чувствует. Единственный из нас, у кого еще получается. И, кажется, у Миры проблемы... Она застряла, не может выбраться. Только... — Таль встретила с Роми взглядом, тихо попросила:- Не говори пока ничего Ллэру. Еще ведь есть время...

— Я не враг нам всем, — хмыкнула Роми. — Хотя в какой-то степени это и хорошие новости. Проблемы или нет, но Мира жива. А сейчас одного этого могло бы хватить, чтобы Ллэр, наконец, перестал валять дурака...

Она вдруг подумала, что за все это время так ни разу и не разговаривала с Аданом наедине. Не отдавала себе отчет, но, кажется, тоже избегала. Или он ее. Или оба.

— Я уже не знаю, какие новости хорошие, а какие- наоборот, — вздохнула Таль. — Никогда не думала, что все обернется вот так...

— Как ты там сказала, я вмешалась и все испортила? — Роми усмехнулась. — Чем сложнее план, тем неожиданнее может оказаться результат. Мне иногда кажется, что ни один из моих планов не завершился ощущением, что все так, как я думала... Может, мы постоянно не то планируем?..

— Может быть, но я не об этом, — Таль едва заметно улыбнулась. Пожала плечами. — Мой план не был сложным, и я в определенной степени предполагала, что что-то пойдет не так, как задумано, но такого... — она обвела глазами темное, усыпанное сверкающими точками-звездами небо. — Я уже говорила, что не собиралась ничего глобально менять. Тем более, признаваться вам. Мире- особенно. Но она поразила меня... Ее реакция на происходящее, связь с Ади, готовность жертвовать собой ради Ллэра и вас... Все это что-то сделало со мной, заставило переосмыслить, передумать, решиться. И вот теперь я по уши во всем этом. Помогаю атради, спасаю тех, кого еще можно спасти. Даже собственную дочь, из-за которой все затеяла, зачем-то отправила на верную смерть, подсказала, как... Ведь могла промолчать. Могла же? Могла. И должна была. Ведь никто из ва... них этого не оценит. Ты сама видела их реакцию. И это они еще всей правды не знают. А представь, что будет, если узнают? Еще неизвестно, как тогда отреагируют. Захотят оторвать мне голову и будут правы. Или Миру четвертуют. Но почему-то осознавая все это, я все равно не смогла промолчать. Или хотя бы соврать ей, что способа помочь тем, кто на Тмиоре, нет, — Таль со вздохом опустила подбородок на согнутые колени, обхватила ноги руками, скрестив пальцы в замок. — Как раз это Ади и не понимает. Да я и сама не понимаю.

Роми хотела сказать, что Таль не могла бы поступить иначе. При любом раскладе. Изменила ее Мира, или она всегда была такой где-то глубоко в душе- неважно. Оценят или нет- тоже неважно! Не ради награды и признания все это делается. Человек, который бы мог наплевать, забыть, соврать, промолчать, в последний момент или сразу, скорее всего, не стал бы изначально всего этого затевать. Пытаться спасти... И дело не только в том, что Мира винила себя во всем, что происходило сейчас на Тмиоре. Они все о себе частенько последнее время думали хуже, чем оно было на самом деле.

— Ты не смолчала не потому, что мои сородичи заслуживают спасения настолько, что мы должны положить свои жизни в борьбе за это. Ей слишком важно помочь им. Тебе слишком сложно обмануть ее. Независимо от того, что ты думала раньше... Верно?

— Наверное, — не очень уверенно согласилась Таль. — Я вообще-то не склонна винить прошлое. Что было, как, почему... На все свои причины. И это только кажется, что будь у нас возможность вернуться, мы поступили бы по-другому. На самом деле сделали бы все точно так же, повторили бы все ошибки. Так же бы заблуждались. Исправлять что-то если и возможно, то в настоящем, чтобы будущее стало другим. Я всегда в это верила, всегда так жила, а теперь... Я боюсь будущего. Меня пугает, что ожидает нас всех. Все слишком непредсказуемо... И это, — она растерянно покачала головой, — совсем не так, как все мои даже самые смелые исследования и опыты. Не только потому, что не могу гарантировать успешный исход, а потому что понятия не имею, как это отразится на нас, на Эннере, на остальных Вселенных. Ведь последствия будут, обязательно...

— Тысячелетия назад мой народ перевернул с ног на голову всю энергетику миров. Теперь мы пытаемся вернуться к тому, как оно было до этого. Может, если заставить всех до единого атради обратиться в доа... Не дать возникнуть доани, чья энергия в свое время и нарушила баланс. Но мы ведь не станем и не сможем этого сделать... — Роми помолчала. Потом улыбнулась. — Мы бы совершенно точно поступили бы так же! Я имею в виду, если бы нам дали возможность изменить уже свершившееся. Знаешь, нашу вечную жизнь можно сравнить с путешествием во времени- бесконечные возможности переиграть свою судьбу, стать кем угодно, где угодно, достичь чего угодно. Не выйдет там, найти другой мир, даже-точно такой же. Ты бы знала, сколько во Вселенных похожих миров! Практически идентичных! Попробовать все сначала. Чтобы через лет десять понять, что совершаешь те же ошибки. Снова, и снова, и снова. Исправляешь одно, вылезает другое. Как будто поступить правильно, учесть все, сделать все по-настоящему идеально- невозможно в принципе. И выхода из этого нет. Я, наверное, будь у меня разум хотя бы на половину такой же, как у Ллэра, смогла бы только из чистой статистики тысяч своих жизней просчитать, как все будет дальше, как отразится, что произойдет с нами... Но и точное знание подводных камней не поможет. Ллэр уже однажды просчитывал похожие варианты, — она покачала головой. Все время возвращается мысленно к одному и тому же! Будто наказание, навязчивая идея, страх, что все может повториться. Но эта партия- последняя. — Мы не можем проиграть и в этот раз.

Таль ответила не сразу. Молчала несколько секунд, словно обдумывала то, что услышала. Потом открыла рот, явно собираясь что-то спросить, но в последний момент передумала. Нахмурилась.

— Не знаю, в чем для тебя заключается победа, но в этот раз вы умрете и гораздо быстрее, чем может показаться. Смертная жизнь мимолетна и быстротечна. И в ней полно сюрпризов, далеко не всегда приятных.

— Значит, так и будет, правда? За последние месяцы я столько раз почти умерла... А так до конца и не верю в собственную смертность.

— Такого почти больше не случится. В этом можешь не сомневаться. Вопрос, сколько каждый из вас сможет прожить... И он пока- открытый.

— И останется открытым?.. — кивнула Роми. — Совсем как люди.

— Не настолько безнадежно, — Таль поднялась с песка. — Пойду... Попробую все-таки уговорить Ллэра не тянуть.

Роми смотрела ей вслед, даже когда женщина скрылась из виду.

Она плохо выразилась. Не о той победе думала, не о том проигрыше говорила. Сколько лет впереди у них- неважно, по сравнению с тем, что может, действительно, случиться с

Эннерой. Они не могут проиграть, не могут допустить смерти еще одного мира. Хотя, возможно, единственный способ победить- если все до одного атради, доа и доани-исчезнут. И только тогда остальные, менее энергетические миры вздохнут свободно. Смогут выбраться из своей Песочницы и совершать свои собственные ошибки, а не переживать последствия игрищ Надстарших.

Впрочем, исчезать прямо завтра не хотелось. Жизнь, какой бы короткой и непредсказуемой в дальнейшем она ни была, все равно оставалась предпочтительнее смерти. Только бы не идти по ней в одиночку.

Роми отвернулась.

В тот день она больше ни с кем не разговаривала. До самой ночи просидела на пляже, иногда слышала чьи-то шаги за спиной, но никто так и не подошел, не заговорил. Был ли среди них Алэй- не знала, она больше не оборачивалась. Что-то вспоминала, что-то обещала себе забыть, мечтала, представляла, ругала себя за все это, и если бы кто спросил- о чем думала, не смогла бы внятно ответить. Обо всем и ни о чем.

День расцвел, достиг пика, пошел на убыль, небо снова постепенно темнело, потом солнце скрылось, уступило место луне. Огромной, фиолетовой... Знакомой. За тридцать тысяч лет Эннера изменилась. От яркого красочного мира остался один гигантский город и этот Замок. Но Луна- луна оставалась прежней, и тем самым словно обещала своим заблудшим детям: только вернитесь и вы увидите, все станет хорошо. Правильно. Вы никогда не должны были отсюда уходить.

Здесь, на песке, почему-то не болела голова, не тошнило, не ломали кости, как это было утром, в Замке. При этом ей казалось, что она физически чувствует: так же медленно, как ночь сменяет день, вытекает из нее энергия солнца Тмиора. Капля за каплей уходит в песок. Навсегда.

Потом, когда темно-фиолетовое небо вновь начало светлеть, неожиданно громко сказала:

— Это мой дом. Я- дома. Впервые за столько лет... Ты разве не хочешь остаться здесь со мной?

— Хочу, — ответил Алэй. — Всегда.

Роми не вздрогнула, хотя и не слышала, как он подошел. Он умел ступать почти бесшумно, особенно, если босиком. А может, просто перенесся, используя тающие силы.

Роми не улыбнулась. Не оглянулась.

— Тогда почему ты здесь?

— Тебя не видно с самого утра, — он сел позади, близко.

Она видела его ноги в голубых джинсах, видела, что он, и правда, босиком. Он с самого начала все время ходил босиком, хотя подходящая обувь была, да и своя- тоже никуда не делась. Она могла бы отклониться сантиметров на пятнадцать, не больше, и уже прижаться к нему, почувствовать его. Не стала, хотя хотелось.

Не меньше, чем накинуться на него с кулаками.

— Раньше нам случалось не видеться годами, — едко буркнула она.

— А еще раньше- не расставаться и на день.

Она шумно выдохнула, потрянула головой.

— Ты прекрасно понял, что я не это имела в виду, — процедила с неожиданной для себя злостью. Она не видела, но знала, он сейчас улыбнулся, едва-едва, кивнул. Может, почувствовала это движение, легкое колебание ветра, может все еще проще- как же хорошо

его знала! Он мог ничего не говорить, не отвечать, не делать... Она все поняла бы и так. Но как же надоело понимать! Как же хотелось услышать. — Молчишь... Как там Ллэр?

— Ллэр... Таль убедила его. Уж не знаю, какими словами... Но убедила.

Надо было спросить- успели ли они поговорить до того. Заговорили ли они вообще друг с другом. Но она лишь бросила:

— А тебя- нет?

— Меня нет нужды убеждать.

— Не надо?.. Алэй, чего не надо- так это всего этого! — Роми все-таки сорвалась. Внезапно. Ярость, обида, боль, страх, отчаянье, все смешалось. Нахлынуло, захватило, подбросило с песка. Она вскочила, сжала пальцы в кулаки. — Перестань! Перестань! **Перестань!!!** — схватилась за голову. Будто это могло помочь выбить из себя эту ненужную, глупую истерику. — Или объясни, или уходи! Куда-нибудь... Я не могу больше... Я пойму, приму, любой ответ! Постараюсь. Я не буду...

— Рэм, — он тоже поднялся, протянул к ней руки, почти дотронулся, но Роми оттолкнула, отпрянула. — Рэм...

— Нет! Хватит. Скажешь, еще подождать? Скажешь, поверить? В тебя, в себя, в будущее, в мир, в баланс, в любовь... Ты умеешь говорить! И ты все время молчишь, последние дни. Постоянно. Ты прикасаешься ко мне, ночью, не так- как раньше, ты заставляешь чувствовать будто... — осеклась. — Не могу. Думала, выдержу- сколько тебе потребуется, столько и выдержу! Но не могу! Сдаюсь. Правда, сдаюсь...

— Мне страшно, — тихо сказал Алэй, и Роми замолчала. — Просто страшно. Я тяну не потому, что не знаю, соглашаться или нет. Не потому что пытался переупрямить Ллэра, заставить его первым принять вкусную «таблетку», — он сделал шаг ей навстречу, Роми не шелохнулась. — Не потому, что не верю Таль, я поверил ей еще в первый вечер. Как и ты. Ты же помнишь, как я сам чудил первое время, когда только узнал о Ллэре... — Алэй улыбнулся. — Мне не надо обдумывать что-то, искать свое место в будущей, третьей жизни, в следующем мире... Новом, непонятном, не бесконечном. Наоборот. Я все давно нашел и понял. Знаю, почему выжил дважды. Почему хотел умереть. И почему теперь- не хочу. Именно поэтому страшно. Я ведь могу ошибаться. Таль может. Исследования, лабораторные опыты- еще не все. Всегда есть место случаю. Это ведь даже не смерть. С ней все просто. Это рождение, с которым всегда полно неопределенностей. И... по крайней мере, у нас были эти два дня, пусть даже весь сегодняшний ты просидела тут одна, — она хотела ответить, что Таль не ошибется, что можно не бояться, что... Алэй не дал: как когда-то давно она сама, приложил ей палец к губам, заставляя молчать. — Можно, мне еще побудет страшно до завтра? А утром, обещаю, на завтрак же- супер-лекарство Таль...

Он сдержал свое слово. Хотя очень хотелось оттянуть еще, спрятаться ото всех, убежать, забыть. Но время не потерпело бы такого легкомыслия, и Роми, проводив его до кабинета Таль, пообещала не приходить, пока все не закончится. Чтобы не думать о плохом, не накручивать себя, не погружаться все глубже и глубже в страх, что на той стороне бесконечности любой из них может не вынырнуть.

Это было позавчера.

Сегодня Роми проснулась далеко за полдень, хотя накануне легла очень рано, луна даже не успела взойти на небо. Силы заканчивались, сон восстанавливал их, сохраняя ясность ума, но с каждым днем требовалось на это все больше времени. Многие из тех, кто ушел-вернулись, то ли поверили и страх пригнал, то ли желание на всякий случай

перестраховаться. Если где и доходить до грани жизни и смерти, то там, где могут помочь.

Роми уже было наплевать. Последнее, что беспокоило- отсутствие вестей от Миры. Заканчивался пятый день, а она так и не дала о себе знать. Адан по-прежнему избегал и Роми, и теперь уже Таль. И Роми, в конце концов, решила наступить себе на горло и отправиться к нему сама.

В прошлый раз, ночью, в темноте она ничего не смогла, не успела и не спешила рассматривать. Тогда хотелось выпить и поговорить. Сейчас же только вечерело, а иллюзию в окне заменила настоящая панорама многоярусного города: вероятно, многое, в том числе и окно-экран, пришлось отключить. Барахлило, конфликтуя с биополями раскрытого доа.

Почему-то в его квартире она ожидала найти металл, стекло и пластик во всем и причудливой (как правило, совершенно непрактичной) формы мебель. Услужливых роботов, умный дом- полную автоматизацию во всем, от температуры воздуха и воды, до покупок продуктов. Но под ногами оказался деревянный паркет. Настоящий, а не удачная подделка. И никаких ковровых покрытий, затягивающих все пространство от и до, только коврики непосредственно около кресел и диванов. Или у кровати. Небольшие, пушистые. Приятные босым пяткам.

Стены, шершавые и прохладные, каменные, Роми их даже, сама не понимая зачем, поковыряла ногтем. Проверила, насколько камень- подлинный.

Картины с пейзажами. Массивная, глубокая мебель. Мягкая, удобная и без лишней вычурности. Тяжелые, плотные шторы на больших окнах создавали уютный полумрак. Камин, свечи...

— Адан?.. — она прошла по дому, заглянула в некоторые комнаты, вернулась в гостиную. — Адан, я знаю, что ты дома, чувствую... Прости, что без приглашения.

Откуда-то из глубины квартиры послышался шорох. Следом- в гостиной появился Адан. С мокрыми взъерошенными волосами, по гладкой, загорелой коже капельками стекала вода, на бедрах- замотанное наспех зеленое полотенце. Явно только что из душа.

Она вскинула брови, потом непроизвольно сглотнула, понимая, что весьма откровенно разглядывает его и не чувствует от этого ни грамма смущения. Вероятно, стоило извиниться, отвернуться, но стесняться Роми не умела.

— Привет...

Он ничего не ответил. Пару секунд молча смотрел на нее, в зеленых глазах- ни удивления, ни недовольства, только равнодушие. Потом также молча исчез.

Роми потопталась, машинально осмотрелась еще раз. Осталась стоять на месте.

Минуты через две, а может, гораздо раньше Адан вернулся. Теперь уже в светлых широких брюках, обтягивающей голубой футболке, босиком. Прошел в метре от Роми, уселся в кресло. Ловко подхватив со столика раскрытый ноутбук, опустил на колени, уставился в экран, словно ее и вовсе не было в комнате.

Роми несколько секунд смотрела на его затылок, на капельки воды в волосах, хмурилась. Во время последней встречи, тогда- на пляже, они сказали друг другу не больше нескольких слов, но ей казалось- в них уместилось все. Что хватило лишь того «прости» на берегу, рядом со Сферой. Прости за все, что причиняет боль. Теперь же вдруг поняла, ничего не уместилось в тех словах. Будто и того не было сказано.

Она оперлась о спинку кресла напротив него.

— Ты, правда, считаешь, что я заслуживаю именно такого отношения? — все-таки не сдержалась.

— Нет, — не сразу и по-прежнему не глядя на нее ответил Адан.

— Тогда, может быть, оторвешься?

— Зачем? — он все же посмотрел на нее, но таким взглядом, что уж лучше бы продолжал сидеть, уткнувшись в компьютер. — Чтобы наглядно и доступно показать, какое именно отношение, по-моему, ты заслуживаешь?

— Адан... я... — она не знала, что сказать. Холод и равнодушие в его голосе причиняли неожиданную боль. — Можешь показать.

— Я не настолько сволочь.

— Я смогу выдержать, — заверила она, прищурившись.

— Я все равно не стану, — он не отвел глаз. Смотрел в упор, пристально, не моргая.

Она- тоже.

— Но что-то же с этим надо делать...

— Уходи.

Роми снова сглотнула. Теперь иначе, потому что в горле встал комок. А собственно, чего она ожидала? Теплого приема, распростертых объятий? Понимания? Объяснений? Задушевного разговора, как тогда, совсем недавно и невероятно давно, когда могло случиться большее, чем случилось? Кто она ему, кто он ей? Даже не друг, не стал другом. Или стал?..

Резко сменила тему:

— Как там Мира?

— Просто уйди.

— Я серьезно спрашиваю, как там Мира?..

— Хорошо, не уходи, — Адан вернулся к прежнему занятию- изучению монитора.

Черта с два, яростно подумала Роми. Сконцентрировалась, глядя на ноутбук. Может быть, она и теряла постепенно силы, но пока их имелось в ее распоряжении достаточно. Что-то противно запищало, скрипнуло, тут же из ноутбука брызнули немногочисленные искры.

Адан, ухмыльнувшись, отбросил безжизненный кусок пластика на стол. Спокойно откинулся назад в кресле, встретился с Роми взглядом. Она чуть повела бровью, ухмыльнулась в ответ. Обошла кресло, точно так же спокойно, неторопливо села.

— Мира мертва. Погибла.

Холодно стало лишь на миг. Роми оставалось надеяться, что это никак не отразилось на лице, потому что в следующую секунду она твердо проговорила:

— Я тебе не верю.

— Не имеет значения. Я тебя слишком ненавижу, чтобы врать.

— Не больше, чем я тебя, — она покачала головой.

— Пришла рассказать мне об этом? — хмыкнул Адан. — Я польщен. Теперь убирайся.

— Ты знаешь, зачем я пришла.

— Не знаю, — неожиданно тихо ответил он. И гораздо мягче. Из глаз исчезло колючее, холодное равнодушие, сменилось плохо скрываемой болью, как будто у Адана внезапно закончились силы притворяться. — Ты должна быть сейчас с ним. Или с ними. Но никак не здесь, не со мной.

Чуть не ляпнула, что Алэй просил не быть рядом, пока все не закончится. Прозвучало бы странно, неправильно. Тем более, не потому она здесь. Роми вдруг поняла, что и причина прихода- не больше, чем повод. Нет, она верила, что идет разузнать о Мире, действительно

(к собственному удивлению) переживала, ещё больше- за Ллэра без неё, но пришла не потому. И до последнего момента не отдавала себе отчет, что больше всего хотелось просто поговорить с Аданом. Оказывается, они вообще не оставались наедине с тех самых пор.

— Я хотела прийти, — так же тихо проговорила она.

— Зачем?

— Поговорить, попытаться... объяснить, не знаю! Всё... не должно быть вот так. Не может.

— Не знаю, как должно, но может точно, — хмыкнул Адан. — Не думаю, что стоит что-то объяснять, — улыбнулся чуть насмешливо, с капелькой едва заметного презрения, как будто он уже все для себя давно решил, и вряд ли ее слова или поступки смогут изменить сложившееся мнение. И вопреки этому впечатлению все же добавил:- Но ты можешь попытаться... Объяснить.

— Я... — замолчала, закусив губу. — Я... идиотка. Действительно, — она потерла лоб ладонями, подтянула к груди ноги, обхватила колени руками. — Знаешь, я правда шла спросить о Мире. Думала, что за этим, потому что дни идут, а... вестей никаких. Таль сказала, ты ее чувствуешь. А теперь вот... — качнула головой, выпрямилась.

— Теперь вот я больше ее не чувствую, — он перестал улыбаться. — Уже несколько дней.

— Но ведь... это еще ничего не значит? Мы не знаем, как там на Тмиоре, что...

— Не ври мне. И себя не обманывай. Мы все знаем, что это значит, — Адан тряхнул головой. Ухмыльнулся. Теперь уже он без стеснения разглядывал ее. Роми видела, как его взгляд бродит по обнаженным ногам, которые едва скрывают короткие шорты, поднимается к животу, к груди, будто и нет на ней просторной цветастой блузки, скользит по оголенным плечам, по лицу, волосам... Она молчала, все так же закусив губу. Чего-то ждала. Или просто позволяла себе плавать в ощущениях, которые следовали за его глазами. Наконец, Адан встретился с ней взглядом. — Сколько тебе осталось?

Роми вздрогнула.

— День, может два. А потом... Как получится.

— Боишься?

— Нет, — твердо ответила она, и поняла- что правда. Страх ушел. Полностью.

— Это хорошо, но знаешь, — он покачал головой. Задумчиво уставился в окно. Почесал переносицу, снова встретился глазами с Роми. — В одном ты ошиблась. Я оказался совсем не готов к переменам. И сейчас не готов. И вряд ли буду. Лучше бы ты тогда стерла мою память, а не Миры, — вздохнул. — Еще лучше- сейчас. А еще лучше, если бы я никогда с тобой не встречался вообще.

— Ты- доа, вряд ли тебе можно стереть память, — отозвалась она. — Было тогда, или сейчас... Ты бы вернулся, вспомнил, или еще что. Ты- доа. Ты генетически готов... И...все это уже миллион раз говорилось, — Роми сглотнула. Посмотрела на свои руки, будто они могли дать ответ на другой вопрос, на то, что он сказал последним. — Ты, правда, так думаешь?

— Нам с тобой всегда будет слишком тесно. Особенно, когда доа станешь ты. И он.

Теперь уже Роми смотрела в окно.

— Я никогда не думала, что все может вернуться... И так...

— Дело не только в этом. Не в том что и почему вернулось. И не в том, что я не поверил в твое беспокойство о Мире. Не в том, что мне нравился мой мир таким, каким он был до

вас. И даже не в том, что Мира принесла себя в жертву, спасая аграрии. И уж точно не в том, что неутомимая Таль никогда не успокоится. Найдёт способ изменить Бэар ещё больше, разрушит Сферу, создаст новую расу или ещё что-нибудь. Проблема в тебе. В нас... В том, что я посмел захотеть тебя. И сейчас хочу. И всегда буду. Всегда желать, чтобы ты стала моей. Всегда знать, что не станешь. Не станешь, даже если сейчас я позволю себе прикоснуться, зайти дальше. Даже после близости- моей ты не будешь. Всегда его.

Всегда. Даже тогда, когда и не знала ещё Алэя. Не подозревала, что Плешь приведет к ней человека, чувство к которому не исчезнет с веками. Даже когда они не были вместе, когда избегали друг друга, не виделись годами, когда их жизни переплетались с чьими-то другими. Когда уходила страсть, и оставалось лишь ни с чем несравнимое тепло. Когда захватывала злость, граничащая с ненавистью. С желанием вычеркнуть, вырезать. Забыть. Всегда. Это было больше, чем принадлежность кому-то, больше, чем единение, чем родство. Сразу все и что-то совсем другое. Ее маленькая, личная вечность, которая не имеет никакого отношения к времени.

И все-таки, несмотря на все это, она могла бы сейчас сказать Адану, что не знает, как бы оно могло быть уже с ним. Что желание, которое вспыхнуло здесь, в этой самой комнате, когда она вдруг поцеловала его в ответ на предложение удивить- оно не исчезло, никуда не делось и вряд ли денется. И если он сейчас прикоснется- она ответит. И тогда они точно зайдут дальше. Теперь уже никакие Гончие не помешают.

А потом- она не будет испытывать вины перед Алэем. Но перед ним, Аданом, — да.

— Думаешь, это наш последний разговор?.. — почти шепотом проговорила она.

— Надеюсь, последний. И не только разговор, но и встреча. Нас больше ничего не связывает. И не связывало никогда, — он поднялся с кресла. Прошелся к окну, остановился спиной к ней. — Уходи. И никогда больше не приходи.

Некоторое время Роми смотрела ему в спину, все так же сидя в кресле. Ей казалось, что в голове не осталось ни одной мысли или что их там целая тысяча, миллион. Что они толкуются, вытесняют друг друга, мечутся хаотично и этому не будет конца. Если только она не уйдет, не послушает Адана, облегчив тем самым им обоим жизнь. Или не сделает по-другому, усложнив все еще больше.

Она должна была бы уйти, но не получалось. Встала, подошла к нему. Протянула руку и почти прикоснулась. В последний момент отдернула, сделала еще шаг- теперь уже в сторону, замерла рядом с ним.

— Значит, ты уверен, что Миры- больше нет? — тихо заговорила, будто и не было ничего сказано до этого.

— Я уверен, что не чувствую ее, — не оборачиваясь, ответил Адан. — Учитывая, что там творится, вряд ли Мира решила просто уединиться.

— Может, что-то изменилось. В структуре мира, Тмиор окончательно стал Фахтэ, лава фонит, или наоборот, обратная трансформация превратила планету во что-то еще, новое, третье... Может, то, как ты ее чувствуешь- это те же наши метки и... они стираются. Достаточно мощного всплеска и все.

— И как? — он обернулся к ней. Саркастически изогнул бровь, ухмыльнулся:- Получается?

— У тебя, я вижу, обратное получилось легко! — в тон ему ответила Роми. Добавила:- Я должна верить. И я верю. Это же Мира. Она- особенная.

— Я не о Мире.

— А я о ней.

— Хорошо, давай о ней, — Адан рассмеялся. Неожиданно легко, естественно. — Я верю, что Мира- особенная. Но я знаю, где и с кем ей пришлось иметь дело. Я вот с одной упрямой стервой никак не могу справиться, а там- сотни, если не тысячи таких, как ты.

Роми непроизвольно улыбнулась.

— Тысячи, скорее всего. Мы не вытащили и пятисот. Но они ее не тронут. Максимум- не послушают... Она справится. Вот увидишь.

— Угу. Расскажешь все это Ллэру, когда он очнется, — Адан отвернулся. Снова уставился в окно, за которым почти стемнело.

— Она сама ему все расскажет. Вот увидишь. Можем заключить пари.

— Еще одно «вот увидишь», и я окончательно поверю.

Роми хмыкнула, помолчала. Как бы там ни было, во что бы он ни верил...

— Адан, посмотри на меня, — он медлил, потом все-таки повернулся. Замер, пристально глядя в глаза. Роми заговорила, тихо, торопливо:- Я знаю, что не смогу убедить тебя. Я никогда этого не умела, но... Это не твоя вина, не вина Таль, что Мира там. Не моя и не Ллэра. Мы, может быть, все виноваты в том, что вся ситуация сложилась именно так. Даже без «может быть». Но в том, что она пошла- никто. Она должна была, только так. И если бы Таль ей соврала... Если бы Ллэр попытался не пустить... Если бы ты связал ее и не знаю, что еще... — покачала головой. — Я не смогла наладить с ней контакт, и ты, да и остальные, не верите, что мне не все равно. Но я знаю одно точно- она не глупа. Может быть, самоуверенная, нахальная и упрямая, может быть, безрассудная, но... никак не глупа. Мира жива. А я... — Роми перевела дух. — Я, кажется, сейчас сделаю то, что...

Ей надоело бороться. Роми подалась вперед, потянулась. Поцеловала.

Он, конечно же, ответил. Обнял, прижал к себе. На миг отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. Улыбнулся так, словно не просто ожидал этого поцелуя, а был уверен- это обязательно случится. Это и не только. Рано или поздно.

Снова поцеловал, прижимая к стене. Его ладони скользнули вниз, стянули с ее плеч блузку, с силой сжали запястья, поднимая вверх, над ее головой. Адан наклонился вперед, едва касаясь губами щеки, нагнулся, нежно целуя шею. Одной рукой продолжал удерживать ее ладони, другой ласкал обнаженную грудь. Какие-то считанные секунды, мгновение, и осторожные поцелуи стали настойчивей, движения- смелее. Горячие пальцы Адана жадно касались ее тела, подчиняли, словно боялись не успеть. Не удержать, не почувствовать, потерять, и теперь уж точно навсегда. Срываемая одежда посыпалась к их ногам, они сами- рухнули следом, прямо на прохладный паркет.

А потом...

Потом Роми почти не соображала, что происходит. Как происходит. Позволила ощущениям захватить власть, позволила Адану захватить власть во всем- заставить забыть, где она, и что ее окружает. Зачем пришла, о чем думала.

Ощущения почти превратились во вспышки света перед глазами, яркие, как звезды. Ей казалось, что светилось само ее тело, и Адан тоже должен был видеть это, но сил хватало только на то, чтобы оставаться в сознании...

— Не забудь, — шепнул Адан, когда все закончилось. Нежно поцеловал в висок. — Ты обещала меня помнить, — улыбнулся, — пусть теперь тебе не придется жить еще одну вечность.

Роми мягко коснулась пальцами его щеки.

— Не забуду, — покачала головой. — Ты... никогда не забуду...

Она ушла через час, может, меньше. Ушла, не прощаясь, но понимая, что навсегда. Зная, что будет помнить, скучать, запретит себе думать об этом, представлять, задаваться вопросами, но так- лучше для них обоих.

Только в Замке почувствовала, насколько мало осталось сил. Будто там, в Бэаре, она держалась за счет энергии Адана, или всех тех ненавистных ранее электроприборов. Или просто так неосознанно нервничала, что не замечала своего состояния.

Почти сразу упала в постель, вырубилась, проспала без сновидений, впрочем, как и почти все последнее время. Если кому-то и повезло ловить сказочно красочные глюки, то не ей. Ее сон скорее походил на черное, непроглядное, ватное беспамятство. И Роми откуда-то знала, так будет и позже, всю трансформацию.

На следующий день поняла, что ошиблась с прогнозами. Утром едва хватило сил, чтобы позвать Таль, и женщина подтвердила, что процесс вышел на финальную стадию.

Роми смутно помнила, как все происходило в первый раз, когда в яркой, сверкающей лаборатории, в которой работала ее мать, будущие доани готовились подняться на следующую ступень в своей эволюции. Торжественно и в то же время- спокойно. Тогда не было давящего ощущения пустоты впереди и вокруг. Они знали, на что идут, были настолько уверены, что когда поняли, что ошиблись, не сразу смогли в это поверить. Теперь они возвращались, и в пути назад каждый шаг сопровождался вспышками боли, яркими кругами перед глазами, чередующимися с вязкой темнотой. Будто ты ныряешь в прорубь, в первый миг ледяная вода кажется ожигающим кипятком, выталкивает, выбрасывает тебя наверх, прочь, ты выскакиваешь, только затем, чтобы обжечься уже воздухом и снова упасть в холод.

К вечеру Роми потеряла сознание.

Луна не успокаивала. Её призрачный, голубоватый свет ненавязчиво ласкал обнаженные плечи и руки, проникал под кожу, растворялся в крови, торопливо бежал по венам, питая изголодавшееся тело. Вернее, ту его часть, что принадлежала доа. Энергия тлай в подпитке не нуждалась. Наоборот, била через край, будоражила, требовала действий, лукаво нашептывала, что нет ничего невозможного, что стоит только захотеть...

Мира хотела. Хотела и понимала, какие безрассудные идеи возникают в ее голове. Поэтому мысленно отмахивалась, приказывая внутреннему голосу заткнуться. Хватит, набегалась. Теперь если и бросаться куда-то, то сразу с террасы в море на камни головой вниз. А еще лучше- вернуться в пекло на Фахтэ и сигануть с разбега в лаву. Так уж точно вернее.

Она давно не чувствовала себя настолько беспомощной. Давно, чтобы не сказать никогда. И в те времена, когда, не обладая и малой толикой нынешних способностей, умудрялась попадать в переделки, в любых, казалось бы, безнадежных ситуациях, которых выпало пережить ни мало. Уж что-что, а неприятности на свою задницу находить умела всегда. И даже запертая на мертвой планете с терявшими силы атради не ощущала такого отчаяния, как сейчас.

Терпеливо ждать- не самая удачная мысль, совершенно бесполезный совет и уж точно не тот ответ, что хотела услышать от матери. Но единственный, что получила. Таль ничего не рассказала, не объяснила. С помощью Адана практически силой выдворила её из лаборатории, отправив вместе с ним в Бэар. В душ и спать.

С первым проблем не возникло. Мира заставила себя ни о чем не думать, ничего не спрашивать, не пытаться проникнуть в мысли к Адану. Молча отправилась в ванну. Как ни странно, стало чуть спокойней. Даже удалось сжать в жгучий комок тревогу, проглотить готовые сорваться с губ вопросы и почувствовать небольшое облегчение, смывая с себя кровь, грязь и гарь.

А вот спать- это даже не один из возможных вариантов. Не то, что заснуть, просто лечь в постель казалось невероятной глупостью. Зачем? Она не настолько устала, чтобы провести в беспамятстве несколько часов. От энергетического голода сон тоже не поможет. Но спорить не стала. Послушно впихнула себя в предложенную тонкую голубую ночнушку с откровенным кружевным вырезом на груди, забытую в квартире одной из подружек Адана или специально купленную для них же, чмокнула заботливого «охранника» в щеку, пожелав и ему сладких снов. Ушла в комнату, решив не посвящать его в свои планы на ближайшую ночь. Собиралась подышать свежим воздухом за Сферой- где-нибудь на скалах Моря Вечности. В итоге пришла в Сейфан. Надеялась, что как и пару месяцев назад сумеет обрести здесь покой. Ошиблась. Не получилось- от себя ведь не убежишь, хотя попытаться стоило. Просто, чтобы еще раз убедиться в очевидном и сломить собственное упрямство.

Именно из-за него ее понесло в Тмиор. Чувство вины, так правильно, долг- черта с два... Не стала слушать, потому что хотела доказать всем, себе особенно- она сможет все исправить. Сможет спасти если не гибнущий мир, то хотя бы тех, кто в нем застрял. А что в итоге? Многие погибли гораздо раньше, чем ее нога ступила на раскаленную планету. Кто-то- чуть позже. Остальные, из тех, кто никогда не был доани, вряд ли в состоянии перенести все этапы преобразований, потому что за долгую неделю, что пришлось проторчать на

Фахтэ, жизненная энергия практически закончилась у всех. И сейчас, сидя на широкой каменной балюстраде в одной ночной рубашке, босиком, с распущенными волосами, продуваемая всеми ветрами, Мира с горечью признавала- ни сотня, ни тысяча, ни даже несколько тысяч спасенных атради не стоили того, чтобы нарушить обещание, бросить Ллэра одного, когда на кону стояла его жизнь. Бессмысленная жертва, потому что если у него не получится, больше ничего не будет иметь смысла.

— Идиотка! Не поперлась бы геройствовать, знала бы, как он сейчас и где! — Мира от всей души выругалась. Спрыгнула на пол, мысленно награждая себя еще парочкой нелестных эпитетов. Ведь не будь она такой дурой, не пришлось бы сейчас ждать, разрываясь на части от неизвестности и беспокойства. Не потребовалось бы разрешение Таль, было бы плевать на все запреты входить к Ллэру. — Упрямая бестоло... — не договорила, замирая.

В нескольких шагах от нее, облокотившись на колонну, стоял Эйтан. Высокая, статная фигура закутана в длинный темный плащ, подходящий к холодной погоде гораздо больше, чем ее прозрачный пенюар. Судя по выражению лица- стоял довольно давно. Достаточно, чтобы в деталях разглядеть весь ее странный вид, светящуюся кожу.

Почему не слышала его приближение? Неужели, так задумалась? Да вообще! О чем только думала, приходя сюда? Разве мало места в этом огромном мире, где могла бы уединиться со всеми своими сомнениями, тревогами и угрызениями совести?

Мира переступила с ноги на ногу, напряглась, понимая, что сейчас посыпятся вопросы, на большинство из которых отвечать совсем не хотелось. Но Эйтан ничего не спросил. Не спеша приблизился, сдержанно улыбнулся.

— Не беспокойся. Меня не надо искать. Вот он я. И я давно все знаю.

— Все?

— Ну... — усмехнулся. — Все, что мне нужно знать. Еще с того дня, когда увидел, что ты сделала с моей сестрой.

Мира удивленно моргнула. Страх и стыд сменились растерянностью.

— Но ты же... — слова давались с трудом, не желая складываться в предложения. Срывались с губ осторожным шепотом и растворялись в воздухе. — Почему ничего...

— Не сказал? — закончил за нее Эйтан. Улыбнулся шире. — Сначала испугался. А потом подумал, какая разница? Ты ведь спасла Эйлин жизнь. Это важно. Остальное- меня не касается.

— Но ты же... позволил... остаться...

— А почему нет? Посчитал за честь. Кем бы ты ни была, откуда бы ни пришла, что бы ни привело тебя в наш дом, я знал, что ты не причинишь вреда. Ты мне понравилась, — Эйтан нахмурился, отвел глаза. — Я надеялся, что когда-нибудь... Потом понял, что напрасно, — помолчал. Чуть слышно добавил, встречаясь с ней взглядом:- Когда увидел тебя с ним...

— Ты нас видел? — ошарашенно повторила Мира.

— В спальне, — пояснил он. Будто извиняясь, продолжил:- Ты так неожиданно исчезла с бала. Я боялся, что что-нибудь приключилось. Поднялся проверить... — снова отвел глаза. — Вы не закрыли дверь.

— Не закрыли, — глупо кивнула. Представила, что увидел Эйтан тогда, и смутилась. Мысленно обрадовалась, что стоит спиной к луне, и он не может разглядеть ее лицо.

— Потом ты ушла. Но я знал, что вернешься. Ждал тебя.

Повисла неловкая пауза. Надо было что-то сказать, но Мира никак не могла подобрать

правильные слова. Попытаться объяснить? Эйтан не расспрашивал. Исчезнуть, предоставив ему самому подыскивать возможные объяснения, если они все же понадобятся? Не могла. Босые ступни словно приросли к холодному камню.

— Не беспокойся, я знаю, что у меня нет шансов, — Эйтан, видимо, по-своему расценил ее молчание. Вдруг неожиданно улыбнулся. Широко, по-настоящему радостно, искренне. — Эйлин выходит замуж. Все решилось, пока тебя не было. Вчера уехала готовиться к свадьбе. Мне вот тоже надо... Хочу жить рядом. Мы же с ней никогда не расставались, — вдруг помрачнел, махнул на громадину за своей спиной. Заговорил быстрее, сбиваясь. — Но не переживай, ты можешь... остаться. Можешь сюда приходить, когда хочешь. Я уже обо всем распорядился. Считаю этот замок своим.

— К черту замок! — выкрикнула Мира. Осеклась, замолчала, заставляя проглотить истерику. — К черту! — повторила, топнув ногой. Не нужны ей никакие замки! И не были никогда нужны! Она, вообще, ненавидит все эти проклятые замки во всех Вселенных вместе взятых! Сейчас бы жизнь отдала, чтобы оказаться в уютной квартире Ллэра с ним вместе. Живым, невредимым. Чтобы смотрел на нее, ухмыляясь, чтобы был рядом, чтобы... — Ты не понимаешь! Я не за тем пришла, я люблю его... Я...

— Знаю. Ты хотела попрощаться.

— Нет, я... — не договорила. Опустила глаза, уставившись на голые пальцы ног. Она пришла, потому что боится. Потому что умирает от ужаса только от мысли, что Ллэр не выдержит, что его больше не будет. Пришла, потому что подсознательно знала- здесь ее ждут, здесь примут, поймут, будут любить, никогда ни о чем не спрашивая. А теперь поняла, что все это в прошлом. Максимум на что может рассчитывать- тоскливое одиночество в громадном пустом замке. — Да, — Мира вскинула голову, заставила себя посмотреть в глаза Эйтану, уверенно улыбнуться. — Ты прав. Хотела. Прощай.

Молодой человек кивнул. Едва заметно дернулся вперед, но сдержался. Еще раз кивнул, развернулся, медленно побрел в дом. А она стояла, молча смотрела, пока темный силуэт не исчез в дверях. Отвернулась, уставившись на луну. Почувствовала Таль раньше, чем услышала ее голос.

— Ты можешь сделать так, чтобы он обо всем забыл.

— Могу, — согласилась Мира. — Но не буду, — обернулась. Скользнула взглядом по стройной фигуре матери, закутанной в облегающий красный брючный костюм с капюшоном. — Ты всегда подслушиваешь чужие разговоры?

— Ты всегда разгуливаешь полуголой по чужим террасам? — в тон ей ответила Таль.

Мира открыла рот, собираясь отпустить еще одну колкость, но осознала, что мать не стала бы являться сюда просто так. Значит, что-то произошло. Сердце забилося сильнее, дыхание сперло.

— Ты... зачем здесь? Ллэр?..

— Не пугайся. Все закончилось. Почти, но ты уже можешь быть с ним, — Таль хитро прищурилась. — Если, конечно, не передумала.

Мира не ответила. Вцепилась в ее запястье. Потом испугалась, отпрянула назад.

— Как... он? Ему больно?

— Уже нет.

— Он... доа?

Таль кивнула.

— Пойдем, — подхватила Миру под руку. — Сама увидишь.

Все окна были закрыты, двери в смежные помещения- тоже, задернуты плотные шторы. В комнате душно и жарко, будто кто-то на всю катушку раскопегарил невидимую печку, врубил скрытые батареи или подогрев пола: даже мягкий ковер казался теплым. Ллэр спал на животе, неуклюже подмяв под щеку подушку и натянув почти по самые уши толстое одеяло.

Ощущение нехватки воздуха усиливал странный запах, терпкий, сладковатый. Незнакомый. Лекарства не могут так пахнуть, впрочем, что она знает о том, какой дрянью пичкала его Таль? Хотя чем бы не пичкала, главное, что помогло. Преобразование завершилось, Ллэр будет жить- по крайней мере, так уверяла мать.

Мира опустилась на колени возле кровати. Она смутно помнила собственные метаморфозы на больничной койке, когда Таль колдовала с ее кровью. Да и вряд ли они сравнимы с тем, что пришлось пережить Ллэру. Это ведь не просто активировать потенциальные способности, как было с ней, а, скорее, вернуться с того света, пройдя все стадии умирания и воскрешения в минимально короткий отрезок времени.

Девушка сдержанно вздохнула, с беспокойством оглядела Ллэра. Осторожно поправила упавшие на его лоб волосы. Нежно прикоснулась кончиками пальцев к щеке, резко отдернула руку, потому что в первую секунду кожа показалась глыбой льда- такой же гладкой и холодной. Потом все-таки переборола страх и ласково прижала ладонь, надеясь, что своим теплом сможет хоть чуть-чуть согреть.

— Эль, милый, — прошептала, опасаясь и в то же время желая разбудить, чтобы убедиться- он, правда, в порядке. Что Таль не обманула- самое страшное позади. — Ты слышишь меня, Эль?

— Слышу, — с закрытыми глазами пробормотал он. — Только шторы не трогай.

— Тебе... холодно?

— Холодно... и светло, и... — он осекся, один серый глаз (второго не было видно из-за подушки) уставился на Миру. — Ты вернулась.

— Вернулась, — все так же шепотом отозвалась она. — Я могу помочь?

— Ты... уже, — он попытался перевернуться на бок, поморщился. Сглотнул. — Проклятье... Как мне все это...

— Дай руку.

Он протянул. Ладонь оказалась горячей и влажной.

Мира крепко обхватила ее, сцепляя свои пальцы с его в замок. Собралась перенести обоих, но в последний момент остановилась. В груди неприятно кольнуло- вдруг сделает хуже? И тут же успокоилась. Таль бы предупредила, если бы хоть что-то было опасно делать. Тряхнула головой, решаясь. В конце концов, собственная интуиция ни разу не подводила, не подведет и сейчас.

В следующий миг вокруг было темно, голые колени провалились в теплый песок, стало жарко. Еще жарче, чем в комнате, зато не так душно. Пока глаза привыкали, за спиной вдалеке послышался шелест волн. Свежий воздух, сильная луна, которой не видно из-за плотных облаков, но чьи лучи проникают внутрь, позволяя впитывать, как губка, энергию доа, подальше от остальных, там, где их никто не найдет, потому что в этот мир может войти далеко не каждый, тишина и покой- все, что им так необходимо сейчас.

Рядом шумно выдохнул Ллэр. Пошевелился, садясь, не выпуская руку Миры и опираясь на нее. Давалось это с трудом- он едва не повалил девушку на песок, другой рукой ухватил ее за плечо. Больно сжал.

— Прости, — ослабил хватку, только когда все-таки сел. — Воздух... И ночь.

— И я.

— И ты... — он выпустил ее плечо, прикоснулся к щеке Миры. Мягко провел. — Вернулась.

— Вернулась. И никогда не должна была уходить, — она перехватила его пальцы, поцеловала, снова прижала к щеке. — Прости.

Ллэр качнул головой.

— Ты не могла не пойти. Не попытаться исправить. Иначе... мысли бы сожрали тебя.

— Наверное, ты прав. Но я все равно жалею, что оставила тебя. Ты, — она посмотрела в светящиеся глаза Ллэра, — важнее всего на свете.

— Нет, — он снова покачал головой. Оглянулся на море, улыбнулся чему-то, поднял глаза на Миру. — Нет. Сейчас- ты.

— Нет, сейчас уже мы, — она тоже улыбнулась, крепко сжала его ладонь двумя руками. — Знаешь, этот мир когда-то принадлежал тлай. Я нашла его, когда пыталась попасть на Фахтэ. Теперь здесь никто не живет, никого не осталось, ничего не напоминает о былом могуществе этой расы. Только песок, темнота и океан. Так странно...

— Всегда темнота?..

— Ага. Кажется, последствия возникновения доани. Одно из, за которое их и наказали. Только это все равно не спасло тлай, — помолчала. — Тмиора тоже больше нет. Они погибли. Не все, но много. Слишком. Я ничего не смогла исправить. Зато почти потеряла тебя, — голос дрогнул. Мира замолчала, к горлу подступил комок. Пришлось чуть ли не до крови прикусить губу, чтобы не разрыдаться. Почему-то сейчас хотелось именно этого- уткнуться в горячее плечо Ллэра и плакать. Долго, навзрыд. Потому что не справилась, потому что чуть не погибла, потому что перенервничала, потому что сходила с ума от беспокойства, потому что только оказавшись запертой в огненном кольце поняла, как сильно любит Ллэра и на что способна. Успокаивало только одно- может, все это стоило пережить хотя бы для того, чтобы знать, чтобы помнить, чтобы ценить такую хрупкую и переменчивую смертную жизнь.

Неделю назад она отчаянно торопилась уйти. Опасалась не сколько того, что Эль передумает, сколько растерять собственную решимость под натиском его аргументов. Ведь так легко сдаться, позволив уговорить себя не рисковать. И четкое понимание, что потом пожалеет и будет до конца жизни корить себя за слабость, растворялось, таяло под обеспокоенным взглядом любимых серых глаз. Но за секунду до смогла заставить себя убраться с террасы, исчезнуть, стереть след. Сбежать подальше, сюда, в древний мир тлай, чтобы впервые за все это время позволить себе стать собой в полную силу. Поссорить двух внутренних Мир, столкнуть лбами, заставить принять друг друга.

Она не думала- действовала. Торопилась не успеть, боялась передумать, вернуться. Оказалось, что преодолеть барьер, отделявший Фахтэ от остальных Вселенных, совсем не сложно. Гораздо труднее- понять, как поступить дальше. Куда идти, что говорить, как убедить, заставить поверить. Невероятно трудно- узнать путь обратно. Почти невозможно- вернуться. Но все это случилось уже потом, а в начале...

В начале Мира вряд ли могла объяснить, что именно произошло. Полностью потеряла ощущение времени. Не чувствовала- час, день, больше. Только потом словно прозрела. И вспомнила. Внезапно, сразу, все. Как будто тоже получила доступ к капсуле памяти предков, как Роми в пещере. Осознала, что внутренний голос на поляне принадлежал только ей,

знала, что же так настойчиво пыталась добиться от Самара, угрожая уничтожить его мир, что хотела узнать, проникая в его память.

Самый древний атради сопротивлялся до конца, возводил блоки, снова и снова. Она- беспощадно ломала. А Гончие терпеливо ждали ее сигнала. И эта борьба убивала не только Самара, но и ее саму. Тот, кому в определенном смысле должна быть благодарна за свое рождение, оказался слишком сильным. Почувствовал в ней противоречие, нащупал доа, сумел надавить, вынуждая ее бороться с самой собой, тратить оставшуюся энергию на самоуничтожение. Каким-то чудом, будучи уже на грани, Мира все-таки смогла выпустить тех, кто Самару не по зубам. Гончие послушно привели в исполнение смертный приговор, завершили начатое и погибли. Она- тоже почти умерла. И все же сумела проникнуть в часть тайн создателя Тмиора, которые он так тщательно прятал от всех.

Ничего из этого не было ее осознанным выбором. Ожившие инстинкты заткнули голос разума, навязали чуждые желания и стремления. И чем больше она разбиралась в себе, в том, что случилось и почему, тем больше крепла уверенность- Самар мог остановить закрутившуюся смертельную воронку. Мог изменить, мог договориться. Мог, но не стал. Предпочел умереть, прекрасно зная, что тем самым погубит всех, кого так долго создавал и оберегал. И как бы парадоксально это не выглядело, именно она изо всех сил старалась спасти обреченных атради, готовая поставить на кон собственную жизнь ради них. Только это был уже ее осознанный выбор, потому что тлай и бывшие доани не должны ненавидеть друг друга. Может быть иначе. И будет.

Потом, придя в себя, снова вернулась на Эннеру, уже с определенной целью. И появившиеся вокруг Тени, десятки, если не сотни мрачных бестелесных силуэтов, больше не пугали. Они теперь были частью плана. Необходимой частью, чтобы разрушить Защиту, придуманную могущественными когда-то тлай. Мира активировала их всех, кого смогла обнаружить на Эннере. Невидимыми щупальцами притягивала к себе, вынуждая подчиняться. Меняла цель, корректируя программу. Гончие созданы уничтожать, но кто сказал, что это нельзя использовать во благо? Принести их знание и умение в жертву, чтобы пробить брешь в Клетку?

Мира прогнала воспоминания. Встретилась с Ллэром взглядом. Попросила:

— Эль, расскажи мне про Урсейю.

— Урсейю? — он нахмурился. — Она... Хорошо, только погоди. Что с атради?.. Ты смогла?..

— Не всех. Но те, кто выжил, уже на Эннере, — виновато посмотрела на него. — Можно, я тебе потом все расскажу? Сейчас ты... Или нет, подожди, — Мира улыбнулась, не выпуская из правой руки его ладонь, левой ласково провела по взъерошенным коротким волосам. Ллэр только-только приходил в себя. Ослабленный болезненными метаморфозами организм продолжал бороться, сил не хватало, даже находясь под питательными лучами луны. Должно пройти еще много времени, прежде чем он по-настоящему окрепнет, станет доа. Но Мира не хотела ждать. Не умела и не собиралась учиться, потому что знала, как помочь, как ускорить. — Я, конечно, не моя мать, — хитро прищурилась, крепче сжимая его руку. — Но тоже умею воскрешать. По-своему. Правда, есть только один способ поделиться энергией тлай, — она стянула пеньюар через голову, отбросила в сторону. — Подходит не для всех, — села ближе, нежно пробежалась кончиками пальцев по его обнаженной спине снизу вверх. Слегка надавила на плечи, вынуждая Ллэра улечься обратно на песок. — Но тебе повезло, потому что с тобой я могу себе это позволить. И позволю, — осторожно, как

будто своим весом могла раздавить, уселась сверху. Встретилась взглядом. — Доверишься мне?

Ллэр вскинул одну бровь, ухмыльнулся, ответный взгляд был красноречивее любых слов. Он лишь глазами, не спеша, скользнул по ее телу, но все остальное- предоставил ей.

Это была не просто физическая близость, не просто секс. Или не секс вовсе. Что-то иное, некий глубокий, значительный обмен энергией. Она ничего ни брала, только отдавала. Делилась своей силой, изучала каждую клеточку на теле Ллэра, наполняла собой. Неторопливо, бесконечно долго, готовая на любые безумства, совершая их, пока у самой не осталось сил.

А потом они привычно лежали рядом, прижимаясь друг к другу. Молчали, купаясь в отголосках наслаждения.

— Помогло? — не вытерпела Мира. Приподнялась на локте, заглядывая в глаза Ллэра. — Учти, это мой первый раз, но я старалась. Очень.

— Надо подумать, — Ллэр покусал губу, — проверить... — нарочито шумно вздохнул, уставился в небо и вдруг повалил ее обратно на песок. Выдохнул в самое ухо. — Может, закрепить?..

— Справишься?

— Сомневаешься?

— Провоцирую, — шепнула она, прикусывая мочку его уха и прекрасно зная, какая последует реакция.

Они сидели на песке, у самой воды- безграничный, спокойный океан мира тлай иногда начинал волноваться, и тогда мягкие волны подбирались к их ступням, мягко, словно чего-то боясь, касались, и снова откатывались прочь.

— У доа совсем другая чувствительность кожи, — задумчиво проговорил Ллэр, глядя на свою раскрытую ладонь, потом на тыльную сторону, сжимая в кулак и снова раскрывая. Его кожа еще не светилась так, как у нее, но уже были заметны изменения. — Атради могут... могли, — хмыкнул, — могли... не ощущать ни холода, ни жары. Если хотели.

— Разочарован?

— Ни в коем случае, — он усмехнулся. — Просто надо заново учиться, привыкать к обычным вещам. Будешь следить за тем, чтобы я тепло одевался?

— Угу, и лечить твой насморк, — Мира рассмеялась. И удивилась, как беззаботно это вышло. Как будто и не было всех пережитых волнений, как будто все страхи отступили разом, как будто плохое, действительно, осталось позади. А впереди- совсем другая жизнь. Абсолютно незнакомая, новая, в которой они могут быть просто счастливыми, в которой обязательно найдется возможность осчастливить тех, кто рядом, кто дорог и важен. — Уже думал, чем собираешься заниматься?

— Неа. И вот знаешь, мне, наверное, впервые за долгие годы не хочется об этом думать. Может, сознание еще не перестроилось... А ты? Чем хотела бы?..

— Собираюсь заключить выгодную сделку с матерью, — Мира загадочно улыбнулась. Теперь, когда она многое вспомнила, а главное, столько узнала от Самара, ей будет чем заинтересовать Таль, заставив согласиться на все условия. — Раз уж я так или иначе необходима для ее экспериментов, то хотя бы должна разбираться, что именно там происходит... в этом ее Институте крови. А еще, — встретилась взглядом с Ллэром, — хочу, чтобы у нас с тобой был уютный дом. Только наш. Не замок. Подальше от всех. И чтобы мир... — снова рассмеялась. — Не важно, какой это будет мир.

Он ответил не сразу. Некоторое время смотрел ей в глаза, улыбался краешками губ, потом опустил голову.

— У меня есть на примете одно место... Дома там, правда, нет, но его всегда можно построить... — задумчиво провел ладонью по песку, сгребая и снова выпуская его. — Хочешь, чтобы было поменьше солнца?

— Хочу, чтобы там был ты, — она перестала улыбаться. Серьезно посмотрела на него. — Расскажешь?

— О месте? — он усмехнулся.

Мира повозилась, устраиваясь поудобнее. Сначала откинулась назад, упершись руками в песок. Тут же передумала, улеглась на спину, положив голову Ллэру на колени, перехватила его взгляд. Нежно коснулась щеки:

— Можешь начать с места, если так проще.

Некоторое время он просто смотрел на нее, ласково глядя по волосам. Потом тихо проговорил:

— Я обязательно все испорчу. И не раз.

Мира испуганно застыла, сжалась. Уже испортил, пронеслось в голове. Но все же заставила себя побороть страх, улыбнуться. Шутливо бросить, сделав вид, что уверена в его ответе, знает, каким он будет, и что после него обязательно на душе станет спокойно и легко:

— Думаешь, будет лучше или проще, если я сейчас исчезну? И мы никогда больше не встретимся?

— Нет, с чего ты?.. Нет... — растерянно улыбнулся. — Просто предупреждаю, чтобы ты хоть примерно понимала, с чем будешь иметь дело. Потому что хочу, чтобы у нас получилось. Правда, я сам не вполне представляю... — качнул головой. — Не умею. Никогда не... — замолчал. — Я клинически упрям, когда у меня есть цель. Но, вот сейчас подумал... Наверное, по-настоящему не верил, что, действительно, найду способ вернуть всем нам смертность, — хмыкнул. — Хотя технически, не я нашел, но это неважно. Просто все очень неожиданно. Ты- неожиданно. Даже больше, — Ллэр сглотнул. Серые глаза вновь смотрели серьезно, с какой-то совершенно новой теплотой. — Помнишь, я сказал, что знакомиться с тобой не входило в мои планы?.. Помнишь, конечно. Не самое приятное, что мог ляпнуть в подобной ситуации. И прости... Но я могу объяснить. Попытаться. Это- хорошо. Что не входило, что не было частью замысла. Потому что когда я что-то планирую, рассчитываю- все, что существует- это цель и средства. Так было всегда. И если бы я сразу собирался через тебя подобраться к Таль, я никогда бы не увидел в тебе- тебя. И я бы... Ты в моей жизни- это свет. Яркий... Ошеломляющий. И я боюсь, что он исчезнет. Я- эгоист и не умею быть с кем-то. Очень, очень хочу научиться... Если бы вместе с продолжительностью жизни можно было подправить и характер, а?

Он говорил, а ей хотелось одного- заткнуть уши, чтобы не слышать. Исчезнуть, убраться подальше, спрятаться в какую-нибудь темную нору, где никто никогда не найдет, сжаться в комок, зажмуриться, вдохнуть и разучиться дышать.

Он говорил, а она чувствовала, как разрастается в горле ком, как по обнаженной спине ползет холодный, липкий страх, как медленно, глухо и безнадежно стучит ее сердце, словно отмеряет оставшиеся им вместе минуты. И сил- на одно дыхание.

Когда Ллэр, наконец, замолчал, осознала, какая же она идиотка. О чем думала? На что надеялась? Уютный дом все равно в каком мире?! Дура! Наивная дура!

Мира сумела сесть, отодвигаясь. Подтянула к груди согнутые колени, обхватила их руками, отвела взгляд- нагота неожиданно мешала, смущала. Прикусила нижнюю губу, чувствуя, как из глаз готовы хлынуть слезы. Понимала, что Ллэр, может быть, впервые в жизни так откровенен, так искренен. Что не стал бы никогда делиться страхами, обнажать душу, если бы она, Мира, не имела значения в его жизни. Но боль от его слов затмевала все мысли, чувства, желания, логику. Правильно или не правильно- уже не важно, все рухнуло, утратило смысл. Всё смешалось, горело, выжигая в сердце дыру.

Ллэр давно молчал, а в висках по-прежнему стучали его слова.

Она не хотела быть светом. Ни ярким, ни ошеломляющим. Тем более, светом, который исчезнет. Просто хотела быть, рядом, в его жизни, с ним. Без определений, без правил. Без инструкций на будущее. Какой в них толк? Нельзя жить по составленным заранее правилам, опасаясь все время что-то сделать не так. Нельзя любить, мучаясь сомнениями и боясь однажды все испортить. Уж лучше не любить вовсе. Ненавидеть. Уж лучше не жить. Уж лучше бы она подохла на Фахтэ или еще раньше, в том проклятом таксилете.

Ллэр молчал, видимо, ожидая ответа. А Мира не знала, что сказать. Отвернулась, до крови закусила губы, боясь разрыдаться или, наоборот, наговорить гадостей, сорвавшись и выплеснув на него всю обиду и разочарование, всю боль.

А ведь ее предупреждали. Говорили. Но она упрямо не хотела видеть, не хотела знать. Цеплялась за нежные слова, за горячие губы, за ухмыляющиеся глаза, которым не все равно, за ласковые руки, которые не лгали. И вот получила! Поделом!

И вместе с тем отказывалась признавать. Не понимала, как это возможно. Он не умеет с кем-то быть, но разве она- просто кто-то? Он хочет научиться, но что это меняет, если она не умеет учить? Если сама не знает- как? Если верила, что у них все получится, потому что это они. Вот так, легко, само собой.

И даже сейчас продолжала на что-то надеяться.

А Ллэр все смотрел на нее и молчал. Тоже кусал губу, хмурился. Потом вдруг поднялся. Отряхнул ладони от песка, протянул руку.

— Вставай.

Она послушно выпрямилась. Почти прикоснулась к его ладони, потом отдернула руку и все же в последний момент сжала горячие пальцы. Встала, не решаясь посмотреть Ллэру в лицо.

Он не настаивал, развернул ее руки ладонями вверх, сосредоточенно подул на них, мягко сдувая песчинки. Оглянулся по сторонам.

— Одеться бы... Там прохладно.

— Там?..

— Там, — абстрактно подтвердил Ллэр. — Ну да ладно. Все равно, ни твой шикарный пеньюар, ни мои супер-штаны не спасут от комаров.

Мира встретила с ним взглядом. Думала, шутит или издевается. Оказалось, говорит на полном серьезе.

— Каких еще ко... маров?

Он улыбнулся.

— Мелких кровососущих насекомых... — замолчал. — Хорошо бы, им не понравилась фиолетовая кровь. Ну что, идем?

Ответа он не ждал.

Мир в единый миг преобразился.

Вместо низких туч- темное, почти черное чистое, без единого облачка, небо, россыпь сверкающих звезд, и тонкий серпик одной единственной маленькой луны. Вместо соленого океана- огромное зеркало круглого озера, вместо бескрайних песчаных дюн- пушистый лес, дальше- пики гор, светлеющих к вершинам. Наверное, там лежит снег, но до него- бесконечность.

Пахнет травой, свежей. Густая, она мягким ковром подступает к самой кромке воды. Пахнет молодой хвоей и еще чем-то терпким, кисловатым, но приятным. Тишину нарушают сверчки и какое-то гортанное, раскатистое «пение» кого-то еще.

— Это лягушки, — объяснил Ллэр, хотя Мира даже в мыслях не задавала себе этот вопрос. — Звук... Лягушки. Мелкие, в общем-то, скользкие и противные твари. Точнее, земноводные. У вас их, кажется, нет. И на Эннере тоже нет, наверное, потому что нет пресных водоемов.

— Красиво, — буркнула Мира. — Нет, правда, — торопливо добавила, понимая, каким тоном сказала, и как это прозвучало. — И лягушки... тоже.

— Ага, — он хмыкнул. Улыбнулся. — Но я привел тебя сюда не для того, чтобы наслаждаться концертом. Ничего не чувствуешь? Попробуй прочитать мои мысли.

— Не буду, — покачала головой. — Хватило и слов.

— Мне не хватило. Твоих.

Мира все-таки прикоснулась к его сознанию и поняла- бесполезно. Вторая попытка тоже ничего не дала. Да и с остальными способностями ничего не вышло, как будто исчезли все разом. Только выход из Мира легко ощущался, но по-другому. Словно попала в комнату, где кроме одной единственной двери, через которую вошла, больше ничего не было- голые черные стены.

И тогда Мира разозлилась.

— Не хватило моих слов, да? Настолько, что привел туда, где ничего не смогу тебе сделать? Молодец, очень предусмотрительно. Отличное место для расставаний.

— Еще, — попросил, почти как потребовал он. Серьезно, пристально глядя ей в глаза.

Это подействовало, как удар кнута. Подстегнуло. Заставило выплеснуть все, что бурлило внутри.

— Я верила, что возможно... Что ты и я- это возможно, понимаешь? Верила! Не хотела задумываться, не хотела планировать. Не хотела взвешивать все «за» и «против». Думаешь, не понимала, что ничего не получится? Что рано или поздно разочарую или наскучу, и ты уйдешь? Все я понимала. Всегда знала. Еще в самом начале. Такие, как я... Не важно, — тряхнула головой. — Я не хотела слышать, что ничего не выйдет. Это больно. Еще больнее- убеждать остаться, уверять, что все получится, что сможем. И я не пыталась... Я не буду... Не хочу жить с мыслью, что однажды ты все испортишь. Или я испорчу, что скорее всего. Потому что я тоже не подарок. Потому что тоже не умею, потому что всегда порчу. Ты же знаешь, как я жила... Видел мой дом... там, — Мира неопределенно махнула рукой. — В Миере. Я никогда... — запнулась. Сейчас с уверенностью могла сказать, что не любила. Никого. Никогда. Привязывалась, привыкала, увлекалась, но не любила. Не собиралась любить. Это всегда казалось слабостью. Взбалмошная, непостоянная, упрямая, она не искала домашнего уюта и тепла, хотела свободы, упивалась ей. Ценила независимость, ни в ком не нуждалась и не собиралась нуждаться. Но Эль... Он случился и... — Ты все изменил. Меня изменил, — посмотрела в глаза. — Ты, не Таль, не кровь Адана, не Плешь. Ты. Навсегда. Я больше не умею без тебя, — прерывисто вздохнула, но взгляд не отвела. — И это не повод,

чтобы ты остался.

— Мне не нужен повод! Я никуда не уйду и не собирался, и тебе я тоже не позволю уйти. Потому что это... Нет. Без «потому что». Просто не позволю. Я не сомневался, не думал, что возможно, а что нет, не взвешивал все «за» и «против». Мне не нужны правила и инструкции, не нужно верить, я знаю и так. Все знаю. Но мы не должны молчать. Не можем. Надеяться на телепатию, и на что-то там, как-то там. Потому что мы оба скоры на гениальные радикальные решения. И мне нужно, чтобы ты знала- если... или когда... я все испорчу, я собираюсь починить. Не надо жить с этой мыслью. Просто знай. К тому же... — он улыбнулся, — мой дом ты тоже видела. Тот, что остался, не намного лучше твоего. Разве что... его не взорвали.

Мира молчала. Ошеломленно хлопала ресницами.

— Я тоже постараюсь, — сглотнула. — Починить. Но... лучше бы нам не пришлось никогда...

Он не дал договорить, обхватил ее лицо ладонями. Поцеловал. Мягко, но будто бы продолжая улыбаться. Отстранился.

— Никакого «бы». Справимся.

— Тогда не пугай меня так больше, — Мира обняла его за пояс, заглянула в глаза. Улыбнулась. Сначала осторожно, боясь поверить, что ошиблась, что просто не так поняла, что, как всегда, поторопилась и сделала совсем не те выводы. Потом смелее, облегченно выдыхая. — Никогда не пугай так. И скажи уже, где мы.

— Это... это было мое любимое место в юности. Хотя все выглядело не совсем так в те дни, но тем не менее... Вот там, — он кивнул на лес, — вела к основной дороге тропа. Идти через лес... долго, несколько часов, но оно того стоит. Да и поэтому тут всегда было малоллюдно. Дорога, кстати, грунтовая. Ее часто размывало. Этот лес считался заповедником, над ним запрещалось летать, по нему не разрешали ездить на автомобилях. У нас не было таксилётов, карбиолётов и прочих подобных лётов. Та дрянь, на которой ездили наши машины... в общем, не то, за чем скучаешь, — он помолчал. — Приезжаешь, паркуешь машину на выезде, а потом- рюкзак на плечи, и ножками, с палаткой. Богатые бездельники вроде меня много, где побывали, но здесь... Здесь меня никто не стал бы искать, — снова замолчал. Посмотрел на Миру. — Добро пожаловать на Нэшту.

— Этим гадким насекомым, как бы они не назывались, я нравлюсь определенно больше. Наверное, тлай вкуснее, чем доа, — пожаловалась Мира, отмахиваясь от очередного назойливого кровопийцы. Наглости и упорству маленьких крылатых тварей можно было только позавидовать. Не спасала ни одежда, которую принес из Замка на Эннере Ллэр, ни умело разведенный им же костер, хотя предполагалось, что плотная материя и едкий дым-лучшая защита. Мира в который раз раздраженно и совершенно напрасно взмахнула руками, отгоняя летучих садистов. Ощутимой пользы от резких телодвижений не наблюдалось, как и от попыток унять зуд от укусов. Наоборот, чем больше чесала кожу, тем сильнее хотелось. Она обреченно выдохнула, мысленно признавая собственное поражение в неравной борьбе с фауной Нэшты. Укуталась в джинсовую куртку, натянув полы на согнутые и прижатые к груди колени до самых пяток. Пробурчала, покосившись на сидевшего рядом Ллэра. — Неработающие способности- это какое-то последствие или вам всегда так везло?

— И то, и другое, — отозвался Ллэр. — Раньше все вполне работало, хотя среди нэш крайне редко рождались люди с психокинетическим даром, кто его знает почему. Может, те же доа постарались тридцать тысяч лет назад, шандарахнули первым экспериментом,

зацепили, может, природа посчитала, что так будет лучше. Нет, у нас, конечно, хватало всяких там экстрасенсов и гадалок, но в девяносто девяти случаях из ста они оказывались или просто шарлатанами или умелыми психологами, досконально знавшими язык тела, — он прихлопнул очередного комара, щелчком пальцев отправил то, что от насекомого осталось, в темноту. — Кстати, у нас раньше существовали всякие мази-кремы-спреи и прочая химия, но, честно говоря, мне оно никогда не помогало от этой дряни.

— Ладно, буду фантазировать, что могла бы сделать с этими кусачими уродами.

— Не сдерживай полет фантазии, — Ллэр ухмыльнулся. — Нам еще повезло, что здесь сейчас осень...

— Осень- это?..

Он удивленно вскинул брови, чертыхнулся.

— Время года. Надо же... Я совсем забыл о вашем климат-контроле... Повсеместном. Здесь, на этих широтах- четыре времени года. Лето, когда тепло и даже жарко, все зеленое, яркое, потом- осень, переходное, когда становится холоднее... Листья опадают... — он засмеялся. — Никогда не думал, что мне придется объяснять подобное... В общем, потом идет зима- когда мороз и снег... Ты ведь и о снеге не слышала?..

— Слышала. Представляю в теории. Он- белый. И где-то на вершинах гор, так? — улыбнулась, встречаясь с Ллэром взглядом. — Неправильно? Лучше расскажи сам, раз уж мы именно здесь собираемся жить. Мне необходимо морально подготовиться к таким переменам.

— Про снег? Он холодный... ледяной. Он, кстати, есть и на Эннере, только далеко от Бэара. Могу показать. Чтобы подготовилась. Шубу придется купить. Настоящую, теплую, меховую, — посмотрел на озеро. — Температура воздуха опустится настолько, что оно замерзнет. И заметь, без вмешательства термостатов, запущенных на охлаждение. Страшно?

— Любопытно, — Мира проследила за его взглядом. Попыталась представить, как будет выглядеть замерзшее озеро, но воображение отказалось помогать. Слово «шуба» тоже ничего не говорило. Она не стала спрашивать. Надо купить- значит купит. И шубу и все остальное, потому что неожиданно для себя поняла- она хочет здесь остаться, хочет здесь жить. В этом мире, с Элем. С поющими лягушками и настырными комарами. И со всем остальным, что еще предстоит узнать о Нэште. Посмотрела на Ллэра. — Ты когда-нибудь строил дом?

Он покачал головой.

— Так, здесь... нет. Но кое-что об этом знаю, умею. Учти, он будет одноэтажным, потому что нагнать сюда многолюдную бригаду строителей не получится, да и... Высокие дома требуют глубоких фундаментов, а этот мир не позволит вгрызться ему под землю, — Ллэр помолчал, будто подбирая слова:- Он находится в постоянной регенерации, что ли... Естественным процессам- да, искусственным- нет. Я не уверен даже, что хоть один из прибитых комаров по-настоящему сдох, а не воскрес где-то там в траве.

— Это как? — только и смогла выдохнуть она. — Опять вечность?

— Нет, нет. Нам- так точно. Мы здесь- почти как люди. Если не брать в расчет редкие выходы-входы. Но природа... Вот, смотри, — он вытащил из охапки сваленного рядом хвороста длинную палку, сунул ее в огонь. Подождал, пока та загорится. — Ветки- они как бы уже мертвы, я не ломал их, а только собрал в лесу. Поэтому они горят. Но если... — Ллэр пересел чуть в сторону, поднес огонь к траве, — если поджечь то, что еще живет... — стебли вспыхнули, легко, быстро, тут же потускнели, остались тлеть. А потом, стоило огню

погаснуть совсем, выпрямились зазеленели снова. — Будет вот так. Начнем рыть яму для фундамента- итог не предсказать. Может выроем, и все будет в порядке, а проблемы начнутся после, может- земля не даст сразу. А комары- сдохнут, когда придет их час. Хотя... не знаю. Не ставил подобных экспериментов.

— Расскажешь про те, что ставил? И про Урсейю. Ты обещал, — напомнила Мира. Теперь она хотела знать про Нэшгу все. И лучше, если сразу.

Ллэр вернулся на свое место возле костра, помолчал. Потом шумно выдохнул.

— Урсейя... она была одним из тех экспериментов. Точнее- его последствием. Наш мир развивался совсем иным путем, чем Актарион или Эннера. Я не думаю, что Нэшта когда-либо вышла бы за пределы своей реальности. Параллельные миры для нэш были вымыслом, слои, Надпространство- таких понятий вообще не существовало. Телепатия- сказки, телекинез- фантастические романы. Я говорил, у нас практически не рождались одаренные необычными способностями люди. Но все-таки появился Алэй, а следом- я. Роми считает, что я сильнее него, и сейчас это так, но раньше... Ты же помнишь, я рассказывал, что он явился к моей матери уже после похорон? Думаю, она даже не понимала, как оно вышло. Сон, призрак, который дарит прощальное чудо... Если бы я не был так на него похож, наверняка поползли бы слухи, но ты сама видишь... В общем, он сделал то, что никто до него и никто после. Сумел зачать ребенка уже практически будучи атради. Бог его знает, может уже тогда что-то в нашем мире изменилось. Может- было иным всегда, и потому позволило. Но, как бы там ни было, это дало мне основания полагать, что раз я уникален, то могу пойти дальше. Мы- можем. Алэй не всегда был ярким противником экспериментов. Когда-то он тоже верил, что поскольку есть я, мы способны на... что-то, — Ллэр покачал головой. — Я иногда сам не могу понять, вспомнить, как, откуда эти мысли зародились в наших умах, в каком горячечном бреде я решил, что имею право попробовать. Не зная толком ничего ни о генетике, ни о биохимии, ни о мутациях или чем-либо еще. На фига...

Мира не стала спрашивать, что именно он сделал. Примерно догадывалась, что услышит в ответ. Как и о причинах, побудивших Ллэра желать ребенка. Все просто- обычная история. Скорее всего, через какое-то время пресытился способностями и новыми возможностями атради, влюбился, захотел, чтобы все было как у «людей» его родного мира: семья, дети... Только образ жизни «пленников Тмиора» такой непозволительной роскоши не предусматривал. И тогда Эль со свойственным ему упрямством бросился доказывать себе и всем остальным, что сможет изменить правила.

— Расскажи мне о ней, — попросила. Невольно улыбнулась, перехватив его удивленный взгляд. — Клянусь не устраивать истерик и сцен ревности. Я, правда, хочу знать. Ты вряд ли поймешь, но для меня это очень важно... — она замолчала. Передумала говорить, хотя собиралась- она ни капельки не ревнует. Наоборот, рада существованию той девушки в прошлом, ради которой он бросился экспериментировать, потому что это доказывает, что когда-то он все же хотел и мог и пытался быть с кем-то... И не просто быть. А значит, у них тоже есть шанс. Прикоснулась к его руке, ласково сжала ладонь. — Как ее звали?

— Унали. Ее звали Унали, — он помолчал. — Первые лет пятьдесят я был похож на наркомана в экстазе, которому хочется еще и еще. Я столько получил, и столько еще мог получить. Узнать, попробовать. Я видел перед собой безграничные возможности и бесконечное время. Только и делал, что мотался по мирам, учился, впитывал, всего понемногу... Даже проверял, как далеко заходит моя неуязвимость. Знаешь, я ведь к тридцати

годам излазил Нэшпу вдоль и поперек, все искал что-то, сам тогда не понимал, что. Не находил. Деньги были, забот никаких, на будущее плевать. Вот когда закончатся, тогда и... — он хмыкнул. — Потом, когда появилась Роми, когда я узнал об отце... Сделал вывод, что на месте мне не давали сидеть гены. Сразу вбухал немалую сумму в то, чтобы узнать, из какого теста состою сейчас, пока еще человек. Никто ничего не нашел. Никаких аномалий, особенностей, свойств... Роми меняла меня, я тратил все больше и больше на отслеживание этих изменений, но ничего. Теперь понимаю, что технологии моего мира просто были не достаточно развитыми. Возможно, Таль смогла бы найти то, что не удалось тем, кому я платил. Но это уже не имеет значения. И... в общем, когда я приближался к первой сотне мне все это вдруг надоело. И я захотел домой. А там...

Мира грустно улыбнулась. Как знакомо все это звучало. Конечно, у нее не было впереди вечности, но первое, что сделала, когда окончательно пришла в себя в Давинаре- бросилась изучать доступные теперь миры. Зная про возможность регенерировать и самоисцеляться, не боялась рисковать. Даже больше- искала опасность. И находила, получая от этого странное удовольствие. И если бы не знакомство с Эйтаном, вряд ли осталась бы так долго в Сейфане. Наверняка, продолжила бы бесцельно мотаться по Вселенным.

Может, виной всему просьба Ллэра не вмешиваться, остаться в стороне, позволить ему самому со всем разобраться. Но ведь и до встречи с ним, гораздо раньше, еще до всех метаморфоз, практически с раннего детства она ощущала неприкаянность и непреодолимое стремление куда-то бежать, что-то пробовать, искать, лишь бы не оставаться по долгу на одном месте. Не умела довольствоваться тем, что имела. Ставила цели, увлекалась идеями, чего-то добивалась, что-то бросала, но ничего не приносило настоящего удовлетворения. Нигде не хотелось остаться, никогда не появлялось желание остановиться. Словно какая-то неведомая сила гнала вперед, куда-то зачем-то к чему-то.

Она облазила единственный материк-государство на Актарионе уже к шестнадцати годам. И так и не обнаружила ничего интересного- только похожие друг на дружку мегаполисы, леса, поля, океан. К двадцати успела сменить с десятков профессий, но каким-то чудом все-таки закончила учебу на дизайнера-декоратора, хотя не проработала и дня.

Чем старше становилась, тем больше находила возможностей и поводов метаться по городам Актариона, завязывая приятные и не очень знакомства. Ввязывалась в истории, с легкостью находила неприятности и проблемы, с такой же легкостью выпутывалась из них. Теперь уже знала- из большинства удалось выбраться только благодаря вмешательству Таль и ее влиянию в Актарионе. Но тогда все казалось игрой. Никакие последствия ровным счетом ничему не учили и не вызывали желание остепениться. Найти постоянную работу, может быть, мужа. Посвятить себя карьере или семье.

И кто знает, будь у нее способности Ллэра, будь Актарион чуть больше, интересней, как бы это отразилось на ее жизни, к чему бы привело. Не говоря о том, если бы однажды появился кто-то, пообещавший неограниченные возможности. Наверное, принять вечность даже тогда не позволили бы спящие гены тлай, но все остальное... Она бы согласилась, поверила, не задумываясь. Она бы бросилась в омут новой жизни, испробовала бы все. А потом ей бы тоже всё разом надоело.

Она понимала Ллэра. Еще тогда, почти сразу после знакомства, не зная ничего, приняла его сторону, не собираясь осуждать, чтобы он ни сделал. Теперь же, когда занавес над прошлым понемногу приподнимался, понимала еще больше.

— А там?.. — сильнее сжала его ладонь.

— Там оказалось все не так, как я думал, — Ллэр притянул ее руку к себе. Мягко коснулся губами пальцев, отпустил. Глядя на огонь, продолжил:— Я опасался, а может, как раз рассчитывал, что все останется по-прежнему. Но Нэшта изменилась. Не в плане ориентации— мир так и оставался совершенно технологическим, но произошел невероятный скачок. Открыли новый источник энергии, который преобразил все. Пошло развитие всех отраслей... Нэшта поднялась к звездам. Пока еще не далеко и не смело, но уже ощутимо. Заметно. Для меня эти шестьдесят лет пролетели, как день, я уже начал иначе чувствовать время, не замечать его. И увидеть, как может преобразиться мир... Мне казалось, я был дома только вчера. Что может случиться за столь короткое время? То, что меня встретило, не укладывалось в голове, — Ллэр усмехнулся. — И без преувеличений повергло в шок. Наверное, именно тогда я начал в первый раз думать о том, насколько на самом деле неестественны атради в своей... неизменчивости. Я захотел остаться. Пытался что-то понять. Переосмыслить... И тогда встретил ее. Точнее, это она встретила меня, Тэйя Унали Канра, — он замолчал, потом тихо усмехнулся:— На автобусной остановке. Это... транспорт такой. Общественный. Никакой романтики, одна прозаичная толкотня... Это все так изменило... В один день я никак не могу переварить свое удивление, понять родной мир, а в другой— мне уже плевать. На все. Я будто забыл, что мне не тридцать, а почти сто. Я... решил, что... Нет, ничего не решал, просто хотел быть там, с ней, всегда... и не задумывался, что мое «всегда» и ее— это совершенно разные сроки. Ведь нэш, по-прежнему, к восьмидесяти годам превращались в стариков, редко кто доживал до девяноста. Но это все просто не пришло мне в голову. Я не собирался ей ничего рассказывать про атради, будто зачеркнул эту мою жизнь, и оставил только ту, в которой важно лишь сегодня. Я не думал о том, что будет, когда она заметит, что я не меняюсь, что со мной что-то не то, что я забываю поесть и ухожу куда-то регулярно, но это никакие не командировки.

Мира кивнула. Она прекрасно помнила, как Роми в Замке атради рассказывала про Маррена, про то, как семейная жизнь происходит у них. Вспомнила и свою реакцию. Тогда. И потом, когда убедила себя не думать о том, что может быть лет через... Когда, если им, вообще, суждено остаться вместе, она начнет стареть, а Ллэр— нет. И как решила... Или нет, не решила... Заставила себя жить сегодняшним днем, надеясь, что-то, что обязательно рано или поздно должно произойти, случится еще не скоро. И ведь понимала, что обманывает себя, потому что сама не верит в счастливое будущее. Даже не надеется на него.

Ей повезло, потому что встретила Ллэра уставшим от вечности. Повезло, что он потратил немислимое количество лет на поиск способа обрести смертность, а нашел ее, Миру. Повезло, что она родилась не обычным человеком. И даже вне связи с дремавшими в крови генами, в ее мире уже многие тысячелетия жили две расы: людей и Способных, путешествия по мирам и психокинетические способности существовали веками, а параллельные Вселенные— данность, пусть и доступная далеко не всем.

Ей повезло еще и потому, что с самого начала все закрутилось. Плешь, гибель Самара, проблемы Тмиора, ее собственные метаморфозы. Между ней и Ллэром не было обмана, кто из них кто, и почему так. Не пришлось притворяться и не придется. И больше никакой вечности, которая обязательно встала бы непреодолимой преградой.

— Ты решился ей рассказать, или Унали сама догадалась? Или так и не узнала?

— Мы умеем... умели немного корректировать свою внешность. Вспомни Самара, он выглядел, как мальчишка, но мог и состарить себя. Когда я впервые нашел его, его внешность соответствовала годам сорока пяти по меркам Нэшты. Это все не происходило по

щелчку пальцев и не до бесконечности- стариком себя сделать невозможно, но... Какое-то время я мог бы выиграть. Правда, не пришлось. Мы прожили вместе чуть больше пяти лет, когда она поняла, что что-то не так, когда стало ясно, что у нас не просто так нет детей, и что я, возможно, в курсе, почему. И спросила. А я... начал врать. Красиво, легко, очень слажено, как будто все было продумано заранее, хотя ничего подобного. Но истина в любом случае прозвучала бы для нее еще фантастичнее. Она кивала, я видел, что не верит, но не мог сказать прямо- ничего не будет, потому что я- чертова бессмертная ходячая батарейка! Не мог, хотя миллион раз пытался. И тогда я решил- какого черта! Ведь среди атради не было бывших нэш. Ведь мой отец уже почти прошел все преобразования, когда зачал меня! Почему нет, почему не пробовать? Одно, другое третье... Вовлек в это Роми, Алэя...

— Ничего не вышло?

— Я... не знаю. Так и не смог узнать. Мы трое поставили все на широкую ногу. Не ограничились простыми естественными попытками. Финансировать исследования могли до бесконечности, ведь ресурсы атради не истощить. Конечно, Мир не знал о параллельных Вселенных, поэтому мы не могли открыто приволочь чужие технологии на Нэшту, но... У Рэм за плечами были тысячи лет и способов все проверить. Через десять невероятно долгих лет безрезультатных попыток и нервов я и Унали расстались... Я заврался уже так, нагородил за все эти годы такого, я ломал, портил, и чтобы починить- врал еще больше, отмалчивался... Видел, что она меня уже едва ли не ненавидит. И из всего этого был один единственный, но очень не простой выход. Признать свое поражение. Принять, кто я есть, и дать ей жить.

— Ты... — Мира запнулась. Хотела спросить, почему же он так и не решился ничего рассказать. Что, может, тогда у них могло бы получиться... Но не стала. Спросила другое. То, что волновало гораздо больше и имело значение уже для них. — Ты так хотел ребенка или делал все, чтобы получилось, потому что это было важно для Унали?

— Я... поначалу просто не думал об этом. Рядом с ней все было иначе, и как оно будет потом, не имело значения. Я знал, что у атради не бывает детей, и просто не задумывался над тем, чего не бывает. А потом вдруг понял, что мечтаю вместе с ней, представляю, как... Вижу, что ей нелегко даются наши неудачи, и... Я понимал, что идиот, что должен рассказать, что есть и другие способы быть счастливыми. Но вместо этого только еще больше циклился на своих попытках. И чем больше это превращалось в навязчивую идею, тем меньше оставалось в ней искренности.

— А Урсейя? Она тоже имеет отношение к вашим экспериментам?

— Урсейя- результат. Последствие... И мой второй эксперимент. Уже только мой, — Ллэр снова помолчал, потом шумно выпустил воздух. — Мы ушли. Я, Роми, Алэй... Все свернули и ушли. И четыреста пятьдесят лет не приходили на Нэшту. По крайней мере- я. А потом дернул меня черт. Наведаться. Какой-то нелогичный приступ ностальгии, что ли... То, что я застал... Я до сих пор не могу найти слова, чтобы описать. Видимо, мы что-то привнесли тогда в мир вместе со своими экспериментами. Может, что-то нарушили, может- наоборот... Но когда я оказался здесь снова... Мир был другим. Перевернулся. Представь самую страшную сказку, оживи ее, преврати в сюрреалистически бред, в котором возможно все... Нэш спустились со звезд, отказались от техник, оставили в пользовании лишь простые механизмы... Стали бояться электричества, следом- любого света, даже солнечного. Днем планета принадлежала непонятным, неуловимым тварям. Я так и не видел ни одну из них, зато насмотрелся на их жертв, чтобы не сомневаться, что никакие это не предрассудки...

— И ты, конечно, не смог остаться в стороне, решил вмешаться, исправить, починить, — задумчиво пробормотала Мира, вытягивая затекшие ноги. Откинулась назад, улеглась прямо на траву, подложив под голову руки. Уставилась на звездное небо. То, что случилось с Нэштой, конечно же, интересовало. Она хотела знать, что же такого сделал Эль, что Алэй не мог простить до сих пор. Что означало все увиденное в памяти Ллэра, кто эти твари, и почему у Ллэра ничего не получилось. Но то, что он только что рассказал, вынуждало задуматься о другом. О чем никогда, ни разу в своей жизни, Мира не думала. Ни всерьез, ни в шутку. А теперь- думалось, хотя не просто не хотела, а боялась. И спросить Ллэра- тоже. Но еще больше- услышать этот вопрос от него. Она закрыла глаза, еле слышно вздохнула. Молчание, конечно, не выход, но у них еще есть время. Можно подождать, оттянуть. А потом, позже, когда-нибудь, когда она будет готова, когда поймет, хочет ли иметь детей, они поговорят откровенно и обязательно найдут решение. Они справятся.

— Не смог, — пробормотал Ллэр. — Я смотрел на опрокинутый мир и понимал- ведь все это наша вина. Моя, Алэя и Роми. Даже если не мы довели планету до такого, даже если причиной всему пытливые умы, которые возродили наши исследования, несмотря на то, что мы старательно подтерли за собой все следы. Изначально процесс запустили мы. Я. Своей навязчивой идеей я лишил Нэшту ее истинного будущего. По крайней мере, именно так я считал... Я потратил лет сорок, чтобы изучить этот мир заново. От и до. Поначалу, Алэй пришел со мной, но потом... — Ллэр хмыкнул. — Он понял все много раньше, чем я. Меня всегда поражало, в хорошем смысле слова, как он умудряется так легко сложить два и два... Добраться до сути сквозь внешнюю пленку. Почему не ошибается в своих выводах. У него ведь вовсе не аналитический склад ума! Он не логик. Пасует перед точными науками. Но при этом- понимает. По-настоящему. И знает, когда надо отступить.

Мира не хотела говорить об Алэе. Совсем. Она так и не смогла разобраться в себе- как именно должна относиться к отцу Ллэра, что чувствовать. Поддаться естественным эмоциям, пустив все на самотек, или попытаться понять, увидеть в нем то, о чем уже неоднократно говорил Эль. Но и это решение пока можно отложить.

— Он пытался объяснить, а я не стал слушать. Это ж я. Уж если что решил... — продолжал тем временем Ллэр. Он словно не замечал ничего вокруг, уйдя с головой в воспоминания. — Первое время я считал, что кто-то нашел, восстановил данные, занялся сначала. На тот момент о минувшем остались только легенды, все переврали, окружили мистицизмом. Конечно, никто не знал зачинщика-основателя, но по всему, что передавалось из уст в уста поколениями, можно было сделать вывод- речь идет о ком-то, кто задумал нарушить естественный ход вещей. Привить способности нэш, научить их прыгать выше головы. В легендах их называли раммари. Ушедшие. Потому, как считалось, что якобы те умерли, потом воскресли в принципиально другом физиологическом качестве и вот во второй своей жизни уже вершили историю. Кое-что в этом явно было, учитывая, что и я, и Алэй, действительно, были мертвы в своем роде, хотя раммари в легендах представляли собой целую расу, — он помолчал. — Я построил тот так называемый храм, который ты видела в моих воспоминаниях... Выбрал для него особое, по мнению местных, место, хотя сам не чувствовал там ничего. Возвел здание в лучших традициях их богов и проклятий, чтобы было, где укрыться. В храм раммари никто не сунется без надобности, считалось, что они сами по себе сосредоточие огромной силы, что в них живут добрые духи со скверным характером, и что они защищают, только если их не беспокоить. Притащил туда все, что мне может понадобиться для исследований, замаскировал все «заклинаниями»... и принялся за

дело.

— Что именно ты искал? — Мира приподнялась на локтях. Хотела приблизиться к Ллэру, обнять, но побоялась, поэтому так и осталась лежать на траве на радость осточертевшим комарам. — Способ, как можно вернуть все к тому, что было когда-то?

— Да. К тому моменту я уже знал, что многие поколения нэш всегда рождались парами. Но не близнецами, просто по двое. Первое время я думал, что один ребенок- простой, обычный человек, а второй- как вы их называете- Способный, который видит в темноте, общается напрямую телепатией, живет пусть недолго, но обладает невероятной регенерацией, до последнего вдоха оставаясь юными... А те, которым ничего этого не досталось... Все было не так, как, к примеру, у тебя на Актарионе, где уживаются две расы. Совсем. В этом парном рождении существовал особый смысл. Дети связаны. Те, кто рождался без способностей- являлись источниками жизненной силы вторых. Теми, за счет кого одаренные могли существовать. Грубо говоря, мне все представилось так, будто менталы паразитировали на простых смертных, положение которых в обществе было незавидно. При этом, как я понял, меры способные не знали, забирали больше, чем им требовалось, и излишек проходил через них и высвобождался в энергетический фон мира. Именно это вызвало появление и поддерживало потом тех самых невидимых тварей, которые отобрали у нэш день. Замкнутый круг, в котором они уничтожали сами себя, не подозревая об этом. Будь это какой другой мир, я бы остался в стороне, но это был Дом. И я отвечал за то, что все именно так, — Ллэр сидел спиной к ней, глядя на костер, и ни разу и не пошевелился за весь рассказ. — Я, честно говоря, сам не понимал, что собираюсь сделать. И как много времени мне понадобится, чтоб подточить устои мира, заставить их задуматься, таким образом и в такой момент, чтобы оказались готовы к переменам. Да, я искал способ нарушить эту связь ментал-источник, потому что просто сказать «перестаньте», ясное дело, нельзя. Менталы погибли бы без жизненной силы своих братьев. Но не могли не существовать способы какого-то самоконтроля, сбалансированности потребления энергии... Устраивать пропагандистские митинги я не планировал. Но вода камень точит, как говорят в одном мире. Я очень хотел им помочь вырваться из этого круга. Пока мы участвовали в этом вдвоем, нам было просто выдавать себя за местных. Наше сходство играло на руку, Алэй никогда не использовал свои способности и выступал в роли смертного. Я- представлял ментала. Такая демонстрация была нужна только первое время, чтобы, действительно, все поверили, чтобы не вызывать подозрений. К моменту, когда Алэй решил покинуть Нэшгу, его присутствие уже не имело значения. Но сначала в нашей жизни появилась Урсейя.

Мира вспомнила ту красивую девушку, так похожую на какое-то древнее божество, что подглядела в памяти Ллэра. И неожиданно для себя почувствовала укол ревности. Не той, что преследовала ее на Тмиоре к Роми, а совсем другой. Словно она только что до конца, по-настоящему осознала, как много лет разделяет ее с Ллэром. Что трехзначная цифра- это не просто возраст, а время- часы, дни, недели, месяцы, наполненные другими людьми, судьбами, мыслями, желаниями, поступками. И это всегда останется с Ллэром, до самого конца, сколько бы не суждено было прожить ему, как доа. Она даже пожалела, что спросила, что, вообще, завела разговор о прошлом, потому что уверенность в том, что сможет принять и справиться, таяла на глазах.

Ллэр вспоминал, рассказывал, а Мира все больше чувствовала себя непричастной, далекой, как будто прошлое вставало между ними и разделяло невидимой границей. Все отчетливей понимала, что теперь, зная, тоже не забудет. Не сможет. И каждое решение,

которое ей придется принять, так или иначе будет продиктовано этим знанием.

— Что же Урсейя? — тихо спросила Мира.

Ллэр будто почувствовал. Обернулся. Некоторое время смотрел на нее, и если бы она захотела, то могла бы встать и увидеть его глаза.

— Ее первым встретил Алэй и потом какое-то время скрывал от меня, — заговорил он снова. — Объяснил, что хотел сначала сам понять. Разобраться. Я, конечно, разозлился, но если откровенно- понимал его мотивы, потому что к тому времени меня уже начинало клинить на Нэште так же, как раньше заклинило на возможности иметь детей, — Ллэр горько усмехнулся. — Если бы я признался себе в этом тогда, то наверняка бы услышал и все остальное. Но я не смог. Когда я увидел ее... Практически точную копию Унали внешне и совершенно другого человека внутри, от которого идет нереальный, нечеловеческий свет и невидимая сила- я... Все ожило. Заиграло новыми красками. Понимаешь? Не любовь, нет, но навязчивая идея добиться результата, доказать, создать, исправить! Теперь в моей голове цель обрела новые очертания, новые мотивы. А Алэй примерно тогда же понял, что надо уходить. Оставить этот мир в покое, позволить жить своей жизнью. Я же... Он сказал- ты себя никогда не простишь. Я- нагрубил в ответ. Наговорил вещей, которые никогда не стоило говорить. Которые, вообще, не думал. Глупо. По-мальчишечьи, — он сглотнул. — Я так и не смог найти в ней следы моей ДНК, хотя был уверен, что Урсейя- не просто дальний потомок Унали. Я это знал. Как-то. Чувствовал. Но доказательств так и не получил. Она была менталом, сильнейшим из тех, кого мы встречали. И в то же время было что-то еще. Урсейя легко прошла мимо всех моих охранных систем, вошла в храм и при этом чувствовала в нем что-то, чего не видел я. Что-то, доступное только новым нэш. Она говорила мне почти все то же, что сказал Алэй. Раммари пришли, чтобы уничтожить.... Там, тогда, в тот раз, который видела ты... Урсейя показала мне, кем на самом деле становились нэш. Постепенно, сливаясь, поглощая своих смертных дуалов и даже тех, других, кому достался день... Показала мне третью расу. Она тоже просила меня остановиться. Но я увидел все по-своему. Решил, что у меня есть опыт и знания...и что я могу... Все.

— А потом?

— А потом я понял, что ошибся. В конечном счете, в последний момент от меня мало что зависело. Я не мог прекратить процесс, который, в этот раз уже точно, спровоцировал сам. Нэш уже жаждали перемен, моих перемен, о которых твердил я, которые прививал им я. Вместе с ними менялся и мир. И это разрушало те связи, которые делали возможным существование самой цивилизации. Это было как болезнь. Эпидемия, чума. Я пытался... — Ллэр осекся. — Они погибли все до одного. Мир- выжил, выстоял, переболел и вернул себе первоначальный внешний вид, он- прекрасен, тут я преуспел. Но здесь больше никогда не зародится разумная жизнь.

— Ты не можешь этого знать, — Мира села. — И боюсь, никогда не узнаешь, потому что у тебя больше нет вечности, чтобы вмешиваться и контролировать.

— Конечно, не могу. Но... любая эволюция- это изменения, а Нэшта теперь противится им, восстанавливается до одного и того же состояния, — тихо отозвался он. — В любом случае, ты права, я никогда не узнаю, ошибся ли в этом снова.

— Знаешь, чем хороша короткая жизнь? — она усмехнулась. — Так или иначе ты сосредотачиваешься на своих проблемах. Личных, не глобальных. Решаешь их, а только потом- проблемы мира, если вообще. И сейчас, — она пересела, придвинулась к нему, обнимая за шею и вынуждая посмотреть в глаза, — я- твоя главная проблема.

— Правда? Проблема? — он улыбнулся в ответ.

— Эль, почему ты выбрал Нэшгу для нас? — Мира отстранилась. Совсем чуть-чуть, чтобы видеть его лицо. — Только честно.

— Я очень люблю это место, и мне хотелось бы, чтобы кто-то еще его полюбил. Это честно. Не из-за чувства вины и желания что-то возродить, если ты это имеешь в виду. Мне просто здесь всегда было... спокойно.

— Кто-то еще? Вот так абстрактно, все равно, кто? Или хочешь, чтобы я, именно я полюбила это место и осталась здесь вместе с тобой?

— Хочу, чтобы ты... Останешься?

— Позволишь остаться?

— Мне, правда, нужно на это отвечать? — ухмыльнулся Ллэр.

— Да, — кивнула Мира. — Потому что мне, правда, нужно сейчас слышать, что ты лю... — осеклась, понимая, что требует слишком много. — Что я нужна тебе настолько, что ты готов рискнуть начать все с начала. Со мной. Здесь, на...

— Я люблю тебя, — чуть слышно сказал Ллэр, не дав ей закончить. Глядя в глаза. Серьезно, без тени улыбки или сомнений.

Адан остановился на поляне, приложил ладошку козырьком к глазам. Щурясь от солнца, посмотрел вперед. Узенькая, едва заметная тропинка, петляя между деревьями, убегала вверх по зеленому склону, а потом и вовсе исчезла из вида в густой траве.

Так легко заблудиться, но он не боялся. Откуда-то точно знал- в этом лесу никогда не потеряется.

Мальчик сделал еще несколько шагов, приближаясь к заветной цели. Нерешительно переступил босыми ногами, потом все же осторожно прижался щекой к шершавой коре, обнимая ствол. Недовольно засопел- с противоположной стороны руки и не подумали встретиться. Попытался еще раз, изо всех сил стараясь дотянуться, чтобы хотя бы кончиками пальцев коснуться друг дружки. Напрасно...

Адан отступил на шаг. Разочарованно вздохнул. Значит, еще не готов. Не вырос, хотя старался. И очень-очень хотел.

Обида захлестнула до слез. Но плакать нельзя. Плаксы- это маленькие дети, а он не такой. Он уже большой. Почти взрослый. Пусть до сих пор так и не смог обхватить дурацкое дерево!

Сжав кулачки, Адан яростно заколотил по коре.

— Причиняя боль другим, ты никогда не избавишься от собственной, — слышался строгий голос отца. Адан, как ужаленный, отскочил в сторону. Торопливо спрятал за спину руки, стыдливо отвел глаза. — Ну-ка, покажи, что у тебя там. Поранился?

Мальчик pokrutil головой, уткнувшись взглядом в перепачканные в земле пальцы ног.

— Точно? Не обманываешь? Не будет, как в прошлый раз?

Адан, не хотя, протянул руки, разжал кулаки. Досадливо поморщился- из небольших, но глубоких ссадин сочилась фиолетовая кровь. Противное дерево! С виду- приветливое и дружелюбное, но одно неосторожное движение- и гиволь сразу мстит.

— Вот видишь, — отец опустил на корточки перед ним, добродушно улыбнулся. — Наберись терпения, Адан. Совсем скоро у тебя получится. А сейчас, — он легко подхватил его на руки, прижал к груди, — пойдём-ка к маме лечиться.

Адан вздрогнул. Подскочил в кресле, не сразу понимая, где находится. Через пару секунд глаза выхватили из полумрака привычные очертания офиса.

Он удивленно уставился в окно, за которым пасмурный день давно сменился темнотой.

Ничего себе... Остался, называется, отвлечься, изучить новое дело! Вместо детального ознакомления с фактами проспал, как убитый, прямо за собственным столом несколько часов.

Адан не спеша помассировал затекшую шею, потянулся.

Ничего удивительного. Замотался, устал. В последние дни выспаться получалось с трудом. Тревожные мысли и беспокойство за Миру только усугубляли бессонницу. А вчера, когда переживать уже не надо было, долгожданный сон нарушил ночной налет проголодавшихся Миры и Ллэра. Они, наверняка, старались не шуметь, но все равно разбудили.

Впрочем, Адан и не думал злиться. Наоборот, обрадовался, застав на кухне светившуюся от счастья Миру, улетающую огромный сэндвич и одновременно пытающуюся соорудить такой же для Ллэра. С усмешкой вспомнил первый визит этой

парочки к нему несколько месяцев назад- осторожный, бессмертный атради и нахальная юная девица, у которых, на первый взгляд, ничего общего. А вот ведь как все обернулось... Как изменилось, как изменился сам. Уму непостижимо.

Он не стал им мешать. Перебросившись парой фраз, ушел к себе. Но почти до рассвета не смог заснуть.

Присутствие Миры заставляло острее чувствовать связь между ними, ощущать переполнявшие эмоции и её радость, счастье, но еще сильнее- собственную горечь и боль, от которых вполне успешно получалось оградиться с тех пор, как ушла Роми. Сейчас все вернулось. Неожиданной, мощной волной сметая на пути все преграды. Лишая сна, вынуждая думать о том, о чем уже тысячи раз думал. Приходить к выводам, которые давно сделал. Вспоминать, цепляясь за то, что было. Заново переживать. Размышлять, как могло бы сложиться все, если бы... Ругать себя за это.

Бесполезные, губительные мысли, которые не в состоянии запретить думать.

В итоге проспал почти до полудня, а в офисе, куда обещал приехать рано утром, появился только к обеду. Впрочем, с тем же успехом мог и не приезжать. Погрузиться в дела, забыться работой, как собирался, все равно не получилось. Но зато хотя бы выспался.

Адан еще раз потянулся, поднимаясь. Потом, вспомнив сон, в смятении рухнул обратно на стул, обхватил руками голову.

Это что же получается?! Ему приснился... родной отец?! Отец, которого не знал. Не помнил. По крайней мере, так всегда считал. Отец, чьих фотографий никогда не было в их доме. И приснился ли? Увиденное поражало четкостью и позабытыми, но очень детскими ощущениями. Пробуждало потрясающее узнавание, какое хаотичная игра подсознания уставшего, измотанного организма вряд ли могла создать.

Адан нахмурился, выпрямился, уставившись в одну точку. Попытался по обрывкам картинки определить, сколько же лет могло быть ему тогда.

Мама умерла, когда ему едва исполнилось шесть, но и мальчик из сна вряд ли намного старше. Только как такое возможно? Да и тот лес, поляна... Он никогда не видел ничего подобного в Бэаре, а ведь именно здесь провел все детство. А еще фиолетовая кровь, медленно сочившаяся из ранок на ладонях... Странное, могучее дерево, каких никогда не было и не могло быть ни в мегаполисе, ни за его пределами...

Адан замер, сраженный неожиданной догадкой.

Поляна, лес- никакой это не Бэар, а Эннера. Его родители были доа, могли свободно выходить из-под Крышки. Может быть, даже жили где-то за Сферой.

Это многое объясняло. Например, почему всегда чувствовал себя пленником, почему непохож на остальных бэарцев, почему в отличие от них сумел сохранить тот потенциал, который легко распознала и использовала Таль.

Объясняло и странную болезнь после смерти матери. Он тихо угасал, врачи не могли найти причину, списав все на переживания после потери, а на самом деле его мучил энергетический голод и последовавшие за ним преобразования.

Но все это не объясняло, почему не помнил ни отца, ни своего раннего детства. Оставалось только строить предположения. Может быть, последствия пережитых метаморфоз, когда исчезали способности. Может, таким образом мать перед смертью пыталась оградить его от ненужных и опасных воспоминаний, стерев память.

Звонок сотового, неестественно тревожный, а потому пугающий, заставил вздрогнуть. Не глядя, Адан нащупал кнопку, включая громкую связь. Удивился, услышав голос Таль:

— Не занят? Надо поговорить. Можешь приехать?

Удивление росло. Таль, избегавшая его всю неделю, пока отсутствовала Мира, не просто первой связалась с ним, заявившись по обыкновению в офис или еще куда-нибудь, ставя перед фактом, а позвонила. Это уже что-то новенькое! Или, вернее, давно позабытое старенькое в их отношениях.

— Сейчас?

— Да, — что-то в ее тоне Адану не понравилось.

— Что случилось? — спросил он.

— Просто приезжай. Поговорим. Запоминай адрес.

Удивление сменилось искренним изумлением, когда на месте назначенной встречи оказался самый обыкновенный ювелирный магазин, ни чем не отличавшийся от остальных зданий торгового центра- такие же броские неоновые вывески, прозрачные защитные жалюзи на окнах, за которыми яркими пятнами в ночной темноте выделялись витрины, пустые тротуары.

Адан еще раз сверился с навигатором кабриолета, хотя и без него прекрасно знал этот район Бэара. Знал, но все равно до последнего момента ожидал увидеть что-то особенное. Что-то, что выходило за рамки привычной жизни Мегалополиса, напоминая, кто он теперь и с кем имеет дело.

Припарковавшись, некоторое время сидел в машине. Чувствовал присутствие Таль, ее нетерпение, но не спешил. Что бы не понадобилось Ли, им, действительно, стоило поговорить. Раз и навсегда расставить точки. Поэтому он, не раздумывая, согласился на встречу. А теперь медлил, понимая, что разговор легким не получится. Да и откровенным тоже вряд ли.

Вышел из машины, направляясь к зданию. Потом остановился и просто перенесся туда, где его уже ждали.

— Ювелирный магазин, Ли? — выразительно вскинув брови, бросил Адан. — Странный выбор для свидания.

— Между прочим, тебе следовало его помнить, — хмыкнула Таль, кивая на свободное кресло и явно игнорируя последнее предложение.

— Почему, если не секрет? — спросил он, не торопясь садиться. Внимательно огляделся.

На первый взгляд самый обычный кабинет менеджера магазина. Достаточно просторный, только без окон. В правом, дальнем от двери углу- письменный стол, ноут, кресло. Слева вдоль стены- неудобный узкий бежевый диван, такие же незамысловатые кресла впритык к нему с двух сторон, между ними- стеклянный прямоугольник журнального столика. И только мягкий, желтоватый свет из спотов придавал комнате немного уюта.

— То самое наследство от отца, которые ты помогал мне получить, — усмехнулась Таль.

— Неужели? — Адан повернулся к ней. Опустился в кресло. — Я думал, это такое же вранье, как и все остальное, что ты мне тогда наговорила.

Ли поджала губы, нахмурилась. Какая-то непривычно отстраненная, растерянная. А еще- уставшая. В темных брюках и просторной синей блузке без намека на соблазнительный откровенный наряд, в которых обычно щеголяла перед ним.

— Давай не будем... Снова... — попросила она. — Есть вещи важнее.

— Есть, и много, — согласился Адан. — О каких из них ты хочешь поговорить?

— О деле, за которое ты взялся.

— А... — он удивленно уставился на нее. — Ты откуда... Почему?

— Называй, как хочешь. Интуиция, знание, предчувствие. Просто доверься мне и откажись. Ты можешь остаться в Миере у меня. Или в другом месте Актариона. Я все могу устроить, ты ни в чем не будешь нуждаться, осмотришься... А если не хочешь туда, можешь остаться в замке Самара. Поверь, так будет лучше.

Адан несколько секунд внимательно смотрел ей в глаза. Кажется, Таль говорила на полном серьезе.

— Понимаешь... Проблема в том, что я не вижу причин отказываться, — заговорил он. — Если ты предпочитаешь их не называть, а просто довериться тебе, то... Без обид, но доверие- это не то, чего было много в наших отношениях.

— У меня нет причин. Таких, — устало вздохнула она, — какие удовлетворили бы тебя. Но... Я прошу еще раз... в последний раз- доверься. Бэар- не место для таких, как ты. Он тебя погубит.

— Мы это уже обсуждали и, мне казалось, все решили.

— Не все. Я кое-что выяснила. О твоей семье.

— Ты о чем? — Адан напрягся, мрачней. Неужели, Таль опять копалась в его голове и уже успела подглядеть странный сон? Иначе, как объяснить такое совпадение.

— Я пыталась понять, почему таких, как ты, больше нет в Бэаре. Вернее, почему именно тебе удалось сохранить гены доа такими сильными, — она усмехнулась. — Я не верю в случайности. Даже там, где есть исключение, должно быть правило. Вот я и пыталась его найти.

— Нашла?

— Твоих родителей убили.

— Но... — во рту пересохло. Адан смотрел на Таль и сопротивлялся, запрещая себе верить. Не желал осознать, осмыслить, потому что это тоже означало бы- поверить. — С какой стати?

— Бэар- закрытый мир. Он не терпит отличий, особенно, таких. Всегда найдутся люди, кто заметит. Догадается. Захочет использовать или, наоборот, избавиться.

— Ты можешь это доказать?

— Нет, — она качнула головой. — К сожалению, пока нет. Это лишь предположение. Которому, — поспешно добавила, видимо, заметив, что он собирается возразить, — есть очень серьезные предпосылки. У меня есть все основания так думать.

— А у меня- сомневаться, — парировал Адан. — Зато десяток причин, почему не стоит верить тебе. Ты скажешь, что я снова возвращаюсь к одному и тому же. И будешь права, но не я виноват, что ты предпочла сделать все именно таким образом. Не говори, — жестом остановил ее, — что у тебя не было выбора. Или что я бы не поверил. Возможно, ты права. Возможно. Но если бы с самого начала ты откровенно призналась, кто ты, зачем пришла... Рассказала про Миру, про то, что и почему ты собираешься сделать...

— Ты бы отказался!

— Может быть. В самом начале. Но настойчивости и изобретальности тебе не занимать. Ты нашла бы способ доказать. И вот тогда это было бы мое решение, становиться доа или нет. Тогда я бы оказался готов ко всей чертовщине хотя бы морально. Это был бы осознанный выбор. Мой собственный, а не тот, который мне навязали, использовав и поставив перед фактом.

— Да! Пусть! Ты прав! Я ошиблась тогда... — Таль вскочила, нервно прошлась по комнате. Вернулась, снова села. Посмотрела на него. — Неужели, никогда не сможешь простить?

— Не знаю, — Адан пожал плечами. — Возможно, потом... когда-нибудь. Не сейчас.

— Ты говоришь так, словно ненавидишь меня.

— Нет, не ненавижу. Может, и хотел бы, но не могу, — он задумчиво покачал головой. Встретился с Таль взглядом. — Ты- мать Миры. Часть всего, что со мной случилось. Такая часть, которую захочешь- не забудешь. И это все... мешает, понимаешь?

— Это или Роми?

— Роми ни при чем. Она любит Алэя, — ответил он, поспешно отводя взгляд. Может быть, слишком поспешно.

— Но ты любишь ее, так?

— Нет, — соврал Адан, заставив себя посмотреть Таль в глаза. — Роми не имеет никакого отношения к тому, что случилось между тобой и мной. Тем более, к тому, чего уже не случится.

— То есть все, что произошло у водопада- ничего для тебя не значит?

— Значит. Например, что ты- красивая, соблазнительная женщина, способная свести с ума любого. Но ничего не меняет в нашем с тобой будущем, — он замолчал, ожидая ответа, но Таль ничего не сказала. Просто сидела напротив, сцепив руки в замок. Смотрела куда-то перед собой, покусывая нижнюю губу. Словно что-то сосредоточенно обдумывала. — Ли, не знаю, зачем ты придумала всю эту историю с моими родителями, но прошу тебя, — заговорил Адан, — не пытайся больше мной манипулировать. Никогда. Какие бы цели ты не ставила...

— Цели? — она резко обернулась. Зло бросила:- Нет у меня никаких целей. Я, как и ты, испугана. Может, гораздо больше, чем ты, потому что от меня все теперь ждут чуда. Потому что я взвалила на себя огромную ответственность за чужие жизни. Думаешь, только ты пострадал? Только ты- жертва? А ты пытался хотя бы на минуту представить, каково мне? Вы все... Ты, Мира... уверены, что я сплю и вижу, как бы изменить мира!

— Хочешь сказать, это не так?

— Не так! — почти выкрикнула Таль. Помолчала. Уже спокойнее продолжила:- Хочешь и этому доказательств? Пожалуйста. Мира теперь знает, как убрать Сферу. Знает, как Самар создал Плешь. В теории, конечно... И если бы я мечтала о том, в чем ты меня обвиняешь, я бы уже всю проверила на практике ее знания, не так ли? Не догадываешься, почему я этого не делаю?

— Догадываюсь... — Адан поднялся. — И очень хочу тебе верить. Только это все равно ничего не меняет. Между тобой и мной не меняет. Поэтому прошу, не настаивай. Бэар- мой мир, часть меня. Я должен найти себя здесь. Суметь выжить, хотя бы попробовать. Может быть, в итоге пойму, что это бесполезно. Признаю, что ты права. Возможно, мне даже потребуется твоя помощь, но пока... Я хочу сделать все сам. И мне необходимо время.

Таль тоже встала.

— Если я смогу доказать, что их убили, обещаешь, что не останешься в Бэаре?

Адан покачал головой. Мягко коснулся поцелуем ее губ.

— Береги себя, Ли.

— Ты тоже.

Последние этажи замка с трудом проглядывались сквозь плотную серую дымку.

Казалось, свинцовые тучи громоздятся прямо над головой, и вот-вот начнется ливень, обрушивая из тяжелых облаков на землю потоки воды.

Адан не стал дожидаться и проверять. Он не за этим пришел сюда.

Миг, и он уже в комнате Роми.

Воздух пропитан благовониями. Дышать трудно. К тому же невозможно душно, жарко. Вокруг- темнота. Но еще через мгновение глаза привыкают, позволяя разглядеть кровать, приблизиться.

Роми лежит на спине. Неподвижная, словно мраморная статуя. Только закрытые веки изредка подергиваются, подтверждая, что она все еще жива.

Адану страшно. По-настоящему. Но кроме страха есть что-то еще. Что-то, что сильнее. Что заставляет сбросить оцепенение, сделать еще шаг, прикоснуться к ледяной коже.

Мелькает мысль, что сама природа изо всех сил старается уничтожить тех, кто когда-то на этой земле нарушил Закон Кольца, заставить страдать, в муках искупить вину.

Адан гонит ее прочь. Если Роми когда-то что-то и нарушила, то уже заплатила сполна вечной жизнью.

— Ты сильная, ты справишься. Обязательно справишься. Снова станешь доа и будешь счастлива.

В полутемном, прокуренном баре было полно свободных столиков. Все, если быть точной, не считая крайнего слева, у самой лестницы, ведущей вниз. За ним, небрежно откинувшись на спинки стульев и скрестив ноги, расселись двое молодых, светловолосых мужчин. Курили, негромко разговаривали. Заметив их, на мгновение замолчали.

Еще один, тоже блондин, в таких же, как у этих двоих, темных брюках и белой футболке (наверное, униформа) сосредоточенно натирал и без того блестящую барную стойку. В отличие от напарников приветливо улыбнулся и, отбросив тряпку в сторону, выпрямился. Уставился на них, видимо, дожидаясь, направятся ли к бару или сразу в зал за столик.

Еще по дороге сюда Адан пояснил, что посетители начнут прибывать ближе к вечеру, а в послеобеденные часы в «Нольд» мало кто заглядывает. Это обстоятельство устраивало Миру больше всего. Конечно, они оба, вместе и каждый по отдельности, с легкостью могли добиться эффекта «невидимок» даже в толпе, но специально прятаться от людей не хотелось. Наоборот, Мира испытывала необходимость снова почувствовать себя обычной, как раньше- до всех превращений, метаморфоз, чудес и проблем, когда можно заказать коктейль или что-то покрепче, расслабиться, поболтать, наслаждаясь приятной компанией и неспешными разговорами с друзьями, не отвлекаясь на чужие мысли.

На первый взгляд немногочисленный «Нольд» казался идеальным местом именно для такого времяпрепровождения.

Овальная стойка с глубокими креслами в правом углу выглядела заманчиво- широкий выступ в стене скрывал их от любопытных глаз и вместе с тем оттуда просматривался весь первый этаж, входная дверь, лестница, ведущая в нижний зал.

— Здесь?

— Давай, — согласился Адан. Помог ей сесть, сам вальяжно растянулся напротив, вытянув ноги и откинувшись на спинку. Мельком посмотрел на наручные часы и сделал знак бармену приблизиться.

Глаза привыкли к полумраку, и теперь с легкостью можно было рассмотреть незамысловатый интерьер.

Как и во многих зданиях Бэара, внутренний декор состоял в основном из пластика, стекла и металла. Только в отличие от Миера, цветовая гамма была гораздо спокойней. Вместо обилия насыщенных цветов преобладал черный, серый и белый. Гораздо реже- голубой и светло-зеленый, и как раз их в «Нольде» не наблюдалось.

Темный потолок в сверкающих брызгах светодиодов, отдаленно напоминающий звездное небо; серые стены с блестящими вставками из металла; черный пол с отражающимися точками-лампочками; огромные окна в человеческий рост с толстыми, затемненными стеклами. Удобная, простая мебель- металлические столики овальной формы, круглые кресла и высокие стулья из белой или черной пластмассы. Никаких свечей, дополнительных светильников, ламп, картин, статуэток.

Единственное «украшение»- сама барная стойка, черная, причудливо изогнутая. Отсюда не разглядеть- то ли пластик, то ли металл. За ней- множество полок с подсветкой, уставленных бутылками, бокалами, стопками, стаканами...

— Как же давно я не была... в баре. В таком баре, — задумчиво пробормотала Мира.

— Да уж. Никогда бы не подумал, что после Плеши захочешь прийти сюда, — Адан

встретился с ней взглядом, задорно усмехнулся. — Я сам долго не решался. Если бы не Таль, то вряд ли когда-нибудь пришел бы сюда. Но она привела чуть ли не силой. И знаешь, мы с ней сидели, разговаривали, а мне все казалось, что сейчас обязательно что-то случится. Что-нибудь этакое. Потемнеет в глазах и...

— Я не попадала в Плешь отсюда. Бар навязал нам ты. Но знаешь, я зато вряд ли когда-нибудь еще раз сяду в таксилет, — улыбнулась Мира. — Особенно, с Таль.

— Я думал, вы ладите.

— Мы ладим, — рассмеялась она. — Во всем, что не касается полетов на таксилете. Это даже не обсуждается.

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как Мира вернулась с Фахтэ. За это время они с матерью научились понимать друг друга и действительно ладили.

Таль не переставала удивлять. Словно она теперь и та, прежняя, до Плеша- два совершенно разных человека. Словно превращение в доа изменило ее до неузнаваемости.

Во всем, что касалось совместной работы в Институте крови, Таль откровенно делилась с Мирой знаниями, терпеливо объясняла, показывала, учила. Требовала от нее инициативы, не злилась, когда не получалось. Не настаивала раскрывать тайны Самара, не пыталась ничего выпытать, не проникала в мысли. Никакого высокомерия или пренебрежения.

В остальном, что так или иначе имело отношение к личной жизни каждой из них, они продолжали соблюдать вежливую дистанцию.

Это устраивало обеих, особенно, в начале. Никто ни на кого не давил, не лез в душу. И в какой-то момент холодок отчуждения сам собой исчез, сменился уважением, заботой и даже доверием. Настолько, что Таль оказалась первой и единственной пока, к кому Мира смогла обратиться за помощью и откровенно поделиться неожиданным секретом.

Вспомнив об этом, Мира помрачнела. Но почувствовав внимательный взгляд Адана, заставила себя беззаботно улыбнуться. Обернулась к подошедшему бармену, чтобы сделать заказ, но Адан опередил.

— «Сапфир» ей и «Страсть» мне, — названия ничего не говорили, но Мира не стала выяснять, полагаясь на его вкус. — И побольше льда. А еще фисташки. Тебе понравится, — заверил Адан. Наклонился вперед, приподнял край светлой рубашки, из заднего кармана белых джинс вытащил помятую пачку. Достал сигарету, остальные бросил на стол.

— Не сомневаюсь, — Мира проводила взглядом уходящего бармена. Нахмурилась, поворачиваясь обратно к Адану. — Ты снова куришь?

— Почему снова? — он удивленно вскинул брови. Щелкнул пальцами, отчего на самых кончиках на мгновение загорелось слабое фиолетовое пламя. Прикурил, глубоко затянулся. — Я никогда не бросал. Был период, когда не хотелось. Прошло, — ухмыльнулся, выпуская дым. — Есть привычки, от которых трудно избавиться.

Последние слова напомнили Ллэра, и Мира невольно улыбнулась- слишком не похожими они были. Настолько, что даже если бы Адан скопировал голос и интонацию, фраза все равно прозвучала бы совершенно по-другому.

— Ну, рассказывай.

— Что? — не поняла Мира.

— Все, — он подмигнул. — Как там Ллэр?

— Привыкает к новой жизни.

— Получается?

— Надеюсь. Это не просто.

— Не просто, — согласился Адан, усмехнулся. — Я до сих пор не привык. И знаешь, вряд ли когда-нибудь смогу. Все так изменилось. Мы сами, мой мир... Все вдребезги. Все теперь не так, — вздохнул. — Я иногда пытаюсь вспомнить, как было до. Каким был я. И не могу.

Мира помолчала, внимательно вглядываясь в его лицо. Но он, видимо, хорошо научился скрывать мысли, потому что ничего, кроме грустной улыбки и печального, уставшего взгляда, она не увидела.

— Почему ты сопротивляешься? — тихо спросила. — Почему не позволяешь себе принять перемены, новую действительность? Стать ее частью... Адан, я не верю, что не можешь или боишься. Ты не хочешь. Изо всех сил цепляешься за прошлое, хотя понимаешь, что как прежде уже не будет. Ты сам изменился, все вокруг изменилось, и это необходимо принять...

— Необходимо. Думаешь, мне бы не хотелось? — перебил он. — Еще как, но... Не получается. Совсем. И я порой очень тебе завидую.

— Мне? — удивилась Мира. — Чему же?

— Хотя бы тому, что из нас всех ты быстрее всего приспособилась, научилась. Без сожалений оставила позади прошлое.

— Там не было ничего ценного, о чем стоило жалеть, — улыбнулась Мира. — Настоящее мне нравится определенно больше.

Адан затаился, глядя на тлеющий конец сигареты.

— Ты что-нибудь знаешь про Роми?

— Что-нибудь знаю, — отозвалась Мира. — Не много. Мы не очень-то общаемся, потому что... — замялась. Рассказывать Адану про непростые отношения Ллэра с отцом не собиралась. Главное он знал и без нее, подробности ничего не меняли. К тому же, многое в их отношениях она все еще не понимала сама, хотя признавала, что вековые разногласия за пару недель смертной жизни не сотрешь из памяти. Поэтому не вмешивалась, предоставив им самим разбираться с прошлыми обидами. А если уж совсем откровенно, то ее вполне устраивало, что не приходится пересекаться ни с Алэем, ни с Роми. — Вроде бы они все еще здесь, на Эннере. Как и многие другие из бывших атради. Приходят в себя, осваиваются.

Адан опять затаился. Задумчиво пробормотал:

— Надеюсь, у Роми все в порядке.

Мира поморщилась. Помахала перед лицом рукой, разгоняя дым.

— А по-моему, надеешься, что все как раз наоборот, — ухмыльнулась, догадываясь, в чем настоящая причина непроходящей меланхолии Адана. — Ромиль все еще тебя волнует?

— В каком смысле?

— В том самом, — Мира многозначительно вздернула брови, обмениваясь с Аданом выразительным взглядом. Пусть он научился скрывать эмоции и мысли, но их связь оставалась такой же сильной, чтобы моментально почувствовать фальшь. — Я надеялась, переспите, и пройдет. Неужели, любовь?

— Так ты знаешь? — удивился Адан. — Роми рассказала?

— Таль.

— Таль? — изумленно переспросил он. — А она разве?..

— И знает, и считает, что именно из-за рыжей у вас с ней ничего не получилось.

— Но откуда...

— Такое не скроешь, все же видно. Сразу. Забыл?

— Точно, — нахмурился Адан. Нервно затушил сигарету. — Я как-то не подумал об этом тогда.

— И зря! — раздраженно, с плохо скрываемой злостью бросила Мира. — Думать как раз стоило, раз именно от Таль зависело последнее преобразование рыжей... — испуганно замолчала, понимая, что почти проговорилась.

— Ты что имеешь в виду? — осторожно спросил Адан, не сводя с нее пронизательного взгляда.

tab>Ну вот... Сейчас посыпятся вопросы. А тогда придется рассказать, как застала Таль у постели Роми, когда мать явно собиралась внести определенные коррективы в выздоровление будущей доа. Пусть и оставалась надежда, что в конце концов Таль одумалась бы. Остановилась, удержалась, потому что гордая ученая одержала бы победу над ослепленной ревностью женщиной... Только вот никаких гарантий не было. И что самое пугающее- в тот момент Мира не только сразу нашла оправдание поступку матери, а неожиданно для себя поняла, что на ее месте, в такой же ситуации, при похожих обстоятельствах и возможностях поступила бы так же.

На счастье Ромиль Эннавара тогда у Миры получилось посмотреть на всё с другой точки зрения, не позволив Таль совершить непростительную, жестокую глупость. Правда, любви к рыжей от этого не прибавилось. И это была еще одна веская причина, почему Мира предпочитала держаться подальше от Алэя и Роми. Зная себя, иллюзий не питала- однажды не сдержится, выскажется, и лучше от этого никому не станет.

— А то, что ты прекрасно знал, как относится к тебе Таль, и не должен был идти на поводу у желаний! Представь себя на ее месте... Могли бы подождать, пока все не закончится, а уж потом...

— Не могли, — оборвал Адан.

— Ну еще бы... Алэй пришел бы в себя и помешал, да?

— Мир, ты, правда, думаешь, мы это планировали? Терпеливо ожидали, когда Ллэр с Алэем уйдут в бессознанку, ты- спасти атради, а Таль- превращать их в доа? — он горько усмехнулся. — Все было не так. Все случилось само собой. Роми пришла ко мне, чтобы спросить про тебя, и... — он замолчал. Провел в воздухе рукой, видимо, предлагая самой мысленно закончить за него фразу.

— Ага, Роми пришла и... — фыркнула Мира.

— Не веришь?

— Тебе- да. Ей- нет. Она знала, зачем шла. И это... это... — запнулась, не находя подходящего слова. — Это подло...

— Ты ошибаешься. Роми не знала. Правда, не знала. Она ничего не планировала. И Алэй тут ни причем...

— Что значит ни причем?! У них же там такая вечная любовь, прям куда там! А она...

— Ты не понимаешь. Хотел бы я объяснить, но... — Адан беспомощно развел руками. — Ты все равно никогда не поймешь.

— Потому что дура? — Мира разозлилась.

— Нет. Просто ты- другая, — Адан вдруг ласково улыбнулся. Наклонился к ней, прикасаясь тыльной стороной ладони к щеке. Мягко, нежно. — Мне надо было влюбиться в тебя, а тебе- в меня. Все было бы по-другому. Надеюсь, Ллэр сумеет...

— Сумеет что? — она отшатнулась. Нахмурилась.

— Сделать тебя счастливой.

— А ты бы сумел, да? — хмыкнула Мира. — Учитывая твою болезненную страсть к рыжей, мне как раз повезло, что я влюбилась в него, а не в тебя.

— Я не об этом.

— Напекаешь, он такой же, как Роми? Не способен на верность? — тихо спросила она. — Полигамия и все такое?

Адан не спешил отвечать. Молчал, пристально глядя в глаза и улыбаясь краешками губ.

Она тоже молчала. Хотела и одновременно боялась услышать ответ. Надеялась, что он развеет нелепые страхи. Понимала, что в действительности все окажется наоборот- слова Адана превратят собственные опасения в реальную, уже озвученную угрозу. Ведь сама не раз в последнее время размышляла именно об этом.

Напускная беззаботность бесследно исчезла. Прежние страхи и сомнения- навалились разом. Больше не получалось придумывать для самой себя отговорки. А следом пришло четкое понимание, почему до сих пор ничего не рассказала Ллэру про беременность.

Она боялась. Ужасно, панически боялась. В первую очередь реакции Эля на новость. Собственные неуверенность и переживания, что не готова стать матерью, что слишком рано, слишком неожиданно, пусть обещала себе когда-нибудь задуматься об этом... Слишком невероятно, потому что ни один из них не подозревал, что такое возможно. Все это на самом деле было не существенно, не важно, решается. Даже без убеждений Таль родить этого ребенка, без рассказов, каким уникальным он может оказаться, Мира почти сразу все решила.

Главным неизвестным в новом уравнении оставался Ллэр. Вот он-то точно не собирался становиться отцом. Наверняка не предполагал, что такое возможно даже в теории. Оказалось, что да. При превращении в доа регенерация тканей коснулась всех функций организма.

Только как Эль отнесется к будущему отцовству? Какой будет теперь их жизнь?

Мира не искала способа привязать к себе, не пыталась контролировать, хоть в чем-то ограничить его свободу, в том числе- свободу выбора. Она любила Ллэра до последней клеточки, всецело верила, потому что знала: Эль- смысл ее жизни. А если когда-нибудь перестанет им быть, у нее хватит сил пережить, смириться.

А теперь получалось, что кроме Ллэра появился иной смысл, гораздо важнее, но который привяжет к нему еще больше. Уже навсегда. Их ребенок.

Как Ллэр такое воспримет? Обрадуется, потому что когда-то давно безумно хотел иметь детей? Сбежит, потому что груз прошлого слишком тяжелый? Останется из чувства долга, потому что еще помнит, как когда-то самому не хватало отца, и потому не допустит повторения истории?

— Мира! — настойчивый возглас Адана вернул в реальность. Если он что-то и ответил на ее вопрос, она просто не услышала. Удивленно таращилась на него, не понимая, когда на их столике успели появиться два стакана. — Что с тобой? Ты в порядке?

— Не совсем. Поэтому давай выпьем, — она подхватила ближний к ней коктейль, подняла стакан, едва не расплескав содержимое. В воздухе моментально запахло алкоголем. Натянута улыбнулась. — А еще лучше- давай напьемся. Забудем обо всем, а? И повод есть. У меня будет ребенок.

Время летело.

Они и не заметили, как «Нольд» наполнился людьми. Беспечно болтали, сменили десяток тем, делились новостями и планами. Смеялись, подтрунивая друг над другом.

У Адана получилось развеять ее сомнения, вселить уверенность. У нее- перестать сыпать обвинениями, понять и принять причины, по которым он никогда не сможет быть с Таль. И что дело вовсе не в Роми. И даже пообещать Адану попробовать подружиться с рыжей взамен на его обещание принять перемены и позволить себе стать собой.

Вместе удалось поверить, что рано или поздно время все расставит по своим местам. Что когда-нибудь они обязательно снова соберутся все вместе. Адан, она, Ллэр, Таль, Роми, Алэй, как в ту ночь на террасе замка. Вспомнят прошлое, расскажут о настоящем. Улыбнутся, осознав, что каждый из них давно перевернул страницу. Что независимо от того, вместе они или порознь, они навсегда останутся одним целым, историей. Единственными, кому известна вся правда о гибели Тмиора и возрождении Эннеры.

Они ничего не заметили даже тогда, когда голоса вокруг смолкли. Когда повисла неожиданная, мрачная тишина. Когда полумрак бара осветился яркими, короткими вспышками...

Адан среагировал первым. Успел что-то крикнуть, повалить Миру на пол, накрывая ее тело своим. А потом, еще не до конца осознавая, что произошло, она машинально перенесла обоих подальше от «Нольда». За Сферу, к прозрачному куполу, под питательные лучи.

Только все равно слишком поздно.

Смерть- какое страшное слово. Бездна, непоправимое, ужасное.

Теперь она знает, что это такое. Как это- умереть. Как это, когда умирает близкий и родной человек.

Мира сидела на песке, поджав под себя ноги, обхватив плечи руками. Адан лежал рядом, нелепо раскинув в стороны руки. В зеленых, стеклянных глазах маленькими сиреневыми точками отражалась луна. На посиневших, утративших естественный розовый цвет губах застыла усмешка, как будто Адан сам не верил в то, что случилось. Светлая рубашка залита фиолетовой кровью. Мирино красное платье- тоже. Только сейчас это не имело никакого значения, потому что кровь не ее, Адана. Цена за то, что она, Мира, продолжит жить, а он- уже нет.

Адан умер сразу, быстро, мгновенно. Еще там, в «Нольде», когда спасая, накрыл собой. А Мира каждой клеточкой почувствовала, как моментально оборвалась его жизнь. Миг, когда сначала остановилось его сердце, а потом, на долю секунды- ее, разрывая связь. Потом забилось снова- быстрее, сильнее. И появилась эта невыносимая боль, острая, огненная. Словно огромной иглой проткнула насквозь, придавила к земле. Не отпускала, заставляя снова и снова переживать всю гамму кошмарных ощущений последних секунд.

Она задыхалась. Не могла пошевелиться, не могла отвести взгляда от неподвижного тела, не могла даже подняться. Потеряла счет времени, не понимая, сколько минут или, может быть, часов просидела вот так. А потом все-таки сумела выдавить из себя слабый шепот, постепенно переходящий в истеричный вопль:

— Эль! Э-э-э-эль!

Ллэр появился тут же, в нескольких шагах. Испуганный, бледный- кажется, она не просто позвала, а передала ему часть своего ужаса. Выплеснула в крике.

— Мира... — выдохнул он, в следующую секунду уже был рядом, что-то невнятное пробормотал, падая на песок. — Кровь... Это... — попытался одновременно обнять ее и увидеть, откуда кровь. — Что...

— Адан... — еле слышно пояснила Мира.

— Кровь- его? — понял Ллэр, но выпускать не спешил. Когда Мира кивнула, бросил

быстрый взгляд через плечо, потом крепче прижал ее к себе. — Что случилось?..

— Я не... Не знаю. Мы были в «Нольде», разговаривали, а потом... я... Слишком поздно... — она не смогла закончить предложение. Резко замолчала, практически силой обрывая кошмарное воспоминание последних секунд в баре. Закусила губу, чтобы не расплакаться, и уткнулась в плечо Ллэра.

— Тихо, тихо, — прошептал он, — все будет... — осекся. Наверное, хотел сказать «хорошо», но ведь так- не будет! Мягко коснулся губами ее волос.

Но Адана больше нет. Не будет. Никогда.

— Уже нет. Никогда, — прошептала Мира, озвучивая мысли и словно только сейчас осознавая весь ужасный смысл случившегося.

Они никогда не встретятся, чтобы поболтать. Ей больше не к кому и некуда приходить, чтобы посплетничать о бывших атради, ставших доа. У нее больше нет преданного друга, с кем можно поделиться последними новостями или посоветоваться.

И уже привычная ярость затмила боль.

Она выпрямилась, с ненавистью уставилась на сверкающую в лунном свете Сферу.

— Мира... — настороженно проговорил Ллэр, отстранился, попытался поймать ее взгляд. — Мира... я...

Она обернулась, встречаясь с ним глазами. Слегка качнула головой, прося позволить сделать то, что чувствовала сейчас, что хотела больше всего- отомстить. Уничтожить.

И Ллэр выпустил, оставаясь на песке.

Она шагнула вперед, к Сфере, уже вскинула руки, когда путь преградила Таль. Тоже бледная, испуганная. Приблизилась к Мире вплотную, обхватила ладонями ее лицо, вынуждая посмотреть в глаза.

— Нет, девочка моя. Нет. Погибнут люди. Те, кто ни в чем не виноват.

Мира зло мотнула головой. Люди? Эти сытые ублюдки, лившие жизни Адана? Это о них она должна думать? Их жалеть? Да ни за что!

— Послушай меня, — не унималась мать. — Обещаю, что разберусь. Накажу тех, кто... — голос дрогнул. Синие глаза подозрительно блеснули, выдавая слезы. — Сейчас важнее всего на свете ваш ребенок. Ты должна думать только о нем. Он- будущее. Смысл всего, — Таль перевела взгляд за спину Миры. Крикнула, обращаясь уже не к ней. — Прошу тебя, забери ее! Ей нельзя сейчас здесь находиться!

Зашелестел песок. Может быть, Ллэр вставал нарочито громко, может быть, ее слух обострился, но Мире показалось, что сейчас она слышит каждую песчинку, вздрагивающую от его движений, шагов.

Миг, и Ллэр уже стоял рядом, обнимая за плечи.

Еще миг, и вместо сиреневого неба- черное, с россыпью звезд. Вокруг- тишина, нарушаемая только биением собственного сердца.

Нэшга.

Мира выдохнула, потом жадно схватила ртом холодный воздух, и еще раз, еще, как будто не могла надышаться. Или, правда, не могла.

Еще миг, и ощущения вернулись в норму. Ненависть и ярость исчезли.

Только боль никуда не делась.

— Эль, милый, не выпускай меня отсюда, — попросила Мира, слабя. Покачнулась и тут же почувствовала, как ее подхватили сильные руки. Удержали, помогая устоять на ногах. — Таль права, я не должна... Но вряд ли смогу остановиться, если снова окажусь там,

а вы не справитесь, потому что... — осеклась, вспоминая, что еще сказала мать. Замерла, боясь повернуться. Боясь даже пошевелиться или вздохнуть.

— Ребенок? — спросил Ллэр едва слышно, в самое ухо, обжигая дыханием.

Мира нервно сглотнула, решаясь. Хуже, чем сейчас, вряд ли возможно. Даже, если Ллэр не примет и уйдет. Молча кивнула.

— Почему не сказала?..

Она не стала врать. Честно призналась:

— Боялась твоей реакции, — помолчала. Шепотом добавила:- И все еще боюсь. Только... Я все равно его хочу. Не потому что он там какой-то особенный, — Мира все же обернулась. Встретилась с Ллэром взглядом, пристально посмотрела в глаза. — А потому что он наш.

Таким растерянным она его еще не видела. Растерянным, удивлённым и, кажется, тоже напуганным. И все равно он улыбался.

— Зря боялась, — Ллэр несколько раз моргнул, сглотнул. Обхватил её лицо ладонями. — Это я за вас теперь буду бояться...

— Будешь? — зачем-то переспросила Мира.

— Обязательно.

— Значит, ты... рад? — спросила она, все еще не до конца осознавая его реакцию.

— Господи, ты еще спрашиваешь!.. — Ллэр рассмеялся, легко коснулся губами ее губ, обнял, приподнимая над землей, снова поцеловал. — Еще бы! Я просто... — он качнул головой, осторожно опустил Миру. Отстранился. — Да, я... да.

Из груди вырвался вздох облегчения. А потом снова вернулась боль.

— Какая же я дура... — Мира беспомощно огляделась. Подняла глаза на Ллэра. Тем, что она сейчас жива, тем, что у них родится малыш, тем, что, вообще, встретила с Элем, она обязана Адану. Только теперь уже никогда не сможет даже просто сказать спасибо. — Адан... Он говорил, что ты обрадуешься, а я не верила. Мы ведь... Мы из-за меня туда пошли. Это я захотела... — она судорожно вздохнула. В отчаянии обняла Ллэра и расплакалась.

Он крепче прижал её к себе, ничего не говоря. А Мира, больше не сдерживаясь, дала волю слезам. Потом, когда все-таки сумела успокоиться, они еще долго стояли, обнявшись. Молчали.

Наконец, Ллэр шепнул:

— Ты сказала, наш ребенок будет «какой-то там особенный»?

— Так считает Таль, — она отступила назад, чтобы видеть его лицо. — Помнишь ту ночь, когда я привела тебя в мир тлай, и мы... — Ллэр кивнул, и Мира продолжила:- Это случилось тогда. Мать уверена, что наши с тобой гены, помноженные на энергию доа после всех пережитых метаморфоз, способны дать начало новой расе.

Он усмехнулся.

— И чем это нам всем грозит?..

— Не знаю... Никто не знает, — Мира невольно улыбнулась. — Страшно?

— Да, — Эль улыбнулся в ответ. — И это совсем не смешно!

— Ты еще можешь отказаться, — она одарила его выразительным взглядом.

— Я ещё могу рассердиться на подобные предложения, — ухмыльнулся он. — Да, да! Легко ты от меня не отделаешься!

— Во-первых, это была шутка. Во-вторых, — Мира серьезно посмотрела на него, — я

никуда тебя не отпущу. А еще, — она прищурилась, — твой отдых закончился. Придется поторопиться с нашим домом на Нэшге.

Ллэр оглянулся на поляну за спиной, снова посмотрел на Миру.

— У меня как раз созрел один проект... Ну, почти созрел. Кажется, Мир его примет...

Хочешь увидеть заранее или пусть будет сюрприз?

— Ненавижу сюрпризы, — Мира помрачнела.

Она ещё могла вернуться на Эннеру. Наплевав на предупреждения матери, разнести в пух и прах Сферу над Бэаром, выплеснуть всю боль и отчаяние. Могла найти тех, кто виновен в случившемся в баре. Не выясняя причины, размазать в миг по стенам или заставить страдать, долго, мучительно лишая их жизни.

Она могла сделать многое, позволив ярости одержать победу над разумом. Тлай умели ненавидеть. Без сожаления и страха преследовать, причинять ответную боль. Но тлай умели и любить. Как и доа. И сейчас две половинки сошлись в едином мнении: рано или поздно гнев утихнет, уступая место сожалению и раскаянию. Только ни одна сила во всех Вселенных не сможет исправить сделанное, отмотать обратно. И уже ничто не вернет Адана.

Он погиб, спасая её. Не раздумывая, отдал свою жизнь, чтобы жила она, чтобы её ребёнок появился на свет.

Таль права, сейчас важнее всего на свете их малыш. Он- будущее. Надежда. Смысл всего. Ради него она обязана найти силы смириться и продолжить дальше. Адан хотел бы того же. В этом Мира не сомневалась ни секунды.

Уверенно обхватила протянутую горячую ладонь. Ласково улыбнулась Ллэру:

— Хочу видеть заранее, где будет наш дом.

Город за окном спал, и огни фонарей, вывесок и рекламных щитов ему совершенно не мешали.

Ровно два лунных месяца назад, поздно вечером пришел Ллэр. День в день. Он еще ничего не сказал, а Роми уже знала, что не захочет слышать. Выслушала. А потом- встала и ушла. Ни на кого не глядя. Он еще говорил о чем-то с Алэем, непривычно долго и много. Но о чем- ей в тот момент было все равно.

Позже Роми напилась. Сильно и в одиночестве, в плетеном кресле-качалке на веранде. Теперь организм реагировал на алкоголь иначе. Хотя она знала, что теоретически легко может выгнать опьянение, делать этого не собиралась. Как и ускорять, чтобы забыться. Наоборот. В тот вечер она долго и безуспешно пыталась думать, вспоминать, перебирать мгновения, как будто это могло помочь найти в случившемся хоть какой-то смысл. Будто в этом был способ принять то, что три дня назад Адана не стало. Пыталась вспомнить, чем занималась эти дни- и выходило: ничем! Наслаждалась морем и солнцем, и все. Глупо и бестолково, как будто ничего в ее жизни не изменилось, будто никуда не делось бессмертие и впереди все та же Вечность. А его- больше нет.

Это не укладывалось в голове. Не получалось представить, как такое, вообще, возможно, и почему она ничего не почувствовала в тот самый миг, когда Адана не стало. Казалось, должна была, пусть и не существовало между ними той настоящей связи, как у него с Мирой. Несмотря ни на что.

Она чувствовала себя в каком-то эмоциональном коконе, вакууме, который разрастался и словно физически пытался раздавить. Кружилась голова, но не от выпитого. Роми задыхалась, но не могла разозлиться, расплакаться, не могла поверить. И поэтому пила.

Там же она и заснула, точнее, вырубилась, чтобы прийти в себя от рассветного холода и с дикой головной болью, которую было, как ни странно, приятно ощущать. Это означало, что она все-таки способна чувствовать, а значит, поймет, как справиться с другой болью и со страхом.

Утром же попросила уехать. Куда угодно. Только чтобы никаких замков. Чтобы небоскребы- не выше ста этажей, и разбитый асфальт дорог под колесами шумных машин, которые будут слышны даже с крыши самого высокого здания, и дождливое небо над головой. Чтобы никакого лета. И если море- то тоже, ледяное, в котором даже в жару не захочется купаться, потому что оно такое же серое, как небо и сам город.

И они нашли такое место.

Луна- маленькая точка, едва различимая даже в полнолуние, давала минимум необходимой энергии, достаточный, чтобы не возникал энергетический голод. Город, прекрасный своеобразной мрачной красотой, помогал успокоиться.

Ей нужно было время. Но не за тем, чтоб подумать, а наоборот: не думать вообще.

Они сняли огромную квартиру под крышей пятидесятиэтажного дома. Обживаться не спешили, оба знали, что здесь ненадолго. Днем Роми искала одиночества в толпе. До темноты бродила по городу, глазела по сторонам, заходила в магазины, покупала никому ненужные, странные вещи и одежду. Она играла с самой собой в какую-то непонятную игру и ждала, когда начнут возвращаться настоящие чувства.

Алэй же днем пропал на Эннере. Он, неожиданно для себя самого, и тем более для

Роми, нашел себя в помощи тем, кто решил остаться, строить новый дом на далеком от Бэара, пустующем архипелаге. Она помнила, как сказала ему давным-давно, в прошлой жизни: «Ты тоже не лидер». «Уверена?»- услышала в ответ. Нет, теперь она не была уверена в своих словах.

Несмотря на то, что подходящих лун в мирах оказалось много, доа не захотели уходить. Роми знала, что рано или поздно, они тоже присоединятся к остальным, вернуться. Ее место там, откуда все началось. Но сейчас она не думала о будущем, потому что тогда приходили мысли о хрупкости жизни, и начинало казаться, что будущего- нет.

Вечером они вдвоем выбирались на крышу, расстилали несколько покрывал на холодном камне. Подолгу сидели в окружении огней соседних, более высоких домов, говорили ни о чем и обо всем сразу. Пили местное терпкое, сухое синее вино, от которого не пьянели.

А потом в один из дней Роми проснулась с желанием устроить скандал, который непременно перерос бы в безобразную истерику. Ярким, непреодолимым, неконтролируемым, настойчивым желанием. И устроила бы, если бы не оказалось, что Алэй уже ушел.

Тогда она выместила зло на посуде.

Алэй застал ее на полу, в окружении осколков. Роми не знала, сколько так просидела, вероятно, не меньше нескольких часов. Из порезанного пальца текла фиолетовая кровь, капала на блестящий, светло-серый кафель.

— Черт... — он схватил переносную аптечку, из ванны- полотенце, бросил его на пол, сел. Взял ее за руку. — Что ты...

Роми подняла на него глаза. Молча смотрела, пока Алэй возился с раной, а потом вдруг тихо сказала:

— Он сказал, что надеется, что мы больше не увидимся. Что нас ничего не связывает... — отрывисто вдохнула. — Он...

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Я сволочь и дрянь... и... — мотнула головой. — Я обещала не забывать... Я не верила... — и, вдруг или наконец, всхлипнула, продолжая бормотать:- Понимаешь?.. Я не понимаю... Я не верила... я думала же... когда-нибудь... мы все... он был...

Роми сорвалась. Разрыдалась, судорожно хватая ртом воздух. Она не знала, как объяснить, кем был для нее Адан. Не знала, потому что у самой не было ответа на этот вопрос. Она не хотела объяснять. Глупо, наивно верила, что тогда все не закончилось, пусть пройдут годы, прежде, чем они увидятся вновь, но это обязательно произойдет. Он просто был и- всегда будет. Вот так.

А потом снова вспоминала, словно заново переживая все случившееся со дня их первой встречи.

Город спал.

Мрачная, промозглая осень уступала место зиме, днем тучи все чаще рассеивались. Ночью- на землю опускались заморозки, падал белый, пушистый снег. Совсем не такой, как на Эннере, но очень похожий на тот, что когда-то укутывал Нэшгу. И по утрам город ослепительно сверкал под холодным солнцем.

Вчера они первый раз не открывали на ночь окна и тогда же решили: пора возвращаться. Не потому что здесь становилось холодно, а просто пришло время.

Весь день Роми, как всегда, гуляла по городу, но теперь смотрела на него другими глазами, открывала заново, понимала, что успела полюбить и, хоть пора прощаться, покидает его не навсегда. А сегодня, уже лежа в кровати, наконец, спросила Алэя, что еще рассказал тогда Ллэр. А услышав ответ, долго не могла заснуть.

Странно, но она даже не думала о такой возможности. Давным-давно, когда все только начиналось, и Эннера была совсем другой, когда мать в первый раз сообщила, что ждет Роми, она поняла и приняла простой факт- обычной семьи у нее не будет. Легко и без сожалений- ведь то, что открывалось, во стократ грандиознее. Потом она просто забыла. И за все тридцать тысяч лет материнский инстинкт даже не проклёвывался. Может быть, атрофировался, вместе с изменениями тела и сознания. Она и сейчас не вспомнила бы, если бы Мира и Ллэр не доказали обратное.

Это еще ничего не означало, ведь Мира была не совсем доа, а тела тех, кто потом назвал себя Надстаршими, в свое время претерпели столько метаморфоз, что их тоже с трудом можно причислить к доа, но все равно заставляло задуматься.

Будущее менялось снова.

— Я уверена, в том, что происходит на Нэште и в Сфере над Бэаром, есть много общего. Один механизм, если хочешь. Не удивлюсь, если созданный искусственно. Только вот Ллэр осторожничает, — Таль упрямо тряхнула головой, — но я все равно узнаю. Докопаюсь до сути. Должна же я знать, где будут жить мои внуки, пусть он и утверждает, что мной руководит природное упрямство, а вовсе не беспокойство об их детях, — она улыбнулась. Наклонилась, отпуская, наконец, ребенка, которым, казалось, с самого начала разговора прикрывалась, словно щитом.

Маленькая девочка, лет пяти, не больше, со смешными, торчащими в разные стороны рыжими косичками, неуверенно переступила с ноги на ногу, а затем, перехватив разрешающий взгляд Таль, торопливо выбежала за дверь.

Таль выпрямилась, обвела глазами лабораторию, потом задумчиво посмотрела на Роми.

Она нашла Таль сразу, хотя Алэй предупреждал, что это может быть непросто. Мать Миры не находилось по долгу в одном месте, постоянно перемещалась между Мирами, занимаясь десятком исследований одновременно. Теперь уже не только в Миере и Бэаре, но и на Нэште. А может быть и в других местах.

Таль сильно изменилась. Внешне и внутренне, и теперь мало чем напоминала ту высокомерную, самоуверенную, яркую девицу, с которой Роми познакомилась на пляже. Собранные в хвост волосы, минимум косметики, спокойный, открытый взгляд синих глаз, в глубине которого нет-нет, а проскальзывала печаль. Темно голубой брючный костюм и удобные туфли-лодочки без каблука только подчеркивали простоту во всем облике.

— Знаешь, я долгое время считала тебя виноватой, — нарушила затянувшуюся паузу Таль. — Не потому что, правда, так думала. Просто так было проще. Стоит найти виноватого, на кого можно свалить все, и кажется, что становится легче. Что вот оно решение. Но это только видимость. Проходит время, и понимаешь, как ошибалась. А когда злость уходит... — она замолчала. Усмехнулась, тряхнув головой. — Я была готова тебя убить, когда поняла, что вы с ним... И убила бы, если бы не Мира, — вздохнула, по-прежнему не отводя взгляда. — Может, и не стоило тебе этого рассказывать, но зачем бы ты ни пришла сейчас, мне кажется, тебе это нужно знать до того, как ты что-то спросишь.

Роми качнула головой. Хотела сказать, что и за этим тоже пришла. За тем, что сама чувствовала себя виноватой, хотя, может быть, без оснований. Она ничего не знала о тех

дней, что отделяли ее последнюю встречу с Аданом от его смерти. Не знала и не уверена, что хотела бы знать. Но возможно- должна.

— Что произошло?

— То, что и должно было. Рано или поздно, раз он не послушался и остался в Бэаре, — вздохнула Таль. — Мегополис не терпит тех, кто отличается от большинства. Так отличается, — она сделала акцент на первом слове. — Тем более, в его случае, когда адвокат вдруг становится почти всемогущим. За ним следили, выжидали удобного случая. И дождались... Мире пришло в голову встретиться с ним в Нольде. Это бар, откуда Адан попал в Плешь. Не самое безопасное место Бэара. А потом... — Таль пожала плечами, отвела взгляд. Слишком торопливо, чтобы поверить в наигранное равнодушие в ее тоне. — Расстреляли в упор.

Роми судорожно сглотнула, сжала руки в кулаки, с силой, вбиваясь ногтями в ладони. Эннера, которую она помнила, была совсем другой. А о Бэаре ничего не успела узнать. Не удосужилась. И даже на миг не заподозрила, что мир, который когда-то создал бессмертных, может так ненавидеть своих же собратьев. Ей казалось, бывшие доа должны быть иными. Генетически другими, просто потому что у них одни корни! Наивная дура. Если бы понимала опасность, тогда... Что? За шкурки бы вытащила Адана прочь? Смешно. У нее не было права вмешиваться в его жизнь.

— Ты нашла... кто?

— Нашла, — Таль подняла на Роми глаза. Тихо, но четко проговорила:- Их уже нет.

Роми медленно кивнула. Но таких, как они, наверняка еще немало.

— Этот Мир совсем не такой, каким я его когда-то знала. Эннера никогда не была опасной. Самоуверенной, упрямой, безответственной- да, но не опасной.

— Эннера и осталась такой. А Бэар... — Таль грустно улыбнулась. — У людей, так или иначе запертых в клетке, свои законы. Отсутствие выбора и свободы всегда порождает жесткость. И зависть. Именно поэтому ни в коем случае нельзя убирать Сферу. Ни сейчас, ни потом. Она- наша единственная защита от них.

Роми оглянулась на море, что виднелось из окна лаборатории. Будто могла увидеть отсюда далекий Бэар и Сферу. Конечно же, ничего не увидела, только блеск солнца на темной воде.

— Это... печально, что нам нужна такая защита. Мы один народ, и мы тоже просидели в клетке. Злились на Содружество и на самих себя, но не вынашивали планы мести. Не представляли, как вырываемся на свободу и... — замолчала, покачав головой. — Мы не были жестокими и не стали ими, когда Самар превратил нас в атради, — вновь посмотрела на Таль. — Разве что, еще более заносчивыми и высокомерными. Возможно, от этого до жестокости- лишь один шаг, — ей не хотелось думать о том, какую угрозу представляют те, кто мог бы жить с ними бок о бок, но не думать не получалось. Может быть, бывшие атради и не были столь же жестоки, но у них у всех наверняка обнаружатся проблемы со способностью прощать. Она знала, потому что сама это чувствовала. Потому что едва не сказала чуть раньше Таль- жаль. Жаль, что ТЕХ, кто в ответе за смерть Адана, больше нет потому что тогда бы она... Усмехнулась, невесело, зло. — Я думала о себе лучше, чем я есть.

— Мы все ошибались, — вздохнула Таль. — Я, например, наивно полагала, что стоит разгадать секрет Плещи, позволить энергии луны проникнуть в кровь бэарцев, и все-проблема Эннеры решена. И только потом, когда Адан не сумел справиться со своей природой, осознала, что натворила. И что доа... тех доа уже давно нет. А их потомки... —

она снова вздохнула.

— А мы- лишь кусочек прошлого, который, возможно, стоит переименовать, чтобы будущее... — Роми, наконец, разжала руки, посмотрела на ладони, на порез, от которого практически не осталось следа. — Не зависело от прошлого.

— Будущее теперь настолько неопределенно... — Таль улыбнулась. — Но в одном я уверена- дети тех, кого вы когда-то превратили в атради, будут нести в себе гены предков, множества рас из разных миров. И всех их теперь объединяет энергия и способности доа. Они уникальны.

Вот они и подошли к тому вопросу, который подтолкнул ее прийти сюда сегодня. Который она все не решалась задать. Пока не знаешь- не так тяжело. Пусть не задумывалась, пусть не ждала, не собиралась, не видела себя в такой роли... Не спешила спросить Алэя, что он думает обо всем этом.

Не знать- проще, но она не привыкла прятать голову в песок.

— А мы?... Те, кто родился здесь тридцать тысяч лет назад?

— Вы... Вряд ли... Хотя не знаю. Теперь возможно все. Почему ты... — она осеклась. Прищурилась. Спросила прямо:- Ты хочешь ребенка?

— Я не знаю, — честно ответила Роми. — Может быть, когда-нибудь. Этого никогда не было на повестке дня, не думала, что вообще... — развела руками. — Но... может быть.

Таль несколько секунд молчала, задумчиво глядя на нее. Потом снова заговорила:

— Время покажет, но вряд ли те, кто когда-то стал доани, а впоследствии прошел преобразование в атради, способны к деторождению. Самар, меняя вас, ставил конкретные цели, возрождал и создавал определенные способности. Может, он и хотел... пытался вернуть вам возможность продолжать род естественным путем, но у него ничего не получилось. Может, это никогда не входило в его планы. Теперь же ваш организм всего лишь заново научился пользоваться энергией Лун, утратив вечность и неуязвимость, но изменение не коснулось остальных функций. И, честно говоря, я не собиралась это менять в вас глобально, но раз... — Таль чуть склонила голову набок. — Когда решишь, приходи. Думаю, с помощью Мириной крови я вполне смогу... По крайней мере, попытаюсь. Но ничего не обещаю.

Роми едва заметно кивнула. И в этот момент поняла, что ей страшно и что она- придет. Так или иначе. Вряд ли скоро, потому что пройдет немало времени, прежде чем она уживется с этой мыслью, по-настоящему посмотрит на все иначе, испугается иначе, проглотит надежду и примет возможность провала. И тогда- придет. Обязательно.

— Спасибо, — чуть слышно проговорила она.

Таль молча подошла к окну, остановилась спиной к Роми. Какое-то время они так и стояли, не двигаясь. В полной тишине.

— У меня здесь есть не только кровь Адана. Думаешь, будет правильно, если я воспользуюсь этим только для себя? Когда-нибудь...

Больше книг на сайте - Knigolub.net